3 1761 08106631 8

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

5902

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 8-я.

АВГУСТЪ, 1884.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Сост. А. Шарлеманъ

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 2 лин., 7.

КНИГА 8-я. — АВГУСТЪ, 1884.

Стр.

I.—ПСИХИЧЕСКІЯ ЯВЛЕНІЯ И ТѢЛЕСНЫЕ ПРОЦЕССЫ въ организмѣ животныхъ и человѣка.—Окончаніе.—**П. Р. Тарханова** 449

II.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—**Д. Мережковскаго** 506

III.—ФЕЛЬДМАРШАЛЪ МИНИХЪ и его значеніе въ русской исторіи.—I.—**П. И. Костомарова** 510

IV.—ЖЕНЩИНА И ЕЯ ИМУЩЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ. — Историческій очеркъ.—I.—**М. И. Кулишера** 565

V.—БЕЛИНДА.—Романъ, соч. Роды Броутонъ.—Періодъ III—IV. — Съ англійскаго. —Окончаніе.—**А. Э.** 586

VI.—БЕЛЛЕТРИСТЪ-НАРОДНИКЪ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.—Собраніе сочиненій А. П. Левитова. Со статьею о жизни его, Ф. Д. Нефедова.—**А. Н. Пыпина** 648

VII.—ИВЕТТА.—Разсказъ Гюи де-Мопассана.—Переводъ съ рукописи. 685

VIII.—ДОМАШНІЙ СУДЪ.—Изъ хроники южно-русскаго села.—**И. Потапенко.** 751

IX.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Новыя законодательныя мѣры.—Законъ о присяжныхъ засѣдателяхъ.—Упраздненіе коммиссіи прошеній.—Разъясненія сената относительно земскахъ ходатайствъ и выборовъ.—Измѣненіе наказанія за растрату.—Судьбы проекта о промысловомъ подоходномъ налогѣ.—Еще о „совмѣстительствѣ".—Графъ Э. И. Тотлебенъ †. 774

X.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Пересмотръ конституціи во Франціи.—Французскій сенатъ и его значеніе. — Разладъ въ средѣ монархическихъ партій.—Демонстрація противъ нѣмцевъ въ Парижѣ.—Англійская палата лордовъ и билль о реформѣ.—Народныя собранія въ Гайдъ-паркѣ и въ другихъ мѣстахъ.—Рѣчи лорда Салисбёри, Чамберлэна и Фаусетта.—Вопросъ объ избирательныхъ правахъ женщинъ 791

XI.—НАКАНУНѢ ПРЕЗИДЕНТСКИХЪ ВЫБОРОВЪ.—Корреспонденція изъ Нью-Іорка.—**А. К.** 804

XII.—ПО ПОВОДУ НЕДОРАЗУМѢНІЙ ГАЗЕТЫ „НОВОСТИ".—**Л. Слонимскаго** . 817

XIII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Афанасьевъ, Главные моменты министерской дѣятельности Тюрго.—Ходскій, Краткій курсъ политической экономіи въ связи съ финансами.—С. Цвѣтъ, Прогрессъ и бѣдность по Генри Джорджу.—Ивановскій, Женевская конвенція 1864 года.—Никольскій, О выдачѣ преступниковъ по началамъ международнаго права.—Л. С.—Алексѣй Поповъ, Вліяніе церковнаго ученія на міросозерцаніе русскаго народа.—Н. Поповъ, Исторія импер. моск. общества и древностей россійскихъ. Часть I.—Петровъ, Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія.—**А. П.** 821

XIV.—СТРАННЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ.—Иллюстрированный спутникъ по Волгѣ, С. Монастырскаго.—**А. В—на.** 843

XV.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Наканунѣ новыхъ городскихъ выборовъ въ Москвѣ и Петербургѣ.—Начало восьмого года петербургскихъ городскихъ начальныхъ училищъ.—Вопросъ о высшемъ городскомъ образованіи, и неправильность его постановки въ петербургской думѣ.—Общій взглядъ на положеніе городскихъ финансовъ Петербурга, и обусловливающія его обстоятельства. —Вопросъ о распространеніи избирательнаго права, съ финансовой точки зрѣнія.—Больничный вопросъ въ Петербургѣ.—Засѣданіе санитарной коммиссіи, по поводу опасеній холеры.—Взгляды „Московскихъ Вѣдомостей" на государственный экзаменъ, и еще о факультетахъ. 851

XVI.—ОТЪ РЕДАКЦІИ 870

XVII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Кавказъ. Географическій очеркъ. Сергѣй Мечь.—Князь В. Ѳ. Одоевскій. Н. Ѳ. Сумцова.—О народномъ хозяйствѣ. Г. Д. —Письма русскаго путешественника. Н. М. Карамзина. — Иліада Гомера. П. И. Гнѣдича. . . . . .

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XVI стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы" въ 1884 г., см. ниже, на оберткѣ

449

AP
50
V5
g.19
кл.8

MAR 5 1968

ПСИХИЧЕСКІЯ ЯВЛЕНІЯ

И

ТѢЛЕСНЫЕ ПРОЦЕССЫ

ВЪ ОРГАНИЗМѢ ЖИВОТНЫХЪ И ЧЕЛОВѢКА *).

Окончаніе.

Намъ остается еще упомянуть объ одномъ косвенномъ способѣ вліянія воли на функцію органовъ кровообращенія, т.-е. о вліяніи *вниманія* на сердце и сосуды. Всѣмъ, конечно, извѣстно, что человѣкъ способенъ по желанію сосредоточивать свое сознаніе на какомъ-нибудь одномъ впечатлѣніи, чувствѣ или мысли изъ цѣлаго ряда ихъ, входящихъ въ извѣстный моментъ въ поле зрѣнія сознанія. При такомъ сосредоточиваніи нашего сознанія, составляющемъ суть того, что̀ мы называемъ вниманіемъ, воспріимчивость нашихъ чувствъ рѣзко усиливается, и Фехнеръ не даромъ говоритъ, что всякое сосредоточиваніе вниманія на какомъ-нибудь чувствѣ или ощущеніи почти равнозначуще пробужденію ихъ, и наоборотъ, отвлеченіе вниманія — засыпанію ихъ. Съ этимъ воззрѣніемъ на сущность вниманія согласуются вполнѣ взгляды Гельмгольца и Дарвина и благодаря именно этой способности нашей, мы въ состояніи улавливать такіе детали въ мірѣ окружающихъ насъ явленій и предметовъ, которые бы безъ нея несомнѣнно ускользали отъ

*) См. выше: іюль, 187 стр.

насъ. При обыкновенныхъ условіяхъ здороваго состоянія организма мы не сознаемъ обыкновенно никакихъ ощущеній, которыя бы давали намъ знать о дѣятельности разнообразныхъ органовъ нашего тѣла: такъ функціи сердца, сосудовъ, кишечнаго канала, разнообразныхъ железъ и нерѣдко даже мышцъ скелета (при безсознательной ходьбѣ и т. п.), не сопровождаются развитіемъ въ нашемъ сознаніи какихъ-либо опредѣленныхъ ощущеній или представленій. А между тѣмъ, стоитъ только по желанію сосредоточить вниманіе на томъ или другомъ органѣ чувства или на какомъ-либо другомъ органѣ тѣла, какъ черезъ нѣкоторое время въ насъ возникаютъ разнообразныя ощущенія, которыя мы локализируемъ именно въ органъ, на который направлено наше вниманіе. Такъ, если сосредоточить вниманіе на кончикахъ пальцевъ, то черезъ нѣкоторое время мы начинаемъ ощущать въ нихъ какое-то слабое чувство щекотанія или бѣганія мурашекъ; сосредоточивая вниманіе на слухѣ, мы даже при полной тишинѣ, начинаемъ слышать шумъ въ ушахъ; останавливая вниманіе на зрительномъ органѣ, мы начинаемъ вскорѣ замѣчать, даже при полной темнотѣ, неопредѣленный слабый свѣтъ въ глазахъ и т. д. Изъ этихъ примѣровъ уже видно, что фиксированіе нашего сознанія на различныхъ частяхъ нашего тѣла является крайне важнымъ психологическимъ моментомъ, дѣйствіе котораго можно было бы объяснить или тѣмъ, что при этомъ изъ коркового вещества полушарій посылаются къ органамъ, фиксируемымъ нашимъ вниманіемъ, неопредѣленнаго рода импульсы, приводящіе ихъ въ своеобразное дѣятельное состояніе, обратно доносящееся до нашего сознанія или тѣмъ, что при этомъ повышается возбудимость нервныхъ участковъ мозговой корки, завѣдующихъ воспріятіемъ центростремительныхъ возбужденій, несущихся къ нимъ изъ сферы этихъ органовъ, или же наконецъ совокупностью обоихъ указанныхъ условій. Трудно точно опредѣлить въ настоящее время физіологическую основу или самый механизмъ вниманія, но изъ трехъ приведенныхъ здѣсь предположеній послѣднее намъ представляется наиболѣе вѣроятнымъ.

Сердце и сосуды являются органами, могущими измѣнять свою дѣятельность при произвольномъ фиксированіи на нихъ вниманія. Это вліяніе вниманія на сердцебіеніе уже настолько извѣстно, что операцію сосчитыванія пульса врачи находятъ нужнымъ производить незамѣтно для изслѣдуемаго субъекта. Мы можемъ привести здѣсь два примѣра рѣзкаго вліянія вниманія на сердечную дѣятельность. Извѣстный профессоръ Франкъ, читая лекціи о болѣзняхъ сердца, началъ обращать свое вниманіе на

біенія собственнаго сердца, послѣ чего у него появился крайне неправильный перемежающійся пульсъ. Благодаря продолжительному путешествію, предпринятому имъ съ цѣлью отвлеченія вниманія отъ сердца, онъ избавился отъ пріобрѣтеннаго имъ болѣзненнаго припадка. Одинъ болонскій профессоръ страдалъ крайне мучительнымъ и неправильнымъ, перемежающимся пульсомъ, отъ котораго онъ избавился, по совѣту Мажанди, тѣмъ, что пересталъ навсегда считать удары своего сердца, и такихъ примѣровъ можно было бы привести не мало изъ сферы обыденной жизни.

Что касается вліянія вниманія на сосуды, то всѣмъ, конечно, извѣстно, что оно способно весьма легко вызывать расширеніе кожныхъ сосудовъ, въ особенности лица; стоитъ намекнуть только человѣку, что онъ покраснѣлъ, и съ большой вѣроятностью указанное лицо въ дѣйствительности покраснѣетъ болѣе или менѣе сильно. Теорія Дарвина о способности нашей краснѣть основывается именно на томъ, что вниманіе, сосредоточенное на опредѣленной части тѣла, мѣняетъ калибръ соотвѣтствующаго сосудистаго участка и обыкновенно вызываетъ расширеніе сосудовъ. Этимъ, вѣроятно, объясняется тотъ общеизвѣстный фактъ, что носовыя кровотеченія усиливаются, когда на нихъ сосредоточиваютъ вниманіе.

Такимъ образомъ фактъ вліянія вниманія на дѣятельность органовъ кровообращенія является несомнѣннымъ; къ сожалѣнію мы не въ состояніи сказать большаго объ этомъ, въ высокой степени интересномъ вопросѣ, такъ какъ онъ по сіе время не подвергся точной экспериментальной разработкѣ при помощи усовершенствованныхъ и уже извѣстныхъ способовъ изслѣдованія.

Мы занимались до сихъ поръ изслѣдованіемъ того, какъ отражаются на дѣятельности сердца и периферическихъ сосудовъ нашего тѣла разнообразныя формы психической дѣятельности. Намъ слѣдуетъ теперь обратиться для полноты картины къ опредѣленію тѣхъ измѣненій, которыя наступаютъ въ *мозговомъ кровообращеніи*, при указанныхъ условіяхъ; выясненіе этого пункта дастъ намъ возможность оцѣнить цѣлесообразность уже изученныхъ нами измѣненій въ сосудистой сферѣ, при пробужденіи мозговой дѣятельности.

Для того, чтобы слѣдить за колебаніями кровообращенія въ головномъ мозгу, существуетъ нѣсколько пріемовъ. Самымъ простымъ изъ нихъ является тотъ, при которомъ изъ костей черепной крышки осторожно удаляется (трепанированіемъ) кусокъ кости и обнажается извѣстный участокъ мозговыхъ полушарій.

Образованное такимъ образомъ окошечко плотно прикрывается кускомъ стекла или прозрачной пластинкой слюды, края которыхъ фиксируются любой замазкой на костяхъ черепа. Сквозь подобное прозрачное окошечко легко бываетъ слѣдить за сосудистыми развѣтвленіями твердой мозговой оболочки, или самихъ мозговыхъ извилинъ (по удаленіи твердой мозговой оболочки). Въ такой формѣ производили свои наблюденія Визіали, Дургэмъ и др.

Другой косвенный способъ наблюденія мозгового кровообращенія сводится къ опредѣленію колебаній температуры поверхности мозговыхъ полушарій, при посредствѣ термоэлектрическихъ аппаратовъ. Приливъ крови къ головному мозгу и, стало быть, расширеніе его сосудовъ вызоветъ согрѣваніе мозга, тогда какъ съуженіе сосудовъ и анемія мозга выразятся, наоборотъ, пониженіемъ его температуры. Если вспомнить всю тонкость термоэлектрическихъ способовъ изслѣдованія, дающихъ возможность улавливать колебанія температуры даже въ $^{1}/_{1000}{}^{0}$ Ц., то понятно, что термическія наблюденія надъ головнымъ мозгомъ, при различныхъ состояніяхъ его, могутъ служить весьма точнымъ и цѣннымъ указателемъ колебаній въ немъ кровообращенія. Такимъ пріемомъ пользовался Шиффъ въ своихъ опытахъ надъ головнымъ мозгомъ животныхъ. Противъ подобнаго способа можно было бы, конечно, возразить, что самъ мозгъ при дѣятельномъ состояніи своемъ можетъ, напр., подобно мышцамъ, развивать извѣстное количество тепла и въ такомъ случаѣ наблюдаемое согрѣваніе его является выраженіемъ не одного только прилива къ нему крови, но и прибыли тепла вслѣдствіе его работы. Къ счастью, согрѣваніе, вслѣдствіе послѣдняго условія, если и происходитъ, то бываетъ настолько незначительно, сравнительно съ колебаніями температуры мозга, обусловленными приливомъ или отливомъ крови, что мало-мальски значительныя термоэлектрическія показанія могутъ быть смѣло отнесены къ колебаніямъ мозгового кровообращенія.

Брока съ той же цѣлью пользовался вѣнкомъ изъ нѣсколькихъ термометровъ, ртутный резервуаръ которыхъ плотно прижимался къ обнаженной отъ волосъ кожѣ черепа человѣка. Даже этимъ, сравнительно грубымъ, способомъ удалось ему уловить колебанія температуры черепа при переходѣ мозга изъ покоя въ дѣятельность.

Существуетъ, наконецъ, еще способъ изслѣдованія мозгового кровообращенія, основанный на измѣненіяхъ его объема, зависящихъ отъ большаго или меньшаго прилива и отлива отъ него

крови. Мозгъ, подобно всѣмъ другимъ органамъ нашего тѣла, претерпѣваетъ періодическія колебанія въ своемъ объемѣ, изъ которыхъ одни, болѣе мелкія, соотвѣтствуютъ пульсовымъ колебаніямъ, въ общемъ сходнымъ съ пульсовыми волнами артерій, а другія—болѣе крупнымъ дыхательнымъ колебаніямъ, подобнымъ колебаніямъ бокового давленія крови, зависящимъ отъ дыхательныхъ движеній.

Пульсовыя колебанія объема мозга сами собою понятны: каждое сокращеніе сердца періодически вгоняетъ въ артеріи мозга опредѣленную массу крови, растягивающую эти сосуды и тѣмъ самымъ увеличивающую на опредѣленную величину его объемъ; при діастолѣ, т.-е. разслабленіи сердца, артеріи спадаются и обусловливаютъ соотвѣтствующее паденіе объема мозга. Дыхательныя же колебанія объема мозга обусловливаются тѣмъ, что при началѣ каждаго сильнаго вдыханія токъ венозной крови изъ мозга къ сердцу усиливается (благодаря увеличенному присасывающему дѣйствію грудной клѣтки); органъ этотъ вслѣдствіе этого успленно освобождается отъ крови и объемъ его неминуемо падаетъ и, наоборотъ, при началѣ акта выдыханія притокъ венозной крови изъ мозга къ сердцу затрудняется (вслѣдствіе уменьшеннаго присасывающаго дѣйствія грудной клѣтки на венозную кровь); кровь въ мозгу вслѣдствіе этого сравнительно застаивается и ведетъ къ увеличенію объема этого органа. Поэтому колебанія объема мозга должны выразиться двоякой системой волнъ: крупными, но болѣе рѣдкими дыхательными волнами колебанія объема мозга и сидящими на нихъ болѣе частыми пульсовыми волнами. Опытъ въ самомъ дѣлѣ подтверждаетъ только что сказанное. Если у собаки обнажить посредствомъ трепана опредѣленный участокъ мозга, плотно вставить въ сдѣланное въ черепной крышкѣ отверстіе стеклянную трубку, наполнить ее до половины водой, а другой конецъ ея соединить при посредствѣ гуттаперчевой трубки съ полиграфомъ Марея, то рычагъ послѣдняго описываетъ волнообразную линію, на которой отчетливо различаются большія дыхательныя волны колебанія объема мозга съ сидящими на нихъ меньшими и болѣе частными пульсовыми волнами.

Изъ самой формы опыта уже слѣдуетъ, что волны, записываемыя рычагомъ полиграфа, служатъ выраженіемъ колебаній объема мозга. Для большей убѣдительности въ этомъ, разберемъ, что́ приводитъ въ нашемъ случаѣ въ движеніе рычагъ полиграфа. Онъ можетъ двигаться вверхъ и внизъ только подъ вліяніемъ періодическаго повышенія и пониженія жидкости въ стек-

лянной трубкѣ (вставленной въ отверстіе черепной крышки), сгущающей и разрѣжающей воздухъ въ полиграфѣ; движенія же жидкости могутъ обусловливаться только увеличеніемъ и уменьшеніемъ объема мозга, то поднимающаго, то опускающаго столбъ жидкости въ трубкѣ. Благодаря только-что описанному приспособленію является возможнымъ слѣдить за колебаніями мозгового кровообращенія при различныхъ условіяхъ и точно записывать ихъ. Всякій мало-мальски значительный приливъ или отливъ крови отъ мозга, помимо описанныхъ пульсовыхъ и дыхательныхъ колебаній, будетъ вызывать соотвѣтствующее увеличеніе или уменьшеніе объема мозга, которыя и будутъ отмѣчаться рычагомъ полиграфа. Такого рода приспособленіемъ пользовался Салатэ при своихъ опытахъ надъ мозговымъ кровообращеніемъ у собаки при различныхъ условіяхъ.

Легко убѣдиться такимъ же графическимъ путемъ, что и человѣческій мозгъ претерпѣваетъ аналогичныя колебанія въ своемъ объемѣ. Если установить перпендикулярно на незаросшій еще мягкій родничекъ ребенка маленькій цпенекъ, который прикрѣпленъ другимъ концомъ къ центру эластической перепонки одного полиграфа Марея и соединить полость послѣдняго при помощи гуттаперчевой трубки съ другимъ полиграфомъ, снабженнымъ пишущимъ рычагомъ, то легко видѣть, что послѣдній пишетъ волнообразную кривую, на которой замѣчаются дыхательныя и пульсовыя колебанія объема мозга. При каждомъ увеличеніи объема мозга послѣдній выпираетъ родничекъ и тѣмъ самымъ надавливаетъ на наложенный на него цпенекъ. Этотъ послѣдній своимъ приподнятіемъ надавливаетъ на воздухъ въ первомъ полиграфѣ и сгущеніемъ въ немъ воздуха вызываетъ движеніе пера второго полиграфа; при уменьшеніи объема мозга, родничекъ опускается и вызываетъ весьма понятнымъ образомъ обратное движеніе пишущаго рычага.

Въ такой же приблизительно формѣ были произведены опыты и на взрослыхъ людяхъ, у которыхъ кости черепа въ силу разныхъ патологическихъ условій были разрушены на какомъ-нибудь ограниченномъ участкѣ. Въ этихъ случаяхъ мозгъ бывалъ обыкновенно прикрытъ мягкой тканью, черезъ которую легко передавались записывающимъ аппаратомъ всѣ колебанія его объема. Для обнаруженія послѣднихъ, кромѣ указаннаго приспособленія, Моссо прибѣгъ къ еще болѣе простому графическому пріему. Листъ толстой гуттаперчи размѣромъ нѣсколько больше разрушенной части кости черепа и проткнутый насквозь въ центрѣ стеклянной трубочкой, плотно прикладывался къ костнымъ краямъ

раны и прикрывалъ цѣликомъ весь мягкій участокъ черепа. Свободный конецъ стеклянной трубки при помощи гуттаперчевой соединялся съ обыкновеннымъ полиграфомъ. Поднятія и опусканія мозга, вызывавшія соотвѣтствующія сгущенія и разрѣженія воздуха въ системѣ полиграфовъ, совершенно отчетливо записывались рычагомъ на закопченной бумагѣ равномѣрно вращавшагося цилиндра.

Всѣми этими способами легко убѣдиться, что и мозгъ взрослыхъ людей претерпѣваетъ такія же періодическія пульсовыя и дыхательныя колебанія своего объема, какія были замѣчены на собакахъ и на дѣтяхъ съ незаросшими еще родничками.

Въ правѣ ли мы на основаніи этихъ опытовъ утверждать, что мозгъ здоровыхъ людей, окруженный со всѣхъ сторонъ неподатливыми костями черепа, также подвергается этимъ періодическимъ колебаніямъ своего объема? Во всѣхъ приведенныхъ выше примѣрахъ мы имѣли или искусственныя отверстія въ черепѣ, или размягченныя части черепной крышки, которыя, благодаря податливости своей, уступали напору увеличивающагося въ своемъ объемѣ мозга. Какъ же можетъ увеличиваться объемъ мозга при условіи, когда онъ заключенъ въ твердыя неподатливыя со всѣхъ сторонъ кости черепа? Благодаря изслѣдованіямъ Салатэ, мы въ правѣ отвѣтить и на этотъ вопросъ утвердительно; головной мозгъ и у здоровыхъ совершенно людей несомнѣнно представляетъ пульсовыя и дыхательныя колебанія своего объема, благодаря слѣдующаго рода механизму. Полость черепа выполняется не однимъ только мозгомъ съ его сосудами, но и такъ называемою церебро-спинальной жидкостью, расположенной между мозгомъ и его оболочками и въ которой мозгъ какъ бы плаваетъ. Эта жидкость легко переливается въ позвоночный каналъ съ уступчивыми во многихъ мѣстахъ стѣнками и изъ послѣдняго опять можетъ поступать въ черепную полость. При всякомъ переполненіи кровью мозговыхъ сосудовъ, зависитъ ли оно отъ сокращенія сердца или отъ акта выдыханія, церебро-спинальная жидкость переходитъ изъ полости черепа въ позвоночный каналъ и уступаетъ мѣсто увеличивающейся массѣ мозга и, наоборотъ, при всякомъ уменьшеніи крови въ мозгу, этотъ послѣдній спадается и вытѣсненная передъ тѣмъ церебро-спинальная жидкость вновь возвращается на свое мѣсто. Механизмъ подобнаго періодическаго увеличенія и уменьшенія объема мозга при неповрежденномъ черепѣ вполнѣ выясненъ изслѣдованіями Салатэ на собакахъ; поэтому весьма вѣроятно, что и у здороваго человѣка мозгъ подвергается пульсовымъ и дыхатель-

нымъ колебаніямъ своего объема въ зависимости отъ періодическихъ колебаній содержанія въ немъ крови.

Сказаннаго достаточно, чтобы перейти теперь къ прямой задачѣ нашей, т.-е. къ опредѣленію того, какъ отражаются на мозговомъ кровообращеніи различныя формы психической дѣятельности. Систематической разработки этого вопроса въ настоящее время, къ сожалѣнію, не существуетъ; но тѣмъ не менѣе имѣется не малое число твердо установленныхъ фактовъ, освѣщающихъ вполнѣ удовлетворительно разбираемый нами вопросъ.

Уже болѣе 20 лѣтъ тому назадъ Дургэмъ, а за нимъ и Визіали замѣтили на животныхъ, что при возбужденіи ихъ, при вызовѣ въ нихъ сильныхъ впечатлѣній, поверхность ихъ мозговыхъ полушарій краснѣетъ, сосуды ихъ наливаются кровью и мозгъ ихъ поднимается до краевъ отверстія въ кости, и наоборотъ, при успокоеніи животнаго получались обратныя явленія. То же самое было замѣчено Дургэмомъ на обнаженномъ въ извѣстной части своей мозгѣ женщины и Блумрёдеромъ на одномъ больномъ, у котораго вслѣдъ за трепанаціей черепа легко было слѣдить за состояніемъ мозговыхъ извилинъ. При покоѣ субъекта мозгъ опускался и поверхность его блѣднѣла, при сильныхъ же желаніяхъ, гнѣвѣ и т. д. мозговые сосуды наливались кровью и мозгъ приподнимался.

Шиффъ, изучая у животныхъ колебанія температуры мозговыхъ полушарій термо-электрическимъ путемъ, нашелъ, что при вызовѣ въ нихъ тѣхъ или другихъ ощущеній путемъ раздраженія чувствующихъ нервовъ или органовъ чувствъ, полушарія мозга согрѣвались. Особенно поучительны опыты, въ которыхъ авторъ прибѣгъ къ раздраженію глазъ у птицъ различными цвѣтными лучами: онъ проводилъ передъ глазами этихъ животныхъ кусочки бумаги, окрашенные въ яркіе красные, желтые и т. п. цвѣта и замѣтилъ, что вызываемыя при этомъ цвѣтовыя ощущенія обусловливали согрѣваніе полушарій, которое въ большей части своей несомнѣнно зависѣло отъ усиленнаго прилива къ нимъ крови.

Брока́ обратилъ свое вниманіе на колебанія температуры черепа у здоровыхъ людей при покоѣ мозга и при его дѣятельномъ состояніи; окруживъ черепъ вѣнкомъ термометровъ, онъ нашелъ, во-первыхъ, что при покоѣ температура лѣвой половины черепа превышала обыкновенно на $^1/_{10}$ гр. Ц. температуру правой его половины; но что при чтеніи эта разница уравнивалась на счетъ согрѣванія правой половины, причемъ переднія лобныя части черепа оказывались теплѣе заднихъ за-

тылочныхъ болѣе чѣмъ на 1^0 Ц. Очевидно, что и у человѣка психическая работа мозга сопровождается усиленнымъ приливомъ къ нему крови.

Высокій интересъ для разбираемаго нами вопроса представляютъ недавнія точныя и болѣе систематическія изслѣдованія Моссо надъ колебаніями объема мозга у людей, при различныхъ формахъ психической дѣятельности. Объектами изслѣдованія служили люди, у которыхъ кости черепа были разрушены въ опредѣленномъ участкѣ извѣстными патологическими процессами; благодаря податливости тканей, прикрывавшихъ въ этомъ мѣстѣ мозгъ, колебанія объема послѣдняго могли легко быть записаны вышеописаннымъ графическимъ способомъ. Изъ многочисленныхъ опытовъ этого автора, видно, что мозгъ, со стороны колебаній своего объема, относится весьма чутко къ различнымъ формамъ психическаго возбужденія.

При покоѣ субъекта пульсовыя колебанія объема мозга бываютъ довольно равными и равномѣрными въ теченіе довольно большого промежутка времени. Если вызвать въ изслѣдуемомъ субъектѣ какимъ-нибудь оскорбительнымъ для него замѣчаніемъ извѣстное душевное волненіе, извѣстный аффектъ, напримѣръ, пристыдить его, то вслѣдъ за этимъ наблюдается рѣзкое повышеніе пульсовыхъ колебаній объема мозга съ нѣкоторымъ учащеніемъ ихъ, проходящее постепенно по мѣрѣ успокоенія человѣка. Автору неоднократно приходилось наблюдать, что субъектъ, сидящій съ виду покойно, вдругъ безъ видимыхъ внѣшнихъ поводовъ давалъ увеличеніе объема мозга; тщательный разспросъ больного обнаруживалъ постоянно, что ему во время опыта невольно приходила на умъ та или иная мысль, приводившая его въ сильное душевное волненіе; это-то послѣднее условіе, не сказывавшееся съ виду ничѣмъ, уже обусловливало рѣзкое увеличеніе объема мозга, вслѣдствіе усиленнаго притока къ нему крови. Очень интересенъ въ этомъ отношеніи опытъ, произведенный Моссо надъ одной женщиной. Наблюдая ее въ анатомическомъ институтѣ, онъ замѣтилъ, что правильныя до того пульсовыя колебанія объема ея мозга вдругъ внезапно и рѣзко увеличились безъ малѣйшаго повода съ его стороны и при полной тишинѣ вокругъ. Допросъ больной выяснилъ, что она сильно испугалась, увидѣвъ случайно на противустоявшей полкѣ черепъ, который напомнилъ ей о предстоявшей ей хирургической операціи.

Ощущенія, вызываемыя раздраженіемъ органовъ чувствъ, остаются также не безъ вліянія на пульсовыя колебанія объема

мозга; такъ при внезапномъ боѣ часовъ объемъ мозга также временно увеличивался.

Всякій вопросъ, обращенный къ субъекту, сидѣвшему подъ опытомъ, и требовавшій отъ него извѣстнаго размышленія, вызывалъ рѣзкое увеличеніе объема мозга. Такъ аффектъ этотъ достигался, когда къ нему обращались хотя бы съ вопросомъ о томъ, «сколько яицъ составитъ двѣнадцать дюжинъ»? Рѣшеніе въ умѣ различныхъ ариѳметическихъ задачъ, напр. помноженія 8 на 12, уже было достаточно, чтобы вызвать рѣзкое увеличеніе пульсовыхъ колебаній объема мозга; и что́ при этомъ замѣчательно, такъ это то, что между увеличеніемъ объема мозга и степенью сложности задаваемыхъ задачъ существуетъ извѣстная пропорціональность: чѣмъ труднѣе задача, тѣмъ большаго напряженія мысли она требуетъ, тѣмъ рѣзче и продолжительнѣе бываютъ при этомъ измѣненія объема мозга.

Эти въ высокой степени интересные опыты Моссо надъ мозговымъ кровообращеніемъ у человѣка подъ вліяніемъ различныхъ психическихъ состояній, благодаря случайно встрѣтившемуся мнѣ подходящему субъекту, были мною вмѣстѣ съ Истомановымъ провѣрены и пополнены.

Рѣчь идетъ о десятилѣтнемъ мальчикѣ, у котораго приблизительно по срединѣ лба на пространствѣ 4 или 5 квадратныхъ сантиметровъ недоставало костной ткани и мозгъ съ его оболочками былъ прикрытъ на этомъ мѣстѣ лишь кожнымъ рубцомъ и нормальной кожей. За годъ приблизительно передъ изслѣдованіемъ нашимъ, мальчикъ этотъ, послѣ случайнаго паденія съ высоты, ударился лбомъ о какой-то желѣзный предметъ и раздробилъ себѣ лобную кость, часть которой и была удалена хирургами. Кость въ этомъ мѣстѣ уже болѣе не возстановилась, но мальчикъ вполнѣ выздоровѣлъ и представлялся веселымъ, краснощекимъ и не утратившимъ, повидимому, своихъ умственныхъ способностей; онъ учится въ городской богадельнѣ. У него на мѣстѣ бывшей раны замѣчались даже на глазъ отчетливыя пульсаціи мозга, которыя легко было записать рычагомъ Мареевскаго полиграфа при помощи указанныхъ выше приспособленій. На немъ подтвердились вполнѣ заявленія Моссо на счетъ колебаній объема мозга подъ вліяніемъ различныхъ чувствъ, аффектовъ и мышленія и, кромѣ того, были произведены нѣкоторые новые, на сколько намъ извѣстно, ни кѣмъ еще непродѣланные опыты. Обонятельныя ощущенія (поднесеніе къ носу паровъ уксусной кислоты, амміака); вкусовыя (лимонная кислота), раздраженія кожи холодомъ, электричествомъ, щекотаніемъ, вне-

запное раздраженіе глазъ свѣтомъ, а уха звуками сигнальной трубы, звуками рояля и т. д. вызывали отчетливое увеличеніе объема мозга, тогда какъ болевыя ощущенія, вызванныя сильнымъ щипаніемъ кожи или приложеніемъ къ ней на мгновеніе пробирки съ горячей водой, обусловливали обратный эффектъ, т.-е. паденіе объема мозга. Аффекты эти представляются совершенно понятными, если вспомнить, что сосуды другихъ участковъ тѣла (конечностей) при возникновеніи указанныхъ обонятельныхъ, вкусовыхъ, кожныхъ, слуховыхъ и зрительныхъ ощущеній съуживаются, а при болевыхъ ощущеніяхъ расширяются (по преимуществу сосуды кожи); съуженному состоянію сосудовъ тѣла (кромѣ мозга) соотвѣтствуетъ переполненіе мозговыхъ сосудовъ кровью, выражающееся увеличеніемъ объема мозга и наоборотъ расширенному состоянію сосудовъ тѣла соотвѣтствуетъ спаденіе мозговыхъ сосудовъ, а чрезъ это анемія мозга. Кому неизвѣстно, что сильныя болевыя ощущенія, вызываемыя, хотя бы, напримѣръ, вырываніемъ зуба, могутъ быть иногда причиной обморока съ полной потерей сознанія; наступленію такого состоянія способствуетъ кромѣ замедленія, а иногда даже остановки сердцебіеній (вызываемыхъ сильными болевыми ощущеніями), еще и констатированное нами при этихъ условіяхъ обѣднѣніе мозга кровью, обусловленное спаденіемъ его сосудовъ.

Съ другой стороны нельзя не видѣть въ этомъ спаденіи мозговыхъ сосудовъ при болевыхъ ощущеніяхъ извѣстной цѣлесообразности; анемія головного мозга, понижая его дѣятельность, его возбудимость, должна притуплять человѣка къ дѣйствію сильныхъ и продолжительныхъ болевыхъ раздражителей и тѣмъ самымъ предохраняетъ его какъ отъ цѣлой суммы непріятнѣйшихъ ощущеній, такъ и отъ пагубнаго отраженнаго дѣйствія ихъ на организмъ вообще.

Мы видимъ такимъ образомъ, что различныя формы психической дѣятельности рѣзко отражаются на мозговомъ кровообращеніи. Какъ чувства и аффекты, такъ и ощущенія, и мышленіе при возникновеніи своемъ обусловливаютъ усиленный приливъ крови къ мозгу, увеличивающій его объемъ. Это явленіе представляется крайне цѣлесообразнымъ, если вспомнить, что всякій о́рганъ, а стало быть и мозгъ, въ дѣятельномъ состояніи нуждается въ большемъ притокѣ питательнаго матеріала, разносимаго кровью.

Мозгъ такимъ образомъ со стороны измѣненій въ немъ кровообращенія во время психической дѣятельности представляетъ явленія, совершенно обратныя тѣмъ, которыя были нами

изучены на сосудахъ конечностей. Въ первомъ возникновеніе аффектовъ, ощущеній и мышленія ведетъ къ расширенію сосудовъ, во-вторыхъ же, т.-е. въ конечностяхъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ къ съуженію ихъ. Невольно возникаетъ вопросъ о томъ, не является ли это съуженіе кровяного ложа въ остальныхъ органахъ тѣла, при разныхъ формахъ психической дѣятельности, непосредственной причиной усиленнаго прилива крови къ мозгу? Кровь, встрѣчая при этомъ большія препятствія для теченія своего по сосудамъ конечностей, должна въ избыткѣ направляться въ сосуды мозга, который столь нуждается въ ней во время своей дѣятельности. Съ этой точки зрѣнія съуженіе сосудовъ конечностей при различныхъ формахъ психической дѣятельности представляется явленіемъ въ высокой степени цѣлесообразнымъ.

Впрочемъ, возможно допустить, что, кромѣ указаннаго условія, усиленному наполненію мозга кровью во время его работы способствуетъ еще и активное расширеніе мозговыхъ сосудовъ, обусловленное возбужденіемъ ихъ сосудорасширяющихъ волоконъ импульсами, исходящими изъ сферы коркового вещества полушарій. Въ пользу этого предположенія говоритъ, повидимому, тотъ фактъ, что дѣятельное состояніе любого органа въ тѣлѣ сопровождается активнымъ расширеніемъ его сосудовъ и усиленнымъ приливомъ къ нимъ крови. Весьма, вѣроятно, что усиленный приливъ крови къ дѣятельному мозгу зависитъ отъ обоихъ указанныхъ нами условій.

Мы видимъ такимъ образомъ, что разнообразнѣйшія психическія отправленія мозга сопровождаются опредѣленными, несознаваемыми нами измѣненіями въ дѣятельности сердца и сосудовъ, крайне благопріятными для психическихъ функцій головного мозга. Такая неразрывная связь между психическими отправленіями мозга и функціями кровеносной системы выработалась, конечно, не сразу, а путемъ медленнаго усовершенствованія организаціи безконечнаго ряда поколѣній животныхъ формъ. Мозгъ, этотъ главный органъ животныхъ въ борьбѣ ихъ за существованіе, во время дѣятельности своей, нуждается болѣе чѣмъ какой-либо другой органъ тѣла въ усиленномъ притокѣ къ нему крови, и поэтому организмы, у которыхъ дѣятельность головного мозга, благодаря учащенію и усиленію сердцебіеній и сжатію периферическихъ сосудовъ тѣла, сопровождалась усиленнымъ притокомъ къ нему крови, должны были выходить побѣдителями въ борьбѣ съ ихъ конкуррентами, не обладавшими подобнаго рода приспособленіемъ. Механизмъ этотъ, вырабатывавшійся посте-

пенно, закрѣплялся путемъ наслѣдственной передачи въ ряду послѣдующихъ поколѣній, совершенствовался все дальше и дальше и достигъ уже той степени развитія, на которой мы его встрѣчаемъ въ настоящее время у высшихъ млекопитающихъ и человѣка, у которыхъ всякая мало-мальски значительная мозговая дѣятельность сопровождается въ высокой степени цѣлесообразными измѣненіями въ кровообращеніи.

Благодаря этой близкой связи между функціями мозга и кровеносной системой психическія отправленія мозга являются въ то же время и своего рода гимнастикой для органовъ кровообращенія, вызывая въ большинствѣ случаевъ усиленіе и учащеніе сердцебіеній и періодическія сжатія и расширенія сосудовъ; слѣдовательно психическія функціи мозга ускоряютъ въ общемъ кровообращеніе и тѣмъ самымъ благопріятствуютъ нормальному теченію всѣхъ физическихъ отправленій нашего организма. Нельзя поэтому не согласиться съ мнѣніемъ Итара и Сериза, по которымъ явленія питанія организма во многомъ зависятъ отъ степени развитія центральной нервной системы.

Какъ всякая гимнастика требуетъ, однако, осторожнаго примѣненія, такъ и психическая работа нашего мозга должна производиться съ опредѣленной осторожностью и въ опредѣленныхъ границахъ, перейдя которыя она уже можетъ сдѣлаться источникомъ серьезныхъ разстройствъ. Продолжительная, упорная, повторяющаяся изо дня въ день мозговая работа, сопровождаясь постояннымъ, безпрерывнымъ наплывомъ крови въ мозгъ, можетъ повести къ растяженію мозговыхъ сосудовъ, къ патологическимъ измѣненіямъ стѣнокъ ихъ и къ потерѣ ихъ упругости. На людяхъ, подвергавшихся частымъ припадкамъ гнѣва, мы можемъ убѣдиться въ томъ пагубномъ вліяніи, которое оказываютъ частые и сильные приливы крови къ мозгу на состояніе его сосудовъ: эти послѣдніе отличаются, какъ это показали посмертныя вскрытія, своей чрезмѣрной шириной. Если даже періодически повторяющіеся приливы крови въ мозговые сосуды отражаются подъ конецъ на анатомическомъ строеніи ихъ, то съ тѣмъ большимъ вѣроятіемъ можно ожидать еще болѣе глубокихъ измѣненій ихъ при продолжительномъ, чрезмѣрномъ мозговомъ трудѣ, сопровождающемся постояннымъ расширеннымъ состояніемъ сосудовъ. Указанныя измѣненія сосудистыхъ стѣнокъ должны повести къ замедленію мозгового кровообращенія, къ застоямъ крови въ мозгу, къ разстройствамъ обмѣна веществъ между кровью и мозговой тканью, т.-е. къ условіямъ, дѣйствующимъ весьма пагубно на психическія функціи мозга и могущимъ обусловить коренное разстройство всей духовной жизни человѣка.

Сказанное особенно относится къ дѣтскому возрасту, отличающемуся, между прочимъ, особенной растяжимостью и податливостью стѣнокъ кровеносныхъ сосудовъ.

Покончивъ съ вліяніемъ различныхъ психическихъ явленій на кровообращеніе, я перехожу къ выясненію того, на сколько они отражаются на органахъ дыханія. При классификаціи различныхъ системъ органовъ нашего тѣла, мы уже указали на то, что активными органами дыхательныхъ движеній являются вдыхательныя и выдыхательныя мышцы, періодически то расширяющія, то съуживающія грудную клѣтку и вызывающія соотвѣтствующее пассивное расширеніе и спаденіе легкихъ, дѣйствующихъ въ этомъ случаѣ на подобіе мѣха. Мышцы эти поперечнополосатыя и могутъ дѣйствовать только подъ вліяніемъ возбужденій, приносимыхъ къ нимъ цереброспинальными нервными волокнами. Въ этомъ легко убѣдиться перерѣзкой всѣхъ нервныхъ вѣтокъ, связывающихъ дыхательныя мышцы съ спиннымъ мозгомъ; дыхательныя движенія, вслѣдствіе, этого прекращаются. Очевидно, что періодическіе импульсы къ дыхательнымъ движеніямъ исходятъ изъ центральной нервной системы. Какого же характера эти импульсы и изъ какой части нервной системы они исходятъ? Уже изъ того, что дыханіе продолжается и во время сна, при обморочномъ состояніи и стало быть при полномъ отсутствіи сознанія, очевидно слѣдуетъ, что дыханіе является актомъ непроизвольнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, послѣдовательное удаленіе у животныхъ всѣхъ частей головного мозга вплоть до продолговатаго, не уничтожаетъ способности ихъ дышать, и напротивъ того, стоитъ только разрушить извѣстную часть продолговатаго мозга, названную Флурансомъ «жизненнымъ узломъ», для того, чтобы дыхательныя движенія прекратились на всегда. Явно, что центры дыханія локализируются именно тутъ въ опредѣленномъ мѣстѣ продолговатаго мозга; изъ нихъ-то и исходятъ импульсы къ періодическимъ сокращеніямъ дыхательныхъ мышцъ.

Что же возбуждаетъ эти дыхательные центры къ дѣятельности? Изъ того факта, что перерѣзка всѣхъ возможныхъ чувствующихъ, т.-е. центростремительныхъ нервовъ не исключаетъ дыхательныхъ движеній, слѣдуетъ несомнѣнно, что движенія эти не являются продуктами рефлекторной дѣятельности дыхательныхъ центровъ. Возбужденіе этихъ центровъ обусловливается опредѣленнымъ газовымъ содержаніемъ омывающей ихъ крови, а именно, недостаткомъ въ ней кислорода и накопленіемъ въ ней угольной кислоты;

чѣмъ рѣзче бываетъ выражено подобное состояніе крови, тѣмъ чаще и сильнѣе бываютъ дыхательныя движенія, и наоборотъ при рѣзкомъ уменьшеніи угольной кислоты въ крови и сильномъ обогащеніи ея кислородомъ дыхательныя движенія становятся все слабѣе и рѣже и подъ конецъ наступаетъ такъ-называемое состояніе «апноэ», характеризующееся полнымъ прекращеніемъ дыхательныхъ движеній, причемъ животное продолжаетъ жить. Источникомъ, приводящимъ въ возбужденное состояніе дыхательные центры, является такимъ образомъ опредѣленное газовое содержаніе крови, которое потому вызываетъ *періодическую* дѣятельность дыхательныхъ центровъ, что эти послѣдніе представляютъ извѣстнаго рода препятствія къ возбужденію своему кровью; для того, чтобы вызвать нервный разрядъ въ этихъ центрахъ, требуется, чтобы возбужденіе накоплялось въ нихъ до извѣстнаго максимума, необходимаго для вызова нервнаго импульса; послѣ подобной затраты возбужденія оно снова должно мало-по-малу накопляться въ центрахъ для вызова въ нихъ новаго разряда и т. д.; отсюда и вытекаетъ періодичность дыхательныхъ движеній.

На движенія эти и стало быть на дѣятельность дыхательныхъ центровъ оказываютъ большое вліяніе всевозможныя раздраженія разнообразныхъ чувствующихъ органовъ тѣла и самихъ чувствующихъ нервныхъ стволовъ.

Сильныя раздраженія, напримѣръ, кожи, сѣдалищнаго и бедренныхъ нервовъ и т. п., электрическимъ токомъ, холодомъ и т. п., вызываютъ обыкновенно замедленіе и усиленіе дыхательныхъ движеній и въ высшихъ степеняхъ ихъ даже остановку дыханія, тогда какъ слабыя раздраженія обусловливаютъ въ большинствѣ случаевъ учащеніе дыханія съ уменьшеніемъ глубины дыхательныхъ движеній.

Среди всѣхъ этихъ центростремительныхъ нервовъ существуютъ, однако, такіе, которые съ полнымъ правомъ могутъ быть названы настоящими регуляторами дыхательныхъ движеній; таковыми являются, по Розенталю, блуждающій и верхнегортанный нервы. И въ самомъ дѣлѣ, стоитъ перерѣзать блуждающіе нервы, какъ нормальный типъ дыханій рѣзко измѣняется; они становятся въ большинствѣ случаевъ гораздо болѣе рѣдкими и глубокими. Но мы можемъ тотчасъ участить ихъ, если станемъ раздражать, хотя бы электрическимъ токомъ, верхній отрѣзокъ блуждающаго нерва, оставшійся въ связи съ продолговатымъ мозгомъ; при сильномъ раздраженіи блуждающаго нерва получается даже остановка дыханія въ фазѣ вдыханія; очевидно, что это возбужденіе

дѣйствуетъ ускоряющимъ образомъ на дѣятельность дыхательныхъ центровъ; антагонистомъ блуждающаго нерва является въ этомъ отношеніи верхнегортанный нервъ, тоже попреимуществу центростремительный первъ, раздраженіе котораго перерывистымъ токомъ вызываетъ рѣзкое замедленіе дыхательныхъ движеній и даже остановку ихъ въ фазѣ выдыханія. Изъ сказаннаго видно, что и центры дыхательныхъ движеній снабжены регуляторными проводами, задерживающими и ускоряющими ихъ функціи.

Хотя мы и видѣли, что дыхательныя движенія возможны и безъ всякаго участія остальныхъ частей головного мозга, кромѣ продолговатаго, тѣмъ не менѣе для разбираемаго нами вопроса весьма важно знать, не оказываютъ ли какого-нибудь вліянія на функціи дыхательныхъ центровъ возбужденія, исходящія изъ сферы среднихъ частей головного мозга и въ особенности коркового вещества полушарій. Даниловскій показалъ, что искусственное раздраженіе у животныхъ хвостовой части полосатаго тѣла обусловливаетъ замедленіе дыхательныхъ движеній, предшествуемое глубокимъ вздохомъ и, наконецъ, полную остановку ихъ. Такой же аффектъ получался въ нѣкоторыхъ случаяхъ и при возбужденіи надсильвіевой извилины коркп полушарій мозга. При раздраженіи точекъ, находящихся у основанія головного мозга, наступаетъ обратный аффектъ, т.-е. рѣзкое учащеніе и усиленіе дыхательныхъ движеній; наконецъ косвеннымъ доказательствомъ того, что мозговыя полушарія принимаютъ участіе въ перемѣнахъ дыхательныхъ движеній, можетъ служить еще тотъ любопытный фактъ, что по удаленіи мозговыхъ полушарій раздраженіе слухового нерва въ большинствѣ случаевъ остается безо всякаго аффекта на дыханіи.

Бошеронтенъ съ своей стороны заявляетъ, что разстройства дыхательныхъ движеній, вызываемыя искусственнымъ возбужденіемъ коркового слоя полушарій мозга у собаки, бываютъ аналогичны тѣмъ, которыя получаются при механическомъ раздраженіи какой-либо чувствующей поверхности тѣла. При возбужденіи коркп полушарій чаще всего получается пять или шесть быстро слѣдующихъ другъ за другомъ дыханій, а иногда и болѣе, послѣ чего животное начинаетъ кричать отъ боли; иногда же животное дѣлаетъ при этомъ глубокій продолжительный вздохъ, а иногда и два вздоха, отдѣленныхъ между собою значительной паузой.

На человѣкѣ дыхательныя движенія записываются при помощи такъ-называемыхъ пневмографовъ, имѣющихъ различное устройство; въ общемъ они состоятъ изъ герметически замкнутаго, болѣе или менѣе длиннаго полаго цилиндра съ упругими стѣнками,

включеннаго въ поясъ, плотно охватывающій грудную клѣтку; полость этого цилиндра при помощи каучуковой трубки сообщается съ обыкновеннымъ полиграфомъ Марея. При расширеніи грудной стѣнки во время вздоха, цилиндръ растягивается и воздухъ въ немъ разрѣжается; при спаденіи же грудной стѣнки во время выдоха, цилиндръ спадается и воздухъ въ немъ сгущается; эти послѣдовательныя разрѣженія и сгущенія воздуха передаются полиграфу, который соотвѣтствующими движеніями своего пера записываетъ какъ частоту, такъ и силу дыхательныхъ движеній.

Изъ представленнаго краткаго физіологическаго очерка иннерваціи дыханія, слѣдуетъ съ очевидностью, что актъ дыханія можетъ совершаться и видоизмѣняться разнообразно, помимо всякаго участія высшихъ центровъ корки мозговыхъ полушарій. Но тѣ же физіологическія наблюденія устанавливаютъ тотъ фактъ, что и возбужденія мозговыхъ полушарій отражаются то ускоряющимъ, то задерживающимъ образомъ на актѣ дыханія. Уже на этомъ основаніи естественно предположить, что и психическія возбужденія, протекающія въ корковомъ слоѣ полушарій, должны сопровождаться тѣми или другими измѣненіями дыхательныхъ движеній; наблюденія и опыты на самомъ дѣлѣ подтверждаютъ это предположеніе.

Къ сожалѣнію, вопросъ о вліяніи психическихъ явленій на дыханіе разработанъ далеко не полно, хотя наблюденія въ этомъ направленіи несравненно легче аналогичныхъ наблюденій надъ функціями органовъ кровообращенія.

Уже опытъ будничной жизни убѣждаетъ насъ въ томъ, что различные чувства и аффекты рѣзко отражаются на ритмѣ, глубинѣ и вообще на всемъ характерѣ дыхательныхъ движеній. Что такое въ самомъ дѣлѣ плачъ, сопровождающій глубокое горе, или смѣхъ при веселомъ, радостномъ чувствѣ, какъ не выраженіе рѣзко измѣненной дѣятельности дыхательнаго аппарата, осложненной опредѣленной игрой мышцъ лица и въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣятельнымъ состояніемъ слезныхъ железъ? Хохотъ, напримѣръ, состоитъ, главнымъ образомъ, изъ болѣе или менѣе глубокаго вдыханія, за которымъ слѣдуетъ не одинъ, а цѣлый рядъ долго продолжающихся короткихъ отрывочныхъ выдыханій при открытой голосовой щели; воздухъ, выталкиваемый при этомъ, приводитъ въ характеристичныя колебательныя движенія голосовыя струны. При плачѣ происходитъ аналогичное измѣненіе дыхательныхъ движевій, какъ и при хохотѣ, но ритмъ ихъ и сопровождающее ихъ выраженіе лица представляются иными,

хотя сходство этихъ состояній бываетъ иногда такъ велико, что трудно бываетъ отличить лицо плачущее отъ хохочущаго. Уже изъ этихъ однихъ фактовъ явно слѣдуетъ, что чувства и аффекты въ состояніи рѣзко нарушать нормальный типъ дыхательныхъ движеній.

Этотъ выводъ подтверждается и другими наблюденіями, въ которыхъ сила чувствъ или аффектовъ бываетъ не настолько велика, чтобы выражаться въ формѣ смѣха или плача. Въ этихъ случаяхъ наблюдается только отчетливое измѣненіе ритма и глубины дыхательныхъ движеній въ двухъ противуположныхъ направленіяхъ. Такъ у людей, находящихся въ веселомъ, радостномъ настроеніи, дыханія представляются учащенными и поверхностными, тогда какъ при печали или горѣ, дыханія дѣлаются болѣе рѣдкими и отдѣляются продолжительными остановками, вслѣдъ за которыми обыкновенно наступаетъ глубокій непроизвольный вздохъ, стремящійся какъ бы пополнить недостатокъ, вводимаго при этомъ въ организмъ, воздуха. Эти глубокіе отъ времени до времени вздохи являются настолько характеристичными, что ихъ въ обыденной жизни обыкновенно считаютъ за признакъ удручающаго человѣка горя, печали или какихъ-либо непріятныхъ для него заботъ. Сильный испугъ или страхъ обыкновенно сопровождается остановкой дыханія, а равнымъ образомъ и сильная боль, вызывающая въ человѣкѣ въ высокой степени непріятное чувство.

Такимъ образомъ дыхательный аппаратъ относится къ чувствамъ и аффектамъ стеническаго или астеническаго характера аналично сердцу. Стеническіе или повышающіе нервную дѣятельность аффекты ускоряютъ какъ дыханія, такъ и сердцебіенія и, наоборотъ, астеническіе аффекты замедляютъ или даже останавливаютъ и ослабляютъ какъ тѣ, такъ и другія. Только-что приведенные факты не являются, къ сожалѣнію, плодомъ систематическаго труда, произведеннаго при помощи точныхъ научныхъ способовъ изслѣдованія; да оно и естественно, если вспомнить насколько трудно на человѣкѣ, сидящемъ подъ опытомъ и окруженномъ разнообразными аппаратами, вызывать по желанію то или другое настроеніе, или тотъ, или другой аффектъ. Поневолѣ приходится довольствоваться случайными поверхностными наблюденіями надъ дыханіемъ людей, находящихся подъ господствомъ того или другого аффекта; не смотря на это, наблюденія эти являются крайне цѣнными и, можно сказать, вполнѣ доказательными.

Мы лишены почти всякихъ указаній насчетъ вліянія тѣхъ

или другихъ ощущеній на дѣятельность дыхательнаго аппарата. Правда, въ литературѣ встрѣчается нѣсколько указаній насчетъ благотворнаго вліянія музыки на больныхъ, вызывавшей обыкновенно ускореніе дыхательныхъ движеній. На основаніи этихъ наблюденій трудно рѣшить, обусловливалось ли это учащеніе дыханія дѣйствіемъ просто однихъ только звуковыхъ ощущеній, а не осложнявшихъ ихъ чувствъ, аффектовъ или идей. Въ этомъ отношеніи особаго вниманія заслуживаютъ точно обставленные опыты г-жи Манасеиной надъ вліяніемъ щекотанія на человѣческій организмъ, изъ которыхъ, между прочимъ, выяснилось, что слабое щекотаніе кисточкой кожи лица нѣсколько ускоряетъ дыханіе и измѣняетъ его нормальный типъ; это вліяніе бываетъ тѣмъ рѣзче выражено, чѣмъ щекотливѣе изслѣдуемый субъектъ.

Попытка къ систематическому изслѣдованію вліянія различныхъ ощущеній на дыхательныя движенія у человѣка была произведена въ нашемъ физіологическомъ кабинетѣ, при помощи точнаго графическаго метода записыванія дыхательныхъ движеній, и привела къ слѣдующему результату: вкусовыя, обонятельныя, осязательныя, слуховыя и зрительныя ощущенія, разъ они не осложняются какими-либо сильными чувствами или аффектами, вызываемыми или внезапностью раздраженій или особенной силой и сложнымъ сочетаніемъ ихъ, отражаются лишь въ слабой степени на дыханіи, вызывая чаще всего незначительное ускореніе дыхательныхъ движеній; рѣзче всего въ этомъ смыслѣ дѣйствуютъ ощущенія, вызываемыя термическими и тактильными раздраженіями кожи.

Все сказанное относится ко всевозможнымъ простымъ ощущеніямъ, возникающимъ въ сферѣ различныхъ органовъ чувствъ и притомъ къ ощущеніямъ слабой и средней силы въ обычномъ смыслѣ этого слова. При сильныхъ же ощущеніяхъ, и притомъ вызываемыхъ внезапно, наступаетъ вообще рѣзкое нарушеніе нормальнаго типа дыхательныхъ движеній, выражающееся какъ рѣзкими измѣненіями ихъ ритма, такъ и глубины. Въ этой сферѣ вліянія сильныхъ ощущеній не удалось, къ сожалѣнію, пока подмѣтить ничего постояннаго, никакой правильности.

Подобно дѣйствію ощущеній слабой и средней силы, легкая, кратковременная умственная работа не сопровождается какимъ-либо значительнымъ измѣненіемъ дыхательныхъ движеній. Измѣненіе послѣднихъ наблюдается только въ томъ случаѣ, когда процессъ мышленія совершается съ нѣкоторымъ значительнымъ умственнымъ напряженіемъ и затрудненіемъ. При этихъ условіяхъ наблюдается чаще всего замедленіе дыханія, но у однихъ —

дыхательныя движенія дѣлаются при этомъ болѣе поверхностными, у другихъ же, напротивъ, болѣе глубокими и перерываются временными остановками. Общая картина измѣненій дыхательныхъ движеній во время совершенія напряженной умственной работы такова, что человѣкъ въ этомъ состояніи стремится какъ бы къ ослабленію ихъ, а въ иныхъ случаяхъ и къ временному ихъ устраненію. На дыхательныхъ движеніяхъ повторяется, такимъ образомъ, въ общемъ, тоже, что и на остальныхъ движеніяхъ нашего тѣла: энергичныя движенія вообще являются несовмѣстимыми съ трудной умственной работой, требующей во время своего совершенія физическаго покоя; описанный нами характеръ измѣненій дыхательныхъ движеній при умственномъ трудѣ служитъ частнымъ выраженіемъ этого общаго правила.

Думы и воспоминанія, осложненныя печальными, горестными чувствами или аффектами, сопровождаются, какъ и слѣдовало ожидать, замедленіемъ дыхательныхъ движеній и, наоборотъ, думы веселаго, радостнаго характера сопровождаются учащеніемъ и усиленіемъ дыханія. Сказанное легко провѣрить, прося человѣка, сидящаго подъ опытомъ, вспоминать то или другое горестное или радостное событіе своей жизни и задумываться надъ ними. Описанныя явленія обнаруживаются при этомъ даже на людяхъ самаго спокойнаго характера и, стало быть, нераздражительныхъ. Изъ опытовъ, произведенныхъ въ этомъ направленіи, оказалось, что работа мысли, осложненная страстнымъ элементомъ, т.-е. тѣмъ или другимъ сильнымъ чувствомъ негодованія или восторга, вызываетъ обыкновенно наиболѣе рѣзкія измѣненія въ дыханіи и тѣмъ болѣе выраженныя, чѣмъ глубже и шире чувство, овладѣвающее при этомъ человѣкомъ. Стоитъ, напримѣръ, попросить неожиданно какого-нибудь горячаго патріота припомнить въ умѣ факты, относящіеся къ исторіи паденія независимости его родины, какъ тотчасъ же перо полиграфа, записывающее его дыханія, указываетъ на наступленіе болѣе энергичныхъ и неправильныхъ дыхательныхъ движеній; я имѣлъ случай неоднократно наблюдать это весьма любопытное явленіе.

Интересны также измѣненія характера дыхательныхъ движеній, сопровождающія декламированіе *въ умѣ* знакомыхъ стихотвореній или прозы. Въ первомъ случаѣ, дыхательныя движенія бываютъ болѣе энергичными и болѣе правильными, нежели во второмъ, и какъ бы приспособляются къ размѣрамъ стиховъ.

Фактъ этотъ служитъ съ одной стороны подтвержденіемъ высказанной нами уже раньше мысли, а именно, что теченіе тѣхъ или иныхъ представленій во время акта безгласнаго мышленія

сопровождается обыкновенно опредѣленными измѣненіями въ дѣятельности мышцъ нашего скелета; съ другой же на основаніи его становится понятнымъ и заявленіе Гольмса, утверждающаго, что изъ всѣхъ размѣровъ стиховъ всего легче читается и запоминается людьми тотъ, который всего ближе соотвѣтствуетъ какъ числу, такъ и глубинѣ нашихъ дыханій; дѣти, напримѣръ, дышащія несравненно чаще взрослыхъ, съ особенной легкостью запоминаютъ стихотворенія, состоящія изъ двухсложныхъ или четырехсложныхъ строкъ, тогда какъ взрослые люди, производящіе всего около 15-ти объемистыхъ дыханій въ минуту, легко овладѣваютъ ямбическимъ пентаметромъ, очень затруднительнымъ для ребенка. Гольмсъ предполагаетъ даже, что размѣръ стихотвореній у различныхъ поэтовъ до нѣкоторой степени приноравливается къ темпу ихъ дыханія.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что всѣ перечисленныя измѣненія дыхательныхъ движеній, сопровождающія возникновеніе въ насъ тѣхъ или иныхъ чувствъ или аффектовъ, ощущеній, а равно и работу мысли представляются безсознательными и, стало быть, независимыми отъ воли.

Упорное вниманіе, обращаемое человѣкомъ на тѣ или другія явленія окружающаго его міра или на собственное дыханіе, обыкновенно рѣзко измѣняетъ характеръ дыхательныхъ движеній и притомъ также независимо отъ воли человѣка. Въ первомъ случаѣ дыханія ослабляются, дѣлаются поверхностными и перемежаются съ временными остановками ихъ, какъ это наблюдается, напримѣръ, въ случаѣ, когда человѣкъ очень внимательно прислушивается къ слабымъ звукамъ, раздающимся на нѣкоторомъ разстояніи, или вглядывается въ какой-нибудь тонкій микроскопическій препаратъ и т. д.; по устраненіи подобнаго напряженія вниманія появляются также на время и съ роковой необходимостью обратныя компенсаторныя измѣненія дыханія, т.-е. сильныя и частыя дыхательныя движенія. Во второмъ же случаѣ, когда вниманіе человѣка обращено на собственное дыханіе, послѣднее дѣлается обыкновенно болѣе энергичнымъ и неправильнымъ, сравнительно съ тѣмъ, которое наблюдается у него при психическомъ и физическомъ его покоѣ.

Очевидно, что вниманіе нарушаетъ правильную ритмическую дѣятельность дыхательныхъ центровъ. На этомъ основаніи врачъ, желающій узнать настоящее число дыханій у больного при извѣстномъ состояніи его, всегда прибѣгаетъ къ отвлеченію его вниманія и производитъ эту операцію незамѣтно для больного,

такъ какъ въ противномъ случаѣ добытыя имъ числа оказались бы невѣрными.

Воля, какъ извѣстно, въ опредѣленныхъ границахъ способна управлять дыхательными движеніями въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ; мы можемъ по желанію ускорять, замедлять, усиливать, ослаблять дыханіе или останавливать его, то на вдохѣ, то на выдохѣ; но всѣ эти модификаціи могутъ поддерживаться нами лишь сравнительно короткое время, послѣ чего онѣ невольно переходятъ въ противуположныя измѣненія, стремящіяся какъ бы компенсировать аффекты, вызванные произвольнымъ измѣненіемъ дыхательныхъ движеній. Такъ, напримѣръ, если мы заставляемъ себя дышать очень рѣдко и поверхностно въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, то въ слѣдующій за этимъ промежутокъ времени мы невольно будемъ дышать чаще и глубже и, наоборотъ, періодъ произвольнаго учащенія и усиленія дыхательныхъ движеній замѣняется послѣдующимъ періодомъ замедленія и ослабленія ихъ. Эта невольная компенсація, зависящая отъ автоматической дѣятельности дыхательныхъ центровъ, вполнѣ гарантируетъ постоянство вводимаго въ тѣло, въ теченіе большого промежутка времени, воздуха и, стало быть, если воля и способна временно вызывать рѣзкія колебанія въ дѣятельности дыхательнаго аппарата, то частные аффекты этихъ колебаній въ общемъ результатѣ стираются противуположной компенсаторной функціей дыхательныхъ центровъ.

Почему, однако, предѣлы вліянія воли на дыхательныя движенія оказываются столь ограниченными, т.-е., другими словами, почему мы не можемъ задерживать или ускорять по желанію своего дыханія на очень продолжительное время? Это станетъ понятнымъ, если вспомнить, что основной причиной дыхательныхъ движеній служитъ раздраженіе дыхательныхъ центровъ извѣстнымъ газовымъ составомъ крови. При произвольномъ задержаніи дыханія въ крови накопляется все больше и больше угольной кислоты и кровь обѣднѣваетъ кислородомъ. Оба эти условія дѣйствуютъ по мѣрѣ усиленія ихъ все болѣе и болѣе возбуждающимъ образомъ на дыхательные центры и, когда сила этого возбужденія перевѣситъ силу угнетающаго дѣйствія на нихъ воли, то неминуемо появляются дыхательныя движенія, вопреки всякимъ тормозящимъ усиліямъ воли; недостатокъ кислорода въ крови и накопленіе въ ней избытка угольной кислоты вызываютъ вслѣдъ за періодомъ произвольнаго задержанія дыхательныхъ движеній учащеніе и усиленіе ихъ. И обратно, произвольное учащеніе дыхательныхъ движеній не можетъ поддерживаться

продолжительное время потому, что при этомъ условіи кровь обѣднѣваетъ со стороны содержанія въ ней угольной кислоты и обогащается кислородомъ, вслѣдствіе чего дыхательные центры, получая все меньше и меньше возбужденій, отказываются подъконецъ работать, какъ это мы видимъ во время апноэ.

Естественно, что и волевые импульсы при подобномъ состояніи центровъ оказываются безсильными поддерживать усиленную періодическую дѣятельность ихъ, и что она затѣмъ должна уступить на время мѣсто болѣе рѣдкимъ и слабымъ дыхательнымъ движеніямъ. Итакъ, воля несомнѣнно можетъ оказывать тормазящее или ускоряющее дѣйствіе на дѣятельность дыхательныхъ центровъ, благодаря особымъ нервнымъ приводамъ, связывающимъ корку полушарій съ дыхательными центрами продолговатаго мозга; но вліянія эти къ счастью человѣка оказываются ограниченными, такъ какъ въ противномъ случаѣ человѣкъ владѣлъ бы всегда легкимъ и могучимъ пріемомъ для прекращенія, когда ему заблагоразсудится, своего земного существованія путемъ смертельной произвольной остановки своего дыханія.

Переходя къ еще мало разработанному вопросу касательно вліянія различныхъ психическихъ состояній на пищеварительную систему, мы, ради удобства изложенія, раздѣлимъ его на двѣ части: на вліяніе психическихъ явленій на движенія всего кишечнаго канала и на вліяніе ихъ на дѣятельность пищеварительныхъ железъ. Предупреждаю, что область этихъ явленій разработана крайне слабо, вслѣдствіе непреодолимой пока трудности наблюденія функцій пищеварительныхъ органовъ на нормальныхъ, здоровыхъ людяхъ. Тѣмъ не менѣе отрывочные, имѣющіеся уже въ литературѣ, факты бросаютъ нѣкоторый свѣтъ и на эту темную область явленій и рѣшаютъ разбираемый нами вопросъ, какъ увидимъ ниже, въ положительномъ смыслѣ. Напомню, прежде всего, основныя положенія изъ физіологіи иннерваціи пищеварительнаго канала. Червеобразныя, перистальтическія движенія кишечной трубки, подобно сердечнымъ сокращеніямъ, не зависятъ прямо отъ центральной нервной системы: въ пользу этого говорятъ слѣдующіе факты: перерѣзка всѣхъ нервовъ, соединяющихъ кишечный каналъ съ спиннымъ и головнымъ мозгомъ, и вырѣзываніе изъ тѣла кишечныхъ петель не прекращаютъ движенія ихъ; они все же продолжаютъ отъ времени до времени производить обычныя имъ червеобразныя движенія. Бидзеръ разрушалъ головной и спинной мозгъ у лягушекъ и наблю-

далъ за ними въ теченіе многихъ недѣль. Эти животныя, благодаря сильно развитому у нихъ кожному дыханію, способны, въ противуположность высшимъ позвоночнымъ животнымъ, поддерживать въ себѣ явленія питанія и усвоенія и при отсутствіи продолговатаго мозга. Вводя имъ искусственно въ желудокъ пищу, авторъ этотъ замѣтилъ, что она переваривалась своимъ обычнымъ путемъ и проходила всю длину пищеварительной трубки до прямой кишки. Нѣтъ основаній думать, чтобы то же явленіе не повторялось и на высшихъ позвоночныхъ животныхъ, хотя и произвести надъ ними аналогичнаго опыта, по весьма понятнымъ причинамъ, невозможно. Изъ приведенныхъ опытовъ вытекаетъ, что двигательный нервный аппаратъ для мышечныхъ стѣнокъ кишечной трубки заложенъ въ самыхъ стѣнкахъ кишечнаго канала и микроскопическое изслѣдованіе открываетъ въ нихъ нервное сплетеніе Мейснера и Ауэрбаха, весьма богатое нервными центрами, служащими, по всѣмъ вѣроятіямъ, источникомъ двигательныхъ импульсовъ, посылаемыхъ къ мышцамъ кишечной трубки. Центры эти возбуждаются омывающей кровью, подобно дыхательнымъ центрамъ.

Несмотря на указанную независимость движеній кишечныхъ петель отъ центральной нервной системы, онѣ все же въ извѣстной степени находятся подъ регуляціей. Такъ, возбужденіе блуждающаго нерва усиливаетъ и ускоряетъ червеобразныя движенія кишечныхъ петель, тогда какъ раздраженіе чревныхъ нервовъ замедляетъ и даже останавливаетъ эти движенія. Мы и тутъ, слѣдовательно, встрѣчаемся съ ускорительными и задерживающими регуляторными механизмами, подобными сердечнымъ регуляторнымъ приводамъ. Къ сожалѣнію, нормальный способъ приведенія въ дѣятельность этихъ кишечныхъ регуляторовъ намъ по сіе время неизвѣстенъ.

Движенія желудка и пищевода стоятъ, повидимому, въ гораздо болѣе тѣсной зависимости отъ центральной нервной системы, такъ какъ перерѣзка блуждающаго нерва, снабжающаго ихъ нервными волокнами, совершенно прекращаетъ ихъ движенія, т.-е. вполнѣ парализируетъ ихъ.

Что касается до вліянія раздраженія центральныхъ массъ головного мозга, то для насъ особенно цѣнными въ этомъ отношеніи являются опыты Бошефонтена надъ вліяніемъ раздраженія различныхъ точекъ корки мозговыхъ полушарій на движенія пищеварительнаго канала. Авторъ этотъ показалъ, что электрическое раздраженіе извѣстныхъ точекъ коркового вещества полушарій головного мозга вызываетъ весьма часто усиленныя пери-

стальтическія сокращенія кишечныхъ петель, хотя и не по всей длинѣ ихъ. Съ другой стороны имъ же были замѣчены при этомъ сильныя перистальтическія сокращенія всей области выхода желудка съ послѣдующимъ замедленіемъ и даже остановкой ихъ. Изъ этихъ опытовъ, произведенныхъ на собакахъ, очевидно слѣдуетъ, что возбужденія, исходящія изъ мозговой корки, могутъ доходить до ядеръ блуждающихъ нервовъ, заложенныхъ въ продолговатомъ мозгу и вызывать или усиленіе или угнетеніе ихъ функцій. Спрашивается теперь, можно ли эти факты, добытые на собакѣ, распространить и на человѣка? На подобный вопросъ можно съ большой вѣроятностью отвѣтить утвердительно, такъ какъ физіологическое значеніе мозговыхъ полушарій въ тѣлѣ, по мѣрѣ повышенія по лѣстницѣ животнаго царства, становится все больше и больше, и область ихъ вліянія надъ функціями различныхъ органовъ становится все обширнѣе. Слѣдовательно, если на собакахъ уже возможно было установить экспериментально нѣкоторую зависимость кишечныхъ движеній отъ возбужденій мозговой корки, то съ тѣмъ большимъ правомъ мы можемъ ожидать того же отъ организма человѣка, снабженнаго болѣе сложными и развитыми мозговыми полушаріями.

Фактъ вліянія корки мозговыхъ полушарій на кишечный каналъ дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ, что и различныя формы психической дѣятельности остаются не безъ вліянія на двигательныя функціи его. Въ доказательство этой мысли можно привести лишь отрывочныя, но достовѣрныя указанія, такъ какъ систематической разработки этого вопроса, къ сожалѣнію, не существуетъ.

Страхъ или внезапный испугъ нерѣдко бываютъ непосредственной причиной поноса и непроизвольнаго выведенія извержений, вслѣдствіе усиленныхъ перистальтическихъ движеній кишечнаго канала и паралича запирателей прямой кишки. По заявленію Дарвина, припадокъ этотъ является очень распространеннымъ среди многихъ высшихъ животныхъ, какъ напримѣръ, у медвѣдей, обезьянъ, затѣмъ у дикарей и въ меньшей степени у представителей цивилизованныхъ націй. Вѣроятная причина, обусловливающая поносъ отъ страха, лежитъ въ усиленномъ непроизвольномъ возбужденіи при этомъ двигательныхъ кишечныхъ нервныхъ приводовъ блуждающихъ нервовъ и въ усиленномъ приливѣ крови къ внутренностнымъ органамъ вслѣдствіе рѣзкаго сжатія кожныхъ сосудовъ, сопровождающаго чувство страха или внезапнаго испуга. Возможно также, что страхъ или испугъ вызываютъ параличъ сосудосжимающихъ нервовъ кишекъ, вслѣд-

ствіе чего сосуды ихъ расширяются, а при этомъ, какъ извѣстно изъ опытовъ Моро на собакахъ, съ перерѣзкой кишечныхъ нервовъ, въ полости кишекъ накопляется весьма обильное жидкое отдѣленіе, способствующее разжиженію кишечнаго содержимаго.

У многихъ людей возбужденное безпокойное настроеніе духа сопровождается весьма частыми послабленіями на низъ, которыя быстро прекращаются при устраненіи причины безпокойства.

Въ такомъ же направленіи, хотя и не въ столь рѣзкой формѣ, вліяютъ нерѣдко, по заявленіямъ Карпентера, и сосредоточенное вниманіе человѣка на ощущеніяхъ въ области живота при напряженномъ ожиданіи появленія кишечныхъ движеній; этого бываетъ иногда достаточно для появленія у людей, страдающихъ запорами, обильнаго испражненія. Боязнь за возможность появленія сильнаго позыва на низъ, при условіяхъ, крайне неудобныхъ для человѣка, бываетъ нерѣдко причиной, вызывающей нежеланный актъ. Въ такомъ же смыслѣ дѣйствуетъ иногда и увѣренность субъекта въ томъ, что вслѣдъ за принятіемъ того или иного средства должно наступить послабленіе на низъ; въ этомъ отношеніи въ медицинской литературѣ встрѣчаются довольно комичные случаи, въ которыхъ больнымъ давались просто хлѣбныя пилюли въ качествѣ слабительныхъ, и результатъ оказывался блестящимъ.

Мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, данныхъ, которыя бы указывали намъ, какъ дѣйствуютъ различныя ощущенія, представленія и мышленіе на перистальтическія движенія кишечнаго канала.

Что касается до власти воли надъ кишечными движеніями, то въ этомъ отношеніи предѣлы ея вліянія оказываются крайне ограниченными. Съ того момента, какъ произвольно разжеванная нами пища была протолкнута движеніями языка за предѣлы мягкихъ небныхъ дужекъ, актъ глотанія становится уже непроизвольнымъ. Сокращенія глотки и пищевода, проталкивающія пищу далѣе, совершаются уже отраженнымъ путемъ, вслѣдствіе раздраженія комомъ пищи центростремительныхъ нервовъ этихъ органовъ. Возбужденіе ихъ распространяется вплоть до глотательнаго центра, заложеннаго въ продолговатомъ мозгу и отсюда уже переходитъ на двигательные нервы, приводящіе въ преемственное сокращеніе мышцы глотки и пищевода. На этомъ основаніи можно удалить у животнаго всѣ части головного мозга вплоть до продолговатаго и все же введеніе пищи кзади отъ небныхъ дужекъ вызоветъ глотательный актъ, передвигающій пищу вплоть до желудка. По той же причинѣ мы не въ со-

стояніи вызвать въ себѣ по произволу при пустомъ ртѣ рядъ непрерывно слѣдующихъ другъ за другомъ глотательныхъ движеній, какъ бы ни казались они съ виду произвольными. Послѣ приблизительно пяти-шести глотаній мы невольно останавливаемся въ виду полнаго безсилія нашего вызвать глотательный актъ. Дѣло объясняется просто. Для возможности совершенія полнаго глотательнаго акта требуется объектъ, подлежащій проглатыванію; при первыхъ глотаніяхъ такимъ объектомъ является слюна; но какъ только запасъ ея во рту истощится, такъ полный актъ глотанія уже дѣлается невозможнымъ; воля властна вызывать и безъ объекта для глотанія лишь ту часть глотательнаго акта, которая предназначена для переведенія пищи изъ полости рта кзади отъ небныхъ дужекъ, но вторая половина глотательнаго акта для приведенія своего въ дѣйствіе нуждается уже въ объектѣ, который бы раздражалъ слизистую оболочку глотки и пищевода, какъ на это было указано выше. Такъ какъ такого объекта, т.-е. слюны, послѣ нѣсколькихъ глотаній, при пустомъ ртѣ уже не оказывается, то самый актъ глотанія дѣлается невозможнымъ.

Знаменитый Бишà и физіологъ Браунъ-Секаръ обладали способностью произвольнаго вызова акта рвоты. Среди слушателей своихъ, студентовъ медицинской академіи, мнѣ удалось найти двухъ субъектовъ, обладавшихъ способностью вызывать по желанію актъ рвоты. Такъ какъ рвотой выводится наружу чрезъ полость рта содержимое изъ желудка, то фактомъ этимъ можно было бы, повидимому, воспользоваться какъ доказательствомъ того, что воля въ состояніи сокращать мышечныя стѣнки желудка и тѣмъ самымъ выжимать изъ него заключающіяся въ немъ вещества. Такое объясненіе, однако, не вѣрно, такъ какъ при актѣ рвоты главнымъ дѣйствующимъ аппаратомъ является механизмъ брюшного пресса, а дѣйствіе послѣдняго, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что субъектъ начинаетъ сильно сокращать мышцы брюшной стѣнки—при сокращенной, т.-е. опущенной и фиксированной грудо-брюшной преградѣ; послѣдствіемъ подобной игры мышцъ является сильное надавливаніе на органы брюшной полости и преимущественно на желудокъ, изъ котораго и выдавливается имѣющееся въ немъ содержимое. Мышечныя стѣнки самаго желудка если и принимаютъ, то лишь самое слабое активное участіе въ актѣ рвоты, и въ пользу этого говоритъ, повидимому, тотъ фактъ, что если замѣнить у животнаго желудокъ какимъ-либо пузыремъ, наполненнымъ водой, то дѣйствіемъ брюшного пресса можно и при этихъ условіяхъ вызвать типичный актъ рвоты.

Впрочемъ, въ желудкѣ происходитъ одно важное активное явленіе при актѣ рвоты—это расширеніе входа его, т.-е. того мѣста, которымъ онъ соединяется съ пищеводомъ. Понятно, что если бы это мѣсто было сильно сжато, то какъ бы ни было сильно давленіе мышцъ брюшного пресса на желудокъ, содержимое его не могло бы быть выведено изъ него въ направленіи къ пищеводу а отсюда ко рту. Возможно, что воля вліяетъ на эту малую, но за то важную часть всего механизма рвоты и что эта способность бываетъ развита у людей лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ.

Причина, почему не всѣ люди обладаютъ способностью вызывать по произволу актъ рвоты, лежитъ, вѣроятно, въ томъ, что они не въ одинаковой степени владѣютъ мышцами брюшного пресса, а равно и входа въ желудокъ. Я имѣлъ случай наблюдать одного студента, который, выпивъ стакана два-три воды, могъ по желанію,—стоя неподвижно, вызывать взбалтываніе воды въ желудкѣ, выражавшееся сильными звуками булькапія и переливанія, внятно слышными для окружавшихъ его лицъ. Анализъ явленія показалъ, что онъ достигалъ цѣли ловкими движеніями грудобрюшной преграды, толкавшими, а отчасти и приподнимавшими различные отдѣлы желудка. По свидѣтельству самого субъекта, результатовъ этихъ онъ достигъ путемъ постепеннаго упражненія. Возможно, что и случаи произвольнаго вызова акта рвоты встрѣчались бы намъ не столь рѣдко, если бы люди въ немъ чаще упражнялись.

Интереснымъ оказывается фактъ вызова рвоты у нѣкоторыхъ людей подъ вліяніемъ ощущеній и представленій омерзительнаго, тошнотворнаго характера. Иногда одинъ видъ рвоты у людей вызываетъ у нѣкоторыхъ присутствующихъ повтореніе того же акта. Иногда одного убѣжденія, что человѣкъ принялъ рвотное, хотя на самомъ дѣлѣ введено было внутрь какое-нибудь индифферентное средство, бываетъ достаточно для вызова рвоты. Въ литературѣ медицинской имѣются въ этомъ отношеніи достовѣрные примѣры. Мнѣ лично извѣстны двѣ женщины, изъ которыхъ у одной можно было навѣрняка вызвать рвоту, показавъ ей внезапно живую, двигающуюся лягушку, а у другой тотъ же эффектъ достигался при видѣ и запахѣ яблока. Первая объясняла себѣ такое дѣйствіе тѣмъ, что видъ лягушки вызывалъ въ ней особенно сильное чувство омерзѣнія; у второй же то же чувство вызывалось не столько видомъ, сколько запахомъ яблока, котораго она не выносила.

Передавъ эти отрывочные факты касательно вліянія психи-

ческихъ возбужденій на движеніе пищеварительной трубки, обратимся теперь къ другимъ даннымъ, доказывающимъ вліяніе ихъ и на функціи различныхъ пищеварительныхъ железъ. Начнемъ для этого съ слюнныхъ железъ, отправленіе которыхъ изучено наиболѣе совершенно. Читателямъ, конечно, извѣстно, что физіологическое значеніе железъ состоитъ въ выработкѣ опредѣленныхъ химическихъ продуктовъ, которые въ растворенномъ видѣ выносятся выводными протоками железъ въ ту или иную пищеварительную полость, гдѣ они служатъ для физико-химическаго превращенія той или другой составной части воспринятой пищи. Всѣ железы для выработки выводимыхъ ими отдѣленій снабжены особенными отдѣлительными клѣтками, активно перерабатывающими питательныя вещества, приносимыя имъ кровью и лимфой, въ особые спеціальные продукты ихъ отдѣленій.

Физіологія вполнѣ установила тотъ фактъ, что процессъ нормальной фабрикаціи железами особыхъ химическихъ продуктовъ находится подъ регуляціей нервной системы. Въ этомъ очень легко убѣдиться путемъ слѣдующаго опыта: если вставить въ выводной протокъ подчелюстной железы собаки тонкую трубочку, чрезъ которую могла бы стекать слюна, то мы замѣтимъ, что при покоѣ животнаго слюна почти вовсе не вытекаетъ изъ трубки, но стоитъ только раздражить, хотя бы электрическимъ токомъ, нервную вѣтку, направляющуюся къ железѣ, такъ называемую барабанную струну (вѣтку лицного нерва), какъ вслѣдъ за этимъ слюна начинаетъ вытекать струей. По устраненіи раздраженія истеченіе слюны черезъ нѣкоторое время прекращается. Опытъ показываетъ, что нервныя вліянія отражаются не только на количествѣ вытекающей слюны, но и на качественномъ составѣ ея. Такъ слюна, вызываемая раздраженіемъ барабанной струны, бываетъ жидкой, прозрачной, богатой минеральными солями, тогда какъ слюна, вызываемая возбужденіемъ симпатическаго нерва, бываетъ наоборотъ густой, богатой слизью и различными органическими составными частями. Что нервное возбужденіе дѣйствуетъ при этомъ на процессы, протекающіе въ самихъ отдѣлительныхъ клѣткахъ железы, это доказывается тѣмъ, что эти клѣтки подъ вліяніемъ возбужденія железистыхъ нервовъ рѣзко измѣняются, въ особенности въ железахъ, подготовляющихъ слизь. Важно, что возбужденіе волоконъ, усиливающихъ отдѣлительную дѣятельность железы, сопровождается рѣзкимъ расширеніемъ заключенныхъ въ ней кровеносныхъ сосудовъ, ведущихъ къ усиленному приливу крови. Эффектъ этотъ обязанъ возбужденію сосудорасширяющихъ волоконъ, заключенныхъ въ барабанной струнѣ,

и приливъ этотъ представляется крайне важнымъ для работы железы, нуждающейся въ это время въ усиленномъ притокѣ питательнаго матеріала. Сказанное о подчелюстной железѣ приложимо и къ околоушной железѣ, которая снабжена только другими анатомическими нервными приводами. Центръ слюноотдѣленія заложенъ въ продолговатомъ мозгу; изъ него-то и исходятъ центробѣжные импульсы, приводящіе въ дѣятельность слюнныя железы.

Центры слюноотдѣленія приводятся обыкновенно въ дѣятельность рефлекторнымъ путемъ, т.-е. возбужденіемъ чувствующихъ нервовъ полости рта (язычнаго и язычно-глоточнаго нервовъ) различными вкусовыми веществами, а также и возбужденіемъ многихъ другихъ нервныхъ стволовъ, заключающихъ въ себѣ чувствующіе нервы, напр. сѣдалищнаго нерва, бедреннаго и т. д.; существуютъ даже, повидимому, такія условія, при которыхъ возбужденіе чувствующихъ приводовъ тѣла вызываетъ рефлекторное угнетеніе слюноотдѣлительныхъ центровъ въ продолговатомъ мозгу съ остановкой слюноотдѣленія.

Опытъ показываетъ, что на дѣятельность слюноотдѣлительныхъ центровъ въ продолговатомъ мозгу рѣзко вліяетъ и возбужденіе различныхъ точекъ корковаго вещества мозговыхъ полушарій. Такъ Бошефонтэнъ и Лепинъ замѣтили, что раздраженіе мозговой извилины, по сосѣдству съ крестообразной бороздой, вызываетъ усиленное отдѣленіе слюны какъ изъ подчелюстной, такъ и изъ околоушной железы у собакъ. Фактъ этотъ дѣлаетъ для насъ до нѣкоторой степени понятнымъ механизмъ вліянія нѣкоторыхъ психическихъ состояній на слюноотдѣленіе.

Если, какъ это дѣлалъ Клодъ-Бернаръ, вставить въ выводной протокъ железы голодной лошади трубочку, при помощи которой можно было бы слѣдить за выдѣленіемъ слюны, то стоитъ животному показать на разстояніи комокъ сѣна или овса, какъ изъ трубочки тотчасъ же начинаетъ вытекать обильная струя слюны. Эффектъ этотъ вовсе не наблюдается, если лошадь была до сыта накормлена передъ опытомъ. То же самое повторяется приблизительно и съ нами, когда мы въ голодномъ состояніи слышимъ запахъ любимаго нами блюда, или видимъ ту или другую вкусную пищу. Особенно рѣзко вліяютъ на слюноотдѣленіе кислыя пищевыя вещества, при которыхъ ротъ нашъ обильно переполняется слюной. Поэтому одного вида чего-либо кислаго, напр., лимона, уксуса, кислыхъ плодовъ вообще и т. д. бываетъ достаточно, чтобы вызвать рѣзкое отдѣленіе слюны; мало того,— одного воспоминанія объ нихъ бываетъ нерѣдко достаточно, чтобы вызвать непроизвольное отдѣленіе слюны. Фактами этими

несомнѣнно доказывается, что ощущенія и представленія, вызываемыя видомъ опредѣленныхъ предметовъ или даже простымъ объ нихъ воспоминаніемъ, отражаются усиливающимъ образомъ на процессѣ слюноотдѣленія.

Существуютъ, однако, и такія формы психическаго возбужденія, т.-е. чувствъ или аффектовъ, которыя отражаются угнетающимъ образомъ на процессѣ слюноотдѣленія и таковымъ является несомнѣнно чувство страха или испуга. Кому въ самомъ дѣлѣ неизвѣстно, что при извѣстной силѣ безпокойнаго, боязливаго ожиданія у насъ сильно пересыхаетъ ротъ. Фактъ этотъ уже издавна былъ подмѣченъ людьми и настолько сдѣлался общеизвѣстнымъ, что легъ даже въ основу одного древняго индѣйскаго обычая —узнавать преступника на судѣ по тому, въ состояніи ли онъ разжевать и проглотить данный ему рисъ или нѣтъ. Обычай этотъ предполагаетъ, что если преступникъ дѣйствительно виновенъ, то онъ долженъ страшиться суда, и это чувство страха исключаетъ одно изъ условій, необходимыхъ для проглатыванія разжеваннаго риса. Условіе это и заключается въ отсутствіи при этомъ слюноотдѣленія, безъ котораго немыслимо образованіе пищевого комка, подлежащаго проглатыванію. Едва ли стоитъ упоминать о томъ, что этотъ древній пріемъ опредѣленія преступности человѣка не заслуживаетъ серьезнаго довѣрія, и если я упомянулъ объ немъ, то только ради его физіологическаго интереса. Такимъ подавленіемъ слюноотдѣленія чувствомъ страха или боязливаго ожиданія вѣроятно, объясняется и общераспространенный обычай большинства лекторовъ и ораторовъ запасаться стаканомъ воды, доставляющимъ услуги въ особенности въ началѣ ихъ рѣчей, когда вслѣдствіе скудости слюноотдѣленія, ротъ ихъ бываетъ сухъ и когда поэтому свободное теченіе рѣчи бываетъ нѣсколько затруднено.

Нервное возбужденіе, лежащее въ основѣ чувства страха, угнетаетъ такимъ образомъ функціи слюноотдѣлительныхъ центровъ, заложенныхъ въ продолговатомъ мозгу, и тогда рефлекторное возбужденіе ихъ пищевыми веществами съ чувствующихъ нервовъ полости рта и языка остается безъ малѣйшаго аффекта.

Свѣденія наши относительно вліянія различныхъ психическихъ состояній на остальныя железы пищеварительнаго канала представляются крайне скудными. Обстоятельство это зависитъ какъ отъ трудности наблюденія функцій этихъ железъ, при нормальныхъ условіяхъ у человѣка, такъ и отъ неполноты нашихъ знаній относительно иннерваціи этихъ органовъ. Что касается иннерваціи, то опыты надъ животными выяснили съ большей или

меньшей ясностью, что на выработку и на выдѣленіе печенью желчи имѣютъ опредѣленное вліяніе колебанія въ притокѣ къ ней крови, вызываемыя возбужденіемъ или параличемъ сосудодвигательныхъ нервовъ печени; возбужденіе печеночныхъ нервовъ, сокращая сосуды печени и уменьшая притокъ къ ней крови, обусловливаетъ уменьшеніе отдѣленія желчи и наоборотъ перерѣзка этихъ нервовъ, вызывая расширеніе печеночныхъ сосудовъ съ послѣдовательнымъ приливомъ къ нимъ крови, ведетъ къ увеличенію отдѣленія желчи. При этомъ замѣчено было, что первымъ аффектомъ раздраженія печеночныхъ нервовъ является всегда временное усиленіе тока желчи, обусловленное выталкиваніемъ ея сокращающимися стѣнками выводныхъ протоковъ. Такъ какъ нѣкоторыя вещества, въ родѣ пилокарпина, возбуждающія при введеніи въ организмъ отдѣлительные нервы слюнныхъ железъ, дѣйствуютъ также усиливающимъ образомъ и на выработку желчи, то полагаютъ, что и печеночныя клѣтки, завѣдующія приготовленіемъ желчи, также находятся подъ вліяніемъ особыхъ желчеотдѣлительныхъ нервовъ, функцію которыхъ не удалось еще выдѣлить вполнѣ удовлетворительно.

Для насъ особый интересъ представляютъ опыты Бошефонтена надъ собаками, у которыхъ раздраженіе лобныхъ извилинъ мозговыхъ полушарій вблизи крестовидной борозды, обусловливаетъ полное прекращеніе желчеотдѣленія: оказалось, что истеченіе желчи изъ трубочки, вставленной въ выводной протокъ печени, совершавшееся при покоѣ животнаго довольно быстро, (около 20 капель въ минуту), вполнѣ прекращалось при раздраженіи указанныхъ мѣстъ полушарій головного мозга. Трудно сказать, чѣмъ обусловливается эта остановка желчеотдѣленія, прекращеніемъ ли при этомъ процесса выработки желчи печенью или же просто запираніемъ выводного протока ея, препятствующимъ вытеканію желчи. Послѣднее объясненіе намъ кажется болѣе вѣроятнымъ. Каково бы ни было, однако, объясненіе факта, онъ все-же не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что возбужденное состояніе мозговой коркн можетъ рѣзко отражаться на процессѣ выдѣленія желчи.

Согласно съ этимъ мы и видимъ, что нѣкоторыя сильныя душевныя волненія подавляющаго характера и сильные аффекты въ видѣ гнѣва бываютъ нерѣдко причиной быстро развивающейся желтухи. Въ медицинской литературѣ встрѣчаются несомнѣнные примѣры того, какъ люди, повидимому совершенно здоровые, послѣ сильнаго припадка гнѣва рѣзко желтѣютъ и покровы ихъ принимаютъ лимонный оттѣнокъ. Все дѣло тутъ

зависитъ, какъ говорятъ въ общежитіи, отъ разлитія желчи по тѣлу; на самомъ же дѣлѣ этотъ рѣзко бросающійся въ глаза припадокъ желтухи зависитъ при гнѣвѣ вѣроятно отъ того, что выдѣленіе желчи въ кишечный каналъ прекращается вслѣдствіе сжатія выводныхъ протоковъ печени и застаивающаяся отъ этого въ печени желчь всасывается кровью, омывающею печень, разносится кровообращеніемъ по всему тѣлу и окрашиваетъ покровы тѣла, а равно и бѣлочную оболочку глаза.

Намъ ничего неизвѣстно къ сожалѣнію относительно вліянія психическихъ возбужденій на дѣятельность поджелудочной железы и чисто кишечныхъ железъ, заложенныхъ въ толщѣ слизистой оболочки кишечнаго канала, и потому оставляя органы эти въ сторонѣ, мы остановимся на минуту на дѣятельности желудочныхъ железъ. Слизистая оболочка желудка снабжена многочисленными железками, приготовляющими особый желудочный сокъ, крайне необходимый для перевариванія бѣлковыхъ веществъ пищи. Дѣятельность этихъ железъ не стоитъ, повидимому, ни въ какой тѣсной зависимости отъ центральной или симпатической нервной системы, такъ какъ перерѣзка всѣхъ подходящихъ къ желудку нервовъ, а равно и разрушеніе всѣхъ сосѣднихъ симпатическихъ сплетеній не отражается болѣе или менѣе замѣтнымъ образомъ на процессахъ отдѣленія желудочнаго сока. Нервный механизмъ, завѣдующій дѣятельностью желудочныхъ железъ, если только допустить его существованіе, долженъ быть заложенъ въ самихъ стѣнкахъ желудка. Такое заключеніе вытекаетъ изъ опытовъ надъ животными и въ особенности надъ собаками, у которыхъ производились искусственныя желудочныя фистулы, т.-е. опредѣленныя отверстія въ стѣнкѣ желудка, черезъ которыя полость послѣдняго сообщалась непосредственно съ наружнымъ міромъ. Если вставить въ такое отверстіе широкую металлическую трубку, то черезъ нее легко бываетъ собирать вырабатываемый въ желудкѣ сокъ, а съ другой легко бываетъ слѣдить и за отдѣленіемъ сока стѣнками желудка. Благодаря такому пріему, было замѣчено, что всякое механическое раздраженіе стѣнокъ желудка попадающей въ него нормальнымъ путемъ пищей или всякое механическое или химическое раздраженіе ихъ черезъ отверстіе фистулы влечетъ за собою отдѣленіе желудочнаго сока. Въ ряду подобныхъ наблюденій надъ животными съ желудочными фистулами особаго вниманія нашего заслуживаетъ слѣдующій фактъ: если животному голодному показать, напримѣръ, кусокъ мяса и наблюдать за желудкомъ черезъ фистулу, то нерѣдко можно вызвать этимъ путемъ отдѣленіе желудочнаго сока. Фактъ этотъ

можетъ служить явнымъ доказательствомъ того, что и психическое возбужденіе животнаго способно отражаться на дѣятельности желудочныхъ железъ. Съ другой стороны изъ опытовъ надъ животными извѣстно, что сильныя болевыя ощущенія, причиняемыя животнымъ раздраженіемъ и растравливаніемъ какихъ-нибудь болѣзненныхъ ранъ, обусловливаютъ рѣзкое разстройство желудочнаго пищеваренія, тѣмъ болѣе выраженное, чѣмъ сильнѣе была причиненная животному боль. Аналогичные факты наблюдались Джонсономъ и на людяхъ.

Особенно рѣзко отражаются на выдѣленіи желудочнаго сока у людей сильныя душевныя потрясенія, въ родѣ гнѣва, испуга, безпокойства и т. д. По согласному свидѣтельству Бёдда и Бомона, имѣвшихъ возможность наблюдать за пищевареніемъ въ желудкѣ людей, обладавшихъ случайными желудочными фистулами, гнѣвъ обусловливаетъ временное прекращеніе отдѣленія желудочнаго сока и рѣзкое разстройство желудочнаго пищеваренія.

Вотъ и все, что́ можно сказать существеннаго относительно вліянія психическихъ явленій на дѣятельность органовъ пищеваренія. Пробѣлы нашихъ знаній въ этой области, какъ видитъ читатель, громадны и будущимъ изслѣдователямъ открыто здѣсь широкое поле для новыхъ наблюденій.

Такъ какъ разнообразнѣйшія формы психической дѣятельности отражаются, какъ это мы видѣли, болѣе или менѣе рѣзко на физіологическихъ отправленіяхъ органовъ кровообращенія, дыханія и пищеваренія, то тѣмъ самымъ онѣ должны оказывать опредѣленное вліяніе и на общее питаніе и ростъ человѣческаго организма. Это уже прямо вытекаетъ изъ того, что кровь служитъ внутренней средой нашего тѣла, изъ которой всѣ тканевые элементы почерпаютъ матеріалы для своего питанія; ея нормальный составъ всецѣло зависитъ съ одной стороны отъ нормальной дѣятельности органовъ дыханія, поставляющихъ крови необходимый для жизни кислородъ и освобождающихъ ее отъ ненужной и вредной угольной кислоты, а съ другой отъ нормальной функціи пищеварительныхъ органовъ, поставляющихъ въ кровь разнообразнѣйшія питательныя вещества, нужныя для ремонта разрушающихся во время жизни тканей. Такъ какъ психическія возбужденія отражаются такъ или иначе на дѣятельности органовъ дыханія и пищеваренія, то они чрезъ это могутъ вліять измѣняющимъ образомъ и на составъ крови, ухудшать

или улучшать его. Сверхъ того, психическія возбужденія, вліяя на силу и частоту сердцебіеній и на просвѣтъ кровеносныхъ сосудовъ, могутъ мѣнять скорость кровообращенія, боковое давленіе крови и самое распредѣленіе крови по различнымъ провинціямъ тѣла, а всѣ эти условія, вмѣстѣ взятыя, должны, очевидно, отражаться на питательныхъ явленіяхъ нашего тѣла или, какъ мы выразились раньше, на явленіяхъ метаморфоза или обмѣна въ немъ веществъ.

Какимъ образомъ, спрашивается, можно обнаружить эти предполагаемыя сложныя вліянія? Какъ доказать существованіе ихъ экспериментальнымъ путемъ? Первое, съ чего слѣдуетъ начать въ этомъ отношеніи, это — съ опредѣленія способа, при помощи котораго возможно слѣдить за количественной и качественной стороной явленій питанія или обмѣна веществъ въ тѣлѣ.

Всѣмъ, конечно, извѣстно, что всѣ элементы живыхъ тканей во время жизни разрушаются и постепенно возстановляются на счетъ составныхъ частей притекающей къ нимъ крови. Эти жизненныя явленія разрушенія и ремонта тканей неуловимы, однако, для глаза нашего, даже вооруженнаго самыми сильными увеличительными стеклами. Клѣточные элементы живыхъ прозрачныхъ перепонокъ, какъ, напримѣръ, плавательной перепонки лягушки, брыжейки, не представляютъ подъ микроскопомъ никакихъ измѣненій, уловимыхъ глазомъ, которыя бы свидѣтельствовали о совершающихся въ нихъ процессахъ жизненнаго разрушенія и возстановленія; а между тѣмъ, едва ли кто сомнѣвается въ томъ, что они имѣютъ въ нихъ мѣсто. На основаніи этихъ данныхъ процессы метаморфоза тканей относятся физіологами къ ряду явленій чисто молекулярной природы. Способъ непосредственнаго наблюденія тканей съ цѣлью опредѣленія величины обмѣна веществъ въ тѣлѣ дѣлается на этомъ основаніи непримѣнимымъ. Поэтому приходится прибѣгать къ косвенному пріему оцѣнки степени обмѣна веществъ въ тѣлѣ, это — къ опредѣленію или колебаній вѣса тѣла подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ условій, или конечныхъ продуктовъ общаго обмѣна веществъ, выводимыхъ изъ тѣла чрезъ извѣстные промежутки времени.

Характеристической особенностью взрослаго здороваго организма служитъ сохраненіе имъ болѣе или менѣе постояннаго вѣса при опредѣленномъ пищевомъ режимѣ. Такой результатъ мыслимъ только, конечно, при одномъ условіи: при полномъ равновѣсіи между процессами разрушенія и возстановленія тканей. Разъ вѣсъ взрослаго организма постепенно падаетъ, не смотря на доставляемое ему нормальное количество и качество пищи,

мы въ правѣ заключить, что процессы питанія въ немъ разстроены и что процессы возстановленія тканей упали въ немъ ниже нормы. Этотъ пріемъ въ дѣйствительности и примѣняется физіологами при оцѣнкѣ степени питанія организма и явленій обмѣна въ немъ веществъ.

Къ той же цѣли можно подойти, конечно, и другимъ путемъ, какъ это вытекаетъ изъ слѣдующихъ соображеній. Такъ какъ обмѣнъ веществъ въ тѣлѣ сводится на жизненное разрушеніе тканей организма и на возстановленіе ихъ, то понятно, что чѣмъ энергичнѣе совершается обмѣнъ веществъ въ тѣлѣ, тѣмъ больше въ ту же единицу времени въ немъ разовьется продуктовъ расщепленія или окисленія тканей и тѣмъ большее количество питательныхъ веществъ станетъ усвоиваться изъ внѣшняго міра. Продукты разрушенія тканей выводятся здоровымъ организмомъ по мѣрѣ ихъ образованія выдѣлительными органами въ формѣ угольной кислоты, мочевины, разнообразныхъ солей и т. д. и по количеству ихъ мы въ состояніи судить объ энергіи обмѣна веществъ въ тѣлѣ. Этотъ послѣдній пріемъ и примѣнялся пока почти исключительно при опытахъ надъ вліяніемъ возбужденій органовъ чувствъ на обмѣнъ веществъ въ тѣлѣ.

Прежде, однако, чѣмъ перейти къ изложенію добытыхъ въ этомъ направленіи результатовъ, намъ слѣдуетъ выяснить одинъ важный для насъ въ эту минуту вопросъ, а именно, оказываетъ ли нервная система какое-нибудь *непосредственное* вліяніе на питаніе тканей? Къ сожалѣнію, всѣ сдѣланныя по настоящее время попытки къ экспериментальному рѣшенію этого вопроса на животныхъ остались въ общемъ безуспѣшными За то наблюденія надъ людьми, страдающими различными пораженіями нервной системы, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что питаніе кожи, мышцъ и суставовъ рѣзко и быстро разстраиваются при опредѣленныхъ пораженіяхъ спинного мозга, не вызывающихъ какихъ-либо рѣзкихъ измѣненій въ мѣстномъ кровообращеніи. Мысль о непосредственномъ вліяніи нервной системы на питательныя явленія въ тканяхъ не представляетъ, впрочемъ, ничего неестественнаго въ виду того несомнѣннаго факта, что раздраженіе отдѣлительныхъ нервовъ различныхъ слюнныхъ железъ вызываетъ рѣзкія измѣненія въ формѣ и составѣ составляющихъ ихъ отдѣлительныхъ клѣтокъ. Такимъ образомъ существованіе, по крайней мѣрѣ въ тѣлѣ человѣка, прямыхъ нервныхъ вліяній на питаніе тканевыхъ элементовъ, или такъ называемыхъ трофическихъ вліяній, становится крайне вѣроятнымъ, хотя и не вполнѣ еще доказаннымъ.

Каждому, конечно, должно быть понятно, что если вопросъ о существованіи нервныхъ трофическихъ вліяній является въ настоящее время еще проблематичнымъ, то тѣмъ труднѣе еще можетъ быть доказано трофическое значеніе психическихъ вліяній, т.-е. непосредственное участіе этихъ послѣднихъ въ процессахъ питанія тканевыхъ элементовъ. И въ самомъ дѣлѣ, всѣ приводимые ниже факты касательно вліянія раздраженій различныхъ органовъ чувствъ и вызываемыхъ чрезъ это психическихъ возбужденій на явленія питанія и метаморфоза веществъ въ тѣлѣ не могутъ служить доказательствомъ трофическаго значенія психическихъ вліяній, такъ какъ въ наблюденіяхъ и опытахъ подобнаго рода измѣненія въ метаморфозѣ могутъ зависѣть отъ перемѣнъ въ функціяхъ органовъ кровообращенія, дыханія, пищеваренія и мышечной системы, а не отъ непосредственнаго участія психическихъ возбужденій въ явленіяхъ питанія тканевыхъ элементовъ. Сдѣлавъ эту оговорку во избѣжаніе недоразумѣній, я могу перейти къ изложенію тѣхъ немногихъ опытовъ, которые были сдѣланы съ цѣлью опредѣленія вліянія зрительныхъ и кожныхъ раздраженій на метаморфозъ въ тѣлѣ.

Молешоттъ былъ первымъ авторомъ, указавшимъ на то, что лягушки при свѣтѣ выдѣляютъ въ ту же единицу времени больше угольной кислоты, нежели въ темнотѣ, въ пропорціи 125 къ 100. Эта работа послужила исходной точкой многихъ другихъ, имѣвшихъ цѣлью опредѣлить способъ, которымъ свѣтъ вызываетъ усиленное дыханіе тканей. Дѣло въ томъ, что свѣтъ представляетъ для живыхъ тканей довольно сильнаго раздражителя, могущаго вызывать усиленное разрушеніе, расщепленіе ихъ. Такъ вырѣзанная только-что изъ тѣла мышца при свѣтѣ выдѣляетъ больше угольной кислоты, нежели въ темнотѣ; и другія вырѣзанныя изъ тѣла живыя ткани представляютъ ту же особенность. Свѣтъ является не только раздражителемъ глазъ, но и кожи, какъ это вытекаетъ изъ любопытныхъ опытовъ Введенскаго. Такъ лягушка съ перерѣзанными зрительными нервами, т.-е. въ полномъ смыслѣ слѣпая, поворачиваетъ нѣсколько голову къ свѣту, широко раскрываетъ носовое отверстіе, обращенное къ свѣту и горловой мѣшокъ больше съуживается на тѣневой, нежели на освѣщенной сторонѣ. Чувствительность на освѣщенныхъ мѣстахъ кожи какъ у лягушки, такъ и у человѣка повышается—и т. д. Факты подобнаго рода доказываютъ несомнѣнно, что свѣтъ можетъ дѣйствовать на организмъ и не вызывая въ немъ зрительныхъ впечатлѣній. Въ присутствіи зрительныхъ органовъ дѣйствіе свѣта на организмъ выражается еще рѣзче,

какъ это видно изъ опытовъ того же Молешотта, въ которыхъ онъ сравнивалъ при равныхъ остальныхъ условіяхъ количества выдыхаемой угольной кислоты ослѣпленными и нормальными лягушками при свѣтѣ. Первыя выдѣляли меньше этого газа, нежели послѣднія, въ пропорціи 100 къ 114. Такіе же результаты были получены Сельми и Піачентини на собакахъ, курахъ, голубяхъ, причемъ авторы эти выяснили, кромѣ того, что изъ цвѣтныхъ лучей желтые оказываются наиболѣе дѣятельными, за ними идутъ синіе и подъ конецъ фіолетовые. Что увеличенное выдѣленіе угольной кислоты при свѣтѣ зрячими животными сравнительно съ слѣпыми не зависитъ отъ большей подвижности первыхъ, доказательствомъ тому могутъ служить опыты Хассановича, показавшіе, что и лягушки, неспособныя къ передвиженію вслѣдствіе перерѣзки спиннаго мозга, со стороны выдѣленія угольной кислоты не представляютъ никакихъ значительныхъ разницъ отъ животныхъ нормальныхъ. Поттъ, работая надъ вліяніемъ цвѣтныхъ лучей на дыханіе домашней мыши, пришелъ къ результатамъ, сходнымъ съ предъидущими; наиболѣе яркіе желтые лучи оказывали наиболѣе сильное дѣйствіе. Впрочемъ, такое дѣйствіе цвѣтныхъ лучей не подтверждается болѣе новѣйшими опытами Молешотта и Фубини, по которымъ усиленное выдѣленіе угольной кислоты у млекопитающихъ, птицъ и пресмыкающихся наступаетъ при дѣйствіи сине-фіолетовыхъ и красныхъ лучей.

Особенный интересъ представляютъ для насъ опыты Платена надъ кроликами. Для устраненія закрыванія вѣкъ послѣднія укрѣплялись липкимъ пластыремъ; когда же требовалась темнота, то на глаза животныхъ надѣвался родъ деревянныхъ очковъ, на кольца которыхъ навинчивались непрозрачныя деревянныя крышки. Такимъ образомъ глаза животныхъ оказывались совершенно изолированными отъ свѣта. Изслѣдуя количества поглощаемаго кислорода и выдыхаемой угольной кислоты при указанныхъ условіяхъ, авторъ этотъ нашелъ, что количества кислорода, потребленныя въ темнотѣ и при свѣтѣ, относятся какъ 100 къ 116, а количество выдохнутой угольной кислоты, какъ 100 къ 114.

Этотъ выводъ несомнѣнно доказываетъ, что свѣтъ, дѣйствующій чрезъ глазъ, увеличиваетъ обмѣнъ веществъ въ тѣлѣ, т.-е. какъ процессы возстановленія, такъ и процессы разрушенія веществъ въ организмѣ; а такъ какъ въ основѣ развитія различныхъ живыхъ силъ въ организмѣ лежитъ процессъ превращенія веществъ въ тѣлѣ, то стало быть, свѣтъ, вліяя на организмъ

черезъ глазъ, увеличиваетъ всю жизненную энергію его. Годневъ приводитъ факты, доказывающіе, что свѣтъ, дѣйствующій на глазъ человѣка, обусловливаетъ усиленное разрушеніе и бѣлковыхъ веществъ, входящихъ въ составъ его тканей,—такъ какъ люди при свѣтѣ выдѣляютъ въ ту же единицу времени больше мочевины, чѣмъ въ темнотѣ; такъ какъ мочевина является однимъ изъ главныхъ продуктовъ разрушенія или расщепленія бѣлковъ тѣла, то по количеству ея, выводимому тѣломъ, мы въ правѣ судить о степени разрушенія бѣлковыхъ веществъ въ организмѣ.

Можно впрочемъ и инымъ путемъ убѣдиться въ томъ, что обмѣнъ веществъ въ тѣлѣ увеличивается при дѣйствіи на организмъ свѣта; это—по паденію вѣса голодающихъ животныхъ при свѣтѣ и темнотѣ. Нѣкоторые авторы замѣтили даже на млекопитающихъ животныхъ, что во всякомъ періодѣ голоданія потери въ вѣсѣ днемъ бываютъ больше, нежели ночью. Фубини опытами надъ голодающими лягушками окончательно установилъ, что вѣсовыя потери при свѣтѣ у лягушекъ зрячихъ и слѣпыхъ относятся какъ 2,29 къ 1, т.-е. у первыхъ потеря эта болѣе чѣмъ вдвое, нежели у вторыхъ. Съ этимъ согласны и опыты Годнева надъ кошками.

Что касается до фактовъ, доказывающихъ благотворное дѣйствіе свѣта на возрожденіе тканей, то въ этомъ отношеніи давно уже извѣстно (Гэммондъ), что раны у людей заживаютъ, повидимому, быстрѣе, если онѣ подвергаются по временамъ дѣйствію свѣта. Раны кожи заживаютъ быстрѣе у животныхъ, спящихъ при свѣтѣ, нежели у тѣхъ, которыя пребываютъ въ темнотѣ (Годневъ). Согласно съ этимъ и возстановленіе функцій поврежденныхъ нервовъ и мышцъ идетъ быстрѣе при свѣтѣ, чѣмъ въ темнотѣ.

Такъ какъ вся сумма приведенныхъ здѣсь фактовъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ о благотворномъ вліяніи свѣта на обмѣнъ веществъ въ тѣлѣ, то естественно предположить, что свѣтъ долженъ способствовать развитію и росту животныхъ и человѣка. Эдвардсъ изслѣдованіемъ развитія лягушечныхъ яицъ и головастиковъ несомнѣнно доказалъ это положеніе. Но насъ должны интересовать въ этомъ отношеніи гораздо болѣе опыты надъ развитіемъ млекопитающихъ животныхъ, и въ этомъ отношеніи опыты Годнева надъ развитіемъ котятъ одного помёта показали, что при равныхъ остальныхъ условіяхъ, животныя, подвергавшіяся дѣйствію свѣта, развивались лучше и больше прибывали въ вѣсѣ, нежели животныя, находившіяся въ темнотѣ. Горбацевичъ, работая въ томъ же направленіи надъ развитіемъ

щенятъ, пришелъ къ тому заключенію, что всѣ вообще извѣстные лучи свѣта благопріятствуютъ развитію и росту млекопитающихъ и что сильнѣе всего дѣйствуютъ въ этомъ отношеніи наиболѣе яркіе, т.-е. красные и оранжевые лучи. Итакъ, свѣтъ, дѣйствующій на организмъ высшихъ животныхъ главнымъ образомъ чрезъ глазъ, вызывая свѣтовыя ощущенія, благопріятствуетъ общему обмѣну веществъ въ тѣлѣ, а отсюда развитію и росту тѣла и повышаетъ всѣ его жизненныя отправленія.

Медицинская литература изобилуетъ фактами, доказывающими, что отсутствіе или даже недостатокъ свѣта служитъ причиной многихъ заболѣваній, вытекающихъ изъ недостаточнаго обмѣна веществъ въ тѣлѣ, и итальянская пословица, гласящая, что «куда не проникаетъ свѣтъ, туда входитъ болѣзнь», является вполнѣ справедливой.

Кому неизвѣстно то состояніе подавленности и угнетеннаго настроенія духа, которыя нерѣдко испытываемъ мы въ сѣрые осенніе дни, подъ небомъ, покрытымъ со всѣхъ сторонъ свинцовыми тучами и, наоборотъ, веселое, возбужденное состояніе и прекрасное самочувствіе, испытываемое нами въ яркіе солнечные дни. Причины этого различія въ самочувствіи кроются, между прочимъ, въ различной энергіи, съ которой совершаются процессы обмѣна веществъ въ нашемъ тѣлѣ при различной силѣ освѣщенія. Яркій солнечный свѣтъ, увеличивая въ нашемъ организмѣ обмѣнъ веществъ, обусловливаетъ наплывъ жизненной энергіи, тогда какъ темные сѣрые дни, вызывая противуположное состояніе, сопровождаются вялостью, апатичностью всѣхъ нашихъ жизненныхъ функцій.

Для разбираемаго нами вопроса было бы важно рѣшить, насколько указанныя вліянія свѣта на организмъ являются послѣдствіемъ вызываемыхъ имъ свѣтовыхъ ощущеній. Раньше мы уже имѣли случай указать, что свѣтовое возбужденіе глазъ отражается на дѣятельности органовъ кровообращенія только при цѣлости корки мозговыхъ полушарій, т.-е. только при цѣлости той части мозга, въ которой заложены механизмы воспроизведенія различныхъ сознательныхъ ощущеній вообще и въ томъ числѣ свѣтовыхъ. На этомъ основаніи намъ кажется весьма вѣроятнымъ, что описанные нами эффекты вліянія свѣта на обмѣнъ веществъ въ тѣлѣ у высшихъ млекопитающихъ и человѣка являются въ главной части своей послѣдствіемъ возникающихъ въ сознаніи нашемъ свѣтовыхъ ощущеній. Для окончательнаго же рѣшенія этого вопроса недостаетъ опытовъ съ опредѣленіемъ дѣйствія свѣта на обмѣнъ веществъ у животныхъ зрячихъ, но

съ удаленными полушаріями. Подобные опыты, очень легко осуществимые, могли бы окончательно рѣшить этотъ въ высшей степени интересный вопросъ.

Кожныя ощущенія, вызываемыя, напримѣръ, раздраженіемъ кожи морской солью или горчичниками и т. п., увеличиваютъ, какъ показали опыты Цунца и Пальцова, количество выдыхаемой угольной кислоты. Въ такомъ же родѣ,—говоритъ проф. Фойтъ (глубокій знатокъ, въ наше время, обмѣна веществъ въ тѣлѣ),—должны дѣйствовать и возбужденія другихъ органовъ чувствъ, напримѣръ, слухового аппарата музыкой или сильными звуками и шумами, а равно и всякія другія психическія возбужденія нервной системы чувствами радости, и т. д. Къ сожалѣнію, въ наукѣ нѣтъ никакихъ экспериментальныхъ изслѣдованій въ этомъ направленіи.

Что различныя душевныя состоянія могутъ оказывать сильное вліяніе на общее питаніе организма, въ томъ едва ли можно сомнѣваться, опираясь на опытъ вседневной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, чувства и аффекты угнетающаго или подавляющаго характера въ родѣ чувствъ горя, печали, безпокойства и т. д., при длительномъ дѣйствіи ихъ, обыкновенно сопровождаются исхуданіемъ тѣла, паденіемъ его вѣса и т. д. Въ этомъ отношеніи особенно интересны наблюденія Мильнера надъ заключенными въ тюрьмахъ; изъ вѣсовыхъ измѣреній, произведенныхъ этимъ авторомъ, оказалось, что арестанты, находившіеся еще подъ слѣдствіемъ и участь которыхъ была еще не рѣшена, постоянно падали въ вѣсѣ, если только не давали имъ усиленной порціи пищи; тогда какъ арестанты, участь которыхъ уже была порѣшена, увеличивались въ вѣсѣ и безъ усиленной порціи. Очевидно, что эта разница обусловливалась безпокойно боязливымъ настроеніемъ духа первыхъ и сравнительно спокойнымъ, примирившимся душевнымъ состояніемъ вторыхъ.

Вопросъ о томъ, какъ измѣняется метаморфозъ веществъ въ тѣлѣ подъ вліяніемъ процесса мышленія, неоднократно служилъ предметомъ изслѣдованія ученыхъ. Къ сожалѣнію, результаты, полученные различными изслѣдователями, представляются весьма разнорѣчивыми. Исходя изъ того, что мозгъ является органомъ, наиболѣе богатымъ фосфоромъ, и что въ основѣ всякой функціи органа лежитъ вообще разрушеніе составляющаго его вещества, полагали, что мозговая дѣятельность должна сопровождаться усиленнымъ выведеніемъ изъ тѣла фосфорно-кислыхъ солей. Экспериментальныя изслѣдованія въ этомъ направленіи не привели, однако, къ какимъ-нибудь согласнымъ результатамъ; такъ, одни

изслѣдователи дѣйствительно находили при мозговой работѣ увеличеніе выдѣлявшихся фосфатовъ мочей, тогда какъ другіе пришли въ этомъ отношеніи къ отрицательнымъ выводамъ. Ту же участь раздѣляетъ и вопросъ относительно вліянія процесса мышленія на обмѣнъ бѣлковыхъ веществъ въ нашемъ тѣлѣ и выдѣленіе угольной кислоты и мочевины. Вопросъ этотъ, самъ по себѣ въ высокой степени важный, остается такимъ образомъ открытъ для будущихъ изслѣдованій.

Переходя теперь къ вопросу о вліяніи психическихъ явленій на отправленія выдѣлительныхъ органовъ, т.-е. почекъ и потовыхъ желѣзъ, я считаю необходимымъ сначала описать вкратцѣ иннервацію этихъ органовъ.

Къ почкѣ подходятъ нервныя волокна, послѣ перерѣзки которыхъ мочеотдѣленіе усиливается. Это усиленіе мочеотдѣленія зависитъ, повидимому, отъ усиленнаго наплыва крови въ парализованные и, стало быть, расширенные сосуды почекъ, вслѣдствіе чего фильтрація изъ крови воды и негодныхъ продуктовъ обмѣна въ мочевые пути увеличивается. Искусственное раздраженіе этихъ волоконъ, вызывая съуженіе почечныхъ сосудовъ и уменьшенный притокъ къ нимъ крови, обусловливаетъ уменьшеніе почечнаго выдѣленія. Такъ какъ актъ мочеотдѣленія зависитъ частью отъ явленій фильтраціи жидкихъ веществъ крови въ мочевые пути, то становится понятнымъ, что всѣ условія, увеличивающія давленіе крови въ сосудахъ, повышаютъ мочеотдѣленіе, а таковыми являются самыя разнообразныя возбужденія чувствующихъ нервовъ, въ томъ числѣ и органовъ чувствъ. Такъ какъ возбужденіе и корки мозговыхъ полушарій повышаетъ, какъ это мы видѣли, при извѣстныхъ условіяхъ боковое давленіе крови, то естественно предположить, что и психическія возбужденія, протекающія въ сферѣ корки мозговыхъ полушарій и возбуждающія энергичную дѣятельность органовъ кровообращенія, должны повышать мочеотдѣленіе. О томъ, вліяетъ ли нервная система непосредственно на почечные элементы помимо вызываемыхъ ею измѣненій въ кровообращеніи, т.-е. существуютъ ли настоящіе мочеотдѣлительные нервы, подобные слюноотдѣлительнымъ, мы не имѣемъ пока ни малѣйшаго представленія.

Что касается до потовыхъ железъ, разсѣянныхъ въ числѣ нѣсколькихъ милліоновъ въ кожѣ человѣка, то дѣятельность ихъ стоитъ несомнѣнно въ зависимости какъ отъ кожнаго кровообращенія, такъ и отъ нервной системы непосредственно. Одного при-

тока крови къ кожѣ оказывается недостаточно для вызова потоотдѣленія; требуется, кромѣ того,—какъ это показали опыты Люксингера, Навроцкаго и др.—чтобы нервы, подходящіе къ потовымъ желѣзамъ, находились въ возбужденномъ состояніи. Можно вызвать у молодыхъ котятъ, напримѣръ, отдѣленіе пота даже въ совершенно вырѣзанной, но еще живой ногѣ путемъ раздраженія подходящихъ къ ней нервовъ. Намъ извѣстно, кромѣ того, что нервные центры, завѣдующіе потоотдѣленіемъ, заложены какъ въ спинномъ, такъ и въ одной части головного мозга, а именно въ продолговатомъ мозгу. Центры эти могутъ приводиться въ дѣятельность отраженнымъ путемъ, посредствомъ раздраженія различныхъ чувствующихъ нервовъ. О томъ, можно ли вызвать потоотдѣленіе посредствомъ раздраженія коркового вещества мозговыхъ полушарій нельзя въ настоящее время сказать ничего положительнаго, вслѣдствіе отсутствія опытныхъ данныхъ.

Систематической разработки вопроса о вліяніи различныхъ психическихъ состояній на мочеотдѣленіе и потоотдѣленіе къ сожалѣнію не существуетъ, и намъ остается довольствоваться пока весьма скудными указаніями въ этомъ направленіи. Мы можемъ только пока утвердительно сказать, что различныя психическія возбужденія отражаются иногда рѣзко на дѣятельности почекъ и кожи. Такъ, по наблюденіямъ Дарвина и Тюка, чувства страха, испуга, безпокойнаго душевнаго волненія, сопровождающіяся обыкновенно съуженіемъ сосудовъ и повышеніемъ давленія крови, увеличиваютъ мочеотдѣленіе подобно холоду. Тѣ же самые чувства и аффекты въ высшихъ степеняхъ своихъ могутъ обусловливать не только увеличенное выдѣленіе мочи, но и появленіе въ ней ненормальныхъ составныхъ частей, а именно сахара, какъ на это указываютъ наблюденія Шмитца и Томази.

Намъ, къ сожалѣнію, болѣе ничего неизвѣстно относительно вліянія различныхъ другихъ формъ психической дѣятельности, т.-е. ощущеній, акта мышленія и воли на дѣятельность почечнаго аппарата; разработка этихъ вопросовъ лежитъ впереди, хотя съ большимъ вѣроятіемъ можно предположить, что всѣ формы психической дѣятельности, вызывающія болѣе энергичное кровообращеніе съ повышеніемъ бокового давленія крови, должны сопровождаться увеличеніемъ мочеотдѣленія.

Вліяніе различныхъ психическихъ состояній на потоотдѣленіе намъ извѣстно нѣсколько больше, благодаря прекраснымъ изслѣдованіямъ въ этомъ направленіи Вейриха. Слѣдя за количествами испарины, выдѣляемой кожей человѣка, при помощи особаго

приспособленія и при различныхъ условіяхъ, авторъ этотъ пришелъ къ крайне цѣннымъ для насъ выводамъ. Изъ психическихъ вліяній особенно рѣзко отражаются усиливающимъ образомъ на отдѣленіе пота и въ общемъ испарины психическія возбужденія или душевныя движенія, т.-е. чувства и аффекты (на 50%); они занимаютъ въ ряду условій, повышающихъ испарину, второе мѣсто послѣ энергичныхъ мышечныхъ движеній, наисильнѣе всего увеличивающихъ количество испарины. Затѣмъ и мозговой трудъ въ формѣ процесса мышленія, напримѣръ, ученаго, сидящаго за своимъ рабочимъ столомъ, также увеличиваетъ испарину выше средняго количества ея при полномъ покоѣ. Замѣчательно, что послѣ утомленія, какого бы происхожденія оно ни было, зависитъ ли оно отъ усиленной умственной или мышечной работы, испарина рѣзко понижается и держится ниже средняго уровня ея при покоѣ. Кромѣ того, чувства и аффекты подавляющаго, угнетающаго характера рѣзко понижаютъ, подобно утомленію, среднее количество испарины (на 10—15%).

Весьма вѣроятно, что и разнообразныя ощущенія, вызываемыя раздраженіемъ различныхъ чувствующихъ поверхностей тѣла, должны отражаться такъ или иначе на потоотдѣленіи. Къ сожалѣнію, вопросъ этотъ пока еще не разработанъ.

О томъ, что психическія состоянія въ самомъ дѣлѣ рѣзко отражаются, и притомъ разнообразно, на потоотдѣленіи, можно судить еще по тому, что при чувствѣ страха, испуга, тѣло наше покрывается обильнымъ потомъ. Кромѣ того, не безъинтересно извѣстное, вѣроятно, многимъ явленіе рѣзкаго и внезапнаго овлажненія ладонной поверхности руки, когда передъ подачей ея при здорованіи человѣкъ опасается, чтобы она не сдѣлалась влажной и не произвела тѣмъ самымъ непріятнаго впечатлѣнія. Одного опасенія объ этомъ уже бываетъ достаточно, чтобы у многихъ вызвать усиленную испарину именно на ладонной поверхности рукъ.

Остается сказать здѣсь еще нѣсколько словъ относительно молочныхъ железъ, приготовляющихъ, какъ извѣстно, молоко, которое можетъ быть также разсматриваемо какъ особое выдѣленіе, не нужное для самого индивидуума, вырабатывающаго этотъ продуктъ. Отражаются ли различныя психическія состоянія и на отдѣленіи молока?

Изъ работъ Рёрта и Лафона намъ извѣстно, что къ молочнымъ железамъ у животныхъ (козы) подходятъ различныя нервныя волокна, изъ которыхъ одни оканчиваются въ сосудахъ, другія въ стѣнкахъ выводныхъ молочныхъ протоковъ, третьи же

въ долькахъ молочной железы, теряясь среди составляющихъ ихъ отдѣлительныхъ клѣточныхъ элементовъ. Перерѣзка однихъ изъ этихъ волоконъ, сопровождаясь расширеніемъ сосудовъ железы и наплывомъ въ нее крови, обусловливаетъ усиленіе отдѣленія молока; раздраженіе этихъ волоконъ ведетъ къ уменьшенію отдѣленія молока, тогда какъ раздраженіе другихъ нервныхъ вѣтокъ обусловливаетъ увеличеніе отдѣленія молока. Такъ какъ волокна эти связываютъ молочныя железы со спиннымъ мозгомъ, то весьма вѣроятно, что центральная нервная система оказываетъ опредѣленнаго рода дѣйствіе на процессъ подготовленія и выдѣленія молока какъ путемъ измѣненія просвѣта кровеносныхъ сосудовъ и выводныхъ протоковъ железы, такъ и путемъ непосредственнаго вліянія на функціи отдѣлительныхъ элементовъ молочной железы. О томъ, гдѣ заложены нервные центры, управляющіе функціями молочныхъ железъ, мы не въ состояніи сказать въ настоящее время ничего положительнаго. Намъ было важно только указать на эти уже установленные факты, свидѣтельствующіе о томъ, что процессъ отдѣленія молока находится подъ регуляціей центральной нервной системы. Послѣ этого нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что и различныя психическія состоянія могутъ такъ или иначе отражаться на функціяхъ молочныхъ железъ. Примѣрами тому могутъ служить наблюденія Симона, Тимана, Шерера, Карпентера и др., изъ которыхъ видно, что гнѣвъ можетъ рѣзко мѣнять какъ количество, такъ и составъ молока и дѣлать его даже вреднымъ для организма ребенка.

Этимъ я заканчиваю перечисленіе главныхъ фактовъ касательно вліянія различныхъ психическихъ состояній на физіологическія отправленія различныхъ системъ органовъ нашего тѣла. Мы можемъ провѣрить добытыя нами данныя путемъ изслѣдованія такого физіологическаго состоянія нашего организма, при которомъ психическія отправленія нашего мозга совершенно или въ значительной степени отсутствуютъ. Такимъ состояніемъ является нормальный сонъ животныхъ и человѣка. Если все то, что было сказано на счетъ вліянія различныхъ психическихъ состояній на тѣлесныя функціи организма, вѣрно, то сонъ долженъ сопровождаться измѣненіемъ функцій органовъ обратнымъ тому, какое наблюдается въ нихъ при возникновеніи въ насъ различныхъ психическихъ возбужденій, т.-е. при дѣятельномъ бодрствующемъ состояніи организма. Съ этой точки зрѣнія изслѣдованіе состоянія органовъ во время спа представляетъ для излагаемаго нами предмета высокій интересъ.

Какъ въ явленіяхъ окружающей насъ природы наблюдаются болѣе или менѣе часто повторяющіеся періоды, такъ и въ жизни человѣка и животныхъ съ хорошо развитою нервной системой мы замѣчаемъ наклонность къ перемежкѣ работы съ покоемъ; бодрствующее дѣятельное состояніе мозга и мышечной системы замѣняется черезъ извѣстный промежутокъ времени состояніемъ покоя, и человѣкъ невольно засыпаетъ. При физіологическихъ условіяхъ такія перемежки между бодрствованіемъ и сномъ должны повторяться изо-дня въ день, и человѣкъ, работая днемъ, ночью засыпаетъ. Характеристической особенностью сна является прекращеніе сознательной произвольной дѣятельности *головного* мозга, обусловливающее полное разслабленіе мышцъ нашего скелета. Мозгъ, стало быть, подобно сердцу, періодически разслабляющемуся во время діастолы послѣ каждаго сокращенія, представляетъ также періодическія перемежки между работой и покоемъ, вслѣдствіе чего многіе физіологи выражаются о снѣ какъ объ діастолѣ церебральной дѣятельности.

Чѣмъ, спрашивается, вызывается подобное періодически повторяющееся недѣятельное состояніе головного мозга? Нѣкоторыя животныя, лягушки, сурки, медвѣди и др. могутъ переходить въ продолжительный сонъ, въ такъ-называемую зимнюю спячку, подъ вліяніемъ холода зимы. Этотъ холодъ замедляетъ и ослабляетъ колебанія и разложенія частичекъ, изъ которыхъ выстроены клѣтки тѣла и въ особенности нервныхъ молекулъ, вслѣдствіе чего всѣ жизненныя отправленія рѣзко ослабляются, а иногда почти останавливаются — исчезаетъ сознаніе, всѣ психическія функціи, мышечныя движенія и кое-какъ поддерживаются растительные процессы въ организмѣ. Первые теплые весенніе лучи, согрѣвая этихъ животныхъ, пробуждаютъ въ нихъ нормальныя отправленія. Между зимней спячкой и нормальнымъ сномъ существуетъ съ качественной стороны не мало аналогій.

Нормальный, ежедневно повторяющійся сонъ отличается отъ зимней спячки главнымъ образомъ тѣмъ, что въ первомъ случаѣ причины пониженной дѣятельности организма кроются въ немъ самомъ, въ истощеніи человѣка и главнымъ образомъ его мозговыхъ полушарій, которыя не въ состояніи, благодаря пониженной до нельзя молекулярной дѣятельности нервныхъ центровъ, вырабатывать сознаніе и волю.

Аффектъ, достигаемый въ зимней спячкѣ вліяніемъ холода на организмъ, при нормальныхъ условіяхъ повторяется ежедневно, благодаря опредѣленнымъ внутреннимъ измѣненіямъ, возникающимъ въ организмѣ послѣ дневного бодрствованія. Нельзя, однако,

утверждать, чтобы наступленіе нормальнаго сна не зависѣло въ извѣстной степени отъ внѣшнихъ, окружающихъ человѣка, условій: всѣмъ извѣстно, что нормальный сонъ наступаетъ легче всего при устраненіи внѣшнихъ впечатлѣній, свѣтовыхъ, звуковыхъ и другихъ раздраженій нашихъ органовъ чувствъ. Поразительнымъ доказательствомъ этого можетъ служить замѣчательный случай, описанный Штрюмпелемъ. Нѣкій юный сапожникъ страдалъ всеобщей нечувствительностью кожи, обонянія, вкуса, и получалъ впечатлѣнія изъ внѣшняго міра чрезъ посредство только праваго глаза и лѣваго уха. Стоило только прикрыть этотъ глазъ и закупорить это ухо, какъ больной черезъ 2—3 минуты впадалъ въ глубокій сонъ. Изъ этого наблюденія видно, насколько важны для поддержанія бодрствующаго, дѣятельнаго состоянія нашего мозга, т.-е. сознанія,—впечатлѣнія, получаемыя нами изъ внѣшняго міра чрезъ наши органы чувствъ, и насколько цѣлесообразна наклонность человѣка устранять всякія внѣшнія впечатлѣнія передъ нормальнымъ засыпаніемъ.

Конечно, степень истощенія мозга можетъ въ иныхъ случаяхъ быть настолько велика, что сонъ наступаетъ, не взирая ни на какія внѣшнія раздраженія нашихъ органовъ чувствъ, какъ это мы видимъ, напримѣръ, на солдатахъ во время войнъ, спящихъ при громѣ пушекъ. Но все же при обыкновенномъ истощеніи, наступающемъ подъ конецъ обычнаго рабочаго дня, внѣшнія впечатлѣнія могутъ затруднять наступленіе нормальнаго сна.

Впрочемъ, какъ во время бодрствованія, такъ и во время сна сказывается сила привычки къ опредѣленнымъ возбужденіямъ, и тогда отсутствіе или прекращеніе этихъ возбужденій является условіемъ или затрудняющимъ наступленіе сна, или прерывающимъ уже наступившій сонъ. Въ подтвержденіе этого стоитъ только вспомнить, какъ въ силу привычки необходима бываетъ для нѣкоторыхъ дѣтей пѣсня при убаюкиваніи и какъ невольно просыпается курьеръ, ѣдущій, напримѣръ, день и ночь на тройкѣ, при остановкахъ на станціяхъ или мельникъ—при прекращеніи шума мельничнаго колеса. Очевидно, что привычныя впечатлѣнія уже не дѣйствуютъ возбуждающимъ образомъ на мозгъ и что напротивъ того прекращеніе ихъ, вызывая перемѣну въ состояніи нашихъ центральныхъ нервныхъ аппаратовъ, обусловливаютъ актъ просыпанія.

Между сномъ и бодрствованіемъ существуетъ безчисленное множество переходныхъ степеней, при которыхъ головной мозгъ нашъ истощается не въ одинаковой степени и притомъ неоди-

наково въ различныхъ частяхъ своихъ. Одни психическіе центры могутъ во время сна еще оставаться дѣятельными и работать подъ вліяніемъ слѣдовъ дневныхъ возбужденій,—отсюда отрывочныя сновидѣнія и грезы, которыя въ рѣдкихъ случаяхъ могутъ вызывать соотвѣтствующія движенія въ мышцахъ и давать картину сомнамбулизма. Несвязность, нелогичность сновъ и грёзъ обусловливается недостаткомъ неразрывной цѣпи представленій, вслѣдствіе недѣятельнаго состоянія различныхъ центровъ мозговой корки. Объектированіе же сновъ, видѣніе ихъ какъ бы наяву, зависитъ отъ отсутствія контроля нашихъ органовъ чувствъ, находящихся во время нормальнаго сна въ покоѣ.

Глубокій сонъ характеризуется отсутствіемъ грёзъ и сновидѣній и полнымъ покоемъ и разслабленнымъ состояніемъ нашей мышечной системы. Для нашей цѣли важенъ именно такой сонъ, такъ какъ онъ не осложняется никакими психическими явленіями, которыя могли бы отражаться на дѣятельности разнообразныхъ органовъ нашего тѣла. Для преслѣдуемой нами задачи, кромѣ того, еще важно знать, бываетъ ли сонъ одинаково глубокъ во все время его продолженія.

Сонъ, по наблюденіямъ Кольшютера, бываетъ всегда глубже въ началѣ, послѣ чего онъ становится все болѣе и болѣе поверхностнымъ, легкимъ, чуткимъ, такъ что для пробужденія спящаго человѣка требуется, по мѣрѣ теченія сна, все болѣе и болѣе слабыя внѣшнія раздраженія. Авторъ этотъ опредѣлялъ глубину сна по силѣ звука, нужнаго для пробужденія человѣка въ различные періоды сна; звуки же различной силы производились ударомъ падающей съ различной высоты гири объ твердую подставку; чѣмъ съ большей высоты падала гиря, тѣмъ сильнѣе, конечно, былъ производившійся ею звукъ.

Сонъ достигаетъ своей максимальной глубины въ теченіе перваго часа и затѣмъ ослабѣваетъ сначала быстро, а потомъ медленнѣе, вплоть до просыпанія. По Мёнинггофу и Пицбергену сонъ бываетъ глубже всего послѣ третьей четверти второго часа. Затѣмъ глубина сна опять на нѣкоторое время усиливается и подъ конецъ опять постепенно падаетъ вплоть до просыпанія.

Въ чемъ же заключаются внутреннія въ организмѣ самомъ развивающіяся причины сна? Всѣ авторы согласны въ томъ, что причины сна кроются въ переутомленіи центральной нервной системы и въ особенности мозговыхъ полушарій. Обходя молчаніемъ рядъ болѣе старыхъ теорій, я укажу здѣсь на химическую теорію Оберштейнера, по которой во время дневной дѣятельности въ головномъ мозгу накопляются продукты разрушенія,

разложенія нервной ткани и другихъ органовъ, имѣющіе кислотный характеръ и обусловливающіе недѣятельное состояніе нервныхъ центровъ головного мозга.

Прейеръ полагаетъ, что кислота эта и есть молочная кислота, и искусственнымъ введеніемъ молочно-кислаго натра онъ пытался вызывать сонъ, что̀ ему, повидимому, и удавалось и съ чѣмъ не согласны, между прочимъ, нѣкоторые другіе изслѣдователи. Пфлюгеръ же полагаетъ, что недѣятельное состояніе мозговыхъ полушарій во время сна обусловливается истощеніемъ запаса въ нихъ внутри-молекулярнаго кислорода. Бинцъ держится, повидимому, точки зрѣнія Оберштейнера и Прейера и причиной утомленія головного мозга, обусловливающей сонъ, считаетъ накопленіе въ мозгу въ теченіе дня кислыхъ продуктовъ разложенія мозгового вещества или общаго обмѣна веществъ, парализирующихъ функціи нервныхъ центровъ. Во время сна продукты эти, образуясь въ меньшемъ количествѣ, вымываются кровью и тогда наступаетъ пробужденіе. Въ подтвержденіе своего взгляда онъ приводитъ тотъ фактъ, что всѣ снотворныя вещества, каковы: морфій, хлороформъ, эѳиръ, молочная кислота и т. д. въ слабыхъ и нейтральныхъ растворахъ обусловливаютъ рѣзкое, даже морфологическое измѣненіе, живой протоплазмъ нервныхъ центровъ головного мозга, тогда какъ другія вещества подобнаго вліянія не оказываютъ. Снотворныя вещества, благодаря химическому сродству къ протоплазмѣ нервныхъ центровъ, соединяются съ нею и дѣлаютъ ее неспособной къ тѣмъ превращеніямъ и расщепленіямъ, которыя лежатъ въ основѣ дѣятельнаго состоянія нервныхъ центровъ. Клѣтки при этомъ оказываются какъ бы неспособными къ молекулярнымъ движеніямъ и измѣненіямъ, лежащимъ въ основѣ развитія сознанія и воли. Вѣроятнѣе всего, что причина сна кроется, какъ въ накопленіи въ нихъ продуктовъ жизненнаго обмѣна веществъ, такъ и въ недостаткѣ въ нихъ внутри-молекулярнаго кислорода, необходимаго для жизнедѣятельности всякой живой протоплазмы и въ особенности протоплазмы нервныхъ центровъ.

На основаніи всего этого мы видимъ, что мозговыя полушарія во время сна должны быть менѣе или даже вовсе недѣятельными, и стало быть, какъ раздражительность ихъ, такъ и способность ихъ вырабатывать импульсы, необходимые для возникновенія психическихъ явленій, а равно и произвольныхъ движеній, должны быть крайне пониженными. Отсутствіе психическихъ явленій при глубокомъ снѣ вытекаетъ изъ непосредственныхъ наблюденій надъ людьми, находящимися въ этомъ состояніи;

пониженная же раздражительность корки мозговыхъ полушарій во время сна можетъ быть доказана экспериментальнымъ путемъ. Щенки отъ двухъ до шести-недѣльнаго возраста представляются особенно удобными объектами для опытовъ надъ нормальнымъ сномъ. Они при извѣстной тишинѣ и послѣ нѣсколькихъ поглаживаній крайне быстро засыпаютъ даже послѣ того, какъ у нихъ былъ вскрытъ черепъ и обнаженъ головной мозгъ. Какъ извѣстно, на поверхности корки мозговыхъ полушарій существуютъ ограниченныя двигательныя психомоторныя площади, искусственное раздраженіе которыхъ электрическимъ токомъ вызываетъ движенія въ опредѣленныхъ членахъ тѣла. Если во время бодрствованія у щенка опредѣлить ту силу электрическаго тока, при которой появляются первые ясные слѣды такихъ движеній, то послѣ засыпанія ихъ нормальнымъ сномъ, то же раздраженіе тѣхъ же точекъ мозга остается безъ всякаго аффекта; для вызова послѣдняго приходится увеличить силу раздражающаго тока. Очевидно, что при нормальномъ снѣ раздражительность корки мозговыхъ полушарій падаетъ. Такой же аффектъ, но въ еще болѣе рѣзкой степени, наблюдается и при снѣ, искусственно вызванномъ дѣйствіемъ различныхъ снотворныхъ веществъ въ родѣ хлороформа, эѳира и т. д.

Любопытно, что послѣ дневного бодрствованія оба полушарія головного мозга не въ одинаковой степени истощаются; лѣвое утомляется, повидимому, больше праваго и это представляется вполнѣ естественнымъ, если вспомнить, что центры рѣчи, а равно и двигательные центры для членовъ правой половины тѣла исключительно заложены въ коркѣ лѣваго полушарія, тогда какъ въ правомъ полушаріи заложены двигательные центры для лѣвыхъ конечностей, а центръ рѣчи бываетъ, повидимому, слабо развитъ. Большинство людей употребляетъ во время бодрствованія по преимуществу правую руку и, стало быть, бываетъ правшами по рукѣ, но лѣвшами по мозгу; у лѣвшей же, которыхъ вообще не много, дѣло происходитъ наоборотъ. Изъ сказаннаго очевидно, что у большинства людей, наиболѣе дѣятельнымъ полушаріемъ во время дня является лѣвое полушаріе, вслѣдствіе чего оно и должно болѣе утомляться, нежели правое. Обнаружить этотъ фактъ очень легко во время первыхъ двухъ часовъ глубокаго сна у человѣка. Если, какъ на это указала г-жа Манасеина, раздражать у людей спящихъ заостренной палочкой различныя мѣста лица и шеи, то въ громадномъ большинствѣ случаевъ рефлекторное, отмахивающее движеніе производится лѣвой рукой, управляемой правымъ полушаріемъ. Очевидно, что во время сна пра-

вое полушаріе, менѣе утомленное, беретъ на себя роль лѣваго полушарія, отдыхающаго вслѣдствіе бо́льшаго дневного истощенія.

Интересно знать, въ какомъ состояніи находится спинной мозгъ во время нормальнаго сна животныхъ. Для выясненія этого вопроса произведены были опыты въ слѣдующей формѣ. У щенковъ за нѣсколько дней до опыта перерѣзался спинной мозгъ надъ мѣстомъ отхожденія изъ него нервовъ, направляющихся къ нижнимъ оконечностямъ. Нижняя половина тѣла являлась, такимъ образомъ, объединенной отъ передней произвольной, и въ нижнихъ конечностяхъ можно было вызывать лишь рефлекторныя движенія. Если усыпить нормальнымъ путемъ подобное животное, то въ то время, какъ въ переднихъ конечностяхъ развивалась во время сна извѣстная степень нечувствительности къ болевымъ раздраженіямъ, въ заднихъ, управляемыхъ нижнимъ отрѣзкомъ спиннаго мозга, не наблюдалось никакихъ измѣненій въ ихъ рефлекторной дѣятельности; онѣ оставались одинаково дѣятельными. Очевидно, что центры спиннаго мозга, объединенные перерѣзкой отъ головного мозга, не представляютъ той періодичности въ истощеніи и возстановленіи, которая столь отчетливо присуща механизмамъ головного мозга, и это положеніе еще съ большей убѣдительностью доказываетъ, что сонъ есть результатъ недѣятельнаго состоянія мозговыхъ полушарій.

Такое заключеніе, впрочемъ, представляется совершенно естественнымъ, если вспомнить, что головной мозгъ во время бодрствованія находится безпрерывно въ дѣятельномъ состояніи вслѣдствіе постоянной смѣны разнообразныхъ впечатлѣній свѣтовыхъ, слуховыхъ, обонятельныхъ, вкусовыхъ осязательныхъ и др., постоянно вторгающихся въ него изъ внѣшняго міра; бодрствованіе поэтому служитъ выраженіемъ безпрерывно дѣятельнаго состоянія головного мозга, тогда какъ спинной мозгъ работаетъ только рефлекторно съ перерывами подъ вліяніемъ возбужденій, несущихся къ спинно-мозговымъ центрамъ изъ сферы чувствующей поверхности кожи и изъ центральныхъ аппаратовъ головного мозга.

Естественно поэтому, что спинной мозгъ не нуждается въ продолжительныхъ паузахъ покоя, свойственныхъ мозговымъ полушаріямъ и выражающихся извнѣ въ формѣ того, что́ принято называть нормальнымъ сномъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что глубокій сонъ характеризуется главнымъ образомъ недѣятельнымъ состояніемъ цент-

ровъ корки мозговыхъ полушарій и вслѣдствіе этого — отсутствіемъ психическихъ отправленій, сознанія и воли.

Любопытно взглянуть, какъ измѣняются при этомъ функціи разнообразныхъ системъ органовъ. На мышечной системѣ намъ нечего, конечно, останавливаться, такъ какъ она наглядно бываетъ въ разслабленномъ состояніи. Наблюдая путемъ плетизмографа за измѣненіями въ органахъ кровообращенія, наступающими у человѣка при переходѣ его изъ состоянія бодрствованія въ сонъ, Моссо пришелъ къ слѣдующимъ результатамъ. Пульсъ въ сосудахъ руки (а, стало быть, и сердцебіенія) при этомъ замедляется приблизительно на 6—8 ударовъ въ минуту. Каждая пульсовая волна дѣлается полнѣе, выше и представляетъ большее количество вторичныхъ колебаній, обусловленныхъ разслабленнымъ состояніемъ сосудистыхъ стѣнокъ; къ такому же результату, по отношенію къ пульсу, пришелъ и Мандини. Благодаря этому разслабленію сосудистыхъ стѣнокъ, сосуды конечностей наполняются больше кровью и объемъ конечностей при засыпаніи вслѣдствіе этого увеличивается; на этомъ основаніи слѣдуетъ ожидать, что боковое давленіе крови въ артеріяхъ падаетъ, и манометрическія опредѣленія кровянаго давленія, произведенныя мною на щенкахъ, вполнѣ подтвердили это ожиданіе; при засыпаніи общее, среднее, боковое давленіе крови рѣзко падаетъ. Зато въ мозговомъ кровообращеніи, происходятъ обратныя измѣненія, какъ это показали уже давно опыты надъ животными и людьми—Дургэма, Визіали, Блумрёдера, и какъ съ особенной отчетливостью показали послѣднія точныя графическія изслѣдованія Моссо надъ колебаніями объема мозга у людей, представлявшихъ частичные деффекты черепныхъ костей; мозгъ во время сна несомнѣнно обѣднѣваетъ кровью и объемъ его падаетъ.

На это анемичное состояніе мозга никакъ не слѣдуетъ, однако, смотрѣть, какъ на причину недѣятельнаго состоянія головного мозга, а какъ на послѣдствіе его. Правда, это состояніе анеміи благопріятствуетъ поддержанію мозгового покоя; но оно является роковымъ послѣдствіемъ тѣхъ измѣненій въ общемъ кровообращеніи, которыя обусловливаются исключеніемъ на время функцій мозговыхъ полушарій. Въ самомъ дѣлѣ, замедленныя и ослабленныя сердцебіенія, расширенное состояніе сосудовъ конечностей и вѣроятно всего тѣла (за исключеніемъ мозговыхъ сосудовъ) и, наконецъ, самое состояніе покоя мозговыхъ полушарій во время сна, должны, конечно, повести къ уменьшенному притоку крови къ мозгу, къ спаденію его сосудовъ, т.-е. къ временной анеміи этого органа.

Колебанія въ притокѣ крови къ мозгу, въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ онѣ наблюдаются при снѣ и бодрствованіи, могутъ вліять лишь въ качествѣ условій видоизмѣняющихъ дѣятельность мозговыхъ нервныхъ аппаратовъ, обыкновенно повышающихъ ее при усиленномъ приливѣ къ нимъ крови и, наоборотъ, понижающихъ при ослабленномъ орошеніи ихъ кровью; но колебанія эти сами по себѣ отнюдь не служатъ моментами, опредѣляющими дѣятельность или покой центральныхъ мозговыхъ механизмовъ, подобно тому какъ усиленная или уменьшенная доставка пищи цѣлому организму вовсе еще не служитъ непосредственной причиной, побуждающей его къ работѣ. На основаніи всего сказаннаго и выработалось убѣжденіе, что анемія мозга, сопровождающая состояніе сна, отнюдь не служитъ причиной послѣдняго, а наоборотъ послѣдствіемъ недѣятельнаго состоянія мозга.

Дыханіе во время сна представляетъ также рѣзкія отличія отъ того, какимъ оно бываетъ обыкновенно при бодрствованіи. Такъ во время сна преобладаетъ, какъ на это указалъ Моссо, такъ называемое грудное, а во время бодрствованія брюшное дыханіе; другими словами, при бодрствованіи увеличеніе полости грудной клѣтки при каждомъ вдыханіи совершается преимущественно на счетъ сокращенія, и стало быть опусканія грудобрюшной преграды, надавливающей на брюшныя внутренности и выпячивающей чрезъ это переднія брюшныя стѣнки; вслѣдствіе этого этотъ типъ дыханія и названъ брюшнымъ дыханіемъ; во время же сна, напротивъ того, начинаютъ преобладать дыхательныя мышцы, расширяющія грудную клѣтку, и такъ какъ при этомъ сокращеніи грудобрюшной преграды бываютъ крайне ослаблены, а чрезъ это и выпячиванія кпереди брюшныхъ стѣнокъ бываютъ несравненно слабѣе, то весь типъ дыханія становится по преимуществу грудными; при этомъ расширеніе грудной клѣтки сопровождается нерѣдко вслѣдствіе разслабленнаго состоянія грудобрюшной преграды впаденіемъ брюшной стѣнки, чего никогда не бываетъ при бодрствованіи.

Дыханіе становится болѣе медленнымъ и поверхностнымъ, и вслѣдствіе этого человѣкъ во время сна выдыхаетъ и вдыхаетъ несравненно меньше воздуха чѣмъ при бодрствованіи; такъ субъекты, бывшіе подъ наблюденіемъ Моссо, при бодрствованіи вдыхали въ теченіе 2 минутъ отъ 10 до 12 литровъ воздуха, тогда какъ во время сна количества воздуха, колебались между полутора и $5^1/_2$ литрами за тотъ же промежутокъ времени. Иногда вдыханія бывали настолько слабыми, что воздухъ, притягивав-

шійся при этомъ легкими, не въ состояніи былъ преодолѣть препятствія столба воды даже въ 2 сантиметра.

Легкій шумъ, или звуки голоса, раздающіеся возлѣ спящаго, свѣтъ падающій на закрытыя вѣки, прикосновеніе къ тѣлу и т. д. всѣ эти сами по себѣ незначительныя раздраженія вызываютъ, какъ показали опыты Моссо, ясныя измѣненія въ дѣятельности органовъ кровообращенія и дыханія, не смотря на то, что они могутъ вовсе не сопровождаться пробужденіемъ человѣка. Такъ всѣ эти формы раздраженія вызываютъ нѣкоторое ускореніе пульса, сокращеніе сосудовъ конечностей съ уменьшеніемъ ихъ объема и приливъ крови къ головному мозгу, вызывающій увеличеніе его объема, дыханіе же при этомъ дѣлается болѣе частымъ и энергичнымъ.

Эти измѣненія, вызываемыя въ спящемъ человѣкѣ дѣйствіемъ указанныхъ раздражителей, имѣютъ высокую цѣлесообразность, такъ какъ изъ нихъ слѣдуетъ, что во время сна головной мозгъ все же отвѣчаетъ на самыя повидимому минимальныя внѣшнія раздраженія, вызывая такія измѣненія въ кровообращеніи и дыханіи, которыя необходимы для дѣятельности мозга въ моментъ его пробужденія. Моссо полагаетъ, что измѣненія въ органахъ кровообращенія и дыханія, вызываемыя во время сна дѣйствіемъ на органы чувствъ слабыхъ внѣшнихъ раздраженій, зависятъ отъ возбужденія ими психическихъ центровъ корки полушарій, не переходящаго однако за порогъ сознанія и протекающаго слѣдовательно въ формѣ безсознательныхъ психическихъ актовъ.

Механизмъ этотъ долженъ былъ совершенствоваться постепенно въ безконечномъ ряду поколѣній животныхъ формъ, начиная отъ самыхъ простыхъ и кончая наиболѣе сложными, такъ какъ въ борьбѣ за существованіе должны были выживать и побѣждать тѣ организмы, которые во время сна всего легче реагировали на самыя легкія внѣшнія раздраженія учащеніемъ сердцебіеній, приливомъ крови къ мозгу и учащеніемъ, и усиленіемъ дыханія; при этихъ только условіяхъ, благопріятствующихъ энергичной дѣятельности головного мозга, животные организмы могли съ успѣхомъ бороться съ своими врагами и не дѣлаться жертвой ихъ во время сна.

Весьма интереснымъ является наблюденіе многихъ авторовъ, изъ котораго видно, что психическія возбужденія, протекающія во время сна человѣка въ видѣ грезъ и сновидѣній, вызываютъ, совершенно независимо отъ внѣшнихъ раздраженій, приливъ крови къ мозгу, учащеніе и усиленіе сердцебіеній и усиленіе дыхательныхъ движеній, т.-е. рядъ явленій, аналогичный тому, какой по-

лучается при пробужденіи человѣка. Эти наблюденія драгоцѣнны для насъ тѣмъ, что могутъ служить прямымъ подтвержденіемъ того, что и психическіе акты, протекающіе внѣ сферы нашего сознанія, могутъ отражаться вышеуказаннымъ путемъ на органахъ кровообращенія и дыханія.

Намъ ничего почти неизвѣстно относительно состоянія, въ которомъ находятся пищеварительные органы во время сна, за исключеніемъ развѣ того, что движенія желудка повидимому прекращаются, какъ на это указываетъ Бушъ, и что дѣятельность слюнныхъ железъ, а равно и слизистыхъ носовыхъ железъ рѣзко падаетъ. Каждому, конечно, извѣстно, что ротъ во время сна даже при закрытомъ состояніи пересыхаетъ и что истеченіе изъ носу, напримѣръ даже во время сильнаго насморка, совершенно прекращается.

Что касается до общаго обмѣна веществъ въ тѣлѣ или метаморфоза, то и онъ во время сна рѣзко падаетъ, какъ отъ отсутствія мышечныхъ движеній, такъ и отъ отсутствія дѣятельности органовъ чувствъ и сопряженныхъ съ ними психическихъ функцій мозга; изслѣдованія Буссенго, Геннеберга, Шарлинга, Петтенкофера, Фойта, Либермейстера и др. показали, что какъ количества поглощаемаго кислорода, такъ и выдыхаемой угольной кислоты во время сна рѣзко падаютъ, а равнымъ образомъ уменьшается количество выводимыхъ изъ тѣла продуктовъ обмѣна бѣлковыхъ веществъ, т.-е. мочевины и т. д.

Что касается до функцій выдѣлительныхъ органовъ, т.-е. до процессовъ выдѣленія пота и мочи, то несомнѣнно, что они совершаются во время сна гораздо слабѣе, нежели при бодрствованіи; относительно пота это доказано Вейрихомъ, а относительно мочи—Кинке.

Интересныя измѣненія наблюдаются во время сна въ состояніи зрачка. Зрачекъ при наступленіи сна безъ исключенія съуживается и тѣмъ больше, чѣмъ глубже сонъ. Всякія же возбужденія органовъ чувствъ во время сна, не вызывающія даже пробужденія, всякія психическія отправленія при бодрствованіи вызываютъ расширеніе зрачковъ, вѣроятно, вслѣдствіе возбужденія центровъ, расширяющихъ зрачокъ; вообще принимаютъ, что съуженное состояніе зрачковъ во время сна обусловливается менѣе возбужденнымъ состояніемъ симпатическаго нерва, который, какъ извѣстно, завѣдуетъ актомъ расширенія зрачка. Бонефонтенъ показалъ на собакахъ, что раздраженіе коркового вещества полушарій мозга обусловливаетъ расширеніе зрачка; такъ какъ то же самое съ большою вѣроятностью можно предположить вѣрнымъ

и для человѣка и такъ какъ во время сна корка полушарій мозга находится въ недѣятельномъ состояніи, то естественно, что сонъ сопровождается рѣзкимъ съуженіемъ зрачка.

Изъ этого краткаго физіологическаго очерка мы видимъ, что измѣненія въ отправленіяхъ различныхъ органовъ во время сна являются обратными тѣмъ, какія наблюдаются при возникновеніи въ насъ различныхъ психическихъ функцій, и такъ какъ сонъ, какъ мы это видѣли, характеризуется главнымъ образомъ прекращеніемъ психической дѣятельности нашего мозга, то указанные результаты изслѣдованія функцій органовъ во время сна являются краснорѣчивымъ подтвержденіемъ добытыхъ уже раньше данныхъ касательно вліянія различныхъ психическихъ состояній на тѣлесныя функціи организма.

Сказаннымъ исчерпываются пока главные факты, относящіеся къ предмету настоящей статьи. Мы видимъ, что на почвѣ жизненныхъ молекулярныхъ движеній нервныхъ центровъ корковаго вещества мозговыхъ полушарій выростаетъ міръ психическихъ явленій, который въ свою очередь отражается на тѣлесныхъ отправленіяхъ организма. Если согласиться съ Дюбуа-Реймономъ въ томъ, что для ума человѣческаго останется навсегда непонятнымъ и неприступнымъ тотъ путь, которымъ физическое движеніе центральныхъ нервныхъ молекулъ переходитъ въ психическое возбужденіе, то все же обширная область взаимодѣйствій между міромъ психическихъ и тѣлесныхъ функцій организма остается вполнѣ доступной для изслѣдованія. *Сущность* того или иного психическаго акта недоступна, правда, уму человѣческому; но въ такой же мѣрѣ не поддается нашему пониманію и сущность всякихъ другихъ, хотя бы чисто физическихъ явленій электричества, магнетизма и т. д. Физики тѣмъ не менѣе, не претендуя на знаніе *сущности* электрическихъ и магнитныхъ силъ, упорно занимались и занимаются изслѣдованіемъ условій возникновенія ихъ, дѣйствія ихъ на явленія и тѣла окружающаго міра и обратнаго воздѣйствія послѣднихъ на эту силу; благодаря такому направленію труда, выросли, какъ извѣстно, обширныя ученія объ электричествѣ, магнетизмѣ и т. д., имѣющія важное значеніе и приносящія обширныя практическія услуги человѣчеству.

Современная психо-физіологія придерживается того же благотворнаго пути при изученіи психическихъ явленій. На всякое психическое возбужденіе она смотритъ какъ на силу, воз-

никающую на реальной почвѣ жизненныхъ физико-химическихъ измѣненій нервныхъ центровъ корковаго вещества мозговыхъ полушарій и изучаетъ условія возникновенія психическихъ явленій, дѣйствіе на нихъ тѣхъ или иныхъ вліяній, данныхъ какъ въ самомъ организмѣ, такъ и въ окружающей его средѣ и наконецъ обратное воздѣйствіе психическихъ возбужденій на тѣлесныя функціи организма. Едва ли возможно сомнѣваться въ томъ, что только этимъ путемъ можетъ выработаться правильный взглядъ на отношенія между психической дѣятельностью и физической жизнью и на тѣ условія, при которыхъ мыслимо гармоничное развитіе духовныхъ и физическихъ силъ организма.

И. Тархановъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ОСЕННЕЕ УТРО.

Непривѣтное утро въ туманѣ сѣдомъ
Для кого ты, зачѣмъ поднялось?
Безъ румяныхъ лучей въ полумракѣ сыромъ
Ты слезами дождя залилось...

О, зачѣмъ ты съ осеннихъ, угрюмыхъ небесъ
Заглянуло съ усмѣшкой пѣмой,
Проникая межъ бархатныхъ складокъ завѣсъ,
Въ благовонный, роскошный покой,—

На помятое платье съ увядшимъ цвѣткомъ,
На бокалъ недопитый вина,
Эту спальню красавицы блѣднымъ лучемъ
Пробуждая отъ пѣги и сна.

О разсвѣтъ, на тебя ей взглянуть тяжело:
Новый день—только новый позоръ,—
И горитъ отъ стыда молодое чело,
И поникъ отуманенный взоръ.—

Для чего ты, какъ воръ, незамѣтно проникъ
Къ бѣдняку въ его скорбный пріютъ?
Утомленныя очи смежая на мигъ,
Онъ забылъ недоконченный трудъ;

У него ты похитилъ минутный покой,—
День борьбы и заботъ впереди,
День постылой работы онъ видитъ съ тоской
Въ наболѣвшей, разбитой груди.—

И зачѣмъ ты къ больному на ложе проникъ?
Передъ мертвеннымъ блескомъ твоимъ
Отвратилъ онъ свой блѣдный, измученный ликъ,—
Новый день—день страданій предъ нимъ.—

И зачѣмъ въ эту келью, печальный разсвѣтъ,
Въ этотъ міръ упоительныхъ грезъ,
Гдѣ такъ страстно мечталъ одинокій поэтъ,
Ты заботу и горе принесъ?

Его лампа померкла въ холодныхъ лучахъ,
Онъ перо покидаетъ съ тоской;
И трепещетъ слеза въ его скорбныхъ очахъ,
Онъ безсиленъ и нѣмъ предъ тобой...

О, зачѣмъ тебѣ было надъ міромъ вставать
Передъ этимъ мучительнымъ днемъ?
О, зачѣмъ ты намъ не далъ на вѣкъ задремать
И забыться во мракѣ ночномъ?

Ноябрь, 1883.

---

* * *

Въ борьбѣ на жизнь и смерть не сдамся я врагу,—
Тебѣ, гнетущій рокъ, ни одного стенанья
И ни одной слезы простить я не могу
За все величье мірозданья...

Нѣтъ! капля первая всей крови пролитой
На вѣкъ лицо земли позоромъ осквернила,—
И каждый василекъ на нивѣ золотой,
И въ небѣ каждый лучъ свѣтила.

Одинъ угрюмый взоръ потупленныхъ очей
Затмилъ блестящій пиръ ликующей природы,
И майскую зарю въ коронѣ изъ лучей,
И голубые небосводы.

Могучая гроза ударами громовъ
Не можетъ заглушить мой ропотъ дерзновенный:
Мучительный опытъ—въ музыкѣ міровъ,
Въ живой гармоніи вселенной...

Къ чему мнѣ пурпуръ розъ и трели соловья,
И тишина ночей съ ихъ дѣвственною лаской?..
Ужель ты прячешься, природа, отъ меня
Подъ обольстительною маской;

Ужель безчувственна, мертва и холодна,
Ты лентой радуги и бархатной листвою,
Ты брилліантами созвѣздій убрана,
И нарумянена зарею,

Чтобъ обмануть меня, нарядомъ ослѣпить
И скрыть чудовищность неправды вопіющей,
Чтобъ убаюкать мысль и сердце покорить
Красой улыбки всемогущей;

Что бъ сталъ я вновь рабомъ, смирясь и позабывъ
Всѣ язвы нищеты, всѣ ужасы разврата,
И негодующій, и мстительный порывъ
За брата, гибнущаго брата!

Декабрь, 1883.

НА РАСПУТЬИ.

Жить-ли мнѣ, забывъ мои страданья,
Горечь слезъ, сомнѣній и заботъ,
Какъ цвѣтокъ, безъ проблеска сознанья,
Ни о чемъ не думая, живетъ,—

Ничего не видитъ и не слышитъ,
Только жадно впитываетъ свѣтъ,
Только нѣгой молодости дышетъ,
Теплотой ласкающей согрѣтъ...

Но кипятъ недремлющія думы,
Но въ груди сомнѣнье и тоска,—
И мнѣ стыдно жребій мой угрюмый
Промѣнять на счастіе цвѣтка...

Жить-ли мнѣ одною мыслью смѣлой
Высоко, какъ царственный орелъ,
Побѣдивъ косиѣющее тѣло
И стихій гнетущій произволъ,

Чтобъ мой духъ въ стремленьи горделивомъ,
Отъ всего земного отрѣшенъ,
Охвативъ весь міръ однимъ порывомъ,
Просіялъ, любовью озаренъ?..

Но соблазномъ тайныхъ обольщеній
Призракъ счастья ласково манитъ,
Мнѣ въ объятьяхъ страстныхъ упоеній
Цѣлый рай обманчиво сулитъ...

И усталъ я вѣчно сомнѣваться,
Я разгадки требую съ тоской,
Чтобъ чему-бы ни было отдаться,
Но отдаться страстно, всей душой!

Эти думы—не мечты досуга,
Не созданье юношескихъ грезъ;
Это боль тяжелаго недуга,
Роковой, мучительный вопросъ.

Мнѣ не надо лживыхъ примиреній,
Я отъ грозной правды не бѣгу:
Пусть погибну жертвою сомнѣній,—
Предъ собой ни въ чемъ я не солгу!

Испытавъ весь ужасъ отрицанья,
До конца свободы не отдамъ,
И послѣдній крикъ негодованья
Я, какъ вызовъ, брошу небесамъ!

Декабрь, 1883.

Д. Мережковскій.

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ МИНИХЪ

И

ЕГО ЗНАЧЕНІЕ ВЪ РУССКОИ ИСТОРІИ*).

I.

У людей съ громаднымъ умомъ и сильною волею, людей способныхъ къ разносторонней дѣятельности, бываютъ, однако, предметы, которымъ они предаются болѣе чѣмъ другимъ и такъ сказать *показываютъ* къ нимъ пристрастіе. У Петра Великаго было такое пристрастіе къ водѣ. Плавать по водѣ, направлять

*) При составленіи настоящей монографіи служили слѣдующіе источники:
1) Записки фельдмаршала Миниха, 1874. 2) Записки леди Рондо. Изд. 1874. 3) Büschings Magazin für die neue Historie und Geographie, ч. III, IX, XVI. 5) Арх. кн. Воронцова, т. II. 6) Времен. общ. ист. и др. XIX. 7) Чтенія въ имп. общ. ист. и др. 1862—1867. 8) Русск. Арх., изд. Бартеневымъ 1865, 1866, 1868, 1874, 1878, 1883 гг. 9) Сборн. русск. истор. общ. т. III, V, VI, XV, XX. 10) Маркизъ Шетарди, Пекарскаго. 1862. 11) Записки Манштейна о Россіи 1727—1744, изд. 1875. 12) Записки Миниха, сына фельдмаршала. 1817. 13) La Russie il y a cent ans. 1858. 14) Полн. Собр. Зак. томы VII, VIII, IX, X, XI. 15) Отеч. Записки Свиньина 1825 года, примѣчанія на Записки Манштейна. 16) Записки Нащокина 1842 г. 17) Записка кн. Якова Шаховскаго, изд. 1810. 18) XVIII вѣкъ, Бартенева, 4 т. 1868—1869. 19) Историческія бумаги К. К. Арсеньева, изд. Пекарскимъ въ 1872. 20) Галема, Жизнь фельдм. Миниха, изд. 1806. 21) Hermanns Geschichte des Russisch. Staats. т. IV, V. 22) Соловьева Истор. Россіи, т. XVIII—XXI. 23) Историч. статьи Хмырова, изд. 1873. 24) Keralio, Histoire de la guerre des Russes et des Impériaux contre les Turcs en 1736, 1737, 1738, et 1739. Vol. 1—2. Paris 1780. 25) Казнакова, Описаніе Ладожскаго канала, въ Ж. М. Путей Сообщ. 1856. 26) Рукописи государствен. архива: письма императрицы Анны Ивановны, бумаги, реляціи, приказы и письма фельдмаршала Миниха.

воду, такъ чтобъ она приносила человѣку пользу и не причиняла вреда—то были излюбленныя занятія Петра. Водоплаваніе до того занимало его существо, что онъ вздумалъ основывать по срединѣ материка въ Воронежѣ гавань и не глубокодонный Донъ хотѣлъ сдѣлать прямымъ путемъ въ Черное море. Многоводный Петербургъ, его созданіе, былъ его избраннымъ «парадизомъ», куда онъ волею и неволею тянулъ обитателей со всего своего широкаго государства, и никто не смѣлъ ему жаловаться на сырой и нездоровый воздухъ этого парадиза. Устройство доковъ, прорытіе каналовъ, постройка и спускъ на воду суденъ—все это было пріятно сердцу Петра и доставляло ему поводы проявлять праздничныя удовольствія. Понятно, что, при такой любви къ водѣ, государь русскій и на Руси, и за границей искалъ людей, которые бы, подобно ему, любили тѣ же водяныя упражненія и могли быть вѣрными и способными исполнителями его начертаній. И никто въ этомъ отношеніи не былъ великому государю до такой степени подходящимъ человѣкомъ какъ Минихъ, такъ же какъ Петръ, разносторонній, ко всему способный, подвижной, неутомимый и такъ же до страсти лелѣявшій водяное дѣло. Минихъ былъ уроженецъ края, лежащаго при Нѣмецкомъ морѣ. Край этотъ въ приморьѣ, между Везеромъ и Бременскою областію съ востока, епископствомъ мюнстерскимъ и графствомъ Остфрисландскимъ съ запада и брауншвейгскаго курфиршества владѣніями съ юга, съ XII вѣка заключалъ въ себѣ два отдѣльныя графства—Ольденбургское и Дельменгорстское, которыя въ началѣ XIV вѣка соединились въ одно владѣніе, но потомъ не разъ снова раздѣлялись и снова соединялись. Въ половинѣ XV вѣка сынъ графа ольденбургскаго Дитриха Христіанъ былъ избранъ датскимъ королемъ, и съ тѣхъ поръ судьба этого края тѣсно связывалась съ судьбою Даніи, хотя по временамъ тамъ являлись отдѣльные владѣтели, а съ половины XVII вѣка оба графства прочно вошли въ датскія владѣнія. Вообще, край этотъ, по своему топографическому положенію, былъ чрезвычайно обиленъ водою и подвергался частымъ наводненіямъ, а одна изъ волостей, на которыя раздѣлялся этотъ край, Вюстеляндъ (Die Vogtey Wüsteland), гдѣ родился Минихъ, была совершеннымъ болотомъ; проведеніе каналовъ и устройство плотинъ, шлюзовъ и мостовъ было дѣломъ первой необходимости для обитателей; безъ этого тамъ и жить было невозможно.

Родъ Миниховъ принадлежалъ къ крестьянскому сословію, и члены этого рода изъ поколѣнія въ поколѣніе занимались дѣломъ построенія плотинъ и вообще водянымъ дѣломъ: прадѣдъ и

дѣдъ нашего Миниха были главными плотиностроителями въ своей маленькой вюстеляндской волости, а отецъ его, Антонъ-Гюнтеръ Минихъ, служилъ въ датской службѣ съ чиномъ подполковника, и потомъ получилъ отъ датскаго короля званіе главнаго надзирателя надъ плотинами и всѣми водяными работами въ графствахъ ольденбургскомъ и дельменгорстскомъ. Онъ получилъ дворянское достоинство, которое утверждено было вослѣдствіи императоромъ Леопольдомъ въ 1702 году. Будучи на датской службѣ въ означенной выше должности, Антонъ-Гюнтеръ Минихъ проживалъ съ своимъ семействомъ въ своемъ имѣніи въ деревнѣ Нейнгунторфѣ и тамъ у него, отъ брака съ Софіею-Катериною, урожденною фонъ-Эткенъ, родился 9-го мая 1683 г. второй сынъ, Бурхардъ-Христофъ, герой настоящаго жизнеописанія.

Еще въ нѣжномъ дѣтствѣ и потомъ въ отрочествѣ онъ показывалъ необыкновенныя способности, всему скоро выучивался, все легко перенималъ. Будучи девяти лѣтъ, онъ срисовывалъ чертежи и планы, сопровождалъ родителя въ его поѣздкахъ по служебной обязанности и переписалъ составленную отцомъ его книгу о водяныхъ работахъ въ ольденбургскомъ графствѣ. Мальчикъ для своихъ чертежей не имѣлъ другихъ инструментовъ, кромѣ куплепныхъ имъ на сбереженіе, оставшееся отъ путевыхъ издержекъ въ Курляндію, куда онъ провожалъ сестру свою, вышедшую тамъ замужъ. Въ 1699 году Антонъ-Гюнтеръ оставилъ датскую службу и получилъ должность въ сосѣднемъ остфрисландскомъ княжествѣ. Молодой Бурхардъ-Христофъ продолжалъ учиться, пріобрѣлъ основательныя математическія познанія, выучился по-французски. Когда ему исполнилось шестнадцать лѣтъ, отецъ отпустилъ его во Францію, гдѣ молодой человѣкъ вступилъ въ военную службу по инженерной части, но вскорѣ оставилъ ее, услыхавши, что между Франціею и Германіею будетъ война: ему пришлось бы воевать противъ соотечественниковъ и участвовать въ пролитіи нѣмецкой крови. Покинувши Францію, онъ опредѣлился въ Германіи въ гессенъ-дармштадтскій корпусъ, готовившійся воевать съ французами. Въ то время у нѣмецкой молодежи разгорался патріотическій фанатизмъ. Со словъ манифеста, обращеннаго ко всѣмъ вообще нѣмцамъ, они кричали, что французы — наслѣдственные враги нѣмецкаго племени, что они постоянно злословятъ и унижаютъ нѣмецкій народъ; не забытыя еще свирѣпства, допущенныя французами при покореніи Эльзаса, — придавали этой враждѣ оправданіе необходимости возмездія. Такой духъ господствовалъ тогда между всѣми

нѣмцами, исключая баварцевъ, которые одни были тогда союзниками Франціи. Минихъ, получивши чинъ капитана, данный ему потому, что въ немъ замѣтили необыкновенныя по лѣтамъ свѣденія въ военномъ дѣлѣ, участвовалъ въ осадѣ и покоренін города Ландау, гдѣ гессенъ-дармштадтское войско трудилось вмѣстѣ съ баденцами. Но скоро послѣ того гессенъ-дармштадтское войско отступило; отецъ Миниха пригласилъ сына къ себѣ и убѣдилъ его занять должность главнаго инженера въ остфрисландскомъ княжествѣ. Это случилось въ 1702 году, именно въ тотъ годъ, когда Антонъ-Гюнтеръ получилъ отъ императора утвержденіе въ дворянскомъ достоинствѣ, пожалованномъ ему датскимъ королемъ. Молодой Минихъ не долго жилъ у остфрисландскаго князя Эбергарда, служа по инженерной части. Его манила въ Дармштадтъ сердечная любовь. Тамъ приглянулась ему двора гессенъ-дармштадтскаго фрейлина Христина-Лукреція Вицлебенъ, красивая особа двадцати лѣтъ отъ рода. Миниху было двадцать-два года. Это произошло въ 1705 году. Онъ вступилъ въ брачный союзъ съ этой особой, которая стала его подругой въ истинномъ значеніи этого слова, преданною ему до своей кончины и раздѣлявшей съ нимъ всѣ его труды и опасности.

Въ то время гессенъ-кассельскій корпусъ выступилъ на военное поприще противъ Франціи, на англо-голландскомъ жалованьѣ. Минихъ опредѣлился въ этотъ корпусъ и скоро получилъ маіорскій чинъ. Онъ былъ въ походахъ, предпринятыхъ подъ предводительствомъ Евгенія Савойскаго и герцога Марльборо и имѣлъ возможность присмотрѣться къ воинскимъ пріемамъ этихъ величайшихъ своего вѣка полководцевъ. Подъ начальствомъ Евгенія, Минихъ участвовалъ при очищеніи отъ французовъ верхней Италіи, и хотя гессенцы потерпѣли-было пораженіе при Кастильоне, но скоро Евгеній поправилъ дѣло, поразивши французовъ при Туринѣ, и предпринялъ вторженіе въ Провансъ, окончившееся единственно покореніемъ Сузы. Но потомъ, когда французы совсѣмъ оставили Италію, Евгеній перенесъ оружіе въ Нидерланды, гдѣ воевалъ уже Марльборо, и гессенъ-кассельскій корпусъ направился туда же; въ немъ продолжалъ служить Минихъ. Въ 1708 году онъ находился въ битвѣ при Уденарѣ: то была первая генеральная битва, въ которой пришлось быть нашему герою; онъ находился также при долговременной осадѣ и взятіи Лилля, при взятіи Брюгге и Гента. Послѣ того открылись мирные переговоры, и гессенъ-кассельскій корпусъ отступилъ на зимовку въ Германію. Слѣдовавшая затѣмъ зима была необыкновенно суровая и жестокая: это—та зима, которая у насъ

въ Малороссіи истребила значительную часть шведскихъ силъ, заведенныхъ туда Карломъ XII. Мирныя попытки не имѣли успѣха, и съ весны 1709 года опять начались военныя дѣйствія между нѣмцами и французами. Минихъ съ гессенъ-кассельцами участвовалъ во взятіи Турнэ и въ битвѣ при Мальплакэ, кровопролитнѣйшей изъ всѣхъ битвъ въ XVIII вѣкѣ (31 августа, или 11 сентября н. с., 1709 г.). Въ слѣдующихъ годахъ 1710 и 1711, нѣмецкія войска почти не принимали участія въ войнѣ, а въ 1712, когда уже въ Утрехтѣ происходили переговоры между враждовавшими сторонами и все въ Европѣ клонилось къ миру, служившій подъ знаменами принца Евгенія голландецъ генералъ Абермерль получилъ приказаніе отъ своего главнаго командира охранять устроенные для войска магазины съ запасами. Но Англія вела переговоры съ Франціею о мирѣ, и вслѣдствіе этого англійскія войска внезапно отступили отъ Евгенія; отброшенный Евгеній не могъ подать помощь отряду, охранявшему магазины; Абермерль былъ взятъ въ плѣнъ со множествомъ генераловъ и штабъ-офицеровъ. Въ этотъ день и служившій въ гессенъ-кассельскомъ войскѣ подполковникъ Минихъ былъ проколотъ въ нижнюю часть живота, лишился чувствъ и былъ взятъ въ плѣнъ французами. Съ нимъ обращались очень человѣколюбиво и внимательно, перевязали ему рану, ухаживали за нимъ, и когда онъ сталъ подниматься съ постели, отправили въ качествѣ военно-плѣннаго куда-то во Францію (въ Парижъ или въ Камбре?). Тамъ продолжали ему оказывать врачебное пособіе, а между тѣмъ, онъ познакомился съ знаменитымъ архіепископомъ Фенелономъ. О бесѣдахъ съ этимъ человѣкомъ Минихъ любилъ вспоминать уже въ старости какъ о пріятнѣйшихъ минутахъ въ жизни, проведенныхъ въ сообществѣ съ такимъ свѣтлымъ умомъ [1]).

Минихъ оправился и получилъ свободу. Война за испанское наслѣдство прекратилась. Минихъ прибылъ въ Кассель, получилъ чинъ полковника и, находясь еще два года въ гессенъ-

---

[1]) Между прочимъ, оставались долго у Миниха воспоминанія о томъ, какъ Фенелонъ, по случаю какого-то богородичнаго праздника, говорилъ въ церкви, что не слѣдуетъ Богоматери воздавать почести какъ божеству и посредницѣ между Богомъ и людьми: за такія слова, по замѣчанію Миниха, проповѣдникъ въ сосѣднемъ краѣ въ австрійскихъ Нидерландахъ подвергся бы обвиненію въ ереси и посрамленію. По поводу ранней смерти наслѣдника французскаго престола, герцога Бургонскаго (родителя Людовика XV), Фенелонъ выразился, что вѣрно Богъ не жалуетъ Францію, когда отнимаетъ у нея принца, который былъ бы хорошимъ королемъ.

кассельской службѣ, занимался своимъ любимымъ съ дѣтства водянымъ дѣломъ—онъ наблюдалъ за устройствомъ канала и шлюзъ въ Карльсгавенѣ. Но его чрезвычайно живой нравъ и потребность сильныхъ ощущеній увлекали туда, гдѣ могла открыться ему военная дѣятельность. Западъ Европы умиротворился, но на востокѣ еще не кончилась великая сѣверная война. Въ 1716 году Минихъ поступилъ въ службу курфирста саксонскаго и короля польскаго Августа. Онъ устроилъ польскую коронную гвардію, произведенъ былъ въ чинъ генералъ-маіора и получалъ четырнадцать тысячъ рейхсталеровъ годового жалованья. Ему было тамъ не дурно. Но онъ не поладилъ съ нѣкоторыми особами и, главное, не ужился съ гр. Флеммингомъ, любимцемъ короля Августа. Уже прежде многіе генералы чрезъ этого человѣка оставляли польскую службу. И Миниху пришлось то же испытать. Минихъ съ 1719 г. сталъ себѣ выискивать иного отечества. Онъ колебался, къ кому ему пристать изъ двухъ соперниковъ: къ Карлу XII или къ Петру I. Но Карлъ положилъ свою буйную голову подъ Фридрихсгамомъ, и Минихъ остановился на Петрѣ. Онъ познакомился съ его посланникомъ въ Варшавѣ, княземъ Григоріемъ Долгорукимъ, передалъ ему для сообщенія царю свое сочиненіе о фортификаціи. Этимъ путемъ Петру сталъ извѣстенъ Минихъ, и въ слѣдующемъ 1720 году кн. Григорій Долгорукій предложилъ Миниху ѣхать въ Россію и тамъ служить въ должности генералъ-инженера, обѣщая немедленное повышеніе въ чинъ генералъ-поручика. Минихъ, какъ видно, уважалъ Петра и очень хотѣлось ему попасть въ службу къ такому государю, о преобразовательныхъ подвигахъ котораго трубили тогда въ Европѣ. Минихъ согласился тотчасъ и не сдѣлалъ даже съ россійскимъ посломъ никакихъ письменныхъ условій: впослѣдствіи, поближе увидѣвши Россію, онъ счелъ умѣстнымъ ограничить свою излишнюю довѣрчивость. Минихъ не открылъ королю Августу своего намѣренія поступить въ русскую службу, а сказалъ, будто ѣдетъ къ старому отцу на свою родину. Выѣхавши изъ Варшавы, онъ чрезъ Кенигсбергъ и Ригу проѣхалъ въ Петербургъ, куда прибылъ въ февралѣ 1721 года.

Съ этого времени Минихъ сталъ всецѣло принадлежать Россіи, и его имя вступило въ рядъ именъ знаменитыхъ дѣятелей въ русской исторіи. Ему было 37 лѣтъ роду. Онъ былъ высокъ ростомъ, чрезвычайно статно сложенъ, красивъ лицомъ; его высокій открытый лобъ и быстрые проницательные глаза съ перваго раза выказывали то величіе духа, которое заставляетъ любить, уважать и во всемъ повиноваться. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ по-

казался очень моложавъ по своимъ лѣтамъ. Многіе въ русской службѣ, отличавшіеся въ войнѣ противъ шведовъ, были старѣе новаго пришельца лѣтами и временемъ службы и оставались въ генералъ-маіорскомъ чинѣ. Особенное предпочтеніе новопоступившаго было бы для нихъ оскорбительно. Притомъ, Петру самому хотѣлось испытать новичка. Царь приказалъ ему сопровождать его въ разныхъ поѣздкахъ, показалъ ему самъ адмиралтейскую верфь въ Петербургѣ, съѣздилъ съ нимъ вмѣстѣ въ Кронштадтъ, потомъ въ Ригу, обозрѣвалъ разныя укрѣпленія и со вниманіемъ слушалъ замѣчанія Миниха, дѣлалъ при его глазахъ смотръ войскамъ, и также по этому поводу выслушивалъ его рѣчи, между тѣмъ, въ чинъ его не производилъ, какъ надѣялся Минихъ, получивши обѣщаніе отъ кн. Долгорукаго. Неожиданный случай порѣшилъ этотъ вопросъ въ пользу Миниха. Царь съ кружкомъ приближенныхъ находился въ Ригѣ. Минихъ съ ними былъ также. Вдругъ ударъ молніи зажегъ колокольню церкви св. Петра. Государь хотѣлъ исправить разрушенное и возобновить въ прежнемъ видѣ, и потребовалъ отъ рижскаго магистрата рисунокъ бывшаго зданія. Но въ магистратѣ рисунка не сохранилось. На счастье Миниха, онъ въ отведенномъ ему помѣщеніи прямо противъ церкви св. Петра, сидя у окна, отъ нечего дѣлать срисовалъ для себя колокольню. Объ этомъ зналъ нѣкто баронъ Вальдекеръ, командиръ ордена Іоаннитовъ, выдававшій себя за посланника трирскаго курфирста, а на самомъ дѣлѣ бывшій агентомъ претендента на англійскій престолъ, Стюарта, и пріѣзжавшій въ Россію провѣдать: нельзя ли расположить къ претенденту царя Петра? Когда въ магистратѣ не оказалось рисунка колокольни, Вальдекеръ сказалъ Ягужинскому, что такой рисунокъ есть у Миниха. Ягужинскій вытребовалъ его у Миниха и представилъ царю, а царь, вспомнивъ о томъ, что Миниху обѣщано повышеніе въ чинѣ, приказалъ выдать ему патентъ на чинъ генералъ-лейтенанта. Но патентъ былъ подписанъ годомъ впередъ—22 мая 1721 года, и Миниху все-таки пришлось прослужить еще цѣлый годъ въ чинѣ генералъ-маіора. Минихъ долженъ былъ принять съ благодарностью эту царскую милость. Но тутъ Минихъ сообразилъ, что если кн. Долгорукій обѣщалъ ему повышеніе чиномъ немедленно, а оно не послѣдовало такъ скоро, какъ можно было надѣяться, то, значитъ, нельзя довѣрять русскому правительству безусловно. Теперь только онъ представилъ кондиціи, на которыхъ онъ обязывался служить Россіи въ теченіе пяти или шести лѣтъ—наблюдать надъ гидравлическими ра-

ботами, но только на балтійскомъ побережьѣ, съ тѣмъ, чтобы ему выдавалось по его востребованію все необходимое.

Но тамъ же въ Ригѣ получилъ Минихъ печальное извѣстіе о кончинѣ своихъ обоихъ родителей, одного за другимъ, и для устройства своихъ дѣлъ отпросился въ Ольденбургъ. Онъ посѣтилъ свою родину, и то было послѣдній разъ въ его жизни, хотя его постояннымъ желаніемъ было подъ старость воротиться туда. Его старшій братъ, главный смотритель водяного дѣла, назначенный датскимъ королемъ, оспаривалъ отцовское завѣщаніе, которымъ оставлялось все отцовское имѣніе не ему, а второму сыну. Христофъ Минихъ уладилъ споръ съ братомъ, примирился съ нимъ и воротился въ Россію.

Заботясь о Петербургѣ, своемъ любимѣйшемъ произведеніи, Петръ безпокоился о томъ, что водяное сообщеніе новопостроеннаго города со внутренними странами Россіи затрудняется порогами на рѣкѣ Тоснѣ при ея впаденія въ Неву. Царь хотѣлъ устроить шлюзу, провести обводный каналъ и проложить дорогу по берегу Невы отъ Шлиссельбурга до Петербурга. Все это исполнилъ Минихъ. Петръ поручилъ ему начертать планъ рогервикской гавани, которую царь намѣренался строить. Минихъ представилъ его царю.

Въ 1723 году Миниха ожидала другая болѣе важная и сложная гидравлическая работа. Еще съ 1710 года начатъ былъ ладожскій каналъ съ цѣлью дать возможность плавающимъ судамъ избѣжать Ладожскаго озера, чрезвычайно безпокойнаго и бурнаго въ осеннее время, гдѣ каждый годъ пропадало множество судовъ. Работы шли подъ надзоромъ генералъ-маіора Писарева и шли чрезвычайно медленно. Когда въ 1723 году Петръ возвращался изъ персидскаго похода и остановился въ Москвѣ, онъ обратилъ вниманіе на то, что Ладожскаго канала сдѣлано было за такое продолжительное время едва только на двѣнадцать верстъ. Петръ находилъ, что нужно поручить надзоръ за канальными работами другому лицу. Генералъ-фельдцейгмейстеръ Брюсъ указалъ царю на Миниха. Царь видѣлся съ Минихомъ, слушалъ его соображенія и поручилъ посѣтить каналъ и удостовѣриться, точно ли вода въ Ладожскомъ озерѣ то возвышается, то понижается и нужно ли, сообразно съ этими измѣненіями уровня воды въ озерѣ, проводить каналъ? Минихъ совершилъ эту поѣздку. Жители береговъ Ладожскаго озера увѣряли, будто вода въ озерѣ въ теченіе семи лѣтъ возвышается на семь футовъ, а въ теченіе слѣдующихъ семи лѣтъ на столько же опускается; но Минихъ, опытный и свѣдущій въ за-

копахъ гидравлики, нашелъ, что въ такой степени различіе въ повышеніи и пониженіи уровня воды невозможно, и хотя оно собственно и существуетъ, но не достигаетъ болѣе трехъ футовъ. По возвращеніи Миниха изъ поѣздки, между инженерами возникло разногласіе по вопросу о направленіи, какое слѣдуетъ избрать для канала, и царь Петръ назначилъ коммиссію изъ свѣдущихъ людей, которая должна была разсмотрѣть и рѣшить этотъ вопросъ. Генералъ-маіоръ Писаревъ, завѣдывавшій до того времени канальною работою, былъ въ числѣ членовъ этой коммиссіи. Онъ доказывалъ, что прорытыя двѣнадцать верстъ слѣдуетъ оставить въ ихъ настоящемъ видѣ, а остальныя 92 версты (протяженіе всего канала должно было составлять 104 версты) —рыть каналъ, для сокращенія издержекъ, возвысивши двумя аршинами надъ обычною водою и только однимъ аршиномъ глубже воды въ озерѣ, заключивъ эти 92 версты между двумя шлюзами, чтобы воду поднять выше уровня. Большинство членовъ коммиссіи одобрили мнѣніе Писарева, потому единственно, что Писареву покровительствовалъ всесильный Меншиковъ. Только инженеръ Ленъ предлагалъ нѣкоторое измѣненіе. Минихъ опровергалъ обоихъ и доказывалъ, что маленькія рѣчки, на которыя полагали надежды, что онѣ будутъ наполнять каналъ своею водою, до того мелководны, что каналъ въ теченіе лѣта можетъ оставаться безводнымъ. Петръ, слыша такое разнорѣчіе, передалъ дѣло на обсужденіе сената, но сенаторы, кромѣ того, что мало смыслили въ гидравликѣ, смотрѣли главнымъ дѣломъ на то, какъ бы угодить Меншикову. Меншиковъ же не полюбилъ Миниха и говорилъ: быть можетъ, Минихъ генералъ хорошій, но въ канальномъ дѣлѣ немного смыслитъ. Князь Григорій Долгорукій, тотъ самый, который пригласилъ Миниха въ Россію изъ Варшавы, теперь сообщилъ Миниху, что Писаревъ оговариваетъ его передъ царемъ, будто онъ, Минихъ, хочетъ царя обмануть и провести. Минихъ, человѣкъ самолюбивый и горячій, сказалъ: «Если каналъ поведется такъ, какъ хочетъ Писаревъ, то онъ никогда не будетъ оконченъ. Пусть государь посмотритъ собственными глазами и тогда скажетъ, что Минихъ правъ». Объ этомъ передали государю, и Петръ пожелалъ разомъ съ Минихомъ и другими обозрѣть каналъ. Осенью 1723 года Петръ отправился въ путь. Пришлось пробираться верхомъ по болотистому бездорожью. Лошади съ трудомъ ступали по топкой почвѣ. Минихъ, слѣдуя за царемъ, показывалъ ему, что невозможно по болоту вести каналъ отъ семи до девяти футовъ выше обычнаго уровня воды. «Я вижу, что вы достойный чело-

нѣкъ!»—сказалъ ему Петръ по-голландски. Вечеромъ доѣхали до деревни Черной. По причинѣ обилія таракановъ въ избахъ, царь не рѣшился ночевать въ людскомъ жильѣ и приказалъ раскинуть для себя шатеръ, гдѣ провелъ ночь при большомъ осеннемъ холодѣ. Тутъ Писаревъ употребилъ всѣ усилія, какъ бы не допустить государя ѣхать далѣе, чтобъ государь не увидалъ его дурной работы при деревнѣ Дубнѣ. Сторону Писарева держалъ царскій лейбъ-медикъ Блюментростъ: онъ представлялъ царю, что дальнѣйшая ѣзда повредитъ его здоровью. Блюментростъ обратился и къ Миниху и говорилъ ему: — Вы отваживаетесь на опасное дѣло. Вы тащите государя въ путь, когда онъ слабъ, а путь этотъ совершать можно только верхомъ и то съ большимъ трудомъ. Ну, если онъ найдетъ не такъ, какъ вы ему докладывали, то для васъ произойдетъ большое огорченіе! «Пойдемте вмѣстѣ со мною къ государю!»—сказалъ Минихъ. Царь тогда одѣвался. «Благодареніе Богу,—сказалъ царю Минихъ,—что ваше величество приняли на себя трудъ лично обозрѣть этотъ каналъ! Ваше величество еще ничего не видали. Извольте проѣхать до Дубны, чтобъ дать сообразное повелѣніе о продолженіи канала». «Для чего это?»—спросилъ Петръ. —Минихъ отвѣчалъ: «Вся начатая работа на двѣнадцать верстъ до Бѣлозерка должна измѣниться! Это потребуетъ много денежныхъ издержекъ, и если ваше величество того не увидите сами, то партія Писарева будетъ увѣрять, что перемѣны сдѣланы напрасно, деньги потрачены, и тотъ, кто будетъ завѣдывать работами—пропадетъ». Петръ былъ очень утомленъ, однако велѣлъ подать себѣ лошадь и произнесъ: «Ѣдемъ до Дубны». Еще не достигши Дубны, царь обозрѣлъ часть работъ Писарева на пятнадцать верстъ. Онѣ ему очень не понравились. Петръ соскочилъ съ лошади, легъ животомъ на землю и показывалъ рукою Писареву, что берегъ канала идетъ не по одной линіи, что дно его не вездѣ равной глубины, что безъ всякой нужды сдѣланы кривизны, что не построено плотины и такъ далѣе. «Григорій, —сказалъ ему царь,—есть два рода ошибокъ: однѣ происходятъ отъ незнанія, другія оттого, что не слѣдуютъ собственному зрѣнію и прочимъ чувствамъ. Послѣднія непростительны». Писаревъ вздумалъ-было оправдывать себя и сталъ доказывать, что почва холмистая. Но Петръ всталъ на ноги, оглядѣлъ кругомъ себя и спросилъ: «Гдѣ же холмы?—Ты, я вижу, настоящій негодяй!» Всѣ тогда думали, что Петръ отколотитъ Писарева дубинкою, и самъ Писаревъ былъ бы доволенъ, еслибъ

такъ случилось, потому что тогда могъ бы онъ скорѣе получить себѣ прощеніе. Но царь сдержалъ себя.

Это была полная побѣда Миниха надъ своими противниками; царь поручилъ ему строеніе канала. За то Минихъ съ тѣхъ поръ нажилъ себѣ врага въ Меншиковѣ.

Черезъ годъ, осенью 1724 года, Петръ, по данному заранѣе обѣщанію, прибылъ на каналъ осмотрѣть работы Миниха. Сошедшись съ Минихомъ, онъ приказалъ спустить воду и собственноручно, взявши заступъ, сталъ прокапывать плотину, ее удерживавшую. Вода ринулась въ каналъ съ быстротою. Вблизи стоялъ маленькій ботикъ. Петръ вошелъ въ него и приказалъ Миниху садиться. Ботикъ понесло по теченію канала, прорытаго Минихомъ, по одному извѣстію (Büschings Magaz. III, 402) на четыре версты, а по другому (Записки Миниха-сына, изд. 1817) на десять или двѣнадцать. Петръ, всегда и вездѣ до страсти любившій плавать, пришелъ въ восторгъ, безпрестанно скидалъ съ головы шляпу, махалъ ею и кричалъ: «ура! ура!» Совершивши пробное плаваніе, Петръ обнялъ и расцѣловалъ Миниха. «Этотъ каналъ,—произнесъ царь,—будетъ имѣть важное значеніе. Онъ будетъ доставлять средства пропитанія Петербургу, Кронштадту, а равно и строительные матеріалы, и окажетъ содѣйствіе торговлѣ Россіи съ остальною Европою». Возвращаясь въ Петербургъ, царь приказалъ ѣхать туда же и Миниху. Прибывши въ Петербургъ, Петръ сказалъ Екатеринѣ: «труды моего Миниха радуютъ меня и подкрѣпляютъ мое здоровье. Недалеко то время, когда мы съ нимъ сядемъ въ шлюпку въ Петербургѣ и выйдемъ на берегъ въ Москвѣ, въ Головинскомъ саду». На другой день Петръ вмѣстѣ съ Минихомъ явился въ сенатѣ и предъ всѣми сенаторами произнесъ: «я нашелъ человѣка, который мнѣ окончитъ ладожскій каналъ. Еще въ службѣ у меня не было такого иностранца, который бы такъ умѣлъ приводить въ исполненіе великіе планы, какъ Минихъ! Вы должны все дѣлать по его желанію!» Послѣ ухода царя Ягужинскій сказалъ Миниху: «генералъ! мы будемъ ожидать вашихъ приказаній». Петръ тогда поручилъ Миниху дирекцію надъ постройкою канала. Сначала работало надъ нимъ шестнадцать тысячъ человѣкъ, теперь Петръ назначилъ двадцать-пять тысячъ. Царь далъ Миниху обѣщаніе, по выходѣ въ отставку стараго Якова Васильевича Брюса, дать Миниху должность генералъ-фельдцейгмейстера и директора надъ всѣми казенными и частными постройками. Петръ не дожилъ до окончанія Минихомъ Ладожскаго канала.

Настало новое царствованіе. Минихъ понялъ, что онъ попалъ въ такую страну, гдѣ нѣтъ ничего прочнаго, и постарался обезпечить себя новыми кондиціями. Онъ представилъ для утвержденія императрицею проектъ, которымъ обрекалъ себя на службу Россіи еще на десять лѣтъ, послѣ которыхъ оставлялъ за собою право уѣхать. Въ теченіе этихъ десяти лѣтъ онъ могъ воспитывать дѣтей своихъ за границею. Минихъ просилъ себѣ обѣщаннаго Петромъ чина фельдцейгмейстера съ тѣми выгодами, которыми пользовался его предшественникъ Брюсъ. Онъ просилъ себѣ въ даръ нѣсколько предметовъ недвижимой собственности: островокъ на Невѣ близъ Шлиссельбурга, деревню Ледневу, лежащую посреди устроеннаго имъ канала, старый дворецъ въ Ладогѣ и домъ въ Петербургѣ. На случай войны съ Даніей и Англіею Россія должна была гарантировать его имущества, находящіяся во владѣніи этихъ державъ, или вмѣсто тѣхъ имуществъ отвести ему соотвѣтствующія помѣстья въ Россіи. Ему отданы въ диспозицію всѣ таможенные и кабацкіе сборы на Ладожскомъ каналѣ.

Екатерина не успѣла утвердить договора съ Минихомъ. Онъ утвержденъ былъ при ея преемникѣ Петрѣ II, но и то не вполнѣ, потому что Минихъ получилъ званіе главнаго директора надъ фортификаціями, а не чинъ генералъ-фельдцейгмейстера, котораго онъ желалъ, опираясь на обѣщаніе, данное Петромъ Великимъ. Паденіе Меншикова, не любившаго Миниха, проложило послѣднему дальнѣйшій путь къ возвышенію. Съ Долгорукими, замѣнившими во вліяніи надъ царемъ Меншикова, Минихъ скорѣе сошелся, чѣмъ съ Меншиковымъ. Когда въ январѣ 1728 года Петра увезли въ Москву, Миниха оставили въ Петербургѣ и поручили ему управленіе Ингерманландіею, Карелією и Финляндіею съ главною командою надъ войсками, тамъ расположенными, а 25 февраля того же года въ день коронаціи государя пожаловали ему графское достоинство. Одно вниманіе къ нему верховной власти слѣдовало за другимъ. Въ этомъ же году окончѣнъ былъ совершенно Ладожскій каналъ и по немъ открылось судоходство: по этому поводу верховный тайный совѣтъ прислалъ ему благодарный адресъ за совершеніе такого важнаго предпріятія. Значеніе Миниха въ государствѣ увеличилось съ дарованіемъ ему должности генералъ-губернатора въ Петербургѣ. Это произошло оттого, что въ качествѣ главнаго командира надъ войсками онъ имѣлъ право производства въ чины и переводовъ лицъ, служившихъ подъ его командою, а изъ такихъ лицъ было много, находившихся въ родственныхъ и покровительственныхъ

связяхъ съ представителями знатныхъ родовъ, и послѣдніе, ходатайствуя за своихъ кліентовъ, обращались къ Миниху съ просьбами. Въ числѣ высокихъ особъ, нуждавшихся тогда въ Минихѣ, была цесаревна Елисавета, ходатайствовавшая о какомъ-то подпоручикѣ.

Однимъ изъ важныхъ дѣлъ, совершенныхъ Минихомъ въ это время, былъ проектъ учрежденія инженернаго корпуса и минерной роты (саперовъ) и заведенія спеціальной школы для приготовленія свѣдущихъ офицеровъ по этой части (указъ іюня 3, 1728 г. П. С. З. VIII, 5278 ст.). Въ слѣдующемъ, 1729 году, по ковчинѣ генералъ фельдцейгмейстера Гинтера [1]), Минихъ сдѣланъ главнымъ начальникомъ и артиллеріи.

Осенью 1728 года Минихъ вторично вступилъ въ бракъ. Первой жены его не стало въ живыхъ еще въ 1727 году. Новая супруга Миниха называлась Варвара-Елеонора, она была вдова оберъ-гофмаршала Салтыкова, урожденная баронесса Мальцанъ, природная нѣмка. На счастье Миниху и вторая подруга жизни, какъ и первая, оказалась добродѣтельною женщиною, искренно была предана ему и вмѣстѣ съ нимъ раздѣляла всѣ коловратности судьбы, его постигавшія.

Наступило новое царствованіе—Анны Ивановны. Минихъ, благоразумный человѣкъ и при томъ сознававшій, что онъ въ Россіи—иностранецъ, не вмѣшивался въ политическія затѣи верховниковъ, пытавшихся ограничить самодержавную власть, и не склонялся ни на ту, ни на другую сторону. Когда Анна объявила себя самодержицею, Минихъ сблизился съ Остерманомъ и тотъ представилъ его новой государынѣ и ея любимцу Бирону. Обоимъ онъ понравился и съ новымъ царствованіемъ сталъ пріобрѣ-

---

[1]) Покойный Хмыровъ, самъ будучи артиллеристомъ и знакомый съ подробностями артиллерійскаго искусства, сильно порицаетъ Минихово управленіе артиллерійскою частію, говоритъ, что Минихъ взялся за то, къ чему не былъ подготовленъ и, между прочимъ, выставляетъ на видъ, что въ царствованіе Петра II, его артиллерійская наука служила только на устройство потѣшныхъ огней, на утѣху государя, еще не вышедшаго изъ ребячества. Конечно, спеціалистъ можетъ легко найти всякія погрѣшности и недостатки въ управленіи артиллеріею Минихомъ, но историкъ не можетъ останавливаться на этомъ, а долженъ имѣть въ виду конечные результаты. Такія событія, какъ взятіе Гданска, покореніе Очакова, Ставучанская побѣда, гдѣ успѣхъ зависѣлъ въ значительной степени отъ миниховой артиллеріи, достаточно побуждаютъ не принимать во вниманіе мелкія замѣчанія спеціалистовъ. Это почти то же, что случилось въ близкое къ намъ время. Очень многія почтенныя и свѣдущія въ военномъ дѣлѣ лица порицали реформу, произведенную въ управленіе военнымъ министерствомъ Милютина, но лучшимъ отвѣтомъ имъ всѣмъ можетъ служить послѣдняя турецкая война, гдѣ такъ блистательно показало себя войско.

тать болѣе значенія. Онъ получилъ давно желанный чинъ генералъ-фельдцейгмейстера, а по смерти стараго князя Трубецкого должность президента военной коллегіи, въ которой до того времени онъ былъ вицепрезидентомъ. Пребывая постоянно въ Петербургѣ въ должности мѣстнаго генералъ-губернатора и оставивъ по себѣ память въ лѣтописи Петербурга очищеніемъ рѣки Мьи (Мойка) и устройствомъ нѣсколькихъ мостовъ и каналовъ, Минихъ посѣщалъ императрицу въ Москвѣ, и все болѣе и болѣе сближался съ Остерманомъ и Бирономъ. Остерманъ настроилъ Миниха предложить императрицѣ учредить вмѣсто уничтоженнаго верховнаго тайнаго совѣта кабинетъ, высшее правительственное мѣсто, которое служило бы посредствующимъ органомъ между высочайшею особою и правительствующимъ сенатомъ. Первоначально Минихъ предложилъ въ этотъ кабинетъ трехъ сановниковъ—Остермана, Головкина и кн. Черкасскаго, но Анна Ивановна сама пожелала прибавить къ нимъ самого Миниха. Минихъ отговаривался, находя, что онъ, какъ иностранецъ, недостаточно знакомъ съ внутреннею политикою Россіи, но императрица настояла, чтобы Минихъ непремѣнно вступилъ въ число членовъ кабинета по военнымъ и внѣшнимъ дѣламъ. Въ 1731 году Минихъ сдѣланъ былъ предсѣдателемъ коммиссіи, учрежденной съ цѣлію найти и установить мѣры для уничтоженія безпорядковъ въ войскѣ и такъ устроить, чтобъ войско содержалось въ порядкѣ безъ народнаго отягощенія. Въ качествѣ начальника этой коммиссіи Минихъ совершилъ нѣсколько преобразованій въ устройствѣ воинской части въ Россіи; онъ начерталъ новый порядокъ для гвардіи, полевыхъ и гарнизонныхъ полковъ, образовалъ два новыхъ гвардейскихъ полка: измайловскій и конной гвардіи, завелъ тяжелую конницу, такъ-называемыхъ кирасировъ, измѣнивъ въ кирасировъ три драгунскихъ полка, далъ самостоятельный видъ инженерной части, прежде слитой съ артиллерійскою, и учредилъ Сухопутный кадетскій корпусъ, въ которомъ шляхетскихъ дѣтей русскихъ и лифляндскихъ отъ 13 до 18 лѣтъ обучать слѣдовало ариѳметикѣ, геометріи, рисованію, фортификаціи, верховой ѣздѣ, фехтованію, стрѣльбѣ и всякому воинскому строю. Кромѣ того, принято было во вниманіе, что въ государствѣ нужно не только военное, но и политическое, и гражданское образованіе, и притомъ не всѣ способны къ военной службѣ, и въ этихъ видахъ положено имѣть учителей иностранныхъ языковъ, преподавать исторію, географію, юриспруденцію, танцованіе, музыку и прочія науки, какія сочтутся полезными, смотря по природной способности воспитанниковъ. Сначала число учащихся опредѣ-

лено въ двѣсти, потомъ въ 300 человѣкъ; на помѣщеніе ихъ отдали на Васильевскомъ Островѣ домъ кн. Меншикова, конфискованный послѣ его ссылки, а на содержаніе всего корпуса опредѣлена была сумма, которая увеличивалась при умноженіи числа учащихся. Обращено также вниманіе и на дѣтей военныхъ не дворянскаго званія. При гарнизонныхъ пѣхотныхъ полкахъ учреждались школы, куда собирали для обученія мальчиковъ отъ 7 до 15 лѣтъ, рожденныхъ во время нахожденія отцовъ ихъ на службѣ, но отнюдь не тѣхъ, которые родились уже тогда, какъ родители ихъ были въ отставкѣ. Это постановлялось на томъ принципѣ, что сыновья служилыхъ должны сами быть служилыми. Этою мѣрою думали сократить рекрутскіе наборы въ видахъ облегченія народа. Минихъ, хотя былъ по происхожденію нѣмецъ и до смерти оставался съ привязанностію къ своей національности, но нигдѣ не показывалъ того высокомѣрнаго отношенія къ русскимъ, какимъ отличались служившіе въ Россіи нѣмцы. Петръ Великій для приманки иностранныхъ офицеровъ въ русское воинство установилъ иностранцамъ, служащимъ въ русскомъ войскѣ, производить двойное жалованье противъ природныхъ русскихъ. Такъ и оставалось это правило; Минихъ первый сознался несправедливость такого различенія и уравнилъ тѣхъ и другихъ въ одинаковой степени. За это онъ пріобрѣлъ навсегда любовь русскихъ. Въ числѣ полезныхъ учрежденій по военной части, указанныхъ Минихомъ въ это время, были заведеніе провіантскихъ магазиновъ для продовольствія войскъ, госпиталей для увѣчныхъ солдатъ; приняты разныя мѣры къ правильному обмундированію и вооруженію войскъ; учреждены генеральные смотры. Устроено было двадцать полковъ украинской ландмиліціи изъ однодворцевъ Бѣлогородскаго и Сѣвскаго разрядовъ, разселивши ихъ и надѣливши пахатною землею по линіи укрѣпленій, возводимыхъ между Днѣпромъ и Сѣвернымъ Донцомъ и по Сѣверному Донцу до казачьихъ донскихъ городовъ. Подобное населеніе послѣдовало по царицынской линіи. Вмѣсто предполагаемыхъ при Петрѣ Первомъ шести тысячъ поселенцевъ на украинской линіи, теперь назначалось двадцать тысячъ. Наборъ и устроеніе новоучреждаемой украинской линіи возлагалось на генерала Тараканова. На царицынской миліціи по берегамъ Илавли и Медвѣдицы послѣдовало подобное же населеніе изъ казаковъ подъ атаманствомъ Персидскаго.

Минихъ своими совѣтами содѣйствовалъ къ переѣзду двора изъ Москвы въ Петербургъ. Какъ иностранецъ и по здравому разсудку сторонникъ петровской реформы, онъ не былъ распо-

ложенъ къ пребыванію двора въ Москвѣ, гдѣ было ощутительно вліяніе партіи, не разстававшейся съ воспоминаніями старой московской Руси и не терпѣвшей всякой иноземщины. Послѣ того какъ императрица обжилась въ Петербургѣ, Минихъ упросилъ ее обозрѣть довершенный имъ каналъ и, такъ сказать, освятить его своимъ личнымъ вниманіемъ. Императрица прибыла въ Шлиссельбургъ и оттуда отправилась по всей длинѣ канала въ яхтѣ, которую сопровождали восемьдесятъ судовъ. Такъ доплыли они до рѣки Волхова на протяженіи ста-четырехъ верстъ. Два огромныхъ шлюза на обоихъ концахъ длины канала замыкали каналъ и держали въ немъ воду, которой средняя высота достигала до сажени. По шестнадцати меньшихъ шлюзовъ устроено было на сѣверной и на южной сторонѣ канала, шедшаго отъ запада къ востоку. Эти шлюзы служили для того, чтобъ накопившаяся лишняя вода выливалась въ озеро, а маленькія рѣчки: Назія, Шалдиха, Кабона и другія, принося въ каналъ свои воды, въ лѣтнее время не заносили съ собою массъ песка и тины.

Съ Остерманомъ Минихъ, какъ было сказано, вначалѣ очень сблизился, но когда государыня сдѣлала его членомъ кабинета, Остерманъ измѣнился къ нему въ своихъ чувствованіяхъ. Еще болѣе внутренно сталъ ненавидѣть Миниха Бирон. Государыня, видя въ Минихѣ очень умнаго, разносторонне свѣдущаго человѣка и при томъ преданнаго ея интересамъ, все болѣе и болѣе подчинялась его совѣтамъ и привязывалась къ нему. Бирон боялся, чтобъ умный Минихъ не отѣснилъ его отъ высочайшей особы, такъ какъ самъ Бирон не обладалъ ни большимъ умомъ, ни образованностью, и всечасно чувствовалъ свою собственную малость передъ Минихомъ. Не взлюбили Миниха оберъ-шталмейстеръ Левенвольде и канцлеръ гр. Головкинъ. Оба они чувствовали, что Минихъ ихъ даровитѣе и умнѣе; оба возбуждали, вмѣстѣ съ Остерманомъ, противъ Миниха любимца императрицы. Бирон и Левенвольде устроили за поведеніемъ Миниха надзоръ, приставили фискаловъ, которые должны были вывѣдывать его намѣренія или побудить на какой-нибудь шагъ, который могъ бы ему повредить въ милости императрицы. Но Минихъ былъ не таковъ, чтобъ его можно было такими мѣрами подвести. Минихъ жилъ во дворцѣ, рядомъ съ покоями императрицы. Бирон задумалъ выгѣснить его оттуда, чтобы по крайней мѣрѣ такая близость помѣщенія не возбуждала въ немъ опасенія, что онъ можетъ легко замѣнить для Анны Ивановны его, Бирона. Воспользовавшись чрезвычайною любовію къ себѣ императрицы, онъ представилъ ей, что надобно очистить помѣщеніе во дворцѣ для

племянницы императрицы, прибывшей въ Петербургъ; а на нее императрица смотрѣла какъ на свою преемницу. Миниху объявили, что ради этой причины, онъ долженъ перебраться за Неву. Минихъ повиновался тѣмъ болѣе, что тутъ была благовидная причина; за Невою, на Васильевскомъ Островѣ находился кадетскій корпусъ, котораго главнымъ начальникомъ былъ Минихъ. Бирономъ такъ безцеремонно распоряжался, что не оставилъ фельдмаршалу даже времени перевезти свою мебель. Но соперники Миниха этимъ не довольствовались. Они искали повода удалить его вовсе изъ столицы. Случай къ тому представился.

Король польскій Августъ, долговременный союзникъ Россіи, скончался 11 февраля 1733 года. Въ Польшѣ возникло двѣ партіи: одна хотѣла избрать въ преемники Августу сына его, курфирста саксонскаго, другая—Станислава Лещинскаго, уже нѣкогда избраннаго въ санъ короля по настоянію шведскаго короля Карла XII. Дворы россійскій и вѣнскій благопріятствовали курфирсту саксонскому, потому что онъ обѣщалъ, сдѣлавшись королемъ, утвердить прагматическую санкцію, актъ, по которому императоръ римскій Карлъ VI передавалъ свои наслѣдственныя владѣнія дочери своей Маріи-Терезіи, а россійскому двору—не препятствовать проведенію въ достоинство герцога курляндскаго любимца императрицы Анны Ивановны, Бирона. Франція, напротивъ, поддерживала Станислава Лещинскаго. Фельдмаршалъ Ласси, отправленный съ 20,000 русскаго войска въ Польшу, содѣйствовалъ избранію курфирста саксонскаго подъ именемъ Августа III и преслѣдовалъ партію Станислава Лещинскаго, который засѣлъ въ городѣ Гданскѣ. 22 февр. 1732 г. Ласси съ 12,000 войска осадилъ Гданскъ. Но у осажденныхъ было силы болѣе и война шла нерѣшительно, ограничиваясь стычками между осажденными, дѣлавшими вылазки, и казаками. Тогда Бironъ, съ цѣлію сбыть съ глазъ императрицы Миниха, убѣдилъ ее отправить въ Польшу Миниха съ войскомъ противъ Лещинскаго. Миниху самому не было противно такое порученіе, такъ какъ онъ съ юности любилъ военное дѣло, а придворныя интриги не могли удовлетворять его.

Минихъ прибылъ къ Гданску 7 марта 1734 года и принялъ главную команду надъ остававшимся тамъ россійскимъ войскомъ, вытребовавъ себѣ еще нѣсколько свѣжихъ силъ.

Сначала Минихъ послалъ къ обитателямъ Гданска грозный манифестъ, требовалъ покорности королю Августу Третьему и выдачи Станислава Лещинскаго, въ случаѣ отказа угрожалъ разорить городъ до основанія и покарать грѣхи отцовъ на чадахъ

чадъ ихъ. На такое заявленіе не послѣдовало покорности. Но Минихъ принужденъ былъ отказаться отъ покушеній приводить въ исполненіе свои угрозы: у него недоставало осадной артиллеріи. Но вотъ изъ Саксоніи прибыли мортиры, провезенныя черезъ прусскія владѣнія въ телѣгахъ подъ видомъ экипажей герцога вейссенфельскаго, а изъ Польши пришла прочая, русская артиллерія: тогда началось метаніе бомбъ въ городъ. Осада Гданска продолжалась 135 дней. Поляки партіи Лещинскаго пытались извнѣ подавать помощь осажденнымъ нападеніями на русскихъ, но были разбиваемы русскими отрядами. Осажденные надѣялись на прибытіе французской флотиліи, которая, какъ надѣялись, привезетъ имъ свѣжихъ силъ. Но французскіе корабли привезли и высадили къ нимъ на берегъ только 2,400 человѣкъ. Затѣмъ къ Миниху пришла на помощь саксонская военная сила, а 12 іюня русская флотилія въ числѣ 29 судовъ вошла въ Гданскій рейдъ и привезла Миниху еще орудій. Бомбардировка усилилась. 19 іюня Минихъ потребовалъ снова сдачи. Осажденные выпросили три дни на размышленіе. Послѣ многихъ переговоровъ французское войско вышло съ тѣмъ, что ихъ отвезутъ въ одинъ изъ нейтральныхъ портовъ Балтійскаго моря и отправятъ оттуда во Францію. Они надѣялись, что ихъ отвезутъ въ Копенгагенъ, но ихъ отвезли въ Лифляндію, разставивши тамъ по квартиры, и уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отправили во Францію.

28 іюня гданскій магистратъ выслалъ къ Миниху парламентера. Минихъ требовалъ покорности королю Августу и выдачи Станислава Лещинскаго со главнѣйшими приверженцами. На другой день магистратъ извѣстилъ Миниха, что Станислава невозможно выдать, потому что онъ убѣжалъ, переодѣвшись въ крестьянское платье. Минихъ сильно разсердился, велѣлъ-было опять начать бомбардированіе; наконецъ, 30 іюня принялъ покорность города и дозволилъ находившимся въ городѣ польскимъ панамъ ѣхать куда пожелаютъ, приказавши арестовать только трехъ лицъ: примаса, папа Понятовскаго и француза маркиза де-Монти: ихъ отвезли въ Торунъ. Такъ окончилась эта осада, во время которой русскіе потеряли восемь тысячъ солдатъ и двѣсти офицеровъ. На городъ Гданскъ была наложена контрибуція въ два милліона. Но императрица скинула прочь половину этой суммы.

Минихъ вернулся въ Петербургъ съ торжествомъ. Его недоброжелатели пытались очернить его дѣйствія, распускали подозрѣнія, что Минихъ бралъ съ непріятеля взятки и завѣдомо

далъ возможность Станиславу Лещинскому уйти. Но все это не повредило Миниху.

Вслѣдъ за тѣмъ затѣвалась другая война, куда также пришлось отправляться Миниху, къ удовольствію, какъ его самого, такъ и его враговъ, которые радовались тому, что его можно подъ какимъ бы то ни было предлогомъ удалить изъ столицы. То была война съ Турціею.

Турція вела войну съ Персіею уже нѣсколько лѣтъ. Чтобы поразить персіянъ на сѣверной сторонѣ въ то время, когда персидскія силы направлялись къ югу, крымскіе татары, данники турецкой державы, получили повелѣніе вторгнуться въ Персію, и какъ ближайшій путь лежалъ черезъ русскія владѣнія, то они не затруднились проходить черезъ нихъ, нарушая тѣмъ нейтралитетъ Россіи. Такъ въ 1732 году столкнулись они на берегу рѣки Терека съ русскимъ отрядомъ, находившимся подъ командою генерала принца гессенъ-гомбургскаго. Произошла битва; въ ней легло до тысячи татаръ, до четырехъ-сотъ русскихъ. Россія дипломатическимъ путемъ жаловалась Турціи за нарушеніе нейтралитета и не получила удовлетворенія; напротивъ— Турція снова послала крымскаго хана съ 70,000 войска черезъ русскія владѣнія въ Персію. Турецкая сила на этотъ разъ потерпѣла отъ персіянъ жестокое пораженіе. Тогда бывшій въ Константинополѣ россійскимъ посломъ Неплюевъ заявилъ своему правительству мнѣніе, что теперь настало удобное время отплатить Турціи за унизительный для чести русскаго имени прутскій миръ. При дворѣ оберъ-шталмейстеръ Левенвольде поддерживалъ то же мнѣніе. Остерманъ, всегда разсудительный и осторожный, не совѣтовалъ поддаваться такимъ обольстительнымъ надеждамъ и не отваживаться дразнить Турцію, потому что она еще сильна; по его взгляду достаточно было ограничиться усмиреніемъ татаръ, такъ какъ это не поведетъ къ разрыву съ Турціею: падишахъ недоволенъ самовольствомъ своего данника, крымскаго хана, но не можетъ удержать его въ повиновеніи. Фельдмаршалъ Минихъ, вслѣдствіи горячій сторонникъ войны съ Турціею, на этотъ разъ примыкалъ къ Остерману. Онъ желалъ войны, но такой, которая бы началась не отъ прямого вызова Россіею. Пробывши, послѣ гданскаго дѣла, нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ, Минихъ долженъ былъ отправиться къ войску, оставленному въ Польшѣ, такъ какъ въ Польшѣ оставалось еще много противниковъ короля Августа III. Дѣла съ Турціею, между тѣмъ, стали обостряться. Персидскій шахъ Кули-ханъ соглашался было уже примириться съ Турціею, но русскій посланникъ въ

Персіи, князь Сергѣй Голицынъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобъ не допустить до такого примиренія—и успѣлъ: персидскій шахъ сталъ по отношеніи къ Россіи обязанъ благодарностью, потому что Россія тогда уступила Персіи пріобрѣтенія Петра Перваго—Баку, Дербентъ и даже крѣпость св. Креста. Подъ вліяніемъ Россіи персидскій шахъ опять возобновилъ войну съ Турціею. Тогда и петербургскій дворъ, заручившись союзомъ съ Персіею, открыто рѣшился на войну, но не прямо съ Турціею, а съ татарами, подъ тѣмъ предлогомъ, что послѣдніе безпрестанно чинятъ набѣги и въ послѣднее время два раза нарушали нейтралитетъ Россіи проходомъ своего войска черезъ русскія области. Начать непріязненныя дѣйствія противъ татаръ долженъ былъ Вейсбахъ, кіевскій генералъ-губернаторъ. Но онъ въ то самое время умеръ. Преемникъ его, генер.-лейтенантъ Леонтьевъ, тотъ самый, который ѣздилъ въ Митаву къ Аннѣ Ивановнѣ депутатомъ отъ генералитета, выступилъ въ походъ, но то было уже въ октябрѣ, въ дурную погоду, и онъ воротился назадъ, потерявши девять тысячъ воиновъ, погибшихъ не отъ непріятельскаго оружія, а отъ болѣзней и лишеній. Въ это время послано Миниху порученіе перейти съ своимъ войскомъ изъ Польши въ Украину и идти съ нимъ въ походъ противъ татаръ.

Поручивъ вести за собою въ Украину армію генералу принцу гессенъ-гомбургскому, Минихъ поѣхалъ въ Павловскъ, на Дону, сдѣлалъ тамъ распоряженія о нагрузкѣ на суда артиллеріи и припасовъ, необходимыхъ для предположенной осады Азова, потомъ прибылъ въ Украину, осмотрѣлъ украинскую линію отъ Днѣпра до Донца, гдѣ нашелъ шестнадцать крѣпостей, каждая съ земляннымъ бруствероиъ, съ контръ-эскарпомъ, со рвомъ, наполненнымъ водою, а между 19 укрѣпленіями этими возведены были редуты разнаго размѣра. Минихъ объѣхалъ всю эту линію, охранявшуюся, какъ выше было сказано, ландмиліціею изъ поселенныхъ однодворцевъ, сдѣлалъ нужныя распоряженія о разстановкѣ карауловъ и замѣтилъ, что въ бахмутской провинціи линія остается открытою и на совершенное приведеніе ея въ надлежащее положеніе необходимы работы. Съ этой цѣлью Минихъ потребовалъ 53,263 человѣка рабочихъ. Управлявшій тогда малороссійскимъ краемъ, князь Шаховской, въ отвѣтъ на такое затребованіе, доносилъ правительству, что такого рода работы будутъ крайне разорительны для народа. Минихъ съ своей стороны доносилъ, что, обозрѣвши тогдашнее состояніе Украины, онъ ясно видитъ, что разореніе народа дѣйствительно замѣтно, но оно происходитъ не отъ работъ, а

отъ дурного управленія, во главѣ котораго стоялъ Шаховской; полковниками и сотниками ставятся люди неспособные, вездѣ стараются разбогатѣть на счетъ подчиненныхъ, люди богатые стараются отлынивать отъ службы, и только бѣдныхъ посылаютъ въ походы. Казаки, недовольные несправедливостями своего начальства, убѣгаютъ и пристаютъ къ владѣльцамъ земель, обѣщающимъ поселенцамъ льготные годы, иные же бѣгутъ къ татарамъ, и вмѣстѣ съ ними идутъ воевать противъ Россіи. Отъ этого вообще казачество въ гетманщинѣ умалилось: прежде бывало можно было собрать казаковъ тысячъ сто, а въ послѣднее время, когда объявленъ былъ походъ Леонтьева въ Крымъ, ихъ едва набралось двѣнадцать тысячъ семьсотъ тридцать. Тутъ Минихъ сошелся съ запорожцами, которыхъ онъ нашелъ въ воинскомъ отношеніи гораздо лучше, чѣмъ малороссійскихъ городовыхъ казаковъ, и съ запорожскими старшинами имѣлъ совѣщаніе въ Царичинкѣ. Запорожцы дали ему совѣтъ выступить въ походъ въ степь съ ранней весны, когда еще не совершенно высохнутъ воды отъ тающихъ снѣговъ, а молодая трава еще не будетъ сожжена. Минихъ нашелъ этотъ совѣтъ подходящимъ и въ мартѣ съѣздилъ къ Азову, съ котораго надлежало начинать военныя дѣйствія. Онъ поручилъ вести осаду Азова генералу Левашову, а самъ возвратился къ своему войску въ Украину, снова совѣтовался съ запорожскими старшинами и десятаго апрѣля двинулся въ походъ въ степь. Съ нимъ было 54,000 войска россійскаго и 12,000 казаковъ (5,000 донскихъ, 4,000 украинскихъ и 3,000 запорожцевъ). По извѣстію жизнеописателя Минихова, обозъ, отправлявшійся съ этою военною силою, простирался до девяти тысячъ возовъ, и на каждый полкъ приходилось ихъ двѣсти-пятьдесятъ. Однихъ маркитантовъ было до семи тысячъ. Весь обозъ не пошелъ съ войскомъ, но значительная часть его съ тяжелою артиллеріею поручена была князю Трубецкому, который долженъ былъ доставить боевые и съѣстные припасы въ сопровожденіи оставленной для того части войска, прежде разставленной въ болѣе отдаленномъ краѣ на квартирахъ.

Армія двинулась въ степь пятью колоннами, находившимися подъ командою генераловъ Шпигеля, принца гессенъ-гомбургскаго, Измайлова, Леонтьева и Тараканова. Самъ главнокомандующій Минихъ шелъ въ авангардѣ: запорожцы говорили, что на пути своемъ русское войско найдетъ себѣ кормъ и фуражъ, Минихъ довѣрился имъ и не очень заботился о скорѣйшемъ подвозѣ запасовъ княземъ Трубецкимъ, а этотъ князь такъ мед-

лилъ, что дошелъ тогда уже, когда Минихъ окончилъ свой походъ. Для обезпеченія сообщенія войску съ Украйною Минихъ, на пути чрезъ степь, приказывалъ устраивать редуты на разстояніи пяти и десяти верстъ одинъ отъ другого и оставлять въ каждомъ по десяти солдатъ и по тридцати казаковъ подъ наблюденіемъ оберъ-офицера, а на трехъ большихъ ретраншементахъ отъ 400 до 500 человѣкъ со штабъ-офицеромъ.

Послѣ незначительныхъ стычекъ съ непріятелемъ колонны Шпигеля, армія 28 мая приблизилась къ Перекопу. Перекопскій перешеекъ былъ прокопанъ рвомъ длиною на семь верстъ: ровъ шириною доходилъ до двѣнадцати, а глубиною до семи саженъ. За этимъ рвомъ былъ валъ, высотою до 70 футовъ отъ вершины до дна рва. Шесть каменныхъ башенъ прикрывали всю линію вала; за этимъ валомъ была крѣпость перекопская. Ханъ, какъ сообщали плѣнники, стоялъ недалеко со ста-тысячнымъ войскомъ.

Минихъ началъ съ того, что написалъ хану, извѣщалъ его, что пришелъ съ войскомъ наказать татаръ, производившихъ набѣги на русскія владѣнія, и просилъ хана добровольно впустить въ Перекопскую крѣпость русскій гарнизонъ и признать надъ собою первенство россійской императрицы; иначе—онъ грозилъ опустошить весь Крымъ. Ханъ прислалъ мурзу съ отвѣтомъ въ такомъ смыслѣ: ханъ состоитъ данникомъ турецкаго государя и не хочетъ измѣнять ему; въ Перекопъ не можетъ впускать русскихъ, потому что тамъ помѣщенъ турецкій гарнизонъ не отъ крымскаго хана, а отъ самой Турціи; татары не подавали повода къ войнѣ, а если чинили набѣги, то это дѣлали ногаи, и русскія войска могутъ съ ними расправляться какъ дѣлалось и прежде: эти люди, хотя и состоятъ подъ властію хана, но не всегда послушны этой власти и позволяютъ себѣ своевольства. Въ довершеніе ханъ просилъ фельдмаршала пріостановить военныя дѣйствія и тогда уже вступить въ объясненія.

Но Минихъ не за тѣмъ пришелъ, чтобы проводить время въ объясненіяхъ. Отправивши мурзу ханскаго съ отказомъ, фельдмаршалъ на другой день еще до разсвѣта послалъ двѣ тысячи пятьсотъ человѣкъ вправо по направленію къ перекопской линіи, и въ то же время русское войско двинулось всею массою влѣво. Татары, обманутые фальшивымъ движеніемъ двухъ-тысячъ-пятисотеннаго отряда, бросились на него, и вдругъ нежданно увидали русскія силы совсѣмъ на другой сторонѣ. Русскіе дошли до рва и на короткое время остановились. Ровъ былъ очень широкъ. Но ровъ этотъ былъ сухъ. Солдаты спустились на дно, а оттуда стали карабкаться на валъ. Вмѣсто лѣстницъ имъ слу-

жили пики, штыки и рогатки. Задніе подсаживали переднихъ и потомъ, держась за нихъ, сами взбирались, и такъ добрались на вершину вала подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ. Такая неустрашимость поразила татаръ: они бѣжали. Въ башняхъ сидѣли турецкіе янычары. По приказанію Миниха принцъ гессенъ-гомбургскій послалъ санкт-петербургскаго гренадерскаго полка капитана Манштейна съ шестьюдесятью человѣкъ его роты къ одной изъ башенъ. Гренадеры прорубили двери; Манштейнъ вошелъ внутрь и потребовалъ сдачи. Янычары безусловно согласились и стали класть оружіе, но тутъ между гренадерами и янычарами возникъ споръ, а потомъ и драка: янычары убили шестерыхъ и ранили шестнадцать гренадеровъ; гренадеры перекололи всѣхъ янычаръ, а ихъ было въ башнѣ сто шестьдесятъ. Тогда янычары, сидѣвшіе въ прочихъ башняхъ, покинули ихъ и бѣжали вслѣдъ за татарами. Минихъ потребовалъ отъ перекопскаго коменданта сдачи: обѣщано было проводить всѣхъ до приморской пристани для отплытія въ Турцію. Комендантъ на все согласился. Но когда турки положили оружіе, ихъ всѣхъ объявили военнопленными подъ тѣмъ предлогомъ, что, вопреки мирному договору, задержано было двѣсти русскихъ купцовъ, и когда имъ возвратятъ свободу, тогда и взятые въ Перекопѣ турки будутъ отпущены въ отечество.

Городъ Перекопъ, заключавшій въ себѣ до 800 деревянныхъ домовъ и окруженный стѣною изъ песчаника, разсыпавшагося отъ пушечныхъ выстрѣловъ, былъ тотчасъ занятъ однимъ русскимъ полкомъ, а 4 іюня Минихъ отправилъ генералъ-лейтенанта Леонтьева съ десятью тысячами къ Кинбурну. Съ оставшимися генералами Минихъ держалъ военный совѣтъ,—что дѣлать далѣе. Многіе были такого мнѣнія, что не слѣдуетъ забиваться въ глубь страны, такъ какъ продовольствія для войска оставалось не болѣе какъ на двѣнадцать дней, а лучше укрѣпиться у Перекопа и подождать прибытія кн. Трубецкого съ обозомъ. Но Минихъ противился этому и настаивалъ, что надобно идти впередъ и нанести страхъ татарамъ; онъ надѣялся, что обозъ поспѣетъ и догонитъ ихъ, а еслибы и запоздалъ, то войско можетъ продовольствоваться на счетъ непріятельскаго края.

И пошло войско по безводной пустынѣ въ глубину крымскаго полуострова. Татары умышленно портили воду, и безъ того скудную въ колодцахъ. Ихъ летучіе отряды безпокоили войско, двигавшееся четвероугольникомъ. Когда расположилось войско на дневку въ Бальчикѣ, къ нему приблизились татары. Откомандированный противъ нихъ генералъ-маіоръ Гейнъ хотя не по-

терпѣлъ пораженія, но не исполнилъ въ точности порученія, даннаго фельдмаршаломъ, и за это немедленно былъ преданъ военному суду и разжалованъ въ солдаты. Минихъ чрезвычайно строго относился къ дѣлу дисциплины въ войскѣ. Пошли дни за днями. Жара была нестерпимая. Солдаты пропадали отъ жажды и зноя. Подвозъ ожидаемыхъ запасовъ не приходилъ по медленности князя Трубецкого. Генералъ принцъ гессенъ-гомбургскій, уже прежде враждовавшій съ Минихомъ, а за нимъ и другіе генералы, въ числѣ ихъ и близкій родственникъ Бирона, носившій ту же фамилію, распускали о Минихѣ между подчиненными упреки, что онъ для удовлетворенія своего честолюбія губитъ цѣлое войско и поступаетъ совсѣмъ противъ желанія и предписаній петербургскаго двора. Къ счастію Миниха, войско, все еще не дождавшись князя Трубецкого съ обозомъ, вдругъ нашло себѣ продовольствіе. На десятый день пути отъ Перекопа достигло оно города Хазлейва (Козловъ-Евпаторія) и вошло туда безъ всякаго сопротивленія: всѣ мусульманскіе обитатели этого города заранѣе убѣжали оттуда, успѣвши взять съ собою, что возможно было, на скорую руку, и зажгли за собою дома христіанскихъ купцовъ. Но бѣжавшіе всего съ собою забрать не были въ состояніи. Русскіе въ опустѣломъ и полуобгорѣломъ городѣ отыскали закопанныя въ землѣ драгоцѣнности — золото, серебро, жемчугъ; мѣди, желѣза и свинцу была громада, рису и пшеницы было такое изобиліе, что Минихъ раздалъ ихъ въ качествѣ провіанта солдатамъ на тридцать-четыре дня.

Кромѣ этого, русскіе успѣли захватить десять тысячъ барановъ и нѣсколько сотъ штукъ рогатаго скота, и это было очень кстати, такъ какъ солдаты уже двѣ недѣли не ѣли ничего мясного.

Простоявши пять дней въ Хазлейвѣ съ цѣлію дать время хлѣбопекамъ изготовить для солдатъ хлѣбъ и сухари, Минихъ двинулся далѣе. Онъ выбралъ путь вблизи моря: татары не ожидали, что русскіе пойдутъ туда и не дѣлали опустошенія; поэтому русскіе могли на этомъ пути доставать фуражъ: Минихъ распустилъ между непріятелями слухъ, будто возвращается къ Перекопу.

Между тѣмъ 27 іюня войско приблизилось къ ханской столицѣ Бахчисараю. Минихъ оставилъ большую часть войска съ багажемъ, поручивъ начальство Шпигелю, а самъ съ другою частью обошелъ горы, и русскіе на разсвѣтѣ были подъ самымъ городомъ. Татары не ждали этого и чрезвычайно удивились, увидавши тамъ русскихъ въ такую пору. Они напали на донскихъ казаковъ и на владимірскій пѣхотный полкъ, успѣли принудить податься назадъ, и отняли одну пушку. Но когда подо-

спѣлъ генералъ Лесли съ пятью другими полками, татары тотчасъ бѣжали. Паническій страхъ напалъ на всѣхъ жителей Бахчисарая. Они покинули свои дома, хватали съ собой, что могли схватить, и бѣжали въ горы.

Въ Бахчисараѣ въ то время было двѣ тысячи домовъ: треть ихъ принадлежала христіанамъ греческаго происхожденія. Русскіе все сожгли. Красивый ханскій дворецъ, состоявшій изъ многихъ зданій и окруженный садами, былъ обращенъ въ пепелъ. Сгорѣлъ домъ іезуитскій съ библіотекою. Сами іезуиты заранѣе ушли изъ города.

Расправившись съ Бахчисараемъ, Минихъ 29 іюня отвелъ свое войско на рѣку Альму. Туда прибылъ и обозъ, который шелъ съ Минихомъ, на него нападали татары, но не удачно.

3 іюля главнокомандующій отрядилъ генераловъ Измайлова и Магнуса Бирона съ восемью тысячами солдатъ и двумя тысячами казаковъ на Акмечеть (нынѣ Симферополь), столицу Калги-салтана и его мурзъ. Русскіе не нашли ни души въ городѣ: еще за два дни жители ушли оттуда. Русскіе ограбили все, что могли найти, и сожгли весь городъ, имѣвшій тогда тысячу восемьсотъ деревянныхъ домовъ.

Минихъ намѣревался идти на Кафу, самый богатый и многолюдный городъ на черноморскомъ побережьѣ. Но этому воспротивились на военномъ совѣтѣ всѣ генералы.

Они представляли, что треть войска хвораетъ и многіе до того ослабѣли, что не въ состояніи далѣе двигаться, между тѣмъ на этомъ пути не представлялось впереди никакихъ надеждъ на доставку продовольствія людямъ и лошадямъ, такъ какъ татары, ожидая своихъ непріятелей, выжгли всѣ окрестности Кафы на далекое пространство. Вдобавокъ усилились жары. Минихъ долженъ былъ удержать свой воинственный задоръ и повернуть къ Перекопу. Войско достигло Перекопа 17 іюля и ко всеобщему удовольствію встрѣтили генерала Аракчеева, который привезъ изъ Украйны хлѣбные запасы, а съ нимъ прибыли маркитанты и привезли большое количество вина и всякаго съѣстного продовольствія. Итакъ, послѣ многихъ трудовъ и лишеній, войско чувствовало изобиліе. Къ умноженію радости пришло извѣстіе, что генералъ-лейтенантъ Леонтьевъ взялъ Кинбурнъ, не потерявши ни одного человѣка: турки сдали его безъ боя и по капитуляціи вышли изъ крѣпости въ числѣ двухъ тысячъ; двѣсти пятьдесятъ христіанскихъ невольниковъ, содержавшихся въ крѣпости, получили свободу. Русскіе въ Кинбурнѣ нашли много скота и овецъ. Минихъ приказалъ взорвать порохомъ перекопскія укрѣпленія

и 28 іюля двинулся въ Украину. Татары не безпокоили возвращавшееся русское войско. Генералъ Леонтьевъ присоединился къ главному войску.

На берегу рѣки Самары Минихъ произвелъ смотръ своему войску. Не было ни одного полка, гдѣ бы количество служащихъ достигало полнаго комплекта: въ тѣ времена полный комплектъ пѣхотнаго полка простирался до 1575 человѣкъ со включеніемъ офицеровъ, а комплектъ коннаго полка — 1231 человѣкъ. На лицо не оказалось теперь ни одного, гдѣ было бы болѣе 600 человѣкъ. Между тѣмъ, достовѣрно было извѣстно, что число убитыхъ непріятелемъ не превышало двухъ тысячъ. Войско умалилось отъ болѣзней и лишеній. Много содѣйствовала этому медленность кн. Трубецкого и неисправность коммисаріата въ доставкѣ жизненныхъ средствъ въ пору. Но и самъ фельдмаршалъ Минихъ обвинялся за то, что не жалѣлъ солдатъ своихъ, водилъ ихъ во время лѣтняго дневного зноя, не давалъ отдыха и слишкомъ легко относился къ недоставленію кн. Трубецкимъ продовольствія, надѣясь кормить войско на счетъ непріятельской страны. Походъ въ Крымъ стоилъ Россіи до тридцати тысячъ человѣкъ. Противникъ Миниха, принцъ гессенъ-гомбургскій возстановилъ противъ него генераловъ, а отъ послѣднихъ ропотъ на фельдмаршала переходилъ къ штабъ- и оберъ-офицерамъ и доходилъ даже до рядовыхъ.

По прибытіи въ Украину, Минихъ, въ предупрежденіе татарскихъ зимнихъ набѣговъ черезъ ледъ днѣпровскій въ гетманщину и Слободскую Украину, сдѣлалъ распоряженіе съ первыхъ заморозовъ рубить ледъ на рѣкахъ и для этого употреблять солдатъ и сгонять народъ. Это возбуждало ропотъ и между солдатами, и жителями селъ, да и не достигало цѣли, потому что въ февралѣ 1737 года татары черезъ Днѣпръ у Келеберды ворвались въ Украину; защищавшій проходъ генералъ Лесли былъ убитъ и много офицеровъ взято въ плѣнъ.

Принцъ гессенъ-гомбургскій не ограничился возбужденіемъ противъ Миниха генераловъ его арміи, а еще написалъ и послалъ на фельдмаршала доносъ герцогу Бирону, и хотя Бирон прислалъ этотъ доносъ самому Миниху, но при дворѣ онъ оставилъ непріятное впечатлѣніе. Этимъ не замедлили воспользоваться Миниховы недоброжелатели и завистники. Хотя главный врагъ Миниха, оберштальмейстеръ Левенвольде, умеръ, но въ самомъ кабинетѣ желали унизить фельдмаршала, рѣшили повергнуть въ военномъ совѣтѣ обсужденію поступки Миниха и указать причины большой потери войска. Предсѣдательство въ

этомъ совѣтѣ принадлежало фельдмаршалу Ласси, который во время Минихова похода въ Крымъ черезъ Перекопъ, осаждая полтора мѣсяца Азовъ, принудилъ его къ сдачѣ и потомъ шелъ на соединеніе съ Минихомъ, но узнавши, что Минихъ уже возвращается, самъ повернулъ въ Слободскую Украину. Теперь ему поручалось разбирать дѣйствія своего товарища, въ послѣднее время пріобрѣвшаго такую славу и значеніе, что становился выше его. Ласси отклонилъ отъ себя такое порученіе. Никѣмъ другимъ не былъ онъ замѣненъ и такъ слѣдствіе надъ поступками Миниха не производилось, а императрица Анна не только не показала Миниху своего неблаговоленія, но еще наградила его помѣстьями въ Украинѣ, находившимися въ распоряженіи покойнаго Вейсбаха.

Весною 1737 года опять предпринятъ былъ походъ противъ турокъ. Петербургское правительство заключило конвенцію съ вѣнскимъ дворомъ о взаимномъ дѣйствіи войскъ противъ турокъ, произведенъ новый рекрутскій наборъ 40,000 человѣкъ, сдѣланы распоряженія объ устройствѣ магазиновъ, а въ Брянскѣ положено было на верфи строить плоскодонныя суда для спуска ихъ на Днѣпръ.

Въ концѣ марта 1737 года генералъ-фельдмаршалъ Минихъ далъ ордеръ, чтобы все войско, котораго число простиралось отъ 60 до 70 тысячъ человѣкъ, было готово къ походу черезъ двадцать-четыре часа по полученіи ордера. Въ началѣ апрѣля всѣ вышли съ квартиръ, гдѣ были на зиму поставлены. Съ конца апрѣля по 6 мая (н. с.) войско переправилось черезъ Днѣпръ въ трехъ пунктахъ: у Переволочной, у Орлика и у Кременчуга. 3 іюня (н. с.) всѣ отдѣлы соединились на рѣкѣ Омельникѣ; съ 25 (н. с.) іюня по 2 іюля (н. с.) армія переправилась черезъ Бугъ. Желая скрыть свои настоящія намѣренія, Минихъ всѣмъ показывалъ видъ, что направляется къ Бендерамъ. Онъ таился даже отъ поляковъ, которые казались союзниками. Когда къ генералъ-фельдмаршалу пріѣхалъ адъютантъ польскаго короннаго гетмана Потоцкаго, Минихъ, угощая его, предложилъ тостъ за счастливый успѣхъ русскаго оружія подъ Очаковымъ, но въ то же время, въ видѣ особаго къ нему довѣрія, сообщилъ предположенный маршрутъ къ Бендерамъ.

Полякъ, присланный за тѣмъ, чтобы провѣдать, куда поведетъ свое войско Минихъ, находился въ недоумѣніи и не зналъ, что донести тѣмъ, которые дали ему порученіе. Тѣмъ труднѣе было узнать о планахъ Миниха туркамъ. Они на всякій случай

ждали его у Бендеръ, но послали значительное подкрѣпленіе къ Очакову.

Миних ускорилъ свой походъ и направлялся къ Очакову, желая дойти туда ранѣе, чѣмъ непріятель успѣетъ тамъ собраться съ силами. Но тяжелая артиллерія, боевые и съѣстные запасы слѣдовали по водѣ и этимъ завѣдывалъ все тотъ же князь Трубецкой, заявившій себя въ прошлый походъ нераспорядительностью. И теперь произошло то же. Когда Миних со всею арміею уже приближался къ Очакову, князя Трубецкого тамъ не было, хотя онъ долженъ былъ придти туда ранѣе войска. Войско очутилось безъ фуража, безъ дровъ, безъ фашинъ, и лѣса кругомъ не было близко, чтобъ достать необходимыя принадлежности. Современники находили страннымъ такую довѣрчивость Миниха къ человѣку, уже показавшему свою неспособность. Злые языки того времени приписывали причины снисходительности фельдмаршала къ кн. Трубецкому вниманію къ женѣ послѣдняго, знаменитой красавицѣ своего вѣка. Князь Трубецкой впослѣдствіи оправдывалъ себя тѣмъ, что въ то лѣто на Днѣпрѣ воды было мало и потому при перевозкѣ черезъ пороги потрачено было времени больше, чѣмъ бы въ обычное время требовалось.

Подошедши къ Очакову ночью съ 10 на 11 (нов. ст.) іюля и увидавши пожаръ предмѣстій, зажженныхъ, въ виду приближенія русскихъ, самимъ очаковскимъ комендантомъ, утромъ 11 (н. с.) въ лагерѣ, расположившемся между устьемъ Днѣпра и Чернымъ моремъ, Миних собралъ военный совѣтъ и на немъ заявилъ, что медлить нельзя, чтобъ не дать непріятелю времени подвести къ Очакову свѣжія силы, и надобно со всевозможною скоростью брать Очаковъ. Миних надѣялся, что флотилія кн. Трубецкого придетъ скоро и войско не будетъ надолго поставлено въ затруднительное положеніе.

Сперва думали рыть траншеи и насыпать редуты, но земля оказалась чрезмѣрно твердою. Къ счастію русскихъ, около города были сады съ земляными оградами. Русскіе обратили ихъ себѣ въ редуты. Въ одномъ такомъ саду поставили тяжелую артиллерію и начали метать бомбы, которыя, лопаясь въ крѣпости, производили тамъ пожары. 13-го (н. с., или 2-го ст. ст.) іюля за часъ до разсвѣта вспыхнуло пламя въ томъ углу, гдѣ, какъ знали по плану, который заранѣе успѣлъ добыть себѣ Миних, находился пороховой магазинъ. Туда направили выстрѣлы.

Между тѣмъ, чтобы отвлечь осажденныхъ и не дать имъ тушить пожаръ, Миних, въ надеждѣ выманить ихъ въ иную сторону, приказалъ начать общій приступъ. На правомъ крылѣ

командовали генералы: Румянцевъ и Бирономъ, на лѣвомъ—Кейтъ и Левендаль. Самъ генералъ-фельдмаршалъ подкрѣплялъ идущихъ на приступъ, подвергая себя лично опасностямъ — подъ нимъ убита была лошадь. При немъ неразлучно находился принцъ Антонъ-Ульрихъ брауншвейгскій, котораго уже мѣтили въ женихи племянницѣ императрицы. Войско достигло рва, шириною въ 12 футовъ; отважнѣйшіе спускались въ него и оттуда напрасно пытались взобраться на противоположную сторону; поражаемые непріятельскими выстрѣлами сверху, они падали цѣлыми грудами. Такъ прошло времени около двухъ часовъ. Не въ силахъ будучи вскарабкаться, они стали отступать. Генералъ Румянцевъ первый замѣтилъ, что огонь, произведенный русскими бомбами, близится къ пороховому магазину, и опасаясь, чтобы взрывъ не повредилъ осаждающимъ, далъ знакъ къ отступленію. Лѣвое крыло увлеклось отступленіемъ праваго. Выскочило изъ крѣпости нѣсколько сотъ турокъ и ударило на отступавшихъ, многихъ перебили турки, а раненые не въ силахъ были поспѣвать за другими: дѣло походило на бѣгство. Если бы сераскиръ и комендантъ очаковской крѣпости догадались и ударили всею силою на бѣгущихъ, выигрышъ былъ бы на сторонѣ турокъ, а русскіе принуждены были бы оставить осаду. Минихъ пришелъ въ страшное волненіе. Артиллерія поправила дѣло.

Съ ужасающимъ трескомъ взлетѣлъ на воздухъ пороховой магазинъ, а вслѣдъ затѣмъ показалось бѣлое знамя и къ русскому главнокомандующему явился турецкій адъютантъ просить перемирія на нѣсколько часовъ. Минихъ понялъ, въ чемъ дѣло, отвергъ предложеніе и требовалъ, чтобъ весь турецкій гарнизонъ сдался военноплѣннымъ въ теченіе одного часа, иначе грозилъ никому не оказать пощады. Сераскиръ, между тѣмъ, пославши къ Миниху этого адъютанта, затѣвалъ съ частью гарнизона пробраться изъ крѣпости къ морю и убѣжать, сѣвши на турецкія галеры въ то время, когда начнутъ составлять статьи капитуляціи. Но его съ бывшими при немъ турками не допустили до моря русскіе гусары и казаки, вогнали въ крѣпость, а за ними и сами туда ворвались и начали избивать турокъ. Тогда сераскиръ послалъ къ генералъ-фельдмаршалу другого адъютанта объявить, что сдается безусловно. Ворота крѣпости отворились; гарнизонъ положилъ оружіе и былъ отведенъ военноплѣннымъ въ русскій лагерь. Около двухъ сотъ [1]), а по другому извѣстію до двухъ тысячъ [2]), турокъ успѣли добраться до галеръ,

[1]) Манштейнъ, русск. перев. стр. 104.

[2]) Büschings Magazin, III. стр. 449.

но многіе не могли туда попасть, потому что кормчіе, увидя, что городъ взятъ русскими, поспѣшно снялись съ якоря и подняли паруса, а турки изъ Очакова, хотѣвшіе уплыть съ ними, бросились за судами вплавь и, ослабѣвши, потонули. Иные, прежде отвода гарнизона въ плѣнъ, были заколоты ворвавшимися въ крѣпость русскими. Семнадцать тысячъ труповъ турецкихъ было погребено русскими 20 іюля (н. с.). Большое число погибло ихъ подъ развалинами разрушавшихся стѣнъ и зданій. При взрывѣ порохового магазина погибло ихъ болѣе шести тысячъ, а за этимъ взрывомъ загорѣлось еще два такихъ магазина, причемъ погибло не мало и русскихъ, бросившихся уже въ покоренный городъ на грабежъ.

Изъ турецкаго гарнизона, въ началѣ состоявшаго въ числѣ двадцати тысячъ, сдалось военно-плѣнными только три тысячи пять-сотъ человѣкъ и въ числѣ ихъ — сераскиръ Яйа, очаковскій комендантъ Мустафа-ага и триста офицеровъ. Нѣсколько сотъ христіанскихъ невольниковъ получили свободу, пятьдесятъ-четыре грека вступили въ русскую службу въ гусары. У россіянъ убито 68 офицеровъ и 987 рядовыхъ съ унтеръ-офицерами, а ранено около ста офицеровъ и 2,703 рядовыхъ.

Ожидая, что турки будутъ стараться отнять у русскихъ Очаковъ, Минихъ приказалъ со всевозможнѣйшею скоростію исправить по возможности разрушенныя стѣны, построить деревянныя избы для жилья и снабдить городъ необходимыми средствами къ жизни, намѣреваясь помѣстить въ немъ русскій гарнизонъ. Онъ оставилъ въ Очаковѣ двѣнадцать пѣхотныхъ баталіоновъ, два драгунскихъ полка и двѣ тысячи казаковъ, назначивъ надъ всѣми начальникомъ генерала Бахметева, а всю остальную армію отвелъ за шестьдесятъ верстъ отъ Очакова, гдѣ 15 (26) іюля присоединился къ ней генералъ Леонтьевъ, остававшійся въ резервѣ съ тяжелымъ обозомъ. Обозъ, съ которымъ слѣдовалъ князь Трубецкой, продолжалъ плыть и раздѣлился на двѣ части: передняя достигла Очакова въ августѣ, а задняя уже въ сентябрѣ. Походъ очаковскій совершился безъ него, какъ и прошлый годъ походъ крымскій.

Сообразно плану и инструкціямъ, Минихъ долженъ былъ теперь идти на Бендеры, но онъ узналъ, что на всемъ пути до Бендеръ татары выжгли поле и невозможно будетъ имѣть фуража; сверхъ того и войско россійское умалилось: павшихъ въ битвахъ было сравнительно немного: 11,060 человѣкъ солдатъ и 5,000 казаковъ умерло во время похода отъ болѣзней, особенно отъ поноса и скорбута. Нѣмецъ приписываетъ эти болѣзни

приверженности русскихъ къ постамъ, которая такъ велика, что даже разрѣшеніе св. сунода употреблять въ постные дни мясо на нихъ не дѣйствовало. Гораздо вѣрнѣе кажется намъ, что нездоровью русскихъ содѣйствовало то, что въ походахъ солдаты ложился на сырой землѣ, и въ войскѣ недоставало врачей, хотя въ каждой ротѣ полагался хирургъ и подхирургъ, но изъ нихъ очень мало свѣдущихъ; были кромѣ того фельдшера, но тѣ умѣли только стричь и брить. Вообще во врачебныя должности поступали по волѣ начальства, а не по ученію. Набирали изъ простыхъ рекрутъ людей, которые, по назначенному для нихъ занятію, нуждались въ предварительномъ обученіи, а этого не было; начальство изъ рекрутъ опредѣляло и въ музыканты, хотя бы опредѣляемый не имѣлъ ни подготовки, ни природныхъ способностей къ музыкѣ. Подобный порядокъ былъ и въ опредѣленіи врачей. 1 (11) августа Минихъ перевелъ свое войско близъ устья рѣки Чичаклея, впадающей въ Бугъ, на другой берегъ Буга. 20 августа (1 сентября) онъ съѣздилъ въ Очаковъ, осмотрѣлъ работы по укрѣпленію Очакова и Кинбурна и, вмѣсто Бахметева, отпросившагося по болѣзни въ отставку, назначилъ комендантомъ генерала Штофельна, потомъ, воротившись къ своей арміи, повелъ ее въ Малороссію, гдѣ разставилъ на зимнихъ квартирахъ, а самъ избралъ своимъ мѣстопребываніемъ Полтаву.

Во время похода Миниха къ Очакову фельдмаршалъ Ласси съ 40,000 войска совершилъ блистательный походъ въ Крымъ черезъ Сивашъ въ бродъ, къ удивленію и своихъ генераловъ, и непріятеля: и тѣ, и другіе почитали такое дѣло невозможнымъ. Онъ прогналъ хана, думавшаго загородить ему путь, взялъ и разорилъ городъ Карасубазаръ, въ которомъ было до 6,000 домовъ, распустилъ отряды, истребившіе до тысячи татарскихъ деревень и набравшіе много скота и овецъ, и вернулся на Молочныя Воды, а оттуда въ октябрѣ перешелъ въ Слободскую Украину, гдѣ расположилъ свое войско по берегамъ Донца и его притоковъ.

Взятіе Очакова въ Константинополѣ произвело волненіе и страхъ. Смѣнили великаго визиря, на его мѣсто назначили бывшаго бендерскаго сераскира, а новому бендерскому сераскиру Генцъ-Оли-пашѣ разомъ съ татарскимъ ханомъ велѣно добывать Очаковъ. Минихъ, услыхавши объ этомъ, послалъ туда подкрѣпленіе, но Штофельнъ, не дождавшись отъ главнокомандующаго вспоможенія, заставилъ турокъ снять осаду. Очаковъ, находясь въ рукахъ покорившихъ его русскихъ, продолжалъ пребывать въ

разоренія; недоставало строительныхъ матеріаловъ; судоходный подвозъ всего необходимаго происходилъ медленно. Между людьми, составлявшими гарнизонъ, появились смертоносныя болѣзни отъ массы гніющихъ труповъ и людскихъ, и скотскихъ. Число солдатъ изъ восьми тысячъ, оставленныхъ тамъ генералъ-фельдмаршаломъ, осталось только пять тысячъ, да и изъ тѣхъ до тысячи человѣкъ было больныхъ и неспособныхъ къ бою. Съ войскомъ въ такомъ положеніи пришлось Штофельну встрѣтить турокъ, появившихся 29 октября (н. с.). Они безпрестанно палили и метали бомбы въ крѣпость; русскіе оборонялись упорно и дѣятельно, терпя всевозможныя лишенія: большая часть ихъ должна была постоянно находиться подъ открытымъ небомъ въ дождливую и сырую погоду за недостаткомъ помѣщеній. Но и положеніе турокъ было малымъ легче: ихъ мучила осенняя дождливая погода, распространились болѣзни и смертность, пропадала отвага. Десять тысячъ ихъ бѣжало, не смотря на то, что за побѣгъ грозили имъ смертью и нѣсколькимъ пойманнымъ бѣглецамъ отрубили головы на страхъ прочимъ. Наконецъ, 10 ноября (н. с.) они всѣ ушли отъ Очакова, покинувши въ добычу русскихъ свой огнестрѣльный запасъ.

При Минихѣ во время очаковскаго похода былъ австрійскій резидентъ или военный агентъ, посланный для наблюденія за ходомъ войны, подобно тому, какъ такое же лицо находилось со стороны Россіи при войскѣ имперскомъ. Австрійскій агентъ, по прозвищу Беренклау, писалъ къ своимъ донесенія съ рѣзкими сужденіями о русскомъ войскѣ, замѣчая, что русскіе солдаты храбры и выносливы, но русскіе генералы таковы, что годятся быть развѣ капитанами. Миниху досталось въ руки это донесеніе, и онъ сильно раздражился не только противъ Беренклау, но и вообще противъ Австріи, которую и раньше не долюбливалъ. Съ такимъ непріязненнымъ чувствомъ онъ отнесся неодобрительно къ предложенію Австріи послать русскія военныя силы въ Венгрію для совмѣстнаго дѣйствія съ австрійскими войсками противъ турокъ. Минихъ находилъ, что Россіи лучше вести войну отдѣльно отъ Австріи и начать взятіемъ Хотина и Бендеръ и покореніемъ Молдавіи.

Миниха мнѣніе очень уважали, въ особенности послѣ двухъ его блестящихъ побѣдоносныхъ походовъ. По его плану начался новый походъ въ 1738 году. Армія въ 50,000, включая въ то число и казаковъ, перешла Днѣпръ у Переволочной и направилась къ предѣламъ турецкихъ владѣній. Турки думали остановить ходъ русскаго войска на переправахъ черезъ рѣчки

Кодыму и Саврань, но безуспѣшно. Начался вслѣдъ за тѣмъ утомительный походъ по безводной степи, пагубный для лошадей, скота и самихъ людей. Съ большими затрудненіями дошелъ Минихъ до Днѣстра и въ началѣ августа сталъ лицомъ къ лицу съ турецкимъ войскомъ, расположеннымъ на другомъ берегу. Переправа была неудобна. Минихъ двинулся вдоль берега. Турки думали, что онъ ищетъ мѣста для переправы, но Минихъ на этотъ разъ нашелъ умѣстнымъ пріостановить дальнѣйшее движеніе; въ Молдавіи свирѣпствовала зараза: вести туда армію было бы до крайности безразсудно. Минихъ отступилъ за Бугъ и расположилъ свое войско на зимнихъ квартирахъ въ Малороссіи.

Австрійскій посолъ въ Петербургѣ, Ботта, старался представить послѣдній походъ Миниха въ неблагопріятномъ свѣтѣ, доказывалъ, что Миниху было возможно продолжать военныя дѣйствія, и онъ довелъ петербургское правительство до того, что Миниху посланъ былъ указъ идти далѣе и взять Бендеры и Хотинъ. Минихъ въ согласіи съ военнымъ совѣтомъ представлялъ, что идти въ Молдавію и Валахію было невозможно, иначе онъ погубилъ бы все войско напрасно, и ничего теперь до слѣдующей весны предпринимать не слѣдуетъ.

Также безплодна была военная дѣятельность фельдмаршала Ласси; въ томъ же году Ласси долженъ былъ взять Кафу, но не могъ до ней добраться, потому что окрестный край былъ такъ опустошенъ, что русскіе не могли найти ни себѣ пристанища, ни фуража для лошадей. Притомъ флотилія, которая выступала изъ Азова съ цѣлію доставлять провіантъ сухопутному войску, была разбита бурею. Ласси въ октябрѣ воротился въ Слободскую Украину, ничего не сдѣлавши.

Зимою татары, въ отмѣстку русскимъ, сдѣлали набѣгъ, направляясь на придонецкій край, но не успѣли прорвать украинской линіи; только разсѣянные татарскіе загоны сожгли нѣсколько деревень.

Въ мартѣ 1739 года Минихъ прибылъ изъ Петербурга въ Украину къ своему войску. Онъ намѣревался въ этотъ годъ совершить походъ черезъ польскія области и потому назначилъ сборный пунктъ въ Кіевѣ. Но какъ войско разставлено было на широкомъ пространствѣ, то нѣкоторыя части его квартировали далеко, и могли явиться на сборное мѣсто не ранѣе начала іюня. Во всемъ войскѣ было тогда шестьдесятъ-пять тысячъ человѣкъ, другіе простираютъ число его (считая 13,000 казаковъ) до 78,000. Они находились подъ командою генераловъ Румян-

цева, Карла и Густава Бироновъ, братьевъ любимца, Левендаля, завѣдывавшаго артиллеріею, принца Голштейна, кн. Репнина, Хрущова, Фермора, Бахметева и другихъ. Перешедши Днѣпръ, войско двинулось разными колоннами чрезъ Васильковъ. Польскій коронный гетманъ учредилъ изъ мѣстной шляхты милицію для наблюденія, чтобъ не допускать русскихъ совершать безчинствъ и оскорбленій жителямъ.

Минихъ, какъ и въ предшествовавшіе походы, старался поступать такъ, чтобъ непріятели не могли узнать—какимъ путемъ онъ пойдетъ, и теперь пустилъ слухъ, что хочетъ идти на Бендеры. По этому слуху командиръ турецкой арміи сераскиръ Вели-паша простоялъ у Бендеръ напрасно пятнадцать дней, а потомъ, услыхавши, что русское войско подходитъ къ рѣкѣ Збручу, отправился туда препятствовать переходу русскихъ черезъ Днѣстръ. Но Минихъ, объявлявшій всѣмъ, что намѣренъ тамъ переходить Днѣстръ и идти на Хотинъ, не думалъ на самомъ дѣлѣ совершать перехода въ этомъ мѣстѣ по причинѣ крутыхъ береговъ, а оставилъ тамъ лагерь съ частью арміи, самъ же съ двадцатью тысячами пошелъ искать другой переправы, приказавши каждому солдату взять съ собою хлѣба на шесть дней. Онъ нашелъ удобную переправу близъ польской деревни Синковцы, отстоявшей отъ Хотина верстъ на сорокъ. Мосты для переправы арміи поспѣли въ одну ночь, и отрядъ, шедшій съ Минихомъ, весь перешелъ благополучно. Турки изъподъ Хотина не могли поспѣть, чтобы препятствовать переправѣ за утесистыми горами и ущельями, находившимися на ихъ пути. Остальная русская армія шла къ той же переправѣ, отдѣлываясь отъ татарскихъ нападеній и замедляясь, кромѣ того, дождливою погодою. Она дошла до Синковецъ только 7 августа н. с. и нашла мосты, устроенные русскими, уже сорванными отъ напора воды, такъ что не безъ труда пришлось русскимъ собирать бревна и доски, изъ которыхъ нѣкоторыя были унесены водою до самаго Хотина. Только 15 августа (н. с.) переправились русскіе и за собою истребили мосты совершенно.

Тогда сераскиръ Вели-паша замыслилъ заманить русскаго военачальника съ его войскомъ внутрь турецкой страны и, окруживши со всѣхъ сторонъ, погубить въ концѣ. У сераскира было тридцать тысячъ. Будучи увѣренъ въ превосходствѣ своихъ силъ предъ русскими, сераскиръ не задумался оставить не занятымъ и свободнымъ для русскаго войска проходъ чрезъ Перекопскія тѣснины, которыя уподоблялись древнимъ Ѳермопиламъ: говорили, что тамъ десять человѣкъ могутъ остановить многотысячное войско.

Но у русскихъ были благопріятели между турецкими подданными; то были молдаване и валахи: они сообщили русскимъ о незанятомъ проходѣ. Ихъ такъ много являлось къ Миниху съ изъявленіемъ готовности служить русской императрицѣ, что генералъ-фельдмаршалъ составилъ изъ нихъ цѣлый полкъ, назначивъ надъ нимъ командиромъ сына бывшаго молдавскаго господаря, Кантемира. Эти-то союзники, связанные съ русскими одною вѣрою, показали имъ дорогу, и русскіе не только прошли удобно черезъ тѣсный путь, но и провели туда всю тяжелую артиллерію и багажъ. Войско очутилось на просторной равнинѣ. Вели-паша не только не раскаялся въ своей оплошности, напротивъ, былъ очень доволенъ, думая, что теперь-то можетъ легко взять въ полонъ всю русскую армію. 16 (27) августа русское войско стояло лицомъ къ лицу съ турецкимъ. Впереди стоялъ Вели-паша на высокомъ мѣстѣ у деревни Ставучанъ, въ станѣ, укрѣпленномъ баттареями. Влѣво отъ русскихъ расположился хотинскій паша Кальчакъ съ серденгестами (т.-е. безпощадными); онъ былъ прикрытъ лѣсами и неприступными горами. Вправо стоялъ Енчъ-Али-паша съ турецкою кавалеріею или спагами: его войско упиралось съ боку въ горы, которыя тянулись до рѣки Прута. Позади русскихъ стоялъ ханъ Исламъ-Гирей съ бѣлогородскою ордою. Непріятели замкнули русскихъ со всѣхъ сторонъ. Русскіе устроились тремя четвероугольниками и отбивались отъ нападеній успѣшно. Но имъ невозможно было добывать фуражъ и даже выпускать лошадей и скотъ пастись. Положеніе наступало ужасное, почти такое же, какъ при Петрѣ на берегахъ Прута. Приходилось либо сдаваться, либо отчаянно пытаться вырваться. Минихъ, окинувъ глазами непріятельскій станъ, замѣтилъ, что протекавшая влѣво отъ непріятельскаго стана болотистая рѣчка [1]) не такъ непроходима, какъ полагали турки, оставивъ эту сторону безъ укрѣпленій въ увѣренности, что сама природа защищаетъ ихъ тамъ достаточно; Минихъ сообразилъ, что туда возможно пройти, помостивши по болоту фашины и построивши на рѣчкѣ мосты. И вотъ Минихъ даетъ приказъ отряду (состоявшему изъ шести пѣхотныхъ полковъ, двухъ драгунскихъ, четырехъ сотъ пикинеровъ и нѣсколько легкой кавалеріи), подъ начальствомъ генераловъ Левендаля и двухъ Бироновъ, идти вправо: тамъ начинаютъ возводить баттареи, везутъ туда тридцать пушекъ и четыре мортиры, начинается усиленная пальба и пушечная, и ружейная, и все это дѣлается только съ тѣмъ, чтобъ завлечь

[1]) Одни называютъ ее Шуланецъ, другіе Шубанецъ.

туда турокъ и отвлечь ихъ вниманіе отъ другого конца. Между тѣмъ, въ то же время влѣво везутъ фашины, бревна, доски, гатятъ болото, наводятъ мосты; турки не понимаютъ этого движенія и сосредоточиваютъ свои усилія на томъ концѣ, гдѣ русскіе палятъ и напираютъ; турки допускаютъ до того, что русскіе навели на рѣчкѣ двадцать-семь мостовъ, проложили себѣ дорогу черезъ болото и очутились при подошвѣ возвышенія, на которомъ располагался главный турецкій станъ сераскира. Въ два часа по-полудни турецкая конница сдѣлала на нихъ нападеніе, но была отбита. Русскіе идутъ все выше и выше, все ближе и ближе къ непріятельскому стану. Въ пять часовъ сдѣлали на русскихъ нападеніе янычары: они порывались свирѣпо, но ихъ также прогнали ружейными и пушечными выстрѣлами. Въ семь часовъ русскіе были уже на высотахъ, но не застали тамъ уже никого, только пылалъ турецкій лагерь. Всѣ турки обратились въ бѣгство, покинувши сорокъ-восемь орудій, больше тысячи разбитыхъ шатровъ и большое количество запаса какъ боевого, такъ и продовольственнаго. На полѣ лежало болѣе тысячи турецкихъ труповъ. Русскіе потеряли въ этотъ день только семьдесятъ человѣкъ.

Побѣда была полная и неслыханная, такъ какъ она была первая битва русскихъ съ турками въ открытомъ полѣ. На другой день угромъ побѣдитель двинулся скорымъ маршемъ съ тридцатью тысячами своего войска къ Хотину. Туда уже успѣлъ принести роковое извѣстіе самъ хотинскій губернаторъ Кальчакъ-паша, растерявши свой десятитысячный хотинскій гарнизонъ на Ставучанскомъ полѣ. Всей вооруженной силы въ Хотинѣ оставалось только девятьсотъ человѣкъ; Кальчакъ-паша считалъ невозможнымъ защищаться и послалъ къ русскому главнокомандующему предложеніе сдаться на капитуляцію. Минихъ отвѣчалъ, что не хочетъ знать ни о какой капитуляціи, и требовалъ, чтобъ гарнизонъ сдался военноплѣннымъ; онъ дозволялъ только отправить въ Турцію женщинъ, находившихся въ крѣпости. Кальчакъ-паша согласился на все. Только онъ одинъ отправилъ свой гаремъ. Прочіе оставили своихъ женъ съ собою и послѣдовали съ ними въ плѣнъ. Генералъ Хрущовъ сдѣланъ былъ комендантомъ Хотина, который тогда достался русскимъ съ превосходными укрѣпленіями и со 179 орудіями.

Сентября 9 и 10 н. с. русскіе перешли Прутъ. Молдавскій господарь Гика бѣжалъ передъ сыномъ бывшаго господаря Димитрія Кантемира, лишеннаго Турціею власти за приверженность къ Россіи. Гика убѣжалъ изъ Яссъ такъ поспѣшно, что покинулъ и знамена, и орудія, и свой бунчукъ—знакъ власти, даро-

ванный ему отъ султана. Минихъ послалъ впередъ къ Яссамъ Кантемира съ трехтысячнымъ отрядомъ волоховъ, драгуновъ и гусаръ, а самъ слѣдовалъ за нимъ. Депутаты отъ молдавскихъ бояръ явились къ генералъ-фельдмаршалу съ покорностью и просили принять Молдавію въ подданство Россіи. Минихъ обнадежилъ ихъ благосклонностью императрицы. Послѣ того 14 сент. н. с. онъ заключилъ съ боярами договоръ: бояре обѣщали содержать двадцать тысячъ россійскаго войска. Предположили укрѣпить Яссы, и съ этой цѣлью Минихъ обозрѣлъ мѣстность и составилъ планъ крѣпости; бояре обѣщали содержать нѣсколько тысячъ піонеровъ, которые возьмутся за эту работу. Генералъ-фельдмаршалъ оставилъ въ Яссахъ русскій гарнизонъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Шипова, а самъ отправился къ своей арміи (21 іюля н. с.).

Минихъ намѣревался идти на Бендеры и покорить буджацкихъ татаръ, за тѣмъ у него былъ планъ перейти Дунай и вступить въ средину турецкой имперіи. Въ его воображеніи рисовалась уже надежда покорить Константинополь и разрушить владычество оттоманское въ Европѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ мечталъ и о собственномъ возвеличеніи. Радушный пріемъ въ Яссахъ, оказанный ему молдавскими боярами, ободрялъ его: Минниху мерещилась уже возможность сдѣлаться господаремъ или княземъ молдавскимъ въ подданствѣ русской императрицѣ, точно такъ какъ Бирон, камергеръ государыни, сдѣлался уже герцогомъ Курляндскимъ.

Неожиданное для него событіе прервало всѣ его намѣренія и надежды.

Австрійскія войска, воевавшія съ турками, далеко не были такъ счастливы, какъ русскія. Они терпѣли пораженія за пораженіями и, наконецъ, генералъ Нейпергъ, имѣвшій полномочіе заключить съ непріятелемъ миръ, если найдетъ это необходимымъ, воспользовался своимъ правомъ и заключилъ съ великимъ визиремъ договоръ, которымъ императоръ возвращалъ Турціи всѣ сдѣланныя его войсками пріобрѣтенія и въ числѣ ихъ укрѣпленный Бѣлградъ, гдѣ еще держался австрійскій гарнизонъ. Извѣстіе объ этомъ какъ снѣгъ на голову неожиданно смутило русскаго фельдмаршала, который только и помышлялъ, что о новыхъ военныхъ подвигахъ противъ турокъ совмѣстно съ австрійскими войсками. Минихъ написалъ сообщившему извѣстіе о мирѣ австрійскому генералу Лобковицу письмо рѣзкое и справедливое: онъ указывалъ въ немъ, что миръ, заключенный съ турками среди полныхъ успѣховъ русскаго оружія, до крайности

невыгоденъ для интересовъ самой римской имперіи и несовмѣстимъ съ тѣмъ уваженіемъ къ россійской императрицѣ, на которое послѣдняя, какъ союзница, имѣла право. Дѣйствительно, австрійцы слишкомъ мало заботились объ уваженіи къ Россіи. Когда находившійся при австрійскомъ войскѣ, русской службы полковникъ Броунъ спросилъ генерала австрійскаго Нейперга: «Не постановлено ли въ бѣлградскомъ договорѣ условій, касающихся Россіи?» то получилъ такой отвѣтъ: «Мы для Россіи и такъ много сдѣлали въ настоящую войну». Это была вопіющая неправда, такъ какъ въ теченіе всей войны русскія войска одерживали блестящія побѣды, а имперскія терпѣли пораженія,—потому что въ политикѣ императора какъ и въ штабѣ войска происходилъ безпорядокъ: бывшій передъ тѣмъ главнокомандующій Валлисъ долженъ былъ, по волѣ императора, передать свое полномочіе на заключеніе мира генералу Нейпергу и, оскорбленный этимъ, старался всякими путями вредить своему сопернику, а генералы его партіи—генераламъ партіи Нейперга; Нейпергъ имѣлъ неблагоразуміе поѣхать въ непріятельскій станъ, не взявши заложниковъ, а Валлисъ умышленно не допустилъ до него въ пору императорскаго курьера, который везъ императорское предписаніе не заключать мира съ условіемъ сдачи туркамъ Бѣлграда. Поставивши себя заранѣе въ невыгодное положеніе своею неумѣстною поѣздкою въ турецкій станъ и отдавшись на волю посредника французскаго посла, мирволившаго туркамъ, Нейпергъ, не получивъ новаго императорскаго предписанія, долженъ былъ уступить требованіямъ верховнаго визиря, который не хотѣлъ слышать о мирѣ безъ возврата Бѣлграда. Императоръ Карлъ VI, увѣдомляя письмомъ русскую государыню о заключенномъ мирѣ, выражался, что онъ со слезами на глазахъ извѣщаетъ объ этомъ мирѣ съ великимъ визиремъ, но этотъ миръ онъ долженъ теперь сохранять ради сдержанія даннаго слова. Нейпергъ получалъ секретныя инструкціи объ этомъ мирѣ не отъ императора, а отъ его зятя, герцога Лотарингскаго, будущаго императора Франца I, и отъ главнаго министра Цинцендорфа; заключая съ визиремъ договоръ, Нейпергъ говорилъ: «многіе подумаютъ, что мнѣ за такой договоръ, по возвращеніи въ Вѣну, снимутъ голову, но я этого ни мало не боюсь!» И дѣйствительно, Нейпергъ, сдавши туркамъ Бѣлградъ, который могъ еще долго сопротивляться, хотя и былъ арестованъ, но не подвергся дальнѣйшему преслѣдованію, благодаря протекціи сильной стороны въ государствѣ. Самъ императоръ Карлъ VI былъ имъ очень недоволенъ и выражался, что еслибъ

у него были такіе полководцы, какъ Минихъ, то ему не пришлось бы заключать такого постыднаго мира.

Французскій посланникъ въ Константинополѣ де-Вильнёвъ также сильно и искусно хлопоталъ о прекращеніи войны между Россіею и Турціею. Онъ казался благожелателемъ Россіи, но на самомъ дѣлѣ дѣйствовалъ въ тайныхъ видахъ своего правительства. Франція, да не только Франція, но и вся Европа смотрѣли съ завистью на возвышеніе Россіи. Съ такимъ храбрымъ и устойчивымъ войскомъ, какимъ было русское войско, съ такимъ отважнымъ и предпріимчивымъ полководцемъ, какъ Минихъ, Россія могла овладѣть Константинополемъ, утвердить свое могущество на Балканскомъ полуостровѣ и захватить въ свое распоряженіе всю восточную торговлю. Этого не хотѣли допустить, а этого, однако, боялись въ виду подвиговъ и дарованій Миниха: не даромъ взятый имъ въ плѣнъ турецкій паша говорилъ, что еслибъ у турокъ былъ такой генералъ какъ Минихъ, то война бы для Турціи кончилась иначе!

По соображеніямъ Миниха, Россія могла еще вести войну одна, безъ содѣйствія Австріи; но не такъ рѣшили на верху. Австрійское правительство давно уже совѣтовало прекратить войну и положиться на посредство французскаго посланника въ Константинополѣ, и эти совѣты имѣли успѣхъ еще въ маѣ 1738 года. Остерману, по просьбѣ французскаго короля и по внушенію австрійскаго двора, императрица повелѣла послать Вильнёву полномочіе дѣйствовать со стороны Россіи въ случаѣ заключенія мира съ Турціею. Для сношенія съ Вильнёвомъ избрали итальянца Каньони (или Канжони), бывшаго въ Россіи совѣтникомъ въ каммеръ-коллегіи: онъ повезъ отъ императрицы Вильнёву орденъ св. Андрея, осыпанный брилліантами, а супругѣ его какія-то драгоцѣнныя вещи. Минихъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что Остерманъ не могъ воспрепятствовать посылкѣ отъ императрицы полномочія Вильнёву, давая тѣмъ какъ бы знать, что Остерманъ самъ не былъ расположенъ къ такой довѣрчивости; а Шлоссеръ въ своей Исторіи XVIII вѣка говоритъ, что этотъ итальянецъ, пользовавшійся довѣренностью императрицы, отправившись къ французскому посланнику, былъ подкупленъ послѣднимъ (Gesch. des XVIII Jahrhund. I, 314). Историкъ, написавшій спеціальное сочиненіе объ этой войнѣ, замѣчаетъ, что тогда съ обѣихъ сторонъ давались деньги и такимъ образомъ уладились всѣ препятствія и недоразумѣнія (Kegalio, t. II, 251).

Мирный договоръ составился 7 октября 1733 года. Азовъ уничтожался. Пустое мѣсто, гдѣ прежде былъ построенъ этотъ

городъ, служило теперь барьеромъ между русскими и турецкими границами. Русскіе оставили за собою право построить себѣ крѣпость на донскомъ островѣ, гдѣ Черкасскъ, а турки—крѣпость на кубанской сторонѣ въ разстояніи тридцати верстъ отъ Азова. Таганрогъ русскіе обязались не возобновлять. Очаковъ и Хотинъ возвращались Турціи. Однако Россіи давалось нѣкоторое территоріальное пріобрѣтеніе. На западной сторонѣ отъ Днѣпра рубежъ съ Турціею оставленъ былъ по прежнему, но на восточной сторонѣ пограничная линія измѣнялась: «начавъ отъ востока или начала рѣки Заливы Конскія Воды имѣетъ ведена быть прямая линія до западнаго истока или начала рѣки Большой Берды и всѣ земли и воды, лежащія внутри между помянутыми рѣками: Днѣпромъ, Заливою Конскихъ Водъ, помянутой линіею и рѣкою Большой Берды, Оттоманской имперіи остаться имѣютъ, а всѣ тѣ земли и воды, лежащія по другой сторонѣ, то-есть внѣ помянутыхъ рѣкъ и линій Всероссійской Имперіи да останутся, изъявъ... что касается до земли, лежащей между помянутой рѣкою Большой Берды даже до рѣки Міуса границы такимъ образомъ опредѣлены да пребудутъ какъ онѣ поставлены были мирнымъ трактатомъ 1700 г.». (Полн. Собр. Зак. Рос. Имп. X, стр. 915).

Минихъ еще въ 1738 году получилъ отъ императрицы на пергаменѣ уполномочіе заключить миръ съ непріятелемъ, когда найдетъ нужнымъ, но не хотѣлъ пользоваться, подобно Нейпергу, своимъ полномочіемъ, хотя долго хвалился этимъ документомъ, какъ доказательствомъ большого довѣрія къ нему со стороны императрицы. Еще менѣе могъ желать онъ имъ воспользоваться послѣ счастливыхъ для Россіи военныхъ дѣйствій 1739 г. Получивши извѣстіе о заключеніи въ Бѣлградѣ мира союзниками Россіи, онъ думалъ, что Россія одна безъ союзниковъ въ силахъ будетъ продолжать войну и хотѣлъ въ томъ убѣдить верховную власть, а потому разставилъ свои войска въ Молдавіи. Но въ октябрѣ онъ получилъ предписаніе вывести войско въ предѣлы россійскихъ владѣній. Онъ перевелъ его чрезъ Днѣстръ и вернулся въ Украину. Въ ноябрѣ генералъ Левендаль сдалъ Хотинъ турецкому пашѣ, присланному отъ своего правительства для обратнаго пріема крѣпости въ турецкое владѣніе.

Минихъ прибылъ въ Санктпетербургъ наканунѣ 14 февр., дня, назначеннаго для торжества въ честь заключенія мира. Русское правительство не могло быть втайнѣ довольно этимъ миромъ послѣ недавнихъ успѣховъ русскаго оружія, но должно было показывать радость, такъ какъ миръ былъ заключенъ по желанію

Россіи, заявленному въ прошломъ 1738 году. Утромъ 14 февраля отправлялся во всѣхъ столичныхъ церквахъ благодарственный молебенъ объ окончаніи войны. Герольды разъѣзжали по улицамъ и бросали въ народъ золотые и серебряные жетоны; въ дворцовой галлереѣ были принимаемы императрицею и членами царской семьи всѣ участники войны, начиная отъ фельдмаршаловъ Миниха и Ласси и кончая оберъ-офицерами и унтеръ-офицерами; посыпались награды; всѣхъ щедрѣе былъ награжденъ Бирономъ, который не только не участвовалъ въ войнѣ, но, вѣроятно, много содѣйствовалъ заключенію мира, такъ какъ онъ имѣлъ неограниченную власть надъ сердцемъ государыни, руководилъ всѣми ея дѣйствіями и вмѣстѣ съ тѣмъ находился самъ подъ вліяніемъ австрійской политики: ему подарили золотой, осыпанный брилліантами кубокъ, въ который вложенъ былъ императорскій указъ въ рентерею о выдачѣ герцогу курляндскому пятисотъ тысячъ рублей; Минихъ, Ласси и всѣ ихъ генералы получили по золотой шпагѣ, сверхъ того Миниху дали ежегодной пенсіи 5,000 р., а Ласси—3,000 р., кабинетъ-министръ Волынскій получилъ единовременно 20,000 р.; Левенвольде и кн. Черкасскій перстни отъ 5 до 6 тысячъ рублей цѣною, а генералъ Ушаковъ, начальникъ тайной канцеляріи, портретъ государыни цѣною отъ трехъ до четырехъ тысячъ рублей. Въ этотъ же день всеобщаго торжества объявлено всему народу освобожденіе отъ взноса подушныхъ денегъ на слѣдующее затѣмъ полугодіе. Многимъ знатнымъ лицамъ, въ ознаменованіе радости торжества, дозволено было брать изъ казны заимообразно деньги безъ процентовъ. На другой день императрица собственноручно раздавала знатнымъ лицамъ медали, нарочно на тотъ случай отчеканенныя, большія въ 50, а меньшія въ 30 червонцевъ, а народу снова разбрасывали жетоны. Тогда всѣ царскіе придворные были щедро обдарены; даже служитель, ходившій за любимою собаченкою государыни, получилъ три тысячи рублей. Императрица изъ оконъ своего дворца любовалась зрѣлищемъ, какъ народъ по данному сигналу кидался на жарепаго быка, выставленнаго на площади и черпалъ водку, струившуюся фонтаномъ въ большіе бассейны.

Среди всеобщаго ликованія одна душа не раздѣляла его, душа человѣка—виновника торжества, фельдмаршала Миниха. Онъ видѣлъ, что другіе торжествуютъ то, что́ для него было утратою. Идея, волновавшая Европу уже третье столѣтіе, готова была осуществиться, наступало, казалось, время разрѣшенія задачи, брошенной Европѣ Азіею еще въ XV вѣкѣ, и разрѣшителемъ ея судьба избирала его, Миниха! Сколько разъ толковали европей-

скіе политики объ изгнаніи турокъ изъ Европы, о возстановленіи свободной христіанской государственной жизни на Балканскомъ полуостровѣ! Но взаимныя недоразумѣнія христіанскихъ державъ между собою препятствовали имъ соединиться для взаимно-сознаваемой цѣли. Теперь, казалось, близко было разрѣшеніе задачи. Въ дальнѣйшихъ успѣхахъ русскаго войска, предводимаго Минихомъ, едва ли можно было сомнѣваться, какъ и въ невозможности турецкимъ силамъ бороться противъ русскихъ. Кромѣ того для удовлетворенія личныхъ выгодъ предстояли великія надежды честолюбію Миниха. Молдавія добровольно отдавалась въ распоряженіе русской государыни; побѣдитель турокъ надѣялся сдѣлаться господаремъ молдавскимъ подъ верховною властію Россіи, точно такъ, какъ прежніе господари признавали надъ собою верховную власть оттоманской державы. Мечты Миниха внезапно разрушились. Потерялъ онъ свои честолюбивыя надежды; потеряла съ нимъ разомъ и Россія. Не только ускользнуло отъ ней чаемое господство на востокѣ, но опасности угрожали ей еще съ запада. Коварные друзья и тайные недруги готовились вредить ей. Они могли тогда уразумѣть, что у руководящихъ судьбою Россіи—нѣтъ политической проницательности, что при самыхъ блестящихъ успѣхахъ русскаго войска, русское государство всегда можетъ остаться въ проигрышѣ по бездарности и невѣжественности тѣхъ, отъ которыхъ зависитъ веденіе дипломатическихъ сношеній.

Во время своихъ походовъ Минихъ не оставлялъ военнаго управленія, тѣмъ болѣе, что по зимамъ онъ проводилъ значительную часть времени въ Петербургѣ. Такимъ образомъ въ періодъ его воинскихъ дѣйствій противъ турокъ совершено было не мало важнаго по военному вѣдомству.

Однимъ изъ наиболѣе видныхъ явленій этого рода было устройство постоянныхъ помѣщеній для гвардейскихъ солдатъ въ Петербургѣ. По возвращеніи фельдмаршала въ столицу уже послѣ окончанія войны, Минихъ, въ видахъ заботливости о подчиненныхъ ему офицерахъ, испросилъ у государыни указъ, дозволявшій выходить въ отставку прослужившимъ двадцать лѣтъ; но когда стали разсматривать поступившія прошенія объ отставкѣ, то замѣтили, что многіе, будучи еще молоды и здоровы, просили объ увольненіи отъ службы, какъ прослужившіе уже опредѣленное число лѣтъ, а это происходило оттого, что, по тогдашнимъ обычаямъ, дворянъ записывали въ военную службу еще въ дѣтствѣ, иныхъ даже тогда, когда они еще лежали въ колыбели. Тогда Минихъ самъ принужденъ былъ просить объ отмѣнѣ этого

указа, а другіе кабинетъ-министры дѣлали ему выговоры, что̀ очень огорчало фельдмаршала всегда чувствительнаго, когда оскорблялось его самолюбіе.

Между тѣмъ едва окончилась турецкая война, какъ стали возникать опасенія объявленія войны со стороны Швеціи. Въ этой странѣ постоянно происходили раздоры между правительственными партіями. Одна изъ нихъ, носившая кличку партіи шляпъ, думала о возмездіи Россіи за недавнее пораженіе, нанесенное Петромъ Великимъ; другая, которую прозвали партіею шапокъ или колпаковъ—хотѣла сохранить миръ съ Россіею и вообще избѣгать войны.

На сторонѣ мира былъ и самъ тогдашній король. Но воинственная партія, руководимая французскими внушеніями, находившая себѣ опору вообще въ туземной молодежи, думала, что Швеціи слѣдуетъ вмѣшаться въ войну, возникшую между Россіею и Турціею во вредъ Россіи, и отправила въ Турцію тайнымъ агентомъ съ депешами шведскаго маіора Синклера.

Объ этомъ заблаговременно провѣдалъ русскій посланникъ въ Стокгольмѣ Бестужевъ и сообщилъ своему правительству. Русскіе снеслись съ польскимъ правительствомъ и предположили задержать Синклера, когда онъ будетъ слѣдовать черезъ польскія владѣнія, и отнять у него депеши, съ которыми онъ ѣздилъ въ Турцію. Получившіе такое порученіе капитанъ Кутлеръ и поручикъ Левицкій напали на дорогѣ на Синклера, ѣхавшаго вмѣстѣ съ французскимъ купцомъ, заманили его въ лѣсъ, застрѣлили и отняли бумаги. Въ какой степени принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ самъ Минихъ—неизвѣстно, хотя по предписанію верховнаго правительства онъ отрядилъ офицеровъ арестовать Синклера и овладѣть его бумагами, но приказывалъ ли убить его—на это нѣтъ доказательствъ. Русское правительство отреклось отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ, а офицеры, расправившіеся съ Синклеромъ, были сосланы въ Сибирь. Была у нѣкоторыхъ мысль—взвалить всю отвѣтственность въ этомъ поступкѣ на Миниха, такъ какъ онъ имѣлъ отъ императрицы полномочіе во всемъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію и у него были открытые бланки съ подписомъ. Какъ бы то ни было, только послѣ этого событія шведы энергичнѣе стали раздувать въ своемъ обществѣ вражду къ Россіи и дѣлать приготовленія къ войнѣ съ нею. Объ этомъ сообщалъ въ Петербургъ русскій посланникъ изъ Стокгольма, и Россія съ своей стороны должна была заботиться объ оборонѣ. Минихъ самъ отправился обозрѣвать укрѣпленія Кронштадта, Шлиссельбурга, Кексгольма. Царскимъ указомъ было повелѣно рас-

предѣлить по полкамъ и снарядить къ работамъ солдатъ, а въ помощь имъ выписать изъ Ярославля каменщиковъ по вольнымъ наймамъ. Въ такихъ работахъ проходило лѣто 1740 года.

Между тѣмъ въ октябрѣ произошло внезапное, хотя и несовсѣмъ неожиданное событіе. 5 числа этого мѣсяца императрица, не задолго возвратившаяся въ столицу изъ лѣтняго пребыванія въ Петергофѣ, по своему обыкновенію, въ полдень обѣдала вмѣстѣ съ своимъ неразлучнымъ любимцемъ Бирономъ. Вдругъ съ нею сдѣлался болѣзненный припадокъ—тошнота, головокруженіе, рвота и наконецъ лишеніе всѣхъ силъ: она упала безъ сознанія; ее унесли и уложили въ постель. Уже нѣсколько лѣтъ она страдала болѣзнію въ мочевыхъ органахъ, но такихъ припадковъ, какъ теперь, съ нею не бывало. Призваны были врачи: архіатеръ Фишеръ и придворный врачъ Рибейра Санхецъ, португалецъ по происхожденію. Они различно отнеслись къ болѣзни императрицы. Первый внушительно сказалъ, что, вѣроятно, Европѣ скоро придется надѣть трауръ; второй, напротивъ, не признавалъ, чтобъ случившійся съ государынею припадокъ имѣлъ роковыя послѣдствія. Биронъ послалъ своего сына извѣстить о случившемся принцессу Анну. Принцесса не приняла его, а ея фрейлина и любимица Юліана Менгденъ передала ему, что принцесса очень огорчена болѣзнію императрицы и постарается сама навѣстить свою тетку.

Тогда же Биронъ позвалъ оберъ-гофмаршала, графа Левенвольде. «Императрицѣ дурно,—сказалъ онъ:—поѣзжайте скорѣе отъ имени императрицы къ Остерману, сообщите ему, что случилось, и спросите, что онъ посовѣтуетъ намъ дѣлать»?—Надобно позвать кабинетъ-министровъ,—сказалъ Левенвольде и уѣхалъ къ Остерману.

Хитрый дипломатъ когда-то удачно и кстати притворялся больнымъ, когда при воцареніи Анны Ивановны шелъ вопросъ объ ограниченіи самодержавной власти; теперь онъ снова былъ почти въ такомъ же щекотливомъ положеніи, но ему притворяться необходимости не предстояло: онъ уже пять лѣтъ дѣйствительно страдалъ подагрою, съ трудомъ ступалъ на ноги и почти не выходилъ изъ дома.

Отправивши Левенвольда, самъ Биронъ пошелъ къ государынѣ.

Больная пришла въ себя, но была очень слаба.

— Мнѣ дурно, герцогъ—сказала она:—чуть ли не приходитъ мой послѣдній часъ! Я покорна Божіей волѣ! Но что послѣ меня станетъ съ имперіею—подумать страшно! Мнѣ поставить

въ вину стеченіе обстоятельствъ, въ какихъ я оставлю Россію! —Богъ будетъ милостивъ—сказалъ Бирономъ:—не тревожьте себя, государыня, думами о судьбѣ Россіи, потому что всякое волненіе усиливаетъ вашу болѣзнь. Все земное управляется волею провидѣнія!

— Правда,—сказала государыня: — позовите министровъ и слушайте, что они будутъ говорить!

— Они должны явиться сюда скоро въ ожиданіи куртага, потому что сегодня воскресенье, — сказалъ герцогъ:—какъ только соберутся, мы тотчасъ приступимъ къ совѣщанію.

— Пошлите къ Остерману!—сказала государыня:—дали ли знать принцессѣ?

Бирономъ отвѣчалъ, что то и другое сдѣлано. Въ это время вошла въ опочивальню государыни принцесса Анна. Бирономъ вышелъ и встрѣтилъ Левенвольда, воротившагося отъ Остермана.

Когда оберъ-гофмаршалъ сообщилъ Остерману о припадкѣ съ государыней, Остерманъ произнесъ:—Боже сохрани ея величество. Но когда вслѣдъ затѣмъ Левенвольде спрашивалъ: что дѣлать на случай смерти императрицы, Остерманъ отвѣчалъ:—я думаю, ея величество не измѣнитъ своей прежней воли Еще до брака принцессы Анны, она объявляла, что желаетъ учинить своимъ наслѣдникомъ сына, когда тотъ родится отъ принцессы Анны. Теперь этотъ сынъ рожденъ. Надобно составить манифестъ, провозглашающій Ивана Антоновича будущимъ императоромъ.

— Но преемникъ императрицы еще въ колыбели,—сказалъ Левенвольде...—Слѣдуетъ установить правительство до его совершеннолѣтія!

— Я не знаю,—отвѣчалъ Остерманъ:—какая въ томъ будетъ воля ея величества. Но мнѣ кажется, сама природа тутъ указываетъ: у малолѣтняго императора есть мать; она и будетъ правительницею, только при ней надобно будетъ учредить совѣтъ, а въ числѣ членовъ этого верховнаго совѣта можетъ быть герцогъ курляндскій.

Этотъ отвѣтъ не понравился Бирону, когда его передалъ ему Левенвольде. Любимецъ думалъ, что Остерманъ будетъ подогадливѣе и сразу скажетъ, что регентомъ слѣдуетъ назначить его, Бирона. Но дипломатъ хотѣлъ уклониться до поры до времени и выждать, что скажутъ другіе: ему самому не хотѣлось являться первымъ въ такомъ предпріятіи, которое можетъ и не удаться.

Бирономъ, недовольный двусмысленнымъ отвѣтомъ Остермана, произнесъ: «какой совѣтъ можетъ быть тамъ, гдѣ много головъ? У каждой головы своя собственная мысль!»

Его снова позвали къ императрицѣ; онъ сообщилъ ей отвѣтъ Остермана, императрица похвалила Остермана и говорила:

— Я хочу все устроить, что только будетъ зависѣть отъ меня. Остальное—въ волѣ Божіей! Знаю, что оставляю императора-младенца въ грустномъ положеніи. Ни онъ самъ, ни его родители не способны совершить что-нибудь. Отецъ—человѣкъ безъ дарованій и не можетъ служить поддержкою малолѣтнему сыну. Мать принцесса—не глупа, но у ней есть отецъ, герцогъ мекленбургскій—тиранъ своихъ подданныхъ. Онъ явится въ Россію и здѣсь начнетъ поступать такъ, какъ поступалъ въ своемъ мекленбургскомъ владѣніи. Память моя покроется позоромъ! Нѣтъ, ни отецъ, ни мать не годятся, чтобъ государствомъ править!

Бирономъ успокоивалъ государыню, но что говорилось у него съ императрицею по вопросу объ управленіи государствомъ во время малолѣтства будущаго императора—это остается неизвѣстнымъ, потому что свидѣтелемъ ихъ тогдашней бесѣды не былъ никто.

Вышедши изъ опочивальни императрицы, любимецъ увидался съ Бестужевымъ, Черкасскимъ и Минихомъ. Неизвѣстно навѣрно, посылалъ ли за ними Биронъ, или они сами явились къ куртагу: тогда при дворѣ сходились вельможи къ государынѣ на куртаги по воскресеньямъ и четвергамъ.

Любимецъ передалъ имъ, что императрица твердо стоитъ на прежней своей волѣ—объявить наслѣдникомъ своимъ сына принцессы Анны, но не считаетъ обоихъ ихъ родителей способными управлять государствомъ. Биронъ просилъ ихъ съѣздить къ Остерману и услышать отъ него мнѣніе о томъ, какъ слѣдуетъ поступать въ такія критическія минуты.

Князь Черкасскій и Бестужевъ поѣхали къ Остерману, сѣвши вмѣстѣ въ одной каретѣ; Минихъ отправился туда же впереди ихъ въ особомъ экипажѣ. Дорогою Бестужевъ и Черкасскій разговаривали между собою о событіяхъ дня и оба сходились на той мысли, что надобно предложить регентство герцогу курляндскому. Пріѣхавши къ Остерману, они не скоро могли добиться отъ него желательнаго для себя отвѣта. О наслѣдствѣ Ивана Антоновича онъ не пускался въ разсужденія. «Государыня,—сказалъ онъ: — назначаетъ своимъ преемникомъ внука, сына своей племянницы, принцессы Анны, а воля самодержавной государыни есть законъ. Итакъ необходимо составить манифестъ объ объявленіи преемникомъ императрицы Анны Ивановны принца Ивана Антоновича и объ учиненіи ему присяги на вѣрность».

Но заговорили о томъ, кому поручить правленіе до совершеннолѣтія будущаго императора, Остерманъ сказалъ:

— Дай Господи государынѣ моей много лѣтъ здравствовать! Мы сейчасъ напишемъ манифестъ о престолонаслѣдіи, а о регентствѣ — это дѣло другое. Дѣло важное — надобно подумать! Этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только природными русскими! Я иноземецъ, и мнѣ такое рѣшеніе не подъ-стать!

Бестужевъ, видя, что Остерманъ отвилливаетъ, сказалъ: «странно, графъ, что вы себя называете иноземцемъ, когда вы такъ долго занимали первую должность въ россійскомъ государствѣ и правили всѣми государственными дѣлами!.. Вы болѣе русскій, чѣмъ двадцать тысячъ другихъ, называющихъ себя русскими по происхожденію. Мы не затѣмъ къ вамъ пріѣхали, чтобъ навязывать вамъ чужое мнѣніе, а затѣмъ, чтобъ слышать ваше собственное отъ васъ самихъ. Безъ этого намъ и пользы нѣтъ отъ участія въ нашихъ совѣщаніяхъ».

Остерманъ началъ объяснять, что его словъ не поняли и, по своему обыкновенію, вывертывался такъ, что, по неясности способа его выраженія, слушавшіе не могли уразумѣть, что онъ сказать хочетъ. Когда его, какъ говорится, уже приперли къ стѣнкѣ, а онъ долженъ былъ такъ или иначе высказаться, что думаетъ о предоставленіи регенства Бирону, Остерманъ произнесъ, что, по его личному убѣжденію, регентство не должно быть въ болѣе достойныхъ рукахъ, какъ у герцога, и его избраніе въ этотъ санъ было бы самою благоразумною мѣрою. Но тѣмъ и ограничился Остерманъ, всегда въ важныхъ дѣлахъ выражавшійся темно и нерѣшительно. Кабинетъ-министры уѣхали отъ него, не добившись того, за чѣмъ пріѣзжали. Немедленно послѣ ихъ отъѣзда Остерманъ пригласилъ кабинетъ-секретаря Яковлева и продиктовалъ ему проектъ манифеста о престолонаслѣдіи... Еще этотъ манифестъ не былъ готовъ, какъ изъ дворца уже присылали за нимъ, и Остерманъ принужденъ былъ отослать его написаннымъ вчернѣ.

Воротившись отъ Остермана, кабинетъ-министры явились къ Бирону. Они извѣстили его, что Остерманъ сейчасъ принимается за манифестъ, а о регентствѣ говоритъ, что съ нимъ торопиться нечего и слѣдуетъ подумать. Пришелъ Левенвольде. Тогда Биронъ произнесъ передъ ними такую рѣчь:

— Великое несчастіе меня постигаетъ, господа. Я теряю государыню благодѣтельницу, которая почтила меня неизмѣримою милостію и довѣренностію. Послѣ нея чего добраго мнѣ ждать здѣсь въ Россіи, кромѣ неблагодарности и ненависти къ себѣ! Но я безпокоюсь не такъ о себѣ, какъ о Россійской имперіи, а я долго, по мѣрѣ силъ своихъ, способствовалъ ея благо-

состоянію. Наслѣдникъ престола—восьми-недѣльный младенецъ въ колыбели, его назначеніе еще не оглашено и кто знаетъ, какъ отнесется къ нему народъ, который въ прежнія времена бывалъ недоволенъ въ малолѣтство государя! А нынѣ вонъ какія обстоятельства! Шведы не перестаютъ вооружаться и, конечно, воспользуются худымъ положеніемъ Россіи, когда въ ней откроются несогласія и безпорядки. Россіи нужно такое правительство, чтобъ оно умѣло держать народъ въ порядкѣ и обуздывать его.

— Вы слыхали, графъ, — сказалъ онъ, обратившись къ Миниху:—думаютъ устроить у насъ правительство на польскій образецъ, состоящее изъ многихъ лицъ?—Бирономъ намекалъ на отвѣтъ Остермана, привезенный Бирону чрезъ Левенвольде.

— Я не слыхалъ!—отвѣчалъ Минихъ.

— Это,—замѣчалъ Бестужевъ,—противно было бы существу россійскаго правительства и духу нашей націи, издавна привыкшей къ единовластію. Опытъ намъ это показалъ достаточно одиннадцать лѣтъ тому назадъ, когда избирали на престолъ государыню Анну Ивановну. Это до того очевидно, что и толковать объ этомъ нечего. Надобно регентство поручить одному лицу. Герцогу курляндскому регентомъ быть!

Тутъ кто-то, кажется, для соблюденія приличія (можетъ быть, и самъ Бестужевъ), произнесъ: не безпрепятственно ли будетъ со стороны чужихъ государствъ, когда родители его величества будутъ обойдены?

Князь Черкасскій сталъ что-то говорить Левенвольду тихонько, а Левенвольдъ громко сказалъ: — не шепчитесь, говорите велегласно!

Бестужевъ въ свою очередь продолжалъ начатое:

— Родителямъ будущаго императора правленіе поручать нельзя, да и государыня императрица этого не желаетъ! Если дать власть принцу брауншвейгскому, онъ надѣлаетъ большихъ хлопотъ Россіи. Онъ—племянникъ римскаго императора и шуринъ прусскаго короля. Онъ отдастъ Россію въ волю чужихъ государствъ, впутаетъ ее въ ихъ взаимныя несогласія и вооружитъ противъ нея многіе имперскіе дворы; а намъ надобно соблюдать со всѣми равное согласіе, отнюдь не вмѣшиваясь въ ихъ домашнія дѣла, до насъ не касающіяся.

— Онъ человѣкъ горячій,—сказалъ кн. Черкасскій: — онъ будетъ стараться сдѣлаться генералиссимусомъ, а получивши полную высшую власть надъ войскомъ, всецѣло отдастся въ диспозицію вѣнскаго двора. Притомъ же, нравъ принца браун-

швейгскаго намъ неизвѣстенъ, а нравъ герцога курляндскаго мы давно знаемъ!

Левенвольде повторялъ то же.

Бестужевъ продолжалъ:

— Сама принцесса Анна — женщина своенравная, какъ и ея родитель; притомъ у нея нѣтъ достаточныхъ познаній въ дѣлахъ внутренней и внѣшней политики, и она совершенно не подготовлена къ тому, чтобъ нести на себѣ тяжелое бремя управленія государствомъ. Нѣтъ никого, кто бы такъ способенъ былъ къ принятію на себя должности регента, какъ герцогъ курляндскій. Онъ благоразуменъ, онъ смѣлъ, неустрашимъ, онъ знаетъ всѣ интересы нашей страны! Надѣюсь, почтенные господа согласятся со мною, что намъ теперь остается просить императрицу поручить послѣ себя до совершеннолѣтія будущаго императора Ивана Антоновича регентство надъ имперіею герцогу курляндскому.

— И я тоже полагаю,—сказалъ кн. Черкасскій.—Его личная польза въ отношеніи собственнаго герцогства связана съ пользою и благоденствіемъ Россіи. Уже ради одного опасенія за свое собственное герцогское владѣніе, находящееся въ распоряженіи Россіи, онъ будетъ стараться о ея государственныхъ дѣлахъ на столько, чтобъ всегда быть въ состояніи дать въ нихъ безукоризненный отчетъ. Мы окажемъ великую услугу нашему отечеству, если начнемъ утруждать герцога нашею общею просьбою, дабы онъ благоволилъ на будущее время обратить свое вниманіе къ попеченію о нашемъ государствѣ.

Фельдмаршалъ Минихъ принялъ сторону товарищей: хотя внутренно онъ Бирона не терпѣлъ, но тутъ горячѣе прочихъ сталъ просить его—принять на себя регентство.—Мы знаемъ,—говорилъ фельдмаршалъ,—превосходныя качества характера вашего, герцогъ. Мы убѣждены, что никто, кромѣ васъ, до такой степени не свѣдущъ во внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ россійскаго государства и никто не будетъ принятъ русскою націею съ такимъ восторгомъ, какъ всѣ министры наши за все время царствованія императрицы Анны Ивановны привыкли къ вашему образу дѣйствій и никому не станутъ такъ охотно повиноваться какъ вамъ. А вотъ что говорили о принцѣ брауншвейгскомъ, такъ я скажу: былъ онъ при мнѣ двѣ кампаніи, и я все-таки не узналъ—что онъ такое: рыба ли онъ или мясо!

«Отецъ мой, — замѣчастъ по этому поводу сынъ фельдмаршала въ своихъ запискахъ,—находился тогда въ такомъ щекотливомъ положеніи, въ какомъ только честный человѣкъ когда-

либо очутиться можетъ. Уже давно всѣ привыкли обращаться къ любимцу съ гнусною лестью; императрицѣ это нравилось, напротивъ, всякое невниманіе къ нему она принимала за оскорбленіе самой себѣ. Хотя врачи мало подавали надежды на выздоровленіе императрицы, но изъ нихъ тогда еще никто не рѣшился бы утвердительно сказать, что ея кончина близка. Если жъ бы случилось, что она оправилась отъ своего недуга, то черезъ недѣлю гибель постигла бы того, кто бы дерзнулъ въ то время обращаться съ герцогомъ такъ, какъ требовала справедливость. Примѣръ Волынскаго былъ еще свѣжъ и всѣмъ памятенъ. Кто взвѣситъ тогдашнія обстоятельства,—продолжаетъ Минихъ-сынъ въ своихъ запискахъ,—тотъ не поставитъ моему родителю въ вину его поступка и не назоветъ его несоотвѣтствующимъ съ здравымъ разсудкомъ».

Герцогъ, выслушавши втайнѣ желанное для него предложеніе, сказалъ:

— То, что̀ я слышу отъ васъ, меня крайне бы изумило, еслибъ я не былъ увѣренъ, господа, что единственнымъ побужденіемъ къ этому была искренняя ко мнѣ любовь и дружественное расположеніе. Но сами разсудите: много ли въ русской публикѣ людей, такъ дружелюбно расположенныхъ ко мнѣ какъ вы! Всѣ только и твердятъ, что я иноземецъ; благоволеніе императрицы ко мнѣ возбудило противъ меня завистниковъ, и я уже не разъ замѣчалъ съ прискорбіемъ, какъ мои чистѣйшія намѣренія обезображивались гнуснѣйшею клеветою. Что же послѣдуетъ тогда, когда я получу верховную власть? До сихъ поръ императрица защищала меня отъ враговъ, а кто будетъ стоять за меня и оборонять меня, когда не станетъ моей благодѣтельницы? Я такъ богато награжденъ милостями моей государыни, что послѣ нея мнѣ уже ничего не остается желать, какъ только, отказавшись отъ всякихъ государственныхъ дѣлъ, удалиться на родину и жить себѣ тамъ частнымъ человѣкомъ, оставаясь, если позволите, вашимъ неизмѣннымъ другомъ.

— Вы, герцогъ, не имѣете права отвергать предлагаемое вамъ могущественною націею. Это не человѣческое дѣло; оно совершается по волѣ Божіей! Вы дурно заплатите за тѣ милости, которыми такъ обильно почтила васъ императрица,—говорили другіе.

— Я лучше другихъ знаю свою неспособность! — сказалъ Бирон̀ъ.

— А мы думаемъ, герцогъ,—сказалъ Минихъ, — что милліоны людей, осчастливленныхъ вашимъ правленіемъ, будутъ за

васъ молить Бога! Ваша свѣтлость, примите весла правленія въ ваши крѣпкія руки, мы же всѣ вамъ искренно преданы и я, какъ прежде былъ, такъ и впередъ пребуду вашимъ вѣрнѣйшимъ слугою!

— Если,—сказалъ наконецъ Биронъ,—меня что-нибудь можетъ принудить къ принятію на себя такого непосильнаго бремени, то развѣ только признательность къ великимъ благодѣяніямъ императрицы, привязанность къ ея высокой фамиліи и усердіе къ славѣ и благодепствію россійской имперіи; но я не могу на это рѣшиться, какъ только услышавши согласное желаніе всѣхъ благонамѣренныхъ патріотовъ. Пусть, если угодно, завтра утромъ соберется совѣтъ изъ знатнѣйшихъ особъ, сенаторовъ, генералитета и придворныхъ чиновъ; прежде пусть всѣ признаютъ молодого принца Ивана Антоновича преемникомъ на престолъ государыни Анны Ивановны, а потомъ установятъ правительство до его совершеннолѣтія, пусть только разсудятъ, согласно съ графомъ Остерманомъ, и чрезъ него представятъ императрицѣ.

Герцога тутъ снова позвали къ больной государынѣ, а Бестужевъ пригласилъ съ собою Бреверна и князя Трубецкого въ другой покой и тамъ всѣ трое стали составлять духовную объ учрежденіи регентства и предположили подать ее къ подписи императрицѣ въ слѣдующее утро. Писалъ ее тотъ же Андрей Яковлевъ, который работалъ у Остермана. Въ этой духовной было постановлено: на случай кончины императрицы, и впредь до совершеннолѣтія будущаго государя будетъ управлять въ теченіе семнадцати лѣтъ государствомъ герцогъ курляндскій и во все это время завѣдывать всею сухопутною и морскою силою, распоряжаться государственною казною, стоять во главѣ надъ всѣми государственными учрежденіями, руководить всѣми сношеніями съ иностранными державами и прилагать заботы о воспитаніи молодого императора. На содержаніе регенту опредѣляли ежегодную сумму въ количествѣ 600,000 рублей.

Когда эту духовную составляли, въ другомъ покоѣ, тамъ, гдѣ оставленъ былъ Минихъ, сошлись другіе вельможи: кн. Куракинъ, адмиралъ Головинъ, гр. Головкинъ, генералъ Ушаковъ. Минихъ всѣхъ этихъ господъ принялся настраивать въ пользу регентства Бирона. Легко было фельдмаршалу всѣхъ ихъ расположить къ этому, потому что каждый изъ нихъ, не питая никакого дружелюбнаго сочувствія къ герцогу курляндскому, руководствовался такими же соображеніями, какъ и уговаривавшій ихъ фельдмаршалъ. Когда духовная была готова, сочинители

вышли изъ того покоя, гдѣ ее составляли, и князь Трубецкой прочиталъ ее собравшимся господамъ передъ дверьми царской опочивальни. Всѣ слушали и одобряли; ближе всѣхъ къ чтецу стоялъ кн. Черкасскій.

Утромъ 6-го октября пріѣхалъ во дворецъ Остерманъ. Стараго дипломата внесли во дворецъ въ креслахъ, потому что онъ съ чрезвычайнымъ трудомъ могъ ступать на ноги. Его встрѣтилъ Минихъ и сообщилъ, что уже всѣ вельможи настойчиво упрашивали герцога принять на себя регентство, но герцогъ все колеблется. Дипломатъ, заслыша это, вдругъ измѣнилъ свой вчерашній топъ; вмѣсто двусмысленныхъ неясныхъ выраженій онъ, казалось, приходилъ въ восторгъ отъ всеобщаго желанія избрать регентомъ герцога курляндскаго, произнесъ отъ себя совершенное согласіе и прибавилъ, что если герцогъ будетъ еще долѣе упрямиться, то надлежитъ утруждать императрицу просьбами, чтобы она съ своей стороны расположила его принять предлагаемое регентство. Такимъ образомъ, Андрей Ивановичъ Остерманъ поступилъ здѣсь какъ искуснѣйшій дипломатъ: онъ не выставился впередъ рьянымъ сторонникомъ Бирона, чтобы не подвергнуться нареканіямъ, еслибы возвышеніе герцога почему-нибудь не состоялось, а теперь безбоязненно объявилъ себя въ его пользу, когда былъ увѣренъ, что между вельможами никто не показываетъ къ герцогу недоброжелательства.

Остермана въ креслахъ внесли въ опочивальню императрицы. Съ нимъ были тамъ князь Черкасскій и Бирономъ. Остерманъ представилъ къ подписи государынѣ два акта: одинъ былъ составленъ имъ самимъ, другой Бестужевымъ съ товарищами. Первый, манифестъ о престолонаслѣдіи принца Ивана Антоновича съ приложеніемъ присяжнаго листа, былъ сразу подписанъ государынею, а другой—она положила себѣ подъ изголовье. Подписывая первый, она спросила Остермана:—кто писалъ это? и получила отвѣтъ:—я, вашъ нижайшій рабъ! Просмотрѣвши другой, императрица взглянула на Бирона и произнесла: развѣ тебѣ это нужно? Вельможи вышли изъ опочивальни въ совершенномъ недоумѣніи о судьбѣ второго акта. Относительно перваго акта, императрица хотя безъ возраженія его подписала, но ея сердце предчувствовало, что высокая судьба, которую императрица предопредѣляла младенцу, не будетъ прочною, и послѣ подписанія манифеста императрица говорила, что съ меньшею тревогою подписывала мирный договоръ съ Турціею, чѣмъ этотъ манифестъ.

Бирономъ горячо желалъ сдѣлаться регентомъ, но принужденъ

былъ обстоятельствами играть въ смиреніе, а его угодники-министры, въ душѣ его не любившіе, продолжали настаивать на своихъ просьбахъ о принятіи имъ регентства. Дни за днями проходили; императрица не показывала ни малѣйшихъ надеждъ къ выздоровленію, напротивъ, все болѣе и болѣе слабѣла, духовной все не подписывала. Потерявши, наконецъ, терпѣніе, угодники герцога курляндскаго прибѣгнули къ такому извороту. Бестужевъ пригласилъ съ собою Бреверна и, при незнаніи послѣднимъ русскаго языка, еще кн. Трубецкого; вмѣстѣ всѣ трое измыслили составить позитивную декларацію отъ имени сената, генералитета и разныхъ высокихъ чиновъ лицъ, какъ бы вмѣстѣ изображавшихъ собою цвѣтъ русской націи. Въ этомъ актѣ излагалась просьба къ государынѣ о назначеніи послѣ себя регентомъ герцога курляндскаго въ такомъ же смыслѣ, какъ было изложено въ духовной. Минихъ и здѣсь подписался первымъ. «Истинно за тебя вѣрно стоять и яко честный человѣкъ помощь оказывать буду», сказалъ онъ Бирону! Устроили подписку въ министерскихъ покояхъ. Приглашали духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ первыхъ двухъ ранговъ, вводя въ комнаты по нѣскольку лицъ, какъ будто съ цѣлью избѣжать тѣсноты и замѣшательства. Предполагали распространить эту подписку и на болѣе второстепенныхъ чиновныхъ лицъ, надѣясь, что каждый изъ такихъ, видя, что уже прежде подписались лица чиновъ поважнѣе, не задумается приложить свою руку, выражая согласіе. Подписывавшіеся всѣ руководились такимъ же страхомъ привязанности къ любимцу высочайшей особы, какимъ руководился фельдмаршалъ. Бирономъ продолжалъ держать себя не участвующимъ во всемъ, что творилось, и съ притворнымъ любопытствомъ спрашивалъ Бестужева: что это люди идутъ въ кабинетъ? а узнавши, въ чемъ дѣло, спросилъ: оставляется ли каждому поступать по своей волѣ? Бестужевъ отвѣтилъ: да.

Въ то же время дѣлались усилія побудить принцессу Анну и ея супруга присоединиться къ общему желанію. Для воздѣйствія на нихъ избранъ былъ баронъ Менгденъ, отецъ Юліаны Менгденъ, любимой фрейлины принцессы Анны. Этотъ баронъ, нѣмецъ до мозга костей, всѣмъ своимъ соплеменникамъ при дворѣ внушалъ, что непремѣнно слѣдуетъ Бирона сдѣлать регентомъ для поддержанія власти нѣмцевъ въ Россіи, иначе всѣ нѣмцы пропадутъ отъ злобы къ нимъ русскихъ. На принцессу, однако, онъ не оказалъ большого вліянія. Анна Леопольдовна дала ему такой отвѣтъ:—вы знаете, я и прежде удалялась отъ вмѣшательства въ государственныя дѣла, а теперь еще менѣе

отважусь на какое-нибудь подобное вмѣшательство. Императрица, хотя и находится въ опасномъ положеніи, но, при ея еще не старыхъ лѣтахъ возраста, она еще можетъ выздоровѣть при Божіей помощи. Я ни за что на свѣтѣ не стану безпокоить ее чѣмъ-нибудь такимъ, что́ напоминать ей можетъ о близкой смерти. Когда ея величеству угодно было назначить преемникомъ своимъ моего сына, то, вѣроятно, она сама соизволитъ объявить свою высочайшую волю относительно управленія государствомъ во время его малолѣтства. Я предоставляю это благоусмотрѣнію ея величества.

Въ самомъ дѣлѣ, Анна Ивановна уже нѣсколько мѣсяцевъ сряду боялась призрака смерти и даже запретила возить мертвыхъ мимо ея дворца. Принцесса Анна, передавая все это Менгдену, сочла нужнымъ присовокупить, что ей, впрочемъ, непріятнымъ не будетъ, если императрица назначитъ герцога регентомъ или вообще дастъ ему послѣ себя какое-либо участіе въ верховномъ правительствѣ.

Бирономъ, всегда близкій къ особѣ императрицы и безпрестанно посѣщавшій больную, сколько разъ ни пытался направить ее къ тому, чтобы она сама изъявила ему желаніе окончить дѣло о регентствѣ,—не достигалъ своей цѣли.

Однажды, по этому поводу, императрица сказала ему: «жаль мнѣ тебя, Бирономъ, безъ меня тебѣ не будетъ счастья». Наконецъ, 16 октября, когда императрицѣ стало очень худо и присутствовавшіе ожидали скорой кончины, ему таки удалось ввести къ императрицѣ Остермана: не знаемъ подлинно, самъ ли Остерманъ явился или императрица его потребовала. Тутъ она вынула изъ-подъ изголовья духовную и подписала. Тогда Остерманъ и Бирономъ вышли изъ царской опочивальни съ торжествующимъ видомъ и Бирономъ воскликнулъ, обращаясь къ своимъ угодникамъ: Господа! вы поступили какъ древніе римляне!

Что хотѣлъ сказать этимъ курляндскій герцогъ—мы не знаемъ. Такъ разсказываетъ сынъ фельдмаршала Миниха.

По словамъ самого герцога курляндскаго, въ его запискѣ, посланной изъ мѣста своей ссылки въ Ярославлѣ императрицѣ Елисаветѣ, дѣло было такъ: Бирономъ, вошедши въ опочивальню императрицы, засталъ тамъ Остермана. Государыня держала въ рукахъ духовную и готовилась ее подписывать. Бирономъ умолялъ ее не дѣлать этого, представляя, что отказъ государыни подписать этотъ документъ будетъ награжденіемъ за всю многолѣтнюю службу его императрицѣ. Государыня, послушавши любимца, положила бумагу снова подъ изголовье. Въ теченіе

нѣсколькихъ дней послѣ того онъ отклонялъ императрицу отъ исполненія этого замысла. Наконецъ, тринадцать знатнѣйшихъ сановниковъ вошли въ ея опочивальню и подали просьбу, подписанную уже 190 лицами; изъ этой просьбы государыня могла увѣдать о всеобщемъ желаніи видѣть ея любимца регентомъ россійскаго государства, во время малолѣтства будущаго императора Ивана Антоновича. Тогда императрица Анна Ивановна приказала позвать Остермана и подписала духовную, а подписавши, отдала постоянно находившейся при ея особѣ подполковницѣ Юшковой, которая спрятала этотъ важный документъ въ шкафъ съ драгоцѣнностями.

Въ послѣдующіе затѣмъ часы, здоровье императрицы являлось все болѣе и болѣе безнадежнымъ. 17 октября, въ пятницу около полудня почувствовала больная, что у ней отнялась нога. Къ ней вошли принцессы—Анна Леопольдовна и Елисавета Петровна. Императрица, будучи еще въ полномъ сознаніи, говорила, прощалась съ ними. Къ вечеру сдѣлались съ нею такіе мучительные припадки, что видѣвшіе ихъ не могли не пожелать, чтобы Богъ скорѣйшею кончиною избавилъ страдалицу отъ такихъ мукъ. Въ девять часовъ явилось придворное духовенство съ пѣвчими. За нимъ вступила въ опочивальню толпа близкихъ къ государынѣ вельможъ. Совершался обрядъ соборованія елеемъ. Императрица, проводя взорами по толпѣ господъ, наполнившихъ комнату, замѣтила Миниха и сказала ему: прощай, фельдмаршалъ! Потомъ, обводя угасавшіе глаза по другимъ и уже не будучи въ силахъ распознать кого-нибудь, она произнесла: всѣ, прощайте! Съ этими словами императрица испустила дыханіе.

Н. Костомаровъ.

ЖЕНЩИНА

и

ЕЯ ИМУЩЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

Историческій очеркъ.

Если вообще научное изученіе явленій общественной жизни и установленіе законовъ ихъ развитія возможно лишь съ помощью сравнительно-историческаго метода, то для насъ, для русской науки, примѣненіе сравнительно-историческаго метода является безусловною необходимостью. Какую бы отрасль общественныхъ отношеній мы ни взяли, мы въ одной Россіи можемъ найти всѣ ступени развитія этихъ отношеній. Достаточно вспомнить, что у насъ вмѣстѣ съ инородцами, руководствующимися своими обычными нормами, есть мѣста, въ которыхъ дѣйствуетъ римское право и французскій Code civile. Въ виду этого у насъ болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, умѣстно сравнительно-историческое изученіе общественныхъ явленій и правовыхъ отношеній, такъ какъ только такимъ путемъ мы можемъ изучить правовыя и общественныя отношенія, господствующія во всей странѣ. Изучая, напримѣръ, X-й томъ, мы знакомится съ гражданскимъ правомъ, дѣйствующимъ лишь на сравнительно незначительномъ пространствѣ и среди сравнительно незначительной части населенія. По отношенію къ занимающей насъ части гражданскаго права, къ имущественному положенію женщины, мы находимъ на пространствѣ, занимаемомъ Россіей, всевозможныя ступени развитія, о которыхъ повѣствуетъ намъ исторія, мы на-

ходимъ всевозможныя нормы, опредѣляющія имущественное положеніе женщины. Такъ, мы встрѣчаемъ пріобрѣтеніе жены чрезъ посредство калыма; далѣе приданое, даваемое невѣстѣ въ видѣ платья и другихъ движимыхъ вещей; затѣмъ приданое изъ движимаго и недвижимаго въ качествѣ выдѣла, сопровождаемое институтомъ раздѣльности имуществъ,—встрѣчаемъ и такъ-называемую дотальную систему, т.-е. право мужа на доходы и плоды приданаго, причемъ остальное имущество, могущее быть у жены, составляетъ ея отдѣльную собственность, на которую не распространяется право пользованія мужа; встрѣчаемъ далѣе общность имущества въ видѣ правила, и раздѣльность имуществъ, дотальную систему въ видѣ дозволеннаго института, зависящаго отъ взаимнаго соглашенія. Спрашивается теперь, какъ же при такихъ условіяхъ изучать только ограниченное количество нормъ объ этомъ предметѣ, нашедшихъ себѣ мѣсто въ X-мъ томѣ? Если мы исходимъ отъ этихъ нормъ, мы теряемъ историческую перспективу какъ по отношенію къ прошлому этой сферы отношеній, такъ и по отношенію къ будущему; мы не знаемъ, ни откуда онѣ исходили, ни куда онѣ идутъ; мы не знаемъ того мѣста, которое занимаютъ черты имущественныхъ отношеній, какъ онѣ охарактеризованы въ X-мъ томѣ и въ историческомъ развитіи этихъ отношеній вообще; словомъ, мы не знаемъ законовъ развитія этихъ отношеній, которые сами собою даются при изученіи обширнаго матеріала, представляемаго нормами, существующими во всей Россіи.

Конечно, есть еще юристы, не только практики, но и теоретики, которые не чувствуютъ потребности въ такихъ вещахъ, какъ законы развитія общественныхъ явленій и нормъ права. Для нихъ эти слова представляютъ не только звукъ пустой, но и предметъ глумленія надъ эволюціонистами. Они признаютъ задачею юриспруденціи истолкованіе дѣйствующихъ нормъ и подведеніе ихъ подъ какія-нибудь общія логическія категоріи, т.-е. въ ихъ глазахъ юриспруденція есть не наука, а искусство, необходимое для практическихъ цѣлей — примѣненія закона къ частному случаю.

Но если для западно-европейскаго юриста, для французскаго, нѣмецкаго, и возможно ограничиться изученіемъ одного опредѣленнаго кодекса и способовъ его толкованія, то для русскаго юриста, какъ я уже сказалъ, изученіе однихъ нормъ X-го тома, регулирующихъ данный кругъ отношеній, должно считаться совершенно недостаточнымъ, ибо, какъ я уже упоминалъ выше, у насъ дѣйствуютъ и признаются обязательными не только однѣ

нормы X-го тома. А разъ приходится изучать многообразныя нормы объ одномъ и томъ же правовомъ институтѣ, начиная отъ низшихъ въ культурномъ смыслѣ и кончая высшими, то и слѣдуетъ располагать ихъ такимъ образомъ, чтобы можно было видѣть, какъ изъ данныхъ зародышей, изъ данныхъ элементарныхъ правилъ развились болѣе сложные юридическіе нормы и институты, т.-е. разсматривать и излагать предметъ съ помощью сравнительно-историческаго метода.

Для того, чтобы можно было приступить къ сравнительно-историческому изложенію какого-либо института по дѣйствующимъ у насъ нормамъ, необходимо, конечно, для облегченія дѣла позаботиться о томъ, чтобы эти нормы были собраны воедино, чтобъ онѣ представляли собою сборникъ, который легко осмотрѣть и которымъ можно пользоваться для характеристики данной сферы отношеній.

Вотъ почему собственно по отношенію къ области гражданскаго права нельзя не придавать громаднаго значенія труду, предпринятому профессоромъ Малышевымъ подъ названіемъ «Курсъ *общаго* гражданскаго права Россіи». Этотъ курсъ, 1-й томъ котораго вышелъ еще въ 1880 году, заключаетъ въ себѣ не только законы X-го тома, но и законы Финляндіи, Царства Польскаго, Остзейскаго края, Бессарабіи, русское обычное право, обычное право инородцевъ и т. д. Приходится глубоко сожалѣть о томъ, что курсъ этотъ остановился на первомъ томѣ, гдѣ исчерпана только область семейныхъ отношеній. Послѣ этого вступленія, необходимаго еще въ настоящее время для обоснованія сравнительно-историческаго метода, который, по моему мнѣнію, является спасительнымъ для всей общественной науки вообще, я приступаю къ предмету моей статьи.

I.

Такъ-называемая купля женъ есть не что иное, какъ символъ мира между враждебными до того общинами. Брачное единеніе между мужчиной изъ одной общины и женщиною изъ другой общины есть не что иное, какъ установленіе мира и единенія между различными общинами. Въ данномъ случаѣ это единеніе выражается въ томъ, что представители одной общины даютъ представителямъ другой общины лошадей, скотъ, оружіе и впослѣдствіи другого рода предметы и даже деньги, и взамѣнъ этого получаютъ женщину. Я не стану излагать здѣсь тѣхъ до-

водовъ и фактическихъ данныхъ, по которымъ я пришелъ къ такому заключенію относительно первобытнаго характера такъ-называемой купли женъ. Я укажу лишь на то, что въ тѣ ранніе времена, когда возникаетъ такъ-называемая купля женъ, купля вообще не имѣетъ того характера, какой она носитъ въ настоящее время. Продажа вещи не есть пріобрѣтеніе предмета одной стороной у другого съ барышемъ, а есть обмѣнъ въ полномъ смыслѣ этого слова, причемъ не допускается и мысли о барышѣ.

Исходя изъ этого положенія, а также на основаніи другихъ соображеній, одинъ изъ этнологовъ, котораго цитируетъ г. Зиберъ въ своихъ «Очеркахъ первобытной экономической культуры», голландецъ Вилькенъ, въ свою очередь отрицаетъ за актомъ купли женъ характеръ торговой сдѣлки и видитъ въ платѣ за невѣсту не что иное, какъ выкупъ мести, плату за обиду, наносимую общинѣ при отнятіи у нея дѣвушки-невѣсты. Извѣстно, что до того времени, когда устанавливается плата за невѣсту, ее похищаютъ. Такимъ образомъ, разсуждаетъ Вилькенъ, первоначально съ бракомъ, съ насильственнымъ увозомъ женщины изъ племени, было соединено понятіе обиды, и вотъ за эту-то обиду и платитъ женихъ и въ позднѣйшія времена, когда похищеніе, насильственный увозъ совершаются только символически (Зиберъ, стр. 302—306). Г. Зиберъ вполнѣ усваиваетъ эту теорію и полагаетъ, что происхожденіе платы за невѣсту изъ пени или жертвы за прекращеніе мести удовлетворительно разрѣшаетъ вопросъ и объясняетъ всѣ извѣстные намъ факты. Я укажу здѣсь на одинъ разрядъ фактовъ, который никакимъ образомъ не можетъ быть разъясненъ теоріей Вилькена. Я говорю объ извѣстномъ намъ еще изъ Библіи способѣ пріобрѣтенія женъ съ помощью личнаго труда: «Іаковъ полюбилъ Рахиль, и сказалъ: я буду служить тебѣ семь лѣтъ за Рахиль, младшую дочь твою. Лаванъ сказалъ (ему): лучше отдать мнѣ ее за тебя, нежели отдать ее за другого кого; живи у меня. И служилъ Іаковъ за Рахиль семь лѣтъ» (Бытія, XXIX, 18—20). По исландскому праву, женщина-невѣста также пріобрѣталась съ помощью работы, производимой женихомъ (Gans, Erbrecht, IV, стр. 482).

Да зачѣмъ намъ ходить далеко. Въ правилахъ свода степныхъ законовъ мы встрѣчаемъ статью 347, въ которой говорится о пріобрѣтеніи невѣсты *личнымъ трудомъ жениха* или о такъ-называемой отработкѣ калыма. Вотъ что говорится въ этой статьѣ: «Кто, не *имѣя возможности* внести за невѣсту калыма, *вступитъ въ семейство отца ея* или родственниковъ ея, съ

тѣмъ, чтобы заработать требуемый за нее калымъ» и т. д. Точно также, если бракъ совершенъ убѣгомъ, то мужъ обязанъ post factum, если онъ не въ состояніи уплатить калыма, прослужить родителямъ невѣсты опредѣленное время, но не долѣе одного года (Малышевъ, стр. 311—312).

Точно также обычай отрабатыванія существовалъ у Якутовъ. Если женихъ сговоренной невѣсты окажется не въ состояніи платить всего или части калыма,... то, буде было совокупленіе, бракъ не уничтожается, а калымъ платится какъ обыкновенный долгъ посредствомъ зарабатыванія. (Малышевъ стр. 310).

Еще менѣе этого, теоріею происхожденія платы изъ выкупа мести можетъ быть объясненъ обычай обмѣна невѣстъ между двумя племенными общинами. Такъ, у бурятъ, можно безъ калыма промѣняться дочерьми, одинъ за своего сына, а другой за своего. Точно также и у тунгузовъ случается, что безъ платежа скота обмѣниваются дочерьми (Малышевъ, стр. 307, 309). Этотъ обычай обмѣна или промѣна вошелъ даже въ сводъ степныхъ законовъ (тамъ же, стр. 311). О существованіи обмѣна въ Закавказьѣ мы узнаемъ изъ адатовъ въ самурскомъ округѣ. Бываетъ,—говорится тамъ,—что мужчина, бравши въ замужество за себя изъ какого-нибудь семейства женщину, обязался отдать въ то же семейство свою сестру, дочь, или находящуюся въ опекѣ его дѣвушку за одного изъ членовъ его въ замужество,—въ такомъ случаѣ онъ не платитъ іолъ-пули (условленная плата за невѣсту) и обмѣнъ этотъ называется башабашъ. Бываетъ иногда, что при такомъ обмѣнѣ женщинъ, одна изъ нихъ взрослая, достигнувшая лѣтъ, въ которыя дозволяется вступать въ бракъ, а другая, долженствующая поступить взамѣнъ ея, малолѣтняя; въ такомъ разѣ мужчина, женившійся на взрослой, отдавая малолѣтнюю, доплачиваетъ условленную сумму денегъ тому семейству, изъ котораго беретъ взрослую дѣвушку. (тамъ же, стр. 317).

Эти факты, число которыхъ можно было бы значительно увеличить, показываютъ уже, что въ платѣ за невѣсту дѣло идетъ, очевидно, не объ искѣ, не о выкупѣ за месть, а о чемъ-то другомъ. Я этимъ не хочу сказать, что я вижу въ отрабатываніи за невѣсту или въ обмѣнѣ чисто-экономическую сдѣлку пріобрѣтенія, купли невѣсты. Если мы обратимъ вниманіе на библейскій разсказъ о томъ, какъ Іаковъ познакомился съ Рахилью, то мы увидимъ, что при первой встрѣчѣ онъ ей говоритъ, что онъ родственникъ отцу ея (ст. 12). Въ этомъ вся суть. Чужеплеменникъ не можетъ входить ни въ какія мирныя сношенія съ племенемъ, къ которому онъ не принадлежитъ, и для

того, чтобы установить такія мирныя отношенія, необходимо прибѣгнуть къ установленію родства, хотя бы фиктивнымъ способомъ, *посредствомъ общенія имущества и жизни.* Такая связь и устанавливается посредствомъ вступленія въ чужую общину въ качествѣ члена ея. Взаимный обмѣнъ какими-либо предметами въ свою очередь служитъ на первобытныхъ ступенахъ развитія средствомъ установленія связи. На самыхъ раннихъ ступеняхъ культуры, какъ я уже указалъ въ другомъ мѣстѣ, установленіе мирныхъ отношеній между стороною жениха и стороною невѣсты выражается въ томъ, что сторона жениха отдаетъ сторонѣ невѣсты всѣ тѣ орудія и предметы, съ помощью которыхъ совершалось насильственное отнятіе невѣсты, отдается оружіе, лошади и т. д., но съ теченіемъ времени установленіе мирныхъ связей совершается вообще чрезъ посредство взаимныхъ подарковъ.

Представители той общины, къ которой принадлежитъ женихъ, даютъ тѣ или другія вещи представителямъ той общины, къ которой принадлежитъ невѣста, въ свою очередь и послѣдніе отдариваютъ первыхъ. Это и есть матеріальное выраженіе, впѣшній символъ установившихся мирныхъ отношеній.

Я не могу здѣсь подробно останавливаться на символическомъ значеніи подарковъ на раннихъ ступеняхъ культуры; поэтому я ограничусь только указаніемъ на обычаи, существующіе по этому предмету у части русскихъ лопарей-фильмановъ, обычаи, характеризующіе значеніе подарковъ вообще, а слѣдовательно и подарковъ при заключеніи брачныхъ союзовъ. Фильманы обнаруживаютъ особенное пристрастіе къ подаркамъ. «Получивъ подарокъ, они считаютъ своею обязанностью непремѣнно отдарить. Въ свободное время русскіе нерѣдко ходятъ въ гости къ фильманамъ, если тѣ живутъ неподалеку, и носятъ имъ подарки: лоскутъ краснаго сукна, галуна, бумажный платокъ или какую-нибудь дешевую вещь, а чаще всего печеный хлѣбъ и немного коровьяго масла, которое считается лакомствомъ у фильмановъ. За этотъ подарокъ они обыкновенно получаютъ оленя. Если къ фильману пріѣдетъ какой-нибудь гость почетный, то, угостивъ его по возможности лучше, онъ дарить его самымъ лучшимъ оленемъ изъ своего стада. Одинъ чиновникъ разсказываетъ, что на пути своемъ, въ тундрѣ, встрѣтился онъ съ незнакомымъ ему богатымъ фильманомъ. Послѣ обычныхъ первыхъ привѣтствій фильманъ вытаскиваетъ норвежскую серебряную монету и подаетъ ему. Тотъ не счелъ возможнымъ отказаться, такъ какъ былъ знакомъ съ этимъ обычаемъ фильмановъ, и предложилъ въ обмѣнъ стаканъ рому. Отказаться отъ подарка, пред-

лагаемаго фильманомъ, значитъ — нанести этому послѣднему сильное оскорбленіе» [1]).

Изъ такихъ-то подарковъ, даваемыхъ при заключеніи браковъ, и возникаютъ съ теченіемъ времени, какъ мы увидимъ ниже, имущественныя права женщинъ, выходящихъ замужъ, совокупность которыхъ извѣстна подъ именемъ института приданаго.

К. Д. Кавелинъ въ извѣстной статьѣ его, посвященной разсмотрѣнію первобытныхъ формъ брака, высказываетъ свое удивленіе по поводу того, что находитъ совмѣстное существованіе приданаго и платы за невѣсту. «Одно,—говоритъ онъ,—исключаетъ другое; въ самомъ дѣлѣ, трудно себѣ представить, какимъ образомъ родственники невѣсты съ одной стороны падѣляли ее, а съ другой получали за нее плату. Это было-бы чѣмъ-то такимъ искусственнымъ, чего простымъ здравымъ разсудкомъ, котораго такъ много у каждаго неразвитаго народа, понять нельзя, да и нельзя выдумать. Приданое и плата за невѣсту — юридическія явленія совсѣмъ различныхъ порядковъ, двухъ разныхъ бытовъ». (Кавелинъ, Сочин., ч. III, стр. 243). «Пока невѣсты продавались,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—ихъ родные получали калымъ или плату за вѣно; когда же бракъ сталъ договоромъ, условіемъ, сдѣлкой двухъ родовъ, скрѣплявшею и упрочивавшею ихъ союзъ и согласіе и, слѣдовательно, полный разрывъ новобрачныхъ съ своимъ родомъ не могъ имѣть мѣста, какъ прежде, ея родственники, весьма естественно, старались, по возможности, обезпечить хозяйство и довольство молодыхъ. Вотъ первый поводъ давать за невѣстой приданое. Оно стало потомъ предметомъ соревнованія между родами, члены которыхъ соединялись бракомъ. Родственники невѣсты выказывали свое достоинство, честь, богатство передъ родными ея мужа, давая за нею большое приданое. Такимъ образомъ, послѣднее стало необходимою принадлежностью брачныхъ союзовъ». (Тамъ же, IV, стр. 177—178).

Гриммъ, въ свою очередь, находилъ несовмѣстимость платы за невѣсту и приданаго; ибо, говоритъ Гриммъ, разъ невѣста покупалась, она сама была товаромъ, соотвѣтствующимъ дававшейся цѣнѣ, и если отецъ выговаривалъ себѣ плату, то зачѣмъ же ему было уменьшать ее, давая за невѣстой извѣстный эквивалентъ. Гриммъ не пробуетъ разъяснить себѣ этого противорѣчія и ограничивается только констатированіемъ факта, что уже въ са-

[1]) Матвѣевъ. „Сборникъ народныхъ юридич. обычаевъ“, I, отд. 2, стр. 33—34).

мыя раннія времена дочери при уходѣ изъ дома своихъ родителей снабжались предметами и подарками [1]).

Г. П. Ефименко въ своей статьѣ о «Приданомъ» останавливается на вопросѣ, возбужденномъ въ нашей литературѣ г. Кавелинымъ, и, въ свою очередь, признаетъ, что такія явленія, какъ купля невѣстъ и полученіе за ними приданаго суть *разнородныя* явленія, но въ то же время доказываетъ на основаніи фактовъ и другихъ соображеній, что эти явленія могутъ легко уживаться и что, слѣдовательно, институтъ приданаго существуетъ одновременно съ покупкою невѣстъ. «Не надобно забывать,—говоритъ г. Ефименко,—что и до сихъ поръ у насъ дары съ одной стороны и отдариванія съ другой, какъ между невѣстой и женихомъ, такъ и между ихъ родными, составляютъ характеристическую черту свадебныхъ обрядовъ, о чемъ говорится и въ пословицѣ: подарки дарятъ—отдарковъ глядятъ, а между тѣмъ взаимные дары и отдариванія также можно бы признать явленіемъ, заключающимъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе» [2]).

Но въ томъ-то и дѣло, что дары и отдариванія суть явленія не заключающія въ себѣ внутренняго противорѣчія, а, напротивъ, тѣсно связанныя между собою, такъ какъ являются символомъ единенія между общинами. Если дары даются только одною стороною и взамѣнъ ихъ не получается ничего, то это является на первобытныхъ ступеняхъ культуры признакомъ подчиненія одной стороны другой, признакомъ вражды, а не мира, который устанавливается благодаря данному брачному союзу.

Я уже сказалъ выше, что только впослѣдствіи изъ подарковъ возникаетъ и образуется институтъ приданаго, и что на первыхъ порахъ подарки являются признакомъ единенія между двумя общинами и идутъ въ руки не только жениха и невѣсты, а въ руки цѣлой массы представителей этихъ двухъ, входящихъ въ родственный союзъ, общинъ.

Такъ, между прочимъ, по 47 ст. Уложенія монголо-калмыцкихъ племенъ 1640 г. требуется, чтобы въ уплатѣ за невѣсту жениху помогало 10 семей, при чемъ каждый, кто оказалъ ему помощь лошадьми или коровою, имѣетъ право получить изъ приданаго невѣсты лишнее платье, а за овцу небольшую вещь. (Малышевъ, стр. 304—305).

Очевидно, слѣдовательно, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ

---

[1]) Grimm, Deutsche Rechtsalterthümer, s. 429.

[2]) Зап. Геогр. Общ. по отд. этнографіи, III, стр. 105.

дѣло съ актомъ, совершаемымъ не женихомъ и невѣстою, и не отдѣльными главами семействъ, но цѣлыми группами. То же вытекаетъ изъ постановленій, которыя мы находимъ въ адатахъ горскихъ племенъ кумыкскаго округа. «Мужчина,—сказано тамъ,—желая посватать избранную дѣвушку, обращается прежде всего къ почетнымъ и объявляетъ имъ свое намѣреніе. Почетные идутъ къ родственникамъ той дѣвушки и заключаютъ условіе калыма... Чрезъ почетныхъ же передаются невѣстѣ (?) всѣ подарки жениха и дѣлается угощеніе ея роднымъ, *послѣдніе же дѣлаютъ разные подарки почетнымъ* (тамъ же, 312).

Такимъ образомъ очевидно, что подарки дѣлаются представителями цѣлой общины такимъ же представителямъ другой общины, при чемъ эти подарки идутъ не исключительно въ пользу невѣсты или жениха, а въ пользу цѣлой массы представителей двухъ коллективныхъ группъ.

Участіе общинъ въ подаркахъ и отдариваніи видно, между прочимъ, изъ русскихъ народныхъ обычаевъ. Въ архангельской губерніи невѣста дарить шелковые и бумажные платки священнику, жениху, свату, сватьѣ, повозникамъ и пр. свадебникамъ, изъ ближайшихъ жениху родственниковъ; подарки бываютъ разнообразные и довольно значительные: отцу жениха подносится чаще всего рубаха съ портками, матери лучшій скросъ съ подкладью (кусокъ парчи на сборникъ съ изнанкой), рубаха, сарафанъ, братьямъ жениха — красныя рубахи, сестрицамъ и всѣмъ роднымъ по платку и другіе предметы одежды, смотря по состоянію невѣсты. Дары эти, называемые приносами и здарьемъ, также выговариваются на сговорѣ или при сватовствѣ. Въ с. Пингишахъ безъ здарья свадьба не совершается, хотя бы женихъ и хотѣлъ; родители его не перенесутъ безчестья не получить даровъ на свадьбѣ сына.

Въ селѣ Лямицѣ, когда невѣста всѣхъ одаритъ, ея родня похваляется: «У васъ поѣзда много, а у нашей невѣсты еще осталось даровъ». Родители и родственники жениха въ свою очередь обязаны отдарить молодую, что́ иногда стоитъ имъ вдвое дороже полученнаго. Сверхъ того, невѣста получаетъ отъ своихъ родственниковъ, при объѣздѣ ихъ передъ свадьбой, деньгами отъ 3 до 50 к. съ каждаго. Жениховы гости дарятъ ее свадебными пряниками; при подчиваніи водкой или пивомъ гостей, она получаетъ отъ нихъ мѣдныя или серебряныя монеты.

Въ Малороссіи на сговорѣ невѣста даритъ жениха платкомъ, а онъ кладетъ ей отдарокъ отъ 10 к. до 2 руб. с., смотря по своему состоянію. Потомъ невѣста подноситъ подарки нарѣчен-

ному свекру, свекрови, сестрамъ, братьямъ, дядямъ, теткамъ жениха и проч. — всѣмъ подноситъ платки, а свекрови аршина три каленкору на рукава для рубахи. Свекровь же отдариваетъ аршиномъ тафтяной матеріи или краснаго бархата, для кокошника, или кладетъ сарафанъ для нареченной дочки. Сестрамъ жениха дарятъ ленты, мальчикамъ-братьямъ шелковые или суконные поясочки. Отдарки идутъ своимъ чередомъ и, смотря по состоянію и усердію, бывали отъ 2 к. асс. до 10 к. с.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ олонецкой губерніи невѣста послѣ обдариванія женихощевъ, обходитъ всѣхъ своихъ родственниковъ, подчуя ихъ водкою и собирая себѣ подарки; женщины дарятъ ее сорочками и кусками разныхъ матерій, величиною въ $^1/_4$ аршина, а мужчины суконными чулками, платками и деньгами [1]).

Уже г-жа А. Ефименко обратила вниманіе на важную роль подарковъ по обычному праву. «Подарки,—говоритъ она,—составляютъ видную часть брачнаго договора. Обѣ стороны, въ полномъ составѣ всѣхъ своихъ членовъ, надѣляются ими обоюдно». На основаніи судебныхъ разбирательствъ въ волостномъ судѣ, бывшихъ въ рукахъ г жи Ефименко, она указываетъ, что подарки при бракахъ имѣютъ среди крестьянъ спеціальное значеніе. «Они всегда даются подъ условіемъ имѣющаго состояться брачнаго союза, и если дѣло разстраивается, стороны теряютъ право удерживать подарки и обязываются ихъ возвратить» [2]). Какъ говорится въ одномъ изъ приводимыхъ ею рѣшеній, подарки даются «для вѣрности даннаго слова», т.-е. ими устанавливается единеніе между двумя общинами.

II.

На дальнѣйшихъ ступеняхъ развитія брачная сдѣлка теряетъ характеръ сдѣлки, заключаемой между двумя общинами, и все болѣе и болѣе становится сдѣлкою, заключаемою между двумя большими семьями—родами. Вмѣстѣ съ тѣмъ и подарки, идущіе отъ жениха невѣстѣ и отъ невѣсты жениху, получаютъ болѣе тѣсное назначеніе. Подарки отъ жениха и его родни идутъ въ пользу родителей невѣсты и самой невѣсты, или, говоря терминами, употребляемыми въ нашемъ обычномъ правѣ, становятся тѣмъ, что называется кладкой, между тѣмъ какъ прежде они были

[1]) См. между прочимъ Смирнова, Очеркъ семейныхъ отношеній по обычному праву, Москва, стр. 252—253.

[2]) А. Ефименко, Изслѣдованія народной жизни, стр. 15, 20.

выводными деньгами, т.-е. платой за выходъ невѣсты изъ данной общины. Въ то же время подарки, дававшіеся роднею невѣсты жениху и его роднѣ, превращаются въ приданое, даваемое невѣстѣ.

Измѣненіе въ характерѣ и назначеніи подарковъ совершается медленно и притомъ одновременно съ измѣненіями въ бытовыхъ условіяхъ жизни, съ распаденіемъ общинно-племенной организаціи, съ распаденіемъ первоначальныхъ братствъ на задруги, роды, большія семьи. На первыхъ порахъ положеніе дѣвушки, выходящей замужъ, нисколько не измѣняется при распаденіи первобытной общины на родовыя группы. Въ виду того, что на этихъ ступеняхъ культуры господствуютъ экзогамическія формы брака, т.-е. дѣвушка выходитъ изъ своей общины, а затѣмъ изъ своего рода въ другую общину, въ другой родъ, она не можетъ усвоить себѣ ничего ни изъ общинной, ни изъ родовой собственности. Мало того, такъ какъ родъ теряетъ въ ней работника съ переходомъ ея въ другой родъ, то онъ получаетъ за нее выводныя деньги. Но съ теченіемъ времени начинаетъ вырабатываться другое воззрѣніе, заключающееся въ томъ, что дѣвушка, выходя изъ своего рода, оставляетъ въ общемъ родовомъ хозяйствѣ плоды своего труда и, слѣдовательно, имѣетъ право на полученіе извѣстнаго вознагражденія. Въ этомъ и заключается смыслъ тѣхъ подарковъ, которыми снабжаетъ ее родня ея предъ выходомъ въ замужество. Недвижимое имущество составляетъ еще на этой ступени культуры достояніе всей общины, но части движимаго имущества, принадлежащаго отдѣльнымъ родамъ, могутъ быть отдаваемы и дѣвушкѣ, переходящей изъ своего рода въ другой, могутъ сопровождать ее, какъ ея пожизненное достояніе, и только послѣ ея смерти должны быть возвращены ея роду. Въ то же время и прежнія выводныя деньги все болѣе и болѣе теряютъ характеръ платы за невѣсту.

Деньги, получаемыя представителями рода, сводятся къ минимуму, получаютъ только символическое значеніе;— напротивъ, подарки, дававшіеся самой невѣстѣ, все болѣе и болѣе возрастаютъ, и вмѣстѣ съ подарками, полученными отъ ея собственной родни, являются средствомъ для обезпеченія ея на случай вдовства, становятся ея приданымъ.

Этимъ фактомъ объясняются тѣ недоразумѣнія, которыя возникали и возникаютъ у изслѣдователей источниковъ древняго права у европейскихъ народовъ и, между прочимъ, у изслѣдователей древне-германскаго права. Тамъ вдругъ цѣна за невѣсту — pretium — часто превращается въ dos, и изслѣдователи затруд-

няются опредѣлить, откуда шла эта dos, отъ родни невѣсты, или отъ родни жениха. Но въ томъ-то и дѣло, что когда съ теченіемъ времени и то, что́ дается роднею невѣсты, и то, что́ дается роднею жениха, шло въ пользу невѣсты для обезпеченія ея,—и то и другое получаетъ часто одно и то же наименованіе. Что и деньги, дававшіяся женихомъ невѣстѣ, назывались dos и вмѣстѣ съ тѣмъ служили матеріальнымъ обезпеченіемъ для невѣсты, видно, между прочимъ, изъ словъ одного изъ старинныхъ англійскихъ юристовъ Флетты [1]).

По закону всегготовъ, цѣна за невѣсту поступаетъ въ руки представителей рода, но уже въ законахъ лангобардовъ мы встрѣчаемъ упоминаніе о томъ, что такъ-называемая meta поступаетъ въ руки самой невѣсты. (Grimm, стр. 423).

По бургундскому закону то, что́ женихъ даетъ за невѣсту, носитъ названіе wittemo—вдовья часть. Уже изъ этого названія видно, что то, что́ дается женихомъ, идетъ исключительно для обезпеченія жены на случай вдовства. Да и у другихъ европейскихъ народовъ такъ-называемая цѣна за невѣсту, даваемая представителемъ рода, превращается въ символическое дѣйствіе, только напоминающее прежнюю продажу, и возрастаетъ та сумма, которая дается самой невѣстѣ въ обезпеченіе ея. Такъ, по франкскому закону, невѣста пріобрѣтается per solidum et denarium, т.-е. посредствомъ символическаго обряда купли (Grimm, стр. 424).

Этотъ обрядъ имѣетъ такое же значеніе, какое онъ имѣлъ въ Римѣ при coemptio и какое онъ имѣетъ у насъ, напр. въ Малороссіи, гдѣ народъ слѣдующимъ образомъ выражаетъ свое воззрѣніе на остатокъ старинной продажи невѣстъ, сохранившійся въ свадебныхъ обычаяхъ: «для подиву дівку продають», говоритъ малороссійская поговорка.

Таковъ же ходъ развитія въ этой области явленій и у другихъ народовъ. Сначала невѣста совмѣстно съ другими представителями рода получаетъ подарки, но съ теченіемъ времени получаютъ все болѣе и болѣе преобладающее значеніе деньги и вещи, получаемыя самою невѣстою.

У инородцевъ-мусульманъ кладка называется калымомъ или мехръ (покупная цѣна за невѣсту).

По обычаю татаръ, половина калыма идетъ на наряды невѣсть, а другая половина выдается ей на руки или остается у отца.

---

[1]) Dos quidem est id, quod liber homo dot sponsae suae ad ostium ecclesiae propter onus matrimonii et naptias futuras ad sustentotionem uxoris et ad liberorum educationem, cum fuerint procreati, si vir praemoriatur (Gans. Erbrecht, стр. 339).

У кавказскихъ осетинъ, «каждый изъ молодыхъ людей, задумавши жениться, платитъ самъ, или родители его, отцу невѣсты калымъ, наличными деньгами или, вмѣсто оныхъ, оружіемъ, разными цѣнными вещами и скотомъ». «Предки осетинъ, установивши обычай брать калымъ за дочерей отъ женяховъ ихъ, имѣли благую цѣль, чтобы часть калыма этого была употреблена на нарядъ невѣсты, а остальная часть должна была остаться въ полномъ ея распоряженіи, но послѣдователи установившихъ это правило употребили его во зло, такъ что отецъ дочерей, выдаваемыхъ замужъ, беретъ за нихъ условленную плату въ свою пользу, нисколько не заботясь о будущемъ ея счастьи, отчего и произошло, что нѣкоторые мужья, къ стыду ихъ, смотрятъ на жену свою, какъ на купленную, а таковая женщина, видя стѣсненное свое положеніе, груститъ и забываетъ чувства благодарности къ родителямъ ея». Посему циркуляромъ начальника военно-осетинскаго округа постановлено: «плата калыма оставляется по прежнему, но только третья часть калыма должна принадлежать собственно самой невѣстѣ, въ видѣ приданаго и кромѣ платья ея, на обезпеченіе въ случаѣ смерти мужа, уплатившаго калымъ» [1]).

По мусульманскому кодексу шаріату, стоящему по своимъ опредѣленіямъ о бракѣ весьма близко къ первобытнымъ понятіямъ, право на кладку пріобрѣтается женою не въ силу договора, но только въ силу совершенія брака. Въ случаѣ неназначенія по договору кладки, размѣръ ея предполагается такимъ, какой обыкновенно дается женщинамъ изъ ея рода или равнымъ ей по рожденію, красотѣ и особеннымъ дарованіямъ, но не можетъ превышать традиціоннаго размѣра кладки, т.-е. пятисотъ диргемовъ. Если бракъ заключенъ былъ безъ договора о кладкѣ, и если мужъ сдѣлалъ женѣ какой-либо подарокъ до совершенія брака, то предполагается, что этотъ подарокъ составляетъ кладку, развѣ бы жена, до совершенія брака, выговорила, что она на то не согласна и потребовала что-либо сверхъ того (Шар., II, 19. ст. 588, 589 и 607). Изъ приведенныхъ постановленій очевидно, что первобытная кладка въ мусульманскомъ кодексѣ уже измѣнила свой характеръ. Она является исключительнымъ достояніемъ невѣсты, но отнюдь не ея родителей.

По русскому обычному праву, кладка вручается отцомъ жениха или старшимъ въ его домѣ, или сватомъ, или самимъ женихомъ

[1]) Сборн. свѣд. о Кавк. т. II, стр. 305 и 312. См. также Малышева, стр. 305.

отцу невѣсты или ея матери, а если родителей нѣтъ въ живыхъ, старшему въ ея домѣ, или же самой невѣстѣ.

Кладка принадлежитъ только невѣстѣ и если поступаетъ въ распоряженіе отца ея, то употребляется имъ, сообразно назначенію ея, на покрытіе свадебныхъ расходовъ, на приданое, на подарки и наряды невѣстѣ, на покупку подарковъ жениху или его роднымъ; остатокъ же отъ этихъ расходовъ поступаетъ въ пользу невѣсты (Малышевъ, стр. 302).

На болѣе позднихъ ступеняхъ культуры кладка—или такъ-называемыя на народномъ языкѣ «наградныя деньги» невѣстѣ,—не исчезаетъ, а продолжаетъ существовать въ формѣ института, получающаго другое названіе—утренній даръ, предбрачный даръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ предбрачный даръ въ отличіе отъ кладки не дается, а только обезпечивается на имуществѣ мужа на случай вдовства.

На основаніи того, что въ нѣкоторыхъ древнихъ источникахъ права утренній даръ (Morgengabe) встрѣчается рядомъ съ кладкой, утреннему дару приписывается самостоятельное значеніе, т.-е. говорятъ, что это не кладка, не плата за невѣсту, не pretium, которыя даются обыкновенно до свадьбы, а подарокъ, дававшійся на другое утро послѣ свадьбы въ видѣ наградныхъ денегъ, въ видѣ платы за дѣвичество. Но мы уже знаемъ, что кладка въ свою очередь возникаетъ изъ подарковъ, что она также получаетъ у многихъ народовъ значеніе цѣны за дѣвичество, между прочимъ, у болгаръ и у мусульманскихъ народовъ. Мы знаемъ дальше, что и у насъ кладка носитъ также названіе наградныхъ денегъ. Все это вмѣстѣ приводитъ къ заключенію, что утренній даръ не есть нѣчто самостоятельное, а составляетъ часть той же кладки, причемъ, какъ уже указалъ Гриммъ, и во многихъ древнихъ источникахъ права, между прочимъ, по вестготскому праву, утренній даръ смѣшивается съ pretium, съ dos, и по тѣмъ же источникамъ, дается не на другое утро послѣ свадьбы, а выговаривается заранѣе (Grimm, стр. 442).

Изъ данныхъ, которыя приведены до сихъ поръ, очевидно, что различныя названія, даваемыя кладкѣ, соотвѣтствуютъ различію въ характерѣ этой кладки. Кладка имѣетъ значеніе выводныхъ денегъ, pretium'а, когда она дается всѣмъ представителямъ чужой общины. Она имѣетъ значеніе утренняго дара, — наградныхъ денегъ, платы за дѣвичество,—когда та часть ея, которая дается невѣстѣ, возрастаетъ сравнительно съ тѣмъ, что́ дается родителямъ ея. Она получаетъ значеніе приданаго, dos, вдовьей доли, wittemon'а, предбрачнаго дара, когда идетъ исключительно въ пользу жены для обезпеченія ея на случай вдовства.

По еврейскому праву кладка носитъ названіе «утренній даръ» или «оправа» и обязательно вносится въ актъ вѣнчанія —кетубу. Когда женятся на дѣвицѣ, то назначаютъ ей 200 зузовъ; если женятся на вдовѣ, назначаютъ ей только 100 зузовъ, на случай смерти, или развода. Хотя бы мужъ не далъ женѣ письменнаго акта (кетубы), она получаетъ 200 зузовъ, если это было первое ея замужество и 100 зузовъ, если, вступая въ бракъ, она была вдовою; потому что это есть право, установленное закономъ. У евреевъ-караимовъ оправа или кладка называются также цѣною невинности.

По закопамъ Арменопуло, предбрачный даръ дается женщинѣ, внесшей приданое. «Если же она внесла часть приданаго, то получаетъ изъ предбрачнаго дара настолько, насколько дала приданаго, ибо надлежитъ во всѣхъ случаяхъ, а особливо въ бракахъ, наблюдать равенство и справедливость такъ, чтобы жена, ничего не давшая, ничего и не получила. Жена, не принесшая мужу приданаго, не можетъ присвоивать мужняго имѣнія въ счетъ предбрачнаго дара» (Арм. IV, II, § 12 и 15).

Мы увидимъ ниже, что на раннихъ ступеняхъ культуры количество приданаго соотвѣтствовало количеству предметовъ, даваемыхъ въ качествѣ кладки.

Въ одномъ изъ наиболѣе развитыхъ законодательствъ, финляндскомъ уложеніи, до недавняго времени существовали слѣдующія постановленія о предбрачномъ дарѣ: прежде вѣнчанія женихъ долженъ опредѣлить невѣстѣ предбрачный даръ, или въ движимомъ или недвижимомъ имуществѣ состоящій, а не въ обоихъ вмѣстѣ, во всякомъ случаѣ, на дѣвицѣ онъ женится или на вдовѣ. Если предбрачный даръ назначенъ въ земляхъ и въ недвижимомъ имѣніи, въ уѣздѣ состоящемъ, или въ домахъ и земляхъ, находящихся въ городѣ, родовое то будетъ или благопріобрѣтенное, и если по смерти мужа или въ то время, когда придется ей этотъ даръ выдѣлить, достаточна для того будетъ *третья доля той части*, которая принадлежитъ мужу въ общемъ ихъ движимомъ или недвижимомъ имѣніи, то жена да воспользуется имъ сполна, а еслибы брачный даръ превышалъ третью долю, то однакоже *не имѣетъ она права получить больше этой доли*. Если предбрачный даръ назначенъ въ движимомъ имуществѣ и на него достаточна будетъ *десятая доля* оставшейся по смерти мужа части, слѣдующей ему изъ общаго ихъ движимаго и недвижимаго имѣнія, то жена да воспользуется имъ сполна. А если онъ болѣе десятой доли, то уравнивается съ этой долей. Предбрачный даръ, въ движимомъ имуществѣ состоящій, остается

всегдашнею собственностью жены. Мужъ не долженъ давать женѣ своей въ предбрачный даръ больше, чѣмъ здѣсь сказано; но можетъ дать менѣе.

Если вспомнить, что и по древнему закону вестготовъ maximum того, что женихъ могъ дать невѣстѣ, опредѣлялось *десятою* частью его имущества (l. Visig. III 1, 5), а по франкскому кодексу оно не должно было превышать *третьей* части (l. Rip. 37, 2), то мы поймемъ тѣсную связь существовавшихъ до послѣдняго времени въ Финляндіи постановленій о предбрачномъ дарѣ съ нормами древнихъ кодексовъ о кладкѣ.

Такъ какъ предбрачный даръ на болѣе позднихъ ступеняхъ культуры не дается невѣстѣ, а только обезпечивается на имуществѣ мужа на случай вдовства, то онъ служитъ основаніемъ къ возникновенію права вдовы послѣ умершаго мужа на указную долю, legitima. Такъ какъ о правахъ наслѣдованія вдовы намъ придется еще говорить отдѣльно, то мы коснемся тамъ и тѣхъ опредѣленій о предбрачномъ дарѣ, которыя способствовали возникновенію указной доли вдовы на случай смерти мужа. Теперь же мы перейдемъ къ такъ-называемому приданому въ собственномъ смыслѣ, т.-е. къ тому имуществу, которое дается роднею невѣсты и сопровождаетъ ее въ замужество.

III.

Мы уже видѣли выше, что на раннихъ ступеняхъ культуры одновременно съ кладкой, даваемой женихомъ невѣстѣ, является приданое, имѣющее на первыхъ порахъ лишь форму подарковъ, даваемыхъ роднею невѣсты.

Мусульманскіе законы,—говоритъ г. Малышевъ,—на ряду съ кладкою или калымомъ (мехръ) отъ жениха, *не опредѣляютъ приданаго* отъ семьи невѣсты. но оно подчиняется у нихъ общимъ правиламъ *о дареніяхъ* (стр. 485).

У монголо-калмыцкихъ племенъ въ уложеніи 1640 г. была постановлена плата за невѣсту отцу ея и въ то же время требовалось, чтобы за такими невѣстами давали приданое соотвѣтственно взятому за нихъ платежу.

У татаръ, черемисовъ, чувашей и вотяковъ, казанской губерніи, приданое также обыкновенно дается по калыму [1]).

---

[1]) Миллеръ. Описаніе живущихъ въ казанской губерніи языческихъ народовъ. Спб. 1791 г. стр. 69—71.

Такой же обычай встрѣчаемъ мы и у русскихъ крестьянъ. «До сихъ поръ,—говоритъ г. Ефименко,—у крестьянъ принято за правило давать большее или меньшее приданое, смотря по состоянію жениха, которое свидѣтельствуется родителями невѣсты на жиросмотринахъ» [1]).

По русскому обычному праву, назначеніе приданаго дѣтямъ составляетъ, если не строго юридическую, то естественную нравственную обязанность добрыхъ родителей. Въ силу этого убѣжденія, приданое заготовляется родителями заблаговременно, иногда еще съ малолѣтства дочерей, или по мѣрѣ того, какъ онѣ подростаютъ. Платное приданое заготовляетъ обыкновенно мать, вмѣстѣ съ дочерями, а отецъ исподволь покупаетъ то, что̀ нельзя завести домашнимъ трудомъ. Приданое дается по обычаю не только родителями, но и всѣми, входящими въ составъ семьи членами, а именно братомъ, дядей, двоюроднымъ братомъ, зятемъ и т. д. Въ приданое даются обыкновенно движимыя вещи, какъ-то: икона, одежда, домашняя утварь, банникъ, скотъ, деньги, хлѣбъ и проч.

Въ Малороссіи платное приданое называется скрынею или худобою. Въ скрыню кладутъ полотно, хустки, рушники, настольники, скатерти, килимы, рядна, лижники (суконныя одѣяла), подушки, запаски, плахты и платки; а худобою называются корсеты, юбки, свиты, баранки и чоботы, вообще то, что̀ покупается а не приготовляется дома. (Чубинскій, Труды этногр. экси. VI, стр. 54, 55, 304—308).

У монголо-калмыцкихъ племенъ за невѣсту даются верблюды, лошади, коровы и овцы; соотвѣтственно тому количеству скота, которое дается за невѣстою, полагается приданаго платья, а также верблюды, лошади и домашняя утварь. (Малышевъ, 304—305).

У самоѣдовъ архангельской губерніи родители невѣсты взамѣнъ платы снабжаютъ ее приданымъ. Приданое состоитъ изъ чума съ нюками (оленьи шкуры, которыми покрывается чумъ), женскаго платья, хлѣба, масла, оленины, одѣяла, постели и пр. Приданое складывается на санки, число которыхъ пропорціонально числу оленей, данныхъ женихомъ за невѣсту; именно на каждый десятокъ оленей полагаются однй санки. Одинъ изъ пары оленей, которымъ запряжены сани, выбирается изъ числа оленей, данныхъ женихомъ за невѣсту, и назадъ родителямъ невѣсты тѣ олени не возвращаются. Даются еще двое саней, изъ которыхъ одни съ мужскою одеждою и снарядами для про-

[1]) Зап. Геогр. Общ., т. III, стр. 107.

мысловъ, вещами, предназначенными на подарокъ жениху; на другихъ ѣдетъ невѣста. (Матвѣевъ, 2, стр. 178).

У корелъ, въ свою очередь, одновременно съ платой существуетъ приданое. Приданое состоитъ въ коровѣ, чашкѣ, ложкѣ, тарелкѣ, солонкѣ, женскихъ сорочкахъ, которыхъ у богатыхъ невѣстъ бываетъ до 100, сарафанахъ, платкахъ, шубахъ, кафтанахъ, разной обуви и рукавицахъ. Родственники молодого, присутствующіе тутъ же, цѣнятъ приданое и молодой подаетъ на блюдѣ деньги тестю и тещѣ. Въ приморской Корелiи молодой за приданое платитъ по копѣйкѣ на каждый рубль оцѣночной суммы. Тесть и теща угощаютъ прибывшихъ обѣдомъ, и поѣздъ, получивъ приданое, возвращается домой. Когда пріѣзжаютъ домой, то молодая раскладываетъ для показа на столъ свое приданое и, кланяясь въ ноги свекрови, проситъ, чтобъ та выбрала для себя новую сорочку. Когда свекровь пересмотритъ приданое и выберетъ сорочку, молодая складываетъ его въ сундуки, чѣмъ заканчивается свадьба. (Тамъ же, стр. 107—108).

Приданое передается въ домъ жениха по русскому обычному праву до бракосочетанія или одновременно съ нимъ, но иногда и послѣ бракосочетанія. «Женихи стараются, чтобы приданое заблаговременно попало въ ихъ домъ. Поэтому все приданое, кромѣ платья, приготовленнаго для невѣсты, увозятъ домой вскорѣ послѣ высватанья, для того, чтобы не обманули ихъ, не отказали въ приданомъ. Деньги и ряженое количество хлѣба отдаются напередъ, до заключенія брака; скотъ, корову или быка уводятъ также до брака... Проводивъ невѣсту къ вѣнцу, родители ея въ то же время отправляютъ ближнюю родственницу свою, запостельную сватью, съ постелью и платнымъ приданымъ невѣсты въ домъ жениха... Послѣ вѣнца, сватья приглашаетъ родныхъ осмотрѣть у молодой приданое: «Сундуки у молодой не порозны»,—говоритъ она,—«смотрите!»

У татаръ казанской губ. приданое отправляется въ домъ жениха одновременно съ отъѣздомъ замужней татарки изъ родительскаго дома. Въ день отъѣзда, во время укладки вещей и приданаго отъѣзжающей, родня и знакомые приходятъ къ ней смотрѣть ея вещи и приданое. У чувашъ и черемисъ приданое отвозится въ домъ жениха одновременно съ невѣстою, до вѣнчанія; у ингушъ, осетинъ, абхазцевъ, кабардинцевъ и другихъ горскихъ племенъ Кавказа магометанскаго вѣроисповѣданія бракосочетаніе (накяхъ) совершается въ домѣ невѣсты, а затѣмъ, по уплатѣ калыма или условленной части его, увозятъ невѣсту вмѣстѣ съ приданымъ въ домъ жениха.

Изъ приведенныхъ до сихъ поръ данныхъ видно, что приданое на той ступени развитія, которая очерчена этими данными, состоитъ исключительно изъ движимаго имущества, изъ того, что̀ можетъ быть уложено въ коробъ, скрыню, изъ того, что можетъ быть принесено, отчего это приданое и носитъ названіе «коробья», «скрыни», «приносу», Eingebrachtes. Затѣмъ это приданое въ собственномъ смыслѣ вмѣстѣ съ тѣмъ, что̀ досталось невѣстѣ отъ калыма, составляетъ ея исключительное достояніе. Она не можетъ получить больше отъ своего рода, отъ своихъ родителей, такъ какъ она не имѣетъ права наслѣдованія въ своемъ родѣ и должна ограничиваться тѣмъ, что̀ ей дано во время свадьбы, но достояніе ея въ то же время не можетъ быть уменьшено ея мужемъ, принадлежитъ ей, а не ему.

Такія опредѣленія относительно характера и судьбы приданаго мы находимъ и въ древнихъ источникахъ права у европейскихъ народовъ, и въ обычномъ правѣ нашихъ инородцевъ и крестьянъ.

У лангобардовъ одновременно съ кладкой существовало и приданое въ собственномъ смыслѣ, т.-е. родители и вообще родня невѣсты давали за нею извѣстные предметы движимаго имущества, носившаго названіе faderfium. Оно давалось въ день выхода въ замужество и этимъ невѣста должна была ограничиваться [1]).

Таково же было положеніе женщины въ имущественномъ отношеніи и у другихъ германо-романскихъ народовъ на раннихъ ступеняхъ культуры (Grimm, стр. 449).

Лопари,—по словамъ фонъ-Поппмана,—даютъ въ приданое оленей, и эти олени называются безсмертными: это означаетъ, что число оленей должно быть всегда цѣло и неизмѣнно. (Матвѣева, Отд. 2, стр. 27).

У корелъ приданое также, въ случаѣ бездѣтной смерти жены, возвращается ея роднымъ (Тамъ же, стр. 108).

Въ проектѣ свода степныхъ законовъ 1841 г. постановлено: Въ числѣ вещей, составляющихъ отдѣльную собственность жены, считаются: одежды, нарядъ, деньги, скотъ и другая движимость, подаренные ей до свадьбы въ приданое. (Ст. 61. См. также Малышева, I, стр. 539).

---

[1]) Leg. Long. II, 14, 15. См. также Gans Erbrecht III, стр. 175, 188, 206). Или, говоря словами лангобардскаго закона: in hoc sibi sit contenta de patris aut fratris substantia quantum ei pater aut frater in die nuptiarum dederit et amplius non requirat. Послѣ смерти жены приданое это переходило къ ея дѣтямъ или родственникамъ. (Leg. Long. I. 9, 12. Gans. III, s. 176).

По русскому обычному праву, мужъ по смерти бездѣтной жены возвращаетъ безусловно все ея дѣвичье имущество, т.-е. «коробью», ея прежней семьѣ. «Въ рѣшеніяхъ судовъ нѣкоторыхъ волостей, напримѣръ, тростянской, самарскаго уѣзда, нѣтъ вовсе случаевъ взысканія съ мужа имущества, то-есть, коробьи покойной жены, такъ какъ мужъ по совѣсти долженъ возвратить его семьѣ покойной. Въ тростянской волости мужъ не наслѣдуетъ даже постели покойной жены; ему дается только благословенная икона. Между тѣмъ въ елховской и алексѣевской волостяхъ того же самарскаго уѣзда, постель всегда оставляется мужу покойной, и волостной судъ, присуждая ему постель, обыкновенно ссылается на общеизвѣстный мѣстный обычай» (Матвѣевъ. Отд. I, стр. 27, 28). При разводѣ или расходкѣ съ мужемъ, а также при вторичномъ выходѣ въ замужество, жена также получаетъ обратно свое приданое (Ефименко. Прид., стр. 110). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, по словамъ г-жи Ефименко, дѣлаютъ открыто перечень всѣхъ вещей, которыя даются за дѣвушкой, чтобы она могла принести ихъ въ цѣлости назадъ, если случится ей вернуться въ родную семью.

«Интересно наблюдать,—говоритъ еще г-жа Ефименко,—какъ сами крестьянки держатся за право неприкосновенности ихъ имуществъ. Кроткая, слабая женщина ожесточается, когда задѣвается это ея право. Она готова перенести всякія мученія, лишь бы сохранить имущество, на которое мужъ иногда, чаще въ пьяномъ видѣ, заявляетъ свои притязанія. Женщины жестоко порицаютъ и смѣются надъ тою изъ нихъ, которая, живя въ согласіи съ мужемъ, позволяетъ ему распоряжаться своимъ имуществомъ. Этотъ фактъ, встрѣчающійся изрѣдка въ крестьянствѣ, служитъ у женщинъ наиболѣе вѣскимъ аргументомъ противъ браковъ по любви. «Живи съ мужемъ не по любви, да по согласію, говорятъ онѣ, такъ онъ и выманитъ все твое добро, ни съ чѣмъ и останешься». Онѣ готовы цѣлую жизнь вести съ мужьями жестокую борьбу для огражденія своихъ имущественныхъ правъ» (Изслѣд. нар. жизни), стр. 93—95).

Вотъ изъ этихъ-то ростковъ, изъ этихъ элементарныхъ правилъ о приданомъ и выросъ тотъ институтъ приданаго, который мы находимъ въ X-мъ томѣ нашего Свода законовъ и въ нормахъ феодальнаго періода исторіи европейскихъ народовъ. Иначе говоря, приданое, какъ выдѣлъ изъ всего семейнаго имущества, движимаго и недвижимаго, сопровождаемый раздѣльностью имущества супруговъ, есть ближайшая ступень въ развитіи института приданаго. Но если это такъ, если приданое, въ качествѣ

выдѣла, слѣдуетъ непосредственно за очерченнымъ нами періодомъ, то самъ собою рѣшается вопросъ, кому на этой ступени развитія принадлежало это приданое, кто имѣлъ на него право, жена или мужъ, кому оно давалось. Вопросъ этотъ рѣшается въ смыслѣ совершенно противоположномъ тому, какъ рѣшилъ его покойный Оршанскій. Мы видѣли, что на очерченной нами ступени развитія приданое составляло принадлежность жены, давалось ей ея роднею для обезпеченія ея. Понятно, что когда съ теченіемъ времени приданое получило характеръ выдѣла дѣвушки-невѣсты изъ всего семейнаго имущества, то и право на этотъ выдѣлъ принадлежало ей, а не какому-то постороннему человѣку, берущему ее въ жены. Приданое въ формѣ выдѣла есть предварительное полученіе наслѣдства по случаю замужества, но въ такомъ случаѣ и право на это наслѣдство принадлежитъ той, которая получила въ этомъ періодѣ право наслѣдованія, а не пришлому человѣку. Такимъ образомъ, ходъ развитія отношеній мужа и жены къ приданому будетъ совершенно обратный тому, который указанъ Оршанскимъ. Оршанскій (стр. 246) усвоилъ мнѣніе Мацѣёвскаго, по которому права жены на приданое развиваются медленнѣе и позже, чѣмъ права мужа, между тѣмъ какъ дѣло выходитъ на оборотъ, а именно права мужа на приданое развиваются гораздо позже, чѣмъ права жены.

Указавъ въ настоящей статьѣ первые шаги въ развитіи имущественнаго положенія женщины, или вѣрнѣе на исходныя точки въ этомъ развитіи, я намѣренъ въ слѣдующей статьѣ прослѣдить дальнѣйшее развитіе имущественныхъ отношеній женщины по той схемѣ, на которую я уже указалъ вскользь въ началѣ этой статьи.

Полная раздѣльность имуществъ на раннихъ ступеняхъ культуры, имущественная самостоятельность женщины можетъ подлежать спору на томъ основаніи, что такая самостоятельность въ сферѣ имущественныхъ отношеній не соотвѣтствуетъ личнымъ отношеніямъ, существующимъ между супругами на этихъ ступеняхъ культуры. Неужели мыслимо полноправіе женщины въ имущественномъ отношеніи при безправіи въ личныхъ отношеніяхъ? Возраженіе это можетъ быть выражено въ болѣе конкретной формѣ: мужъ имѣетъ полную возможность убить жену и въ то же время ея имущество остается неприкосновеннымъ для него. Какъ объяснить такое внутреннее противорѣчіе?

Мы уже указывали выше, что неприкосновенность имущества жены для мужа находитъ полное объясненіе въ господствующихъ бытовыхъ формахъ—въ родовомъ бытѣ. Общій и верховный прин-

цинъ, которымъ руководятся люди въ то время, тотъ, что имущество не можетъ выходить изъ предѣловъ рода и если какая бы то ни было часть родового достоянія сопровождаетъ члена даннаго рода въ другой родъ, то лишь до его смерти, послѣ которой имущество это подлежитъ возврату въ прежній родъ. Въ виду этого основного принципа, имущество жены при экзогамической формѣ брака, т.-е. когда жена берется изъ другого рода, безусловно неприкосновенно для мужа. Съ теченіемъ времени родовая организація ослабѣваетъ, тѣмъ не менѣе принципъ неприкосновенности имущества жены для мужа сохраняется, какъ освященный обычаемъ.

Что касается личнаго безправія женщины на раннихъ ступеняхъ культуры, то безправіе это нисколько не больше безправія чужеродца вообще въ тѣ времена. Мужъ можетъ, конечно, убить жену, такъ какъ жизнь ея не находится подъ охраною чужого рода, но такой образъ дѣйствія можетъ вызвать месть членовъ того рода, къ которому жена принадлежала, и насколько извѣстно изъ жизни первобытныхъ народовъ, убійство и вообще дурное обращеніе мужа съ женою дѣйствительно вызываетъ месть ея родичей. Очевидно, что при такомъ положеніи дѣлъ, женщина, выданная замужъ, при господствѣ родовыхъ связей, не является столь безправной, какъ привыкли думать. Наконецъ, самая сдѣлка, по которой пріобрѣтается жена—купля, какъ я старался доказать въ началѣ статьи, вовсе не имѣетъ того характера, какой придаютъ этой сдѣлкѣ. Покупная цѣна, даваемая за невѣсту, не приравниваетъ женщину къ вещи, которою покупщикъ можетъ располагать по произволу, а есть символическій знакъ, съ помощью котораго устанавливаются извѣстныя отношенія между членами различныхъ общинъ, различныхъ родовыхъ группъ.

Такимъ образомъ, между личными и имущественными отношеніями супруговъ на раннихъ ступеняхъ культуры, внутренняго противорѣчія не существуетъ и только съ теченіемъ времени, когда такое противорѣчіе дѣйствительно образуется, имущественная самостоятельность женщины все болѣе и болѣе исчезаетъ.

М. Кулишеръ

БЕЛИНДА

Романъ, соч. Роды Броутонъ.

Окончаніе.

ПЕРІОДЪ III.

IX [1]).

Кончилась недѣля, и Райверсъ уѣхалъ. Жизнь Белинды потекла по старому. Погода перестала интересовать ее. Идетъ дождь или свѣтитъ солнце—ей все равно. Съ барометромъ она больше не совѣщается, за облаками не наблюдаетъ. Колокольчикъ у двери можетъ звонить сколько угодно, а она и ухомъ не ведетъ, когда сидитъ за Менандромъ или ведетъ душеспасительную бесѣду съ свекровью о томъ: когда и какъ схоронепъ супругъ послѣдней. Никакихъ пикниковъ и прогулокъ нѣтъ и въ помипѣ. Сама Сара, слишкомъ поздно убѣдившаяся въ опасности подобныхъ экскурсій, ограничивается съ толпой своихъ поклонниковъ безопасной игрой въ «lawn-tennis» на глазахъ у многочисленной публики, причемъ имъ нѣтъ возможности читать мысли въ ея глазахъ, или по крайней мѣрѣ сообщать ей о результатахъ такого чтенія. Жизнь миссисъ Фортъ вошла въ ту колею, въ которой протекала до пріѣзда Сары, но какъ перемѣнилось ея настроеніе! Куда дѣвалось мрачное недовольство, глухая борьба, рѣдкіе взрывы злобнаго смѣха и непрерывная и ѣдкая иронія? *Теперь*, если профессоръ бываетъ сердитъ, она добродушно пожимаетъ плечами. Онъ старъ! Онъ никого не хочетъ обидѣть! Онъ просто боленъ! Какое ей въ сущности до этого дѣло? Развѣ это

[1]) См. выше: іюль, 247 стр.

можетъ задѣть ее? Если онъ держитъ ее за работой гораздо долѣе положеннаго срока, она только сильнѣе наслаждается вечерней прогулкой въ саду и видомъ, и запахомъ распускающихся цвѣтовъ. Если онъ жалуется на боль въ сердцѣ или на печень, или на спинѣ, она готова всему вѣрить и симпатизировать, рекомендовать лекарства и сама подавать ихъ.

Никогда еще Сара не была такъ озадачена и сбита съ толку поведеніемъ сестры. Дѣло въ томъ, что хорошее настроеніе ея длится изо-дня въ день. Сознаніе, что за ней зорко слѣдятъ, и нежеланіе выдать себя могли бы сообщить ей обманчивую и кратковременную веселость, но не такое ясное, бодрое расположеніе духа, которое не измѣняется во все время, пока Сара гоститъ у сестры. И не почта, какъ сначала предполагала миссъ Чорчиль, помогаетъ ей въ этомъ.

Приходъ почтальона, очевидно, нисколько ее не волнуетъ; она не выказываетъ также ни малѣйшаго стремленія перехватывать свои собственныя письма — худшій изъ признаковъ на небосклонѣ супружеской жизни. Слѣдовательно, не тайная переписка придаетъ ей такой довольный и цвѣтущій видъ. Чтобы этотъ заводскій чернорабочій или, какъ тамъ его, мастеръ, что ли, получилъ вторичный отпускъ — представляется Сарѣ совсѣмъ невѣроятнымъ. Чтобы Белинда питала надежду съѣздить въ Мильнътропъ — кажется еще невѣроятнѣе. А чтобы она, удовольствовавшись тѣмъ, что увидѣла свою утраченную любовь, примирилась съ своей будничной жизнью и отказалась отъ прежняго — это кажется всего невѣроятнѣе.

Сара зорко слѣдитъ за сестрой: она видитъ, какъ ея строгія губы раздвигаются порою безпричинной, казалось бы, улыбкой; слышитъ, какъ она напѣваетъ про себя, поливая цвѣты, ловитъ ее иногда бѣгающей въ саду съ собаками. Но не можетъ уловить ея тайны. А время идетъ себѣ, да идетъ. Весенніе празднества, которыми обыкновенно заключается учебный семестръ въ Оксфордѣ, — окончены. Миссисъ Фортъ, провожая сестру, участвовала въ нихъ: она ѣздила и на балы, и въ театръ, но вездѣ и всегда проявляла спокойную, умѣренную веселость, равно не похожую и на неестественное оживленіе во время игры въ жмурки, и на апатичную угрюмость прежняго времени.

Вмѣстѣ съ семестромъ кончается срокъ пребыванія Сары у сестры, и на другой день послѣ ея отъѣзда, профессоръ направитъ свой путь въ Бернскій Оберландъ.

Наступило утро, когда миссисъ Фортъ предстоитъ разстаться съ сестрой. Въ послѣдній разъ Сара прохаживается по садику,

гдѣ она такъ часто гуляла съ Белиндой. Миссисъ Фортъ пришла къ ней изъ дому съ улыбкой, не успѣвшей отлетѣть съ ея лица.

— Ты какъ будто довольна?—могу я спросить, чѣмъ именно?

— О! пустяки! — отвѣчаетъ Белинда, снова готовая расхохотаться.—Собственно говоря, не хорошо смѣяться надъ ней, но такъ трудно удержаться. М-ръ Фортъ только-что прочиталъ ежедневныя молитвы своей матери, а она замѣтила ему послѣ того: —ты очень хорошо читаешь, мой другъ, но когда ты станешь постарше, то будешь читать еще лучше!

Сара тоже смѣется, но не особенно весело.

— И это единственная собесѣдница, съ которой тебѣ предстоитъ «tête-à-tête» въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ!

Белинда наклоняетъ свою хорошенькую головку въ знакъ отвѣта.

— Это чудовищно!—продолжаетъ миссъ Чорчиль съ усиленной энергіей гнѣва. — Это невѣроятно! мнѣ хочется пойти и высказать ему, что́ я о немъ думаю! Гдѣ онъ?—Съ угрожающимъ видомъ взглядываетъ она на окна дома.—Пусти меня, я хорошенько отчитаю его, пока онъ укладываетъ чемоданъ.

Въ ея голосѣ и на ея фарфоровомъ розовомъ личикѣ выражается такая рѣшимость, что Белинда со страхомъ удерживаетъ ее за руку.

— Не дѣлай этого! — это было бы безполезно. Развѣ ты позабыла пословицу о томъ, что не слѣдуетъ совать пальца «entre l'arbre et l'écorce?» Къ тому же я... я не хочу вовсе съ нимъ ѣхать.

При этихъ словахъ она слегка отворачиваетъ голову.

— Неужели ты думаешь, что онъ былъ бы пріятнымъ спутникомъ?—продолжаетъ она поспѣшно, видя, что сестра не отвѣчаетъ, а только пытливо глядитъ на нее.—Развѣ ты не помнишь, какъ намъ бывало стыдно, когда онъ считалъ гроши въ Дрезденѣ? Ѣхать съ нимъ путешествовать—значило бы обрекать себя непрерывно краснѣть за него.

— Конечно, тутъ предстоитъ выбирать изъ двухъ золъ,—спокойно замѣчаетъ Сара.—Не знаю, можетъ быть, меня ослѣпляетъ моя прежняя страсть, но лично я бы выбрала его.

— Неужели?

— Четыре мѣсяца! — повторяетъ миссъ Чорчиль, почти съ ужасомъ.—Сколько разъ въ продолженіе этого долгаго времени ты повторишь ей, кто ты такая и кто когда умеръ и похороненъ?

— Быть можетъ, въ концѣ-концовъ я тоже увѣрую, что

мой свекоръ живъ,—говоритъ Белинда, но съ такой неподдѣльной апостью, что Сара снова съ удивленіемъ взглядываетъ на нее.

— Четыре мѣсяца, — въ третій разъ повторяетъ она.—Неужели ты хочешь увѣрить меня, что безъ ужаса смотришь на такую перспективу?

— Конечно, это меня ужасаетъ.

Но въ голосѣ ея не только не слышно ужаса, но даже и простого недовольства.

— Какъ ты предполагаешь прожить это время?

— Какъ живутъ всѣ люди вообще.

Она опустилась на колѣни на зеленый дернъ и срѣзаетъ цвѣты для дорожнаго букета сестры.

— Буду ѣсть, пить, спать, зѣвать.

— И ты увѣрена, что никакого *другого* развлеченія у тебя не будетъ?—внезапно спрашиваетъ Сара.

На минуту садовые ножницы въ рукахъ миссисъ Фортъ перестаютъ рѣзать цвѣты, и краска заливаетъ не только ея лицо, но даже и бѣлую шею.

— Я... я не понимаю, что̀ ты хочешь этимъ сказать, — холодно произноситъ она,—о какомъ такомъ развлеченіи ты толкуешь?

— Белинда, — говоритъ Сара, опускаясь передъ ней на колѣни и хватая ее за руки,—нельзя ли мнѣ снова пріѣхать и раздѣлить твое одиночество? Я, можетъ быть, и не особенно интересная собесѣдница, но все же тверже помню немногіе, извѣстные мнѣ факты, нежели твоя бѣдная свекровь. Позволь мнѣ пріѣхать, пожалуйста, позволь.

Но руки, которыя она сжимаетъ съ такой мольбой, не отвѣчаютъ на ея пожатіе. Лицо сестры, отворачивающееся отъ нея, не выражаетъ и тѣни удовольствія при этомъ предложеніи. Безумное подозрѣніе мелькаетъ въ умѣ миссисъ Фортъ: что настоящее предложеніе Сары находится въ связи съ стремленіемъ Райверса навѣдываться въ Оксфордъ, что, быть можетъ, это условлено между ними и что въ этомъ-то и заключается секретъ ея желанія повторить свой визитъ въ Оксфордъ. Словомъ, чего только не придумаетъ безумная ревность, нашептывающая всякій вздоръ уму, готовому вѣрить ея внушеніямъ.

Подъ предлогомъ составленія букета, Белинда отняла свои руки, но спокойствіе покинуло ее: нераскрывшіеся бутоны такъ же безжалостно срѣзываются ея ножницами, какъ и распустившіеся цвѣты.

— И ты откажешься отъ поѣздки въ Шотландію,—говоритъ она сухо:—но что же скажетъ на это бабушка?

— Мнѣ рѣшительно все равно, что она скажетъ, — отвѣчаетъ Сара, скрывая глубокое разочарованіе въ томъ, какъ было принято ея предложеніе сестрой:—ты знаешь, что я никогда не обращала вниманія на слова бабушки и что въ этомъ, полагаю, и заключается тайна ея предпочтенія. Если бабушка единственное препятствіе...

— Я не могу быть такой эгоисткой,—поспѣшно перебиваетъ Белинда сестру.

— Ты не будешь эгоисткой, такъ какъ я сдѣлаю только то, что́ мнѣ нравится,—настаиваетъ Сара.—Думай, какъ хочешь, но мнѣ будетъ это пріятно.

Белинда поднялась съ колѣнъ и принялась рѣзать розы съ куста для своего букета.

— Это совсѣмъ лишнее, — говоритъ она, съ лихорадочной поспѣшностью срѣзая цвѣты:—ты борешься съ вѣтреными мельницами. Я не жалуюсь, я не боюсь одиночества. Я не считаю себя, какъ ты, несчастной, если пробуду пять минутъ наединѣ сама съ собой.

Въ ея словахъ слышится такое нетерпѣніе, что Сара неохотно уступаетъ и больше не возвращается къ этому вопросу. Кэбъ стоитъ у подъѣзда. Багажъ уже помѣщенъ на имперіалѣ, причемъ дѣло не обошлось безъ брани со стороны извощика. Пончъ, по просьбѣ миссисъ Форгъ, остается гостить у ней, чему ея собственная собачка нисколько не сочувствуетъ.

Наступила минута разставанья. Сара очевидно желаетъ проститься съ сестрой безъ свидѣтелей. Она отводитъ сестру обратно въ гостиную и запираетъ дверь.

— Белинда,—говоритъ она, холодно поцѣловавъ сестру и глядя ей въ лицо съ той серьезностью, которую раза два или три въ жизни, не болѣе, видѣла миссисъ Фортъ на веселомъ кукольномъ личикѣ сестры,—Белинда, я умываю руки въ твоей судьбѣ. Я хотѣла помочь тебѣ, какъ могла. У меня нѣтъ причины говорить это, я ничего не знаю и ты мнѣ ничего не скажешь, но я не могу не думать, что ты губишь себя, а съ собой и Давида Райверса!

И съ этими словами уѣзжаетъ. Уѣзжаетъ, не выглянувъ ни разу въ окно кэба, не махнувъ рукой на прощанье, позабывъ даже проститься съ собаками.

Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ Белинда не двигается съ мѣста. Затѣмъ бросается въ кресло профессора и закрываетъ лицо

руками. Ей хочется провалиться сквозь землю. Дневной свѣтъ рѣжетъ ей глаза. Ей хотѣлось бы закрыть ставни и забиться въ темный уголокъ. *Она губитъ себя, а съ собой и Давида Райверса!* Въ ушахъ у нея звенитъ. Много ли, мало ли остается она въ этомъ положеніи,—она не знаетъ. Но наконецъ негодованіе, просыпающееся въ ней, прогоняетъ стыдъ и она встаетъ съ мѣста.

Какъ не стыдно ея сестрѣ говорить ей такія вещи!—какое право, какой, хотя бы малѣйшій, предлогъ есть у ней такъ оскорблять ее? *Губитъ себя*! Скажите, пожалуйста! неужели исполнять съ строгой добросовѣстностью всѣ скучнѣйшія и даже противныя обязанности самой безотрадной жизни значитъ губить себя? Неужели быть безвозмезднымъ секретаремъ, сидѣлкой безъ жалованья, «souffre-douleur» безъ всякой надежды на избавленіе, узницей, оковы которой можетъ разрушить одна только смерть—значитъ губить себя? Если да, то она давнымъ давно погубила себя.

Она саркастически смѣется, лихорадочно прохаживаясь по комнатѣ! Если бы только Сара дала ей время это сдѣлать, то она нашла бы, что̀ ей отвѣтить. Но и это настроеніе проходитъ. Мало-по-малу гнѣвъ ея укладывается и другой голосъ просыпается въ душѣ. Губить себя! не значитъ ли это быть женой человѣка, котораго терпѣть не можешь, надъ слабостями котораго въ тайнѣ смѣешься, а отъ случайнаго прикосновенія содрогаешься? не значитъ ли это ждать не дождаться отъѣзда нелюбимаго мужа, считать часы, остающіеся до отъѣзда сестры, жить и дышать только одной надеждой, въ которой не смѣешь сознаться самой себѣ? Не значитъ ли это губить себя?!

Она опять закрываетъ лицо руками, и снова нестерпимымъ кажется ей дневной свѣтъ. А внутренній голосъ съ неумолимой ясностью и отчетливостью твердитъ:—да! да! да!

. . . . . .

Часа два спустя, профессоръ, поднявъ лицо, раскраснѣвшееся и разсерженное отъ продолжительной укладки чемодана, видитъ входящую къ нему блѣдную жену.

— Я пришла помочь вамъ,—кротко говоритъ она, но апатичнымъ и безучастнымъ голосомъ.

— Вы немножко поздно спохватились объ этомъ, — нелюбезно отвѣчаетъ онъ.—Еслибы я дожидался вашей помощи, то не далеко бы уѣхалъ.

— Я прощалась съ Сарой,—отвѣчаетъ она въ свое извиненіе и безъ всякаго раздраженія въ голосѣ.

— Она уѣхала ровно три съ половиною часа тому назадъ,— сухо возражаетъ онъ, взглядывая на часы.

Она больше не оправдывается, но опустясь на колѣни на полъ, начинаетъ безцѣльно перебирать дрожащими руками книги, разсѣянныя по ковру.

— Пожалуйста, осторожнѣе!—рѣзко кричитъ онъ,—вы не помогаете мнѣ, а только производите безпорядокъ.

— Ихъ слѣдуетъ уложить, неправда ли?—спрашиваетъ она, поднимая тяжелый «in-folio» и смиренно взглядывая на мужа.

— Я вынужденъ оставить Августина, Иринея и многія другія справочныя книги, такъ какъ везти ихъ съ собой было бы слишкомъ дорого, — отвѣчаетъ онъ, глядя сквозь очки на свои разбросанныя сокровища.—Я впрочемъ не особенно жалѣю объ этомъ, такъ какъ не беру съ собой секретаря...

Какъ она поблѣднѣла!—не больна ли она?

— А почему же вы не берете секретаря?—спрашиваетъ она тихимъ голосомъ.—Почему вы не берете *меня?*

Онъ переводитъ очки съ Иринея на ея лицо; но очевидно ему пріятнѣе было глядѣть на перваго, чѣмъ на второе.

— Вы ни разу не выразили желанія ѣхать со мной,—холодно отвѣчаетъ онъ.

Она опускаетъ голову, и сознаніе виновности вызываетъ краску на блѣдныхъ щекахъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? — но вѣдь я думала, что я вамъ не нужна.

Прежде чѣмъ отвѣтить, онъ молчитъ довольно долго, а сердце у ней бьется, бьется. Вдругъ онъ приметъ ея предложеніе. Но первыя же слова, которыя онъ произноситъ, успокоиваютъ ее.

— Я не вижу причины измѣнять свой планъ, — отвѣчаетъ онъ тономъ, ясно показывающимъ, какъ ему непріятно ея предложеніе.—*Я* ѣду ради здоровья, а вамъ, на ваше счастье, нѣтъ въ этомъ надобности.

Она вздыхаетъ съ облегченіемъ. Но теперь, когда опасность быть услышанной кажется не такой близкой, угрызенія совѣсти сильнѣе заявляютъ о себѣ. Обидная фраза Сары снова звучитъ въ ея ушахъ.

— Вы... вы забываете, что я остаюсь здѣсь совсѣмъ одна,— говоритъ она, нервно роясь въ только-что уложенномъ чемоданѣ.

— Съ вами остается моя матушка.

Она пожимаетъ плечами.

— Неужели ее можно считать обществомъ?

При такой капризной и несвоевременной оппозиціи, лобъ его сбирается въ сердитыя складки.

— Если вы такъ боитесь остаться наединѣ съ самой собой, то можете пригласить сестру пріѣхать раздѣлить съ вами одиночество.

Опять она виновато опускаетъ голову.

— Она... она не можетъ ко мнѣ пріѣхать.

— Я такъ и зналъ,—отвѣчаетъ онъ съ непріятной улыбкой, но врядъ ли вы можете упрекать меня за это.

Новая пауза. Она безцѣльно обертываетъ бумагой томы, которые не нужны ему и не отправятся въ Альпы. Она сдѣлаетъ послѣднее усиліе. Если оно останется втунѣ, никто, даже Сара, не будетъ имѣть право ее порицать.

— Вы не думаете о томъ, что я буду здѣсь очень скучать одна?—спрашиваетъ она, робко взглядывая на него.

— Вы всегда говорили мнѣ,—что не любите, мало того, терпѣть не можете всякія развлеченія, — раздражительно отвѣчаетъ онъ.

— Не теперь,—не теперь!—лихорадочно заявляетъ она.— Прежде я не любила, а теперь люблю. И даже еслибы не любила, то подумайте... четыре мѣсяца пробыть совсѣмъ одной!

— Вы очень преувеличиваете,—рѣзко возражаетъ онъ. Многіе изъ жителей Оксфорда уѣзжаютъ не раньше конца іюля, и многіе другіе возвращаются въ началѣ сентября.

— Какое мнѣ до нихъ дѣло,—волнуется она.—Они мнѣ не помогутъ.

Онъ молча пожимаетъ плечами, какъ человѣкъ, не удостоивающій терять словъ съ такимъ безразсуднымъ собесѣдникомъ.

— Вспомните, вѣдь я молода,—говоритъ она жесткимъ, хотя и тихимъ голосомъ, вставая съ колѣнъ и подходя къ нему.

— Мнѣ трудно забыть объ этомъ,—вы такъ часто твердите мнѣ о своей молодости,—отрѣзываетъ онъ.

— Только потому, что вы какъ будто постоянно забываете объ этомъ,—возвышаетъ она голосъ.

— Признаюсь, что не понимаю, какую роль во всемъ этомъ играетъ ваша молодость,—подсмѣивается онъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? — вспыхиваетъ она, какъ огонь.—Многіе мужчины сочли бы, что я слишкомъ молода, чтобы быть предоставленной самой себѣ... что я могу... попасть въ затруднительное положеніе.

Онъ снимаетъ очки, протираетъ ихъ и, снова надѣвъ на носъ, глядитъ на нее.

— Я полагаю, что послѣднее сказано въ шутку, хотя признаюсь, не понимаю, въ чемъ ея соль.

— Я такъ люблю шутки,—горько возражаетъ она,—и мы такъ часто шутимъ другъ съ другомъ,—неправда ли?

— Мнѣ трудно признать такое замѣчаніе серьезнымъ,—огрызается онъ.—Какія затрудненія могутъ предстоять вамъ подъ кровомъ вашего собственнаго дома и при спокойномъ выполненіи вашихъ обязанностей? Я считаю ваши опасенія совершенно неосновательными.

Вмѣсто отвѣта, она вдругъ отходитъ отъ него. Тягостное признаніе, готовое сорваться съ ея устъ, замираетъ.

— Вы, очевидно, питаете ко мнѣ самое лестное довѣріе,—вторитъ она его тону.—Не знаю только, чѣмъ я его заслужила.

Профессоръ не отвѣчаетъ и сосредоточиваетъ все свое вниманіе на книгахъ съ видомъ человѣка, считающаго вопросъ покончennымъ.

Жена нерѣшительно наблюдаетъ за нимъ.

— Не понимаю, къ чему намъ ссориться,—говоритъ она, наконецъ, смущеннымъ голосомъ.—Я вовсе не затѣмъ пришла сюда. Я пришла просить васъ... совсѣмъ серьезно... (онъ не замѣчаетъ легкаго колебанія, съ какимъ она произноситъ эти слова) взять меня съ собой.

На такую категорическую просьбу ему нельзя не отвѣтить также категорически.

— Окончательно ничего не понимаю,—съ неудовольствіемъ произноситъ онъ.—Подъ конецъ, когда всѣ мои планы обдуманы и вполнѣ составлены, и не могутъ быть измѣнены безъ большихъ для меня хлопотъ, вы вдругъ желаете поставить ихъ вверхъ дномъ. Еслибы у васъ были основательные доводы... (Богу извѣстно, что у нея есть основательные доводы, но, взглянувъ на суровое, отталкивающее лицо мужа, она чувствуетъ, что скорѣе умретъ, чѣмъ скажетъ ихъ ему)... но такъ какъ,—продолжаетъ онъ съ видомъ холоднаго судьи и не считая нужнымъ докончить первой фразы,—все это очевидно пустой капризъ...

— Это не капризъ,—перебиваетъ она.

— Если такъ, то докажите,—и онъ поворачивается къ ней спиной.

Она дѣлаетъ жестъ, что уступаетъ силѣ обстоятельствъ. Къ чему бороться далѣе? Но что-то толкаетъ ее употребить послѣднее усиліе.

— Вы знаете, что у женщинъ не бываетъ доводовъ,—смѣется она смѣхомъ, похожимъ больше на рыданіе,—но иногда ин-

стинктъ лучше руководитъ ими. Я думаю... я полагаю, что будетъ лучше, если вы возьмете меня съ собой.

Онъ сердито поворачивается къ ней, взбѣшенный ея настойчивостью.

— Быть можетъ, вы будете такъ добры и выскажете мнѣ причины, побуждающія васъ толковать объ этомъ, конечно, если въ нихъ есть хоть капля здраваго смысла.

— Я не буду мѣшать вамъ,—смиренно продолжаетъ она, и доходитъ до того, что кладетъ свою красивую руку на рукавъ его сюртука:—конечно, мое общество не можетъ быть для васъ интересно, но я могла бы быть вамъ полезна; я могу укладывать и раскладывать ваши вещи; я знаю всѣ ваши привычки. Странно было бы (съ печальной усмѣшкой), еслибы я ихъ не знала,—и еслибы у васъ повторялись ваши припадки, я могла бы ухаживать за вами!

Она все сказала и теперь, замирая, ждетъ рѣшенія своей участи. Съ минуту онъ молча и подозрительно глядитъ на нее.

— Это будетъ совершенно безполезной тратой денегъ,—говоритъ онъ, наконецъ.

— Я не разсчитываю ни на какія удобства,—продолжаетъ упрашивать она тѣмъ ревностнѣе, чѣмъ страстнѣе жаждетъ отказа:—я не пью вина и не много ѣмъ.

— Вотъ еще выдумали!—сердито подсмѣивается онъ.—Неужели вы такъ наивны, что воображаете, что въ гостинницахъ справляются объ аппетитахъ, когда пишутъ счеты?

— Я готова ѣхать въ третьемъ классѣ, мнѣ не нужно отдѣльной комнаты, я готова на всякія лишенія,—умоляетъ она.

— Вѣрно, вѣрно!—сердится онъ,—но все-таки это увеличитъ путевыя издержки вдвое.

— А хотя бы?—твердо произноситъ она, такъ какъ непритворно рѣшила до конца отстаивать свою просьбу,—что-жъ за бѣда? вы богаты и... понижая голосъ... у васъ нѣтъ наслѣдниковъ.

Быть можетъ, послѣдній доводъ не особенно удаченъ. Никто не любитъ, чтобы ему напоминали, что онъ будетъ послѣдній въ родѣ.

Во всякомъ случаѣ лицо профессора при этихъ словахъ стало сердитѣе прежняго.

— Довольно объ этомъ,—произноситъ онъ съ твердостью, не допускающей возраженій.—Я рѣшилъ по причинамъ, которыя считаю вполнѣ уважительными, ѣхать одинъ и не перемѣню этого рѣшенія.

— Какъ вамъ угодно,—отвѣчаетъ она, кивая въ знакъ согласія, причемъ щеки ея покрываются радостнымъ румянцемъ, а глаза весело сверкаютъ:—конечно, вамъ лучше знать, какъ вамъ поступать, но я слыхала отъ добрыхъ людей, что «погонишься за мелкимъ и потеряешь крупное».

X.

Профессоръ съ недѣлю, какъ уѣхалъ. За это время миссисъ Фортъ имѣла случай испытать искренность своего стремленія къ одиночеству. Быть можетъ, чистая совѣсть поддерживаетъ въ ней бодрость духа. Всѣ мы знаемъ, положительнымъ или отрицательнымъ образомъ, что нѣтъ лучше вещи въ мірѣ, какъ спокойная совѣсть; что ничто не придаетъ такого аппетита и не производитъ такого радостнаго возбужденія. А кто можетъ въ этомъ отношеніи поспорить съ Белиндой? Развѣ она не старалась изо всѣхъ силъ, чтобы мужъ взялъ ее съ собой? и когда онъ на отрѣзъ отказалъ ей въ этомъ, развѣ она не позаботилась, какъ самая вѣрная жена, уложить съ нимъ рѣшительно все, что́ могло ему понадобиться во время санитарной экскурсіи, за одиночество которой *она*, по крайней мѣрѣ, не отвѣтственна.

Развѣ она забыла его спиртовую лампу? или его пуховое одѣяло? или его подушку, надуваемую воздухомъ? Развѣ она позабыла, какъ могла бы сдѣлать другая, хотя бы и добродѣтельная жена, уложить жестянку съ удобоваримыми бисквитами? Или капли отъ припадковъ сердца, или пилюли отъ печени, или катышки отъ сплина?

Что, кромѣ сознанія тщательно и великодушно исполненнаго долга, могло заставить ее такъ дружески махнуть рукой на прощанье и съ такой ясной улыбкой прокричать вслѣдъ:—bon voyage! Прикинуться печальной отъ того, что онъ уѣзжаетъ, было бы пелѣно, и онъ повѣрилъ бы этому такъ же мало, какъ и она сама! Но она безъ всякаго лицемѣрія пожелала ему добраго пути.

Возвращаясь домой, она останавливается, чтобы поднять маленькій камешекъ. Онъ такъ ярко сверкаетъ.

Что это? не агатъ ли или бериллъ?

Ба!—она бросаетъ его снова на землю, это простой голышъ, но недавній дождь и теперешнее яркое солнце временно превратили его въ брилліантъ.

Но такая же точно блестящая метаморфоза произошла со

всѣмъ, что́ она видитъ. Никогда еще кусты не казались такими цвѣтущими, никогда еще ея маленькая, мѣщанская гостиная не представлялась такой парадной. Даже собаки, давно знакомыя собаки, сегодня кажутся какими-то веселыми гостьями, а пошлости, изрекаемыя понугаемъ съ оксфордскимъ, кислымъ акцентомъ, звучатъ сегодня совсѣмъ иначе.

Она расхаживаетъ по комнатамъ, точно обозрѣваетъ свои владѣнія. Теперь они принадлежатъ ей безраздѣльно, ей одной. Собаки тоже какимъ-то чутьемъ догадываются, что теперь на ихъ улицѣ праздникъ, что онѣ могутъ безпрепятственно валяться на креслахъ и дразнить кошку, сколько душѣ угодно. Что въ домѣ нѣтъ больше разстроенныхъ нервовъ, худого пищеваренія и учености. Проходятъ часы и дни, а собаки и ихъ хозяйка все такъ же веселы и не унываютъ.

Ежедневно видитъ послѣдняя, какъ проѣзжаютъ мимо ея оконъ экипажи, тяжело нагруженные и увозящіе ея земляковъ на всѣ четыре стороны свѣта. Она напутствуетъ ихъ добрыми пожеланіями, но ни капельки не завидуетъ имъ.

Ей хорошо и дома, ей и въ Оксфордѣ весело и пріятно. Даже прощальныя слова Сары, показавшіяся сначала такими язвительными, постепенно утрачиваютъ свое жало. Сначала она вспоминаетъ о нихъ съ негодованіемъ, затѣмъ равнодушно, а наконецъ съ нѣкотораго рода философскимъ пренебреженіемъ.

— Такія клеветы оскорбительны для тѣхъ, кто ихъ говоритъ, а не для тѣхъ, противъ кого онѣ направлены,—утѣшаетъ она себя.

Она не безъ удовольствія перебираетъ въ умѣ кругъ хорошо исполненныхъ ею обязанностей. Никто не могъ бы быть добросовѣстнѣе ея въ этомъ отношеніи, принимая во вниманіе характеръ этихъ обязанностей. Въ довершеніе всего она добровольно наложила на себя новое занятіе, которое намѣревается выполнить во время отсутствія мужа: она рѣшила составить новый каталогъ его библіотеки и поднести ему этотъ сюрпризъ, когда онъ вернется. Что касается ежедневнаго дежурства у свекрови, то она не только не пренебрегаетъ имъ, но еще удлинила на цѣлый часъ свое пребываніе въ ея комнатѣ. Сидѣлка готова цѣловать у ней ноги за такое облегченіе ея труда.

. . . . . .

Іюнь на исходѣ. Сегодня второе воскресенье, которое предстоитъ миссисъ Фортъ провести въ одиночествѣ. Первое не было отмѣчено ничѣмъ особеннымъ. Белинда и не ждала ничего особеннаго. Правда, что она даже самой себѣ не признается, что

ждетъ вообще чего-нибудь особеннаго отъ всѣхъ воскресныхъ дней. Тѣмъ не менѣе, сегодня она проснулась въ такомъ возбужденномъ состояніи, что должна найти предлогъ, чтобы объяснить его самой себѣ. Воздухъ такой чудный. Запахъ скошеннаго сѣна доносится до самаго города; онъ ощутителенъ на улицахъ и на рынкѣ, тѣмъ болѣе на ея загородной виллѣ. Она всегда любила воскресные дни; это ея любимый день, въ особенности въ городѣ съ такимъ сильнымъ колокольнымъ звономъ, какъ Оксфордъ.

Она одѣвается съ твердымъ рѣшеніемъ ничего не измѣнять въ своемъ обычномъ воскресномъ нарядѣ и ничего не прибавлять къ нему. Поступить иначе—значило бы сознаться самой себѣ, что чего-то ждешь отъ этого воскресенья. Быть можетъ, ею руководитъ также безсознательное суевѣріе, по которому ждать чего-нибудь зарапѣе, значитъ навѣрное не дождаться.

Она читаетъ молитвы для своей свекрови съ такой же набожной отчетливостью, какъ еслибы эта бѣдная старая лэди могла понять, или хотя бы только замѣтить, что ей читаютъ. Сама она находитъ это дѣло вполнѣ безполезнымъ. Но мужъ поручилъ ей его и она не желаетъ оставить его невыполненнымъ. Окончивъ молитвы и сообщивъ свекрови извѣстіе о смерти ея мужа, которое она принимаетъ съ обычнымъ, радостнымъ удивленіемъ, Белинда весело надѣваетъ шляпу, чтобы идти въ церковь.

По дорогѣ ей припоминается другая одинокая прогулка въ церковь въ Фолькстонѣ, ей припоминается тогдашняя жестокая стужа, окованная льдомъ земля и ея собственное, еще болѣе оледенѣлое сердце. Какъ сильно все перемѣнилось съ тѣхъ поръ, и земля, и она сама. Отчего перемѣнилась земля, понятно:—наступило лѣто. Но отчего въ ней произошла такая перемѣна? Этотъ вопросъ она предпочитаетъ оставить безъ отвѣта.

Церковная служба коротка и приспособлена къ современному нетерпѣнію, заставляющему насъ дивиться терпѣливости нашихъ предковъ. Но Белиндѣ и эта служба кажется продолжительной. Поетъ ли она, стоитъ ли она на колѣняхъ или внимательно слушаетъ, одна, одна неотступная мысль преслѣдуетъ ее:—когда это будетъ? Гдѣ это будетъ? Какъ долго это продлится? Эта мысль не покидаетъ ее у дверей церкви, но слѣдуетъ за нею по пятамъ, по дорогѣ, залитой солнцемъ. Ахъ! вотъ и цвѣты! вотъ и отвѣтъ.

На перекресткѣ, неподалеку отъ ея дома, въ сторонѣ отъ расходящихся изъ церкви людей и на глазахъ одного только торговца молокомъ, который безпечно посвистываетъ, склоняясь

надъ своимъ грузомъ—стоитъ онъ. Хотя каждое мгновеніе, со времени ихъ разлуки, было только предвѣріемъ и предуготовленіемъ къ настоящему моменту, она вздрагиваетъ отъ удивленія, какъ будто то, что́ она видитъ, было для нея сюрпризомъ.

— *Вы* здѣсь?—произноситъ она голосомъ, выражающимъ крайнее удивленіе, которое казалось бы натуральнымъ, еслибы только голосъ не дрожалъ и не ломался.—Вы, кажется, свалились съ облаковъ?

Онъ не тотчасъ отвѣчаетъ. Онъ еще не сладилъ съ тѣмъ сильнымъ впечатлѣніемъ, какое всегда производитъ на него ея появленіе, когда онъ нѣкоторое время не видѣлъ ее. Это впечатлѣніе можно сравнить съ тѣмъ, какое испытываетъ человѣкъ при видѣ Ніагары, океана или вообще чего-нибудь великаго и грандіознаго. Она гораздо красивѣе, чѣмъ онъ ее себѣ представлялъ! какой у нея набожный, цѣломудренный видъ. Вѣроятно, и другія женщины до нея держали въ рукахъ большіе молитвенники по выходѣ изъ церкви, но для него это представляется зрѣлищемъ такой красоты, граціи и святости, какого еще никогда не бывало въ мірѣ. Наконецъ:

— Развѣ это васъ удивляетъ?—спрашиваетъ онъ, все еще не вполнѣ опомнившись,—помните...

— Я боюсь, что всѣ ваши знакомые разъѣхались,—торопливо перебиваетъ она его.

— Вы думаете?—отвѣчаетъ онъ, съ равнодушіемъ, которое не пытается даже скрыть,—вѣроятно, даже можно сказать навѣрное.

Ужъ не молитвенникъ ли дѣлаетъ ее такой неприступной?

— Вы пріѣхали изъ Іоркшира? — поспѣшно спрашиваетъ она, не давая ему опомниться и желая, повидимому, вести разговоръ въ томъ вѣжливомъ и церемонномъ тонѣ, какой онъ принялъ съ самаго начала.

— Да.

— Вамъ вѣрно было жарко въ вагонѣ?

— Я ѣхалъ ночью.

— Вы любите ночные поѣзда? Я ихъ не люблю; но потому, конечно, что не могу спать. Вы, можетъ быть, спите?

— Я не спалъ.

Послѣднія слова звучатъ какъ бы упрекомъ. Что съ ней сдѣлалось? Неужели для того, чтобы выслушивать эти холодныя банальности, онъ мчался къ ней цѣлую ночь на всѣхъ парахъ, не смыкая глазъ, забывая о покоѣ? Спалъ ли онъ, когда надѣялся ее увидѣть? Какъ это правдоподобно!

Они подходятъ къ воротамъ дома и останавливаются. Она не проситъ его войти и вообще не проявляетъ никакого стремленія къ гостепріимству. Но этого онъ не ждетъ и не желаетъ. Онъ даже отказался бы войти, еслибы она его и пригласила. Онъ не желаетъ вкушать хлѣба-соли подъ кровлей профессора Форта. Что-то подсказываетъ ему, что она не долго простоитъ у воротъ и что если онъ не воспользуется настоящимъ моментомъ, то она уйдетъ и онъ можетъ вернуться въ Мильтропъ, съ чѣмъ пріѣхалъ.

— Вамъ понравится здѣшній воздухъ послѣ вашего мильтропскаго дыма,—съ улыбкой говоритъ она, берясь за щеколду.

— Что вы дѣлаете обыкновенно въ воскресенье послѣ полудня?—поспѣшно спрашиваетъ онъ.—Какъ вы проводите время?

— Что я дѣлаю?—что вы хотите этимъ сказать?

— Ходите ли вы въ церковь?—торопится онъ, засовывая руки въ карманы, чтобы не поддаться желанію схватить ее за руки и удержать.

Она взглядываетъ на домъ, точно собирается бѣжать отъ него.

— Н-нѣтъ,—медленно произноситъ она:—очень рѣдко.

— Что же вы дѣлаете? гуляете?

— Иногда, какъ случится, если нѣтъ дождя, если я расположена.

— И... и у васъ есть какое-нибудь любимое мѣсто для гулянья?

Она опять взглядываетъ на домъ, изъ котораго несется нетерпѣливый лай собакъ, докладывающій ей, что онѣ знаютъ, что она пришла и спрашиваютъ ее, почему она медлитъ.

— И... нѣтъ!—говоритъ она, отворяя калитку.—Разумѣется, стыдливо торопится она,—я люблю коллегіальные сады; кто же ихъ не любитъ; но,—съ внезапнымъ раскаяніемъ въ этой уступкѣ,—я не часто туда хожу, потому что туда не пускаютъ собакъ.

Она отворила калитку и вошла. Ему остается одно только мгновеніе.

— Который вашъ любимый садъ? Куда вы чаще ходите?—съ отчаяніемъ кричитъ онъ ей вслѣдъ.

— Не знаю; у меня нѣтъ любимаго; я всѣ люблю одинаково.

— Это значитъ, что вы не хотите мнѣ сказать,—говоритъ онъ съ страстнымъ разочарованіемъ въ голосѣ и снявъ шляпу, поворачивается, чтобы уходить.

Но въ то время, какъ онъ тихо бредетъ по дорогѣ, говоря себѣ, что разъигралъ дурака, до него доносится какъ бы шопотъ:

— Многимъ нравится всего болѣе садъ коллегіи св. Бригитты.

Белинда по обыкновенію окончила полдникъ въ одиночествѣ. Главное и, быть можетъ, единственное преимущество одиночнаго вкушенія пищи состоитъ въ томъ, что вы не обязаны ѣсть, когда вамъ не хочется.

Для Попча и его подруги осталось навсегда загадкой, почему въ это воскресенье ихъ такъ щедро накормили ростбифомъ.

Послѣ полдника Белинда отправляется по обыкновенію дежурить въ комнату свекрови. Сегодня ей приходится просидѣть съ ней долѣе обыкновеннаго, такъ какъ сидѣлка, привыкнувъ къ снисходительности своей молодой госпожи, опаздываетъ на цѣлыхъ двадцать минутъ. Но вернувшись, впервые находитъ молодую миссисъ Фортъ недовольной и въ нетерпѣніи. И однако, оставивъ комнату свекрови, она какъ будто сама не знаетъ, что ей съ собой дѣлать.

Собаки глядятъ на нее: одна—лежа, другая—сидя, стараясь прочитать свою судьбу въ ея глазахъ. Право было бы сгыдно обмануть ожиданія этихъ бѣдныхъ животныхъ. Она не пойдетъ въ садъ, а возьметъ ихъ съ собой въ поле. И однако не зоветъ ихъ. Въ сущности не слѣдуетъ баловать ихъ и стѣснять свою свободу, взявъ ихъ съ собой.

Она пойдетъ куда глаза глядятъ, безъ всякаго опредѣленнаго, заранѣе составленнаго плана. Но странное дѣло: послѣ нѣкоторыхъ колебаній глаза приводятъ ее въ садъ св. Бригитты.

Переплетающіяся верхушки вязовъ надъ головой; подъ ногами густой коверъ полевыхъ цвѣтовъ; слѣва небольшая классическая рѣчка и паркъ съ сѣрымъ оленемъ; справа священный коллегіальный лугъ, который никогда не попирается ничьей посторонней ногой, кромѣ косцовъ, только-что сложившихъ въ копны душистую траву.

Вверху, внизу, кругомъ—тишина и спокойствіе. Хотя этотъ садъ и лучше другихъ, но его неохотно посѣщаетъ публика. Воскресные гуляки, клерки и модистки не ходятъ въ него. Онъ почти пустыненъ и какъ будто принадлежитъ ей одной. Съ каждымъ воскресеньемъ, по мѣрѣ того какъ городъ дѣлается безлюднымъ, садъ будетъ все болѣе и болѣе принадлежать ей.

Она медленно идетъ по аллеѣ; никто не можетъ сказать, чтобы она сегодня спѣшила болѣе чѣмъ обыкновенно. Она направляется къ скамейкѣ, которую обыкновенно никто у ней не оспариваетъ. Но сегодня она издали видитъ, что кто то сидитъ на ней. И должно быть, знакомый, потому что, завидя ее, торопливо идетъ ей на встрѣчу, веселый и довольный. Ага! сегодня не такъ, какъ тогда въ Grosse-Garden. *Сегодня* не она пришла

первая. Сегодня ее не заставляютъ ждать. Хотя, конечно, нельзя и сравнивать того и этого раза. *Никто* не скажетъ, что *сегодня* она идетъ на rendez-vous.

Онъ не считаетъ нужнымъ извиниться или объяснять свое появленіе и не обращаетъ никакого вниманія на ея тщетныя и неловкія усилія представиться удивленной.

— Итакъ мы опять встрѣтились!

— Сядемъ здѣсь,—указываетъ онъ на скамейку, съ которой только-что всталъ.

Съ минуту она колеблется, затѣмъ нерѣшительно отвѣчаетъ:

— Пожалуй; я каждое воскресенье сижу здѣсь.

Право же она ни въ чемъ не отступаетъ отъ обычныхъ привычекъ. Онъ садится рядомъ, но не очень близко, потому что видитъ, какъ она со страхомъ мѣряетъ разстояніе между ними; по безпокоиться право не о чемъ: они сидятъ достаточно далеко другъ отъ друга. Какъ тихо вокругъ! Не слышно голоса человѣческаго и даже колокольный звонъ не долетаетъ изъ города. Всѣ, должно быть, въ церкви. Неужели она въ самомъ дѣлѣ тутъ съ нимъ? Можетъ быть, если онъ заговоритъ, она этому повѣритъ.

— Итакъ вы здѣсь совсѣмъ одне?

— Со мной собаки.

— Но кромѣ собакъ никого? ваша сестра не съ вами?

— Развѣ вы думали, что она здѣсь? развѣ вы ожидали найти ее здѣсь? — поспѣшно спрашиваетъ миссисъ Фортъ, при чемъ яркая краска заливаетъ ея лицо.

Онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о причинѣ этого румянца, но знаетъ только, что онъ очень ей присталъ. Господи! существовала ли когда другая такая прелесть на свѣтѣ?

— Я... я не знаю,—разсѣянно отвѣчаетъ онъ,—я... я совсѣмъ не думалъ объ этомъ.

Ошибочно перетолковывая его чувства, какъ мы часто это дѣлаемъ относительно тѣхъ людей, которые черезъ-чуръ или недостаточно интересуютъ насъ,—она приписываетъ нерѣшительность его отвѣта совсѣмъ не той причинѣ, какая есть въ дѣйствительности.

— Сара предлагала мнѣ остаться со мной,—сухо говоритъ она, выпрямляясь и глядя передъ собой,—но я не могла быть такой эгоисткой и принять отъ нея эту жертву. Я не рѣшусь никого осуждать на такую скучную жизнь, какъ моя.

Въ ея тонѣ слышится раздраженіе, котораго онъ не умѣетъ объяснить себѣ; но не перебиваетъ ее. Онъ готовъ вѣчно слушать музыку ея словъ.

— Я не по своей винѣ осталась здѣсь одна,—продолжаетъ она, не безъ рѣзкости:—я хотѣла ѣхать въ Швейцарію вмѣстѣ съ м-ромъ Фортомъ. Я просила его взять меня съ собой.

— И онъ отказалъ?—спрашиваетъ онъ съ глубокимъ недовѣріемъ въ голосѣ.

Она хотѣла осчастливить своимъ присутствіемъ человѣка, и онъ могъ отказать ей. Хотѣлось бы знать, какъ она просила его? Обнявъ его шею? Со слезами и поцѣлуями? Онъ содрогается.

— Ему было неудобно взять меня,—равнодушно отвѣчаетъ она:—это не входило въ его разсчеты.

Въ сердцѣ молодого человѣка загорается такой огонь негодованія, что слова безсильны передать его. Но часть этого жара прорывается въ его отвѣтѣ:

— Онъ нашелъ неудобнымъ взять васъ съ собой и не нашелъ удобнымъ оставаться съ вами, и такимъ образомъ вы теперь одни и скучаете.

Что-то въ его тонѣ, какая-то ироніи пополамъ съ бѣшенствомъ снова будитъ успувшую-было въ ней тревогу.

— Я одна,—поспѣшно отвѣчаетъ она,—но мнѣ не скучно; никогда еще въ жизни мнѣ не было менѣе скучно, чѣмъ теперь; я не вижу, какъ проходятъ дни.

— Но вы только-что сказали... — возражаетъ онъ, сбитый съ толку противорѣчіемъ въ ея показаніяхъ.

— Что за дѣло до того, что я сказала? — перебиваетъ она съ короткимъ, нервнымъ смѣхомъ.—Кому же мнѣ и противорѣчить, какъ не самой себѣ.

Проходитъ престарѣлая чета, рѣдкіе изъ гуляющихъ въ этомъ саду.

Белинда рада ихъ появленію. Она желала бы, чтобы публики было больше. Пусть не думаютъ, что она скрывается отъ глазъ публики.

Когда они проходятъ, она невольно возвышаетъ голосъ. Она ничего не говоритъ такого, чего бы другіе не могли слышать! Какое счастіе, когда нечего скрывать отъ глазъ цѣлаго свѣта.

По мѣрѣ того, какъ часы бѣгутъ, ея счастливое настроеніе все растетъ и растетъ. Но какъ они бѣгутъ! Она не можетъ не знать этого, такъ какъ съ вершины кардинальской башни, возвышающейся надъ деревьями, звучные колокола возвѣщаютъ о каждой протекшей четверти часа. Какъ скоро они слѣдуютъ другъ за другомъ! Сколько уже ихъ пронеслось? Она не рѣшается освѣдомиться объ этомъ. Хотя и неизвѣстно почему. Вѣдь то же самое повторяется каждое воскресенье. Она всегда поздно воз-

вращается съ прогулки въ этотъ день. Наконецъ, она вздрагиваетъ, когда семь часовъ торжественно бьютъ въ воздухѣ, и встаетъ съ мѣста.

— Уже семь часовъ! — торопливо говоритъ она. — Мы должны идти или насъ запрутъ.

Быть запертымъ съ ней въ этомъ зеленомъ гнѣздѣ съ звѣздами надъ головой, вмѣсто ночниковъ! Какъ можетъ она дѣлать такія предположенія! Нѣсколько минутъ проходятъ прежде чѣмъ онъ успѣваетъ настолько справиться съ безумнымъ волненіемъ, вызваннымъ ея словами, чтобы отвѣтить съ достаточнымъ спокойствіемъ:

— Если вы каждое воскресенье гуляете здѣсь, то полагаю, что придете сюда и въ будущее воскресенье?

— Но *вы* не пріѣдете! — кричитъ она, останавливаясь, — они уже медленно уходятъ изъ сада, — и взглядывая на него.

— Вы мнѣ это запрещаете? — тихо спрашиваетъ онъ.

— Да, запрещаю! — волнуется она: — да, да, да! то-есть, — поправляется она, — конечно, вы вольны поступать, какъ вамъ вздумается, я не имѣю права вамъ приказывать, но если вы позволите мнѣ дать вамъ совѣтъ, — первно смѣется она, — то я скажу, что это будутъ лишнія издержки... какъ и на мое путешествіе въ Швейцарію. Не совсѣмъ прилично напоминать вамъ объ этомъ, но вѣдь вы знаете, что вы бѣдны до тѣхъ поръ, пока патентъ еще не взятъ, — лихорадочно улыбается она. — Я не могу дозволить, чтобы вы бросали деньги за окно.

— А въ воскресенье черезъ двѣ недѣли?

Отвѣтъ ея заставляетъ себя долго ждать. Ему предшествуетъ внутренняя борьба, которая не скоро оканчивается.

Если она запретитъ ему пріѣзжать, онъ послушается, такъ какъ слушается каждаго ея слова, и тогда ей придется одной просидѣть на скамейкѣ, присутствуя при томъ, какъ часы бьютъ четверти, а высокая башня высится въ небѣ. Когда, наконецъ, она рѣшается отвѣтить, — отвѣтъ оказывается простой уловкой.

Но зачѣмъ же отвѣчать прямо. Такіе вопросы всего лучше оставлять безъ отвѣта.

— Въ воскресенье черезъ двѣ недѣли? — переспрашиваетъ она съ игривымъ смѣхомъ. — Къ тому времени мы всѣ можемъ умереть. Я такъ долго впередъ не загадываю.

XI.

Какъ? уже августъ на дворѣ? И даже не первая половина, которая можетъ потягаться, относительно зноя, съ іюлемъ, а конецъ, болѣе похожій на сентябрь мѣсяцъ. По утрамъ чувствуется уже нѣчто осеннее въ воздухѣ, хотя въ полдень все еще царитъ жаркое лѣто. Когда Белинда гуляетъ по саду, то подолъ ея платья становится сыръ отъ росы, а по носу ее задѣваютъ воздушныя паутинки.

Оксфордъ безлюднѣе чѣмъ когда-либо. Черезъ недѣлю, или около того, обитатели его начнутъ возвращаться во-свояси, но въ настоящую минуту онъ—чистая пустыня. И въ этой пустынѣ разгуливаетъ миссисъ Фортъ. Она совершаетъ прогулки въ сосѣднія деревни; работаетъ въ садикѣ, составляетъ каталогъ и читаетъ вслухъ молитвы для своей свекрови. А по воскресеньямъ засѣдаетъ на обычномъ мѣстѣ на скамейкѣ въ саду св. Бригитты: по очередно то одна, то не одна.

Хотя Райверсъ не просилъ вторично позволенія пріѣзжать въ Оксфордъ черезъ воскресенье и хотя она не разрѣшила ему этого, но признала за фактъ, что черезъ каждое воскресенье будетъ встрѣчать его въ саду такъ же неизбѣжно, какъ и вязы, и кардинальскую башню. Безъ сомнѣнія, отдыхъ и чистый воздухъ необходимы ему послѣ его двухъ-недѣльныхъ трудовъ. И если онъ находитъ возможнымъ тратить деньги на проѣздъ по желѣзной дорогѣ въ погонѣ за ними, то, конечно, это его дѣло и ей неприлично въ него вмѣшиваться. Свиданія ихъ происходятъ безо всякой таинственности. Она ни отъ кого ихъ не скрываетъ. И даже въ письмахъ своихъ къ профессору, въ числѣ прочихъ извѣстій, упоминаетъ о томъ, что встрѣтила м-ра Райверса. Зачѣмъ ей лишать себя такого невиннаго удовольствія? Мы всѣ рабы привычки и ей трудно было бы теперь обойтись безъ этихъ воскресныхъ встрѣчъ.

Отъ одной мысли о такомъ лишеніи у нея пробѣгаетъ морозъ по спинѣ. Она поставила свои отношенія къ Райверсу на такую ногу, что никто не могъ бы къ нимъ придраться, и строго придерживается установившихся правилъ. Одинъ человѣкъ только могъ бы протестовать—это ея мужъ; но онъ не только не протестуетъ, но не считаетъ даже нужнымъ упомянуть хотя бы однимъ словомъ объ ея сообщеніи. Онъ посвятилъ двѣ мелко исписанныя страницы инструкціямъ, гдѣ она найдетъ одинъ томъ

Оригена, но не удостоилъ или не успѣлъ ни слова сказать о Райверсѣ.

Еслибы что нибудь могло увеличить спокойствіе, какимъ она наслаждается, то какъ разъ это обстоятельство. Ясная и цвѣтущая, съ безмятежно уснувшей совѣстью проводитъ она дни въ мечтательномъ ожиданіи. Она считаетъ воскресенья, когда онъ не пріѣзжаетъ, преддверіемъ къ тѣмъ, когда онъ является.

Сегодня онъ долженъ быть и она сидитъ за своимъ одинокимъ полдникомъ и отъ счастія ничего не ѣстъ, какъ вдругъ у двери раздается звонокъ. Кто бы это былъ? Неужели Райверсъ? Это совсѣмъ невѣроятно, такъ какъ онъ всегда выказывалъ такую неохоту переступать за порогъ ея домъ. Неужели это мужъ возвратился такъ неожиданно? Она вся похолодѣла. Неужели...

Безполезно ломать далѣе голову, такъ какъ отвѣтъ на лицо.

— Кажется, я какъ разъ во время!—кричитъ миссъ Уатсонъ, отталкивая служанку и вваливаясь въ комнату, которую всю наполняетъ своей персоной, своимъ клѣтчатымъ платьемъ и своей сѣдой гривкой.—Какъ вкусно пахнетъ ростбифомъ! я голодна какъ волкъ!

Белинда встала съ мѣста, но досада, всегда и всѣми неизбѣжно ощущаемая при видѣ миссъ Уатсонъ, на этотъ разъ смягчается мыслью, что все же это не профессоръ.

— Я могу провести съ вами цѣлыхъ четыре или пять часовъ! — кричитъ гостья съ громогласной веселостью, снимая шляпку, перчатки и мантилью. — Я ѣду въ Ренбэри къ Самсонамъ. Они меня не ждутъ, я готовлю имъ сюрпризъ. Они такъ всегда носятся съ своимъ имѣніемъ въ Бланкширѣ, что я рѣшила сама удостовѣриться, стоитъ ли оно такихъ похвалъ. Но воскресные поѣзда такъ странно распредѣлены, что мнѣ приходится пробыть здѣсь все утро. Но нѣтъ худа безъ добра. Я могу провести съ вами добрыхъ четыре часа.

Въ головѣ Белинды немедленно начинаются разсчеты. Теперь часъ пополудни. Черезъ четыре часа будетъ пять часовъ: слѣдовательно она на цѣлый часъ опоздаетъ на свою обычную прогулку въ садъ св. Бригитты. Ему придется цѣлый часъ ждать ее. При этой мысли такое сильное волненіе, до того несоразмѣрное съ неважностью обстоятельства, вызвавшаго его, что даже пугаетъ ее, овладѣваетъ ею.

— Увѣрены ли вы, что застанете Самсоновъ дома?—что если они уѣхали куда-нибудь?—спрашиваетъ она, насильно принуждая себя говорить.

— Ба!—безпечно отвѣчаетъ миссъ Уатсонъ,—если они уѣхали,

то экономка пріютитъ меня. Когда господъ нѣтъ дома, то отъ прислуги узнаешь всю ихъ подноготную.

Белинда неодобрительно пожимаетъ плечами въ отвѣтъ.

— Никогда не имѣла такой хорошей говядины! — продолжаетъ миссъ Уатсонъ съ жаромъ. — Прислуга, вѣроятно, съѣстъ добрую половину. Вѣдь вамъ одной не одолѣть такого большого куска. Почему вы одни? Вы, надѣюсь, не поссорились съ мужемъ?—какъ-то странно васъ видѣть совсѣмъ одной, когда городъ представляетъ изъ себя пустыню. Кстати, что здѣсь дѣлаетъ Райверсъ?

Еслибы спасеніе ея жизни и души зависѣло отъ неподвижности, то и тогда Белинда не могла бы не вздрогнуть. Ей остается только надѣяться, что миссъ Уатсонъ этого не замѣтила.

— М-ръ Райверсъ?—лепечетъ она.

— Да!. м-ръ Райверсъ, если это вамъ лучше нравится!—громко хохочетъ миссъ Уатсонъ.—Давидъ Райверсъ, нашъ старинный пріятель,—Давидъ Райверсъ! Вы не знали, что онъ здѣсь? Онъ не былъ у васъ?

Белинда переводитъ духъ и отчетливо произноситъ:

— Нѣтъ!

Въ сущности вѣдь она не лжетъ,—вѣдь она говоритъ правду! Онъ не былъ въ ея домѣ.

— Гмъ!—говоритъ миссъ Уатсонъ, кусая ногти,—это странно!

Такъ какъ это не вопросъ и такъ какъ миссисъ Фортъ не увѣрена, что голосъ ей не измѣнитъ, она предпочитаетъ благоразумно промолчать.

— Что онъ тутъ дѣлаетъ — продолжаетъ ея гостья кусать ногти и вопрошать.—Теперь самое глухое время каникулъ; въ городѣ нѣтъ ни души! Я до тѣхъ поръ не успокоюсь, пока не доберусь до истины.

Глаза ея такъ и впились въ миссисъ Фортъ, и та принуждена была сказать что-нибудь.

— Въ самомъ дѣлѣ,—слабо улыбается она:—спросите лучше у него.

— Только бы мнѣ его поймать,—да онъ въ руки не дается. Я столкнулась съ нимъ носъ къ носу въ церковной улицѣ, но прежде нежели успѣла ротъ разинуть, онъ ускользнулъ отъ меня какъ угорь. Если припомните, мы считали его одно время въ Дрезденѣ глуховатымъ, но я не знала, что онъ также и подслѣповатъ! Какъ хотите, а всегда есть что-то «louche» въ человѣкѣ, намѣренно избѣгающемъ знакомыхъ ему порядочныхъ женщинъ, неправда ли?

Она такъ настаиваетъ, что Белинда вынуждена пробормотать:

— Да,—правда.

Когда ростбифъ вынесенъ изъ столовой, послѣ того какъ миссъ Уатсонъ оказала ему подобающую честь, онѣ переходятъ въ гостиную.

— Вы должны извинить меня,—церемонно объявляетъ Белинда.— Я всегда провожу слѣдующіе два часа съ моей свекровью.

— Ну!—не церемоньтесь со мной; не трудитесь меня занимать; я сама займу себя. Вотъ книги, журналы,—перебираетъ она вещи на столѣ:—я не соскучусь.

И дѣйствительно, въ продолженіе слѣдующихъ двухъ часовъ, Белинда видитъ во окно, какъ она бѣгаетъ по саду, обрывая немногія сливы на садовой стѣнѣ и стараясь заглянуть въ окна сосѣднихъ домовъ, слышитъ, какъ она хлопаетъ дверями, выдвигаетъ ящики у столовъ и пр.

На минуту тревога просыпается въ умѣ миссисъ Фортъ. Какъ бы она не выкопала какой бумаги, записки? Но, нѣтъ; улыбка гордости и самодовольства появляется на лицѣ Белинды. Ей нечего прятать, миссъ Уатсонъ не найдетъ въ ея бѣдныхъ архивахъ ничего такого, чего бы не могъ прочитать весь свѣтъ.

Два часа прошли. Теперь четверть четвертаго—время, когда она обычно надѣваетъ шляпку, перчатки и идетъ, счастливая, въ садъ гулять. Ясно, что сегодня ей нельзя туда идти. Рѣшительно не похоже, чтобы миссъ Уатсонъ намѣревалась скоро двинуться съ мѣста съ профессорскаго кресла, куда она залѣзла.

— Я все осмотрѣла,—объявляетъ она весело:—я люблю ознакомиться со всѣми закоулками въ домѣ. Одна дверь заперта у васъ на ключъ; это дверь въ святилище профессора, неправда ли?

— Онъ требуетъ, чтобы я запирала кабинетъ въ его отсутствіи, — отвѣчаетъ ледянымъ тономъ жена профессора, такъ какъ не любитъ, чтобы рылись въ его книгахъ и бумагахъ.

— Вы потомъ мнѣ его покажите, — безмятежно отвѣчаетъ миссъ Уатсонъ:—я вѣдь не тороплюсь. Я даже подумываю пробыть до послѣдняго поѣзда и отобѣдать съ вами; никакихъ особыхъ приготовленій не требуется, вы дайте мнѣ то, что́ сами кушаете: котлетку или что-другое.

— Этотъ поѣздъ идетъ очень тихо,—поспѣшно заявляетъ Белинда.

— Желала бы знать, съ какимъ поѣздомъ пріѣхалъ Райверсъ.

Онъ, конечно, пріѣхалъ всего на одинъ день, и чѣмъ больше я объ этомъ думаю, тѣмъ болѣе «louche» мнѣ это представляется.

Белинда не садится. Въ тщетной надеждѣ, что гостья скорѣе уйдетъ, если она не будетъ сидѣть, она подходитъ къ окну и поправляетъ штору, которая вовсе въ этомъ не нуждается.

— Странное мѣсто онъ выбралъ для интриги, неправда ли?— продолжаетъ размышлять миссъ Уатсонъ.—Я всегда слышала, что здѣсь такъ зорко слѣдятъ другъ за другомъ; но, быть можетъ, онъ этимъ самымъ думаетъ отвести всѣмъ глаза?

Быть можетъ, Белинда и отвѣтила что-нибудь, но этого не слышно, потому что штора шумитъ. Вся кровь кинулась ей въ лицо. *Интрига*! неужели онъ для *интриги* пріѣзжаетъ въ Оксфордъ?—интрига съ кѣмъ? *Интрига*!—неужели и другіе люди, кромѣ миссъ Уатсонъ, называютъ это такъ?

— Я скажу объ этомъ его матери, лэди Маріонъ, въ первый же разъ какъ встрѣчу ее,—говоритъ миссъ Уатсонъ рѣшительно.—Поступить иначе, было бы не по дружески. Я съ ней незнакома, но мы съ ней близки въ нѣкоторомъ смыслѣ. Я пробыла шесть мѣсяцевъ въ пансіонѣ въ Брюсселѣ вмѣстѣ съ ея кузиной. А поведеніе ея сына очень и очень «louche».

Судя потому, какъ она повторяетъ это слово, оно, должно быть, ей очень нравится. Бьетъ пять часовъ, и Белинда доведена до послѣдней степени отчаянія. Ей кажется (хотя это только на ворѣ шапка горитъ), что миссъ Уатсонъ намекаетъ на нее и ее имѣетъ въ виду, напирая на это слово. Пять часовъ! Онъ уже цѣлый часъ ждетъ ее въ саду. Наконецъ:

— Я думаю,—говоритъ она, открыто взглядывая на часы, на которые до сихъ поръ бросала взгляды только украдкой,—что если вы хотите попасть на поѣздъ — послѣдній вамъ покажется очень утомительнымъ—то вамъ пора идти!

— Пора?—равнодушно переспрашиваетъ гостья.—Не бѣда, если и опоздаю, я скоро хожу.

Она завязываетъ шляпку и поправляетъ гривку съ убійственной медленностью; останавливается среди этого занятія, чтобы разсмотрѣть какую-то вещицу и разспросить, откуда она, кѣмъ и когда куплена?—на прощаньѣ (не даромъ говорятъ, что ни одна англичанка не умѣетъ прощаться) изливается въ цѣломъ потокѣ рѣчей, въ которыхъ главную роль играетъ слово «louche». Но наконецъ уходитъ. Не прежде чѣмъ она завернула за уголъ и Белинда убѣдилась, что она не намѣрена возвращаться, по своей привычкѣ, назадъ, чтобы съизнова накинуться на свою жертву,— Белинда бѣжитъ въ свою комнату, поспѣшно одѣвается и, какъ

стрѣла, пущенная изъ лука, несется въ садъ. Сегодня въ ней нѣтъ напускного равнодушія и спокойствія; она не прикидывается, что идетъ безъ всякой опредѣленной цѣли, куда глаза глядятъ. Сегодня она не въ состояніи разыгрывать свою маленькую комедію.

Вѣдь она уже опоздала на цѣлый часъ съ четвертью! Застанетъ ли она еще его въ саду? Хватитъ ли у него терпѣнія такъ долго ждать ее? Во всей природѣ и въ жизни вообще нѣтъ другого вопроса, на который бы стоило отвѣчать.

Прохожіе странно поглядываютъ на нее, какъ ей кажется. До сихъ поръ она никогда не обращала вниманія на прохожихъ и не заботилась о томъ, что́ они про нее подумаютъ. Но сегодня ей кажется, что всѣ они читаютъ у ней на лицѣ ея преступную тайну. *Интрига*! Вотъ, значитъ, какъ это зовется на ихъ языкѣ! Она находится въ *интригѣ* и они какими-то судьбами узнали про это!

Когда она входитъ въ садъ, на-встрѣчу ей попадается смиренная влюбленная парочка. Проходя мимо нея, они смѣются, конечно, своему собственному веселью, но она принимаетъ ихъ смѣхъ на свой счетъ. Они знаютъ, что она, замужняя женщина, спѣшитъ на свиданіе. Самыя птицы какъ будто насмѣшливо чирикаютъ, а кусты укоризненно шелестятъ листьями. Ну пусть ихъ!

Страшно будетъ вспомнить обо всемъ этомъ, но теперь, но въ настоящую минуту только одно важно: — тамъ ли онъ?

Но прежде, чѣмъ она дошла до скамейки, вопросъ этотъ разрѣшенъ. Она такъ внезапно наткнулась на него, что не успѣла умѣрить шагъ и принять болѣе спокойный видъ.

Онъ видѣлъ, какъ она бѣжала на-встрѣчу ему, какъ она запыхалась, какъ она блѣдна, и какая отчаянная тревога въ въ ея глазахъ.

Сегодня безполезно всякое притворство. Но, по правдѣ сказать, онъ самъ не въ лучшемъ видѣ, и врядъ ли имѣетъ право критиковать ее. Пожалуй даже, она менѣе взволнована, чѣмъ онъ, потому что можетъ говорить, а онъ не можетъ.

— Вы не ушли!— говоритъ она, едва переводя духъ.—Я боялась, что вы уйдете.

Вмѣсто отвѣта онъ взялъ обѣ ея руки въ свою (никогда до сихъ поръ не держалъ онъ обѣихъ ея рукъ въ своей рукѣ, а только одну, да и то всего лишь одну секунду) и глядитъ на нее съ блѣдной и нѣмой страстью. Даже тогда, когда они усаживаются на свою скамейку,—а ужъ какъ они добрались до

нея, они и сами не помнятъ,—опять-таки она первая заговариваетъ, но не затѣмъ, чтобы попросить его выпустить ея руки. Быть можетъ, въ своемъ волненіи она не замѣчаетъ, что онъ держитъ ихъ.

— Меня задержала миссъ Уатсонъ,—говоритъ она прерывисто:—она пріѣхала... и пробыла четыре часа... Она видѣла васъ!

Онъ киваетъ головой въ знакъ согласія.

— Да.

Очевидно, онъ не въ силахъ произнести что-либо, кромѣ односложныхъ словъ.

— Она спрашивала, зачѣмъ вы пріѣхали сюда,—продолжаетъ Белинда также поспѣшно, но болѣе связно.

— Да?

Можно подумать, что онъ не слушаетъ, такъ разсѣянъ и задумчивъ его голосъ. Онъ еще не въ состояніи понять что-либо, кромѣ того, что ея ручки въ его рукахъ. Еслибы онъ могъ думать о миссъ Уатсонъ, то вѣроятно почувствовалъ бы къ ней благодарность, такъ какъ въ сущности ей обязанъ этимъ.

— Она говорила,—продолжаетъ Белинда, дрожа и виновато глядя на ихъ сжатыя руки,—что вы, должно быть, пріѣзжаете сюда ради интриги.

Она умолкаетъ и затѣмъ прибавляетъ почти шопотомъ:

— Она не должна больше этого говорить.

Теперь онъ слушаетъ. Въ ея взглядѣ и тихомъ голосѣ есть нѣчто такое, что̀ приковываетъ его вниманіе.

— Что вы хотите сказать?—спрашиваетъ онъ, задыхаясь.

— Я хочу сказать, что вы не должны больше пріѣзжать сюда.

Она не глядитъ на него, говоря это, не желая, можетъ быть, видѣть того страшнаго впечатлѣнія, какое должны произвести ея слова. Но онъ молчитъ такъ долго и упорно, что ей наконецъ становится страшно. Ужъ не убила ли она его своими словами? или, быть можетъ, онъ согласенъ съ нею (послѣдняя мысль не менѣе горька, чѣмъ первая).

Она рѣшается, наконецъ, украдкой взглянуть на него, какъ вдругъ онъ заговариваетъ и звукъ его голоса говоритъ ей, что первое ея предположеніе ближе къ истинѣ.

— Я не долженъ больше пріѣзжать сюда?

— Нѣтъ; я думаю, что не должны!

— Я не долженъ больше пріѣзжать въ Оксфордъ?

— Нѣтъ.

— Я не долженъ больше видѣться съ вами?

— Нѣтъ.

— Ни здѣсь, ни въ другомъ мѣстѣ?

Она только наклонила голову, не будучи въ силахъ говорить.

— *Никогда?*

Она снова киваетъ головой.

Въ его голосѣ слышится такая мучительная агонія, что языкъ отказывается служить!

— Мы должны жить всю нашу остальную жизнь другъ безъ друга?

Новое наклоненіе головы.

— И вы можете перенести это?—впрочемъ, разумѣется,—поправляется онъ съ горькимъ смиреніемъ,—почему же вамъ и не перенести этого? Вамъ это будетъ даже совсѣмъ не трудно. Ну, чтожъ, я тоже постараюсь перенести это!

Онъ выпустилъ ея руки и закрылъ лицо своими. Она можетъ уйти. Онъ всегда слушался ее, послушался и теперь. Но чего же она сидитъ? Отчего не уходитъ? Тоскливые взоры ея разсѣянно блуждаютъ вдоль длинной прямой аллеи. Милая, зеленая аллея! Милая, важная башня! Милыя, щебечущія птички! прощайте! прощайте навсегда, потому что она не въ силахъ будетъ снова взглянуть на васъ!

Отъ отчаянія она безпокойно задвигалась на мѣстѣ, и, въ одну секунду, онъ опустилъ руки и глядитъ на нее съ испуганной мукой въ глазахъ.

— Вы уже уходите?

— Нѣтъ еще... не сейчасъ,—слабо отвѣчаетъ она:—я не тороплюсь. Я могу пробыть какъ и всегда, если желаете.

Если онъ желаетъ! Несмотря на всю душевную муку, онъ смѣется.

Затѣмъ наступаетъ долгое, долгое молчаніе.

Садъ безлюднѣе обыкновеннаго. Ни одна душа не нарушаетъ ихъ безусловнаго уединенія. Только важная башня отмѣчаетъ бѣгущее время.

Она первая заговариваетъ.

— Я не хочу, чтобы вы были несчастны,—чуть не плачетъ она надъ его испорченной молодой жизнью.—Я бы хотѣла, чтобы вы были счастливы.

— И я бы хотѣлъ. Укажите, какъ это сдѣлать.

— О, если бы я могла! о, если бы все было такъ, какъ...

— Какъ передъ поѣздкой въ Везенштейнъ?

Эти слова какъ будто пробуждаютъ его изъ летаргіи отчаянія. Прежде нежели она успѣваетъ опомниться, руки ея опять въ его рукахъ, а глаза его глядятъ на нее такъ странно, что она не выдерживаетъ ихъ взгляда и опускаетъ свои.

— Мы можемъ вообразить, что мы въ Везенштейнѣ, неправда ли?—говоритъ онъ съ трепещущей, лихорадочной улыбкой:—тамъ былъ такой же зеленый, спокойный, тѣнистый уголокъ, какъ и здѣсь. Вы помните? какъ странно, что мы никогда о немъ не говорили раньше, не правда ли? Отчего намъ не поговорить теперь? Вы сидѣли на травѣ, а я лежалъ у вашихъ ногъ! Помните? Да... я вижу, что помните. Вы дали мнѣ свою руку. Впрочемъ, нѣтъ, моя ледяная красавица, вы мнѣ ее не давали. Я самъ взялъ ее и поцѣловалъ! Хотите, я покажу, какъ я ее цѣловалъ? Вотъ такъ... и такъ... и такъ! (страстно прикладываясь губами и къ ладони, и къ пальцамъ); а затѣмъ... затѣмъ я обнялъ васъ! Можно ли этому повѣрить? и однако я говорю правду... когда-то я держалъ васъ въ своихъ объятіяхъ и *выпустилъ васъ!* О! Боже! лучше бы я умеръ!

Буря его страсти захватила и ее.

— Да! лучше бы вы умерли!—отчаянно вскрикиваетъ она и безъ всякаго сопротивленія, нѣтъ... съ страстной покорностью даетъ ему тотъ поцѣлуй, который оставался за ней два съ половиной года. Только одинъ поцѣлуй! Одно чудное, упоительное мгновеніе, и затѣмъ наступаетъ пробужденіе! Она вырывается изъ его рукъ.

— Что... что такое было съ нами?—лепечетъ она, отдаляясь отъ него.

Но онъ не такъ скоро приходитъ въ себя.

— За вами оставался этотъ поцѣлуй съ самаго Везенштейна!—кричитъ онъ дико и почти съ торжествомъ.

И снова воцаряется тишина. Если только такъ можно назвать звонъ въ ушахъ и стукъ въ вискахъ.

— Я полагаю,—произноситъ она наконецъ съ великимъ трудомъ, точно разучилась говорить:—что этого... этого слѣдовало ожидать... все это время... да! но только я... не предвидѣла этого... Я думаю, что мнѣ никто не повѣритъ... но... я не предвидѣла этого! а вы?

Онъ не отвѣчаетъ.

Онъ все еще находится подъ впечатлѣніемъ этого, давно обѣщаннаго и, наконецъ, даннаго, блаженнаго поцѣлуя.

— Неужели,—говоритъ она, пронзительно и съ мрачнымъ

упрекомъ въ голосѣ взглядывая на него: — неужели вы предвидѣли... вы знали... вы думали...

— Я ничего не думалъ!—кричитъ онъ, приходя въ себя отъ ея горькаго упрека.—О, милая, неужели вы такого дурного обо мнѣ мнѣнія, и думаете, что я намѣренно привелъ васъ къ этому? Говорю вамъ, что я ни о чемъ не думалъ! Я только зналъ, что въ продолженіе двухъ часовъ, черезъ каждыя двѣ недѣли вы позволяете мнѣ жить! вы допускаете меня наслаждаться вашимъ обществомъ, этого съ меня было довольно! Я не заглядывалъ впередъ!

Она вернулась на скамью и забилась въ уголъ.

— Я думаю,—говоритъ она, безнадежно качая головой,—что въ сущности, мы оба жили нашими воскресеньями!

Потомъ добавляетъ со стономъ:

— О! я думала, что намъ обоимъ можно вѣрить!

Онъ не садится, но стоитъ передъ ней, виноватый и несчастный, ожидая рѣшенія своей участи.

— Я не очень печалюсь за васъ,—продолжаетъ она, поднимая на него мрачные глаза.—Вы ошибаетесь, если думаете, что я васъ очень жалѣю. У васъ есть работа,—какъ часто я васъ ревновала къ ней и къ той власти, какую она имѣетъ надъ вами! Вамъ лучше будетъ теперь! ваша мать, напримѣръ, была бы рада, что все такъ обошлось. Вы не будете больше отвлекаться отъ дѣла! не будете бросать деньги на безумныя поѣздки по желѣзной дорогѣ! это почти такъ же выгодно, какъ и сдѣлаться партнеромъ фирмы!

Она взглядываетъ на него по временамъ, чтобы видѣть, больно ли ему отъ наносимыхъ ударовъ. Но онъ стоитъ, опустивъ голову, поблѣднѣвъ какъ смерть, и терпѣливо слушаетъ.

— Но кто скажетъ *мнѣ*,—продолжаетъ она, опустивъ безнадежно руки и разсѣянно взглядывая на небо, на которое всѣ мы глядимъ въ минуту горя, хотя никогда не получаемъ отъ него облегченія:—что теперь *мнѣ* дѣлать?

Жестокость къ нему онъ перенесъ, какъ мужчина, но ея жалобы свыше его силъ.

— Я скажу, что вамъ дѣлать,—говоритъ онъ торопливымъ, прерывистымъ шопотомъ, садясь рядомъ съ ней. — Хотите меня выслушать? въ сущности до сихъ поръ намъ приходилось довольствоваться такимъ малымъ, что я даже не понимаю, какъ могли бы просуществовать съ этимъ такое долгое время. Что можетъ намъ помѣшать... почему бы намъ...

— Стойте!—кричитъ она, отталкивая его отъ себя.—Я знаю,

что̀ вы хотите сказать; я знаю такъ хорошо, какъ если бы вы уже сказали!

Ужасъ, выражающійся въ ея глазахъ, ея отчаянный жестъ липаютъ его послѣдняго самообладанія.

— Вы сказали, что не жалѣете меня, — произноситъ онъ чуть не съ рыданіемъ,—и вы, конечно, правы; но я все же прошу васъ... пощадить меня! я не въ своемъ умѣ. Я не имѣлъ права такъ... напугать... такъ оскорбить васъ.

— Я нисколько не оскорблена,—отвѣчаетъ она медленно и ясно:—*это* доказываетъ, полагаю, какъ я низко упала. Я остановила все, потому... потому, что я знала, что если дамъ вамъ договорить... то... не скажу... вамъ... нѣтъ, а скажу... да.

Она умолкаетъ, чтобы перевести духъ. Но несмотря на признаніе себя побѣжденной, высказанное ею, и его побѣду, что-то въ ея взглядѣ держитъ его на почтительномъ разстояніи.

— Но...—продолжаетъ она съ мольбой въ глазахъ и съ похудѣвшимъ и вытянутымъ лицомъ:— если вы... такой, какимъ я васъ всегда считала... если я не ошиблась въ васъ... то вы... никогда не договорите того, что̀ хотѣли сказать.

Наступаетъ гробовое молчаніе. Она не спускаетъ съ него глазъ, пока не убѣждается, что одержала верхъ въ своей страшной борьбѣ.

— А теперь,—говоритъ она съ сухими глазами и рѣшимостью въ голосѣ:—идите! я говорила неправду, когда сказала, что не жалѣю васъ... О! нѣтъ, я очень васъ жалѣю! очень! ну, уходите! къ чему плакать! терпѣть не могу, когда мужчина плачетъ. Богъ съ вами! Богъ васъ благослови! уходите!

И онъ, послушный какъ всегда, уходитъ!

ПЕРІОДЪ IV.

I.

Еще годъ уплылъ въ жизни профессора, миссисъ Фортъ, Сары и всѣхъ другихъ нашихъ знакомыхъ. «Отрывки изъ Менандра» вышли въ свѣтъ, и такъ какъ цѣлыхъ три человѣка прочитали ихъ, то можно сказать, что они имѣли успѣхъ. И этотъ успѣхъ подвинулъ профессора снова зарыться въ твореніяхъ отцовъ церкви; онъ погнался теперь за другими отрывками. Но въ настоящее время ему приходится рыться въ нихъ одному: его секретарь свалился съ ногъ; ломовая его лошадь надорвалась отъ непосильнаго груза и ее пришлось отпустить на подножный кормъ. Прошли долгіе мѣсяцы безотрадной, неустанной работы, и оглядываясь назадъ впослѣдствіи, Белинда только дивилась, что раньше не заболѣла! Долгіе мѣсяцы непрерывнаго прилежанія и просиживанія, согнувшись въ три погибели, надъ манускриптами и корректурами, при полномъ отсутствіи моціона и отдыха, сдѣлали свое дѣло. Белинда сама не хотѣла ни гулять, ни отдыхать. Мысль работаетъ вялѣе, память слабѣе, — а вся цѣль ея жизни теперь — убить то и другое, — отъ утомленія непосильной работой. Да для чего и для кого стала бы она щадить себя? Она будетъ работать, пока не свалится съ ногъ. Что касается профессора, то онъ съ удовольствіемъ относился къ такой метаморфозѣ; она пришлась ему какъ нельзя болѣе кстати: какъ и всегда, онъ былъ безучастенъ ко всему, что̀ лично до него не касается, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ всякій болѣзненный человѣкъ, относился съ безусловнымъ недовѣріемъ къ чужимъ недугамъ и къ тому, чтобы кто-нибудь, кромѣ него самого, могъ быть боленъ, пока наконецъ въ одинъ прекрасный день жена его не свалилась съ ногъ. Какъ она была этому рада! Она молила небо объ одномъ только, чтобы ей больше не вставать! Но небо судило иначе. Отъ чего бы ни суждено было миссисъ Фортъ умереть, она умретъ не отъ нервнаго разстройства, противъ котораго внимательные доктора единодушно предписали немедленную перемѣну обстановки, отдыхъ, развлеченіе. Профессоръ всегда сердится на всѣхъ, кто боленъ, но когда болѣзнь влечетъ за собой остановку въ работѣ, дорогое леченіе и еще болѣе дорогое путешествіе, то негодованіе его такъ сильно, что не находитъ словъ для своего выраженія. Онъ также сердитъ на Белинду за то,

что она заболѣла, какъ та сердита на себя за то, что выздоровѣла. До послѣдней минуты она надѣялась умереть, и онъ, послѣ того, какъ она оказалась такого слабаго здоровья, тоже радъ былъ бы отдѣлаться отъ нея. И вдругъ она остается въ живыхъ, да еще вынуждаетъ его израсходоваться на поѣздку на Англійскія Озера. Онъ готовъ думать, что она сдѣлала это нарочно.

. . . . . .

Сегодня все утро шелъ дождь и принудилъ нетерпѣливыхъ постояльцевъ гостинницы Лоудъ въ Уиндермирѣ сидѣть въ четырехъ стѣнахъ. Послѣ завтрака нѣсколько прояснѣло и въ гостиной второго этажа стало веселѣе, тѣмъ болѣе, что профессоръ Фортъ не находится въ ней, да и самая гостиная не его.

Такъ какъ сестра Белинды и ея бабушка изъявили желаніе съѣхаться здѣсь съ ней, то профессоръ Фортъ милостиво разрѣшаетъ женѣ пользоваться ихъ гостиной, тѣмъ болѣе, что самъ рѣшительно заявилъ, что средства не позволяютъ ему нанять гостиную для жены.

Въ одномъ изъ большихъ креселъ, обтянутыхъ волосяной матеріей, засѣдаетъ миссисъ Чорчиль, безмятежно наблюдая за выгружающейся почтовой каретой. Въ извѣстные годы, при ровномъ характерѣ и полномъ бездушіи, люди часто какъ бы застываютъ въ одномъ и томъ же состояніи. Съ тѣхъ поръ какъ мы разстались съ миссисъ Чорчиль, она не перемѣнилась. Время не прибавило новыхъ морщинъ къ старымъ и тѣ же ямочки на щекахъ появляются, когда она улыбается. На кушеткѣ, по праву больной, лежитъ Белинда, съ остриженными и курчавыми волосами; а изъ окна высунулась Сара и съ лихорадочнымъ интересомъ наблюдаетъ за дѣйствіями семейства, живущаго этажемъ ниже, въ квартирѣ съ балкономъ, на которомъ поочередно появляются члены семьи, о чемъ Сара немедленно докладываетъ своимъ собесѣдницамъ.

— Ихъ два брата и двѣ сестры, и одна жена,—оживленно возвѣщаетъ она.—Я еще не знаю, котораго изъ двухъ братьевъ она жена, ни тотъ, ни другой не особенно ею занимаются!

— Можетъ быть, на ней женились изъ-за денегъ,—отвѣчаетъ миссисъ Чорчиль.—Боже мой!—возвращается она къ созерцанію почтовой кареты,—какъ тяжело этимъ бѣднымъ лошадямъ; онѣ всѣ въ мылѣ!

— Они всѣ теперь вышли на балконъ,—повѣствуетъ Сара съ восхищеніемъ:—Белинда, иди скорѣй и погляди!

— Я вѣрю тебѣ на слово,—лѣниво отвѣчаетъ Белинда.

— Тяжело видѣть такую жестокость,—замѣчаетъ миссисъ

Чорчиль совершенно спокойнымъ голосомъ, продолжая свои наблюденія.

— Они играютъ въ волань,—заявляетъ Сара.—Какъ жаль, что у насъ нѣтъ волановъ.

— Съ кѣмъ бы ты играла въ волань? со мной или съ профессоромъ?—сухо вопрошаетъ бабушка.

— Они уронили волань на дорогу,—продолжаетъ разсказывать Сара съ крайнимъ увлеченіемъ.—Теперь къ нимъ присоединился еще господинъ; это не можетъ быть третій братъ. Онъ держитъ съ ними пари на одинъ шиллингъ, кто перелѣзетъ черезъ балконъ, спустится по перекладинѣ и достанетъ волань. Какой дуракъ, если онъ это сдѣлаетъ! Но я, право, его гдѣ-то видѣла! Хоть бы онъ посмотрѣлъ вверхъ! Ахъ! бабушка! Белинда! бабушка! да это... молодой Беллерсъ.

На этотъ разъ обѣ слушаются ея призыва; но потому ли, что ихъ шаги громче, нежели они думали, или почему другому, но стоящіе на балконѣ господа какъ разъ въ эту самую минуту поднимаютъ вверхъ голову и наши дамы поспѣшно отскакиваютъ отъ окна.

— Молодой Беллерсъ! бѣдный Беллерсъ! — кричитъ Сара, бросаясь въ кресло:—молодой Беллерсъ и душегубка!—Белинда, помнишь душегубку?

— Еще бы не помнить!

— Желала бы я знать, есть здѣсь душегубка, въ который бы я могла съ нимъ покататься?—озабоченно продолжаетъ миссъ Чорчиль. — Бабушка, вы знаете, конечно, что въ душегубкѣ могутъ помѣститься только двое? Но если вы будете настаивать, въ интересахъ благопристойности, чтобы мы васъ взяли съ собой, то милости просимъ.

Миссисъ Чорчиль смѣется.

— Вѣдь рѣшеніе этого вопроса не такое спѣшное, неправда ли? — отвѣчаетъ она, подхватывая шутку,—и такъ какъ душегубки нѣтъ еще, а коляска у подъѣзда, то, полагаю, мы можемъ ѣхать кататься.

— Онъ увидитъ меня, когда я буду садиться, — кричитъ Сара, торопливо подбѣгая къ зеркалу и надѣвая шляпку.—Вѣдь они такъ же подглядываютъ за нами, какъ и мы за ними. Ну, и пускай его! я надѣюсь, что умѣю садиться въ экипажъ не хуже всякой другой женщины въ Англіи!

Онѣ уѣхали, а Белинда пересѣла къ окну. Какой гвалтъ поднимаетъ семья нижняго этажа! Не можетъ быть, чтобы они играли въ волань! они играютъ въ какую-нибудь болѣе шумную

игру. Похоже на то, какъ еслибы они швыряли стульями другъ въ друга. Какъ отчетливо слышится ей голосъ Беллерса. Какъ странно волнуетъ онъ ее! Лучше бы онъ сюда не пріѣзжалъ. Съ нимъ связано столько мучительныхъ и сладкихъ воспоминаній.

Въ эту минуту раздается стукъ колесъ. Неужели бабушка и Сара уже возвратились? Она высовываетъ свою красивую, кудрявую головку изъ окна. Нѣтъ! это въ почтовой каретѣ перемѣняютъ лошадей; а затѣмъ «char-à-banc» разгружаетъ своихъ пассажировъ съ одеревенѣлыми ногами. А теперь для разнообразія интереса подходитъ пароходъ къ небольшой пристани. Привезъ ли онъ новыхъ жильцовъ въ отель, которые бы внесли свѣжій элементъ за табльдотъ и матеріалъ для соображеній, свойственныхъ обитателямъ отелей, на счетъ взаимныхъ привычекъ и характеровъ? На пароходѣ пропасть народа, яблоку некуда упасть. Но кажется, что никто не намѣренъ сходить съ него.

Нѣтъ, однако, одинъ пассажиръ сошелъ и переходитъ теперь черезъ набережную съ дорожнымъ ранцемъ за спиной; это по всей вѣроятности—туристъ. Весьма вѣроятно какой-нибудь оксфордскій туземецъ, съ Платономъ въ чемоданѣ, являющійся, чтобы пофилософствовать на лонѣ природы. Если такъ, то, быть можетъ, онъ ей знакомъ—по крайней мѣрѣ по виду. Она протираетъ глаза. Что это ей померещилось? Она плохо видитъ или, быть можетъ, въ этомъ человѣкѣ есть нѣкоторое сходство съ тѣмъ, кто... Нѣтъ! это вѣрно появленіе Беллерса и пробудившіяся воспоминанія вводятъ ее въ заблужденіе. Или, быть можетъ, болѣзнь ослабила ея зрѣніе. Онъ подходитъ все ближе и ближе. Она высунулась изъ окна, чтобы лучше видѣть. Но вдругъ съ легкимъ крикомъ откидывается назадъ въ кресло. Она не ошиблась! Съ минуту она лежитъ неподвижно. Она рада! да! она рада, что не умерла! Но зачѣмъ онъ пріѣхалъ сюда? Неужели онъ узналъ, что она тутъ, и пріѣхалъ, чтобы увидѣть ее. Но нѣтъ, этого не можетъ быть. Она знаетъ его; она запретила ему показываться ей на глаза и онъ ни за что не нарушитъ даннаго слова. Значитъ, это простой случай. Какой счастливый, блаженный случай! за случай никто не отвѣчаетъ! Случай не можетъ тяготить пичьей совѣсти. И всѣ послѣдствія случая можно принять съ легкимъ сердцемъ.

Шумъ подъ окнами говоритъ ей, что подъѣхала новая почтовая карета и перемѣняетъ лошадей. Паническій страхъ овладѣваетъ ею. Что ручается ей, что онъ не зашелъ сюда на минуту и не уѣдетъ немедленно? Она снова бросается къ окну, но

на этотъ разъ прикрывается занавѣской. Двое или трое пассажировъ вышли изъ отеля и садятся въ карету. Багажъ ихъ втаскивается на имперіалъ. Ей хорошо видны всѣ путешественники и, слава Богу, между ними его нѣтъ. Она переводитъ духъ. Во всякомъ случаѣ онъ пробудетъ здѣсь до завтра и конечно будетъ обѣдать за табльдотомъ.

Радостная улыбка появляется на ея лицѣ. У ней есть передъ нимъ преимущество. Она знаетъ, что онъ здѣсь, а онъ не ожидаетъ увидѣть ее. Какъ это его поразитъ? Не выдастъ ли онъ себя? Но, нѣтъ, онъ теперь окрѣпъ и возмужалъ. Одного бѣглаго взгляда достаточно было, чтобы увидѣть, что это не прежній юноша. Въ сердцѣ ея шевелится сожалѣніе объ отлетѣвшей юности, которая безусловно принадлежала ей. Нѣтъ! онъ не выкажетъ волненія! развѣ только немного поблѣднѣетъ. Что до нея касается, то она не поблѣднѣетъ и не покраснѣетъ.

Мысли ея внезапно прерваны стукомъ въ дверь. Прежде нежели она успѣваетъ крикнуть: — войдите! вбѣгаетъ запыхавшійся отельный слуга, обязанность котораго состоитъ въ томъ, чтобы круглую недѣлю хронически врываться въ комнаты жильцовъ, кладетъ передъ ней записку, и прежде нежели она успѣваетъ спросить, откуда и отъ кого—исчезаетъ. Но въ разспросахъ нѣтъ и надобности. Этотъ почеркъ слишкомъ хорошо знакомъ ей, хотя она всего только два раза въ жизни видѣла его. Воспоминаніе о первыхъ двухъ разахъ налетаетъ на нее, какъ буря: воспоминаніе о томъ мучительномъ утрѣ въ Дрезденѣ и объ адскомъ зимнемъ вечерѣ въ Фолькстонѣ. Она безпомощно глядитъ на печать — письмо запечатано — и на подпись. Да! и почеркъ его перемѣнился: онъ тверже, мужественнѣе, безчувственнѣе. Она долго вертитъ письмо въ рукахъ, не рѣшаясь его распечатать. Что можетъ онъ ей писать? Во всякомъ случаѣ письмо не многосложно. Всего нѣсколько строкъ:

«Сейчасъ прочиталъ ваше имя въ спискѣ пріѣзжихъ; повѣрьте, что только случай привелъ меня сюда. Долженъ ли я уѣхать? Если не увижу васъ за табльдотомъ, то приму это за знакъ, что я долженъ уѣхать».

«*Д. Р*».

Долго спустя послѣ того какъ она прочитала письмо — вовсе не хитрое и не многосложное—она глядитъ на него пристальнымъ взглядомъ, съ глубокимъ разочарованіемъ въ сердцѣ. Но чего же, однако, она ожидала отъ него. Неужели въ письмѣ, довѣренномъ безпечной, посторонней рукѣ, онъ могъ написать

что нибудь болѣе интимное и компрометирующее ее. Ей оскорбительно даже предположеніе объ этомъ, но какъ жестоко съ его стороны сваливать на нее все бремя отвѣтственности; какъ жестоко выводить ихъ встрѣчу изъ сферы случайности, которой она было такъ обрадовалась.

Если онъ предоставляетъ рѣшеніе ей, то рѣшеніе это заранѣе должно быть ему извѣстно. Онъ, вѣроятно, сдѣлалъ это намѣренно. Это очень добродѣтельно съ его стороны, но какъ холодно, холодно, какъ жестоко! Не даромъ она сразу же увидѣла по его лицу, что онъ перемѣнился. Онъ сталъ, наконецъ, благоразуменъ. Прекрасно: онъ никогда не узнаетъ, что она не такъ благоразумна, какъ онъ.

Она сердито мнетъ письмо и, заслышавъ за дверью смѣхъ Сары, прячетъ его въ карманъ. И какъ разъ во-время, потому что Сара влетаетъ въ комнату, какъ ураганъ.

— Ну, что?— кричитъ она,—ты наблюдала за нимъ, какъ я тебѣ поручила? Что онъ знаетъ, что я здѣсь? гдѣ онъ? что онъ дѣлалъ?

Въ первую минуту миссисъ Фортъ растерянно глядитъ на сестру, не понимая, про кого она говоритъ.

— Кто?—съ трудомъ выговариваетъ она,—развѣ?.. О! (съ принужденнымъ смѣхомъ, догадываясь, наконецъ, о комъ идетъ рѣчь), конечно! но должна сообщить тебѣ худыя вѣсти: онъ отправился въ душегубкѣ—я не думаю, впрочемъ, чтобы здѣсь эти лодки назывались душегубками—съ дѣвушкой въ красномъ.

— Неужели?—восклицаетъ Сара, прикидываясь, что падаетъ въ обморокъ на диванъ:—когда такъ, бабушка поскорѣй перерѣжьте снурки у моего корсета и сожгите всѣ гусиныя перья, какія здѣсь найдете, мнѣ ничего больше не остается, какъ упасть въ обморокъ.

II.

Комната профессора, такъ же какъ и Белинды, находится подъ крышей. Экономнымъ людямъ, какъ извѣстно, не слѣдуетъ бояться лѣстницъ въ гостинницахъ, и профессоръ забрался поэтому на чердакъ.

Тотчасъ по пріѣздѣ, безконечная лѣстница, по которой миссисъ Фортъ приходилось карабкаться, чтобы добраться до своей мансарды, утомляла ее, ослабѣвшую послѣ болѣзни. Но теперь она поправилась настолько, что не боится лишній разъ прогуляться по лѣстницѣ, даже безъ крайней надобности. Какъ бы

то ни было, а только крайняя нужда можетъ заставить ее, за полчаса до возвращенія Сары, постучаться въ дверь мужа, а затѣмъ нерѣшительно заглянуть въ нее.

— Кто тамъ? Зачѣмъ отворяете дверь и производите сквозной вѣтеръ? Пожалуйста заприте дверь!—кричитъ сердитый голосъ изнутри.

Она входитъ и запираетъ за собою дверь. Благодаря тѣснотѣ помѣщенія, профессору приходится изощряться для того, чтобы найти мѣсто для своихъ вещей, и принадлежности его туалета должны лѣпиться вдоль стѣны. И постель, и полъ завалены фоліантами, и за исключеніемъ умывальника, нѣтъ такого мѣстечка, гдѣ бы не громоздились книги.

На одномъ изъ стульевъ сидитъ обитатель этого чердака; мѣховое пальто окутываетъ его тощую фигуру, на головѣ красуется теплая ермолка, а подъ ногами помѣщена бутылка съ горячей водой; на худыхъ колѣняхъ стоитъ пюпитръ, а чернильницу онъ держитъ въ лѣвой рукѣ.

— Пожалуйста, осторожнѣе!—рѣзко замѣчаетъ онъ, увидѣвъ жену:—развѣ вы не видите, что наступили на Тертулліана?

Она не видала, но тотчасъ же исправляетъ свою оплошность.

— Кажется, я просилъ, чтобы меня не безпокоили сегодня,—продолжаетъ онъ, видя, что она молчитъ и не поясняетъ причины своего появленія:—такъ какъ мнѣ приходится нести одному все бремя труда (съ укоризненнымъ взглядомъ на ея праздную и очевидно выздоравливающую красоту), то я долженъ очень спѣшить. Конечно, у васъ есть основательныя причины нарушить мои правила?

— Я думала, что вы удивитесь, если не увидите меня сегодня за табльдотомъ,—холодно отвѣчаетъ она,—а потому пришла сказать вамъ, что не намѣрена идти сегодня въ столовую, и хотѣла спросить: не имѣете ли вы чего противъ этого?

— Неужели вамъ опять нездоровится?—спрашиваетъ онъ съ внезапной тревогой во взглядѣ.

Она качаетъ головой, горько улыбаясь. Слишкомъ очевидно, что эта тревога вызывается не заботой объ ея здоровьѣ, но боязнью, что ему придется снова тратиться на докторовъ.

— Нѣтъ, успокойтесь.

— Вы, однако, очень запыхались,—замѣчаетъ онъ съ досадой.

— Не болѣе, чѣмъ это неизбѣжно, когда приходится карабкаться на чердакъ,—угрюмо отвѣчаетъ она.

Должно быть, ея видъ успокоилъ его на счетъ ея здоровья, потому что онъ снова обмакнулъ перо въ чернильницу.

— Вы не отвѣтили на мой вопросъ,—говоритъ она рѣзко, убѣдившись, что онъ намѣренъ игнорировать ея присутствіе.

Онъ дѣлаетъ жестъ нетерпѣнія и скуки.

— Мнѣ кажется, что никакого отвѣта и не требуется. Вы, конечно, заявили сегодня утромъ содержателю гостинницы о своемъ намѣреніи не приходить за табльдотъ?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ нѣчего и думать объ этомъ. По правиламъ гостинницы всякій обѣдъ, если заранѣе не отказаться отъ него, становится на счетъ, а я, право, не въ состояніи нести такія безумныя издержки.

Тонъ его заставляетъ ее покраснѣть.

— Никакихъ издержекъ не будетъ, если я не велю подать себѣ обѣдъ въ комнату, а я именно желаю поститься.

— И подвергнуться риску снова заболѣть?—кричитъ онъ недовольнымъ голосомъ.—Покорнѣйше прошу васъ не дѣлать этого.

— Я напьюсь чаю у бабушки въ гостиной. Бабушка, конечно, не пожалѣетъ чашки чаю для меня.

— Покорнѣйше прошу васъ не дѣлать этого,—повторяетъ онъ, разсерженный ея тономъ, или тѣмъ, что ему помѣшали работать.—Ваша бабушка, конечно, вольна поступать, какъ ей угодно, но такъ какъ извѣстный фактъ, что счеты лицъ, дозволяющихъ себѣ такую безсмысленную роскошь, какъ отдѣльную гостиную и особо сервированный чай, увеличиваются немедленно и несоразмѣрно, то я прошу васъ подчиняться общимъ правиламъ.

Онъ такъ удивленъ молчаніемъ, съ какимъ она выслушиваетъ это требованіе, что сердито взглядываетъ на нее и видитъ, что она стоитъ неподвижно и глядитъ на него съ невыразимой улыбкой.

— Итакъ *вы* хотите, чтобы я обѣдала въ столовой?—говоритъ она съ нѣкоторой напыщенностью:—*вы* требуете этого?

— Я не вижу причины уклоняться отъ обычныхъ правилъ,—возражаетъ онъ съ досадой.—Вы, кажется, совсѣмъ оправились отъ болѣзни и трудно даже повѣрить, чтобы вы когда-нибудь были больны, а ничто такъ не вредно, какъ прихоти мнимыхъ больныхъ.

— Вы, вѣроятно, говорите это по опыту?—отвѣчаетъ она съ спокойной дерзостью.

Краска бросается въ его высохшее, какъ пергаменъ, лицо.

— Вы намекаете, какъ уже часто дѣлали раньше, что я malade imaginaire.

Она безпечно пожимаетъ плечами.

— Я не думаю и никогда не думала, чтобы вы были на половину такъ больны, какъ это воображаете.

— Въ самомъ дѣлѣ? Можетъ быть, вы скоро убѣдитесь въ противномъ..

Слова его и взглядъ такъ многозначительны, что съ минуту она испуганно глядитъ на него, но онъ указываетъ ей на дверь рукой, не будучи въ состояніи отъ досады проговорить ни слова. Но впечатлѣніе изглаживается прежде, нежели она сходитъ съ лѣстницы.

— Ба!—говоритъ она самой себѣ,—онъ переживетъ всѣхъ насъ!

. . . . . .

Колоколъ, призывающій къ табльдоту, уже прозвонилъ и жильцы направились въ большую, свѣтлую столовую, гдѣ скоро разсѣлись за двумя длинными столами, замѣтно пустѣющими по мѣрѣ того, какъ сезонъ подвигается впередъ. Белинда сѣла на свое мѣсто. Супъ уже съѣденъ, а *его* все еще нѣтъ. Какъ эти господа, напротивъ нея, пялятъ на нее глаза.

Она отчаянно обмахивается вѣеромъ, но профессоръ проситъ ее перестать, потому что боится простудиться.

— Куда запропастился Беллерсъ съ красной барышней; должно быть, онъ опрокинулъ ее въ воду и утопилъ. По дѣломъ ей!—шепчетъ Сара на ухо сестрѣ.—Ахъ, Боже мой!

Послѣднее восклицаніе заставляетъ Белинду вздрогнуть, при чемъ она не можетъ рѣшить: видѣлъ или не видѣлъ это движеніе вошедшій въ это время въ залу новый пріѣзжій, которому слуга почтительно пододвигаетъ стулъ за другимъ столомъ.

— Ты знала, что онъ здѣсь?—спрашиваетъ Сара очень тихо.

Но Белинда не отвѣчаетъ. Безумная радость сжимаетъ ей горло.

— Неужели ты знала?—настаиваетъ та:—неужели?...

— Чтожъ ты воображаешь развѣ, что я за нимъ послала?—спрашиваетъ Белинда, задыхаясь.—Виновата ли я, что онъ сюда пріѣхалъ?

Глаза ея свѣтятся такимъ гнѣвомъ, что Сара считаетъ болѣе благоразумнымъ замолчать.

— Вы ничего не ѣдите!—замѣчаетъ профессоръ, глядя на

ея пустую тарелку:—платить за вашъ обѣдъ, значитъ по-простy бросать деньги за окно.

— Хуже было бы, еслибы я стала насильно ѣсть, когда мнѣ не хочется,—отвѣчаетъ она съ досадой и на этомъ прекращается ихъ супружеская бесѣда.

Обѣдъ тоже конченъ и всѣ переходятъ изъ столовой въ сѣни и оттуда на лужокъ передъ гостинницей и на набережную. Белинда тоже идетъ на пристань, такъ спокойно, какъ только можетъ и, облокотившись на перила, смотритъ внизъ на мутную воду. Вечеръ сырой и холодный, и совсѣмъ не похожъ на лѣтній. Большинство публики, пожимаясь, уходитъ обратно въ гостинницу. Другіе возвращаются, закутанные въ теплые пальто и плэды.

Неужели имъ холодно? ей жарко, какъ въ самый знойный лѣтній день. Глаза ея устремлены въ сердитыя, мутныя волны, разбивающіяся о берегъ. За ея спиной раздаются шаги прохожихъ, гуляющихъ взадъ и впередъ, куря и болтая. Кто-то нерѣшительно останавливается около нея.

— Вы получили мою записку?

— Да,—отвѣчаетъ она, шопотомъ, не глядя на него, не выражая удивленія отъ его прихода и пренебреженія обычными формулами вѣжливости;—но вы не должны ошибочно толковать мое присутствіе за столомъ. Мой... мой... м-ръ Фортъ настаивалъ на этомъ по весьма прозаической причинѣ,—поясняетъ она, покраснѣвъ до ушей.—Онъ не желалъ, чтобы мой обѣдъ пропалъ даромъ.

— Вы были больны?

— Ничего особеннаго. Я заработалась.

— *Заработались*!—повторяетъ онъ съ ужасомъ въ голосѣ.—Неужели вашъ... но кто же въ этомъ виноватъ?

— Никто, кромѣ меня самой,—отвѣчаетъ она, словами Дездемоны, въ которыхъ столько же правды, какъ и въ словахъ жены Мавра.—Ну, а вы какъ поживаете? во всякомъ случаѣ *васъ* работа не свалила съ ногъ,—прибавляетъ она съ меланхолической улыбкой.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ онъ, какъ бы извиняясь.

— Васъ трудно свалить съ ногъ,—замѣчаетъ она, чуть не съ упрекомъ.—А между тѣмъ мужчины легче умираютъ, нежели женщины; только вы умираете, когда не хотите этого, а мы не можемъ умереть, когда хотимъ: такъ всегда бываетъ въ лучшемъ изъ міровъ.

— Неужели вы желали умереть?—спрашиваетъ онъ тихимъ, взволнованнымъ голосомъ.

— Да,—мечтательно отвѣчаетъ она.—Нѣтъ... да, то-есть въ такомъ случаѣ, еслибы я могла вернуться сюда опять, еслибы мнѣ не понравилось на томъ свѣтѣ; а вы? но, нѣтъ, конечно, вамъ было бы жаль разстаться съ вашимъ «молотомъ» и патентомъ; кстати: что патентъ? взятъ уже?

— Неужели вы помните про патентъ?—кричитъ онъ съ восхищеннымъ смѣхомъ.

— Помню ли я?—съ нѣкотораго рода гнѣвомъ возражаетъ она:—неужели, еслибы я собиралась взять патентъ, вы бы забыли про это!

— Это уже теперь старая исторія,—отвѣчаетъ онъ, все еще нервно смѣясь:—патентъ взятъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Наша фирма съ успѣхомъ примѣнила его; другія послѣдовали нашему примѣру и...

— И вы на дорогѣ стать богачемъ и лордомъ-мэромъ. Помните, я всегда говорила вамъ, что вы будете лордомъ-мэромъ, вы любимецъ счастія.

— Любимецъ счастія! да! вы говорили мнѣ это въ Оксфордѣ и эта шутка такъ понравилась вамъ, что вы ее охотно повторяете,—упрекаетъ онъ ее съ горечью въ голосѣ.

— На васъ не угодишь! — истерически смѣется она:—чего же вамъ еще надо?

— Белинда! ты съума сошла, ты вѣрно хочешь простудиться и опять заболѣть. Ахъ! это вы,—свысока и небрежно удостоиваетъ миссъ Чорчиль узнать собесѣдника сестры.

Въ товѣ голоса Сары и въ манерѣ, съ какой она беретъ сестру за руку и уводитъ съ собой, чувствуется такая рѣшимость, что нужно было бы имѣть болѣе чистую совѣсть, чтобы сопротивляться ей.

— Я... я поджидала тебя,—лепечетъ она.

— А Давидъ помогалъ тебѣ? къ сожалѣнію, меня задержали. Беллерсъ увидѣлъ меня и разсказалъ мнѣ про красную барышню. Она играетъ на цитрѣ, кажется, въ этомъ ея главное очарованіе. Я тоже буду играть на цитрѣ.

III.

Хотя, по замѣчанію профессора Форта, трудно повѣрить, что жена его была когда-нибудь больна, однако до сихъ поръ, на правахъ выздоравливающей и не разсчитывая на ея силы, ее исключали изъ дальнихъ экскурсій, предпринимаемыхъ ея бабуш-

кой и сестрой въ окрестности. Но сегодня утромъ ее, очевидно, признаютъ настолько здоровой, чтобы вернуться къ прежнему образу жизни.

— Мнѣ приходится обратиться къ тебѣ за содѣйствіемъ,— говоритъ миссъ Чорчиль, идя на встрѣчу сестрѣ, которая входитъ въ гостиную бабушки, сіяя здоровьемъ и свѣжестью.—Бабушка окончательно отказывается сопровождать меня на прогулки. Она никогда не любила природы, неправда ли, бабушка? Что касается меня, то по причинамъ, мнѣ одной извѣстнымъ, я намѣрена провести сегодняшній день въ Конистонѣ и не вижу резона почему бы тебѣ не ѣхать со мной.

Необыкновенная положительность ея тона и рѣшительность взгляда можетъ заставить подумать, что она ждетъ сопротивленія. Но если таковое и проявляется, то молча.

— Пожалуйста, поѣдемъ,—съ жаромъ настаиваетъ Сара;— если ты будешь все сидѣть дома и казаться такой здоровой, то тебя непремѣнно снова запрягутъ въ Менандра.

Белинда смѣется не совсѣмъ натурально.

— Вотъ и видно, какъ ты отстала въ своихъ понятіяхъ; Менандръ уже три мѣсяца тому назадъ вышелъ въ свѣтъ.

— Я увѣрена, что онъ оставилъ по себѣ кучу младшихъ братцевъ,—легкомысленно заявляетъ Сара:—ну, что ты скажешь?

— Ты думаешь, что можно рискнуть ѣхать за-городъ? Посмотри на облака; не похоже ли, что будетъ дождь.

Белинда идетъ къ окну, говоря это, и показываетъ на небо.

— Ахъ! небо здѣсь всегда такое,—сухо возражаетъ Сара. —Скорѣе отвѣчай: да или нѣтъ.

— Я спрошу м-ра Форта, можетъ ли онъ обойтись безъ меня, —неохотно говоритъ Белинда, выходя изъ комнаты.

— Скажи ему, что ему это не будетъ стоить ни гроша, что никакихъ расходовъ его не заставятъ платить,—кричитъ ей вслѣдъ Сара.

Белинда скоро возвращается.

— Ну?

— Онъ ничего не имѣетъ противъ моей поѣздки,—отвѣчаетъ Белинда, повѣся носъ.

— Ты старалась, чтобы онъ не пустилъ тебя, и не успѣла въ этомъ,—смѣется Сара.

— Ты слишкомъ проницательна,—отвѣчаетъ Белинда, покраснѣвъ и съ досадой, показывающей, что сестра попала въ цѣль:—ты поставила на своемъ, какъ ты это всегда умѣешь сдѣлать. Я ѣду съ тобой и конченъ разговоръ.

Поданъ экипажъ. Сара уже усѣлась въ него и обмѣнивается любезностями съ кѣмъ-то, кто стоитъ на балконѣ надъ ея головой. Белинда нарочно копалась за своимъ туалетомъ въ надеждѣ, что налетитъ буря и помѣшаетъ прогулкѣ.

Но тщетно. Небо окончательно прояснивается. Выходя изъ сѣней, она украдкой оглядывается кругомъ. Да, онъ здѣсь! Его голосъ, который, не будь Сары, цѣлый день раздавался бы въ ея счастливыхъ ушахъ, говоритъ ей:

— Вы уѣзжаете?

— Да,—говоритъ она съ невольной жалобной нотой въ голосѣ и взглядываетъ съ печалью въ его глаза:—на цѣлый день; гулять! пожелайте мнѣ веселиться!

Она садится въ экипажъ и громкимъ, яснымъ голосомъ приказываетъ кучеру:—въ Конистонъ!

— Я вижу, что ты желаешь, что бы всѣ узнали, куда мы ѣдемъ,—иронизируетъ Сара.

— Я думала, что тебѣ будетъ пріятно, если Беллерсъ узнаетъ, куда мы ѣдемъ,—огрызается Белинда.

. . . . . .

— Белинда! — говоритъ ея сестра, когда онѣ пріѣхали на мѣсто своего назначенія и успѣли уже вдоволь нагуляться и наскучаться:—Белинда! — и въ голосѣ ея слышится торжество — видишь, тамъ между деревьями кто-то двигается? да? такъ я и думала.

И вдругъ съ рѣзкой перемѣной въ голосѣ, въ которомъ слышится теперь искренняя досада: — зачѣмъ только онъ привезъ съ собой этого неотвязнаго Давида!

— Я слышалъ, какъ вы приказывали кучеру ѣхать къ Конистонъ,—шепчетъ послѣдній на ухо Белиндѣ.

Она отворачиваетъ голову, покраснѣвъ какъ вишня.

И послѣ этого какъ-то само собой выходитъ, что они идутъ гулять вмѣстѣ.

— Сколько времени вы здѣсь пробудете?—спрашиваетъ она у него внезапно.

Она вовсе не хотѣла задавать ему этого вопроса и горько раскаивается, произнеся его, но онъ сорвался нечаянно.

— Я уѣду, когда вы мнѣ прикажете.

Она сморщиваетъ лобъ отъ боли и отъ гнѣва.

— Вы не имѣете права сваливать на меня всю отвѣтственность, — говоритъ она съ негодованіемъ:—это не великодушно. Вы сами можете рѣшить, какъ вамъ слѣдуетъ поступить.

— Вѣдь я уже разъ оказался несостоятельнымъ, а потому и не довѣряю больше самому себѣ.

Она, поблѣднѣвъ, какъ смерть, опускаетъ глаза.

— Это была *моя* вина,—тихо отвѣчаетъ она.

— Нѣтъ! не ваша. Можетъ быть, то обстоятельство, что вы опоздали въ тотъ день, только ускорило развязку, но она была неизбѣжна.

— Поступайте, какъ считаете лучше, — лепечетъ она въ слезахъ.

— Если такъ, то я остаюсь; я считаю за лучшее остаться. Обстоятельства перемѣнились. Я тогда былъ захваченъ врасплохъ. Теперь я буду на-сторожѣ. Теперь вы можете быть вполнѣ спокойны.

— Увѣрены ли вы въ этомъ? — вздрагиваетъ она, испугавшись, хотя, быть можетъ, и слишкомъ поздно, его отчаяннаго взгляда и дикаго торжества въ глазахъ:—увѣрены ли вы?

И впродолженіе цѣлой недѣли имѣетъ случай сама убѣдиться въ этомъ.

. . . . . .

— Какъ это несносно! — говоритъ съ досадой миссисъ Чорчиль.

Время какъ разъ послѣ завтрака и она сидитъ за столомъ, передъ раскрытымъ пюпитромъ, на которомъ лежатъ разныя бумаги и въ числѣ ихъ счетъ изъ гостинницы. Обычная ясность духа измѣнила ей. Содержатель гостинницы только-что вышелъ изъ комнаты.

— Такъ какъ мы въ родствѣ, то трудно объяснять всѣмъ и каждому, что мы не отвѣтственны за его эксцентричности, —продолжаетъ миссисъ Чорчиль съ усиливающейся досадой.

— Небо такъ, очевидно, создало васъ другъ для друга, что никакъ нельзя разубѣдить ихъ въ томъ, что вы не мужъ и жена, — говоритъ Сара веселымъ голосомъ, стоя у окна.—Я видѣла недовѣріе въ глазахъ содержателя гостинницы, когда вы такъ старательно объясняли ему, что онъ вашъ внукъ; онъ очевидно дивился, зачѣмъ вы говорите такую явную и вздорную неправду.

— Онъ споритъ изъ-за всякаго гроша, я увѣрена, что они охотно заплатили бы ему, только бы онъ уѣхалъ,—продолжаетъ миссисъ Чорчиль, съ негодованіемъ.—Кончится тѣмъ, что онъ насъ выживетъ отсюда! Ахъ! Белинда, душа моя, ты здѣсь? прости пожалуйста, но слово не воробей: вылетитъ—не поймаешь, и ты, право, входишь въ комнату точно тѣнь какая, такъ что и не услышишь.

— Не безпокойтесь,—успокоиваетъ ее Белинда, хотя лицо у ней горитъ.—Я постараюсь на будущее время входить съ большимъ шумомъ; а теперь думаю будетъ лучше, если я уйду.

Говоря это, она направляется къ двери, тихо затворяетъ ее за собой и рѣшительными шагами взбирается вверхъ по лѣстницѣ на чердакъ своего супруга.

Она застаетъ его за такимъ же точно занятіемъ, какъ и бабушку. По крайней мѣрѣ передъ нимъ тоже лежатъ бумаги и счетъ.

— Я готовился призвать васъ на помощь, — говоритъ онъ, взглядывая на нее въ ту минуту, какъ она входитъ.—Я желалъ спросить васъ о нѣкоторыхъ статьяхъ въ этомъ счетѣ, такъ какъ лично не имѣю о нихъ ни малѣйшаго понятія. Вотъ здѣсь, 15 числа показаны двѣ почтовыхъ марки; бутылка воды аполлинарисъ—18 и конверты—19. Дѣйствительно вы брали все это или оно попало въ счетъ, только благодаря невниманію содержателя гостинницы и въ такомъ случаѣ я взыщу съ него за такую преступную небрежность.

— Я нисколько не сомнѣваюсь, что счетъ вѣренъ, да и не все ли равно.

— По моему мнѣнію, вовсе не все равно; вы, надѣюсь, не позабыли того, что было вчера, и можете по крайней мѣрѣ сообщить мнѣ: приказывали ли вы подать себѣ бутылку зельтерской воды?

— Да, приказывала подать себѣ двѣ, три, полдюжины бутылокъ!

Онъ взглядываетъ на нее съ довольно понятнымъ раздраженіемъ.

— Вы, кажется, намѣрены по какой-то, для меня непонятной, причинѣ, помѣшать моему намѣренію, но это не такъ важно, такъ какъ я рѣшилъ немедленно оставить это мѣсто, гдѣ меня обсчитываютъ, благодаря, конечно, родству съ вашей бабушкой.

До сихъ поръ она безпечно глядѣла передъ собой, но при упоминовеніи о предполагаемомъ отъѣздѣ, безпечность ея пропадаетъ, а щеки блѣднѣютъ.

— Вы собираетесь отсюда уѣхать?—спрашиваетъ она тихимъ голосомъ и прибавляетъ съ ироніей: — но вѣдь гдѣ бы вы ни поселились, вамъ придется платить за почтовыя марки, которыя я покупаю, и за зельтерскую воду, которую я пью.

— Дѣло не въ однихъ только издержкахъ, — возражаетъ онъ, слегка покраснѣвъ отъ ея тона:—но я съ каждымъ днемъ убѣждаюсь, что здѣшній воздухъ для меня нездоровъ; я хуже

сплю съ тѣхъ поръ, какъ сюда пріѣхалъ, и біенія сердца значительно успились. Я знаю, что вы всегда смотрите недовѣрчиво, когда я говорю о своихъ болѣзняхъ.

— Неужели?—отвѣчаетъ она съ разсѣяннымъ видомъ, точно не думаетъ о томъ, что́ говоритъ. — Извините; я это дѣлаю не нарочно.

— Я написалъ въ гостинницу Лодоръ, на берегу Дервентскаго озера, чтобы намъ приготовили комнаты. Отсюда почтовая карета уходитъ въ одиннадцать часовъ утра и...

— Неужели вы хотите сказать, что мы *завтра* уѣзжаемъ отсюда?—перебиваетъ она, задыхаясь.

Глаза ея расширены, а голосъ грубъ, какъ она сама это сознаетъ.

— Это *невозможно*!—говоритъ она, тихо и торопливо:—вы не спросили меня, не посовѣтовались со мной. Какимъ образомъ можетъ воздухъ одного озера быть здоровѣе другого? все это фантазіи, чистыя фантазіи! Вы сами говорили мнѣ на дняхъ, что не слѣдуетъ поддаваться болѣзненнымъ фантазіямъ.

Онъ медленно отводитъ глаза отъ счета, въ которомъ до сихъ поръ старательно доискивался неточностей, и пронзительно вглядывается въ нее.

— Вамъ, кажется, очень не хочется уѣзжать отсюда? отчего это?

Въ его тонѣ есть или, по крайней мѣрѣ, слышится ей что-то такое, что́ сразу заставляетъ умолкнуть ея возраженія. Но внезапная ярость овладѣваетъ ею, безумное желаніе сказать ему. *почему* она не хочетъ уѣзжать, сказать ему все, все.

Онъ давно уже опять углубился въ счетъ, когда она, наконецъ, произноситъ покорнымъ тономъ:

— Дилижансъ уходитъ въ одиннадцать часовъ, говорите вы? хорошо, я буду готова къ этому времени.

Говоря это, она встаетъ и направляется къ двери.

— Если увидите слугу, то скажите, чтобы онъ прислалъ ко мнѣ содержателя гостинницы,—говоритъ ей вслѣдъ супругъ: — онъ никогда не приходитъ на мой звонокъ, а въ этомъ счетѣ много статей, которыя я рѣшительно не могу допустить.

Покорно исполнивъ его порученіе, миссисъ Фортъ идетъ снова въ гостиную бабушки и заглядываетъ въ нее.

— Бабушка здѣсь?

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ Сара съ своего обычнаго сторожевого поста у окна.—Сказать тебѣ по правдѣ, я порядкомъ задала ей за ея невѣжливость съ тобой; она такъ же хорошо, какъ и я,

видѣла, что ты входишь въ комнату. Я страхъ какъ разсердила ее, — добавляетъ она, смѣясь,—сказавъ ей, что она несомнѣнно становится глуха.

— Ей не придется больше сердиться на пребываніе здѣсь м-ра Форта.

— Ужъ не умираетъ ли онъ?—спрашиваетъ Сара съ оживленіемъ и бѣжитъ къ сестрѣ.

— Онъ грозитъ, что умретъ, если еще здѣсь пробудетъ, и завтра утромъ мы уѣзжаемъ въ Дервентъ.

— И ты согласилась?—тономъ крайняго удивленія спрашиваетъ Сара.

Отвѣтъ ея сестры кажется не совсѣмъ у мѣста.

— Сара,—произноситъ она медленно и поблѣднѣвъ сильнѣе прежняго:—помнишь, ты разъ сказала мнѣ, что я гублю себя и... вмѣстѣ съ собой Давида Райверса.

— Да, помню!—отвѣчаетъ та сухо.

— Почему же, — почти шопотомъ продолжаетъ разспрашивать миссисъ Фортъ,—ты больше не повторяла мнѣ этого?

Миссъ Чорчиль поднимаетъ брови.

— Душа моя,—откровенно заявляетъ она:—ты приняла мое первое предостереженіе не въ такомъ духѣ, чтобы поощрить меня къ дальнѣйшимъ совѣтамъ.

Белинда опустила голову на грудь.

— Ты была не далека отъ правды въ то время,—слабо произноситъ она,—а теперь ближе къ ней чѣмъ когда-либо.

Наступаетъ молчаніе. Сара расхаживаетъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину. Быть можетъ, признаніе сестры не было для нея неожиданностью. По крайней мѣрѣ лицо ея не выражаетъ ни малѣйшаго удивленія.

— Ты уѣзжаешь? — внезапно останавливается она передъ сестрой:—но кто помѣшаетъ ему послѣдовать за тобой?

Губы Белинды дрожатъ.

— Онъ этого не сдѣлаетъ, если я не велю ему.

Глаза ея печально глядятъ въ окно на горы и на озеро. Вершины первыхъ все еще таинственно окутаны утреннимъ туманомъ, но озеро все залито солнечными лучами. Завтра, завтра онъ собирался покатать ее по озеру.

Вдругъ унылая покорность въ ней смѣняется болѣе сильнымъ взрывомъ отчаянія.

— О чемъ я думаю?—кричитъ она,—я совсѣмъ позабыла! Я его больше не увижу; онъ долженъ былъ уѣхать по дѣлу въ

Мильнъ-Торпъ и не вернется до завтра. А когда вернется, то насъ уже здѣсь не будетъ!

— Онъ поѣдетъ за вами съ слѣдующей же почтовой каретой!—замѣчаетъ Сара съ циническимъ здравомысліемъ.

Белинда издаетъ слабый стонъ.

— Я должна написать ему!

— Ради Бога не дѣлай этого!—разубѣждаетъ Сара.—*Никогда* не пиши писемъ! хотя бы ты нарушала всѣ остальныя правила, но этого одного держись неукоснительно. Во всемъ подлунномъ царствѣ,—добавляетъ миссъ Чорчиль съ скромной гордостью,—не найдется двухъ строкъ, написанныхъ мною.

— Если я не напишу, онъ конечно разыщетъ насъ, если только я не объявлю въ гостинницѣ, что не желаю, чтобы ему сообщали нашъ адресъ.

— Этого никакъ не слѣдуетъ дѣлать,—сухо замѣчаетъ Сара:—врядъ ли будетъ благоразумно брать въ повѣренные слугъ отеля.

Наступаетъ молчаніе. Миссъ Чорчиль продолжаетъ безпокойно прохаживаться взадъ и впередъ.

— Я полагаю,—вздыхаетъ она наконецъ съ нетерпѣніемъ,—что въ концѣ-концовъ это придется сдѣлать мнѣ. Наши роли перемѣнились. Всю мою жизнь я просила тебя исполнять за меня непріятныя порученія—а теперь мнѣ приходится оказать ту же услугу тебѣ. Полагаю, что *я* должна сообщить ему.

— *Ты*? — внезапно поворачивается Белинда съ страстнымъ неодобреніемъ такого проэкта и въ голосѣ, и во взорѣ, причемъ дремлющая въ ея груди безсмысленная ревность снова пробуждается.—Почему именно *ты*?

— Можетъ быть, ты предпочитаешь, чтобы ему сказала бабушка?—спокойно спрашиваетъ Сара.—Кто-нибудь да долженъ же сообщить ему, и неужели ты думаешь, что я особенно гоняюсь за этой честью!

— Скажи ему какъ можно деликатнѣе,—проситъ Белинда.

— Неужели ты воображаешь, что мое сообщеніе убьетъ его?—иронизируетъ Сара:—помнится, ты опасалась когда-то, что смерть отца убьетъ его, и однако онъ остался живъ! Нѣтъ! мужчину не такъ-то легко убить!

IV.

Свершилось. Почтовая карета выѣхала въ одиннадцать часовъ. Въ числѣ пассажировъ внутреннихъ мѣстъ, она увезла старательно укутанную фигуру профессора Форта, а въ числѣ пасса-

жировъ наружныхъ мѣстъ, ищущихъ спасенія отъ дождя подъ зонтиками, находится его жена.

— Никогда еще въ жизни такъ не радовалась,—объявляетъ миссисъ Чорчиль, отходя отъ окна къ камину послѣ окончательныхъ нѣжныхъ кивковъ отъѣзжающимъ родственникамъ.

— Ни даже тогда, когда впервые назвали его внукомъ?—спрашиваетъ язвительно Сара.

Миссисъ Чорчиль краснѣетъ.

— Бѣдняжка!—продолжаетъ Сара съ искреннимъ состраданіемъ въ голосѣ; глядя вслѣдъ отъѣзжающему экипажу.

— Никогда не могла понять, почему ты сожалѣешь о ней,—замѣчаетъ старуха съ раздраженіемъ:—большая ошибка судить о чужихъ чувствахъ по своимъ собственнымъ.

— Полагаю, что никому нѣтъ обиды въ томъ, что я пожалѣю ее за то, что ей предстоитъ насквозь промокнуть.

И нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ отношеніи миссисъ Фортъ заслуживаетъ сожалѣнія по пріѣздѣ въ гостинницу Лодоръ, когда она слѣзаетъ съ имперіала, промокшая до костей.

— Вы сами виноваты,—объявляетъ профессоръ Фортъ, вылѣзая, сухъ и невредимъ, извнутри кареты:—еслибы вы послушали моего совѣта...

— Я никого не виню, — апатически перебиваетъ она:—не большая бѣда промокнуть; скоро опять буду суха.

— Только бы вы не простудились,—тревожится профессоръ хотя не отъ избытка нѣжности къ своей рабочей машинѣ:—непремѣнно выпейте стаканъ горячей воды съ водкой, для предохраненія себя отъ простуды.

— Я не простужусь, — отвѣчаетъ она, но покорно исполняетъ его желаніе.

Она просыпается рано поутру и въ назначенное время выходитъ въ сѣни, ожидая звонка, призывающаго къ завтраку.

— Надѣюсь, что вы оправились отъ послѣдствій вчерашней неосторожности,—говоритъ голосъ за ея спиной.

Она вздрагиваетъ.

— Никакихъ послѣдствій и не было,—пожимаетъ она плечами.

— Въ такомъ случаѣ,—объявляетъ сухо ея супругъ,—и такъ какъ по всѣмъ другимъ признакамъ вы вполнѣ выздоровѣли, то полагаю, что имѣю право предложить, чтобы вы вернулись къ нормальному образу жизни, который былъ прерванъ такъ долго и съ такимъ неудобствомъ для меня.

Белинда улыбается. Она отлично знаетъ, что только присут-

ствіе бабушки и Сары мѣшало до сихъ поръ ему снова запречь ее въ ярмо. Ясно, что при первой же возможности онъ долженъ снова запречь ее. Но, что за бѣда?

— Я вполнѣ съ вами согласна, — торопливо соглашается она.—Я не имѣю никакого права на дальнѣйшую праздность. Послѣ такого продолжительнаго отдыха, полезно немного поработать.

Но взгляды людей на количество работы, не превышающей человѣческія силы, очевидно бываютъ разные.

Послѣ завтрака, когда они взбираются въ спальню профессора, которая служитъ также и кабинетомъ, онъ кладетъ передъ Белиндой почтенную груду писемъ, на которыя ей слѣдуетъ отвѣтить, сообразуясь съ данными ей инструкціями. Но если количество ихъ и испугало ее, то она этого не высказываетъ. Солнце невыносимо печетъ, и въ маленькой конуркѣ, которая въ десять разъ меньше оксфордскаго кабинета профессора, но гдѣ окно также тщательно заперто, нестерпимо душно. Голова у нея, отвыкшая отъ духоты, начинаетъ болѣть и кружиться, но она не жалуется.

Бьетъ часъ. Она слышитъ веселые голоса людей, идущихъ полдничать. Профессоръ—не особенный приверженецъ полдника, даже и тогда, когда онъ можетъ съѣсть его на чужой счетъ. Въ гостинницѣ же онъ безусловно возстаетъ противъ полдника. Но ей нельзя жаловаться. Онъ готовъ раздѣлить съ ней свою трапезу: бисквиты, купленные въ лавкѣ, такъ что имъ не придется фигурировать въ счетѣ гостинницы, и воду съ примѣсью водки — послѣдняя тоже пріобрѣтена на сторонѣ. Она отказывается отъ водки, отказалась бы также и отъ бисквитовъ, потому что въ такой духотѣ и при головной боли ей совсѣмъ не до ѣды, но боится его воркотни.

Бьетъ два часа! три! половина четвертаго! четыре! А груда писемъ все не уменьшается. Наконецъ, перо падаетъ изъ ея онѣмѣвшихъ пальцевъ.

— Прошу извинить меня, я больше не могу; мнѣ дурно.

— Вамъ дурно?—значитъ вы опять простудились, благодаря вашей вчерашней неосторожности.

— Простудилась?—нѣтъ, я просто устала отъ работы. Могу я идти?

— Къ чему вы спрашиваете?—возражаетъ онъ съ досадой, глядя на неокопченную работу.—Развѣ я когда стѣсняю вашу свободу? я считаю себя въ правѣ требовать только одного, чтобы вы не подвергали себя простудѣ и опасности заболѣть.

Она не заставляетъ повторять себѣ два раза этихъ словъ и уходитъ, счастливая и довольная, что можетъ вырваться на свѣжій воздухъ.

Она идетъ куда глаза глядятъ, сознавая одно только, что съ каждымъ шагомъ уходитъ дальше отъ *него*. Но на долго ли? вѣдь все равно: рано или поздно придется вернуться къ нему— только смерть можетъ освободить ее отъ него.

Погруженная въ свои печальныя размышленія, она не слышала приближающихся шаговъ, и вскрикиваетъ, когда чья-то рука тихонько дотрогивается до ея плеча.

— Какъ? это вы?

— Да, я.

— Развѣ Сара не передала вамъ?

— Да, передала.

— И вы такъ-то слушаетесь меня?

Онъ молчитъ.

— Это-то ваше хваленое великодушіе и послушаніе?

— Я уѣду, если вы сами мнѣ это прикажете; но только вы сами, а не кто-либо другой.

Она молчитъ.

— Я уѣду, если вы скажете, что я долженъ уѣхать, и останусь, если вы этого пожелаете.

Она съ тоской глядитъ кругомъ и ничего не отвѣчаетъ.

— Что же вы рѣшаете? ѣхать мнѣ или оставаться?

Голосъ его становится все настойчивѣе и повелительнѣе.

— *Я жду! рѣшайте, какъ быть!*

Ужасное будущее! ужасное прошлое! ужасное настоящее! Она боролась изъ всѣхъ силъ. Никто не можетъ сказать, что она не боролась.

— *Что же?* Что вы скажете: уѣзжать мнѣ или оставаться?

— Оста...вать...ся!—произноситъ она наконецъ едва слышно.

Мало-по-малу она поднимаетъ на него свое измученное лицо и говоритъ:

— Пора идти домой.

Онъ молча повинуется и они идутъ обратно въ гостиницу; но не успѣли пройти нѣсколькихъ шаговъ, какъ наступаетъ быстрая перемѣна погоды, столь обычная въ горахъ. Налетаетъ буря и крупныя капли дождя хлещутъ имъ прямо въ лицо. У ней нѣтъ ни зонтика, ни макинтоша, и легкое платье ея скоро пробито насквозь.

Съ тревожной заботливостью онъ обнимаетъ ее одной ру-

кой. Первымъ ея движеніемъ отскочить отъ него; но опомнившись, она покорно подчиняется.

V.

Вечеръ. Зябкость профессора Форта побѣдила его скупость, и на его чердачкѣ огонь горитъ въ камелькѣ. Но онъ одинъ сидитъ у огня и грѣетъ свои застывшія руки. Жены его нѣтъ дома. Она стоитъ на деревенскомъ мостикѣ, который ведетъ въ лѣсъ и къ водопаду... и не одна.

Отнынѣ она всегда будетъ опираться на эту руку, и что за дѣло, какою цѣной она купила это счастіе.

— Неужели ты долженъ уѣхать?—спрашиваетъ она, вздыхая:—неужели это неизбѣжно и ты *непремѣнно* долженъ ѣхать?

— Непремѣнно!—отвѣчаетъ онъ также уныло:—иначе поступить невозможно; надо многое устроить и я долженъ сдѣлать это лично; мнѣ нужно также съѣздить въ Мильнъ-Торпъ, заглянуть на заводъ.

Она поднимаетъ голову.

— А... это... не повредитъ тебѣ?—быстро и тревожно спрашиваетъ она.—Это не отразится на твоемъ будущемъ?

— Конечно нѣтъ! конечно нѣтъ! — поспѣшно успокоиваетъ онъ ее:—съ какой стати? Какое можетъ быть отношеніе между частной жизнью человѣка и его общественными занятіями? Какое кому дѣло, что я...

— Увезъ чужую жену,—доканчиваетъ она тихимъ, жесткимъ тономъ.—Почему ты не договариваешь? Разъ мы не боимся поступка, нечего бояться словъ.

И хотя на дворѣ уже темно, но онъ угадываетъ мучительный румянецъ, сопровождающій эти слова. И снова острая боль, отравившая первые моменты его побѣдоноснаго счастія, сжимаетъ его сердце.

— Ты не долго пробудешь въ отсутствіи? ты не на долго оставишь меня одну? ты вернешься такъ скоро, какъ только можно?

— Неужели въ этомъ можетъ быть сомнѣніе?—Въ его тонѣ слышится почти ироніа. Онъ крѣпче прижалъ ее къ себѣ и полу-успокоительно, полу-робко гладитъ ея волосы.

— Постарайся не очень презирать меня!—шепчетъ она съ рыданіемъ, и несмотря на темноту прячетъ голову на его груди.—Конечно, ты не можешь не презирать меня, но постарайся хорошенько скрыть это, чтобы я не замѣтила.

Не бредитъ ли онъ? неужели это его богиня высказываетъ такую жалкую мольбу? неужели это онъ святотатственно внимаетъ ей?

— Какъ проживу я эти дни безъ тебя,—стонетъ она:—о, возвращайся скорѣе, скорѣе, скорѣе! Какими глазами я буду смотрѣть на него, зная то, что̀ я замышляю противъ него? Если онъ скажетъ мнѣ хоть одно доброе слово, я пропала! Къ счастью, онъ никогда не говоритъ мнѣ такихъ словъ.

Вмѣсто отвѣта, онъ крѣпче прижимаетъ ее къ себѣ. Какими словами можно утѣшить ее? Безъ сомнѣнія, эта молчаливая ласка, говорящая о его любви и состраданіи, лучше всякихъ словъ.

— Мнѣ постоянно будетъ казаться, что я надоѣла тебѣ,— шепчетъ она и шопотъ ея прерывается рыданіями:—обѣщай, что ты не разлюбишь меня, обѣщай! Помни, что кромѣ тебя у меня въ цѣломъ свѣтѣ не будетъ никого и ничего; и что если ты измѣнишь мнѣ, я потеряю все, все! Но какая польза въ обѣщаніяхъ,—съ отчаяніемъ доканчиваетъ она:—вѣдь это не зависитъ отъ человѣка. Если я надоѣмъ тебѣ, ты разлюбишь меня и дѣлу конецъ!

Она вырвалась отъ него и отстранила его отъ себя, какъ бы впередъ отрекаясь отъ него. Онъ охватываетъ голову руками, точно боится за свой разсудокъ.

— Когда ты говоришь такія вещи,—кричитъ онъ прерывающимся голосомъ,—мнѣ кажется, что я съума схожу. *Я* разлюблю тебя! *Я*! *Я*! О! моя любовь, моя богиня, моя королева!— и падаетъ на колѣни, цѣлуетъ подолъ ея платья,—еслибы ты знала, какъ я мучусь мыслью, что *ты* разлюбишь меня, что *ты* найдешь, что я не стою той жертвы, какую ты мнѣ приносишь! что моя личность и моя любовь покажутся тебѣ недостаточной замѣной всего того, чего ты лишишься!

Онъ умолкаетъ, прислоняя голову къ ея дрожащимъ колѣнямъ и его слезы смачиваютъ ея платье.

Сила его волненія немного успокоиваетъ ее. Какъ бы то ни было, а теперь пока она ему еще не надоѣла. Она почти покровительственно кладетъ руку на его голову.

— Да! — говоритъ она,—ты одинъ замѣнишь мнѣ все и кромѣ тебя мнѣ ничего не нужно.

На слѣдующее утро онъ уѣзжаетъ, она остается коротать дни безъ него, какъ только умѣетъ.

«Какъ я проживу безъ него?» спрашиваетъ она себя, стоя у окна въ комнатѣ мужа и разсѣянно глядя въ окно, сквозь

запыленное стекло, черезъ которое трудно что-нибудь видѣть, и дожидаясь, пока мужъ приступитъ къ обычной работѣ.

Онъ входитъ неслышно и она не знаетъ, слышалъ онъ ея восклицанія или нѣтъ.

— На что вы смотрите?—спрашиваетъ онъ.

Она вздрагиваетъ.

— Я... я гляжу на дождь.

— Я надѣюсь,—возражаетъ онъ сухо,—что вы удовольствуетесь этимъ; я положительно требую, чтобы вы не выходили во время дождя на улицу, такъ какъ можете снова заболѣть, какъ это уже чуть было вчера не случилось.

— Хорошо,—покорно отвѣчаетъ она.

Она одна сходитъ сегодня за табльдотъ. Профессоръ, страдающій мнимымъ или дѣйствительнымъ нездоровьемъ, остался въ своей комнатѣ (онъ, конечно, заранѣе предупредилъ содержателя гостинницы, что не будетъ обѣдать) и довольствуется чашкой бульона, сидя у камина.

Белинда сидитъ за столомъ рядомъ съ одной дамой и ея мужемъ, съ которыми довольно коротко сошлась за это время. Но сегодня она вѣжливо отклоняетъ всѣ ихъ попытки къ дружеской бесѣдѣ. Пусть впослѣдствіи не говорятъ, что она навязывала имъ свое общество, злоупотребляя ихъ невѣдѣніемъ.

И вотъ наконецъ конченъ одинъ день и наступаетъ ночь. О! эти ужасныя ночи, когда безсонница смѣняется кошмаромъ и обратно, и не знаешь, что хуже! Порою ей хочется признаться во всемъ кому-нибудь, посовѣтоваться. Быть можетъ, это не такъ худо, какъ кажется! Вѣдь эти вещи случаются каждый день!

Отъѣздъ ея не будетъ горестью для мужа, а скорѣе желанной экономіей!

Она горько смѣется. Онъ будетъ радъ, что отдѣлался отъ нея. До сихъ поръ всѣ, съ кѣмъ она ни жила, бывали рады отдѣлаться отъ нея! Вѣдь бабушка едва могла скрыть свою радость, что она ее оставляетъ. Профессоръ Фортъ тоже будетъ радъ. А придетъ время, когда и *онъ*, быть можетъ, будетъ тяготиться ею! О! какая страшная мука скрыта въ этой мысли! Она будетъ видѣть, какъ мало-по-малу она надоѣстъ ему! Какъ честный человѣкъ, онъ будетъ стараться скрывать это; но развѣ это можетъ отъ нея укрыться? Она будетъ ревновать къ воздуху, который будетъ касаться его лица; каждый день она будетъ вопрошать себя: — *Тотъ ли* онъ, какъ былъ? Не перемѣнился ли? *Такъ* же ли любитъ меня? И каково это будетъ видѣть, какъ его любовь будетъ постепенно угасать. Что можетъ привязать

его къ ней? Не честь, потому что она порвала съ честью; не истинная любовь, потому что истинная любовь опирается на уваженіи, а она должна проститься съ уваженіемъ; отнынѣ она обречена на вѣчный стыдъ. Холодный потъ выступаетъ у ней на лбу. Ждетъ или нѣтъ насъ адъ въ будущей жизни,—а она уже въ здѣшней попала въ адъ.

Наконецъ наступаетъ послѣдній день:—послѣдній изъ тѣхъ, которые отдѣляютъ ее отъ утра, когда она встрѣтитъ его на Кесвикской станціи, отрекшись ради него и на вѣки отъ мужа, друзей и добраго имени.

Безсонныя, мучительныя ночи; дни, исполненные безъисходной тоски, до того разстроили ея нервы, что она наканунѣ того, чтобы заболѣть нервной горячкой. При малѣйшемъ шумѣ, она готова кричать. Она по обыкновенію за работой въ комнатѣ мужа и сѣла такъ, чтобы не видѣть его лица, въ то время какъ пишетъ. Слишкомъ горькое чувство раскаянія внушаетъ ей видъ его сморщеннаго лица и сгорбленной фигуры. Бѣдный старикъ! чѣмъ онъ виноватъ передъ нею, что она собирается нанести ему смертельный ударъ, — смертельный, если не для его сердца, то для его чести. По какому праву она готовится сразить его изъза угла? Потому что онъ старъ, боленъ и раздражителенъ? Но развѣ онъ не былъ такимъ, когда она выходила за него замужъ? Какъ далекъ онъ отъ мысли подозрѣвать ее? Онъ, можетъ быть, требователенъ и не ласковъ, но какъ сильно его довѣріе къ ней!

— У васъ какъ будто лихорадка!—говоритъ онъ.

Въ его голосѣ ей почудилась нѣкоторая доброта или участіе, и въ одну минуту она падаетъ на колѣни. Еще не поздно! Она все скажетъ ему.

— Чортъ бы васъ побралъ—сердито кричитъ онъ.

Какъ онъ ни раздражителенъ, а такое выраженіе и ему въ рѣдкость и доказываетъ, что мѣра терпѣнія его переполнилась.

— Вы закапали чернилами Григорія Назіанзина!

Съ минуту она стоитъ на колѣняхъ, оглушенная. Затѣмъ медленно приходя въ себя и вполнѣ исцѣленная отъ желанія принести повинную, она лепечетъ:

— Извините,—я... я уронила перо и хотѣла поискать его на полу.

Часы протекаютъ. Ей кажется, что они бѣгутъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, что время не двигается. Ни съ кѣмъ, кромѣ мужа, Белинда больше не разговариваетъ. Она сухо и холодно относится ко всякой попыткѣ заговорить съ нею добрыхъ людей, привлеченныхъ ея красотой и видимымъ одиночествомъ (профессоръ

продолжаетъ сидѣть въ своей комнаткѣ и питаться однимъ бульономъ). Она довольно грубо отогнала отъ себя маленькаго ребенка, съ которымъ прежде часто играла. Никто изъ нихъ не долженъ впослѣдствіи жаловаться на то, что она навязывала имъ свое общество, которое они будутъ считать для себя позорнымъ.

Наступаетъ часъ обѣда и Белинда стоитъ у дверей отеля и дышетъ свѣжимъ воздухомъ. На улицѣ ей немного легче, чѣмъ въ четырехъ стѣнахъ. Сегодня опять выпалъ дождливый денекъ; солнца не было видно цѣлый день, но теперь передъ самымъ закатомъ оно появилось на небѣ и вся природа кругомъ засіяла въ обновленной красѣ. Белинда глядитъ на окружающее ее великолѣпіе сухими, тоскливыми глазами и съ пересохшимся отъ внутреннихъ слезъ горломъ. О! какой жестокій, страшный, красивый міръ! Ей было бы легче жить, еслибы ее окружала мерзость запустѣнія; слишкомъ великъ контрастъ между внѣшней красотой, окружающей ее, и безобразнымъ хаосомъ, царствующимъ внутри ея. Краса солнечнаго заката такова, что привлекла къ окнамъ многихъ зрителей. Небольшая группа людей послѣдовала примѣру миссисъ Фортъ и вышла на дорогу. Лэди, съ которой она познакомилась въ началѣ своего пребыванія въ Лоудѣ, стоитъ возлѣ нея.

— Отчего вы не хотите больше съ нами разговаривать? — обращается она къ ней съ удивленіемъ въ голосѣ: — я боюсь,—добавляетъ она, смѣясь,—что вы думаете, что мы не совсѣмъ порядочные люди, что, быть можетъ, даже не обвѣнчаны! Мама встрѣтила такихъ господъ въ Спа въ прошломъ году, и это было ужасно, такъ какъ она чуть было не подружилась съ ними!

Она вдругъ умолкаетъ, потому что слушательница ея поблѣднѣла, какъ смерть, и съ трудомъ глотаетъ слезы. О! жестокій, насмѣшливый свѣтъ! когда перестанетъ онъ смѣяться надъ ея тоской!

Ночь наступила. Она идетъ проститься съ мужемъ. Часто прежде она пренебрегала этой церемоніей, но сегодня, по странному чувству противорѣчія, она находитъ нужнымъ соблюдать всѣ формы вѣжливости.

Она находитъ его у камина; пустая чашка отъ бульона стоитъ возлѣ него и онъ грѣетъ свои безкровныя руки надъ погасающимъ огнемъ.

— Я пришла проститься съ вами.

— Прощайте.

Церемонія окончена и онъ ждетъ, чтобы она удалилась, но она не уходитъ, удерживаемая желаніемъ броситься къ его ногамъ

и разсказать ему все. Бѣдный старикъ! Какъ онъ старъ и слабъ, и одинокъ!

— Вы не больны?—спрашиваетъ она перѣшительно

— По вашему мнѣнію, я никогда не бываю боленъ,— сухо отвѣчаетъ онъ.—Я пользуюсь самымъ крѣпкимъ здоровьемъ. Еслибы я сказалъ вамъ, что боленъ, вы бы мнѣ не повѣрили!

— О, нѣтъ,—съ раскаяніемъ заявляетъ она.—Я вѣрю, что вы часто, часто бываете нездоровы. Не могу ли я быть вамъ полезна?

— Вы можете затворить дверь,—отвѣчаетъ онъ съ иронією,—вещь, которой съ самого начала моего знакомства съ вами я не могъ добиться отъ васъ; а такъ какъ мнѣ пора ложиться спать, то я попрошу васъ затворить ее *снаружи*!

VI.

И вотъ теперь приходится переживать ночь. Съ какимъ страхомъ слѣдила она за наступающими сумерками и ждала ночи; но никакое ожиданіе не сравнится съ тѣмъ, что приходится переживать въ дѣйствительности во время этихъ тяжкихъ, нескончаемыхъ часовъ, сражаясь съ страшными батальонами мыслей и угрызеній совѣсти, преслѣдующими даже и во снѣ. Но сегодня она и не пытается ложиться спать. Не раздѣваясь, просиживаетъ она цѣлую ночь и пишетъ, пишетъ одно за другимъ прощальныя письма къ тому, кто, отдѣленный отъ нея тонкой перегородкой, кашляетъ и ворочается въ безпокойномъ и некрѣпкомъ стариковскомъ снѣ. Сколько такихъ писемъ написала она. По крайней мѣрѣ дюжину. Но не успѣетъ она написать одно, какъ тутъ же разрываетъ. Какъ просить прощенія въ томъ, чего нельзя простить? Какъ заявлять о своемъ раскаяніи въ грѣхѣ, когда дѣйствія доказываютъ, что она въ немъ не раскаялась? Къ чему оскорблять его такимъ образомъ? Наступаетъ разсвѣтъ и она пишетъ наконецъ всего три строчки, которыя, не перечитывая, чтобы и ихъ не разорвать, кладетъ въ конвертъ и запечатываетъ. Въ нихъ нѣтъ ни мольбы о прощеніи, ни раскаянія.

«Я уѣзжаю отъ васъ навсегда. Я считаю, что была для васъ такой дурной женой, хуже которой вы и сами не можете считать меня.

Белинда».

Проработать всю ночь ради такого результата! Она идетъ

къ окну вся окоченѣлая и одеревенѣлая. Жребій брошенъ, теперь уже нѣтъ возврата! Теперь надо примириться съ своей судьбой, какова бы она ни была! Она отходитъ отъ окна и случайно взглядываетъ въ зеркало. Что за лицо! Какіе темные круги подъ глазами! Какія бѣлыя, пересохшія губы! Но хуже всего выраженіе! Да! въ этомъ выраженіи есть что-то новое и невыразимое! У ней уже явился тотъ жалобный и вмѣстѣ съ тѣмъ вызывающій взглядъ, какой бываетъ у всѣхъ такихъ женщинъ. Ну, чтожъ дѣлать! и съ этимъ надо примириться.

Терять время больше не приходится. Она неслышно ходитъ по комнатѣ и собирается въ путь. Она снимаетъ свое обручальное кольцо и, завернувъ его вмѣстѣ съ немногими, жалкими драгоцѣнностями, подаренными ей мужемъ, кладетъ возлѣ письма. Потомъ взбудораживаетъ постель, чтобы было похоже, что она спала на ней, чего достигнуть не такъ легко, какъ кажется. Трудно придать постели, на которую никто не ложился, какъ разъ тотъ самый видъ, какой ей придаетъ спящій человѣкъ. Послѣ того она раздѣвается. Когда ей приносятъ теплую воду, она одѣвается заново и, положивъ письмо и пакетъ съ вещами на видномъ мѣстѣ, на комодѣ, который служитъ ей вмѣстѣ съ тѣмъ и туалетомъ, спускается внизъ.

Она приказала привести ей извощика. Эта издержка не падетъ на счетъ профессора. Она вернетъ ему деньги съ первой же почтой. Да! но *чьи* это будутъ деньги? Жаркая краска заливаетъ ея лицо и она закрываетъ руками свое жалкое лицо.

Три минуты истекло сверхъ назначеннаго срока, а извощика еще нѣтъ. Быть можетъ, ея приказанія не поняли и извощикъ совсѣмъ не пріѣдетъ! Но не успѣла эта жалкая надежда — которую врядъ ли даже можно назвать надеждой — зародиться въ ея сердцѣ, какъ она тотчасъ же пропадаетъ. Открытый кабріолетъ быстро катитъ къ подъѣзду. Но, можетъ быть, это не ея кабріолетъ! Вѣдь и другіе могли также заказать извощика. Быть можетъ, этотъ экипажъ предназначается для кого-нибудь другого. Но и это самообольщеніе разсѣевается.

— Экипажъ готовъ, сударыня, — говоритъ слуга, подходя къ ней.

— Вы увѣрены, что это мой экипажъ? — спрашиваетъ она, цѣпляясь за послѣднюю надежду. — Вы увѣрены, что никто другой не заказывалъ экипажа? что никакого недоразумѣнія быть не можетъ.

— Никакого, сударыня.

Ей ничего не остается, какъ сѣсть въ экипажъ, и она въ него садится. Въ это время слуга совсѣмъ невинно спрашиваетъ.

— Вы вернетесь къ обѣду, сударыня?

Въ одну секунду предательская краска заливаетъ ей лицо. Ужъ не подозрѣваетъ ли онъ ее? Ужъ не съ намѣреніемъ ли задалъ онъ этотъ вопросъ?

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ она едва слышно.

И вотъ экипажъ отъѣзжаетъ. Жребій брошенъ! Ничто не остановило ее. До самой послѣдней минуты она надѣялась, что ее задержатъ. Но, нѣтъ, увы! никакой помѣхи не произошло. Никому нѣтъ до нея дѣла, ни Богу, ни людямъ!

Какъ скоро онъ ѣдетъ! Она приказываетъ ему ѣхать тише; и затѣмъ, повинуясь новому и противорѣчивому желанію поскорѣй покончить со всѣмъ этимъ, приказываетъ ѣхать скорѣе. И снова мысли безчисленныя, какъ песчинки, быстрыя, какъ молнія, проносятся у нея въ мозгу. Въ ушахъ внезапно звенитъ фраза изъ «Sartor Resartus», Карлейля, позабытаго въ гостинницѣ кѣмъ-то изъ путешественниковъ и случайно попавшагося вчера подъ руку. «Любите не удовольствіе; любите Бога—вотъ любовь, не знающая конца». Зачѣмъ эта фраза преслѣдуетъ ее именно теперь. Какъ онъ скоро ѣдетъ! Ужъ видна станція вдали. Такъ же скоро везли ее и въ церковь въ то утро, когда была ея свадьба. Съ какой страшной отчетливостью припоминаются ей всѣ подробности того часа. Она сидѣла въ тупомъ и нѣмомъ отчаяніи, а Сара рыдала, убѣждая ее, что еще не поздно! Сара была права, и теперь еще не поздно. О! зачѣмъ нѣтъ съ ней теперь Сары?

По мѣрѣ того, какъ экипажъ приближался къ цѣли ея назначенія, агонія ея возрастаетъ. Холодный потъ выступаетъ на лбу. *Еще не поздно*! Это написано огненными буквами на холмахъ, мимо которыхъ она проѣзжаетъ, на голубой поверхности озера и на синемъ сводѣ неба. *Еще не поздно*! Какъ ясно читаетъ она эти слова! Въ нихъ есть что-то повелительное! *Еще не поздно*! Неужели она осмѣлится не повиноваться имъ.

— Стой!—кричитъ она внѣ себя.

Но волненіе ея такъ сильно, а въ горлѣ такъ пересохло, что слова не вылетаютъ изъ него. Лошадь продолжаетъ быстро бѣжать.

— Стой!—повторяетъ она и снова голосъ ей не повинуется и лошадь бѣжитъ дальше.

— Стой!—пересиливаетъ она, наконецъ, свое волненіе и на этотъ разъ кучеръ услышалъ ее и останавливается.

— Ступайте назадъ!—продолжаетъ она, и видя его изумленіе, объявляетъ:—Я забыла нужную вещь въ гостинницѣ!

— Мы пропустимъ поѣздъ, сударыня,—отвѣчаетъ онъ, вѣжливо и наставительно:—у насъ очень мало времени.

— Ступайте назадъ!—повторяетъ она, и кучеръ, хотя и дивится, но повинуется.

Она откидывается назадъ и закрываетъ лицо руками. Что она сдѣлала? Но она запрещаетъ себѣ думать или размышлять объ этомъ. И, однако, ея старанія, быть можетъ, тщетны. Если во время ея отсутствія письмо было найдено, то она напрасно вернулась.

— Какъ вы тихо ѣдете!—кричитъ она,—скорѣй, скорѣй!

Какъ могла она находить это разстояніе короткимъ? Оно непостижимо, нескончаемо длинно! Вотъ показывается гостинница! Нѣсколько человѣкъ стоитъ въ дверяхъ. Слышали они что-нибудь? Объ этомъ ли они говорятъ? Кабріолетъ у подъѣзда. Поспѣла ли она во время? Ей кажется, что между зѣваками воцарилось какое-то зловѣщее молчаніе. Она не смѣетъ взглянуть въ лицо слуги, который помогаетъ ей выдти изъ экипажа. Она какъ молнія несется по лѣстницѣ. Поспѣла ли она во время? Она добѣжала до своей комнаты и какъ вихрь врывается въ нее. Поспѣла ли она во время? Одинъ взглядъ и отвѣтъ готовъ. Да? она не опоздала! О! какъ легко стало отъ этой мысли! Письмо и пакетъ лежатъ на прежнемъ мѣстѣ, нетронутые. Да! она не опоздала! И при всемъ томъ—до того мы, люди, вообще не логичны въ своихъ чувствахъ,—она какъ будто и разочарована тѣмъ, что ея желаніе исполнилось. Еслибы письмо было найдено, судьба ея была бы рѣшена. А теперь ей снова приходится бороться. А можетъ ли она надѣяться, что выдержитъ борьбу? Она беретъ письмо въ руки и нѣсколько секундъ стоитъ въ нерѣшительности. Отчаянное рѣшеніе зарождается въ ея душѣ и выражается на ея растерянномъ лицѣ.

Такъ какъ онъ еще не получалъ письма, то она сама передастъ ему его. Она сообщитъ ему, при какихъ обстоятельствахъ оно было написано. Въ *этомъ* будетъ ея искупленіе.

Не давая себѣ времени на раздумье, она поспѣшно идетъ въ комнату мужа и стучится въ дверь. Отвѣта нѣтъ и она снова стучится. И опять не получаетъ отвѣта. Быть можетъ, онъ вышелъ. Она отворяетъ дверь и входитъ. Нѣтъ, онъ сидитъ на обычномъ мѣстѣ за импровизированнымъ письменнымъ столомъ. Онъ вѣрно не слышалъ. Поза его несовсѣмъ обычная, такъ какъ онъ очевидно сидитъ праздно и голова у него склонилась на

грудь. Онъ, вѣроятно, думаетъ и, конечно, выбранитъ ее за то, что она ему помѣшала. Но что-жъ дѣлать? Небу извѣстно, что онъ имѣетъ полное право бранить ее!

— Могу я переговорить съ вами?

Голосъ ея какъ-то особенно гулко раздается среди безмолвія комнаты. Отвѣта нѣтъ, и мужъ не двигается и ничѣмъ не даетъ знать, что замѣтилъ ея присутствіе. Какъ это странно! Она говорила громко и отчетливо, и онъ не глухъ. Онъ, вѣроятно, заснулъ, хотя странно! никогда не спитъ въ это время! Холодный ужасъ охватываетъ ее, но она старается преодолѣть его. Нервы ея потрясены. Почему ему было и не заснуть? Старикамъ часто дремлется.

Побѣждая безыменный, безсмысленный страхъ, овладѣвшій ею, она твердо подходитъ къ нему, кладетъ руку ему на плечо и заглядываетъ въ лицо. Черезъ секунду отчаянный звонокъ раздается на всю гостинницу, и когда испуганные жильцы и слуги сбѣгаются со всѣхъ сторонъ, они находятъ миссисъ Форть распростертой на полу рядомъ съ своимъ мужемъ и такою же безчувственной, какъ и онъ. Но только ее они приводятъ въ чувство черезъ нѣкоторое время, что же касается его, то онъ навѣки оправданъ въ обвиненіи, что онъ—malade imaginaire, и каоедра профессора этрусскихъ древностей въ Оксфордѣ свободна!

А. Э.

БЕЛЛЕТРИСТЪ-НАРОДНИКЪ
ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.

—Собраніе сочиненій А. И. Левитова. Съ портретомъ автора, гравированнымъ въ Лейпцигѣ, и статьею о жизни его Ф. Д. Нефедова. Два тома. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 1884.

Писатели, которые въ настоящее время выдѣляютъ, или хотятъ выдѣлить, себя въ особую группу, опредѣляемую названіемъ «народничества», указываютъ цѣлый рядъ своихъ предшественниковъ въ старой литературѣ 60-хъ годовъ,—публицистовъ, ученыхъ, поэтовъ,—и въ числѣ послѣднихъ ставится съ особеннымъ уваженіемъ имя Левитова. Уваженіе—вполнѣ заслуженное; это былъ писатель, несомнѣнно даровитый и оригинальный,—но любопытно опредѣлить, въ какой мѣрѣ и въ какомъ смыслѣ дѣятельность Левитова можетъ подтверждать тѣ оригинальныя теоріи, которыя теперь высказываются нерѣдко подъ именемъ «народничества» и обыкновенно съ притязаніемъ на исключительную непогрѣшимость.

Нельзя не порадоваться, что сочиненія Левитова собраны теперь въ цѣльномъ изданіи. Такое изданіе облегчитъ обзоръ дѣятельности писателя и историческую оцѣнку художественнаго и общественнаго содержанія, представляемаго его трудами, и дастъ любителямъ литературы возможность обновить въ своей памяти произведенія, занимающія одно изъ видныхъ мѣстъ въ нашей литературѣ, посвященной народу. Біографія, приложенная къ настоящему изданію, познакомитъ и съ характерной личностью самого писателя.

Левитовъ принадлежитъ дѣйствительно къ числу замѣчатель-

нѣйшихъ писателей, начавшихъ свою дѣятельность въ 60-хъ г., и которые останутся въ исторіи литературы своеобразными представителями того времени, времени великой національной реформы. Характеризуя условія, въ которыхъ возникла и развилась дѣятельность Левитова, его біографъ говоритъ: «Это было время пробужденія общественной мысли, сознанія вѣковыхъ заблужденій и зла, и вмѣстѣ съ тѣмъ, страстнаго исканія идеаловъ со стороны лучшихъ людей того времени. Во главѣ движенія сталъ царь, по волѣ котораго разбились желѣзныя цѣпи рабства, рухнулъ старый отжившій строй и начался новый періодъ въ жизни русскаго народа. Отмѣна крѣпостного права и другія реформы, послѣдовавшія за крестьянскою, призывали къ дѣятельности общественныя силы, открывали для всего юношества, безъ различія званій, широкій путь къ образованію и намѣчали, въ перспективѣ, дальнѣйшій ходъ развитія нашей гражданственности. Все, что было тогда молодого, свѣжаго и бодраго, — все это съ пламеннымъ восторгомъ отозвалось на призывъ верховнаго вождя Россіи и спѣшило приняться за дорогое всѣмъ дѣло и работать, не зная устали, съ тѣмъ, чтобы провести въ жизнь новыя и гуманныя начала, положенныя въ основу реформъ Царя-Освободителя. То было какое-то особенное время... Точно, послѣ безконечно-долгой и страшно суровой зимы, снизошла вдругъ на русскую землю плѣнительно-кроткая, вся сіяющая и теплая весна»...

Общественное движевіе, возбужденное этой весной, отразилось и въ литературѣ:

«Оно, — говоритъ г. Нефедовъ, — вызвало къ дѣятельности цѣлый рядъ новыхъ писателей, занявшихъ въ литературѣ совершенно особое мѣсто. Первыми изъ такихъ писателей явились Н. Успенскій, Слѣпцовъ, Левитовъ и Помяловскій; за ними — Рѣшетниковъ, Гл. Успенскій, Златовратскій, Засодимскій и многіе другіе. Въ русскую литературу, какъ у насъ потомъ стали выражаться, вышелъ теперь «разночинецъ». Выступивъ продолжателями литературныхъ традицій школы Гоголя, новые писатели скоро, однако, пошли самостоятельнымъ путемъ и поставили себѣ иныя задачи. Манифестомъ 19 февраля уничтожено крѣпостное состояніе крестьянъ, и много-милліонный народъ получилъ права гражданства. Писатели сороковыхъ годовъ — и во главѣ ихъ Тургеневъ—раскрывали въ своихъ произведеніяхъ всю неправду и вопіющее зло крѣпостного права, въ художественныхъ образахъ и картинахъ они воспроизводили крестьянскій міръ и показывали, что мужикъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ люди, и тѣмъ бу-

дили общественную совѣсть, вызывая симпатіи и искреннее участіе къ порабощенному классу. Народъ и его жизнь стали предметомъ вниманія и новыхъ писателей. Уступая своимъ предшественникамъ въ силѣ художественнаго воспроизведенія жизни и созданія типовъ, молодые писатели съ горячей любовью принялись за изображеніе народной жизни въ различныхъ ея проявленіяхъ. Они сдѣлались не только живописцами или ваятелями, но даже изслѣдователями, публицистами и комментаторами описываемыхъ ими жизненныхъ явленій. Суждено ли будетъ произведеніямъ новыхъ писателей занять мѣсто въ исторіи русской литературы, или нѣтъ,—рѣшеніе этого вопроса было бы теперь преждевременно; но что произведенія писателей шестидесятыхъ годовъ займутъ мѣсто въ исторіи русской культуры, — это едва ли подлежитъ какому-либо сомнѣнію.

«Большинство писателей шестидесятыхъ годовъ вышли или изъ среды духовенства, или мелкаго чиновничества, или прямо изъ народа. Родившіеся въ скромной обстановкѣ, они воспитывались среди нужды и всевозможныхъ невзгодъ; громадныхъ усилій и страшнаго напряженія энергіи стоило имъ добиться образованія и не затеряться въ массѣ. Благодаря, исключительно, богатству природныхъ силъ и таланта, они успѣли выбиться изъ своей среды,—среды часто грубой, невѣжественной и, подъ часъ, жестоко преслѣдующей людей именно за то, что послѣднимъ суждено было занять иное мѣсто въ жизни. Глубокой горечи, жгучихъ страданій и невообразимыхъ лишеній полна жизнь писателей, вышедшихъ изъ народа или разночинства: жизнь такихъ людей заслуживаетъ полнаго вниманія и знакомства съ нею. Только тогда будутъ понятны ихъ литературныя произведенія и возможна безпристрастная оцѣнка всѣхъ этихъ «очерковъ», «набросковъ» и т. п. Изъ перечисленныхъ выше писателей уже многихъ нѣтъ на свѣтѣ,—они рано сошли въ могилу; въ живыхъ теперь два—три человѣка. Но то литературное теченіе, которое съ ними началось, не остановилось и продолжаетъ существовать. Это явленіе представляетъ, само по себѣ, фактъ въ высшей степени любопытный и требующій серьезнаго изученія» [1]).

Любопытный *историческій* вопросъ состоитъ въ томъ, внесъ ли въ этомъ случаѣ «разночинецъ» какой-либо новый элементъ, не виданный прежде въ литературѣ, или же онъ только развивалъ намѣченныя раньше направленія общественной мысли и поэтическаго творчества; отвоевалъ ли новую область или только вос-

[1]) Собр. сочин. Левитова, I, стр. V, VII—VIII.

пользовался сложившимися на минуту благопріятно обстоятельствами, чтобы полнѣе высказать мысль или нарисовать картину, какія представлялись уже и наканунѣ 60-хъ годовъ. Съ опредѣленіемъ этого вопроса выяснится — въ области поэтическаго творчества, — насколько «народничество» можетъ быть въ правѣ считать себя открытіемъ, невѣдомымъ прежде новымъ началомъ. Параллельный вопросъ представится, конечно, и въ области началъ общественно-экономическихъ. Мы ограничимся въ настоящемъ случаѣ только первымъ и остановимся сначала на біографіи нашего писателя.

Ливитовъ былъ дѣйствительно *разночинецъ*, сынъ деревенскаго дьячка. Мы видѣли недавно [1]), что народническіе писатели именно придаютъ значеніе тому обстоятельству, что въ нашей новѣйшей литературѣ стали выступать дѣятели изъ этого общественнаго класса, и приписываютъ имъ внесеніе новаго характера въ самое содержаніе и строй литературы. Но пусть они не преувеличиваютъ этого обстоятельства. Происхожденіе писателя можетъ имѣть свою важность въ эпизодическихъ подробностяхъ литературной исторіи; но можетъ и совсѣмъ не имѣть значенія въ общемъ широкомъ движеніи литературной идеи. Эта идея, въ своихъ высшихъ проявленіяхъ отражающая внутреннія успѣхи просвѣщенія и національнаго самосознанія, слишкомъ глубоко коренится въ жизни, чтобы зависѣть отъ случайностей происхожденія и паспорта: въ кругу спеціальныхъ отношеній на писателя или общественнаго дѣятеля могутъ вліять память объ его происхожденіи, особенности его среды и воспитанія; эта память и эти особенности часто налагаютъ извѣстный отпечатокъ на личный характеръ, на исторію развитія; но было бы странно, пожалуй даже уродливо, еслибъ они сопровождали писателя въ вопросахъ науки, высшаго поэтическаго творчества, въ вопросахъ обще-національнаго значенія,—или, если «разночинецъ» (или человѣкъ другого общественнаго положенія) дѣйствительно сохранитъ свою спеціальную сословность въ этихъ широкихъ вопросахъ, это будетъ только недостатокъ и узкая исключительность. Геній и талантъ никогда не были ограничены какими-нибудь опредѣленными ступенями общественной лѣстницы, и первостепенные дѣятели литературы и самой государственной жизни нерѣдко выходили изъ «разночинцевъ». Въ концѣ XVII-го вѣка родился въ царской семьѣ геніальный человѣкъ, которому суждено было произвести переворотъ въ исторіи русскаго народа; въ первые годы XVIII-го

[1]) Въ отвѣтѣ на „Открытое письмо“ г. Златовратскаго.

столѣтія въ семьѣ крестьянской родился другой великій человѣкъ, труды котораго оказали могущественное вліяніе на судьбу русскаго просвѣщенія. Старая литература до-петровскаго времени писалась по преимуществу «разночинцами» (т.-е. духовными лицами изъ всякихъ сословій, но особенно низшихъ), но эти разночинцы не смогли сдѣлать ее народной; съ другой стороны съ XVIII-го столѣтія вопросъ о народѣ былъ, наоборотъ, поднимаемъ по преимуществу не людьми изъ народа и не разночинцами, а именно писателями изъ помѣщичьяго, даже аристократическаго класса. Непосредственные предшественники новѣйшихъ народниковъ, писатели сороковыхъ годовъ, западники и славянофилы, были какъ нарочно вовсе не разночинцы; напримѣръ, вслѣдъ за Пушкинымъ и Гоголемъ — Тургеневъ, Искандеръ, Грановскій, Кавелинъ, Григоровичъ, Некрасовъ, Самаринъ, Хомяковъ, Кошелевъ и пр. и пр. Когда въ нашей литературѣ прошелъ этотъ рядъ именъ, смѣшно настаивать на томъ, будто введеніе народной идеи было въ особенности дѣломъ разночинцевъ. Факты на лицо; слѣдуетъ только, точнѣе сообразуясь съ ними, опредѣлить, въ чемъ собственно состояла роль разночинцевъ, если она дѣйствительно была чѣмъ-нибудь спеціально заявлена. Исторія показала бы, что эта идея возникла независимо отъ вопроса о томъ, какого званія были защищавшіе ее дѣятели, и развивалась потомъ писателями изъ всякихъ сословій, если только талантъ и образованіе помогали имъ уразумѣть ея значеніе.

Мы не думаемъ, впрочемъ, сказать, чтобы этотъ общественный элементъ вовсе ничѣмъ не заявилъ себя въ новѣйшей литературѣ. Многіе изъ писателей шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ были въ самомъ дѣлѣ разночинцы, напримѣръ, кромѣ Левитова, Рѣшетниковъ, Помяловскій, Щаповъ и др.; собравъ вмѣстѣ то особенное, что они вносили въ свои труды, какъ люди извѣстнаго общественнаго слоя, мы найдемъ, что это было болѣе близкое, непосредственное знаніе извѣстныхъ сторонъ быта, народнаго обычая и языка, болѣе интенсивное чувство народной тяготы; это могло имѣть, и дѣйствительно имѣло, свою не малую важность въ разработкѣ *частностей* вопроса, но это не было что-нибудь, въ *принципѣ* раньше неизвѣстное литературѣ. Въ этомъ смыслѣ, т.-е. въ самомъ принципѣ, Левитову, Рѣшетникову и пр. предшествовали Гоголь, Тургеневъ, Григоровичъ, Некрасовъ, даже Мельниковъ, Писемскій и Потѣхинъ, и въ частности писатели, какъ Кокоревъ (авторъ «Саввушки»). Тѣ, кто настаиваютъ на роли «разночинца», упускаютъ изъ виду одно весьма существенное обстоятельство, а именно: прежнее положеніе печати

и самыя условія историческаго роста направленій. Въ сороковыхъ годахъ было физически (по цензурнымъ причинамъ) немыслимо такое изображеніе народной жизни, какое мы встрѣчаемъ съ шестидесятыхъ годовъ, т.-е., когда самимъ правительствомъ была заявлена крестьянская реформа или, другими словами, признано существованіе самого народнаго вопроса и тяжкаго положенія крестьянскихъ массъ. До этого времени существованіе этого труднаго положенія вовсе не признавалось, потому что все считалось обстоящимъ благополучно и литературѣ въ особенности не дозволялось «соваться» во внутренніе вопросы общества и государства: надо еще удивляться, что тогда могли появиться «Записки охотника», или «Деревня» и «Антонъ Горемыка» Григоровича. Оцѣнивши эти простыя обстоятельства, мы безъ особеннаго труда поймемъ, почему народная тэма, тронутая Тургеневымъ, не была высказана шире и не развита дальше другими писателями уже въ то время. Вмѣстѣ съ тѣмъ литературныя идеи развиваются обыкновенно съ извѣстной постепенностью въ виду степени пониманія самого общества: нужно было сначала памѣтить общую тэму, возбудить къ ней интересъ, чтобы затѣмъ въ литературѣ возможно было прочное дальнѣйшее развитіе этой тэмы, обработка подробностей и болѣе настойчивое указаніе самого вопроса. Это послѣднее и дѣлали потомъ писатели слѣдующаго литературнаго поколѣнія, — тѣ писатели которыхъ хотятъ теперь заносить въ спеціальную группу народничества, приписывать имъ какъ бы *новое* литературное *направленіе*, когда въ дѣйствительности они бывали достойными продолжателями ранѣе начатаго дѣла, но не изобрѣтателями новой идеи.

Въ той же мѣрѣ не были изобрѣтателями и другіе писатели, историки и публицисты, которыхъ причисляютъ къ основателямъ народничества его приверженцы. Указываютъ напримѣръ, на историческія и бытовыя теоріи Щапова; но русская исторіографія уже очень давно представляетъ примѣры такой точки зрѣнія, гдѣ указывалась народная сторона исторіи, проявленіе въ ней народнаго бытоваго начала и многозначительная роль общины. Такого рода идеями еще либералы двадцатыхъ годовъ оспаривали исторію Карамзина (Н. М. Муравьевъ, М. А. Фонъ-Визинъ); съ идеей народа, хотя и не понятой, носился Полевой; на бытовомъ началѣ строились историческія ученія Соловьева, Кавелина, Костомарова, П. Кирѣевскаго, К. Аксакова. Все это гораздо ранѣе народничества настаивало на признаніи народной личности и ея историческаго права, и писатели новой школы были только продолжателями ранѣе заявленнаго ученія; быть можетъ, они вносили въ

свои взгляды больше непосредственнаго чувства, больше поэтической идеализаціи народной старины, ея общинно-вѣчевыхъ началъ, по свою долю новыхъ историческихъ указаній въ этомъ смыслѣ они не всегда могли доказать достаточными аргументами. Труды этого рода имѣютъ свое значеніе въ судьбахъ нашей исторіографіи, но едва ли составятъ въ ней эпоху, какъ заявленіе новаго принципа. Наконецъ нѣчто подобное происходило и въ общественно экономическихъ теоріяхъ народничества.

Но, какъ мы сказали, «разночинцы» въ своей литературной дѣятельности приносили одну существенную черту, хотя не совершенно новую, но все-таки, въ періодъ 60—70-хъ годовъ, болѣе замѣтную чѣмъ прежде—именно, черту *личнаго* непосредственнаго *опыта* той жизни, которую они брались изображать. Назовемъ знаменитыхъ «Подлиповцевъ» Рѣшетникова, чтобы опредѣлить эту черту. Никакой поэтическій талантъ не въ состояніи нарисовать такой картины безъ прямого знакомства во-очію съ глухими, забытыми захолустьями народной жизни. Поэтому біографія писателей того круга, къ которому принадлежалъ и Левитовъ, можетъ представить особенный интересъ—съ одной стороны объясненіемъ ихъ личнаго отношенія къ изображаемому быту, съ другой,—исторіею того, какъ поэтическій талантъ находилъ свою дорогу для этихъ изображеній подъ впечатлѣніями того времени. Біографія нерѣдко становится здѣсь необходимою долей критики.

Александръ Ивановичъ Левитовъ родился въ 1835 году, въ селѣ Добромъ, лебедянскаго уѣзда, тамбовской губерніи; отецъ его былъ дьячкомъ и, кромѣ того, содержалъ постоялый дворъ и деревенскую школу. Мальчикъ рано выучился грамотѣ и прежде, чѣмъ самъ поступилъ въ школу (лебедянское духовное училище), уже помогалъ отцу въ его деревенской школѣ. Когда пришло время самому отправляться въ духовное училище, Левитовъ отлично выдержалъ экзаменъ и оказался вообще такъ хорошо приготовленнымъ, что послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія въ городскомъ училищѣ ему разрѣшено было оставаться дома въ селѣ и являться въ училище только на экзамены. Онъ хорошо сдалъ и окончательный экзаменъ, послѣ котораго ему предстояло перейти въ семинарію въ Тамбовѣ. Эта семинарія была того типа, который съ тѣхъ поръ былъ много разъ описанъ въ очеркахъ Помяловскаго и въ разныхъ другихъ разсказахъ и воспоминаніяхъ: быть можетъ, здѣсь можно было чему-нибудь научиться, но общій тонъ семинарскаго быта отличался извѣстной аскети-

ческой дисциплиной и полудикими нравами бурсы. Левитовъ, проживший долго дома, гдѣ хотя и много долженъ былъ работать, но оставался на свободѣ домашнихъ и сельскихъ отношеній, не былъ приготовленъ къ этой семинарской жизни, гдѣ были для него новы и капризная свирѣпость начальства, и грубые обычаи сотоварищей. Мягкій любящій характеръ, поэтическія наклонности, сказавшіяся въ немъ очень рано и очень опредѣлительно, наконецъ его физическое сложеніе не шли къ этой средѣ, гдѣ его внутреннія потребности не находили себѣ ни отзыва, ни опоры, и гдѣ напротивъ деликатныя свойства его натуры были лишнимъ поводомъ и къ нападкамъ товарищей и къ придиркамъ педагоговъ. Къ счастью, у Левитова нашелся товарищъ, съ которымъ его тѣсно сблизили общіе интересы, именно любовь къ литературѣ, и который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ большой силачъ и доставилъ ему полную защиту противъ бурсацкихъ нападеній. Этотъ товарищъ былъ нѣкто Соколовъ, съ которымъ впослѣдствіи Левитовъ нѣшкомъ ушелъ въ университетъ и еще разъ жилъ вмѣстѣ въ Петербургѣ.

«Соколовъ,—разсказываетъ біографъ,—какъ и Левитовъ, былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ семинаріи и, при обладаніи громадными физическими силами, не только приводилъ въ священный трепетъ своихъ товарищей—риторовъ, но заставлялъ съ уваженіемъ относиться къ своей особѣ философовъ и даже пользовался благосклоннымъ вниманіемъ со стороны богослововъ. Такова была популярность этой личности между семинаристами всѣхъ трехъ отдѣленій. Съ Левитовымъ ихъ сблизила общая страсть къ чтенію,—страсть, которой они удовлетворяли и у себя на убогой квартирѣ, просиживая за чтеніемъ книгъ далеко за полночь, и нерѣдко въ классныхъ комнатахъ семинаріи. Любимыми ихъ писателями въ области изящной литературы были Шиллеръ, Гёте, Диккенсъ, Тэккерей и Жоржъ-Зандъ, а изъ русскихъ Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ и, позднѣе, Гоголь [1]).

Левитовъ благополучно перешелъ во второй курсъ семинаріи, носящій названіе философіи, но здѣсь его семинарское ученіе кончилось, и самымъ фатальнымъ образомъ. Дѣло въ томъ, что въ семинарію поступилъ новый инспекторъ, монахъ Іеронимъ, типическій представитель той педагогіи стараго времени, которая не допускала въ воспитанникахъ ни малѣйшаго отступленія отъ принятаго обычая, никакой самостоятельной работы мысли и въ особенности не терпѣла свѣтской литературы. Между тѣмъ, Ле-

[1]) Собран. соч. Левитова, I, стр. XXII.

витовъ былъ уже извѣстенъ въ семинаріи своимъ «сочинительствомъ» и вскорѣ былъ уличенъ самимъ инспекторомъ въ чтеніи англійскихъ романовъ. Началось упорное и злостное преслѣдованіе. Однажды самъ инспекторъ отправился на семинарскую квартиру, гдѣ жилъ Левитовъ, и въ полночь засталъ его съ товарищами за чтеніемъ «Мертвыхъ Душъ». Поймавшій его на мѣстѣ «преступленія», инспекторъ не выбиралъ выраженій своего гнѣва; Левитовъ не выдержалъ и отвѣчалъ грубо. Дѣло закончилось безобразно. «Меня обвинили, безъ суда и слѣдствія,—разсказывалъ Левитовъ,—въ приводѣ на квартиру женщинъ, въ непотребномъ ругательствѣ своего начальника и приговорили къ воспріятію розогъ. Іеронимъ отлично понималъ, что такого рода наказаніе для меня гораздо будетъ чувствительнѣе, чѣмъ исключеніе изъ семинаріи. Съ минуты приглашенія меня и всего класса въ экзекуторскую, я потерялъ сознаніе... Что было потомъ, я не знаю; знаю только, что я былъ приговоренъ къ смерти; у меня открылась нервная горячка, и я очнулся только черезъ мѣсяцъ и въ больницѣ». Оправившись отъ болѣзни, Левитовъ окончилъ и философскій курсъ и, хотя съ уменьшенною отмѣткою въ поведеніи, назначенъ былъ къ переводу въ богословское отдѣленіе; но онъ уже не остался въ семинаріи. Вопросъ о будущемъ былъ рѣшенъ окончательно. Вмѣстѣ съ Соколовымъ, они рѣшили идти въ университетъ, списались съ знакомыми, которые учились уже въ московскомъ университетѣ и медицинской академіи; тѣ одобрили ихъ рѣшеніе. Левитовъ написалъ къ отцу; тотъ былъ совершенно противъ его затѣи, но Левитовъ стоялъ на своемъ. Въ письмахъ къ домашнимъ онъ изображалъ въ самыхъ свѣтлыхъ краскахъ свои надежды на будущее, которыя и самъ, вѣроятно, искренно питалъ, но въ данную минуту положеніе было очень трудное: онъ отправился въ Москву пѣшкомъ съ нѣсколькими рублями въ карманѣ.

«Еще въ пятидесятыхъ годахъ,—разсказываетъ біографъ,—между учащейся молодежью въ нашихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ обнаружилось стремленіе къ поступленію въ университеты и другія высшія учебныя заведенія гражданскаго вѣдомства; а въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ это стремленіе до такой степени завладѣло умами воспитанниковъ семинарій, что они массами эмигрировали въ столичные и другіе университетскіе города. Большинство этихъ бѣглецовъ, люди безъ всякихъ средствъ, не имѣли почти никакого представленія о томъ, что ихъ ожидаетъ впереди; какъ они поступятъ въ университетъ или академію, на что будутъ содержать себя въ продолженіе

курса и т. п. Они чувствовали неудовлетворенность въ той обстановкѣ, въ которой жили и воспитывались, и потому искали выхода; выходъ былъ единственный—пробраться въ университетъ... Одни изъ нихъ умѣли устроиться и благополучно оканчивали курсъ, другіе и, можетъ быть, самые талантливые, — не выдерживали борьбы съ суровыми условіями жизни и гибли подъ ударами жестокой судьбы» [1]).

Весь путь отъ Тамбова, разсказываетъ біографъ, Левитовъ и Соколовъ совершили пѣшкомъ съ легкими котомками за плечами, нѣсколькими рублями въ карманѣ и толстыми палками въ рукахъ. Левитовъ завернулъ на родину повидаться и проститься съ родными; но отъ матери скрыли настоящую цѣль его путешествія, чтобы не разстроить ее. Отецъ немного проводилъ его, далъ ему пять рублей, благословилъ и махнулъ рукою. Въ Москвѣ странниковъ ожидало разочарованіе: они узнали, что тамъ трудно ожидать полученія стипендіи, на что они разсчитывали, и имъ посовѣтовали «махнуть» въ Петербургъ въ медицинскую академію. Они «махнули».

Началась новая бѣдственная эпоха въ жизни Левитова: бывали иногда удачи, свѣтлыя минуты, но гораздо чаще неудачи и настоящія несчастія. Друзья все еще были исполнены надеждъ, которыя и не совсѣмъ ихъ обманули; но уже начинались бѣды. Началось съ того, что мать Левитова узнала отъ кого-то правду о бѣгствѣ сына и была поражена какъ громомъ этимъ извѣстіемъ: оно такъ потрясло бѣдную женщину, что черезъ два дня она умерла. Сынъ только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ узналъ объ ея смерти. Дома дѣла разстраивались: отецъ началъ попивать, и только благодаря бабушкѣ, семья не разбрелась по чужимъ людямъ. Между тѣмъ, Левитовъ успѣшно выдержалъ экзаменъ и въ августѣ 1855 года сталъ студентомъ медицинской академіи. Онъ былъ въ величайшемъ восторгѣ отъ этого успѣха и снова предался самымъ розовымъ надеждамъ не только на устройство своихъ собственныхъ дѣлъ, но и на обезпеченіе семьи, т.-е. сестры и младшаго больного брата. Онъ былъ увѣренъ, что получитъ стипендію или поступитъ «на казну», но стипендія приходила не вдругъ, и ему съ самаго начала пришлось бѣдствовать, потому что всѣ средства его ограничивались небольшими пособіями отъ родныхъ. Съ самаго начала сказывается и крайняя непрактичность, доходившая иногда до полной наивности: между прочимъ, Левитовъ не поступилъ съ самаго начала на

[1]) Тамъ-же, I, стр. XXXIII.

казенный счетъ потому только, что опоздалъ подать объ этомъ прошеніе. Но бывали и счастливые случаи: онъ сдалъ благополучно репетиціи и со второго полугодія поступилъ «на казну»; другимъ счастливымъ случаемъ было знакомство съ военнымъ докторомъ Б. И. Маляго, который принималъ въ немъ самое искреннее участіе. Каждая маленькая удача всегда имѣла то дѣйствіе, что Левитовъ тотчасъ забывалъ испытанныя бѣды и начиналъ строить самые увѣренные планы будущаго благополучія для себя, а также для сестры и брата, которымъ, къ сожалѣнію, не пришлось увидать въ дѣйствительности исполненія его прекрасныхъ предположеній.

Въ академіи Левитовъ жилъ въ тѣсномъ студенческомъ кружкѣ, гдѣ, кромѣ упомянутаго Соколова, было нѣсколько способныхъ и честныхъ юношей и хорошихъ товарищей: они вели обычный студенческій образъ жизни, много работали и читали, не прочь были повеселиться, когда находилось нѣсколько лишнихъ рублей, а у Левитова уже высказалась потребность поэтическаго творчества, которую съ жаромъ поддерживали и товарищи.

«Левитовъ,—разсказываетъ біографъ,—былъ любимцемъ и душою общества въ этомъ студенческомъ кружкѣ. Его замѣчательная и тонкая наблюдательность, природная веселость и разсказы, блещущіе неподдѣльнымъ остроуміемъ и юморомъ, всегда оживляли студенческія бесѣды и приводили въ восторгъ всѣхъ слушателей. Наружность Левитовъ имѣлъ самую симпатичную. Немного выше средняго роста, тонкій и стройный, съ овальнымъ лицомъ, щеки котораго горѣли яркимъ румянцемъ, и длинными бѣлокурыми волосами, падавшими локонами по самыя плечи; глаза сѣрые, вдумчивые и свѣтившіеся умомъ. Голосъ у него былъ грудной теноръ, тихій, нѣжучій и глубокій, словно онъ исходилъ изъ самаго сердца. Достаточно было одного взгляда на это лицо и услышать голосъ, чтобы вы почувствовали себя почему-то такъ хорошо и легко: лицо это, то оживленное, веселое и все сіяющее отъ добродушнаго смѣха, то задумчивое, съ выраженіемъ какой-то кроткой грусти, участія и любви, то снова веселое и смѣющееся... Товарищи любили и умѣли цѣнить Левитова»... [1]).

Въ этотъ первый годъ своего студенчества Левитовъ уже читалъ товарищамъ свой первый литературный опытъ подъ названіемъ: «Сельскій праздникъ», напечатанный впослѣдствіи подъ заглавіемъ: «Типы и сцены сельской ярмарки».

---

[1]) Тамъ же, стр. XLV.

Дѣла его шли, однако, плохо: онъ мечтаетъ на сберегаемыя отъ стипендіи деньги съѣздить домой, и проигрывается въ карты; приходитъ время экзаменовъ, но вмѣсто анатоміи голова занята Ребеккой Шарпъ (извѣстной героиней Тэккерея, которая была его «первой любовью») и фигурами его деревенскаго разсказа,— и въ его голову закрадывается смутное сознаніе какой-то ошибки; наконецъ передъ самымъ экзаменомъ онъ заболѣваетъ—приходится или оставаться на другой годъ въ курсѣ, или перейти въ университетъ. Ему кажется теперь, что ему надо было не учиться медицинѣ, которая не по его натурѣ, а поступать на филологическій факультетъ. Лѣто онъ прожилъ у доктора Маляго и раздумывалъ о переходѣ въ московскій университетъ, но тутъ, осенью 1856 года, съ нимъ стряслась новая ужасная бѣда. По разсказу сестры Левитова, «что-то изъ академіи вынудило его удалиться. Объ этомъ братъ никогда мнѣ не говорилъ, это какая-то ужасная тайна и я увѣрена, что онъ самъ старался забыть ужасную истину. Событіе это окончательно надломило его силы, испортило характеръ и омрачило его чистую душу. А товарищъ его и родственникъ, Е. И. Щепотьевъ, вскорѣ по удаленіи брата изъ акаменіи, умеръ: одни говорили, что онъ застрѣлился, а другіе, что ядъ принялъ» [1]). Біографъ не разъясняетъ этого происшествія, но въ результатѣ Левитовъ очутился въ Вологдѣ, въ качествѣ фельдшера: видимо, онъ былъ выключенъ изъ академіи и долженъ былъ въ своей ссылкѣ выслуживать въ должности фельдшера полученную имъ сумму стипендіи. Что съ нимъ дѣлалось тамъ— неизвѣстно, но въ Вологдѣ онъ остался недолго: ему здѣсь объявили, что настоящимъ его пребываніемъ назначенъ городъ Шенкурскъ, въ архангельской губерніи. Время, проведенное имъ на сѣверѣ, несомнѣнно было одно изъ самыхъ тяжелыхъ въ его жизни; онъ не любилъ говорить о немъ, изрѣдка только упоминалъ потомъ пріятелямъ о своихъ тяжелыхъ испытаніяхъ, и немногими чертами отразилось пребываніе его на сѣверѣ въ его произведеніяхъ. Здѣсь, повидимому, началась и та несчастная слабость, которая, вмѣстѣ съ житейскими неудачами, такъ изломала внутреннюю жизнь и матеріальный бытъ Левитова: добрые сострадательные люди увѣрили его, что отъ всякихъ бѣдъ можно найти утѣшеніе въ винѣ, и сами предлагали это утѣшеніе... Единственнымъ біографическимъ матеріаломъ объ этомъ времени осталось нѣсколько сохранившихся писемъ его домой и писемъ

[1]) Тамъ же, стр. LI.

пріятелей къ нему изъ Петербурга. Въ письмѣ къ сестрѣ Левитовъ даже не указывалъ своего адреса, и дома думали, наконецъ, что онъ умеръ. Товарищескій кружокъ не забывалъ его и настойчиво убѣждалъ его къ литературному труду. Въ началѣ 1857 года, пріятель его Соколовъ писалъ ему:

«Не знаю почему, а я предчувствую, что твой «Праздникъ» будетъ веселымъ для тебя праздникомъ и увѣренъ, что предчувствіе меня не обманетъ, потому что уже не разъ испыталъ на себѣ вѣрность этого предвѣстника. Одно то уже можетъ быть хорошимъ ручательствомъ успѣха первыхъ твоихъ опытовъ, что письма твои, особенно ко мнѣ, пропзвели сильное впечатлѣніе даже на моихъ нумерныхъ товарищей, каковы, напр., Б—скій и К—овъ, а эти грубыя натуры не скоро расшевелишь» [1]).

Не забылъ о Левитовѣ и докторъ Маляго. Онъ хлопоталъ у медицинскаго начальства объ освобожденіи Левитова изъ его заточенія; успѣлъ добиться перевода его въ городъ Вельскъ, вологодской губерніи; въ 1858 году посылаетъ ему денегъ на возмѣщеніе стипендіи и на проѣздъ въ Петербургъ,—но Левитовъ, повидимому, не внесъ денегъ и даже не отвѣчалъ своему покровителю. Вѣроятно, онъ совсѣмъ тогда потерялся и не былъ въ силахъ справиться съ своими обстоятельствами. Соколовъ продолжалъ писать ему въ ссылку и убѣждалъ приняться за литературную работу. «Богъ далъ тебѣ большія способности,—писалъ ему Соколовъ въ январѣ 1859 года:—зачѣмъ же ты не пользуешься ими, какъ мужикъ пользуется своими руками? Ты началъ прекрасную повѣсть, зачѣмъ же не кончить ее? Ты зналъ Успенскаго [2]): посмотри-ка, какъ онъ теперь упрочилъ свое положеніе! Я знаю, что онъ далеко уступитъ тебѣ по способностямъ,—я читалъ его нѣкоторыя повѣсти. Клянусь тебѣ своей совѣстью, что «Змѣй» Успенскаго, помѣщенный имъ въ «Современникѣ» и такъ много расхваленный, гораздо хуже твоего «Праздника», который ты началъ писать въ послѣднее время твоего пребыванія въ Петербургѣ. Отчего же ты не кончаешь его? Прошу тебя, продолжай свою работу—это единственное средство выйти тебѣ изъ дурного положенія». Наконецъ въ мартѣ Соколовъ получилъ отъ Левитова третью главу «Сельскаго праздника» для передачи въ редакцію «Сына Отечества», Старчевскаго.

Въ 1859 году Левитовъ получилъ, наконецъ, свободу.

---

[1]) Тамъ же, стр. LVII.

[2]) Рѣчь идетъ о Ник. Успенскомъ.

Въ его семьѣ произошли, между тѣмъ, большія перемѣны. Отецъ его женился во второй разъ; сестрѣ его жилось очень трудно въ новой семьѣ, и она переселилась къ роднымъ; затѣмъ, она получила откуда-то извѣстіе, что братъ ея умеръ; наконецъ, богатые родственники, не спросясь ея самой, выдали ее замужъ за дьячка—случилось то, чего, бывало, такъ боялся ея братъ и отъ чего онъ надѣялся непремѣнно избавить ее, зная хорошо быть сельскаго, особенно низшаго, духовенства. Къ счастію, однако, мужъ сестры Левитова оказался человѣкомъ хорошимъ, и новая семья зажила согласно; ко времени освобожденія Левитова у нихъ была уже дочка. Въ августѣ 1859 года Левитовъ неожиданно явился къ сестрѣ убогимъ странникомъ, въ которомъ она не вдругъ его узнала. Получивъ свободу, Левитовъ весь путь отъ Вологды до Лебедяни сдѣлалъ пѣшкомъ. Это странствіе потребовало нѣсколькихъ мѣсяцевъ: чтобы не погибнуть съ голоду и получить какія-нибудь средства для дальнѣйшаго пути, онъ останавливался въ селеніяхъ, нанимался писать въ волостныхъ правленіяхъ, получая за трудъ по полтиннику въ недѣлю. Въ одномъ правленіи онъ привелъ въ порядокъ ревизскія сказки; за это голова далъ ему три рубля и сверхъ того довезъ до города. Съ тремя рублями дошелъ онъ до Москвы. «Пришелъ онъ изъ Вологды больной, истомленный и убитый,—разсказываетъ его сестра,—явился онъ почти раздѣтымъ и въ какихъ-то опорышахъ, вмѣсто сапогъ. Вмѣсто кожи на подошвахъ были куски мяса, и въ это мясо врѣзались клочки холста, которымъ были завернуты его мученическія ноги. Я отмыла эти мѣста своими горючими слезами, залечила раны не дорогими лекарствами, но любовью и попеченіями.»

Мало-по-малу Левитовъ оправился, окрѣпъ физически и нравственно, началъ искать себѣ занятій и снова носится съ планами устроить свои дѣла и помочь сестрѣ. Онъ надѣется получить мѣсто учителя, продолжаетъ писать, мечтаетъ поступить въ московскій университетъ. Но дѣла все не улаживались, наконецъ, весной 1860 года, онъ во второй разъ пустился въ Москву. Денегъ не было, бабушка и сестра заложили кое-что изъ платья, и Левитовъ съ нѣсколькими рублями отправляется въ дорогу пѣшкомъ. Сестра обѣщала еще выслать денегъ въ Москву. Этотъ путь снова окружилъ его впечатлѣніями степной природы, которыя потомъ дали столько прекрасныхъ страницъ въ его степныхъ разсказахъ. Въ Москвѣ, разсказываетъ біографъ, у него не было никого знакомыхъ. Пока не вышли деньги, взятыя изъ дома сестры (13 р.), онъ ночевалъ на постоялыхъ дворахъ и

обѣдалъ на Толкучкѣ; истощились средства—онъ перенесъ свои ночлеги на москворѣцкую набережную: здѣсь онъ спалъ или въ пустыхъ лодкахъ, или въ необитаемой будкѣ; свелъ знакомство съ будочниками, которые кормили его и угощали своимъ тютюномъ... Дни онъ проводилъ на бульвара́хъ и ежедневно ходилъ справляться въ почтамтъ: не получены ли на его имя деньги; но всякій разъ возвращался съ обманутыми ожиданіями. Относительно поступленія въ университетъ онъ ничего не могъ добиться. Случайно пришлось ему встрѣтиться съ однимъ изъ бывшихъ своихъ товарищей по семинаріи: тотъ не только не оказалъ поддержки Левитову, но не позволилъ даже безпріютному переночевать въ своей хорошей квартирѣ. Не зная, что́ съ собою дѣлать, Левитовъ идетъ въ Тулу, гдѣ служилъ чиновникомъ одинъ изъ его родственниковъ; но въ Тулѣ узналъ, что родственникъ этотъ переведенъ на службу въ Архангельскъ; пришлось, не отдохнувши какъ слѣдуетъ, возвращаться обратно въ Москву... На счастье, въ почтамтѣ ждали уже Левитова деньги, присланныя сестрою: она продала двухъ воловъ отца и вырученныя деньги отослала брату. Въ этотъ же день онъ нанялъ себѣ на Грачевкѣ маленькую комнату «съ небилью» [1]).

Бѣдный Левитовъ продолжалъ, однако, работать, но онъ такъ мало довѣрялъ своимъ литературнымъ силамъ, что нужно было вмѣшательство посторонняго человѣка—наборщика изъ типографіи «Русскаго Вѣстника»,—чтобы ввести его, наконецъ, въ литературу. Мы упомянули, что онъ послалъ «Сельскій праздникъ» въ «Сынъ Отечества», но разсказъ былъ тогда еще не копченъ и это, вѣроятно, помѣшало появленію его въ печати; Левитовъ объяснялъ себѣ это недостатками разсказа, хотя Соколовъ тогда настойчиво увѣрялъ его въ большихъ достоинствахъ его работы. Теперь, кромѣ этого разсказа (переименованнаго въ «Ярмарочныя сцены»), у Левитова были еще наброски «Цѣловальничихи», «Сладкаго житья» и пр.

Въ тѣхъ же меблированныхъ комнатахъ на Грачевкѣ жилъ упомянутый наборщикъ, уже старый человѣкъ; онъ познакомился съ Левитовымъ, заинтересовался имъ, и увидѣвъ его рукописи, пожелалъ прослушать сочиненія молодого человѣка. Наборщикъ съумѣлъ оцѣнить достоинства прочитаннаго и посовѣтовалъ Левитову прямо обратиться къ Аполлону Григорьеву (принимавшему тогда участіе въ редакціи «Русскаго Вѣстника»), и когда Левитовъ продолжалъ недоумѣвать и не довѣрять себѣ, почтенный

[1]) Тамъ же, стр. LXXIII.

наборщикъ предложилъ самъ снести къ Григорьеву его рукопись. Черезъ два дня получился отвѣтъ: Григорьевъ очень желалъ видѣть автора: онъ встрѣтилъ Левитова самымъ радушнымъ образомъ и расхвалилъ его «Ярмарочныя сцены»; по одеждѣ Левитова онъ, конечно, увидѣлъ его нищету. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, Левитову предложили мѣсто помощника секретаря въ редакціи журнала, а въ счетъ гонорара за принятый разсказъ онъ получилъ сто рублей. Эта удача опять заставляетъ Левитова забыть всѣ свои бѣды и наполняетъ его самыми розовыми надеждами: онъ увѣренъ, что поступитъ въ университетъ, что въ состояніи будетъ посылать сестрѣ много денегъ (теперь посылалъ 15 руб.), предполагаетъ весной пріѣхать въ Лебедянь, совѣтуетъ сестрѣ «надѣяться на него, какъ на каменную гору»... Онъ былъ какъ нельзя больше доволенъ своимъ положеніемъ, свелъ новыя знакомства — съ В. Слѣпцовымъ, Бабиковымъ, И. Кельсіевымъ, М. Я. Свириденко, А. А. Козловымъ (завѣдывавшимъ тогда редакціей «Московскаго Вѣстника», теперь профессоромъ кіевскаго университета) и пр. Но не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ Левитовъ заболѣлъ и слегъ въ больницу, и хотя мѣсто въ редакціи было оставлено за нимъ, онъ по выздоровленіи почему-то не возвратился въ редакцію «Русскаго Вѣстника», гдѣ, между тѣмъ, разсказъ его, одобренный Григорьевымъ, былъ возвращенъ ему, такъ какъ Леонтьевъ нашелъ разсказъ не соотвѣтствующимъ направленію журнала.

Наконецъ, въ первыхъ нумерахъ «Московскаго Вѣстника» 1861 года, труды Левитова въ первый разъ явились въ печати: это было «Сладкое житье», третье по времени произведеніе Левитова. «Ярмарочныя сцены» были имъ отосланы въ журналъ Достоевскаго «Время» и были тамъ напечатаны нѣсколько позднѣе (августъ 1861). Тамъ же напечатано было вполнѣ и «Сладкое житье», не оконченное въ «Московскомъ Вѣстникѣ», за прекращеніемъ этого журнала. Въ «Русской Рѣчи» 1861 года появились «Цѣловальничиха» и «Проѣзжая степная дорога». Біографъ замѣчаетъ, что редакція «Времени» заплатила Левитову по 15 р. съ листа.

Съ этихъ поръ въ журналахъ, московскихъ и петербургскихъ, большихъ и маленькихъ, начинаютъ появляться довольно часто очерки и разсказы Левитова: въ «Зрителѣ» — второй очеркъ «Степная дорога», «Мірской судъ» («Расправа»), «Дурочка»; въ «Развлеченіи» — «Дорожный очеркъ» («Насупротивъ»), и т. д. Но московскіе журналы были не долговѣчны; уже вскорѣ прекратились «Московскій Вѣстникъ», «Русская Рѣчь», «Зритель». Левитовъ вскорѣ перебрался въ Петербургъ, сдѣлалъ много новыхъ

знакомствъ въ литературныхъ кружкахъ, особенно молодыхъ; цѣлый рядъ его статей и разсказовъ является въ «Библіотекѣ для Чтенія», «Русскомъ мірѣ», «Очеркахъ», «Народномъ Богатствѣ», «Искрѣ» (подъ псевдонимомъ Ивана Сизова), позднѣе въ «Современникѣ» и «Вѣстникѣ Европы». Въ эти годы онъ наѣзжалъ въ Москву, гдѣ у него былъ свой дружескій кружокъ. Въ первыхъ 60-хъ годахъ познакомился съ нимъ и авторъ біографіи. «Левитову было съ небольшимъ двадцать-восемь лѣтъ,— разсказываетъ біографъ.—Симпатичное лицо, густые свѣтлорусые волосы, маленькая бородка и пѣвучій голосъ; въ обхожденіи съ близкими его людьми и молодежью, которую онъ всегда и искренно любилъ, радовался ея радостями и сочувствовалъ всѣмъ ея прекраснымъ стремленіямъ — сказывалась задушевность. Въ немъ столько еще было свѣжести и огня, столько веселаго юмора и любви къ людямъ, что никто не могъ бы и подумать, что видитъ передъ собою человѣка, такъ много перенесшаго въ своей жизни и такъ глубоко несчастнаго. Только привычный глазъ могъ подмѣтить въ немъ слѣды пережитаго: какое-то по временамъ нервное подергиваніе плечами, вздрагиваніе, порою тихая грусть и долгій, безмолвно устремленный взглядъ на собесѣдника заставляли догадываться о прошломъ» [1]).

Въ Петербургѣ ему жилось тяжело: климатъ и безденежье опять привели его въ Москву; онъ думалъ совсѣмъ распроститься съ столичною жизнью и найти себѣ мѣсто учителя гдѣ-нибудь въ провинціи. Когда онъ пріѣхалъ въ Москву во второй половинѣ 60-хъ годовъ, московскіе друзья едва узнали его, — такъ онъ измѣнился и похудѣлъ. Ему удалось, въ августѣ 1866 г., получить мѣсто учителя русскаго языка въ Ряжскѣ (экзаменъ на званіе уѣзднаго учителя онъ сдалъ во время жизни своей въ Петербургѣ), но не прошло мѣсяца, какъ онъ уже сдѣлалъ открытіе, что желаніе быть учителемъ было «величайшею изъ всѣхъ сдѣланныхъ имъ въ жизни глупостей». Въ октябрѣ 1866 онъ снова былъ въ Москвѣ; дѣла были въ томъ же положеніи; о своихъ домашнихъ онъ давно не имѣлъ никакихъ свѣденій; безденежье и заботы кончались обращеніемъ къ вину. Онъ взялъ было уроки въ одной изъ московскихъ женскихъ гимназій и хорошо началъ дѣло, но опять не выдержалъ и бросилъ учительство. Все это время онъ нанималъ квартиру гдѣ-нибудь на окраинѣ города, въ какомъ-нибудь подвалѣ или полу-развалившемся флигелѣ, голодалъ и холодалъ, попадалъ въ

[1]) Тамъ же, стр. XCI.

больницу и иногда поселялся у пріятелей, когда подвальная жизнь становилась слишкомъ тяжела. Но онъ все еще не падалъ духомъ, любилъ свой дружескій кружокъ, гдѣ молодые идеалисты разыскивали истину и высшія цѣли жизни. «Какъ ни много онъ былъ искушенъ жизнью и людьми,—разсказываетъ біографъ,—сколько ни вынесъ тяжелыхъ испытаній и неудачъ, но постоянно увлекался, слушая молодыя рѣчи, и вѣрилъ, какъ только можетъ вѣрить юноша, не успѣвшій еще оставить школьной скамейки. При всемъ томъ Левитовъ умѣлъ всегда сразу опредѣлять личность и ея достоинства и, за рѣдкими лишь исключеніями, предсказанія Александра Ивановича всегда сбывались. Разочарованія въ людяхъ отзывались на немъ всегда тяжело. Въ выраженіяхъ своихъ симпатій и антипатій онъ никогда не стѣснялся»... Въ 1866 году онъ опять переѣзжаетъ въ Петербургъ; но литературная работа обезпечивала его плохо, болѣзнь заставляла думать о деревнѣ и онъ уѣхалъ изъ Петербурга, получивши черезъ кого-то изъ знакомыхъ мѣсто помощника начальника станціи, по Николаевской желѣзной дорогѣ; черезъ полгода онъ бросаетъ эту службу и возвращается опять въ Петербургъ. Среди бѣдствій и болѣзней продолжается пьянство, отъ котораго онъ лечится у мѣщанина Рукина, и послѣ того пишетъ къ одному московскому пріятелю: «послѣ леченія я не могу, безъ крайняго омерзѣнія, вспомнить, какъ это я жралъ водку и особенно пиво. При одномъ воспоминаніи все нутро переворачивается вверхъ дномъ... Теперь только понятны мнѣ тѣ гибельныя сумасбродства, которыя продѣлываютъ пьяные люди!»

Въ августѣ 1870 Левитовъ пріѣхалъ въ Москву, поселился опять въ захолустьѣ, на краю города, бѣдствовалъ; разстроенное здоровье требовало леченія, на которое не было денегъ. Желаніе посѣтить родныя мѣста овладѣло имъ до такой степени, что однажды, осенью, въ проливной дождь онъ бросилъ свою каморку и пустился пѣшкомъ въ тамбовскія степи; одинъ изъ знакомыхъ, случайно навѣстивши его въ это время и услышавъ, что онъ ушелъ, отправился его разыскивать и нашелъ его на серпуховской дорогѣ,—онъ лежалъ въ канавѣ въ совершенномъ изнеможеніи и почти безъ сознанія. Одинъ изъ пріятелей взялъ его къ себѣ; друзья дѣлали для него что могли, но не въ состояніи были вполнѣ помочь ему. Въ это время явился къ нему неожиданно меньшой его братъ, въ одеждѣ монастырскаго послушника; Левитовъ узналъ отъ него, что сестра ихъ давно овдовѣла и осталась безъ всякихъ средствъ съ маленькими дѣтьми, что у отца новое и большое семейство...

Левитовъ продолжалъ однако работать и теперь, хотя условія для работы были самыя неблагопріятныя; въ эту пору особенно занимала его давнишняя мысль о цѣльномъ большомъ произведеніи; но за недостаткомъ спокойнаго досуга романъ не двигался, и въ это время Левитовъ выдѣлилъ изъ него одинъ отрывочный эпизодъ, подъ названіемъ «Говорящая обезьяна»: по этой отрывочности Левитовъ не нашелъ тогда мѣста этому разсказу и онъ былъ напечатанъ послѣ его смерти въ 1879 году. Въ началѣ 1871 Левитовъ опять уѣхалъ въ Петербургъ; московское и петербургское пьянство приводило къ послѣдствіямъ, которыя начинали пугать его, и онъ снова лечится у мѣщанина Рукина. Періоды трезвости были, однако, и послѣ непродолжительны и дѣла его не поправлялись. Послѣдніе годы его жизни были не прерывавшимся рядомъ лишеній, болѣзни, отрывочной работы, пьянства и страданій. Онъ еще разъ поступаетъ учителемъ въ Козловъ, задумываетъ изданіе собственнаго журнала (на которое, впрочемъ, не получаетъ разрѣшенія), завѣдуетъ одно время редакціей иллюстрированнаго журнала «Сіяніе» и т. д., но неудачи его преслѣдовали и въ нихъ часто виновата была его собственная невыдержанность и непрактичность. Послѣдніе годы онъ прожилъ большею частью въ Москвѣ; въ эти годы уже выходили одно за другимъ отдѣльные сборники его сочиненій; они расходились, но объ нихъ мало говорили въ литературѣ, и это еще больше тяготило Левитова. Его все еще не покидала мысль о романѣ, гдѣ онъ хотѣлъ показать положительныя и отрицательныя стороны русской жизни, но затѣмъ надежда окончить романъ опять оставляла его и онъ приходилъ въ отчаяніе. Съ начала 1875 года онъ наконецъ серьезно и окончательно заболѣлъ; онъ сталъ быстро худѣть, его одолѣвалъ постоянный кашель; болѣзнь, противъ которой не дѣлалось ничего, дѣлала быстрые успѣхи, и въ январѣ 1877 года онъ умеръ въ университетской клиникѣ, на 42 году жизни.

Съ 1850-хъ годовъ, и особливо съ новаго царствованія, давшаго просторъ народному интересу въ литературѣ, народная жизнь послужила тэмой для множества произведеній художественныхъ и мнимо-художественныхъ, романовъ, повѣстей, разсказовъ, очерковъ, сценъ и т. д. Какъ мы упоминали въ другомъ мѣстѣ, тэма народной жизни трактовалась въ этихъ произведеніяхъ съ весьма различныхъ точекъ зрѣнія и въ различномъ духѣ: изображались тяжелыя преданія крѣпостныхъ временъ, и патріар-

хальныя добродѣтели народа; забитость и невѣжество народа, и возвышенность народнаго духа, передъ которой ничтожны люди образованные (конечно, образованные «на иностранный ладъ»), и т. п.; являлись безхитростные партизаны народа, въ родѣ Павла Якушкина, и люди, сознательно желавшіе народнаго блага, и наконецъ люди, внѣшнимъ образомъ знакомые съ народнымъ бытомъ и любившіе выставлять себя великими знатоками и истинными истолкователями мыслей народа, а на дѣлѣ весьма къ нему хладнокровные и даже не далеко стоявшіе отъ его несомнѣнныхъ враговъ. Словомъ, въ литературѣ и, между прочимъ, въ литературѣ беллетристической, отражались самыя разнообразныя отношенія къ народу, существовавшія въ жизни. Но первая эпоха крестьянской реформы дала особенную силу лучшимъ сторонамъ общественнаго настроенія и одушевила лучшіе таланты искреннимъ стремленіемъ служить народному дѣлу. Таковъ былъ кружокъ молодыхъ беллетристовъ, дѣйствовавшихъ съ 60-хъ годовъ и отчасти дѣйствующихъ до сихъ поръ: Николай и Глѣбъ Успенскіе, В. Слѣпцовъ, Бабиковъ, Рѣшетниковъ, Нефедовъ, Златовратскій, и другіе, примкнувшіе къ нимъ позднѣе. И въ кругу этихъ писателей отношеніе къ народной тэмѣ было не одинаково: однихъ поражали картины народнаго бѣдствія, создаваемаго давнишнею безправностью и трудными внѣшними условіями, и вмѣстѣ крайняя нищета народной мысли и нравственный упадокъ, котораго эти писатели не хотѣли скрывать отъ себя и отъ общества; другіе, въ противовѣсъ пессимистическому взгляду, отыскивали лучшія черты народнаго характера и его высокія нравственныя достоинства, уцѣлѣвшія въ трудномъ историческомъ испытаніи, или старались выработать безпристрастное отношеніе къ содержанію народнаго быта и т. д. Съ различіемъ содержанія различно было настроеніе писателей—то мягкое почти до сантиментальности, то элегическое то желчное. Въ послѣднее время, какъ извѣстно, разсказчики изъ народнаго быта уже не довольствуются данной художественной формой и сливаютъ разсказъ съ экономическими и общественно-моральными разсужденіями. Въ этой группѣ писателей изъ народнаго быта 60-хъ и 70-хъ годовъ, Левитовъ занимаетъ свое особое мѣсто и носитъ совершенно своеобразный литературный характеръ. Его понятія и его талантъ складывались въ ту прекрасно оживленную пору конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, которая именно способна была поднять и одушевить лучшія идеалистическія стремленія юности, и у людей, способныхъ къ серьезному нравственному запросу, къ искреннему убѣжденію, закрѣпить навсегда сознаніе общественнаго

долга и правды. Левитовъ отъ природы надѣленъ былъ мягкой, любящей душой и рано сказавшейся поэтической мечтательностью; въ ранніе годы его дѣтства и юности не много было благопріятныхъ условій, которыя помогли бы правильно развиться его врожденнымъ качествамъ, усилить ихъ серьезнымъ образованіемъ и здравымъ жизненнымъ опытомъ. Надо удивляться, какъ эти свойства его характера и дарованія могли уцѣлѣть въ той ужасной обстановкѣ, въ какой протекала его молодость, какъ среди постигавшихъ его тяжкихъ испытаній не ожесточилась эта душа и не потухло дарованіе. Но довольно было ему встрѣтить не много сочувствія, найти себѣ пищу въ случайно попавшихся книгахъ, чтобы его внутренняя работа нашла себѣ опору: его школа (семинарія и медицинская академія) не дали ничего для воспитанія его художественнаго сознанія, а семинарія дѣлала все, чтобы убить и извратить его; его настоящей и единственной школой были Диккенсъ, Тэккерей и Гоголь, которыми онъ зачитывался и восторгался до самозабвенія; три, четыре товарища, подобнымъ образомъ разбуженныхъ высокими художественными созданіями своей и чужой литературы, составляли все его общество. Идутъ затѣмъ годы какой-то непонятной ссылки, навсегда надломившей его личную жизнь, и однако онъ выходитъ изъ нея съ произведеніями, которыя сразу обратили вниманіе на молодого писателя. А. Григорьевъ, который при всѣхъ своихъ странностяхъ былъ человѣкъ со вкусомъ, съ самаго начала очень вѣрно замѣтилъ (если біографъ точно передаетъ его отзывъ), что у Левитова было что-то гоголевское, но свое и самобытное, что онъ вносилъ въ литературу новую и свѣжую струю. Дѣйствительно, на Левитовѣ можно замѣтить, что онъ былъ воспитанъ Гоголемъ (а вмѣстѣ Диккенсомъ и Тэккереемъ) или, лучше сказать, что эти писатели помогли развиться его собственной чертѣ —той глубокой, любящей вдумчивости, съ какой онъ всегда относится къ своимъ героямъ, раскрывая лучшія человѣчныя движенія ихъ души и глубину постигающаго ихъ горя, или давая видѣть читателю весь ужасъ ихъ нравственнаго паденія и испорченности. Левитовъ не разъ полушутя жалуется, что его произведеніямъ вредитъ излишество лиризма, и дѣйствительно, его разсказы пересыпаны лирическими эпизодами, которые иногда, быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ вредятъ художественности исполненія, но выдаютъ намъ симпатичную душу писателя и волнующія ее ощущенія. Волнуетъ его судьба человѣческой личности: ея исторію онъ проводитъ передъ нами въ картинахъ, поражающихъ жизненной правдой, исполненныхъ истинно-художествен-

ными достоинствами, и эти картины такъ овладѣваютъ имъ, что онъ не можетъ не высказать своего личнаго отношенія къ изображаемымъ лицамъ и нравамъ,—не разсужденіями и моральными трактатами, а именно лиризмомъ, изліяніями своего возбужденнаго чувства, своей радости или, всего больше, своей скорби. Лиризмъ чередуется съ тѣмъ юморомъ, параллели или первообразы котораго опять находимъ у Гоголя и Диккенса. Но самобытное, что̀ отличаетъ его не только отъ Гоголя, но и отъ непосредственныхъ предшественниковъ, затронувшихъ народный бытъ (какъ Тургеневъ, Григоровичъ), есть, во-первыхъ, близкое знаніе подробностей народнаго быта и, во-вторыхъ, пристальное вниканіе во внутреннюю жизнь изображаемыхъ имъ лицъ; знаніе быта у него дѣйствительно замѣчательное,—образчикомъ его можетъ служить одушевленный, колоритный языкъ, какъ въ его собственномъ разсказѣ, такъ и въ разговорахъ дѣйствующихъ лицъ. Другой предметъ лиризма Левитова составляютъ изображенія природы. Онъ страстно любитъ эту степную природу средней восточной Россіи, гдѣ прошла его юность, гдѣ онъ нѣсколько разъ совершалъ свои пѣшеходныя странствія, то съ идеалистическими надеждами устроить свое будущее, то разбитый и съ отчаяніемъ искавшій пріюта на родинѣ. «Природа у меня всегда на первомъ планѣ»,—замѣчаетъ Левитовъ въ одномъ разсказѣ, тэма котораго наводила его на мрачныя мысли.—«Природа лучше всего, что̀ только я узналъ во всю мою жизнь. Блистая нѣкогда неподдѣльной красотой въ мои дѣтскіе глаза, она заставила меня искренно полюбить ее» [1]), и дѣйствительно, онъ безпрестанно обращается къ природѣ. Можно положительно сказать, что изображенія природы у Левитова нерѣдко равняются съ знаменитыми ландшафтами, нарисованными Тургеневымъ; ихъ разница въ томъ, что Тургеневъ рисуетъ свои картины какъ чистый художникъ, удивительно схватывая всѣ тонкіе оттѣнки формъ и красокъ; Левитовъ относится къ природѣ лирически—онъ любитъ одушевлять ее, самъ хочетъ дѣлить ея жизнь и дѣйствительно часто заставляетъ ее говорить человѣческимъ языкомъ (иногда впадая даже при этомъ въ крайность), вмѣшиваться въ человѣческую жизнь, то съ лаской, то съ грозой, заставляетъ ее вспоминать свое прошлое и прошлое жившихъ среди нея людей (напомнимъ въ «Уличныхъ картинкахъ» изображеніе стараго лѣса). Въ его наслажденіи степной природой—не одно наслажденіе ею самой; его всегда провожаетъ мысль, какъ тѣсно свя

[1]) Собр. сочин. II, стр. 116.

зана съ этой природой людская жизнь, какъ много говоритъ эта природа свѣжему впечатлительному дѣтству и юности, или какой мрачный контрастъ и какой укоръ представляетъ нерѣдко ея глубокая красота съ безобразіями совершающейся подлѣ жизни.

Внѣшній горизонтъ произведеній Левитова не былъ обширенъ. Онъ описывалъ и разсказывалъ только и исключительно то, что̀ самъ зналъ и видѣлъ. Его біографія указываетъ намъ очень опредѣленно этотъ горизонтъ: сельская жизнь, — въ которой много его личныхъ дѣтскихъ и юношескихъ воспоминаній и опыта, — сельская жизнь крестьянъ, деревенскаго духовенства, мѣщанства и купечества; въ столицахъ — жизнь бѣднаго люда, въ комнатахъ «снебилью», въ закоулкахъ и трущобахъ «дѣвственныхъ улицъ» (иначе, по словамъ Левитова, называемыхъ «у чорта на куличкахъ»); жизнь подгороднаго люда (шоссейныя картинки), въ концѣ перепорченнаго и развращеннаго, съ вліяніями трактирной цивилизаціи и городской распущенности; жизнь маленькаго уѣзднаго города; картины изъ воспоминаній стараго быта; изображенія юношескихъ мечтаній и стремленій того поколѣнія, къ которому онъ самъ принадлежалъ; много разъ повторенныя и ужасныя картины пьянства, въ которыхъ, къ сожалѣнію, самъ онъ является не только свидѣтелемъ, но и дѣйствующимъ лицомъ [1]).

Задачи его творчества, быть можетъ, не были такъ трудны и сложны какъ у романиста, который берется изображать запутанныя явленія и мудреные характеры изъ высшихъ и среднихъ круговъ общества, и разсказъ Левитова льется свободно, точно живой разсказъ много видавшаго человѣка; выводимые имъ люди какъ будто просто портреты знакомыхъ ему лицъ, — но всматриваясь ближе, нельзя не видѣть, что въ этихъ простыхъ по внѣшности, не сложныхъ по сюжету, разсказахъ, мы имѣемъ передъ собой чисто художественное возсозданіе жизни, а вовсе не простую фотографію. Лица, изображаемыя Левитовымъ—лица типическія, въ которыхъ является передъ нами не единичный случайный портретъ, а характерный представитель цѣлой стороны жизни даннаго круга.

Какъ относится Левитовъ къ изображаемому имъ міру? Мы уже замѣтили, что господствующая черта его таланта, особенно

[1]) Было бы долго указывать пьесы Левитова по этимъ рубрикамъ, которыя притомъ иногда смѣшиваются въ отдѣльныхъ произведеніяхъ. Въ настоящемъ изданіи картины сельскаго быта собраны по преимуществу въ первомъ томѣ; во второмъ собраны больше разсказы о городской (петербургской и московской) и подгородной жизни.

отличающая его отъ его сверстниковъ, писателей изъ народнаго быта, есть теплое гуманное чувство, не покидающее его никогда, не закрываемое ни сатирой, ни раздраженіемъ. Предметъ былъ таковъ, что было мѣсто и для того, и для другого; но надъ ними все-таки господствуетъ это мягкое, сердечное настроеніе, которое, при встрѣчѣ съ мрачными явленіями жизни, переходитъ гораздо чаще не въ раздраженіе, а въ тяжелую скорбь.

Біографъ замѣчаетъ, что Левитовъ не принадлежалъ ни къ какой тогдашней партіи, что онъ стоялъ внѣ ихъ, какъ художникъ. Это справедливо въ томъ смыслѣ, что въ своемъ трудѣ Левитовъ дѣйствительно смотрѣлъ на жизнь и людей не съ точки зрѣнія теоріи (мы и не думаемъ, чтобы онъ выработалъ себѣ какую-нибудь опредѣленную общественную теорію), а черезъ призму поэзіи и чувства; но все-таки онъ и не относился индифферентно къ существовавшимъ партіямъ. Еще задолго до того, какъ онъ въ первый разъ выступилъ въ печати,—когда его первый разсказъ приводилъ въ восхищеніе двухъ-трехъ его друзей студенческаго кружка,—онъ уже былъ въ глазахъ этихъ друзей человѣкомъ извѣстнаго *направленія*. Въ одномъ изъ цитированныхъ нами писемъ, одинъ изъ его друзей, Соколовъ, восторгаясь «Сельскимъ праздникомъ», находя въ немъ «грацію описаній и юморъ, какіе не всегда найдешь у Гоголя и Тургенева», замѣчаетъ (въ январѣ 1857 года): «надѣюсь при этомъ, что ты будешь вѣренъ своему направленію и сохранишь идею до конца» [1]). Позднѣе, въ началѣ 60-хъ годовъ, дружескій кружокъ, которому принадлежали сочувствія Левитова, былъ кружокъ съ болѣе или менѣе опредѣленными мнѣніями, именно съ тѣми, которыя всецѣло преданы были ожидаемому и какъ будто совершавшемуся освободительному обновленію русской жизни. Это и была «идея», которая чувствовалась въ его раннемъ дружескомъ кругу. Самъ біографъ неоднократно подтверждаетъ, что симпатіи Левитова всегда принадлежали лучшимъ стремленіямъ новыхъ поколѣній, и упоминаетъ, что эпиграфомъ къ своему задуманному роману онъ выбралъ стихи Некрасова: «Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ» и пр. [2]). Такимъ образомъ Левитовъ не былъ безразличенъ къ существовавшимъ тогда общественнымъ направленіямъ, и Леонтьевъ былъ послѣдователенъ, когда отказался напечатать первый разсказъ Левитова, какъ несоотвѣтствующій направленію его журнала. Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ произведенія

[1]) Тамъ же, стр. LVII.
[2]) Тамъ же, стр. CXIV.

Левитова касались общественнаго вопроса, характеръ его мыслей едва ли подлежитъ сомнѣнію, хотя его непосредственный поэтическій трудъ вовсе не требовалъ принадлежности къ какому-нибудь опредѣленному кружку, — по самой сущности этого труда.

Левитовъ несомнѣнно принадлежалъ къ той группѣ русскаго общества и литературы, которая, встрѣчая съ полнымъ сочувствіемъ реформы прошлаго царствованія, ждала все большихъ успѣховъ просвѣщенія и общественной самодѣятельности. Въ *этомъ* смыслѣ онъ и былъ *народникомъ*, какъ были народниками всѣ лучшіе дѣятели русской литературы съ конца 1850-хъ годовъ, работавшіе въ прогрессивномъ направленіи, — потому что искомыя блага просвѣщенія и общественной самодѣятельности всего больше необходимы были именно для народа, и сочувствія къ народу, благія общественныя пожеланія для него, не имѣли другого смысла. Люди изъ народа, «разночинцы», примыкавшіе къ этому движенію, не измѣняли его смысла, не вносили въ него ничего по существу новаго, и только помогали разработкѣ вопроса тѣмъ частнымъ знаніемъ его отдѣльныхъ сторонъ, какимъ они обладали, выраженіемъ того чувства, которое у нихъ могло особливо наболѣть. Подъ конецъ, какъ извѣстно, стала складываться — исходя изъ разныхъ источниковъ — та особая литературная группа, которая присвоивала своимъ мало выясненнымъ идеямъ спеціальное названіе и привилегію «народничества». Какъ мы замѣтили въ началѣ статьи, въ свою генеалогію, т.-е. въ число своихъ предшественниковъ или первыхъ дѣятелей, оно, въ ряду многихъ другихъ писателей 60-хъ и 70-хъ годовъ, зачислило и Левитова. Намъ это кажется большимъ заблужденіемъ: тотъ Левитовъ, какого мы видимъ въ его сочиненіяхъ, *не есть* писатель новѣйшаго народническаго стиля. Въ этомъ не трудно убѣдиться, вникнувъ въ его представленія о народѣ.

Въ общемъ, Левитовъ глубоко любитъ народъ, какъ любитъ человѣкъ свою родину, свое отечество. Родившись, много живши въ средѣ народа, Левитовъ былъ близокъ къ нему, умѣлъ хорошо понимать его радости и печали и дѣлить ихъ; но какъ человѣкъ сознательный, онъ не былъ слѣпъ къ темнымъ сторонамъ и недостаткамъ народной жизни. Его идеальный народъ былъ въ будущемъ, — это долженъ былъ быть народъ просвѣщенный и самодѣятельный; но Левитовъ очень остерегся бы идеализировать народъ такъ какъ онъ есть, въ томъ настоящемъ видѣ, въ которомъ хранится еще столько мрачныхъ наслѣдій прошедшаго и столько современнаго безсознательнаго невѣжества

и дикости. Онъ любилъ народную старину, обычай, пѣсню, какъ поэтическую сторону народнаго быта; онъ съ теплымъ чувствомъ рисовалъ картинки сельской жизни, гдѣ, хотя бы и въ грубоватой формѣ, неизбѣжной въ тяжеломъ быту, выражались человѣчныя отношенія, чувства правды и добра, но онъ былъ очень далекъ отъ того, чтобы видѣть въ народной жизни патріархальную Аркадію или наилучшую общественную организацію. Если сравнить его съ новѣйшими идеализаторами народа, мы найдемъ между ними не одно рѣзкое противорѣчіе. Левитовъ не склоненъ видѣть въ народномъ міросозерцаніи готовую мудрость, готовыя формы бытовой справедливости; въ сущности, онъ и не ставитъ такихъ широкихъ вопросовъ; онъ смотритъ на народную жизнь въ ея непосредственныхъ проявленіяхъ и не дѣлаетъ выводовъ, превышающихъ эти проявленія или имъ противорѣчащихъ. Въ его разсказахъ вообще найдутся обильныя черты для характеристики тѣхъ традиціонныхъ нравовъ, самобытныхъ, «нетронутыхъ», «не испорченныхъ западной цивилизаціей» и т. д. Эта тэма мудрой народной патріархальности, какъ извѣстно, еще со временъ Петра давала богатую пищу консерваторамъ всевозможныхъ оттѣнковъ, начиная съ оттѣнка Аракчеевскаго и кончая Маниловскимъ. Въ преувеличенную идеализацію этой патріархальности, какъ извѣстно, нерѣдко впадаетъ и новѣйшее народничество. У Левитова, который вообще не задавался никакими теоретическими рѣшеніями—именно расточаемыми столь обильно новѣйшимъ народничествомъ — едва ли найдется какая-нибудь фальшивая черта этого рода. Онъ даетъ напротивъ правдивую картину этихъ нравовъ, вѣрность которой едва ли заподозритъ кто-нибудь, нѣсколько знакомый съ ними. Было бы долго перечислять примѣры, масса которыхъ разсыпана во всѣхъ его разсказахъ. Укажемъ нѣсколько образчиковъ.

Народный бытъ представляется Левитову не только въ его настоящей минутѣ, но въ цѣльномъ представленіи съ его давнимъ и недавнимъ прошедшимъ. Его очерки изъ народной старины («Аховскій посадъ», воспоминанія лѣса въ «Уличныхъ картинкахъ» и др.) отличаются такими поэтическими достоинствами, что ихъ можно поставить рядомъ съ лучшими произведеніями этого рода въ нашей литературѣ, хотя они и остались не достаточно выработанными. Времена крѣпостного права внушили ему нѣсколько разсказовъ («Моя фамилія, изъ воспоминаній временно-обязаннаго»; «Мое дѣтство»), гдѣ проходитъ передъ нами правдивая психологія человѣка, выросшаго подъ

крѣпостнымъ правомъ и ожесточеннаго имъ [1]). Съ отраженіями крѣпостнаго права читатель не разъ встрѣтится и въ другихъ разсказахъ. Современная крестьянская жизнь представляется особенно въ обыденныхъ, типическихъ картинахъ, выбранныхъ не для эффекта, а именно по ихъ типичности,—въ картинахъ, то мягкихъ и привлекательныхъ, когда писатель встрѣтится съ теплыми и разумными людскими отношеніями, то (и это гораздо чаще) въ картинахъ мрачныхъ и отталкивающихъ, когда его поражаетъ грубое безсердечіе и испорченность мнимой Аркадіи. Картины перваго рода (назовемъ разсказы: «Степные выселки», «Бабушка Маслиха», «Сельское ученіе—степная идиллія») принадлежатъ къ лучшимъ изображеніямъ народнаго быта, какія только есть въ нашей литературѣ; но объемъ свѣтлыхъ подробностей, къ сожалѣнію, перевѣшивается массой страданія и испорченности, корень которыхъ, кромѣ тяжелыхъ внѣшнихъ условій, современныхъ и наслѣдованныхъ отъ исторіи, лежитъ и въ давней заброшенности народнаго нравственнаго воспитанія, и въ неразвитости народнаго ума. Теперь нерѣдко высказывается прямо или косвенно мысль, что народное бытовое преданіе хранитъ въ себѣ драгоцѣнные задатки разумнаго нравственнаго быта и общественнаго распорядка: намъ указываютъ эти задатки въ преданіяхъ обычнаго права, рисуютъ глубокія нравственныя основы общины, изображаютъ «власть земли» и пр. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этихъ изображеніяхъ есть доля правды: вѣковая практика быта, хотя и лишеннаго воздѣйствій здраво поставленной школы и почти предоставленнаго самому себѣ, не могла не выработать извѣстныхъ общихъ понятій справедливости и общественной пользы; но не должно забывать, что эти понятія, въ ихъ тѣс-

---

[1]) Герой одного изъ этихъ разсказовъ вспоминаетъ, напр., о случаяхъ такого ожесточенія:

...„Моя злость отогнала отъ меня человѣка, котораго или я полюбилъ, или который былъ для меня такъ или иначе полезенъ.

— „Ну-да, ну-да!—тихо шепчу я себѣ.—Иди себѣ, откуда пришелъ съ своими нѣжностями,—проваливай, братъ! Мнѣ все равно. Я жилъ и безъ тебя. Я ко всему привыкъ, потому что все вынесъ... Любопытно было бы хоть на минутку взглянуть, какъ бы ты заежился въ моей шкурѣ... Ха, ха, ха!..

„Новая и еще больше жгучая волна наслажденія вливается тогда въ грудь мою, потому что въ глазахъ моихъ ясно рисуется въ это время безграничная пошлость людей, почему-либо близкихъ мнѣ, которые въ сношеніяхъ со мной ни чуть не подозрѣваютъ, что во мнѣ все происходитъ наоборотъ, чѣмъ у нихъ; часто случается, что они улѣшаютъ меня во время такого безпощаднаго и язвительнаго внутренняго смѣха, который если бы они услышали, такъ въ моментъ бы умерли, какъ отъ укушенія ядовитой змѣи"... (Собр. сочин. I, стр. 570).

номъ кругѣ дѣйствія, остаются зачаточными и элементарными, не испытавшими широкаго примѣненія въ болѣе сложныхъ общественныхъ условіяхъ, и внѣ другихъ средствъ общественности бываютъ безсильны, — мы видимъ дѣйствительно, что для самаго народа онѣ очень часто остаются только фразой и на дѣлѣ слишкомъ часто исчезаютъ подъ тѣми дурными инстинктами, которымъ слишкомъ мало противодѣйствовали условія народнаго воспитанія. Левитовъ не мудрствовалъ лукаво и его разсказы съ глубокой проніей могли бы отвѣтить на трогательныя изображенія общинной правды и «власти земли». Назовемъ разсказы: «Деревенскій случай», «Расправа», «Сказка и правда» и пр. Общинная правда исчезала очень легко—по желанію перваго богатаго мужика, который въ состояніи былъ перепоить «міръ» въ кабакѣ; власть земли не мѣшала крайнимъ несправедливостямъ въ средѣ своихъ же, тѣмъ болѣе несообразнымъ и возмутительнымъ, что «міръ» всегда знаетъ или можетъ знать всю правду о своихъ односельчанахъ. Въ разсказахъ Левитова не скрыта та обычная черта, что обиліе благочестивыхъ и разумныхъ сентенцій становится въ патріархальномъ быту только одеждой наглаго лицемѣрія или низменнаго лганья. Идеализаторы народа множество разъ изображали въ розовыхъ чертахъ крѣпость народнаго преданія, противопоставляя ее новѣйшей городской испорченности, и рисовали идиллическія картины быта, основаннаго на старинныхъ строгихъ правилахъ «Домостроя». Левитовъ, не задаваясь тенденціями, разсказываетъ обычныя проявленія этого преданія, и въ результатѣ получается рядъ тягостныхъ, часто возмутительныхъ картинъ стараго обычая. Слишкомъ часто этотъ бытъ въ духѣ преданія (какъ въ крестьянствѣ, такъ и въ купеческой средѣ, сохраняющей преданіе) представляется картиной грубаго насилія сильныхъ надъ слабыми, мужчинъ надъ женщинами, старшихъ надъ дѣтьми. Типическій глава семьи держитъ ее въ «грозѣ» и «острасткѣ»; эта гроза проявляется не то что въ суровомъ домоправительствѣ, а зачастую просто въ безсмысленномъ битьѣ, большею частью, конечно, въ пьяномъ видѣ: послѣдствіемъ бываетъ то, что цѣлая семья бываетъ «юродивая и ошалѣлая» («Сладкое житье», I, стр. 76); дѣти заколачиваются до полоумства («Новый колоколъ», «Блаженненькая», «Графчикъ»); положеніе дѣвушки въ семьѣ до послѣдней степени безправное, ея замужество совершается тѣмъ самымъ способомъ, какой безчисленное множество разъ описывается въ пѣсняхъ, оплакивающихъ судьбу молодой женщины въ чужой семьѣ подъ властью злого свекра и злой свекрови.

Изъ множества примѣровъ этого рода выберемъ одну цитату изъ разсказа «Горбунъ»:

...„Въ спальнѣ робкая рѣчь старухи учила ребенка, такъ же тихо и смирно, протянуть до гроба оживающую жизнь, какъ дотягиваетъ ее сама учительница. И слушая матерніе разсказы, дѣвочка скоро научилась, какъ и мать, широко и безсмысленно раскрывать глаза и безсильно дрожать беззащитною головой, когда какое-нибудь дѣтское горе разражалось надъ нею,—безъ блеска въ глазахъ и безъ обыкновенныхъ радостныхъ криковъ встрѣчать неожиданно нахлынувшее счастье и даже пугаться этого счастья, потому-что все, что только могли услышать молодыя уши въ такъ рѣдко оживающей спальнѣ,—все это говорило молодому сердцу о томъ только, что хотя и много растетъ въ степной сторонѣ всякихъ красивыхъ цвѣтовъ и травъ благовонныхъ, зато неминуемо гибнетъ въ этой сторонѣ всякая, сколько-нибудь живая душа дѣвичья, которой еще никогда не давала и, вѣроятно, никогда не дастъ, какъ слѣдуетъ, расцвѣсть *степная старинная дурь*...» (т. I, стр. 236).

Не мало было также говорено о разумномъ консерватизмѣ народа, который-де потому чуждался нововведеній, что они были противны его національному существу; потому, напримѣръ, чуждался новой школы, что она не сходилась съ его понятіями о просвѣщеніи, и т. п. Въ пятидесятыхъ годахъ такіе народолюбцы, какъ Даль, были даже вообще противъ народной грамотности; въ настоящее время мнимые друзья народа и хранители его идей продолжаютъ возставать противъ новой школы, какъ, напримѣръ, недавно, по поводу дѣятельности покойнаго барона Н. А. Корфа. Не разъ уже было объяснено, почему народъ не довѣрялъ нововведеніямъ,—обыкновенно они являлись въ его среду черезъ посредство чиновничества, которому онъ имѣлъ много причинъ не довѣрять, по приказамъ, которые не хотѣли обращать никакого вниманія на собственные взгляды или недоумѣнія народа;—но нельзя скрыть, что въ этой враждѣ народа къ нововведеніямъ играло свою роль и простое незнаніе, давнишняя неподвижность, суевѣрный страхъ передъ тѣмъ, чего не знали отцы и дѣды, та народная «темнота», которая есть вовсе не одна фраза, но дѣйствительный фактъ. Левитовъ коснулся вопроса о школѣ въ разсказѣ: «Передъ открытіемъ сельскихъ школъ» (рѣчь идетъ объ открытіи школъ въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ). Слухи объ открытіи училищъ ужасно перепугали народъ.

«По крайней мѣрѣ за полгода передъ открытіемъ школъ, сельскій людъ, и теперь еще называющій себя темнымъ людомъ, вмѣсто обыденныхъ разговоровъ о письмахъ и посылкахъ отъ отцовъ, сыновей, мужей и братьевъ, работавшихъ по зимамъ въ разныхъ городахъ,—вмѣсто толковъ объ урожаяхъ, о цѣнахъ на хлѣбъ, о подушномъ, о домашнемъ скотѣ,—заговорилъ другъ съ другомъ самымъ секретнымъ и пугливымъ шопотомъ.

«Шептавшіеся люди представляли собою олицетвореніе крайняго испуга. Многія женщины плакали, многія сердились и били тѣхъ, кто подвертывался имъ подъ руку: было ли то животное, ожидавшее подачки, или привыкшее къ ласкамъ дитя—и, вообще, на всемъ селѣ лежала печать уныніи и невыносимой тоски» (т. I, стр. 592).

Можетъ показаться карикатурнымъ преувеличеніемъ, что заведеніе по селамъ училищъ представлялось, наконецъ, народу въ связи съ приходомъ антихриста... Однимъ казалось, что рѣчь идетъ о томъ, чтобы брать въ полки бабъ и дѣвокъ:

«У пылающей печки, опершись на рогачъ, стоитъ мать,—передъ ней стоитъ сосѣдка съ глазами, свѣтящимися въ одно и то же время и печалью и любопытствомъ.

Обѣ онѣ шепчутся о чемъ-то странномъ, чего прежде я никогда не слыхивала. Сквозь слезы онѣ, торопливо перебивая другъ друга, толкуютъ о какой-то *школѣ*, о какомъ-то *ужбилищѣ*, куда скоро потянутъ всѣхъ до единаго: и мужиковъ, и бабъ, и парней, и дѣвокъ; а оттуда, какъ только высмотрятъ, кто посильнѣе, того сейчасъ въ солдаты...

— Што ты мелешь пустое!—тихо возражаетъ сосѣдка матери. — Да ину пору наша сестра-баба куда здоровѣе мужика выходитъ! Стало такую и тащи въ солдаты...

— Стало и потащутъ,—утвердительно отвѣчаетъ мать:—потому приказъ такой вышелъ, штобы были полки такіе—изъ бабъ и дѣвокъ. На то на самое и ужбилища энти открываютъ по селамъ.

— Да што же, у нихъ мужчинской-то силы мало, што-ли?

— Да должно мало! Не хватаетъ, надо полагать... Должно еще и бабья шкура понадобилась...

Съ печи слышится протяжный и дребезжащій голосъ бабки, которая тоже, въ свою очередь, подстаетъ къ разговору.

— Это вотъ, должно, какъ передъ французомъ слухи тоже прошли,—протягиваетъ она —Быть набору съ дѣвокъ и бабъ безпремѣнно, потому, говорятъ, однимъ мужикамъ съ *ими* совладать никакъ невозможно. *Они* тогда—французище-то энтотъ,—такъ то ли наступалъ люто!» (т. I, стр. 593—594).

Другіе прямо разсуждаютъ объ антихристѣ:

«Всѣ эти навожденія идутъ отъ *него*, который уже теперь народился, и который, будучи теперь только трехъ годовъ, уже разрываетъ на себѣ однимъ махомъ по семи кованыхъ желѣзныхъ цѣпей...

— По иностраннымъ землямъ *онъ* уже давно пошелъ, — слышится мнѣ.— Въ Москвѣ всѣ говорятъ... Тамъ знаютъ...

— «Далеко еще, слава Богу! Только есть ужъ и у насъ кое-что эдакое... Напускъ паводитъ и на насъ... Табакъ, вонъ, сперва напустилъ, — за нимъ, вонъ, картошка пошла, тыква, ну, а теперича вотъ сами видите... Теперича желательно ему *ужбилищей* насъ оплесть. Въ короткихъ сертукахъ учить-то насъ попринаѣдутъ... Сказано: разлетятся, передъ послѣднимъ концомъ свѣта, по всѣмъ градамъ и селамъ птицы съ желѣзными носами...» (Тамъ же, стр. 601—602).

Страхи были совершенно напрасны: когда наконецъ настало

открытіе училища, въ село пріѣхалъ «окружной» и привезъ учителя изъ семинаристовъ, который на первыхъ же порахъ свелъ съ мужиками большую дружбу въ сосѣдствѣ кабака и оказался самымъ душевнымъ человѣкомъ: онъ привезъ съ собой гитару и доставилъ удовольствіе всѣму селу, залихватски наигрывая на ней знакомыя пѣсни.

Эти черты—вовсе, однако, не грубая каррикатура; напр. картофель, который нѣкогда съ великимъ трудомъ вводили въ народное хозяйство, народъ считалъ чортовымъ яблокомъ, и приказы сѣять его вызывали настоящіе бунты; преданія о табакѣ извѣстны; толки о наборѣ полковъ изъ дѣвокъ, даже для отсылки въ чужіе края, повторялись періодически. Народное легковѣріе существуетъ не у насъ однихъ; но такое фантастическое направленіе его составляетъ нашу особенность и сколько въ немъ участвуетъ крайняя темнота, ребяческое состояніе народнаго ума, это не требуетъ объясненій [1]).

Подобныя картины народнаго невѣжества, безправія, испорченности Левитовъ приводитъ и изъ жизни другого простонароднаго слоя—бѣднаго городского населенія (напр., въ московскихъ захолустьяхъ), и населенія подгороднаго, гдѣ на народную почву прямо ложатся вліянія городской испорченности. Назовемъ цѣлый длинный рядъ разсказовъ, собранныхъ во второмъ томѣ сочиненій Левитова: «Нравы московскихъ дѣвственныхъ улицъ», «Счастливые люди», «Московскія уличныя картины», «Хорошія воспоминанія», «Не сѣютъ, не жнутъ»; «Безпріютный», «Шоссейный день», «Безпечальный народъ» и др. Левитовъ и здѣсь былъ наблюдателемъ компетентнымъ: мы видѣли изъ его біографіи, что ему случалось много живать въ московскихъ трущобахъ, въ которыя загоняла его крайняя нужда; его разсказы не были (какъ бывало даже у лучшихъ нравоописателей) основаны только на немногихъ дѣйствительно подсмотрѣнныхъ фактахъ, потомъ обильно дополненныхъ и подкрашенныхъ фантазіей, напротивъ, у него была масса самыхъ подлинныхъ наблюденій.

Нашъ писатель не могъ обойти еще одного элемента народной жизни—сельскаго духовенства; онъ касается его вообще мимоходомъ, но остается одно, болѣе отрицательное, впечатлѣніе: духовенство играетъ меньше роли, чѣмъ было бы желательно для нравственнаго воспитанія народа. Народъ, безъ со-

---

[1]) Ср. еще подобные эпизоды деревенскихъ и городскихъ слуховъ и страховъ—т. I, стр. 345—350; II, стр. 482 (толки о московской выставкѣ).

мнѣнія, религіозенъ и представляетъ податливую почву для авторитетнаго религіозно-нравственнаго вліянія, но это вліяніе, вообще говоря, отсутствуетъ. Религіозность остается для громаднаго большинства внѣшнею, мало проникающею въ самую жизнь: отдать дочь въ «чернички» т. е. рѣшить впередъ всю ея судьбу, не спросясь ея самой, слить колоколъ въ церковь («Новый колоколъ»), сдѣлать въ церковь иное пожертвованіе («Яковъ Петровичъ Сыроѣдъ», «Барочникъ Картузовъ»), завести у себя въ домѣ юродиваго («Вѣрное средство отъ разоренья») и т. п., полагается достаточнымъ средствомъ для религіознаго примиренія совѣсти, и затѣмъ совершившій эти добрыя дѣла считаетъ себя въ правѣ продолжать свои практическія безобразія—онъ откупился отъ грѣха и отъ голоса своей совѣсти. Чернички, юродивые остаются какой-то искупительной жертвой, не измѣняющей хода вещей. Левитовъ рисуетъ (въ «Сыроѣдѣ») привлекательную личность христіанскаго филантропа въ лицѣ сельскаго дьякона, но онъ остается рѣдкимъ исключеніемъ; обыкновенно нравственный бытъ деревни остается на произволѣ судьбы. Деревенская школа, управляемая причетниками — въ разсказахъ Левитова есть еще старая школа, та, въ которой, бывало, «*мастеръ* (такъ звали по селамъ учителей того времени) не только-что наказывалъ или билъ, а просто звѣрски тиранилъ своихъ учениковъ» [1]), и гдѣ, бывало, выучка доставалась парню цѣною «изуродованія»...

Наконецъ все это завершается цѣлымъ рядомъ разсказовъ, рисующихъ безотрадную картину народнаго пьянства. Оно сопровождаетъ насъ всюду: рѣдкій эпизодъ народнаго быта обходится здѣсь безъ кабацкихъ сценъ, иногда цѣлымъ «міромъ». Такъ выходило, конечно, по необходимости: вино играетъ такую обширную и фатальную роль въ жизни крестьянина и всего низшаго класса народа, что правдивый разсказчикъ и не могъ миновать этой черты. Безъ вина не обходится ни горе, ни радость, ни дѣло, ни бездѣлье; пьютъ не только мужчины, но и женщины; ласковый отецъ даетъ винца мальчишкѣ-сыну, мать, чтобы успокоить ребенка въ колыбели, даетъ ему хлебнуть водки. Дѣйствіе вина почти исключительно одуряющее; веселье кончается всего чаще дракой и даже убійствомъ; глава семейства пропиваетъ послѣднія деньги, свирѣпствуетъ дома, калѣчитъ дѣтей (см. тѣ же названные выше разсказы изъ московской жизни, также «Типы и сцены сельской ярмарки», «Цѣловальничиха»,

[1]) Т. I, стр. 591; ср. I, стр. 81 и др.

«Горбунъ», «Расправа», «Блаженненькая», «Имянины сельскаго дьячка», и т. д.). Не говоря о томъ, что пьянство само по себѣ есть несчастная физическая и нравственная болѣзнь, оно производитъ страшное разрушеніе во всемъ быту, разоряетъ семьи, подавляетъ въ человѣкѣ разумъ и нравственное чувство. Левитовъ не входитъ въ разсужденіе о томъ, откуда идетъ это явленіе и чѣмъ можно было бы помочь этой народной бѣдѣ; но онъ не закрываетъ глазъ отъ того, что́ видѣлъ (и что́ всякій желающій можетъ видѣть) на каждомъ шагу; только въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ случаяхъ онъ дѣлаетъ попытку, такъ сказать психологіи пьянства и указываетъ въ «запивохѣ» не всегда дурного, но нерѣдко несчастнаго человѣка, который не знаетъ другого выхода изъ своего бѣдственнаго положенія, кромѣ извѣстной торной дороги... Писатели, какъ Левитовъ, касавшіеся этой черты народнаго быта въ ея дѣйствительныхъ размѣрахъ, нерѣдко подвергались осужденіямъ: имъ приписывали любовь къ грязи, ихъ обвиняли въ желаніи видѣть только темныя стороны народной жизни и преувеличивать ихъ, даже просто въ клеветѣ на народъ. Насколько эти обвиненія несправедливы, можно видѣть уже изъ того, что само правительство въ послѣдніе годы подняло вопросъ, и спрашивало «свѣдущихъ людей», о мѣрахъ къ уменьшенію народнаго пьянства,—хотя питейный сборъ составляетъ очень важную статью государственнаго бюджета. Писатели просто не могли обойти этого предмета, потому что онъ въ дѣйствительности занимаетъ слишкомъ крупное мѣсто въ нашей «національной жизни».

Наблюденіе простонароднаго быта, особливо въ городскомъ пролетаріатѣ, оставляло въ писателѣ самое мрачное впечатлѣніе; онъ не разъ высказывалъ его въ лирическихъ отступленіяхъ.

«И оно,—говоритъ онъ въ разсказѣ «Аркадское Семейство»,—это безала берное море безалаберныхъ дѣлъ людскихъ — шумно катится предъ глазами моими, одинаково безправно топящее и безправно выносящее на берегъ ловцовъ своихъ. Привыкли глаза мои не слѣпнуть отъ ослѣпляющаго блеска волнъ того моря,—уши мои не глохнутъ отъ грохота, и если что-нибудь иногда мѣшаетъ моему обыкновенному, постоянному занятію смотрѣть на это море и думать о немъ, такъ это только выраженное уже мною желаніе физической силы, чтобы, съ одной стороны, помочь какому-нибудь храброму и честному ловцу жизненнаго океана, который спасши менѣе сильныхъ, самъ тонетъ теперь, теряя послѣднія силы; съ другой, чтобы стукнуть въ лобъ негодяя, который изъ труповъ, утопленныхъ имъ, сдѣлалъ себѣ широкій, покойный плотъ и съ улыбкой добродѣтели подъѣхалъ на немъ къ мирному берегу... Но и безъ меня невинное спокойствіе этой физіономіи самымъ гнуснымъ образомъ исковеркается и ужаснется при видѣ чорта, который неизбѣжно встрѣтитъ ее въ жаркой банѣ ада»... (т. II, стр. 116).

Въ другомъ мѣстѣ того же разсказа онъ говоритъ:

«По истинѣ скажу, что предметъ, къ которому толкаетъ меня теперь дума моя, именно таковъ, къ которому подходить и отъ котораго отходить нужно не иначе, какъ вымывши руки самымъ лучшимъ французскимъ мыломъ. Но подходя къ Аннѣ Петровнѣ съ вымытыми руками, я вмѣстѣ съ тѣмъ вооружаюсь всею терпимостью, къ какой я только способенъ и за одно уже смываю съ себя чувство ненависти и къ Аннѣ Петровнѣ, и къ лицамъ въ родѣ ея, долгое обращеніе съ которыми отразилось на мнѣ такъ несчастливо, что мнѣ нужно вооружиться всею твердостью мысли для того, чтобы разумно отрѣчься отъ злости на нихъ, ибо отъ вѣка не знали они, что творили, и увы, до самаго гроба не будутъ знать, что будутъ творить... Не на ваши головы падутъ грустные результаты нашей безмѣрной, національной дури!..» (тамъ же, стр. 120).

Но надъ мрачными думами въ душѣ писателя всегда брало верхъ то кроткое, любящее настроеніе, которое въ дѣйствительности составляло глубочайшую основу его характера. Отождествляя себя съ иными своими героями, Левитовъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ:

«Яркіе цвѣты моей молодости были безжалостно сожжены бурнымъ наплывомъ какихъ-то огненныхъ, ненѣданныхъ мною тогда думъ, которыя, въ видахъ ихъ разрѣшенія, неудержимо повлекли меня на тѣсное знакомство съ людьми, отъ которыхъ въ большинствѣ случаевъ ближніе убѣгаютъ за тысячи верстъ... Тотъ суровый міръ, въ которомъ она вращалась и вращается, безъ остатка вытналъ изъ моего сердца всѣ тѣ злыя движенія, руководствуясь которыми человѣкъ эгоистически около одного себя группируетъ какъ можно больше жизненныхъ благъ, увеличивая тѣмъ массу всеобщаго зла. Въ неподѣдимое теріѣніе заковали тѣло мое печальныя картины страдающаго міра, — и чѣмъ болѣе я всматриваюсь въ непроглядно-темный фонъ ихъ, тѣмъ больше и больше наплываетъ въ душу мою любви и кротости, безъ свѣтлаго сіянія которыхъ и эти картины, такъ одушевленныя воплями безконечной гибели безконечнаго множества людей, были бы мертвы...» (тамъ же, стр. 496—497).

И дѣйствительно, писатель не былъ вовсе пессимистомъ. Въ искренности его словъ убѣждаетъ весь господствующій тонъ его разсказовъ. Съ какой любовью онъ останавливается на всѣхъ тѣхъ лицахъ и людскихъ отношеніяхъ, гдѣ онъ встрѣчаетъ мягкое, человѣчное чувство; какъ тепло онъ рисуетъ картины материнской любви, дѣтской наивности, стариковскаго добродушія и любящей заботы, или выискиваетъ, въ загрубѣвшей отъ нищеты или ожесточенной жизни, примѣры добра, снисхожденія къ ближнему, защиты слабаго; съ какимъ горькимъ сочувствіемъ рисуетъ онъ незаслуженное, беззащитное страданіе, и т. п. Цѣлый рядъ лицъ и эпизодовъ подобнаго рода проходитъ въ его разсказахъ изъ всѣхъ періодовъ его писательства. Назовемъ разсказы: «Цѣловальничиха», «Горбунъ», «Безпріютный», «Степные выселки», «Сыроѣдъ» (любопытная личность сельскаго дьякона), «Бабушка

Маслиха», «Дворянка» (старуха-черничка Забаиха) и пр. Нѣкоторые изъ этихъ эпизодовъ мы опять не затруднимся причислить къ лучшему, что́ есть въ нашей литературѣ о народѣ... Но роковымъ образомъ эти стороны, вызывающія сочувствіе писателя, всего чаще занимаютъ въ жизни лишь второстепенное мѣсто и роль страдательную. Подобныя личности скрашиваютъ нравственную нищету деревни, но они не въ состояніи помочь ей... Укажемъ здѣсь, кстати, въ ряду сочувственныхъ писателю типовъ, двухъ птицелововъ-любителей: это—деревенскій пономарь и отставной унтеръ, въ разсказѣ «Сельское ученіе»; этотъ прелестный эпизодъ можетъ напомнить знаменитыхъ «Пѣвцовъ» Тургенева.

Выше мы замѣтили, что эти изображенія народной жизни у Левитова были вообще результатомъ близкаго, внимательнаго наблюденія, что въ нихъ нерѣдко можно встрѣтить подробности чисто автобіографическаго характера. Біографъ Левитова отчасти указалъ такіе эпизоды и ихъ можно было бы еще умножить: описаніе «Степной дороги» во многихъ случаяхъ передаетъ собственныя приключенія и размышленія автора [1]); «Петербургскій случай», гдѣ чиновникъ Померанцевъ, погружаясь въ воспоминанія своей юности, теряетъ разсудокъ, весь переполненъ собственными воспоминаніями писателя — о семинарскомъ бытѣ, экзаменахъ, товариществѣ, педагогическихъ истязаніяхъ, ученическихъ сочиненіяхъ, сельскомъ духовенствѣ и т. д. [2]); разсказъ «Говоря-

---

[1]) Напр. т. I, стр. 133 и др.

[2]) Т. II, стр. 700, 705, 711, 713, и др. Укажемъ здѣсь еще любопытныя разсужденія сумасшедшаго Померанцева о русской литературѣ:

„— Какая такая литература? Нравовъ нѣтъ! Есть чортъ знаетъ что, которое всегда прощать должно, а темъ для литературы нѣтъ... Слѣдовательно? Ну и ея нѣтъ .. Смѣяться даже лѣнь надъ этимъ безъисходнымъ никуда-негодяйствомъ...

— Ну, что тамъ еще? Что у тебя еще есть?—спрашивалъ у безотвѣтно молчавшей стѣны Иванъ Николаевичъ.—Пушкинъ-то? Пріятно слышать! Ха, ха, ха! Руслана и Людмилы я никогда не видалъ и видѣть нужды не имѣю...

— А впрочемъ, Ваня, я люблю Пушкина, какъ личность. Я злюсь тогда, когда читаю, что́ онъ произвелъ—и вотъ видишь почему (тутъ Иванъ Николаевичъ понизилъ до шопота голосъ): — потому что оно могло быть лучше сдѣлано. Понимаешь, лучше!..

— А то у васъ, Ваня,—говорилъ онъ,—Гоголь былъ, такъ, вѣдь, это тоже опять бѣда! Нашему брату, который самъ до всего долженъ додумываться, его и читать-то, по настоящему, не слѣдуетъ. Околѣть можно отъ этого горькаго смѣха, отъ этого смертнаго уныпія. „Смѣхомъ моимъ горькимъ посмѣюся“! написали на его могилѣ. Славный девизъ! Вотъ гербъ! Какъ это, Ваня? Русь! Русь! Вижу тебя изъ моего прекраснаго далека!.. Забылъ подлинныя слова... Онъ далъ намъ нравы! Или не то, что далъ, а научилъ насъ подмѣчать въ людяхъ настоящіе нравы. Это—основатель

щая обезьяна», составляющій эпизодъ изъ оставшагося неконченнымъ романа «Сны и факты», также глубоко проникнутъ чисто личными мечтами и размышленіями писателя. Самый эпизодъ остался недоконченнымъ и невыясненнымъ; все его содержаніе состоитъ въ монологѣ героя, молодого художника, который пишетъ какъ будто прощальное письмо къ пріятелю и отдается размышленіямъ, ведя въ то же время борьбу съ «господиномъ алкоголемъ». «Говорящая обезьяна» принадлежитъ къ послѣднимъ работамъ Левитова и въ ней больше чѣмъ гдѣ-либо сказалось мрачное настроеніе его послѣднихъ лѣтъ, отягощенное его матеріальными бѣдствіями, и борьба идеальныхъ стремленій съ отчаяніемъ. Молодой художникъ (какъ самъ писатель) видимо теряетъ нравственное равновѣсіе; его томитъ неприложимость его идеаловъ къ дѣйствительности и въ своемъ отчаянномъ монологѣ онъ высказываетъ многое, чѣмъ именно могъ бы воспользоваться біографъ писателя. Таковы, напр., воспоминанія молодого художника о товарищахъ молодости; эти товарищи — типы молодежи 60-хъ годовъ, безъ сомнѣнія собственные пріятели и сверстники Левитова [1]); это — ихъ и свои собственныя молодыя надежды и идеалы оплакиваетъ Левитовъ, влагая отчаянныя жалобы въ уста молодого художника, борющагося съ «г. алкоголемъ» [2]).

Сводя вмѣстѣ наши замѣтки, мы приходимъ къ выводу, что Левитовъ былъ несомнѣнно «народникъ» — въ томъ самомъ смыслѣ, какъ всѣ лучшіе писатели конца 50-хъ и 60-хъ годовъ, эпохи нашего общественнаго возрожденія, то-есть въ смыслѣ самаго искренняго сочувствія къ народу и стремленія служить его благу, но стремленія, еще не переходившаго въ теоретическія преувеличенія и неумѣренную идеализацію. Тогда не было этого термина, но это отношеніе къ народу, безспорно сочувственное, не было похоже на новѣйшее народничество, какъ бы послѣднее ни засчитывало Левитова въ свои предшественники. Левитова невозможно отдѣлить отъ предшествующей литературы, отъ Гоголя и его преемниковъ: онъ связанъ съ ними и воспитаніемъ своего таланта, и литературными пріемами, представляющими

русской литературы. Безъ него мы не поняли бы Диккенса, ни Тэккерея, и все пробавлялись бы дурацкими эпопеями о корнетахъ Z и о княжнахъ X.

— А при немъ, Ваня, и мы въ нашей пошлой жизни испытали кое-что очень хорошее"... (стр. 719—722).

[1]) Т. II, стр. 736—743.

[2]) Укажемъ особенно тамъ же, стр. 740.

развитіе его стиля; не даромъ два характерные эпиграфа изъ Гоголя поставлены имъ во главѣ его перваго произведенія. Въ частности его понятія принадлежатъ вполнѣ прогрессивному идеализму 60-хъ годовъ, еще не знавшему народническаго сектантства, хотя, какъ дѣйствительный поэтъ, онъ не гонялся за теоретическими тонкостями. Историческая критика и не можетъ отрывать писателя отъ того корня, изъ котораго онъ выросъ, и отъ тѣхъ отношеній, среди которыхъ онъ дѣйствовалъ. Мы думаемъ, что и новѣйшее народничество, если оно находитъ родственныя себѣ черты у Левитова, было бы ближе къ истинѣ, признавши и свои собственные корни въ тѣхъ давнишнихъ стремленіяхъ литературы, отъ которыхъ теперь оно хочетъ выдѣлиться. Литературная идея только увеличиваетъ свое значеніе, когда можетъ указать свои давніе зачатки въ прошедшемъ. Если есть въ народничествѣ что-либо дѣйствительно новое, то пусть оно и укажетъ его опредѣленно и назоветъ его прямые источники, не дѣлая сомнительныхъ историческихъ ссылокъ.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о самомъ изданіи: оно исполнено весьма внимательно, прекрасно напечатано; біографія, составленная г. Нефедовымъ, написана очень живо и хорошо рисуетъ симпатичную личность несчастнаго писателя. Можно было бы пожелать, въ иныхъ случаяхъ, болѣе точнаго объясненія нѣкоторыхъ фактовъ біографіи (напр., исключеніе изъ медицинской академіи, послѣдніе годы жизни въ Петербургѣ и въ Москвѣ) и личныхъ взглядовъ Левитова на общественныя явленія того времени: то и другое было бы вѣроятно возможно. Наконецъ, было бы очень не лишнее дать библіографическія указанія о томъ, гдѣ и когда появлялись сочиненія Левитова, а также указаніе его мелкихъ статей, не вошедшихъ въ настоящее изданіе.

А. Пыпинъ.

ИВЕТТА.

Разсказъ Гюи де-Мопассана.

Переводъ съ рукописи.

I.

Выходя изъ кафе Ришъ,—Жанъ де-Сервиньи сказалъ Леону Саваль:

— Пройдемся пѣшкомъ, пожалуйста. Погода такъ хороша, что жалко брать извощика.

А пріятель отвѣчалъ:

— Пожалуй.

Жанъ продолжалъ:

— Теперь не болѣе одиннадцати часовъ. Мы поспѣемъ за долго до полуночи. Потому нечего торопиться.

Оживленная толпа кишѣла на бульварѣ,—какъ это всегда бываетъ въ лѣтнія ночи. Толпа веселая, болтливая, которая ѣстъ, пьетъ, движется, шумитъ и течетъ точно рѣка. На извѣстныхъ пунктахъ яркій свѣтъ проливался изъ какого-нибудь кафе на группы людей, засѣдавшихъ за столиками, съ бутылками и стаканами, загромождавшими путь спѣшившей толпѣ. А по мостовой быстро проносились фіакры съ красными, голубыми или зелеными фонарями, и на яркомъ фонѣ залитыхъ огнями фасадовъ кафе на одно мгновеніе вырѣзывался тощій и движущійся силуэтъ лошади, профиль кучера на высокихъ козлахъ и темный кузовъ кареты.

Оба пріятеля шли тихимъ шагомъ, съ сигарами въ зубахъ, во

фракахъ, неся пальто на рукѣ. Въ петлицахъ у нихъ красовались цвѣтки, а шляпы были надѣты на бекрень,—небрежность, которую позволяютъ иногда себѣ люди, хорошо пообѣдавшіе, когда на дворѣ тихо и тепло.

Они были дружны съ самой школьной скамейки, любили другъ друга сильно, крѣпко и преданно. Жанъ де Сервиньи высокій, изящный, красивый малый, щеголь и «bonvivant», свѣтскій человѣкъ, остроумный, легкомысленный, скептикъ, способный къ увлеченіямъ, энергическій и нерѣшительный, готовый на хорошее, какъ на дурное, эгоистъ по принципу и великодушный порывами, проживалъ свои доходы съ аккуратностью и веселился по правиламъ гигіены. Равнодушный и страстный, онъ легко воспламенялся и скоро охладѣвалъ; самые противуположные инстинкты боролись въ немъ и онъ повиновался всѣмъ безъ исключенія, но въ концѣ концовъ въ немъ всегда бралъ верхъ разсудокъ парижанина, который себѣ на умѣ, и логика котораго, какъ у флюгарки, заключается въ томъ, чтобы всегда поворачиваться въ сторону, откуда дуетъ вѣтеръ, и пользоваться всѣми обстоятельствами, не давая себѣ труда создавать ихъ.

Его товарищъ, Леонъ Саваль, тоже богатый, былъ одинъ изъ тѣхъ великолѣпныхъ колоссовъ, на которыхъ заглядываются женщины на улицахъ. Онъ походилъ на живой монументъ, и былъ такъ же породистъ и типиченъ, какъ тѣ образцовыя произведенія и модели, что являются на выставкахъ. Онъ былъ даже слишкомъ красивъ, слишкомъ великъ, слишкомъ толстъ, онъ грѣшилъ избыткомъ хорошихъ качествъ и вскружилъ голову безчисленному множеству женщинъ.

Когда они подходили къ «Vaudeville», онъ спросилъ:

— Ты предупредилъ эту даму о своемъ намѣреніи представить меня ей?

Сервиньи разсмѣялся.

— Предупреждать маркизу Обарди! Развѣ ты предупреждаешь кучера омнибуса, что сядешь въ его экипажъ на углу бульвара?—Саваль, сбитый немного съ толку, спросилъ:

— Да ктожъ она такая въ сущности,—эта барыня?

И пріятель отвѣчалъ:

— Выскочка, прелестная авантюристка, появившаяся въ одинъ прекрасный день богъ вѣсть откуда, но умѣющая съ шикомъ жить. Да и какое намъ дѣло! Говорятъ, что ея настоящее имя, ея дѣвическое имя, такъ какъ она такъ и осталась дѣвой,—только конечно не невинной,—Октавія Барденъ, и изъ этого она произвела сокращенно Обарди.

— Она, впрочемъ, очень милая женщина, и ты неизбѣжно сдѣлаешься ея любовникомъ, благодаря своей наружности. Нельзя безнаказанно ввести Геркулеса къ Мессалинѣ. Прибавлю, что хотя доступъ въ этотъ домъ такъ же легокъ какъ на любой базаръ, но вовсе не обязательно покупать то, что́ на немъ продается. Тамъ занимаются любовью и картежной игрой, но не принуждаютъ ни къ тому, ни къ другому. Выходъ такъ же свободенъ, какъ и входъ. Она поселилась въ кварталѣ de l'Etoile, кварталѣ подозрительномъ, года три тому назадъ, и открыла свои салоны для той континентальной шушеры, которая является въ Парижъ изощряться въ своихъ разнообразныхъ, опасныхъ и преступныхъ талантахъ.

— Я познакомился съ нею! Какимъ образомъ? Не помню. Я бываю тамъ, какъ и всѣ мы, потому что тамъ играютъ въ карты, потому что женщины тамъ легкихъ нравовъ, а мужчины безчестны. Я люблю этотъ міръ флибустьеровъ, увѣшанныхъ разнообразными иностранными орденами. Всѣ они благородны, всѣ титулованы, всѣ неизвѣстны въ своихъ посольствахъ, за исключеніемъ шпіоновъ. Всѣ толкуютъ про честь ни къ селу, ни къ городу, хвалятся своими предками неизвѣстно къ чему, повѣствуютъ обстоятельства своей жизни, когда ихъ о томъ не спрашиваютъ, лгутъ, хвастаютъ, плутуютъ въ картахъ, бываютъ храбры по неволѣ, на манеръ убійцъ, которые не могутъ же грабить людей, не подвергая опасности свою жизнь. Короче сказать: это осторожная аристократія. Я ихъ обожаю. Ихъ интересно раскусить, изучить, забавно слышать. Они часто остроумны и никогда не бываютъ банальны, какъ французскіе чиновники. Ихъ жены всегда хорошенькія и съ какимъ-то привкусомъ иностраннаго проходимства, благодаря таинственному прошлому, протекшему, быть можетъ, въ исправительномъ домѣ. У нихъ вообще чудные глаза и несравненные волосы. Наружность, подходящая вполнѣ къ ихъ роли; ихъ грація опьяняетъ, ихъ прелесть толкаетъ на безразсудные поступки, ихъ порочное очарованіе непреодолимо! Онѣ всѣ завоевательницы на манеръ прежнихъ кондотьеровъ, хищныя животныя, настоящія самки хищныхъ птицъ. Я ихъ также обожаю.

Маркиза Обарди типъ этихъ изящныхъ плутовокъ; особа зрѣлыхъ лѣтъ, но все еще прекрасная, очаровательная кошечка; видно, что она порочна до мозга костей. У ней очень весело проводятъ время: играютъ въ карты, танцуютъ, ужинаютъ... словомъ, пользуются всѣми развлеченіями свѣтской жизни.

Леонъ Саваль спросилъ:

— Ты былъ ея любовникомъ?—и, можетъ быть, и теперь еще состоишь имъ?

Сервиньи отвѣчалъ:

— Не былъ,—и никогда не буду. Я ѣзжу главнымъ образомъ для дочери.

— Ахъ!—у нея есть дочь?

— Есть ли у нея дочь? Настоящій перлъ, mon cher! Это главная приманка въ этомъ вертепѣ. Высокаго роста, красавица восемнадцати лѣтъ, совершенная блондинка, въ противоположность матери, которая совершенная брюнетка, всегда весела, всегда готова рѣзвиться; хохочетъ безъ умолку и танцуетъ до одури. Кому она достанется? — кому она принадлежала? Неизвѣстно. Насъ человѣкъ десять, чающихъ движенія воды. Такая дочь у такой женщины, какъ маркиза—это цѣлый капиталъ. А какъ онѣ ловко ведутъ свою игру, эти двѣ бестіи, чудо! Ничего не разберешь. Можетъ быть, онѣ ждутъ: не подвернется ли какой-нибудь претендентъ... болѣе выгодный, нежели я. Но, ручаюсь тебѣ, что поставлю на своемъ, при же первой же возможности. Впрочемъ, долженъ тебѣ признаться, что эта дѣвушка, Иветта, меня сбиваетъ съ толку. Она—загадка. Если она не самое страшное чудовище коварства и испорченности, какое я встрѣчалъ въ въ жизни, то безъ сомнѣнія она настоящій феноменъ невинности, какой когда-либо только существовалъ. Или она помогаетъ планамъ матери съ изумительнымъ искусствомъ, чтобы продавать и перепродавать давно уже несуществующую невинность, или же она не подозрѣваетъ, съ чистой и непорочной безпечностью невинной дѣвушки, о томъ, что творится въ материнскомъ домѣ.

— Красавица изъ ряду вонъ, сложена какъ богиня, восемнадцати лѣтъ, гибкая какъ Діана, изящная во всѣхъ движеніяхъ, царственнаго вида и осанки, она такъ спокойно вращается въ этой подлой средѣ, что это можетъ быть только наивная безмятежность невинной души или безстыдное нахальство. Изумительный отпрыскъ авантюристки, выросшій на навозѣ, подобно рѣдкому растенію, или же дочь какого-нибудь породистаго человѣка, какого-нибудь великаго артиста или вельможи, принца или короля, невозможно понять, что она такое, ни того, что она думаетъ, какъ нельзя предвидѣть, чѣмъ она будетъ. Но вотъ увидишь самъ.

Саваль засмѣялся и сказалъ:

— Ты влюбленъ.

— Нѣтъ. Я въ числѣ претендентовъ,—а это совсѣмъ не то. Впрочемъ, я представлю тебѣ самыхъ опасныхъ изъ своихъ со-

перниковъ. Но у меня есть шансы, мнѣ оказываютъ замѣтное предпочтеніе.

Саваль повторилъ:

— Ты влюбленъ.

— Нѣтъ. Она меня волнуетъ и привлекаетъ, смущаетъ, очаровываетъ и пугаетъ. Я опасаюсь ея, какъ западни, и мнѣ хочется овладѣть ею такъ же, какъ хочется выпить сорбетъ, когда жарко. Я очарованъ ею и вмѣстѣ съ тѣмъ съ опасеніемъ подхожу къ ней, какъ къ человѣку, въ которомъ подозрѣваешь ловкаго вора. Когда я около нея, я готовъ безразсудно вѣрить въ ея невинность и вмѣстѣ съ тѣмъ ощущаю благоразумное недовѣріе къ ея непочтенности, которая столько же вѣроятна, какъ и ея невинность. Я чувствую, что вблизи меня находится существо ненормальное, внѣ обычныхъ рамокъ, существо прелестное или омерзительное. Не знаю.

Саваль произнесъ въ третій разъ:

— Говорю тебѣ, что ты влюбленъ. Ты говоришь о ней съ напыщенностью поэта и лиризмомъ трубадура. Поскорѣй вникни въ свои чувства, испытай свое сердце и сознайся.

Сервиньи прошелъ нѣсколько шаговъ, не говоря ни слова, затѣмъ продолжалъ:

— Можетъ быть, можетъ быть; во всякомъ случаѣ она меня очень занимаетъ. Да, я, пожалуй, влюбленъ. Я слишкомъ много о ней думаю. Я засыпаю и просыпаюсь съ мыслью о ней... Это опасный признакъ. Образъ ея меня неотступно преслѣдуетъ. Что это любовь или простое физическое увлеченіе? Мнѣ стоитъ только закрыть глаза и я ее вижу передъ собой, какъ живую. Мнѣ кажется, что частица ея существа слилась съ моимъ существомъ, я ощущаю ее въ своей крови, въ своей плоти; черты ея запечатлѣлись въ моей душѣ, голосъ ея непрерывно звучитъ въ моихъ ушахъ. У меня сердце бьется всякій разъ, какъ я ее увижу, я этого не отрицаю. Слѣдовательно, я ее люблю, но очень странно. Я желаю обладать ею, но мысль жениться на ней показалась бы мнѣ безуміемъ, глупостью, чудовищностью. Я трепещу ея, какъ птица, надъ которой паритъ коршунъ. И при этомъ я ее ревную, ревную ко всему, чего я въ ней не понимаю. И постоянно спрашиваю себя:—что это?—прелестная шалунья?—или скверная дѣвчонка?

— Она говоритъ вещи, отъ которыхъ покраснѣетъ солдатъ, но вѣдь и попугаи тоже. Она иногда бываетъ до того безстыдна, что я готовъ вѣрить въ ея безпорочную невинность. Порою же

ея наивность до того невѣроятна, что я сомнѣваюсь, чтобы она когда-либо была цѣломудренна.

— Она дразнитъ, волнуетъ меня какъ куртизанка и вмѣстѣ съ тѣмъ оберегаетъ себя, какъ весталка. Она какъ будто любитъ меня и смѣется надо мной. Она ведетъ себя въ публикѣ такъ, какъ еслибы была моей любовницей, а наединѣ обращается со мной какъ съ братомъ или лакеемъ. Иногда мнѣ представляется, что у нея было столько же любовниковъ, какъ у матери. Иногда же мнѣ кажется, что она совсѣмъ не знаетъ жизни, то-есть, понимаешь, ровно ничего не знаетъ, и сдѣлаетъ какое-нибудь безумство, когда узнаетъ истину.

— Что до меня касается, то я жду. Несомнѣнно съ одной стороны, что ни къ одной еще женщинѣ я не питалъ такого пристрастія, какъ къ этой, но еще несомнѣннѣе, что я на ней не женюсь. Итакъ, если у нея были любовники, то я увеличу собой ихъ ряды. Если же нѣтъ, то буду № 1, какъ въ омбусахъ. Дѣло просто. Она, конечно, не выйдетъ замужъ. Кто же женится на дочери маркизы Обарди, на дочери Октавіи Барденъ? Никто, по тысячѣ причинъ.

— Гдѣ она найдетъ себѣ мужа? Въ свѣтѣ никогда. Домъ ея матери не что иное, какъ публичное учрежденіе, а дочь служитъ приманкой. При такихъ условіяхъ нельзя жениться.

— Между буржуазіей? И того меньше, къ тому же маркиза не такая женщина, чтобы допустить невыгодную сдѣлку, и отдастъ Иветту только за человѣка съ весьма значительнымъ положеніемъ въ свѣтѣ, котораго, конечно, не найдетъ.

— Значитъ, между простолюдинами? Всего меньше. Слѣдовательно исхода нѣтъ. Эта дѣвица не принадлежитъ ни къ свѣту, ни къ буржуазіи, ни къ народу. Она не можетъ вступить посредствомъ брака ни въ одинъ изъ этихъ классовъ общества. Она принадлежитъ по своей матери, по своему рожденію, по своему воспитанію, по наслѣдственности въ манерахъ, въ привычкахъ, къ золотой проституціи. Она не можетъ избѣжать ея, развѣ пойдетъ въ монастырь, чего нельзя ждать, принимая во вниманіе ея манеры и вкусы. Для нея открыта, значитъ, только одна профессія: любовь. Она къ ней придетъ, если только не пришла. Она можетъ уклониться отъ своей судьбы. Изъ молодой дѣвушки она превратится только въ одно. И я бы желалъ быть поводомъ къ этому превращенію. Я жду.

— Претендентовъ много. Ты увидишь тамъ француза, де-Бельвинь, одного русскаго князя и итальянца, кавалера Вальреали, выступившихъ рѣшительными кандидатами и дѣйствую-

щими въ этомъ смыслѣ. Кромѣ того, мы насчитываемъ вокругъ нея много мародёровъ. Маркиза сторожитъ. Но мнѣ кажется, что она имѣетъ виды на меня. Она знаетъ, что я очень богатъ.

— Впрочемъ, салонъ ея самый необыкновенный изъ всѣхъ подобныхъ. Въ немъ встрѣчаются даже очень порядочные люди: вотъ мы съ тобой идемъ туда, и мы не одни. Что касается женщинъ, то она привлекла самыхъ отборныхъ между грабительницами. Гдѣ она ихъ откопала? неизвѣстно. Этотъ міръ соприкасается съ міромъ настоящихъ кокотокъ, соприкасается съ міромъ забулдыгъ, словомъ стоитъ на границѣ всего этого. Она придумала геніальную вещь: принимать только такихъ авантюристокъ, у которыхъ есть дѣти, такъ что иной дуракъ воображаетъ, что находится среди порядочныхъ женщинъ!

Они дошли до конца Елисейскихъ полей. Легкій вѣтерокъ шелестилъ листьями деревъ и порою вѣялъ въ лицо, точно громадный вѣеръ, привѣшенный гдѣ-то въ небѣ. Молчаливыя тѣни бродили подъ деревьями. Другія образовали темныя пятна на скамейкахъ.

И эти тѣни что-то шептали другъ другу, точно повѣряли важныя или постыдныя тайны.

Сервиньи продолжалъ:

— Ты не можешь себѣ представить, какую фантастическую коллекцію титуловъ встрѣчаешь въ этомъ вертепѣ. Кстати, знаешь, что я представлю тебя подъ именемъ графа Саваля. Просто Саваль было бы неприлично.

Пріятель возсталъ противъ этого.

— Нѣтъ, не хочу! ни за что не хочу, чтобы кто-нибудь воображалъ, хотя бы только въ продолженіе одного вечера, и даже въ этомъ обществѣ, что у меня есть смѣшная слабость щеголять небывалымъ титуломъ. Нѣтъ, нѣтъ, ни за что.

Сервиньи засмѣялся.

— Ты глупъ. Я, напримѣръ, слыву въ этомъ обществѣ герцогомъ де-Сервиньи. Не знаю, кто и зачѣмъ окрестилъ меня такъ, но какъ бы то ни было, а тамъ меня величаютъ герцогомъ де-Сервиньи. И я не жалуюсь и не протестую. Мнѣ это не мѣшаетъ. Безъ этого меня бы страшно презирали.

Но Саваль не убѣждался этими доводами.

— Ты дворянинъ, это другое дѣло. Это еще куда ни шло. Но что до меня касается, то ни за что, ни за что. Я буду единственнымъ плебеемъ въ этомъ салонѣ. Тѣмъ хуже или тѣмъ лучше. Это будетъ моимъ отличительнымъ признакомъ и... моимъ преимуществомъ.

Сервиньи настаивалъ.

— Увѣряю тебя, что это невозможно, совсѣмъ, совсѣмъ невозможно; слышишь, это покажется просто чудовищнымъ. Ты явишься лавочникомъ среди императоровъ. Предоставь мнѣ все дѣло. Еслибы я представилъ тебя, какъ вице-короля Верхняго Миссисипи, такъ и это никого бы не удивило. Когда напускаешь на себя величіе, то чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

— Нѣтъ, нѣтъ, не хочу.

— Хорошо. Но я право глупъ, что уговариваю тебя. Обѣщаю тебѣ, что тебя облагородятъ, какъ только что ты переступишь за порогъ дома. Попробуй войти туда безъ титула, который тамъ прицѣпляютъ къ людямъ, подобно тому, какъ въ нѣкоторыхъ магазинахъ даютъ букеты фіалокъ дамамъ при входѣ. Предоставь все дѣло лакеямъ. Они вымуштрованы, вотъ увидишь, я повторю только то имя, которое они прокричатъ.

Они повернули направо, въ улицу Берри, поднялись въ первый этажъ прекраснаго дома и сдали четыремъ ливрейнымъ лакеямъ свои пальто и тросточки. Жаркій воздухъ былъ напоенъ ароматомъ цвѣтовъ, благовонныхъ куреній, и изъ сосѣднихъ комнатъ долеталъ смутный и непрерывный гулъ голосовъ. Слышно было, что тамъ много народа.

Человѣкъ въ родѣ какъ бы церемоніймейстера, высокій, прямой, пузатый старикъ, съ лицомъ, обрамленнымъ бѣлыми бакенбардами, подошелъ къ прибывшимъ и съ короткимъ и надменнымъ поклономъ, спросилъ:

— Какъ прикажете о васъ доложить?

— Сервиньи, г. Саваль.

Тутъ человѣкъ отворилъ дверь, звучно прокричалъ въ толпу гостей:

— Герцогъ де-Сервиньи.

— Баронъ де-Саваль.

Въ первомъ салонѣ была толпа женщинъ. Прежде всего бросались въ глаза выставки голыхъ плечъ надъ грудою яркихъ матерій.

Хозяйка дома, разговаривавшая стоя съ тремя подругами, обернулась и пошла на-встрѣчу гостямъ съ величественной граціей въ походкѣ и улыбкой на губахъ.

Ея узкій и очень низкій лобъ былъ покрытъ цѣлой гривой густыхъ, какъ шерсть и блестящихъ черныхъ волосъ, набѣгавшихъ на самые виски.

Она была высокаго роста, слишкомъ полна, слишкомъ жирна, перезрѣла, но очень хороша жаркой, мощной красотой. Изъ-

подъ шлема волосъ, повергавшаго въ мечтательное состояніе, срывавшаго невольную улыбку и сообщавшаго ей какую-то таинственную прелесть, сверкали огромные и тоже черные глаза. Носъ былъ слишкомъ тонокъ, ротъ слишкомъ великъ, но очарователенъ и созданъ для того, чтобы говорить и побѣждать.

Но главной ея прелестью былъ голосъ. Онъ вылеталъ изъ ея груди, какъ вода изъ фонтана, естественно, легко, благозвучно, звонко, такъ что слушать его доставляло физическое наслажденіе. Сладокъ былъ для ушей звукъ ея серебристыхъ словъ, напоминавшихъ журчаніе ручейка, а глазамъ пріятно было глядѣть, какъ разверзался ея алыя губы, пропуская слова.

Она протянула руку Сервиньи, который ее поцѣловалъ, и подала другую, выронивъ изъ нея вѣеръ на золотой цѣпочкѣ, Савалю, говоря:

— Милости просимъ, баронъ. Друзья герцога здѣсь какъ у себя дома,—и впилась сверкающимъ взглядомъ въ представленнаго ей колосса. Верхняя губа у ней была покрыта легкимъ чернымъ пушкомъ, который казался темнѣе, когда она говорила. Отъ нея пахло сильными, одурманивающими духами, добытыми, вѣроятно, изъ Америки или изъ Индіи.

Другія лица входили, все маркизы, графы и князья.

Она сказала Сервиньи съ материнской ласковостью:

— Дочь моя въ слѣдующей гостиной. Веселитесь, господа, будьте, какъ дома.

И оставила ихъ, чтобы идти здороваться съ другими гостями, бросивъ на Савалю улыбающійся изъ-подъ рѣсницъ взглядъ, которымъ женщины даютъ знать, что мужчина имъ нравится.

Сервиньи взялъ своего пріятеля подъ руку.

— Я буду твоимъ кормчимъ. Здѣсь, въ этой гостиной, всѣ женщины не что иное, какъ живой товаръ, болѣе или менѣе свѣжій, случайнаго привоза, по очень дорогой цѣнѣ и отпускаемый на срокъ. Налѣво играютъ въ карты. Тамъ—храмъ мамона. Тебѣ это знакомо. Прямо передъ нами танцовальная зала. Это храмъ невинности, святилище, базаръ, гдѣ торгуютъ молодыми дѣвушками. Тамъ выставляютъ на показъ во всѣхъ отношеніяхъ и во всѣхъ смыслахъ произведенія этихъ дамъ. Тамъ согласны были бы и на законные браки. Тамъ будущее, надежда... нашихъ ночей. И всего любопытнѣе, пожалуй, въ этомъ музеѣ нравственныхъ болѣзней, эти дѣвочки, душа которыхъ такъ же развинчена, какъ члены у маленькихъ клоуновъ, родившихся отъ родителей-акробатовъ. Пойдемъ, взглянемъ на нихъ.

Онъ раскланивался направо, налѣво, любезный, расточая комплименты, окидывая взглядомъ знатока каждую знакомую ему и декольтированную женщину.

Въ танцовальной залѣ оркестръ игралъ вальсъ и они остановились въ дверяхъ, чтобы поглядѣть на танцующихъ. Паръ пятнадцать кружилось, мужчины съ серьезными лицами, женщины съ застывшей улыбкой на губахъ. Онѣ были такъ же откровенно декольтированы какъ и ихъ мамаши, и вмѣсто рукавовъ служила узкая ленточка, ничего не прикрывавшая.

Вдругъ съ противоположнаго конца комнаты ринулась впередъ высокая дѣвушка, расталкивая публику, танцоровъ и поднимая лѣвой рукой безконечный шлейфъ своего платья. Она бѣжала мелкими шажками, какъ бѣгаютъ женщины въ толпѣ и кричала:

— Ахъ! вотъ и Мюскадъ! здравствуйте, Мюскадъ!

Лицо ея радостно сіяло и вся она насквозь свѣтилась счастіемъ. Тѣло ея бѣлое, съ золотистымъ оттѣнкомъ, какъ у рыжихъ, тоже какъ будто сіяло. А на головѣ горѣла масса волосъ огненнаго цвѣта, заплетенныхъ въ толстыя косы, давившія ей лобъ и гибкую, еще худенькую шейку.

Она, казалось, создана для движенія, какъ ея мать для разговора. Двигаясь, она какъ будто исполняла какое-то важное и прекрасное дѣло, до того всѣ ея жесты были естественны, благородны и просты. Казалось, что испытываешь нравственное удовольствіе и физическую пріятность, глядя, какъ она ходитъ, шевелится, наклоняетъ голову, поднимаетъ руку.

Она повторяла:

— Ахъ! Мюскадъ! здравствуйте, Мюскадъ!

Сервиньи крѣпко пожалъ ей руку точно мужчинѣ и представилъ:

— Мамзель Иветта, вотъ мой другъ баронъ Саваль.

Она поклонилась незнакомцу, затѣмъ взглянула на него:

— Здравствуйте. Вы всегда такой большой?

Сервиньи отвѣчалъ тѣмъ насмѣшливымъ топомъ, какимъ всегда говорилъ съ нею, чтобы прикрыть свое недовѣріе и колебанія.

— Нѣтъ, мамзель Иветта. Сегодня онъ принялъ самый большой свой размѣръ, чтобы понравиться вашей мамашѣ, которая любитъ великановъ.

Молодая дѣвушка отвѣчала съ комической серьезностью:

— Хорошо, если такъ. Но только когда вы вздумаете пріѣхать для меня, то пожалуйста станьте поменьше. Я люблю се-

редину во всемъ. Вотъ, посмотрите: Мюскадъ какъ разъ въ моемъ вкусѣ.

И она протянула Савалю свою маленькую ручку.

Потомъ спросила:

— Вы танцуете сегодня, Мюскадъ? Хотите туръ вальса?

Не отвѣчая, быстрымъ, пылкимъ движеніемъ Сервиньи охватилъ ее за талію и они тотчасъ же закружились по комнатѣ.

Они казались неутомимы. Остальные танцоры мало-по-малу отставали. Они остались одни на паркетѣ и кружились безъ конца. Казалось, они сами не помнятъ больше, гдѣ они и что дѣлаютъ. Въ какомъ-то экстазѣ они унеслись куда-то далеко отъ всего окружающаго. Оркестръ игралъ, слѣдя глазами за этой бѣшеной парой и всѣ на нихъ глядѣли. Когда они, наконецъ, остановились, имъ стали апплодировать. Она теперь раскраснѣлась и въ глазахъ появилось странное выраженіе, страстное и застѣнчивое, не такое смѣлое, какъ передъ тѣмъ, съ такими расширенными зрачками, что глаза казались ненатуральными.

Сервиньи былъ точно пьянъ. Онъ прислонился къ двери, чтобы придти въ себя.

Она сказала ему:

— Что? закружилась голова, бѣдный Мюскадъ? я покрѣпче васъ.

Онъ нервно улыбался и пожиралъ ее глазами съ животнымъ выраженіемъ страсти въ глазахъ и складкахъ рта.

Она стояла прямо передъ нимъ, съ открытой грудью, быстро и часто дышавшей отъ сильнаго движенія.

— Бываютъ минуты, когда вы похожи на кошку, готовую броситься на человѣка,—продолжала она.—Дайте мнѣ вашу руку и пойдемъ разыщемъ вашего пріятеля.

Не говоря ни слова, онъ подалъ ей руку. И они прошли черезъ всю залу.

Саваль былъ уже не одинъ. Маркиза Обарди подошла къ нему. Она говорила ему разный свѣтскій вздоръ тѣмъ очаровательнымъ голосомъ, который опьянялъ, какъ вино.

И глядя ему прямо въ глаза, она какъ будто мысленно говорила ему совсѣмъ другое.

Когда она увидѣла Сервиньи, ея лицо приняло совсѣмъ другое выраженіе и, обернувшись къ нему, она сказала:

— Знаете, cher duc, я наняла дачу въ Буживалѣ и проведу на ней два мѣсяца. Я надѣюсь, что вы будете навѣщать меня. Приводите съ собою вашего друга. Я переѣзжаю въ поне-

дѣльникъ. Пріѣзжайте пожалуйста въ будущую субботу обѣдать и проведите у меня все воскресенье.

Сервиньи быстро повернулъ голову къ Иветтѣ. Она улыбнулась, спокойная, и сказала съ увѣренностью, не допускавшей никакихъ колебаній:

— Разумѣется, Мюскадъ пріѣдетъ обѣдать въ субботу. Не стоитъ и упрашивать. Мы будемъ всячески дурачиться въ деревнѣ.

Ему показалось, что въ ея улыбкѣ есть что-то многообѣщающее, и какое-то особенное выраженіе въ голосѣ.

Тутъ маркиза подняла свои огромные черные глаза на Саваля.

— И вы также, баронъ?—улыбнулась она.

И въ ея улыбкѣ не было ничего загадочнаго.

Онъ поклонился.

— Я буду очень радъ.

Иветта продолжала съ наивной или коварной шаловливостью:

— Мы всѣхъ такъ скандализируемъ,—не правда ли, Мюскадъ,—и приведемъ въ ярость мой полкъ.

И она искоса взглянула на нѣсколькихъ мужчинъ, издали наблюдавшихъ за ними.

Сервиньи отвѣчалъ:

— Все что вамъ угодно, мамзель Иветта.

Говоря съ ней, онъ никогда не говорилъ «мадемуазель», но всегда мамзель, для пущей фамильярности и панибратства.

Саваль спросилъ:

— Почему это вы постоянно зовете моего друга Сервиньи Мюскадомъ?

Молодая дѣвушка отвѣчала съ невиннымъ видомъ:

— Потому что онъ постоянно выскальзываетъ у васъ изъ рукъ. Только-что думаешь его поймать анъ нѣтъ, не тутъ-то было.

Маркиза произнесла небрежно, очевидно, думая о другомъ и не сводя глазъ съ Саваля.

— Эти дѣти!—какіе они смѣшные!

Иветта разсердилась.

— Я не смѣшная. Я откровенная. Мюскадъ мнѣ нравится, а самъ постоянно меня бросаетъ, это просто несносно.

Сервиньи низко поклонился:

— Отнынѣ я не буду отходить отъ васъ, мамзель Иветта, ни днемъ, ни ночью.

У ней вырвался жестъ испуга.

— Упаси Богъ!—днемъ я согласна, но ночью вы мнѣ будете только мѣшать.

Онъ дерзко спросилъ:

— Почему же?

Она отвѣчала съ спокойной смѣлостью:

— Потому что вы не должны быть такой же интересный «en deshabillé».

Маркиза, нисколько не волнуясь, вскричала:

— Господи, какіе они говорятъ ужасы! Такая наивность просто непозволительна!

Сервиньи насмѣшливо прибавилъ:

— И я того же мнѣнія, маркиза.

Иветта взглянула на него и высокомѣрнымъ, оскорбленнымъ тономъ произнесла:

— Вы сказали грубость. Съ нѣкоторыхъ поръ это съ вами часто случается.

И отвернувшись, закричала:

— Кавалеръ, придите ко мнѣ на помощь, меня оскорбляютъ.

Худощавый, смуглый господинъ, медлительный въ своихъ движеніяхъ, подошелъ.

— Кто же виноватый? — спросилъ онъ съ принужденной улыбкой.

Она кивнула головой на Сервиньи.

— Вотъ онъ, но все-таки я люблю его больше всѣхъ, и отому что онъ не такой скучный.

Кавалеръ Вальреали поклонился:

— Мы стараемся изо всѣхъ силъ угодить вамъ. Быть можетъ, мы не такъ умны, но такъ же преданы.

Въ эту минуту приблизился высокій, пузатый господинъ съ сѣдыми бакенбардами, громко произнося:

— Вашъ покорный слуга, мадемуазель Иветта!

Она вскричала:

— Ахъ, m-r де-Бельвинь!

И повернувшись къ Савалю, представила:

— Мой претендентъ по всей формѣ: высокъ, толстъ, богатъ и глупъ. Я люблю такихъ именно. Настоящій тамбуръ-мажоръ... табль-дота. Боже! да вы еще выше, чѣмъ онъ! Какъ же мнѣ, окрестить васъ послѣ того? Прекрасно! я буду звать васъ m-r Родосъ-сынъ, такъ какъ колоссъ родосскій былъ, конечно, вашъ отецъ. Но вамъ, вѣрно, интересно поговорить другъ съ другомъ черезъ головы остальныхъ. Прощайте.

И пошла къ оркестру просить сыграть кадриль.

М-me Обарди казалась разсѣянной.

Она медленно сказала Сервиньи, очевидно, затѣмъ только, чтобы не молчать:

— Вы постоянно ее дразните. Вы разовьете въ ней дурной характеръ и всякія дурныя качества.

Онъ отвѣтилъ:

— Вы, значитъ, не докончили ея воспитанія?

Она какъ будто не поняла и продолжала привѣтливо улыбаться. Но тутъ увидѣла торжественнаго господина, всего изукрашеннаго звѣздами и крестами, и побѣжала ему на встрѣчу:

— Ахъ! князь! князь!—какъ я рада!

Сервиньи опять взялъ подъ руку Саваля и, уводя его, сказалъ:

— Вотъ послѣдній серьезный претендентъ, князь Кравалонъ.—Неправда ли, что она великолѣпна?

Саваль отвѣчалъ:

— Я нахожу, что онѣ обѣ великолѣпны. Я готовъ удовольствоваться мамашей.

Сервиньи поклонился ему:

— На здоровье, mon cher!

Танцоры толкали ихъ, размѣщаясь для кадрили.

— Теперь пойдемъ взглянуть на шулеровъ,—сказалъ Сервиньи.

И они вошли въ игорную комнату, гдѣ вокругъ карточныхъ столовъ толпились мужчины и глядѣли. Говорили мало и по временамъ слышался стукъ золота, бросаемаго на сукно, и звонъ металла сливался съ ропотомъ человѣческихъ голосовъ, точно деньги тоже заявляли свое мнѣніе среди людского говора.

Всѣ эти господа были въ орденахъ, и съ строгими лицами. Ихъ можно было различить главнымъ образомъ по бородамъ. Накрахмаленный американецъ съ бородой въ формѣ лошадиной подковы. Высокомѣрный англичанинъ съ вѣероподобной растительностью на лицѣ, закрывавшей грудь. Испанецъ съ густой щеткой черныхъ волосъ до самыхъ глазъ. Римлянинъ съ громадными усами, которыми надѣлилъ Италію Викторъ-Эммануилъ. Австріецъ съ бакенбардами въ видѣ котлетъ и пробритымъ подбородкомъ. Русскій генералъ съ усами въ видѣ двухъ толстыхъ піявокъ и французы съ ухарски закрученными усиками свидѣтельствовали о фантазіяхъ цирульниковъ всего міра.

— Ты не будешь играть?—спросилъ Сервиньи.

— Нѣтъ.—А ты?

— Здѣсь, никогда!—хочешь домой?

— Мы придемъ сюда въ другой разъ, когда будетъ потише.

Сегодня слишкомъ много народу. Ничего нельзя сдѣлать. Поѣдемъ.—И они исчезли въ дверяхъ, ведшихъ въ сѣни.

Какъ только они очутились на улицѣ, Сервиньи спросилъ:

— Ну, что скажешь?

— Интересно въ самомъ дѣлѣ. Но женщины тамъ мнѣ больше по вкусу, нежели мужчины.

— Еще бы. Тамъ женщины первый сортъ въ своемъ родѣ. Ты не находишь, что у нея въ домѣ пахнетъ любовью, какъ у куаферовъ духами. Право, это единственные дома, гдѣ веселятся взаправду за свои деньги! И какія артистки, mon cher! Ѣдалъ ли ты когда-нибудь сладкіе пирожки изъ булочной? На видъ они кажутся вкусны, но ни куда не годятся. Человѣкъ, который ихъ готовилъ, умѣетъ печь только хлѣбы. Ну вотъ, любовь свѣтскихъ женщинъ всегда напоминаетъ мнѣ эти дрянныя булочныя-пирожныя, тогда какъ любовь, которую ты найдешь у m-me Обарди, это, mon cher, настоящее лакомство. О! у нея умѣютъ готовить пирожки! Ты заплатишь тамъ пять су за то, что въ другомъ мѣстѣ стоитъ два су, вотъ и вся разница.

Саваль спросилъ:

— Кто любовникъ маркизы въ настоящую минуту?

Сервиньи пожалъ плечами.

— Право не знаю.—Послѣдній, котораго знали, былъ англійскій пэръ, и уѣхалъ три мѣсяца тому назадъ. Теперь она, должно быть, живетъ доходами со многихъ, или же картами. Но скажи же мнѣ, такъ мы навѣрно обѣдаемъ въ Буживалѣ въ субботу? На дачѣ свободнѣе живется и я наконецъ узнаю, что думаетъ Иветта.

Саваль отвѣчалъ:

— Охотно.—Я свободенъ въ этотъ день.

Возвращаясь черезъ елисейскія поля, при свѣтѣ звѣздъ, они спугнули парочку, размѣстившуюся на скамейкѣ. И Сервиньи пробормоталъ:

— Какой пустякъ, и какая важная вмѣстѣ съ тѣмъ вещь! Какъ банальна, и вмѣстѣ занимательна любовь! Какъ она одинакова и вмѣстѣ съ тѣмъ разнообразна! И какая разница между этимъ нищимъ, который платитъ двадцать су женщинѣ за то самое, за что я заплачу десять тысячъ франковъ какой-нибудь Обарди, и мною? Какъ все это глупо!

Онъ помолчалъ нѣкоторое время и затѣмъ проговорилъ:

— Все-равно, славная вещь быть первымъ любовникомъ Иветты. За это я бы далъ... я бы далъ...

Онъ такъ и не сказалъ, что бы далъ. И Саваль простился съ нимъ на углу улицы Рояль.

II.

На верандѣ, возвышавшейся надъ рѣкой, только что накрыли на столъ.

Вилла «Printemps», нанятая маркизой Обарди, была расположена на срединѣ холма, какъ разъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Сена дѣлаетъ поворотъ и протекаетъ у стѣнъ сада, по направленію къ Марли.

Напротивъ дачи островъ Круасси замыкалъ горизонтъ стѣной высокихъ деревъ, цѣлой массой зелени, а вдоль рѣки глазъ свободно разгуливалъ до самой кофейни Гренульеръ, закутанной въ зелени.

Наступалъ вечеръ, ясный и прелестный какъ и всегда на берегу рѣки, когда воздухъ тихъ, а небо ярко окрашено и когда невольно вѣрится въ счастіе. Никакой вѣтерокъ не шелестилъ листьями, никакая рябь не волновала гладкой поверхности Сены. Не было однако жарко, было только тепло; сладко жилось на свѣтѣ. Благодѣтельная свѣжесть влажныхъ береговъ поднималась въ ясное небо.

Солнце уходило за деревьями въ другія страны и земля, уже засыпавшая, казалось, замирала въ блаженствѣ; казалось, что и самъ сливаешься съ общей гармоніей и лѣнивой нѣгой природы.

Когда вышли изъ гостиной, чтобы сѣсть за столъ, всѣ принялись восхищаться. Умиленная радость сообщилась всѣмъ сердцамъ. Всѣ сознавали, что хорошо пообѣдаютъ среди этой природы, въ виду этой рѣки и вдыхая ароматный и теплый воздухъ.

Маркиза оперлась на руку Саваля, а Иветта на руку Сервиньи. Они были только въ четверомъ.

Обѣ женщины были совсѣмъ другія, нежели въ Парижѣ. Въ особенности Иветта. Она мало говорила и казалась серьезной и какъ бы утомленной.

Саваль, не узнавшій ее, спросилъ:

— Что съ вами? Я нахожу, что вы очень перемѣнились въ одну недѣлю. Вы стали очень благоразумной особой.

Она отвѣчала:

— Это вліяніе деревни. Я чувствую, что стала совсѣмъ другая. Мнѣ самой странно. Впрочемъ, я никогда не бываю одинакова два дня сряду. Сегодня я буду похожа на полоумную, а завтра превращусь въ настоящую элегію. Я мѣняюсь съ погодой, сама не знаю почему. Знаете, я на все способна, смотря по на-

строенію минуты; бываютъ дни, когда я готова была бы убить человѣка, но не животное, животное я бы не могла убить, но человѣка могла бы; въ другой же разъ я плачу отъ пустяковъ. Мнѣ лѣзутъ въ голову самыя разнообразныя мысли. Это зависитъ отъ того, съ какой ноги встанешь по утру. Каждый день, просыпаясь, я могу впередъ сказать, какою буду до вечера. Можетъ быть, это зависитъ отъ того, что намъ снится ночью.

Она была одѣта въ бѣломъ фланелевомъ платьѣ, которое нѣжно облекало ее своими мягкими складками. Широкій корсажъ со складками не стѣснялъ грудь, уже вполнѣ развитую, а тонкое горло выдѣлялось изъ пѣны бѣлыхъ кружевъ, гибкое и нѣжное подъ тяжестью толстыхъ косъ.

Сервиньи не спускалъ съ нея глазъ.

— Вы очаровательны сегодня вечеромъ, мамзель Иветта, — сказалъ онъ.—Я бы желалъ васъ видѣть всегда такою.

Она отвѣчала ему съ обычнымъ задоромъ:

— Не говорите комплиментовъ, Мюскадъ. Я приму ваши слова за нѣчто серьезное и вы можете за это поплатиться.

Маркиза казалась счастливой, очень счастливой. Вся въ черномъ, изящно драпированная въ платьѣ солиднаго покроя, обрисовывавшемъ ея плотную фигуру, съ красной отдѣлкой у корсажа и гирляндой красныхъ гвоздикъ, ниспадавшей съ пояса какъ цѣпь и прикрѣпленной на боку, съ красной розой въ черныхъ волосахъ, она всей своей персоной, своими красными цвѣтами, своимъ тяжелымъ взглядомъ, своимъ медленнымъ голосомъ и рѣдкими жестами производила жгучее впечатлѣніе.

Саваль тоже казался серьезнымъ, задумчивымъ. Время отъ времени онъ перебиралъ рукой свою темную бороду, остроконечной формы, à la Генрихъ III, и казался погруженнымъ въ глубокую думу.

Всѣ молчали въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ. Наконецъ за рыбой, Сервиньи объявилъ:

— Иногда хорошо помолчать. Часто больше сближаешься съ людьми, когда молчишь, нежели когда говоришь, неправда ли, маркиза?

Она поворотилась въ его сторону и отвѣчала:

— Да,—ваша правда. Такъ пріятно думать заодно о хорошихъ вещахъ.

Она устремила жгучій взглядъ на Саваля, и они нѣсколько секундъ молча, но пристально глядѣли другъ другу въ глаза.

Маленькое, почти незамѣтное движеніе произошло подъ столомъ.

Сервиньи продолжалъ:

— Мамзель Иветта, вы заставите меня думать, что вы влюблены, если будете вы такой тихонькой. Въ кого вы можете быть влюблены, поищемъ вмѣстѣ, хотите? Оставляя въ сторонѣ армію дюжинныхъ вздыхателей, переберу только самыхъ выдающихся изъ нихъ. Вы влюблены, можетъ быть, въ князя Кравалонъ?

При этомъ имени Иветта какъ будто проснулась.

— Мой бѣдный Мюскадъ!—какъ это могло вамъ придти въ голову? Да вѣдь князь похожъ на русскую куклу изъ воскового музея, получившую медаль на парикмахерской выставкѣ.

— Хорошо. Оставимъ князя. Вы, значитъ, избрали виконта де-Бельвинь?—На этотъ разъ она разсмѣялась и спросила:

— Неужели вы можете себѣ представить меня обнимающей за шею Виноградное варенье (она такъ его прозвала, потому что всѣмъ давала прозвища) и шепчущей ему въ носъ:—Милый мой Пьеръ, или обожаемый Педро, или чудный мой Пьетро, голубчикъ Пьерро, подставь своей милой женушкѣ твою славную головищу, я хочу тебя поцѣловать.

Сервиньи объявилъ:

— Двухъ, значитъ, въ сторону. Остается кавалеръ Вальреали, которому маркиза какъ будто покровительствуетъ.

Иветта совсѣмъ развеселилась.

— Плакса-то?—да вѣдь онъ слезоточивъ какъ Магдалина. Онъ провожаетъ всѣ богатые похороны. Мнѣ кажется, что я умираю всякій разъ, какъ онъ на меня взглянетъ.

— Значитъ, вы увлеклись барономъ Саваль, здѣсь присутствующимъ.

— Г. Родосомъ-сыномъ? нѣтъ, — онъ слишкомъ великъ. Мнѣ казалось бы, что я люблю Тріумфальную Арку.

— Но когда-такъ, мамзель Иветта, то несомнѣнно, что вы влюблены въ меня, такъ какъ я единственный изъ вашихъ поклонниковъ, о которомъ не было еще рѣчи. Я, изъ скромности и изъ осторожности, приберегъ себя къ концу. Мнѣ остается васъ поблагодарить.

Она отвѣчала съ веселой граціей:

— Въ васъ влюблена, Мюскадъ? О, нѣтъ,—я васъ очень люблю... но я васъ не люблю... послушайте, я не хочу васъ обезкураживать. Я васъ не люблю... пока. Но у васъ есть шансы... можетъ быть. Мужайтесь, Мюскадъ, будьте преданы, внимательны, покорны, ухаживайте за мной, угождайте мнѣ, исполняйте всѣ мои желанія, старайтесь мнѣ понравиться... и мы увидимъ со временемъ.

— Но, мамзель Иветта, я бы хотѣлъ лучше быть всѣмъ тѣмъ, чѣмъ вы желаете, потомъ, а не теперь, если вамъ угодно.

Она спросила съ наивнымъ видомъ субретки:

— Когда потомъ?.. Мюскадъ?

— Когда вы докажете мнѣ, что меня любите.

— Положимъ, что я васъ люблю, вы можете этому вѣрить, если желаете...

— Но...

— Ну, молчите, Мюскадъ,—довольно объ этомъ!

Онъ приложилъ руку къ козырьку, по военному, и умолкъ.

Солнце зашло за островъ, но небо пылало, какъ костеръ, и спокойныя воды рѣки, казалось, превратились въ кровь. Отблескъ горизонта окрашивалъ въ красный цвѣтъ дома, людей и всѣ предметы, а пунцовая роза въ волосахъ маркизы казалась каплей пурпура, упавшей съ облаковъ на ея голову. Иветта глядѣла вдаль; мать ея положила какъ бы нечаянно свою руку на руку Саваля, но такъ какъ молодая дѣвушка пошевелилась при этомъ, то маркиза быстро отняла руку и стала поправлять корсажъ.

Сервиньи, глядѣвшій на нихъ, сказалъ:

— Если вамъ угодно, мамзель Иветта, то мы пойдемъ гулять на островъ, послѣ обѣда.

Она обрадовалась этому предложенію:

— О! да, это будетъ прелестно!—мы пойдемъ вдвоемъ, не правдали, Мюскадъ?

— Да, да, мамзель, вдвоемъ.

И опять воцарилось молчаніе. Тишина горизонта, сонный покой вечера усыпляли сердце, тѣло и голосъ. Бываютъ часы спокойствія и раздумья, когда почти невозможно говорить.

Лакеи безшумно служили, пожаръ на небосклонѣ потухалъ и ночь медленно окутывала землю своимъ темнымъ покровомъ.

Саваль спросилъ:

— Вы долго намѣрены пробыть здѣсь?

И маркиза отвѣчала, напирая на каждое слово:

— Да... до тѣхъ поръ, пока я буду чувствовать себя здѣсь счастливой.

Такъ какъ стало совсѣмъ темно, то принесли лампы. Онѣ бросали на столъ странный блѣдный свѣтъ среди глубокаго мрака, царившаго въ пространствѣ, и немедленно налетѣла цѣлая туча мошекъ, сжигавшихъ себя при прикосновеніи съ горячими шарами лампъ и усѣявшихъ скатерть и приборы своими лапками и крылышками точно сѣрой пылью.

Ихъ проглатывали въ винѣ, поѣдали съ соусомъ, хлѣбъ былъ осыпанъ ими, и летучія неизмѣримыя тучи этихъ насѣкомыхъ непрерывно щекотали лицо и руки.

Приходилось безпрестанно выливать вино, закрывать тарелки, ѣсть съ безконечными предосторожностями.

Это забавляло Иветту. Сервиньи старался защитить отъ мошекъ тѣ кушанья, которыя она подносила ко рту, закрывалъ ея стаканъ, разстилалъ надъ ея головой салфетку, точно балдахинъ. Но маркиза пришла въ нервное состояніе и поспѣшила окончить обѣдъ.

Иветта, не забывшая предложенія Сервиньи, сказала:

— Мы идемъ теперь на островъ?

Мать вялымъ голосомъ просила:

— Пожалуйста возвращайтесь скорѣй. Мы васъ проводимъ до парома.

Отправились парами. Молодая дѣвушка и ея пріятель шли впереди и слышали сзади себя, какъ маркиза и Саваль разговаривали тихо, тихо, затѣмъ останавливались на минуту и потомъ опять шли дальше. Кругомъ царствовалъ мракъ; ночь была безпросвѣтная, черная, какъ чернила. Но на небѣ сверкала огненная пыль и какъ будто проливалась въ воду, потому что въ темной рѣкѣ тоже зажигались яркія точки.

Лягушки квакали и ихъ монотонное и раскатистое пѣніе раздавалось вдоль всего берега.

Безчисленные соловьи тоже распѣвали въ тихомъ воздухѣ.

Вдругъ Иветта спросила:

— Что это? ихъ не слышно больше за нами. Гдѣ они?

И позвала:

— Мамаша!

Никто не отвѣтилъ. Молодая дѣвушка продолжала:

— Они не могутъ быть далеко. Я только-что слышала ихъ шаги.

Сервиньи пробормоталъ:

— Они, вѣроятно, вернулись домой. Должно быть, ваша мамаша озябла.

И повелъ ее дальше.

Впереди видѣлся свѣтъ. То была харчевня Мартине, ресторатора и рыбака. На зовъ гуляющихъ, человѣкъ вышелъ изъ дому и они сѣли въ большую лодку, привязанную къ берегу.

Перевозчикъ взялъ весла, и тяжелая лодка, двигаясь, будила звѣзды, заснувшія въ водѣ, и заставляла ихъ прыгать нѣкоторое время и затѣмъ мало-по-малу успокоиваться.

Они доѣхали до противуположнаго берега и вышли подъ большими деревьями. Влажная свѣжесть, поднимавшаяся отъ земли, царствовала подъ сводомъ густыхъ вѣтвей, на которыхъ, казалось, было столько же соловьевъ, сколько и листьевъ. Вдали на фортепьяно кто-то заигралъ вальсъ.

Сервинъи взялъ руку Иветты и потихоньку обнялъ ее за талію и прижалъ къ себѣ.

— О чемъ вы думаете?—спросилъ онъ.

— Я?—ни о чемъ. Я очень счастлива.

— Значитъ, вы меня не любите?

— Напротивъ, Мюскадъ. — Я васъ люблю, я васъ очень люблю, только не приставайте ко мнѣ съ этимъ. Такъ хорошо кругомъ, что не до глупостей.

Онъ прижималъ ее къ себѣ, хотя она старалась высвободиться.

Онъ пролепеталъ:

— Иветта!

— Ну что?

— Да вѣдь я-то васъ люблю.

— Вы дурачитесь, Мюскадъ.

— Да нѣтъ же. Я давно уже васъ люблю.

Она дѣлала постоянныя усилія, чтобы оттолкнуть его и они шли отъ этого шатаясь, точно пьяные.

Онъ не находилъ, что́ еще сказать,—понималъ, что съ дѣвушкой нельзя разговаривать какъ съ женщиной; смущенный, не зная что́ теперь предпринять, спрашивалъ себя: согласна она или же не понимаетъ, въ чемъ дѣло, и ломая голову, отыскивалъ такія слова, которыя были бы нѣжны, точны и опредѣленны. Онъ повторялъ время отъ времени:

— Иветта!—послушайте, Иветта!

И вдругъ неожиданно поцѣловалъ ее въ щеку.

Она отстранилась отъ него и сердито сказала:

— Ахъ!—какъ вы нелѣпы. Оставьте меня въ покоѣ.

По тону ея голоса нельзя было разобрать, что́ она думаетъ, что́ она хочетъ, и видя, что она не особенно разсердилась, онъ прижалъ губы къ ея затылку, въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинались волосы и куда ему давно уже хотѣлось ее поцѣловать.

Тогда она начала изо всѣхъ силъ отбиваться отъ него. Но онъ крѣпко держалъ ее и, схвативъ другою рукою за плечо, заставилъ повернуть къ нему голову и поцѣловалъ прямо въ губы.

Но тутъ она выскользнула у него изъ рукъ и исчезла въ темнотѣ, прошумѣвъ юбками, точно птица крыльями.

Онъ нѣкоторое время простоялъ неподвижно, удивленный ея ловкостью и исчезновеніемъ. Наконецъ, ничего больше не слыша, позвалъ ее вполголоса:

— Иветта.

Она не отвѣчала. Онъ пошелъ впередъ, вглядываясь въ темноту, ища въ кустахъ бѣлое пятно, которымъ должно было мелькать ея платье. Все было черно. Онъ громко закричалъ:

— Мамзель Иветта.

Соловьи умолкли.

Онъ заторопился, смутно встревоженный, все громче и громче клича:

— Мамзель Иветта!—мамзель Иветта!—Ничего. Онъ остановился и прислушался. Островъ былъ безмолвенъ. Листья ночти не шелестѣли надъ его головой. Одинъ только лягушки продолжали громко квакать вдоль береговъ.

Тогда онъ принялся бродить на удачу, спускался съ берега къ рѣкѣ и затѣмъ поднимался опять и добрался такимъ образомъ до Буживаля, прошелъ къ ресторану Гренульеръ, заглядывая подъ всѣ деревья и повторяя:

— Мамзель Иветта! гдѣ вы! откликнетесь, не заставляйте меня попусту себя искать!

Вдали пробили часы. Онъ сталъ считать.. полночь. Онъ ходилъ по острову уже цѣлыхъ два часа. Тогда онъ подумалъ, что она вернулась домой, и тоже повернулъ къ дому, въ большой тревогѣ.

Заспанный слуга, развалясь въ креслѣ, дожидался въ сѣняхъ. Сервиньи разбудилъ его и спросилъ:

— Давно ли мамзель Иветта вернулась домой? Я оставилъ ее, потому что мнѣ нужно было навѣстить знакомаго.

Лакей отвѣчалъ:

— О! да, г. герцогъ, давно уже. Барышня вернулась въ десять часовъ.

Онъ прошелъ въ свою комнату и легъ въ постель.

Онъ лежалъ съ открытыми глазами и не могъ спать.

Украденный имъ поцѣлуй взволновалъ его. Онъ раздумывалъ. Чего она хочетъ? Что она думаетъ? Что она знаетъ? Какая она хорошенькая и привлекательная! Чувства его, притупленныя жизнью, какую онъ велъ, женщинами, съ какими онъ водился, и всяческими любовными похожденіями, вдругъ проснулись при видѣ этой странной дѣвочки, свѣжей, капризной, непонятной.

Онъ слышалъ, какъ пробилъ часъ, затѣмъ два часа. Рѣшительно ему не заснуть. Ему стало жарко, онъ вспотѣлъ и слы-

шалъ, какъ сердце у него бьется и въ вискахъ стучитъ, всталъ и открылъ окно.

Подуло свѣжимъ воздухомъ и онъ съ наслажденіемъ вдыхалъ его въ себя. Густой мракъ безмолвствовалъ. Но вдругъ онъ увидѣлъ впереди въ потемкахъ сада яркую точку, точно раскаленный уголекъ, и подумалъ:

— Эге! да это сигара! Это должно быть Саваль.

И тихо позвалъ:

— Леонъ!

Голосъ отвѣчалъ:

— Это ты, Жанъ?

— Да. Подожди меня. Я сейчасъ приду.

Онъ одѣлся, вышелъ и настигъ пріятеля, который курилъ, сидя верхомъ на деревянномъ стулѣ.

— Что ты здѣсь дѣлаешь?

Саваль отвѣчалъ:

— Отдыхаю.

И захохоталъ.

Сервиньи пожалъ ему руку:

— Поздравляю, mon cher. А я... бѣшусь.

— Это значитъ, что...

— Это значитъ, что... Иветта и ея мамаша не похожи другъ на друга.

— Что же было? — разскажи мнѣ.

Сервиньи разсказалъ о своей попыткѣ и ея неудачѣ, и продолжалъ:

— Рѣшительно, эта дѣвочка меня сбиваетъ съ толку. Представь себѣ, что я не могъ уснуть. Какая это чудная штука, молоденькая дѣвчоночка! На видъ проста, какъ Богъ знаетъ что, а никакъ ее не разберешь. Женщину, которая жила, любила, знаетъ жизнь, тотчасъ же раскусишь. Но когда имѣешь дѣло съ дѣвункой, то ничего не постигаешь. Въ сущности я боюсь, что она водитъ меня за носъ.

Саваль раскачивался на стулѣ, и медленно проговорилъ:

— Берегись, mon cher, она хочетъ женить тебя на себѣ. Припомни знаменитые примѣры Такимъ точно способомъ мадемуазель де-Монтихо попала въ императрицы. Не разыграй Наполеона.

Сервиньи пробормоталъ:

— Что до этого касается, то не бойся. Я не глупецъ и не Наполеонъ. А надо быть тѣмъ или другимъ, чтобы позволить себѣ такую женитьбу. Но скажи-ка мнѣ, тебѣ хочется спать?

— Нисколько.

— Хочешь прогуляться вдоль рѣки?

— Охотно.

Они отворили калитку и пошли вдоль рѣки, по направленію къ Марли.

Наступила свѣжесть, какая предшествуетъ утру; былъ тотъ часъ, когда сонъ особенно крѣпокъ, покой особенно великъ и безмолвіе особенно глубоко. Всѣ даже самые легкіе ночные шумы затихли. Соловьи больше не пѣли; лягушки прекратили свое галдѣнье. Только одно какое-то неизвѣстное животное, можетъ быть птица, гдѣ-то скрипѣло, точно пилой, слабо, монотонно и правильно, точно машина.

Сервинъи, въ которомъ по временамъ просыпался поэтъ и даже философъ, вдругъ сказалъ:

— Вотъ. Эта дѣвушка меня совсѣмъ смущаетъ. Въ ариѳметикѣ одинъ и одинъ составляютъ два. Въ любви одинъ и одинъ должны бы составить одно, а между тѣмъ выходитъ тоже два. Испытывалъ ли ты когда что-нибудь подобное? Чувствовалъ ли ты желаніе вполнѣ слиться съ женщиной, такъ, чтобы она исчезла въ тебѣ или ты въ ней? Я говорю не про физическія ласки, но про нравственную и умственную жажду слиться воедино съ любимымъ существомъ, открыть ему всю свою душу, все свое сердце и проникнуть всю его мысль насквозь.

— И никогда-то не узнать его вполнѣ; никогда не овладѣть всѣми колебаніями его воли и желаній и его мнѣній. Никогда не угадать даже слегка все неизвѣстное, всю тайну души, которая, между тѣмъ, такъ близка, души скрытой въ глазахъ, которые глядятъ на тебя такіе же ясные, какъ и прозрачная вода, точно въ нихъ нѣтъ ничего потаеннаго,—души, говорящей милыми сердцу устами,—души, столь желанной, что кажется, что овладѣлъ ею,—души, передающей тебѣ одна за другой въ словахъ всѣ свои мысли и которая при всемъ томъ гораздо дальше отстоитъ отъ тебя, нежели звѣзды другъ отъ друга, гораздо недоступнѣе и непроницаемѣе, нежели эти созвѣздія! Какъ это все странно!

Саваль отвѣчалъ:

— Я не углубляюсь во все это. Я не заглядываю въ глаза, не забочусь о содержаніи, лишь бы форма мнѣ нравилась.

Сервинъи пробормоталъ:

— Иветта странное существо. Какъ-то она встрѣтитъ меня сегодня утромъ!

Дойдя до Марли, они увидѣли, что небо поблѣднѣло. Шѣтухи

начали перекликаться на птичныхъ дворахъ и пѣніе ихъ долетало смягченнѣе изъ-за толстыхъ оградъ. Птичка защебетала въ паркѣ, налѣво, безпрерывно повторяя коротенькій ритурнель простой, наивный и комичный.

— Пора вернуться домой,—объявилъ Саваль.

Они вернулись, и Сервиньи, входя въ свою комнату, увидѣлъ въ окно, остававшееся открытымъ, заалѣвшійся горизонтъ. Онъ раскрылъ ставни, задернулъ толстыя занавѣси, легъ въ постель и наконецъ заснулъ.

Все время во снѣ онъ видѣлъ Иветту.

Странный шумъ разбудилъ его. Онъ присѣлъ на постели и прислушался. Но ничего не услышалъ. Затѣмъ вдругъ точно градъ посыпался въ его ставни.

Онъ вскочилъ съ постели, подбѣжалъ къ окну, открылъ его и увидѣлъ Иветту, которая стояла въ аллеѣ и бросила ему въ лицо цѣлую пригоршню песку.

Она была одѣта въ розовомъ и въ соломенной шляпѣ съ широкими полями и большимъ перомъ «à la mousquetaire» и смѣялась хитро и лукаво.

— Ну, Мюскадъ, вы все спите. Что вы дѣлали почью, что такъ заспались поутру? Вы вѣрно искали приключеній, мой бѣдный Мюскадъ!

Онъ стоялъ ослѣпленный яркимъ дневнымъ свѣтомъ, внезапно залѣпившимъ ему глаза, еще отягченные сномъ, и дивился насмѣшливому спокойствію молодой дѣвушки.

Онъ отвѣчалъ:

— Сейчасъ, сейчасъ, мамзель Иветта. Дайте только промыть глаза и я къ вашимъ услугамъ.

Она закричала:

— Торопитесь, уже десять часовъ. Мнѣ надо сообщить вамъ важный проэктъ. Мы составимъ заговоръ. Вы знаете, что завтракъ подаютъ въ одиннадцать часовъ.

Онъ нашелъ ее сидящей на скамейкѣ съ книгой на колѣняхъ, вѣрно какимъ-нибудь романомъ.

Она фамильярно, дружески взяла его подъ руку, такъ откровенно и весело, какъ будто бы ничего наканунѣ не случилось, и потащила его на другой конецъ сада.

— Вотъ мой проэктъ. Мы не послушаемся мамаши, и вы меня сведете въ Гренульеръ. Я хочу это видѣть. Мамаша говоритъ, что честныя женщины не бываютъ въ такихъ мѣстахъ. Но мнѣ рѣшительно все-равно, можно или нельзя тамъ бывать.

Вы меня сведете туда, Мюскадъ, не правда-ли? и мы подурачимся въ волю.

Отъ нея шелъ очень тонкій и пріятный ароматъ, хотя онъ и не могъ различить, какіе это были духи. То ему казалось, что пахнетъ ирисомъ, то вербеной. Но потомъ ему вдругъ подумалось, что она, быть можетъ, и вовсе не вадушена и ему только такъ кажется, что ароматъ чудится ему, и ничто иное какъ обманъ чувствъ, очарованныхъ ея юной и обольстительной прелестью.

Она говорила:

— Рѣшено, Мюскадъ, не правда ли? Такъ какъ послѣ завтрака будетъ очень жарко, то мамаша не захочетъ выдти изъ дому. Она всегда раскисаетъ, когда жарко. Мы оставимъ ее съ вашимъ пріятелемъ, а сами уйдемъ. Мы скажемъ, что идемъ въ лѣсъ. Если бы вы знали, какъ мнѣ будетъ весело въ Гренульеръ.

Они дошли до рѣшетки, выходившей на Сену. Солнечные лучи заливали спокойную поверхность рѣки. Легкій паръ поднимался отъ нея и по временамъ по ней скользилъ легкій челнокъ или проплывала тяжелая барка, а издали доносились свистки поѣздовъ, развозящихъ каждое воскресенье парижское населеніе по окрестностямъ, и свистки пароходовъ, предупреждающихъ о своемъ появленіи передъ шлюзами Марли. Вдругъ прозвонилъ колокольчикъ, призывавшій къ завтраку. Они вернулись въ домъ.

Завтракъ прошелъ въ молчаніи. Жаркій іюльскій полдень давилъ землю, тяготилъ все живое. Жара казалась какой-то густой и парализировала умъ и тѣло. Слова замирали на губахъ, движенія были затруднительны, точно воздухъ оказывалъ имъ сопротивленіе.

Одна Иветта, хотя и молчала, но казалась оживленной и нетерпѣливой.

Какъ только десертъ сняли со стола, она сказала:

— Пойдемте гулять въ лѣсъ. Подъ деревьями свѣжо и пріятно.

Маркиза, повидимому изнемогавшая, пролепетала:

— Ты съ ума сошла!—развѣ можно выходить въ такую жару?

Молодая дѣвушка настаивала, покраснѣвъ:

— Мы оставимъ тебя вмѣстѣ съ барономъ, а сами съ Мюскадомъ пойдемъ бродить въ лѣсъ и сядемъ на травѣ.

И повернувшись къ Сервиньи, прибавила:

— Рѣшено?

Онъ отвѣчалъ:

— Къ вашимъ услугамъ, мамзель Иветта.

Она побѣжала за шляпой.

Маркиза пожала плечами, вздыхая. — Она право съумасшедшая.

И съ лѣнивой и влюбленной пѣгой протянула свою красивую, бѣлую руку барону, который ее немедленно поцѣловалъ.

Иветта и Сервиньи ушли. Они пошли сначала вдоль берега, перешли черезъ мостъ и вступили на островъ, потомъ сѣли на другомъ берегу, около рукава Сены, подъ ивами, потому что еще рано было идти въ Гренульеръ.

Молодая дѣвушка вынула изъ кармана книгу и сказала, смѣясь:

— Мюскадъ, почитайте мнѣ.

И протянула ему книгу.

Онъ сдѣлалъ такое движеніе, какъ будто бы собирался убѣжать:

— Ахъ, мамзель Иветта, да вѣдь я не умѣю читать.

Она серьезно настаивала:

— Пожалуйста безъ отговорокъ. Вы ловкій претендентъ, знаете ли вы это. Вашъ девизъ кажется:—все, взамѣнъ ничего?

Онъ взялъ книгу, раскрылъ ее и удивился. То была книга энтомологіи, исторія о муравьяхъ, разсказанная однимъ англійскимъ писателемъ. Такъ какъ онъ молчалъ, думая, что она смѣется надъ нимъ, она потеряла терпѣніе:

— Ну что же, читайте,—сказала она.

Онъ спросилъ:

— Что это парй?—Или просто шутка?

— Нисколько, mon cher, я увидѣла эту книгу въ книжномъ магазинѣ и мнѣ сказали, что это самое лучшее, что только есть про муравьевъ и я подумала, что интересно будетъ узнать жизнь этихъ маленькихъ животныхъ, глядя, какъ они бѣгаютъ по травѣ. Читайте.

Она растянулась навзничь, опершись локтями въ землю, подперевъ руками голову и глядя въ траву.

Онъ началъ читать:

— «Безъ сомнѣнія, антропоморфныя обезьяны ближе всего подходятъ къ человѣку по своему анатомическому строенію, но если мы обратимъ вниманіе на нравы муравьевъ, на ихъ общественную организацію, ихъ обширныя общины, дома и дороги, которыя они строятъ, ихъ привычку приручать животныхъ и даже порою владѣть невольниками, то будемъ вынуждены допустить, что они вправѣ потребовать, чтобы ихъ по уму поставили возлѣ человѣка на лѣстницѣ разума»...

Онъ продолжалъ монотоннымъ голосомъ, время отъ времени останавливаясь, чтобы спросить:

— Не довольно ли?

Она отрицательно кивала головой, и поймавъ на вырванной изъ земли травинкѣ муравья, забавлялась тѣмъ, что заставляла его бѣгать взадъ и впередъ, перевертывая травинку къ низу, какъ только онъ добѣгалъ до ея конца. Она слушала съ сосредоточеннымъ и молчаливымъ вниманіемъ всѣ удивительныя подробности о жизни этихъ крошечныхъ животныхъ въ ихъ подземныхъ жилищахъ, о томъ, какъ они воспитываютъ, держатъ въ неволѣ и кормятъ зеленыхъ букашекъ, чтобы пить сладкую жидкость, которую тѣ выдѣляютъ, подобно тому, какъ мы воспитываемъ коровъ на своихъ скотныхъ дворахъ; объ ихъ привычкѣ пользоваться услугами маленькихъ слѣпыхъ насѣкомыхъ, которые чистятъ муравейники, и ходить на войну затѣмъ, чтобы приводить рабовъ, которые съ такой заботливостью ухаживаютъ за побѣдителями, что тѣ подъ конецъ разучаются сами ѣсть.

Мало-по-малу словно материнская нѣжность проснулась въ ея сердцѣ къ маленькой и умной козявкѣ, которую Иветта заставляла ползать по своему пальцу, глядя на нее умиленнымъ взоромъ и готовая ее расцѣловать.

Когда Сервиньи прочиталъ о томъ, какъ муравьи живутъ въ общинахъ, какъ затѣваютъ другъ съ другомъ дружескую борьбу, въ которой соперничаютъ въ силѣ и ловкости, восхищенная молодая дѣвушка въ самомъ дѣлѣ захотѣла поцѣловать муравья, который вырвался и побѣжалъ по ея лицу.

Тогда она громко и пронзительно закричала, точно ей угрожала большая опасность и стала хлопать себя по щекамъ, чтобы прогнать насѣкомое. Сервиньи, громко хохоча, поймалъ муравья у самыхъ волосъ и, снявъ его, поцѣловалъ то мѣсто, гдѣ его поймалъ, причемъ Иветта не отняла лба.

Затѣмъ объявила, вставая:

— Мнѣ это больше нравится, чѣмъ какой-нибудь романъ. Теперь пойдемте въ Грепульеръ.

Они дошли до той части острова, гдѣ разбитъ паркъ, съ огромными деревьями. Пары бродили подъ высокими деревьями, вдоль Сены, по которой плавали лодки. Тамъ были кокотки съ молодыми людьми, работницы съ своими любовниками, которые шли безъ сюртуковъ, повѣсивъ послѣдніе на руку, сдвинувъ цилиндры на затылокъ съ усталымъ, но задорнымъ видомъ. Буржуа съ своими семьями, съ разряженными женами и дѣтьми, прыгавшими вокругъ родителей словно цыплята вокругъ насѣдки.

Отдаленный и непрерывный гулъ людскихъ голосовъ возвѣщалъ о близости ресторана. Внезапно онъ предсталъ передъ ихъ

глазами. Громадная барка, покрытая крышей, прикрѣпленная къ берегу, кишѣла мужчинами и женщинами, засѣдавшими за стаканами или же пившими стоя, кричавшими, танцующими, поющими и кувыркающимися подъ звуки разстроеннаго и разбитаго фортепьяно, звучавшаго точно кострюлька.

Высокія дѣвушки съ рыжими волосами, съ фальшивой грудью и турнюромъ, расхаживали между публикой, бросая вызывающіе взгляды направо и налѣво, раскрашенныя, полупьяныя, сыпля непристойными словами. Другія плясали какъ полоумныя vis-à-vis съ полураздѣтыми субъектами въ полотняныхъ панталонахъ и бумажномъ трико, въ цвѣтныхъ шапкахъ, какъ у жокеевъ. Запахъ пота смѣшивался съ запахомъ духовъ.

Потребители, засѣдавшіе за столами, поглощали красные, бѣлые, желтые и зеленые напитки и орали безъ всякаго смысла, поддаваясь животной потребности шумѣть и галдѣть. Время отъ времени какой-нибудь пловецъ появлялся на крышѣ и бросался въ воду, забрызгивая водой ближайшихъ сосѣдей, испускавшихъ дикій ревъ.

По рѣкѣ проносились цѣлыя флотиліи. Длинныя и узкія лодки быстро разсѣкали воду, подъ ловкими взмахами веселъ гребцовъ съ засученными рукавами, мускулы которыхъ выпукло обрисовывались подъ загорѣлой кожей. Капотьерки, въ голубыхъ или красныхъ флапелевыхъ платьяхъ подъ раскрытыми красными же или голубыми зонтиками, опрокидывались назадъ въ своихъ креслахъ на кормѣ барокъ и точно бѣжали по водѣ въ неподвижной и сонной позѣ. Болѣе тяжелыя барки медленно плыли, покрытыя народомъ. Школьникъ, вырвавшійся изъ коллежа и желая задать тону, гребъ, раскидывая веслами точно вѣтреная мельница, натыкался на всѣ лодки, гребцы которыхъ ругали его и, наконецъ, исчезъ изъ виду, чуть не потопивъ двоихъ пловцовъ и преслѣдуемый ревомъ толпы, наполнявшей пловучій ресторанъ.

Иветта, сіяющая, проходила подъ руку съ Сервинья среди этой шумной и смѣшанной толпы и казалась вполнѣ счастливой отъ сосѣдства всѣхъ этихъ подозрительныхъ лицъ; спокойно и благосклонно оглядывала попадавшихся на встрѣчу кокотокъ.

— Поглядите-ка, Мюскадъ, вотъ на эту, какіе у нея хорошенькіе волосы. Имъ, кажется, очень весело.

Въ это время піанистъ, капотьеръ, одѣтый въ красное и въ колоссальной шляпѣ на манеръ соломеннаго зонтика, заигралъ вальсъ. Иветта внезапно схватила своего спутника за плечи и увлекла за собой въ вихрѣ вальса. Они такъ долго и бѣшено кружились, что всѣ стали на нихъ глядѣть; потребители повска-

кали на столы и били въ тактъ ногами, другіе стучали стаканами и самъ музыкантъ точно взбѣсился, хлопалъ по клавишамъ изо всей мочи, раскачивался всѣмъ туловищемъ и головой, прикрытой колоссальной шляпой.

Вдругъ онъ остановился, свалился со стула и растянулся на полу, схороненный подъ своей шляпой, словно умеръ отъ усталости. Громкій хохотъ поднялся въ кафе и всѣ захлопали въ ладоши.

Четверо пріятелей бросились впередъ, какъ это бываетъ, когда случается несчастіе, и, поднявъ своего товарища, унесли его, положивъ ему предварительно на животъ то подобіе крыши, которой онъ прикрывалъ свою голову. Шутникъ, шедшій за ними, затянулъ «De Profundis». И тотчасъ же образовалась цѣлая процессія за мнимымъ покойникомъ и развернулась вдоль дорожекъ острова, увлекая за собой потребителей, гуляющихъ, всѣхъ, кто попадался на встрѣчу.

Иветта въ восторгѣ побѣжала также слѣдомъ, заговаривая направо и налѣво, потерявъ голову отъ шума и суеты. Молодые люди глядѣли ей прямо въ глаза, толпились около нея, и сильно, повидимому, заинтересованные ею, оглядывали ее съ головы до пятокъ, такъ что Сервинъи началъ опасаться, какъ бы дѣло не окончилось скандаломъ.

Процессія двигалась, ускоряя свой шагъ. Четверо носильщиковъ пустились, наконецъ, бѣжать, преслѣдуемые ревущей толпой. Но вдругъ они повернули прямо къ рѣкѣ и, подбѣжавъ къ самому берегу, раскачали своего товарища и кинули его въ воду.

Радостный крикъ вырвался у всѣхъ, между тѣмъ какъ оглушенный піанистъ барахтался въ водѣ, ругался, капляя, выплевывалъ воду и, увязая въ грязи, старался выбраться на берегъ.

Шляпа его, уносимая теченіемъ, была выловлена на одной изъ лодокъ.

Иветта прыгала отъ удовольствія, хлопая въ ладоши, и повторяла:

— Ахъ! Мюскадъ, какъ мнѣ весело! какъ мнѣ весело!

Сервинъи наблюдалъ за нею съ серьезнымъ лицомъ, отчасти смущенный, отчасти раздосадованный тѣмъ, что она чувствуетъ себя такъ свободно среди всего этого сброда. Какой-то инстинктъ возмущался въ немъ, инстинктъ приличія, который никогда не оставляетъ благовоспитаннаго человѣка, даже и тогда, когда онъ нѣсколько распустится, и который удерживаетъ его отъ слишкомъ подлыхъ фамиліарностей и слишкомъ грязныхъ компаній.

Онъ говорилъ себѣ, дивясь:

— Чортъ побери! яблочко отъ яблони не далеко укатится!

И ему хотѣлось говорить ей *ты*, какъ это дѣлаютъ съ извѣстнаго рода женщинами, хотя бы видѣли ихъ въ первый разъ въ жизни. Онъ почти не отличалъ ее болѣе отъ присутствующихъ тварей съ рыжими волосами, которыя толкали ихъ, выкрикивая хриплыми голосами неприличныя, грубыя слова. Иветта какъ будто ничего этого не замѣчала.

— Мюскадъ, я хочу купаться,—объявила она:—пойдемъ-те на средину рѣки.

Онъ отвѣчалъ.

— Къ вашимъ услугамъ.

И они пошли въ контору купаленъ, чтобы достать себѣ костюмы.

Она первая переодѣлась и поджидала его на берегу, улыбающаяся, на виду у всѣхъ. Затѣмъ они вошли вмѣстѣ въ воду. Она плавала съ наслажденіемъ. Онъ слѣдовалъ за нею, нѣсколько запыхавшись и досадуя на то, что плаваетъ хуже ея.

Но вотъ она замедлила свои движенія и, быстро перевернувшись, легла неподвижно на водѣ, скрестивъ руки и устремивъ глаза въ голубое небо.

Онъ видѣлъ ее всю съ головы до пятокъ, точно будто бы она нарочно дразнила его. Страсть снова заговорила въ немъ.

Вдругъ она обернулась, поглядѣла на него и разсмѣялась.

— Какая, однако, у васъ смѣшная физіономія!—сказала она.

Эта насмѣшка задѣла его за живое. Въ немъ проснулась злая досада влюбленнаго человѣка, надъ которымъ потѣшается предметъ его любви. Ему захотѣлось отмстить ей, оскорбить ее.

— Вамъ по душѣ такая жизнь?

Она спросила съ обычнымъ наивнымъ видомъ:

— Какая такая?

— Ну, полноте, не дурачьтесь. Вы понимаете, что́ я хочу сказать.

— Нѣтъ, честное слово.

— Ну, довольно играть комедію. Хотите или не хотите?

— Я васъ не понимаю.

— Вы не такъ глупы. Къ тому же я вамъ сказалъ вчера вечеромъ.

— Что такое? я позабыла.

— Что я васъ люблю.

— Вы? Меня? Какая нелѣпость!

— Божусь вамъ.

— Ну, такъ докажите.

— Я только этого и прошу у васъ.

— Чего этого?

— Да позволенія доказать вамъ свою любовь.

— Ну, доказывайте.

— Вы вчера вечеромъ не такъ говорили.

— Вы мнѣ ничего не предлагали.

— Какъ глупо!

— Къ тому же вамъ слѣдуетъ обратиться не ко мнѣ.

— Вотъ такъ славно! а къ кому же?

— Да къ мамашѣ, разумѣется.

Онъ громко расхохотался.

— Къ вашей мамашѣ? Нѣтъ, это ужъ черезъ-чуръ забавно!

Она вдругъ стала очень серьезна и поглядѣла ему пристально въ глаза.

— Послушайте, Мюскадъ, если вы въ самомъ дѣлѣ настолько меня любите, чтобъ жениться, то переговорите сначала съ мамашей, я вамъ дамъ отвѣтъ... потомъ.

Онъ опять подумалъ, что она надъ нимъ смѣется, и окончательно разозлился.

— Мамзель Иветта, вы меня принимаете за кого-то другого.

Она продолжала глядѣть на него пристально, не сморгнувъ. Наконецъ, запинаясь, проговорила:

— Я все-таки васъ не понимаю.

Тогда онъ сказалъ рѣзко и съ какимъ-то гадкимъ выраженіемъ въ голосѣ:

— Послушайте, Иветта! Кончимъ эту нелѣпую комедію, которая длится слишкомъ долго. Вы разыгрываете глупенькую дѣвочку и, право, эта роль вамъ не къ лицу. Вы хорошо знаете, что между вами и мной не можетъ быть рѣчи о женитьбѣ... но только о любви. Я вамъ сказалъ, что васъ люблю, и сказалъ правду, и повторяю: я васъ люблю. Не притворяйтесь же, что не понимаете меня и не обращайтесь со мной, какъ съ дуракомъ.

Они стояли въ водѣ, другъ противъ друга; она нѣсколько секундъ еще пробыла неподвижной, точно старалась и не могла проникнуть смыслъ его словъ. Потомъ вдругъ покраснѣла, покраснѣла до корня волосъ. Все лицо у ней залило яркой краской до самой шеи, а уши даже побагровѣли и, не отвѣчая ни слова, она поплыла къ берегу, работая изо всѣхъ силъ руками и ногами. Онъ не могъ нагнать ее и пыхтѣлъ отъ усталости, слѣдуя за нею.

Онъ видѣлъ, какъ она вышла изъ воды, подобрала свой пеньюаръ и ушла въ купальню, не оглядываясь.

Онъ долго одѣвался, не зная самъ, что̀ ему теперь предпринять, и спрашивая себя: долженъ ли онъ извиниться или настаивать?

Когда онъ одѣлся, она уже ушла. Онъ вернулся тихими шагами домой, смущенный и встревоженный.

Маркиза гуляла подъ руку съ Савалемъ въ круглой аллеѣ вокругъ газона.

Увидя Сервиньи, она произнесла тѣмъ лѣнивымъ тономъ, какой усвоила себѣ со вчерашняго дня:

— Я вамъ говорила, что не слѣдуетъ выходить въ такую жару. Вотъ у Иветты голова и разболѣлась. Она пошла прилечь въ свою комнату. Она раскраснѣлась, какъ макъ, бѣдная дѣвочка! и у ней страшный мигрень. Вы гуляли по солнцу и это очень неблагоразумно. Вы такой же безразсудный, какъ и она.

Молодая дѣвушка не сошла къ обѣду. Ей хотѣли подать обѣдъ въ комнату, но она отвѣчала сквозь дверь, что не голодна и чтобы ее оставили въ покоѣ.

Молодые люди уѣхали съ десяти-часовымъ поѣздомъ, обѣщая пріѣхать въ слѣдующій четвергъ. Маркиза усѣлась у открытаго окна мечтать, прислушиваясь издали къ оркестру, игравшему на балѣ капотьеровъ, звуки котораго доносились среди торжественнаго безмолвія ночи.

Увлеченная страстью, маркиза способна была влюбляться до-зарѣзу. Страсть налетала на нее внезапно, какъ буря, какъ болѣзнь, захватывала ее всю, приводила въ экстазъ, въ тревогу или въ отчаяніе, смотря по тому, какой принимала характеръ: восторженный, драматическій или чувствительный.

Она была изъ тѣхъ женщинъ, которыя созданы для того, чтобы любить и быть любимыми. Будучи самаго низкаго происхожденія, она составила себѣ карьеру любовью, которую обратила въ профессію почти нечаянно. Дѣйствуя инстинктивно, съ безсознательной хитростью и врожденной ловкостью, она принимала деньги, какъ и поцѣлуи, просто и естественно, не разбирая, руководствуясь природнымъ и замѣчательнымъ чутьемъ, не разсуждая, какъ животныя, умудренныя потребностями жизни.

Много мужчинъ перебывало ея друзьями, и она не чувствовала къ нимъ никакой нѣжности, хотя не испытывала и отвращенія отъ ихъ ласкъ. Она переносила ихъ съ спокойнымъ равнодушіемъ, подобно тому какъ въ дорогѣ обѣдаешь, не разбирая кухни, потому что надо же жить. Но время отъ времени

ея сердце или ея тѣло загорались и она переживала тогда періодъ сильной страсти, длившейся нѣсколько недѣль или нѣсколько мѣсяцевъ, смотря по физическимъ или нравственнымъ качествамъ ея любовника.

То были счастливыя минуты ея жизни. Она любила всей душой, всѣмъ существомъ своимъ, пылко, восторженно. Она бросалась въ любовь, какъ бросаются въ рѣку съ головой, чтобы утонуть, готовая умереть, если надо, упоенная, обезумѣвшая, но ужасно счастливая. И каждый разъ она воображала, что ничего такого до сихъ поръ не испытывала: и очень удивилась бы, еслибъ ей напомнили другіе случаи, когда она также безумно мечтала цѣлыя ночи на пролетъ, глядя на звѣзды.

Саваль очаровалъ ее. Она думала о немъ, убаюканная воспоминаніемъ, въ блаженномъ экстазѣ счастія совершившагося, такого счастія, которое уже далось въ руки и не подлежитъ сомнѣнію.

Шумъ за ея спиной заставилъ ее обернуться. Иветта вошла въ томъ же платьѣ, что и днемъ, но блѣдная и съ блестящими глазами, какъ послѣ сильнаго утомленія.

Она оперлась на открытое окно, напротивъ матери, и сказала:

— Мнѣ надо съ тобой поговорить.

Маркиза, удивленная, глядѣла на нее. Она любила ее эгоистичной материнской любовью, гордясь ея красотой. Сама она была еще слишкомъ хороша, чтобы завидовать дочери, и слишкомъ равнодушна, чтобы составлять тѣ планы, которые ей приписывали, но однако настолько хитра, чтобы сознавать всю цѣнность такой красоты.

Она отвѣчала:

— Говори, дитя мое, что такое?

Иветта пристально глядѣла на нее, стараясь прочитать въ ея душѣ, схватить малѣйшее впечатлѣніе, произведенное ея словами.

— Вотъ. Случилось нѣчто необыкновенное.

— Что же такое?

— Сервинъи сказалъ, что любитъ меня.

Маркиза, встревоженная, ждала, что̀ будетъ дальше. Но такъ какъ Иветта умолкла, то спросила:

— Какъ же онъ сказалъ тебѣ это? объяснись.

Но молодая дѣвушка усѣлась у ногъ матери, въ обычной ласковой позѣ и, взявъ ея за руки, объявила:

— Онъ предложилъ мнѣ выйти за него замужъ.

У m-me Обарди вырвался жестъ удивленія и она вскричала:

— Сервинъи! да ты съ ума сошла!

Иветта не сводила глазъ съ лица матери, ловила ея слова и видѣла ея удивленіе. Она спросила серьезнымъ тономъ:

— Отчего я съ ума сошла? отчего же Сервиньи и не жениться на мнѣ?

Смущенная маркиза пробормотала:

— Ты ошиблась. Это невозможно. Ты не разслышала или не поняла. Сервиньи слишкомъ богатъ для тебя... и слишкомъ... слишкомъ истый парижанинъ, чтобы жениться.

Иветта медленно встала.

— Но если онъ любитъ меня, мамаша, какъ говоритъ.

Мать продолжала съ нетерпѣніемъ:

— Я думала, что ты настолько выросла и настолько знаешь жизнь, чтобы не задаваться такими фантазіями. Сервиньи вивёръ и эгоистъ. Онъ женится только на женщинѣ своего круга и равнаго состоянія. Если онъ просилъ твоей руки, то это значитъ... это значитъ...

Маркиза, не въ силахъ высказать свои подозрѣнія, снова умолкла, потомъ сказала:

— Послушай, оставь меня въ покоѣ и ступай спать.

Молодая дѣвушка, какъ будто узнавъ то, что́ ей было нужно, отвѣчала послушнымъ голосомъ:

— Хорошо, мамаша.

И, поцѣловавъ мать въ лобъ, спокойно отошла.

Когда она выходила за дверь, маркиза позвала ее:

— А твоя мигрень?

— У меня голова совсѣмъ не болѣла, меня взволновало то, что́ я тебѣ сказала.

Маркиза прибавила:

— Мы еще поговоримъ объ этомъ. Но главное, не оставайся пока съ нимъ наединѣ, и будь увѣрена, что онъ на тебѣ не женится. Онъ хочетъ только тебя... скомпрометировать.

Маркиза не съумѣла лучше выразить свою мысль, и Иветта ушла къ себѣ.

М-me Обарди задумалась. Долгіе годы живя спокойной, любовной и роскошной жизнью, она старательно прогоняла отъ себя всякія размышленія, которыя могли бы встревожить или опечалить ее. Никогда она не спрашивала себя:—что будетъ съ Иветтой? Будетъ еще время подумать объ этомъ. Она понимала чутьемъ куртизанки, что дочь ея развѣ только по какому-нибудь совсѣмъ невѣроятному случаю, благодаря которымъ авантюристки попадаютъ на тронъ, можетъ выйти замужъ за богатаго и свѣтскаго человѣка. Она на это, конечно, не разсчитывала и кромѣ

того была слишкомъ занята собой, чтобы составлять проэкты, прямо ея не касавшіеся.

Иветта будетъ жить, какъ и ея мать, конечно. Она будетъ жрицей любви. Отчего бы и нѣтъ? Но никогда маркиза не смѣла себя спрашивать: когда и какъ это случится.

И вотъ вдругъ ея дочь, сразу, безъ всякой подготовки поставила ей вопросъ, на который нельзя было отвѣчать, вынуждала ее принять какое-нибудь рѣшеніе въ дѣлѣ трудномъ, опасномъ, щекотливомъ и во всѣхъ отношеніяхъ безпокойномъ для ея совѣсти, для совѣсти матери, въ рукахъ которой участь ея ребенка.

Она была слишкомъ хитра отъ природы, хитростью безсознательной, но никогда ее не покидавшей, чтобы хотя одну минуту заблуждаться на счетъ намѣреній Сервиньи. Она знала мужчинъ по опыту и въ особенности мужчинъ этого сорта. Поэтому послѣ первыхъ же словъ, произнесенныхъ Иветтой, воскликнула почти невольно:

— Сервиньи женится на тебѣ? да ты съ ума сошла!

Какъ могъ онъ прибѣгнуть къ такому избитому пріему, онъ, прожженный человѣкъ, кулакъ, истаскавшійся въ кутежахъ съ женщинами? Что теперь онъ будетъ дѣлать? А она, ея дочь? какъ предостеречь ее? какъ защитить ее? потому что она вѣдь можетъ надѣлать большихъ глупостей.

Ну, можно ли было ожидать, что эта взрослая дѣвушка окажется такой простофилей, такимъ безхитростнымъ и наивнымъ ребенкомъ.

И маркиза, смущенная, уже утомившаяся отъ всѣхъ вопросовъ, придумывала, какъ быть, и не находила исхода, потому что положеніе было, въ самомъ дѣлѣ, затруднительное.

Уставши отъ этихъ думъ, она рѣшила:

— Ну! я буду слѣдить за ними и поступлю, смотря по обстоятельствамъ. Если окажется нужнымъ, такъ я даже поговорю съ Сервиньи. Онъ уменъ и пойметъ меня на полусловѣ.

Она не думала о томъ, что́ скажетъ ему, ни что́ онъ ей отвѣтитъ, ни о томъ, какого рода сдѣлка можетъ быть заключена между ними. Она торопилась прогнать изъ ума эту заботу, чтобы думать о красавцѣ Савалѣ, устремивъ глаза въ пространство, въ ту сторону, гдѣ виднѣлась яркая дымка, окутывающая Парижъ. Прижавъ руки къ губамъ, она посылала поцѣлуи большому городу, быстро, одинъ за другимъ, не считая и повторяя шопотомъ, точно онъ могъ ее слышать:

— Я тебя люблю! я тебя люблю!

III.

Иветта тоже не спала, какъ и ея мать; она сидѣла у открытаго окна и слезы, первыя слезы печали катились по ея щекамъ.

До сихъ поръ она жила и росла въ счастливомъ невѣденіи беззаботной юности. Отчего стала бы она задумываться, соображать, размышлять? Отчего не была бы она, какъ и всѣ молодыя дѣвушки? Отчего сомнѣнія, опасенія, подозрѣнія возникли бы въ ея умѣ? Она казалась опытной, но только потому, что обо всемъ судила вкривь и вкось и переняла тонъ, манеры, рискованныя словечки окружающихъ ее людей. Но она знала не больше всякой дѣвочки, воспитанной въ монастырѣ, и ея смѣлыя рѣчи обусловливались только хорошей памятью, способностью подражать и ассимилировать, отличающей женщинъ, а не отъ смѣлости мысли. Она разсуждала про любовь, какъ сынъ живописца или музыканта разсуждаетъ о живописи или о музыкѣ въ десять или двѣнадцать лѣтъ. Она знала или, вѣрнѣе, подозрѣвала, какого рода тайну скрываетъ это слово; слишкомъ много шутокъ позволялось въ ея присутствіи, чтобы невинность ея не была отчасти просвѣщена. Но какъ могла она знать или отчего бы она заключила, что всѣ семьи не похожи на ея семью?

У матери ея цѣловали руку съ наружной почтительностью; всѣ знакомые ихъ были титулованныя особы, всѣ были или казались богатыми; всѣ величали себя принцами, чуть не царской крови. И мало того: дважды къ маркизѣ по вечерамъ наѣзжали королевскіе сыновья! Откуда же она могла знать?

Къ тому же она была отъ природы наивна. Она не всматривалась въ людей, но разгадывала ихъ, какъ мать; она жила спокойная, радуясь жизни, и ей въ голову не приходило тревожиться о томъ, что́ навело бы, можетъ быть, на размышленія характеры болѣе хладнокровные, болѣе сдержанные, менѣе открытые и довѣрчивые.

Но вотъ внезапно Сервиньи пробудилъ въ ней нѣсколькими словами, грубость которыхъ она больше почувствовала, нежели поняла, тревогу, сначала смутную, а затѣмъ превратившуюся въ мучительныя опасенія.

Она вернулась домой, спаслась бѣгствомъ, какъ раненый звѣрь, дѣйствительно глубоко обиженная словами, которыя безпрестанно повторяла себѣ, стараясь проникнуть въ ихъ смыслъ, разгадать ихъ значеніе.—Вы знаете, что между нами не можетъ быть рѣчи о бракѣ, а только о любви.

Что онъ хотѣлъ этимъ сказать? И почему такое оскорбленіе? Она, значитъ, чего-то не знаетъ, какой-то тайны, какого-то позора? Она одна безъ сомнѣнія объ этомъ не знаетъ! Но что бы это было? Она была совсѣмъ подавлена, какъ это всегда бываетъ, когда откроешь какую-нибудь постыдную тайну, измѣну любимаго существа, когда постигаешь сердечное горе, отъ котораго голова идетъ кругомъ.

И вотъ она думала, думала безъ конца, исполненная тревоги и подозрѣній. Затѣмъ ея юная душа успокоилась; она стала придумывать драматическую и невозможную развязку въ родѣ тѣхъ, какія она читала въ романахъ. Она припоминала всякія страшныя и чувствительныя исторіи, прочитанныя ею, и примѣняла ихъ къ себѣ, украшая тайну, окружавшую ея жизнь.

Она уже больше не горевала, она старалась приподнять таинственную завѣсу и воображала тысячи удивительныхъ, страшныхъ, соблазнительныхъ, даже своей необыкновенностью, вещей.

Можетъ быть, она незаконная дочь какого-нибудь принца? Ея бѣдная мать была соблазнена и брошена, а какой-нибудь король произвелъ ее въ маркизы, можетъ быть, Викторъ-Эммануилъ, и ей пришлось бѣжать отъ гнѣва своихъ родителей.

А можетъ быть, она покинутый ребенокъ богатыхъ и знатныхъ родителей, плодъ преступной любви, и маркиза усыновила и воспитала ее.

Тысячи подобныхъ предположеній тѣснились въ ея умѣ. Она принимала и отбрасывала ихъ по прихоти своей фантазіи. Она умилялась надъ своимъ положеніемъ, чувствуя себя счастливой и вмѣстѣ съ тѣмъ печальной, главное же, довольной тѣмъ, что она героиня романа, и ей нужно съ достоинствомъ заявить себя, принять благородное и достойное ея рѣшеніе. И она размышляла о роли, которую ей придется играть, смотря по угаданнымъ обстоятельствамъ. Она смутно представляла себѣ эту роль въ родѣ тѣхъ, какія она читала въ произведеніяхъ Скриба или Жоржъ Сандъ. Эта роль будетъ исполнена преданности, самоотреченія, благородства души, нѣжности и красивыхъ словъ. Ея подвижная натура почти радовалась этой новой позѣ.

И до самаго вечера она размышляла о томъ, что̀ должна сдѣлать, стараясь придумать, какимъ способомъ ей узнать правду отъ маркизы.

И вотъ, когда наступила ночь, благопріятствующая трагическимъ ситуаціямъ, она, наконецъ, измыслила простую и не хитрую уловку, чтобы добиться того, что̀ ей нужно. А именно: сказать неожиданно матери, что Сервиньи предложилъ ей свою руку.

При этомъ извѣстіи m-me Обарди, удивленная, безъ сомнѣнія, скажетъ что-нибудь такое, что́ прольетъ свѣтъ на то, что́ желала узнать ея дочь.

И вотъ Иветта выполнила свой замыселъ.

Она ждала взрыва, удивленія, нѣжныхъ изліяній, тайны, довѣренной сквозь слезы и объятія.

Но ея мать, не выказывая ни удивленія, ни горести, выразила только досаду и смущеніе въ своихъ отвѣтахъ.

Молодая дѣвушка, въ которой внезапно проснулась вся женская хитрость и изворотливость, поняла, что не слѣдуетъ настаивать, что секретъ иного свойства, чѣмъ она думала, что открытіе его будетъ тягостнѣе и что ей слѣдуетъ одной допытаться до него. Она вернулась въ свою комнату, съ стѣсненнымъ сердцемъ, съ удрученной душой, подавленная ожиданіемъ настоящаго бѣдствія, хотя сама не могла бы сказать, откуда въ ней этотъ страхъ.

И она плакала, облокотясь на окно.

Она долго плакала, не стараясь больше доискаться истины и мало-по-малу усталость одолѣла ее и она закрыла глаза.

Она проспала нѣсколько минутъ тяжелымъ сномъ людей измученныхъ, у которыхъ не хватаетъ энергіи раздѣться и лечь въ постель, сномъ мучительнымъ и прерывистымъ, когда голова, сползая съ рукъ, заставляетъ просыпаться.

Она легла въ постель только на разсвѣтѣ, когда утренній холодъ заставилъ ее отойти отъ окна.

Весь слѣдующій день она была тиха и печальна. Непрерывная и быстрая работа происходила въ ней, работа мысли; она училась наблюдать, догадываться, дѣлать выводы. Новый свѣтъ, хотя еще неопредѣленный, проливался для нея на людей и вещи, и она начинала подозрѣвать всѣхъ, кому прежде довѣряла, не исключая и матери.

Она перебрала всѣ возможныя предположенія въ эти два дня. Сообразила всякія неожиданности, принимая самыя противуположныя рѣшенія со всѣмъ пыломъ своей измѣнчивой и необузданной натуры.

Въ среду она составила планъ, цѣлую систему дѣйствія и шпіонства.

Она встала въ четвергъ поутру съ намѣреніемъ быть пронырливѣе полицейскаго сыщика и на вооруженной ногѣ со всѣмъ міромъ.

Она рѣшила даже избрать себѣ девизомъ: «moi seule» и

цѣлый часъ придумывала, какъ бы поэффектнѣе расположить его вокругъ своего шифра на почтовой бумагѣ.

Саваль и Сервиньи пріѣхали въ десять часовъ.

Молодая дѣвушка сдержанно, но не безъ смущенія поздоровалась съ ними, и сказала обычнымъ, хотя серьезнымъ тономъ:

— Здравствуйте, Мюскадъ, какъ поживаете?

— Здравствуйте, мамзель Иветта, недурно; какъ вы?

Онъ наблюдалъ за ней. Какую еще комедію станетъ она со мной разыгрывать?—говорилъ онъ себѣ.

Маркиза взяла подъ руку Саваля, а онъ повелъ Иветту и они кружились вокругъ газона, безпрестанно скрываясь и появляясь за деревьями и кустами.

Иветта шла тихо и разсудительно, глядѣла въ песокъ и повидимому не слушала того, что̀ ей говорилъ ея спутникъ, и ни слова ему не отвѣчала.

Вдругъ она спросила:

— Вы въ самомъ дѣлѣ мой другъ, Мюскадъ?

— Еще бы!

— Но въ самомъ, самомъ, самомъ настоящемъ дѣлѣ?

— Съ головы до пятокъ, душой и тѣломъ вашъ другъ, мамзель Иветта.

— Такъ что способны даже разъ въ жизни не солгать.

— Даже два раза, если нужно.

— И сказать мнѣ всю правду, всю гадкую правду?

— Да.

— Ну такъ какого вы въ сущности мнѣнія о князѣ Кравалонѣ?

— Ахъ! чортъ возьми!

— Видите, вы хотите лгать.

— Нѣтъ, пѣтъ, но я ищу словъ, такихъ словъ, которыя были бы точны. Боже мой! Ну, князь Кравалонъ русскій... настоящій русскій, который говоритъ по-русски, родился въ Россіи, и, быть можетъ, не безъ паспорта пріѣхалъ во Францію и у котораго фальшиваго только имя и титулъ.

Она глядѣла ему прямо въ глаза:

— Вы хотите сказать, что онъ...

Онъ колебался съ минуту, затѣмъ рѣшился:

— Авантюристъ, мамзель Иветта.

— Мегсі. А кавалеръ Вальреале не лучше его, не правда ли?

— Вы говорите истинную правду.

— А де-Бельвинь?

— Этотъ другого рода человѣкъ... Онъ свѣтскій человѣкъ...

провинціалъ... порядочный... до нѣкоторой степени... но только немного замотавшійся... такъ сказать, сбившійся съ пути.

— А вы?

Онъ отвѣчалъ не колеблясь:

— Я, что́ называется забулдыга: малый хорошаго происхожденія, неглупый отъ природы, но размѣнявшійся на пустяки, здоровый отъ рожденія, но растративший силы въ кутежѣ, не бездарный, быть можетъ, но убившій свои дарованія на бездѣльничество. У меня осталось только богатство, нѣкоторый опытъ жизни, довольно полное отсутствіе предразсудковъ, глубокое презрѣніе къ людямъ, не исключая и женщинъ, безусловное сознаніе безполезности всѣхъ моихъ дѣяній и громадная снисходительность ко всеобщей подлости. Однако по временамъ я бываю откровененъ, какъ видите, и даже способенъ на привязанность, какъ вы можете убѣдиться; каковъ я есть, со всѣми моими качествами и недостатками, я отдаю себя въ ваше распоряженіе, мамзель Иветта, нравственно и физически. Располагайте мною, какъ хотите.

Она больше не смѣялась, но слушала, взвѣшивая и вникая въ каждое слово.

Она продолжала:

— Какого вы мнѣнія о графинѣ де-Ламми?

Онъ съ живостью перебилъ:

— Позвольте не высказывать своего мнѣнія о женщинахъ.

— Обо всѣхъ рѣшительно?

— Обо всѣхъ.

— Значитъ, вы очень дурного мнѣнія о нихъ всѣхъ... Послушайте, подумайте, можетъ быть, вы сдѣлаете исключеніе для кого-нибудь?

Онъ осклабился съ тѣмъ дерзкимъ видомъ, какимъ почти всегда отличался, и съ грубой смѣлостью, которую употреблялъ какъ оборонительное оружіе, объявилъ:

— Присутствующихъ всегда исключаютъ.

Она слегка покраснѣла, но очень спокойно спросила:

— Ну, какого же вы обо мнѣ мнѣнія?

— Вы хотите знать, — извольте. Я думаю, что вы особа очень разсудительная, очень опытная или, если это вамъ лучше нравится, очень практичная, умѣющая отлично маскировать свою игру, водить людей за носъ, скрывать свои цѣли, раскидывать сѣти и ждать... не торопясь... событій...

Она спросила:

— И это все?

— Да, все.

Тогда она сказала съ серьезнымъ спокойствіемъ:

— Я заставлю васъ перемѣнить о себѣ мнѣніе, Мюскадъ.

Затѣмъ подошла къ матери, которая шла медленными шагами, опустивъ голову, той лѣнивой походкой, которую принимаютъ, когда, гуляя, разговариваютъ очень тихо объ интимныхъ и пріятныхъ вещахъ. Идя, она выводила зонтикомъ разныя фигуры, быть можетъ, буквы на пескѣ и говорила, не глядя на Саваля, говорила много,—медленно опираясь на его руку, прижимаясь къ нему.

Иветта вдругъ взглянула на нее и подозрѣніе, смутное, неопредѣленное, которое она даже не формулировала словами, пронеслось у ней въ головѣ, какъ иногда проносится надъ землей тѣнь облака, гонимаго вѣтромъ.

Колоколъ призывалъ къ завтраку. Завтракъ прошелъ въ молчаніи, почти угрюмомъ. Въ воздухѣ пахло, какъ говорится, грозой. Большія, неподвижныя тучи, казалось, притаились на горизонтѣ, безмолвныя и тяжелыя, но зараженныя грозой.

Какъ только отпили кофе на террасѣ, маркиза спросила:

— Ну, милая, ты не пойдешь гулять съ своимъ пріятелемъ Сервиньи? — Сегодня какъ разъ такая погода, чтобы гулять въ лѣсу.

Иветта быстро взглянула на нее, но тотчасъ же отворотилась:

— Нѣтъ, мамаша, сегодня я не выйду изъ дома.

Маркиза какъ будто смутилась и стала настаивать:

— Прогуляйся, дитя мое, это тебѣ полезно.

Тогда Иветта рѣзко сказала:

— Нѣтъ, мамаша, сегодня я никуда не пойду. И ты знаешь, почему,—я тебѣ говорила вчера вечеромъ.

М-me Обарди уже совсѣмъ забыла объ этомъ, увлеченная желаніемъ остаться на единѣ съ Савалемъ. Она покраснѣла, смутилась и встревоженная за себя, не зная, какъ ей выгадать для себя свободныхъ два-три часа, пробормотала:

— Да, правда,—я совсѣмъ забыла. Не знаю, гдѣ у меня голова.

Иветта, взявъ канвовую работу, которую она называла «общественнымъ спасеніемъ» и разъ пять или шесть въ годъ брала въ руки, во времена полнаго затишья, усѣлась на табуретѣ около матери, между тѣмъ какъ молодые люди, верхомъ на складныхъ стульяхъ, курили сигары.

Часы проходили въ лѣнивой и безпрестанно замиравшей бе-

сѣдѣ. Огорченная маркиза бросала отчаянные взгляды на Савaля, ища предлога удалить дочь. Наконецъ она поняла, что это ей не удастся, и не зная, къ какой хитрости прибѣгнуть, сказала Сервиньи:

— Вы знаете, милый герцогъ, что я разсчитываю, что вы у меня ночуете. Завтра мы отправимся завтракать въ ресторанъ канотьеровъ въ Шату.

Онъ понялъ, улыбнулся и поклонился, сказавъ:

— Я къ вашимъ услугамъ, маркиза.

И день прошелъ вяло и скучно, съ грозой на носу.

Наступилъ наконецъ часъ обѣда. Хмурое небо было покрыто тяжелыми и неподвижными облаками; не чувствовалось ни малѣйшаго движенія воздуха.

Обѣдъ тоже былъ молчаливъ. Всѣ были какъ будто стѣснены, смущены, какъ будто подъ гнетомъ какого-то неопредѣленнаго страха.

Когда приборы были сняты, они остались на террасѣ, только изрѣдка перекидываясь словами.

Ночь надвигалась, душная ночь. И вдругъ на горизонтѣ огненная черта исполосовала небо, озаривъ ослѣпительнымъ и трепещущимъ свѣтомъ лица четырехъ людей, уже окутанныхъ мракомъ. Затѣмъ отдаленный шумъ, глухой и слабый, подобный грохоту кареты, проѣзжающей по мосту, пронесся надъ землей, и духота атмосферы какъ будто усилилась, воздухъ сдѣлался еще тяжелѣе, а вечерняя тишина еще глубже.

Иветта встала.

— Я иду спать,—сказала она,—гроза меня разстроиваетъ.

Она подставила лобъ маркизѣ, пожала руку обоимъ молодымъ людямъ и ушла.

Такъ какъ комната ея приходилась какъ разъ надъ террасой, то листья большого каштановаго дерева, росшаго у дверей, вдругъ озарились зеленоватымъ свѣтомъ и Сервиньи не спускалъ глазъ съ этого блѣднаго свѣта, въ которомъ порой ему казалось, что мелькала какая-то тѣнь. Но вдругъ свѣтъ погасъ. М-ше Обарди вздохнула съ облегченіемъ:

— Моя дочь легла спать,—сказала она.

Сервиньи всталъ:

— Съ вашего позволенія, маркиза, я сдѣлаю то же самое.

Онъ поцѣловалъ руку, которую она ему протянула, и исчезъ въ свою очередь.

Она осталась наединѣ съ Савалемъ среди ночной темноты. Она тотчасъ же бросилась ему на шею и, обнявъ его обѣ-

ими руками, прижалась къ нему. Затѣмъ, хотя онъ пытался помѣшать ей, стала передъ нимъ на колѣни, говоря:

— Я хочу поглядѣть на тебя при свѣтѣ молніи.

Но Иветта, задувъ свѣчку, вернулась на свой балконъ, босикомъ, не слышно какъ тѣнь, и прислушивалась, терзаемая мучительными и смутными подозрѣніями. Она не могла ничего видѣть, такъ какъ находилась надъ ихъ головами, на крышѣ террасы.

Она ничего не слыхала кромѣ гула голосовъ, а сердце ея билось такъ сильно, что въ ушахъ у ней шумѣло. Окно захлопнулось надъ ея головой. Значитъ, Сервиньи ушелъ къ себѣ и ея мать осталась съ Савалемъ наединѣ.

Вторичная молнія прорѣзала небо на двое и на минуту озарила знакомый ей видъ мрачнымъ и зловѣщимъ свѣтомъ, и она увидѣла рѣку свинцоваго цвѣта, какія представляются во снѣ, когда носишься въ какихъ-то фантастическихъ странахъ. И тутъ голосъ подъ нею произнесъ:

— Я тебя люблю.

И больше ничего она не услышала. Странная дрожь пробѣжала у нея по тѣлу, а умъ ея терялся въ мучительныхъ догадкахъ.

Тяжелое, странное безмолвіе, которому, казалось, не будетъ конца, царило надъ землей. Она совсѣмъ не могла дышать. Грудь ея тѣснило что-то невѣдомое и ужасающее.

Новая молнія зажглась въ пространствѣ, и на минуту озарила горизонтъ... За ней послѣдовала другая, третья.

И голосъ, который она уже слышала, опять произнесъ, громче прежняго:—О! какъ я тебя люблю! какъ я тебя люблю!

И Иветта узнала этотъ голосъ,—голосъ своей матери.

Большая капля теплаго дождя упала ей на лобъ и маленькая едва замѣтная дрожь пробѣжала по листьямъ, дрожь отъ начинающагося дождя.

Затѣмъ поднялся шумъ, долетавшій какъ бы издали, глухой шумъ, похожій на шумъ вѣтра въ вѣтвяхъ. То былъ ливень, разразившійся надъ землей, надъ рѣкой, надъ деревьями.

Въ нѣсколько секундъ вода полилась на нее, какъ изъ душа. Она не шевелилась, думая только о томъ, что дѣлалось на террасѣ.

Она слышала, какъ они встали съ мѣста и отправились въ свои комнаты. Слышно было, какъ въ домѣ запирались двери, и молодая дѣвушка, повинуясь непреодолимому желанію знать, которое терзало и мучило ее, побѣжала на лѣстницу, потихоньку

отворила наружную дверь и, перебѣжавъ черезъ газонъ подъ сильнымъ дождемъ, спряталась въ кустахъ, откуда были видны окна дома.

Только одно было освѣщено, окно въ комнатѣ ея матери. И вдругъ двѣ тѣни появились на его свѣтломъ фонѣ, двѣ черныхъ тѣни, одна подлѣ другой. Затѣмъ, сближаясь, они слились въ одну и при свѣтѣ новой молніи, бросившей на фасадъ дома снопъ ослѣпительнаго яркаго свѣта, она увидѣла, что они цѣлуются, обнявъ другъ друга.

Тогда, обезумѣвъ, не думая о томъ, что она дѣлаетъ, она закричала изо всей мочи пронзительнымъ голосомъ: — мамаша! — какъ кричатъ, чтобы предупредить людей о смертельной опасности. Отчаянный призывъ затерялся въ шумѣ дождя, но обнимавшаяся парочка разсталась въ тревогѣ. И одна изъ тѣней исчезла, въ то время какъ другая вглядывалась въ темноту сада.

Тогда испугавшись, что ее найдутъ, что она попадется на встрѣчу матери, Иветта бросилась въ домъ, поспѣшно вбѣжала по лѣстницѣ, оставляя позади себя цѣлый ручей воды, сбѣгавшей со ступеньки на ступеньку, и заперлась у себя въ комнатѣ, рѣшивъ никому не отпирать двери.

И не снимая мокраго насквозь и прилипшаго къ ея тѣлу платья, упала на колѣни, сложивъ руки, моля въ своемъ отчаяніи небо о сверхъестественной помощи, о таинственномъ покровительствѣ, къ которому прибѣгаютъ люди въ минуты слезъ и горя.

Длинныя молніи время отъ времени озаряли ея комнату зеленоватымъ свѣтомъ и она видѣла свою фигуру отраженной въ зеркальномъ шкафѣ, съ распущенными, мокрыми волосами, и до того странную, что сама себя не узнавала.

Она простояла такъ долго на колѣняхъ, что и не замѣтила, какъ гроза прошла.

Дождь пересталъ, небо просвѣтлѣло, хотя облака все еще не совсѣмъ разошлись; теплая, душистая, чудная свѣжесть отъ мокрыхъ деревьевъ и травы, проникала въ открытое окно.

Иветта встала съ колѣнъ, сняла свои мокрыя и холодныя одежды, даже не сознавая, что дѣлаетъ, и легла въ постель. И долго лежала, устремивъ глаза на появляющуюся зарю.

Потомъ она опять принялась плакать; потомъ стала размышлять.

У ея матери есть любовникъ! — ахъ! какой стыдъ! Но она читала такъ много книгъ, гдѣ женщины, и даже матери, падаютъ такимъ образомъ съ тѣмъ, чтобы снова подняться къ концу романа, что не особенно дивилась тому, что и она попала въ драму,

подобную тѣмъ, какія она читала. Сила перваго горя, жестокое смущеніе перваго открытія смягчилось мало-по-малу при воспоминаніи о такихъ же положеніяхъ. Мысль ея блуждала среди трагическихъ исторій, поэтически окрашенныхъ романистами, такъ, что ужасное открытіе начинало уже представляться ей естественнымъ продолженіемъ какого-нибудь фельетона, прочитаннаго наканунѣ.

Она говорила себѣ: «Я спасу свою мать!» И почти успокоенная такимъ геройскимъ рѣшеніемъ, она почувствовала себя сильной, какъ бы выросшей, готовой на самоотверженіе и борьбу. Она начала размышлять о средствахъ повести ее. Только одно показалось ей пригоднымъ, такъ какъ соотвѣтствовало ея романическому характеру.

И подобно тому, какъ актеръ готовится къ сценѣ, она стала готовиться къ разговору который ей предстояло вести съ маркизой.

Солнце взошло. Слуги уже задвигались въ домѣ. Пришла горничная съ шоколадомъ. Иветта велѣла поставить подносъ на столъ и сказала:

— Скажите мамашѣ, что я нездорова и останусь въ постели до отъѣзда этихъ господъ; что я не спала всю ночь и прошу, чтобы меня не безпокоили.

Удивленная горничная глядѣла на мокрое платье, валявшееся, какъ тряпка, на коврѣ.

— Вы, значитъ, выходили? — спросила она.

— Да, я гуляла по дождю, чтобы освѣжиться.

Горничная подобрала грязныя юбки, чулки, ботинки и ушла, не безъ брезгливости неся мокрыя вещи, точно платье съ утопленника.

Иветта стала ждать, зная, что мать ея придетъ.

Маркиза вошла, соскочивъ съ постели при первыхъ же словахъ горничной, такъ какъ у нея оставалось нѣкоторое сомнѣніе въ душѣ, послѣ того, какъ она услышала въ темнотѣ крикъ: — мамаша!

— Что съ тобой? — спросила она.

Иветта глядѣла на нее и лепетала:

— Я... я... — но отъ страшнаго волненія вдругъ начала задыхаться. Удивленная маркиза снова спросила:

— Что съ тобой?

Тогда, позабывъ о всѣхъ своихъ проектахъ и подготовленныхъ фразахъ, молодая дѣвушка закрыла лицо руками, лепеча:

— Ахъ! мамаша! мамаша!

М-me Обарди стояла у постели, слишкомъ разстроенная, чтобы вполнѣ уяснить себѣ, въ чемъ дѣло, но почти угадывая тѣмъ тонкимъ чутьемъ, которое и составляло ея силу. Такъ какъ Иветта не могла говорить, потому что слезы душили ее, то мать, потерявъ наконецъ терпѣніе и сознавая, что страшное объясненіе неизбѣжно, рѣзко спросила:

— Да скажешь ли ты мнѣ, наконецъ, что съ тобой?

Иветта съ трудомъ проговорила:

— Сегодня ночью... я видѣла... твое окно.

Маркиза, поблѣднѣвъ, замѣтила:

— Ну такъ что-жъ такое?

Дочь повторяла, рыдая:

— Ахъ! мамаша, мамаша!

М-me Обарди, въ которой страхъ и смущеніе начинали переходить въ гнѣвъ, пожала плечами и повернулась, чтобы уйти.

— Ты, право, съ ума сошла! Когда это кончится, пришли мнѣ сказать.

Но молодая дѣвушка вдругъ отняла руки отъ заплаканнаго лица:

— Нѣтъ... послушай... я должна съ тобой поговорить. Обѣщай мнѣ... Мы уѣдемъ обѣ далеко, далеко, въ деревню, и будемъ жить какъ крестьянки и никто не узнаетъ, куда мы дѣлись. Скажи, мамаша, ты согласна, да! прошу тебя, умоляю, согласись!

Растерявшаяся маркиза остановилась посреди комнаты. У нея въ жилахъ текла простонародная кровь, кровь гнѣвливая. Къ этому примѣшивался материнскій стыдъ, пополамъ съ неопредѣленнымъ чувствомъ страха, раздраженіе страстной женщины, опасающейся за свою любовь, и она не знала: просить ли ей прощенія или прибѣгнуть къ насилію.

— Я тебя не понимаю,—сказала она.

Иветта продолжала:

— Я тебя видѣла... ма... мамаша... сегодня ночью... Не надо больше... еслибы ты знала... мы уѣдемъ обѣ. Я буду такъ любить тебя, что ты забудешь.

М-me Обарди произнесла дрожащимъ голосомъ:

— Послушай, дочка. Есть вещи, которыхъ ты еще не понимаешь. Ну вотъ... не забывай... никогда не забывай... что я запрещаю тебѣ... говорить со мной... объ этихъ вещахъ.

Но молодая дѣвушка, внезапно возвращаясь къ роли спасительницы, принятой ею на себя, сказала:

— Нѣтъ, мамаша, я больше не ребенокъ и имѣю право знать. Ну и вотъ я узнала, что мы принимаемъ людей, пользую-

щихся дурной славой, авантюристовъ, я узнала, что насъ за это не уважаютъ, я и другое еще узнала. И этого больше не должно быть, слышишь. Я не хочу. Мы уѣдемъ. Ты продашь свои драгоцѣнности. Мы станемъ работать, если нужно, и будемъ жить, какъ честныя женщины, гдѣ-нибудь далеко, далеко. И если мнѣ удастся выйти замужъ, то тѣмъ лучше.

Мать глядѣла раздраженнымъ, мрачнымъ взглядомъ.

— Ты сумасшедшая, совсѣмъ сумасшедшая. Изволь встать и идти завтракать со всѣми нами.

— Нѣтъ, мамаша. Здѣсь есть человѣкъ, котораго я больше не увижу, понимаешь. Я хочу, чтобы онъ уѣхалъ, или же я уѣду. Выбирай между нимъ и мной.

Она усѣлась на кровати и возвысила голосъ, говоря, какъ говорятъ на сценѣ, и входя наконецъ въ ту драму, которую она сочинила, и почти позабывъ о своемъ горѣ, помня только о своей миссіи.

Маркиза, пораженная, повторила еще разъ:

— Ты сумасшедшая,—не находя сказать ничего другого.

Иветта продолжала съ театральной энергіей:

— Нѣтъ, мамаша. Этотъ человѣкъ оставитъ нашъ домъ, или я его оставлю. Я не уступлю.

— Но куда же ты пойдешь? Что ты станешь дѣлать?

— Не знаю, да и что за дѣло, я хочу только, чтобы мы были честными женщинами.

Это слово: «честныя женщины», безпрестанно упоминаемое Иветтой, бѣсило маркизу, и она закричала:

— Молчи; я запрещаю тебѣ говорить со мной такимъ образомъ. Я не хуже всякой другой, слышишь. Да, я куртизанка, но горжусь этимъ. Честныя женщины хуже меня.

Иветта, сраженная, глядѣла на нее лепеча:—Ахъ! мамаша!

Но маркиза, въ свою очередь воспламенясь и пришпоривая себя, кричала: — Ну да, да, я куртизанка. Чего еще. Еслибы я не была куртизанкой, ты была бы кухаркой теперь, какъ и я когда-то, и заработывала бы тридцать су въ день, и мыла бы посуду, а хозяйка посылала бы тебя на рынокъ, слышишь, и выгнала бы тебя на улицу, еслибы ты немного погуляла, а теперь ты цѣлый день гуляешь, потому что я куртизанка. Вотъ! Когда родишься въ бѣдной долѣ, когда приходится быть кухаркой или служанкой, то тутъ уже не приходится разбирать, если не хочешь умереть нищей. Для насъ, простыхъ женщинъ, нѣтъ другого пути, слышишь ли? Мы не можемъ получить доходнаго

мѣста или играть на биржѣ. У насъ есть только красота, одна только красота...

И она била себя въ грудь, какъ кающійся въ грѣхахъ, и вся красная внѣ себя подступала къ постели:

— Тѣмъ хуже для красивыхъ дѣвушекъ; имъ приходится жить красотой или же всю жизнь страдать отъ бѣдности... другого выбора нѣтъ.

И опять возвращаясь къ своей любимой идеѣ:

— А ужъ хороши и эти честныя женщины, нечего сказать! Онѣ хуже насъ, слышишь, потому что ихъ ничто не заставляетъ. У нихъ есть деньги, чтобы жить и веселиться, а онѣ берутъ себѣ любовниковъ, потому что развратны. Онѣ хуже насъ!

Она стояла у постели обезумѣвшей Иветты, которой хотѣлось закричать: — караулъ!—хотѣлось убѣжать и которая навзрыдъ плакала, какъ дѣти, когда ихъ бьютъ.

Маркиза умолкла и поглядѣла на дочь; при видѣ ея отчаянія, она вдругъ тоже прониклась горемъ, раскаяніемъ, умиленіемъ жалости и, бросившись на постель съ раскрытыми объятіями, тоже принялась рыдать, бормоча:—моя бѣдная дѣвочка! моя бѣдная дѣвочка! еслибы ты знала, еслибы ты знала, какъ ты меня огорчаешь!

И обѣ долго плакали.

Наконецъ, маркиза, у которой горе не долго держалось, приподнялась и тихо сказала:

— Ну, милая, что-жъ дѣлать. Теперь уже ничего нельзя измѣнить. Надо примириться съ жизнью, какъ она есть.

Иветта продолжала плакать. Ударъ былъ слишкомъ силенъ и неожиданъ, чтобы она могла разсуждать и успокоиться.

Мать продолжала:

— Послушай, вставай и приходи завтракать, чтобы никто ничего не замѣтилъ.

Молодая дѣвушка отрицательно качала головой, не будучи въ состояніи говорить. Наконецъ, произнесла сквозь рыданія:

— Нѣтъ, мамаша, ты знаешь, что я сказала. Я не перемѣню мнѣнія. Я не выйду изъ своей комнаты, до тѣхъ поръ, пока они не уѣдутъ. Я не хочу больше никого изъ нихъ видѣть, никогда, никогда. Если кто-нибудь изъ нихъ вернется, я... я... ты меня больше не увидишь.

Маркиза отерла глаза и, уставъ отъ слезъ, прошептала:

— Ну, будь же благоразумна.

Потомъ помолчавъ, прибавила:

— Что-жъ! пожалуй лучше тебѣ отдохнуть сегодня утромъ. Я приду тебя навѣстить днемъ.

И поцѣловавъ дочь въ лобъ, ушла къ себѣ, чтобы одѣться, уже совсѣмъ успокоившись.

Иветта, какъ только мать вышла, встала съ постели, подбѣжала къ двери и заперла ее на ключъ, чтобы быть одной, совсѣмъ одной. И затѣмъ принялась думать.

Горничная постучалась около одиннадцати часовъ и сказала сквозь дверь:

— Маркиза приказала спросить, не надо ли вамъ чего и что́ вы желаете кушать за завтракомъ.

Иветта отвѣчала:

— Я не хочу ѣсть. Прошу объ одномъ: чтобы меня не безпокоили.

И осталась лежать въ постели, точно была очень больна.

Около трехъ часовъ снова постучались.

Она спросила:—кто тамъ? И голосъ матери отвѣчалъ:—это я, милая. Пришла узнать, какъ ты себя чувствуешь?

Иветта съ минуту колебалась:—что ей дѣлать?—Потомъ отворила дверь и опять улеглась въ постель. Маркиза подошла и, говоря вполголоса, какъ съ больной, спросила:

— Ну, лучше ли тебѣ? не хочешь ли скушать яичко?

— Нѣтъ, благодарю, ничего не хочу.

М-me Обарди сѣла на кровать и обѣ молчали. Наконецъ, она спросила дочь, лежавшую неподвижно, скрестивъ руки на одѣялѣ:

— Ты развѣ не встанешь?

Иветта отвѣчала:

— Да, сейчасъ.

И продолжала серьезнымъ и медленнымъ голосомъ:

— Я много думала, мамаша, и вотъ... вотъ мое рѣшеніе. Прошлое остается прошлымъ, не будемъ о немъ говорить. Но будущее будетъ иное, или... или же я знаю, что сдѣлаю. А теперь довольно объ этомъ.

Маркиза, думавшая, что всѣ объясненія уже кончены, почувствовала нѣкоторую досаду. Право же, эта исторія уже надоѣла. Этой взрослой дурѣ слѣдовало давнымъ давно догадаться, въ чемъ дѣло. Но она ничего не сказала и только повторила:

— Такъ ты встанешь?

— Да сейчасъ.

Тогда мать стала служить ей вмѣсто горничной, принесла ей чулки, корсетъ, платье, потомъ поцѣловала, говоря:

— Хочешь прогуляться до обѣда?

— Да, мамаша.

И онѣ пошли гулять вдоль рѣки, разговаривая только о пустякахъ.

IV.

На другой день, съ утра, Иветта пошла совсѣмъ одна, на то мѣсто, гдѣ Сервиньи читалъ ей исторію про муравьевъ. Она говорила себѣ: — не уйду отсюда, пока не приму какого-нибудь рѣшенія.

Передъ ея ногами текла вода бурливая и пѣнистая, какъ будто подъ ней скрывались глубокіе омуты.

Она уже со всѣхъ сторонъ обсудила свое положеніе и средства изъ него выйти.

Какъ ей поступить, если мать не согласится на ея условія и не откажется отъ своего образа жизни, отъ своихъ знакомыхъ, отъ всего, чтобы укрыться съ нею въ какомъ-нибудь дальнемъ краѣ?

Она можетъ одна уѣхать! бѣжать! но куда? какъ? чѣмъ она будетъ жить?

Работой? но какой именно и къ кому она за ней обратится? И кромѣ того, смиренная, скучная жизнь работницъ, простолюдинокъ, представлялась ей нѣсколько постыдной, недостойной ея!

Она подумывала пойти въ гувернантки, какъ молодыя дѣвушки въ романахъ, и внушить любовь сыну той семьи, гдѣ она будетъ жить и выйти за него замужъ. Но для этого ей надо было бы быть знатнаго происхожденія, чтобы сказать разъяренному отцу, когда онъ будетъ упрекать ее за то, что она украла любовь его сына: — меня зовутъ Иветтой Обарди! Кромѣ того, это способъ банальный, избитый.

Монастырь былъ не лучше. Она не чувствовала никакого призванія къ монастырской жизни, такъ какъ припадки набожности у ней были періодическіе и мимолетные.

Никто не могъ спасти ее, женившись на ней, благодаря ея происхожденію! Никакой помощи отъ мужчины принять было нельзя, исхода, спасенія нельзя ждать ни откуда.

Притомъ же она хотѣла чего-нибудь энергическаго, грандіознаго, истинно великаго, что могло бы служить примѣромъ, и рѣшилась умереть.

Она рѣшилась на это сразу, спокойно, какъ будто бы дѣло шло о какой-нибудь поѣздкѣ, не размышляя, не представляя себѣ,

что́ такое смерть, не понимая, что это безповоротный конецъ, отъѣздъ безъ возврата, разлука на вѣки съ землей, съ жизнью.

Она сразу рѣшилась на эту крайнюю мѣру съ легкомыслiемъ экзальтированныхъ и молодыхъ душъ.

И стала придумывать, какимъ способомъ лишить себя жизни. Но всѣ казались ей трудно исполнимы и невѣрны, и противны. Она, не задумываясь, отвергнула кинжалъ и пистолетъ, которыми можно себя ранить, искалѣчить и которые требуютъ привычной и умѣлой руки. Веревка—слишкомъ вульгарный, смѣшной и безобразный способъ. Утопиться нельзя, потому что она умѣетъ плавать. Остается, значитъ, ядъ, но какой? Почти всѣ заставляютъ страдать и производятъ рвоту.

Она не хотѣла ни того, ни другого. И вотъ ей пришелъ на мысль хлороформъ, такъ какъ она вспомнила, что читала, въ газетныхъ извѣстiяхъ, какъ одна молодая женщина убила себя этимъ способомъ. И тотчасъ же ей стало легче отъ этого рѣшенiя. Она почувствовала нѣкоторую гордость. Она докажетъ, что она не пичтожная дѣвушка.

Она вернулась въ Буживаль и пошла въ аптеку, гдѣ попросила немного хлороформу отъ зубной боли. Аптекарь, который ее зналъ, далъ ей крошечный пузырекъ съ этимъ наркотическимъ средствомъ.

Послѣ того она отправилась пѣшкомъ въ Круаси, гдѣ достала другой пузырекъ съ ядомъ. Третiй ей дали въ Шоту́, четвертый въ Рюэйлѣ; затѣмъ она вернулась домой и опоздала къ завтраку. Такъ какъ она очень проголодалась послѣ такого большого моцiона, то поѣла съ большимъ аппетитомъ.

Мать, радуясь, что она кушаетъ съ аппетитомъ, нѣсколько успокоилась и сказала въ то время, какъ онѣ вставали изъ-за завтрака:

— Всѣ наши друзья пріѣдутъ къ намъ въ воскресенье. Я приглашала князя, кавалера и господина де-Бельвинь.

Иветта слегка поблѣднѣла, но ни слова не сказала.

Тотчасъ послѣ завтрака она вышла изъ дому, отправилась на дебаркадеръ и взяла билетъ въ Парижъ.

И весь день она ходила изъ аптеки въ аптеку, покупая въ каждой по нѣскольку капель хлороформа.

Она вернулась вечеромъ съ карманами, набитыми маленькими пузырьками.

На другой день она повторила эту продѣлку и, случайно попавъ къ дрогисту, получила сразу четверть литра.

Въ субботу она не выходила изъ дому. День былъ пасмур-

ный и теплый. Она провела его весь на террасѣ, лежа въ плетеномъ креслѣ.

Она почти ни о чемъ не думала и чувствовала себя бодрой и спокойной.

На слѣдующій день она надѣла голубое платье, которое, она знала, очень къ ней шло. Ей хотѣлось быть какъ можно красивѣе. Глядя на себя въ зеркало, она вдругъ сказала: — завтра, я умру! И страшная дрожь пробѣжала у ней по тѣлу.

— Умру! не буду больше говорить, думать, никто меня не увидитъ больше и я никого и ничего не буду видѣть.

Она внимательно разглядывала свое лицо, точно оно ей было незнакомо; въ особенности всматривалась въ глаза, открывая въ себѣ тысячу подробностей, прежде ею не замѣченныхъ, какое-то новое выраженіе, и дивясь своему лицу, какъ если бы передъ ней было чужое лицо, лицо посторонней особы, какой-нибудь новой знакомой.

Она говорила себѣ: «Это я! я сама вонъ тамъ въ зеркалѣ. Какъ странно глядѣть на себя! а вотъ не будь зеркалъ, и мы бы не знали самихъ себя. Всѣ бы другіе знали, каковы мы, а мы бы этого не знали».

Она перекинула свои длинные, густые волосы, заплетенные въ косу, себѣ на грудь и слѣдила за всѣми своими жестами, за всѣми своими позами, за всѣми своими движеніями.

«Какая я хорошенькая, — думала она. — Завтра я буду лежать мертвая на своей постелѣ».

Она поглядѣла на постель и ей показалось, что она видитъ себя на ней блѣдную, какъ простыня.

— Мертвая. Черезъ недѣлю это лицо, эти глаза, эти щеки, губы превратятся въ черную, гніющую массу въ ящикѣ, зарытомъ въ землю.

Мучительный страхъ сжалъ ея сердце.

Яркое солнце заливало землю и чудный утренній воздухъ входилъ въ ея окно. Она усѣлась у него, думая:

— Мертвая. Это все равно, какъ если бы міръ исчезъ для нея. Но нѣтъ, потому что ничто не измѣнится въ мірѣ и даже въ комнатѣ. Да, ея комната останется такой, какъ была, съ той же кроватью, стульями, тѣмъ же туалетомъ, но самой ея не будетъ больше. Она исчезнетъ навсегда. И никто о ней не пожалѣетъ, кромѣ развѣ матери.

Всѣ скажутъ: «какая она была хорошенькая, эта Иветта!» И только всего!

И глядя на свою руку, которой она опиралась на кресло,

она снова подумала о той гнилой массѣ, черной и вонючей, въ какую превратится ея тѣло. И снова трепетъ ужаса пробѣжалъ по ней. Она хорошенько не понимала, какъ она можетъ исчезнуть безъ того, чтобы вся земля не погибла,—до такой степени она чувствовала себя нераздѣльной частью всего окружающаго, полей, воздуха, солнца, всей природы.

Раздался хохотъ въ саду, послышались громкіе голоса, перекликавшіеся съ шумной деревенской веселостью, и она узнала звучный голосъ де-Бельвиня, который пѣлъ:

«Je suis sous ta fenêtre,
Ah! daigne enfin paraître!»

Она встала и, не размышляя, выглянула въ окно. Всѣ принялись апплодировать. Они были здѣсь всѣ пятеро, да еще трое незнакомыхъ ей господъ.

Она вдругъ отскочила отъ окна, пронзенная мыслью, что всѣ эти мужчины пріѣхали веселиться къ ея матери, куртизанкѣ.

Колоколъ прозвонилъ, призывая къ завтраку. «Я покажу имъ, какъ умираютъ», сказала она себѣ. И сошла внизъ твердымъ шагомъ, съ такой же отчасти рѣшительностью, съ какой христіанскіе мученики входили въ циркъ, гдѣ ихъ ожидали львы.

Она пожала всѣмъ руки, улыбаясь ласково, но немного надменно. Сервиньи спросилъ:

— Что вы не такая сердитая сегодня, мамзель Иветта, какъ въ тотъ разъ?

Она отвѣчала строгимъ и загадочнымъ тономъ:

— Сегодня я буду дурачиться. У меня парижское настроеніе. Берегитесь.

И обратясь къ де-Бельвиню, прибавила:

— Вы будете сегодня моей жертвой. Я васъ всѣхъ уведу послѣ завтрака на праздникъ въ Марли.

Дѣйствительно въ Марли былъ праздникъ. Ей представили новыхъ знакомыхъ: графа де-Тамривъ и маркиза де-Брикто.

За завтракомъ она мало говорила, собираясь съ духомъ, чтобы быть веселой весь день, такъ чтобы никто ни о чемъ не догадался, чтобы сильнѣе удивить ихъ, чтобы они говорили впослѣдствіи:—кто бы этого ожидалъ!

Она казалась такой счастливой, такой довольной!

Она старалась при этомъ не думать о вечерѣ, о выбранномъ ею часѣ, когда они всѣ будутъ находиться на террасѣ.

Она пила какъ можно больше вина, чтобы подзадорить себя,

и выпила сверхъ того двѣ рюмки fine-champagne. Встала изъ-за стола красная. Въ головѣ у ней шумѣло и она согрѣлась физически, и нравственно. Она чувствовала себя теперь храброй и на все готовой.

— Въ путь!—скомандовала она.

Они отправились. Она взяла подъ руку де-Бельвиня и выстроила всѣхъ остальныхъ.

— Вы составите мой отрядъ!—говорила она. — Сервиньи, я произвожу васъ въ сержанты, вы будете держаться сбоку, съ правой стороны. И поведете впереди всѣхъ иностранную гвардію: князя и кавалера, затѣмъ двухъ рекрутовъ, которые сегодня только-что поступили въ солдаты. Ну, маршъ!

Они отправились, и Сервиньи принялся подражать рожку, между тѣмъ какъ новые знакомые дѣлали видъ, что бьютъ въ барабанъ. Бельвинь, нѣсколько сконфуженный, шепталъ:

— M-lle Иветта, образумьтесь,—вы себя компрометируете.

Она отвѣчала:

— Я компрометирую не себя, а васъ. Мнѣ-то вѣдь все равно. Завтра всѣ и позабудутъ про меня. А что касается васъ, мой милый, то тѣмъ хуже для васъ:—не ходите гулять съ такими, какъ я.

Они прошли такимъ образомъ весь Буживаль, къ общему удивленію гуляющихъ. Всѣ на нихъ оглядывались. Жители выходили на пороги домовъ; пассажиры желѣзной дороги, ведущей изъ Рюэйля въ Марли, высовывались изъ вагоновъ. Мужчины, стоя на платформахъ, кричали:—въ воду ихъ! въ воду! Иветта шла военнымъ шагомъ, держа де-Бельвиня за руку такъ крѣпко, какъ плѣнника. Она не смѣялась, лицо ея было мрачно и блѣдно, и зловѣщая неподвижность не покидала его. Сервиньи прекратилъ игру въ рожокъ, чтобы прокричать команду. Князь и кавалеръ очень веселились, находили все это очень забавнымъ и приличнымъ. Новые знакомцы непрерывно били въ барабанъ.

Прибывъ на мѣсто праздника, они произвели большую сенсацію. Двусмысленныя женщины принялись апплодировать, молодые люди—хохотать. Какой-то толстякъ, который велъ подъ руку жену, съ завистью въ голосѣ замѣтилъ:—вотъ эти господа, такъ не скучаютъ!

Иветта увидѣла карусель и заставила Бельвиня сѣсть на деревянную лошадь рядомъ съ собой, а другіе размѣстились позади нея лицомъ къ лошаднымъ хвостамъ. Когда оконченъ былъ одинъ кругъ, она отказалась сойти и заставила свою свиту пять

разъ сряду прогалопировать на дѣтскихъ лошадяхъ, къ вящшей забавѣ публики, кричавшей разный вздоръ.

Де-Бельвинь былъ блѣденъ, какъ смерть, слѣзая съ лошади. Его тошнило. Послѣ этого она пошла разгуливать по балаганамъ. Она заставила всѣхъ своихъ спутниковъ взвѣсить себя среди собравшейся вокругъ нихъ толпы. Заставляла покупать ихъ всякія нелѣпыя игрушки, которыя имъ пришлось нести потомъ въ рукахъ. Князь и кавалеръ уже находили, что шутка заходитъ слишкомъ далеко, но Сервиньи и барабанщики не унимались.

Они дошли наконецъ до рѣки. Тогда она окинула злымъ и косымъ взглядомъ своихъ спутниковъ и выстроила ихъ на берегу рѣки:

— Кто меня любитъ, пусть прыгнетъ въ воду!—объявила она.

Никто не двигался. Толпа уже собралась вокругъ нихъ. Женщины въ бѣлыхъ передникахъ глядѣли съ удивленіемъ. Два солдата въ красныхъ панталонахъ хохотали съ глупымъ видомъ.

Она повторила:

— Значитъ, никто изъ васъ не способенъ броситься въ воду, чтобы исполнить мое желаніе?

Сервиньи пробормоталъ:

— Тѣмъ хуже для меня, чортъ побери!—и бросился въ воду, брызги которой долетѣли до самыхъ ногъ Иветты. Толпа загоготала отъ удивленія и смѣха. Тогда молодая дѣвушка подняла съ земли кусочекъ дерева и забросила далеко въ воду, крича:—Apporte!

Молодой человѣкъ поплылъ, схватилъ кусочекъ дерева въ ротъ на манеръ собаки, и приплывъ къ берегу, вылѣзъ изъ воды и опустился на одно колѣно, чтобы подать ей его. Иветта взяла кусокъ дерева и, погладивъ Сервиньи по волосамъ,—сказала:

— Паинька!

Одна толстая барыня возмегодовала и произнесла:

— Богъ знаетъ что такое!

Другая замѣтила:

— Ну можно ли такъ дурачиться!

Какой-то мужчина объявилъ:

— Вотъ ужъ не полѣзъ бы въ воду для какой-то дѣвчонки.

Иветта снова взяла де-Бельвиня подъ руку, бросивъ ему въ лицо:

— Вы просто мокрая курица, мой милый, и сами не подозрѣваете, что вы прозѣвали.

Они пошли домой. Она бросала на прохожихъ раздраженные взгляды.

— Какія у нихъ у всѣхъ глупыя рожи!—объявила она, потомъ прибавила, взглянувъ на Бельвиня:

— Да и у васъ также.

Тотъ поклонился.

Обернувшись, она увидѣла, что князь и кавалеръ исчезли. Сервиньи, мокрый и угрюмый, не игралъ больше на рожкѣ и шелъ съ печальнымъ видомъ возлѣ усталыхъ молодыхъ людей, переставшихъ бить въ барабанъ.

Она сухо разсмѣялась:

— Вы кажется находите, что съ васъ довольно. И однако по вашему это значитъ веселиться,—не такъ ли? Вы затѣмъ и пріѣхали,—и я вдоволь распотѣшила васъ!

И пошла, не говоря больше ни слова, и вдругъ Бельвинь замѣтилъ, что она плачетъ.

Растерявшись, онъ спросилъ:

— Что съ вами?

Она пробормотала:

— Оставьте, это до васъ не касается!

Но онъ настаивалъ, какъ дуракъ:

— О! м-lle Иветта,—что съ вами скажите?—кто васъ огорчилъ?

Она съ нетерпѣніемъ повторила:

— Отстаньте, не ваше дѣло!

И, вдругъ, не въ силахъ больше удерживаться, разрыдалась такъ сильно, что не могла идти. Она закрывала лицо обѣими руками и задыхалась; въ горлѣ у нея сдѣлались спазмы и она хрипѣла, обезсиленная своимъ отчаяніемъ.

Бельвинь, стоя около нея и совсѣмъ потерявъ голову, повторялъ:

— Ничего не понимаю! ровно ничего не понимаю!

Но Сервиньи вдругъ подошелъ къ ней:

— Пойдемте домой, мамзель Иветта. Не плачьте на улицѣ. И къ чему вы такъ дурачитесь, если это васъ огорчаетъ.

И взявъ ее за локоть, повелъ за собой. Но когда они дошли до рѣшетки виллы, она бросилась бѣжать, пронеслась по саду, взбѣжала вверхъ по лѣстницѣ и заперлась въ своей комнатѣ.

Она появилась только за обѣдомъ, очень блѣдная, очень серьезная. Всѣ были однако веселы. Сервиньи купилъ костюмъ рабочаго, бархатные панталоны, пеструю рубашку, вязаный жилетъ и блузу, облекся въ него и говорилъ какъ простолюдинъ.

Иветта съ нетерпѣніемъ ждала конца обѣда, чувствуя, что мужество покидаетъ ее. Послѣ кофе, она немедленно ушла къ себѣ.

Она слышала подъ своимъ окномъ веселые голоса. Кавалеръ отпускалъ вольныя шуточки, грубые и неловкіе каламбуры, на ломаномъ французскомъ языкѣ.

Она слушала съ отчаяніемъ. Сервиньи, слегка подпившій, передразнивалъ пьянаго рабочаго и называлъ маркизу: хозяйка! И вдругъ обратился къ Савалю:—Эй! хозяинъ!

Раздался общій хохотъ.

Тутъ Иветта рѣшилась. Она взяла сначала листъ почтовой бумаги и написала:

«Буживаль, воскресенье, девять часовъ вечера. Я умираю, чтобы не сдѣлаться куртизанкой. Иветта».

И затѣмъ въ постскриптумѣ. «Прощайте, милая мамаша, простите меня».

Она запечатала письмо и подписала на немъ: «Маркизѣ Обарди».

Потомъ придвинула кушетку къ окну, поставила около себя маленькій столикъ, а на него бутылку съ хлороформомъ и положила вату.

Громадный розовый кустъ, достигавшій съ террасы почти до ея оконъ и покрытый цвѣтами, испускалъ нѣжное благоуханіе, которое доносилось къ ней въ комнату. Она вдыхала его въ себя въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ.

Луна, бывшая въ первой четверти, взошла на темномъ небѣ, по временамъ заволакиваемая легкими облачками.

Иветта думала:

— Я должна умереть,—я должна умереть.

И сердце ея, удрученное сдерживаемыми рыданіями и тоской, готово было разорваться. Ей хотѣлось просить у кого-то пощады, хотѣлось быть спасенной и любимой.

Послышался голосъ Сервиньи. Онъ разсказывалъ неприличную исторію, прерываемую взрывами хохота. Маркиза смѣялась громче другихъ и безпрестанно повторяла:

— Вотъ мастеръ разсказывать!—Ха, ха, ха!

Иветта взяла бутылку, раскупорила ее и налила немного хлороформа на вату, послышался сильный, сладкій, странный запахъ, и поднеся вату къ носу, она втянула его въ себя и закашлялась.

И вотъ закрывъ ротъ, она принялась изо всей мочи нюхать это смертельное вещество, закрывъ глаза и стараясь ни о чемъ не думать, забывъ о томъ, что она дѣлаетъ.

Сперва ей показалось, что грудь ея расширяется, расширяется и что душа ея, такая тяжелая, удрученная горемъ, становится все легче и легче, точно тяжесть, давившаю ея грудь, сняли. Какое-то сильное и пріятное ощущеніе насквозь проникало въ нее, во всѣ ея члены до самаго кончика пальцевъ на ногахъ и рукахъ; что-то вливалось въ ея тѣло, нѣчто въ родѣ сладкаго опьянѣнія.

Она замѣтила, что вата суха, и удивилась, что еще жива. Всѣ чувства ея какъ будто бы изощрились, стали гораздо тоньше. Она слышала все до послѣдняго слова, что говорилось на терасѣ, князь Кравалонъ разсказывалъ, какъ онъ дрался на дуэли съ однимъ австрійскимъ генераломъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ до нея доносились издали разные ночные звуки, лай собакъ, короткій вопль жабы, едва примѣтный шелестъ листьевъ.

Она взяла бутылку, и снова намочивъ вату, стала ее нюхать. Въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ, она ничего не чувствовала, затѣмъ пріятное и сладкое ощущеніе, испытанное ею предъ тѣмъ, снова овладѣло ей.

Два раза она наливала хлороформъ на вату, такъ какъ теперь уже жаждала этого чуднаго физическаго и нравственнаго ощущенія, этой мечтательной дремоты, въ какую погружалась ея душа.

Ей казалось, что у ней нѣтъ больше костей, нѣтъ больше мяса, нѣтъ ни рукъ, ни ногъ. У ней отнялось все это потихоньку, такъ что она и не замѣтила. Хлороформъ упразднилъ ея тѣло и оставилъ ей только мысль, болѣе живую, смѣлую, свободную, чѣмъ когда бы то ни было.

Она припоминала тысячу позабытыхъ ею вещей, разныхъ мелочей, пустяковъ изъ эпохи ея дѣтства, и это доставляло ей удовольствіе. И умъ ея, вдругъ одаренный невѣданной дотолѣ быстротой, перескакивая отъ одной мысли къ другой, совсѣмъ противуположной, бродилъ въ прошломъ, уносился въ неизвѣстное будущее. И эта дѣятельная и лѣнивая вмѣстѣ съ тѣмъ мысль доставляла ей чувственное наслажденіе; она испытывала божественную сладость думать такимъ образомъ.

Она все еще слышала голоса, но уже не различала словъ, имѣвшихъ теперь для нея иной смыслъ. Она погружалась въ какія-то странныя и волшебныя сновидѣнія. Она видѣла себя на большой лодкѣ, плывшей мимо чудной страны, усѣянной цвѣтами. Она видѣла людей на берегу и эти люди что-то говорили. Затѣмъ она неизвѣстно какъ очутилась на твердой землѣ, и Сер-

виньи, одѣтый принцемъ, пришелъ за ней, чтобы вести ее смотрѣть бой быковъ. Улицы были полны прохожихъ, которые разговаривали, а она слушала ихъ безъ всякаго удивленія, какъ будто бы всѣ эти лица были ей знакомы. Сквозь мечтательное опьянѣніе свое она слышала, какъ смѣялись и болтали друзья ея матери на террасѣ.

Затѣмъ вдругъ все смѣшалось. Когда она, наконецъ, проснулась въ сладкомъ оцѣпенѣніи, то съ трудомъ припомнила, что́ съ нею.

Итакъ она все еще не умерла. Но она чувствовала себя такъ хорошо, въ такомъ физическомъ покоѣ и такомъ мирѣ душевномъ, что не торопилась кончить съ собой; ей хотѣлось бы продлить навсегда эту сладкую дремоту.

Она медленно дышала и глядѣла на луну, видиѣвшуюся надъ деревьями. Въ ея умѣ произошла какая-то перемѣна. Она думала совсѣмъ иначе, чѣмъ передъ тѣмъ: хлороформъ, обезсиливъ ея тѣло и душу, успокоилъ ея горе и ослабилъ въ ней желаніе умереть.

Почему бы ей и не жить? почему бы ей не быть любимой? Почему бы ей не быть счастливой? Теперь ей все представлялось возможнымъ и легкимъ, и вѣрнымъ. Все въ жизни было пріятно, хорошо, чудесно.

Но такъ какъ ей хотѣлось продлить свое дремотное состояніе, она опять налила хлороформу на вату, но вдыхала его уже отдаливъ вату отъ ноздрей, чтобы не слишкомъ нанюхаться его и не умереть.

Она глядѣла на луну и ей мерещилось въ ней женское лицо. Она снова погрузилась въ міръ грезъ, навѣваемыхъ наркотическимъ отравленіемъ. Лицо качалось въ небѣ и пѣло, пѣло «гимнъ любви».

Маркиза сѣла за фортепьяно.

Теперь у Иветты выросли крылья и она полетѣла ясной ночью надъ лѣсами и рѣками. Она съ наслажденіемъ летала, раскрывая крылья и хлопая ими по воздуху, уносимая вѣтромъ, который точно ласкалъ ее.

Она неслась какъ вихрь въ воздухѣ, гладившемъ ее по кожѣ, и не успѣвала даже разглядѣть то, что́ было подъ ней. И вотъ она очутилась на берегу пруда, съ удочкой въ рукѣ. Она удила рыбу. Что-то потянуло въ водѣ и она вытащила великолѣпное жемчужное ожерелье, которое ей очень понравилось нѣсколько времени тому назадъ. Она нисколько не удивилась этой находкѣ

и глядѣла на Сервиньи; онъ сидѣлъ рядомъ съ нею и тоже удилъ, и вытащилъ изъ рѣки деревянную лошадь.

Потомъ она опять почувствовала, что просыпается, и услышала, что ее зовутъ.—Мать кричала:

— Иветта, Иветта, потуши свѣчку.

Затѣмъ раздался явственный и комическій возгласъ Сервиньи:

— Потушите свѣчку, мамзель Иветта!

И всѣ хоромъ подхватили:

— Мамзель Иветта, потушите свѣчку.

Она снова налила хлороформу на вату, но такъ какъ уже не хотѣла умереть, то держала ее довольно далеко отъ носа, чтобы дышать свѣжимъ воздухомъ, но чтобы въ комнатѣ пахло хлороформомъ. И принявъ позу мертвеца, стала ждать.

Маркиза говорила:

— Меня безпокоитъ эта маленькая шалунья. Она заснула, позабывъ свѣчу на столѣ. Я пошлю горничную задуть свѣчу и запереть окно на балконъ.

И вскорѣ горничная постучалась въ дверь, крича:

— M-lle! M-lle!

Отвѣта не было. Она опять начала:

— M-lle! маркиза проситъ васъ задуть свѣчу и запереть окно.

Горничная еще подождала немного и принялась стучать громче, крича:

— M-lle! M-lle!

И такъ какъ Иветта не откликалась, то пошла объявить маркизѣ:

— M-lle Иветта уже спитъ. Дверь заперта на ключъ и я не могла ее разбудить.

M-me Обарди пробормотала:

— Нельзя же, однако, оставить ее такъ.

— Что же намъ теперь дѣлать?

Тогда всѣ, по совѣту Сервиньи, собрались подъ окнами молодой дѣвушки и завопили хоромъ:

— Ура! ура! мамзель Иветта!

Крикъ ихъ разнесся въ чистомъ воздухѣ надъ окрестностью и замеръ, какъ гулъ удаляющагося поѣзда.

Такъ какъ Иветта ничего не отвѣчала, то маркиза сказала:

— Ужъ не случилось ли чего съ нею, я боюсь.

Тогда Сервиньи, нарвавъ красныхъ розъ съ куста, принялся швырять ихъ въ окно комнаты Иветты. Первая роза, упавшая на нее, заставила ее вздрогнуть и чуть не закричать. Другія

падали на ея волосы, платье, перелетали ей черезъ голову до постели, скоро ее покрылъ цѣлый дождь цвѣтовъ.

Маркиза закричала еще разъ замирающимъ отъ страха голосомъ:

— Иветта, послушай, Иветта, отвѣчай же!

Тогда Сервиньи объявилъ:

— Право, это ненатурально. Я вскарабкаюсь на балконъ.

Но кавалеръ протестовалъ:

— Позвольте, позвольте. Это очень большая вольность. Я протестую. Это былъ бы слишкомъ удобный способъ... и слишкомъ удобная минута... для rendez-vous.

И всѣ другіе, полагавшіе, что молодая дѣвушка дурачится, закричали:

— Мы протестуемъ. Это все штуки. Мы его не пустимъ! мы его не пустимъ!

Но маркиза, взволнованная, повторяла:

— Надо же, однако, узнать, въ чемъ дѣло.

Князь объявилъ съ драматическимъ жестомъ:

— Она благоволитъ къ герцогу. Намъ измѣнили.

— Бросимъ жребій, кому лѣзть на балконъ,—предложилъ кавалеръ.

И вынулъ изъ кармана золотую стофранковую монету. — Я начну съ княземъ:—рѣшетка! —сказалъ онъ.

Вышелъ орелъ.

Князь бросилъ монету въ свою очередь, говоря Савалю: — выбирайте.

Саваль сказалъ:—Орелъ. Оказалась рѣшетка.

Князь обратился къ Тамриву:—ваша очередь.

Молодой человѣкъ сказалъ: Орелъ. Вышла опять рѣшетка.

Выступилъ де Бельвинь:

— Орелъ,—сказалъ онъ.

Опять оказалась рѣшетка.

Сервиньи, одинъ еще не участвовавшій въ метаніи жребія, объявилъ съ своимъ обычнымъ дерзкимъ видомъ:

— Ба! онъ плутуетъ.

Князь приложилъ руку къ сердцу и протянулъ золотую монету своему сопернику, говоря:

— Бросьте сами, любезный герцогъ.

Сервиньи взялъ и бросилъ ее, крича:—Орелъ.

Вышла рѣшетка.

Онъ поклонился и, показывая на колонны балкона, предложилъ:

— Карабкайтесь, князь.

Но князь оглядывался съ тревожнымъ видомъ.

— Что вы ищите?—спросилъ ковалеръ.

— Да... я хотѣлъ бы... лѣстницу.

Раздался общій хохотъ. И Саваль, подойдя, сказалъ:

— Мы всѣ вамъ поможемъ, князь.

И приподнявъ его въ своихъ геркулесовыхъ рукахъ, рекомендовалъ:

— Уцѣпитесь за балконъ. Князь уцѣпился, и когда Саваль пустилъ его, заболталъ ногами въ воздухѣ.

Тогда Сервиньи схватилъ эти безпомощныя ноги и потянулъ къ себѣ. Князь отнялъ руки и полетѣлъ на животъ де-Бельвиня, подошедшаго, чтобы его поддержать.

— Кому охота?—спросилъ Сервиньи.

Но всѣ молчали.

— Ну, Бельвинь, смѣлѣе.

— Благодарю, любезный герцогъ, я берегу свои кости.

— Ну, вы, кавалеръ, вамъ это должно быть въ привычку.

— Я уступаю вамъ мѣсто, герцогъ.

— Гмъ! гмъ! я вовсе не такъ стою за него.

И Сервиньи вертѣлся вокругъ колоннъ. Затѣмъ съ разбѣгу уцѣпился за балюстраду балкона, поднялся на рукахъ, какъ дѣлаютъ гимнасты, и перескочилъ черезъ балюстраду.

Всѣ зрители захлопали въ ладоши. Но онъ тотчасъ появился на балконѣ, крича:

— Идите скорѣй, скорѣй. Иветта въ обморокѣ.

Маркиза громко вскрикнула и бросилась на лѣстницу.

Молодая дѣвушка съ закрытыми глазами прикидывалась мертвой.

Обезумѣвшая мать бросилась къ ней, крича:

— Что съ ней такое? скажите, что съ ней?

Сервиньи поднялъ бутылку съ хлороформомъ, упавшую на полъ, и сказалъ:

— Она задушила себя хлороформомъ.

И приложивъ ухо къ сердцу,—прибавилъ:

— Но она еще жива; мы приведемъ ее въ чувство. Есть у васъ амміакъ?

Растерявшаяся горничная повторяла:

— Что такое... что такое... сударь?

— Нашатырный спиртъ?

— Есть.

— Принесите сейчасъ и оставьте дверь открытой, чтобы былъ сквозной вѣтеръ.

Маркиза упала на колѣни, рыдая:

— Иветта! Иветта! моя милая дочка, дитя мое, дорогая Иветта! послушай! отвѣчай мнѣ, Иветта! О! Господи, что̀ съ ней такое?

Ошеломленные мужчины суетились безъ толку, тащили воду, салфетки, стаканы, уксусъ.

Маркиза, окончательно потерявшая голову, пыталась раздѣть дочь, но руки у ней дрожали, путались, не повиновались ей и она стонала:

— Не... не могу, не... могу.

Вернулась горничная и принесла нашатырный спиртъ, Сервиньи раскупорилъ склянку и вылилъ половину спирта на носовой платокъ. Затѣмъ приложилъ его къ носу Иветты, которая задохлась.

— Слава Богу, она дышетъ,—сказалъ онъ.—Все обойдется благополучно. И сталъ обливать ей виски, щеки и шею нашатырнымъ спиртомъ.

Потомъ сдѣлалъ знакъ горничной разшнуровать молодую дѣвушку, и когда она осталась только въ одной юбкѣ и рубашкѣ, взялъ ее на руки и отнесъ на кровать.

Уложивъ ее, онъ обернулся, весь блѣдный, и сказалъ:

— Она сейчасъ придетъ въ себя.—Онъ уже слышалъ, что она ровно и правильно дышала. Но увидѣвъ всѣхъ этихъ мужчинъ, глядѣвшихъ во всѣ глаза на дѣвушку, распростертую на кровати, онъ вдругъ почувствовалъ ревнивую досаду и, подойдя къ нимъ, объявилъ:

— Господа, вы здѣсь лишніе. Извольте оставить насъ съ Савалемъ и маркизой однихъ.

Онъ говорилъ сухимъ и властнымъ тономъ. Всѣ тотчасъ же ушли.

М-me Обарди обхватила Саваля обѣими руками и кричала:

— Спасите ее! спасите ее!

Но Сервиньи, оглянувшись, увидѣлъ письмо на столѣ. Онъ быстрымъ движеніемъ схватилъ его и прочиталъ адресъ. Онъ понялъ, въ чемъ дѣло, и подумалъ:

— Можетъ быть лучше, чтобы маркиза не читала этого и, разорвавъ конвертъ, пробѣжалъ глазами двѣ строки, въ немъ заключавшіяся:

«Умираю, чтобы не быть куртизанкой. Иветта. Прощайте милая мамаша, простите меня».

«Чортъ возьми!—подумалъ онъ.—Объ этомъ надобно поразмыслить». И спряталъ письмо въ карманъ.

Потомъ подошелъ къ постели и ему тотчасъ пришло въ

голову, что молодая дѣвушка уже опомнилась, но не смѣетъ этого показать изъ стыда, изъ чувства униженія и боязни разспросовъ.

Маркиза стояла въ эту минуту на колѣняхъ и плакала, уткнувшись головой въ кровать. Вдругъ она сказала:

— Надо бы доктора, скажите! вѣдь надо бы позвать доктора!

Но Сервиньи, шепнувшій что-то Савалю, сказалъ ей:

— Нѣтъ, все прошло. Потерпите минутку, только одну минутку, и я обѣщаю вамъ, что она васъ поцѣлуетъ, когда вы вернетесь.

И баронъ приподнялъ ее съ колѣнъ и увелъ.

Тогда Сервиньи, сѣвъ у кровати, взялъ руку Иветты и сказалъ:

— Мамзель Иветта, послушайте...

Она не отвѣчала. Ей было такъ хорошо, такъ покойно и тепло лежать, что хотѣлось бы никогда больше не двигаться, не говорить и остаться въ такомъ положеніи навсегда. Ее охватило такое чувство покоя и нѣги, какого она никогда еще не испытывала. Она лежала съ закрытыми глазами, все еще опьяненная дѣйствіемъ хлороформа, но уже не хотѣла больше умереть, а хотѣла жить, жить, быть счастливой, все равно какимъ образомъ, но быть любимой, да, любимой!

Сервиньи повторилъ:

— Мамзель Иветта, послушайте меня.

Она рѣшилась открыть глаза. Увидя, что она очнулась, онъ продолжалъ:

— Что-жъ это вы такое затѣяли? къ чему такія глупости?

Она прошептала:

— Мой бѣдный Мюскадъ, я была такъ несчастна.

Онъ отечески пожалъ ей руку:

— А много вы отъ этого выиграли бы? Ахъ, да! обѣщайте мнѣ, что не повторите этого.

Она не отвѣчала, но слегка покачала головой и чуть-чуть улыбнулась.

Онъ вынулъ изъ кармана письмо, найденное на столѣ:

— Слѣдуетъ показать это вашей мамашѣ?

Она отрицательно качнула головой.

Онъ не зналъ больше, что́ сказать. Положеніе было безвыходное. Онъ пробормоталъ:

— Милое мое дитя, надо умѣть мириться съ самыми тяжкими вещами. Я вполнѣ понимаю вашу горесть и обѣщаю вамъ...

Она пролепетала:

— Вы добрый...

И оба замолчали. Онъ глядѣлъ на нее. У нея было во взглядѣ что-то умиленное, растроганное, притягательное. Вдругъ она протянула обѣ руки, какъ бы желая его обнять.

Онъ нагнулся къ ней и ихъ губы слились.

Долго оставались они такъ съ закрытыми глазами.

Наконецъ, чувствуя, что теряетъ голову, онъ приподнялся.

Она улыбнулась ему съ любовью.

— Я позову вашу мать,—сказалъ онъ.

Она глазами сказала: да.

Маркиза бросилась къ дочери съ раскрытыми объятіями, и съ жаромъ поцѣловала ее, покрывая слезами ея лицо. А Сервиньи, радостный и сіяющій, вышелъ на балконъ подышать чистымъ воздухомъ и подумалъ:

— Хитеръ будетъ тотъ, кто разгадаетъ женщину!

А. Э.

ДОМАШНІЙ СУДЪ

(Изъ хроники южно-русскаго села).

I.

Что́ они такое разсказываютъ? Господи ты Боже мой! Да этому никогда нельзя повѣрить! Можно повѣрить всему на свѣтѣ, хотя бы то была самая явная небылица; ну, напримѣръ, еслибъ сказали, будто большой колоколъ, что виситъ на самой вышкѣ Гусаковской колокольни (онъ, правда, вѣситъ всего $34^1/_2$ пуда; на свѣтѣ бываютъ, разумѣется, колокола и побольше, но въ Гусаковкѣ бо́льшаго нѣтъ и никогда не бывало), да, такъ этотъ самый большой колоколъ преспокойно сошелъ себѣ съ колокольни, отправился въ кабакъ, потребовалъ себѣ штофъ водки и тутъ же за столикомъ и роспилъ его, закусивши соленымъ огурцомъ. Это уже совсѣмъ невѣроятно, а все-таки этому скорѣй можно повѣрить, чѣмъ тому, что́ они разсказываютъ по деревнѣ. Возможное ли это дѣло? Двадцать лѣтъ люди жили душа въ душу. Они и повѣнчались-то въ одинъ день. Покойный о. Аристархъ, когда уже былъ въ старости, частенько-таки дѣлывалъ это для облегченія. Соберетъ этакъ пары двѣ, три, а то и четыре, да всѣхъ разомъ и обкрутитъ; такъ всѣхъ гуськомъ и обведетъ, бывало, вокругъ столика, когда дьякъ съ пономаремъ поютъ: «Исаіе, ликуй». Нарочно для этого выписалъ полъ-дюжины паръ дешевенькихъ вѣнцовъ. Мужику вѣдь все одно, лишь бы по закону. Вотъ такъ-то и ихъ вмѣстѣ обвѣнчали. Въ передней парѣ стоялъ Терентій Здыба́й съ своей краснощекой невѣстой Оленой, и въ задней — Андрей Кившенко съ Параской (о, что́ за станъ былъ тогда у Параски! Этакаго стана во всемъ свѣтѣ

не найти. А черныя брови дугой! А косы свѣтло-русыя—длинныя да густыя, точь-въ-точь два снопа свѣжей только-что скошенной ржи. Да что говорить! Все было тогда хорошо у Параски!). И это о. Аристархъ не даромъ сдѣлалъ. Съ этого вѣнчанья такъ все уже и пошло у нихъ. Все вмѣстѣ. Первое дѣло: рядышкомъ выстроили они себѣ новыя хаты съ большими городами. Въ поле ли ѣхать — возъ Терентья тянется за возомъ Андрея; въ кабакъ ли пойти—Андрей сидитъ рядомъ съ Терентіемъ, въ одно время они говѣютъ въ великомъ посту, одинаково грозно нападаетъ на нихъ батюшка за то, что они не хотятъ говѣть въ другой разъ въ году — въ Петровъ постъ. Да чего лучше: каждый годъ они вмѣстѣ снимаютъ у помѣщика двѣнадцать десятинъ земли и тутъ уже все пополамъ: и рискъ, и работа, и зерна, и прибыль, и убытокъ. И чтобъ этакіе завзятые пріятели поссорились! Да никогда этому нельзя повѣрить. Имъ и поссориться-то не легко. Терентій, напримѣръ, любитъ выпить. Андрей, положимъ, тоже нельзя сказать, чтобъ ужъ совсѣмъ не любилъ,—кто-жъ этого не любитъ? Но Терентій любитъ выпить основательно, такъ чтобъ, придя домой, непремѣнно расколотить стекло въ окнѣ, либо перевернуть казанъ съ борщомъ, либо даже замахнуться кулакомъ надъ головой Олены (замахнуться и только,—это надо замѣтить, потому что Олена не изъ такихъ женъ, которыя дадутъ себя въ обиду. Ну, нѣтъ. Она скорѣй сама всякаго побьетъ, глаза выцарапаетъ, хотя бы то былъ и самъ ея законный голова). И въ такихъ случаяхъ Терентій непремѣнно отправляется къ Андрею и начинаетъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ обличать своего пріятеля во всѣхъ смертныхъ грѣхахъ. Такой уже нравъ у него. Тутъ оказывается, что преступнаго Андрея мать-сыра-земля по какому-то странному недоразумѣнію держитъ на своей поверхности и не поглощаетъ его; потому что онъ—хитрый мошенникъ и воръ (надулъ его, Терентія, на житѣ прошлогоднемъ), коварный соблазнитель (не довольствуясь своей Параской лупоглазой, обольщаетъ Олену), и кромѣ того еще безбожникъ, потому что не хочетъ говѣть въ Петровъ постъ. Разумѣется, мы только изъ деликатности употребляемъ такія мягкія выраженія; Терентій же не любилъ деликатничать и выражался сильно и откровенно. Что же дѣлалъ Андрей? Онъ сосредоточенно молчалъ и продолжалъ чинить возъ или вострить косу, даже какъ будто ничего и не слышалъ, только изрѣдка, когда Терентій отпускалъ какое-нибудь отмѣнное словцо, ухмылялся и шевелилъ усами. Когда же Терентій уставалъ и

истощалъ весь богатый запасъ обвиненій, Андрей спокойно произносилъ:

— Ну, теперь пойди выспись, Терешка!

И Терентій безпрекословно лавировалъ по направленію къ своей хатѣ. Ну, какъ тутъ было поссориться съ такимъ неуязвимымъ человѣкомъ, какъ Андрей? Молчитъ себѣ, хоть ты ему что. Другому—анъ, пожалуй, и не смолчалъ бы, а Терентію... Андрей вѣдь знаетъ, что все это не отъ злобы. Нравъ уже такой — вотъ и все. Ну, а у Андрея такой нравъ, что онъ не любитъ тратить слова по пустому.

И вотъ — говорятъ же, что они поссорились. Можетъ, тутъ бабы что-нибудь прикинули? О, отъ этого народа всего можетъ статься! Только опять же не было замѣчено, чтобъ у Олены съ Параской когда-нибудь вышло что-нибудь этакое. Никогда! Гдѣ видано, чтобы двѣ бабы, живя другъ у дружки чуть не подъ носомъ и встрѣчаясь десять разъ на день, чтобы двѣ такія почтенныя бабы жили мирно и ни разу не вцѣпились другъ дружкѣ въ волосы? Едва ли гдѣ-нибудь это видано съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ міръ. Можетъ, тамъ въ губернскомъ городѣ, либо въ столицѣ, это и водится. (Ну, да, какже! Повѣритъ этому кто-нибудь въ Гусаковкѣ!) А въ нашихъ мѣстахъ этого еще не случалось. Случилось это только съ Параской и Оленой, которыя вотъ уже двадцать лѣтъ живутъ сосѣдями и ни разу еще не поссорились какъ слѣдуетъ. Ну, конечно, бывали случаи... Нельзя же безъ этого! Бывало такъ, что Параска надуется и дня два не загладываетъ къ Оленѣ; особенно, — это уже дѣлалось неизбѣжнымъ, — когда обѣ хозяйки одновременно пекли хлѣбъ и вдругъ оказывалось, что у Параски вышли какія-то «перепечки», а у Олены выросли такіе хлѣбы, что хоть на выставку посылай. Случалось и такъ, что Олена «нацькуе» своихъ собакъ на Параскину свинью; но тутъ опять-таки причиной было благородное соревнованіе. Это допускалось въ томъ случаѣ, когда Олена замѣчала, что у Параскиной свиньи больше сала, чѣмъ у ея сверстницы, принадлежавшей Оленѣ. Но эти вспышки сами собой проходили. Въ первомъ случаѣ Олена посылала Параскѣ одинъ изъ удавшихся хлѣбовъ; во второмъ же дѣло кончалось совсѣмъ безобидно, потому что Параскины собаки, будучи хорошими пріятелями со всей домашней «худобой» Олены, очень скоро отставали отъ ударившейся въ бѣгство сосѣдки, не соблазняясь даже ея длинными лапастыми ушами.

Такимъ образомъ и съ этой стороны, казалось бы, не могло быть мѣста для ссоры. А между тѣмъ вся деревня въ одинъ

голосъ утверждаетъ, что роковое событіе произошло, т.-е., что Терентій и Андрей окончательно разругались и послѣдній даже заперъ на замокъ калитку, которая вела изъ одного двора въ другой. Всѣ говорятъ это. Да этого мало. Говорятъ еще не такія вещи. Разсказываютъ... будто Андрей и Терешка подали другъ на друга жалобы въ волостной судъ. Сначала Андрей подалъ на Терентія, а потомъ Терентій—на Андрея. Ну, ужъ тутъ—развѣ только одинъ волостной писарь что-нибудь разберетъ, да и тотъ, если хорошенько вникнуть, едва ли разберетъ что-нибудь. Двадцать лѣтъ! И вдругъ не только разругались, а еще съ жалобами! Я думаю, что батюшка въ первое же воскресенье въ церкви скажетъ объ этомъ «слово». И думаю я еще, что вмѣсто всякаго суда слѣдовало бы позвать въ церковь и Терешку и Андрея и отслужить надъ ними молебствіе съ водосвятіемъ, и все это навожденіе само собою прошло бы, потому что, если разсудить, такъ тутъ только и есть, что дѣло нечистаго. Ужъ онъ, конечно, не зѣваетъ. Ему, я думаю, не сладко спалось эти двадцать лѣтъ, когда онъ видѣлъ, что люди живутъ между собою по-ангельски. Вотъ онъ и намутилъ.

А все-таки надо поразспросить у людей, въ чемъ тутъ настоящее-то дѣло.

II.

Ну, такъ и есть! Бабы! Вотъ какой это народъ! Двадцать лѣтъ люди жили душа въ душу, а тутъ на... И изъ-за чего началось? Никто не повѣритъ этому, а правда. Началось изъ-за поросенка.

Дѣло происходило въ великомъ посту, за недѣлю до Пасхи. Это—самое горячее время для поросятъ, потому что въ это время ихъ колютъ. Поросенокъ, съ котораго началось дѣло, былъ уже довольно взрослый, такъ что, собственно говоря, онъ даже не былъ поросенкомъ. Это былъ скорѣе всего «підсвинокъ», т.-е. такая особа, которая не сегодня-завтра будетъ называться свиньей. Онъ принадлежалъ Андрею и былъ гордостью всей семьи Кившенковыхъ, потому что къ Пасхѣ отъ него ожидалось изрядное количество сала. Но это никакъ не могло служить поводомъ для зависти со стороны Терентія и его семьи, потому что ихъ пасхальныя надежды олицетворялись точь-въ-точь въ такомъ же экземплярѣ. «Підсвинки» обоихъ семействъ провели вмѣстѣ и неразлучно всю свою молодость и были такъ же дружны, какъ ихъ хозяева. Особенно трогательно въ ихъ общей судьбѣ было то

роковое обстоятельство, что они должны были пойти на закланіе въ одинъ и тотъ же день, а именно—въ чистый понедѣльникъ. Они получили приличное ихъ породѣ воспитаніе и ужъ во всякомъ случаѣ за ними ухаживали съ бо̀льшимъ старапіемъ, чѣмъ за всѣми малолѣтними членами обоихъ семействъ, такъ какъ эти «Здыбаята» и «Кившенята» росли на волѣ Божіей безъ всякаго вмѣшательства кого бы то ни было въ ихъ судьбу.

Въ вербное воскресенье молодые товарищи, отличавшіеся вообще веселымъ нравомъ, вдругъ сдѣлались мрачными. Надо думать, что причиной этого было смутное предчувствіе неминуемой гибели, которая должна была послѣдовать черезъ какихънибудь двадцать часовъ.

Въ этотъ день передъ заходомъ солнца злосчастные товарищи угрюмо бродили по двору Терешки въ то самое время, когда Олена взяла въ руки бичъ и собралась пойти на встрѣчу «чередѣ», гдѣ была ея корова. Взглядъ ея случайно остановился на подсвинкахъ, причемъ невольное сравненіе было не въ пользу того изъ нихъ, который былъ гордостью ея фамиліи. Куда-а? развѣ можно сравнивать? Вѣдь вотъ повезетъ же людямъ! Кажется, она не жалѣла ни помоевъ, ни мякины; всевозможные остатки зелени, всякій мало-мальски испорченный арбузъ, огурецъ, разнообразные кухонные остатки, однимъ словомъ, всякая гадость, какая только попадалась подъ руки, все это шло на ублаженіе его прожорливой утробы. И вотъ подите же! Параскинъ подсвинокъ кажется на два мѣсяца старше, ну, значитъ, и сала дастъ больше фунтовъ на пятнадцать. А родились въ одинъ день и выросли вмѣстѣ на одномъ и томъ же вольномъ воздухѣ. Можно ли, чтобъ послѣ этого въ хозяйскомъ сердцѣ Олены не завелся червячекъ зависти? Это ужъ какъ-то само собой вышло и право—тутъ не было и слѣдовъ заранѣе обдуманнаго намѣренія. Двѣ огромныя собаки лежали тутъ же, сладко грѣясь лучами заходящаго солнца.

— Чужой! Чужой! Куси!—Скомандовала Олена (безъ всякой, впрочемъ, злобы), указавъ на сосѣдскаго подсвинка, и собаки помчались въ догонку улепетывавшему сосѣду. По обыкновенію, онѣ скоро отстали и не причинили ему никакого вреда. Тутъ и особеннаго-то ничего не было, потому что это и прежде не разъ случалось. Но на бѣду это видѣлъ Митька, Параскинъ мальчуганъ лѣтъ восьми. Онъ поспѣшилъ, разумѣется, доложить мамкѣ о томъ посмѣяніи, которому подвергся предметъ гордости всей ихней фамиліи. Параска, конечно, приняла къ свѣденію и тутъ же рѣшила въ своемъ сердцѣ отплатить тѣмъ же, т.-е.

натравить своихъ собакъ на сосѣдскаго подсвинка. Такимъ образомъ, злосчастные предметы гордости обоихъ семействъ не могли провести спокойно даже послѣдніе два десятка часовъ своей жизни; но это было бы еще ничего, еслибъ на этомъ дѣло и кончилось. Вышло гораздо хуже. Неизвѣстно почему Параскинъ пйдсвинокъ къ вечеру совсѣмъ занемогъ, такъ что пришлось уложить его въ сараѣ, причемъ самымъ тщательнымъ образомъ была приготовлена ему постель изъ лучшей соломы, рядомъ поставлено питье и размѣшанная въ теплой водѣ мякина. Но больной отъ всего этого отворачивался и имѣлъ видъ существа, совсѣмъ разочарованнаго въ радостяхъ земного бытія. Какія обстоятельства довели его до такого мрачнаго взгляда на вещи, это такъ и осталось неизвѣстнымъ. Что же касается предположеній, то изъ нихъ можно остановиться только на одномъ: въ послѣднее время его слишкомъ много кормили; по молодости онъ увлекся и хватилъ черезъ край. Результатъ самъ собою понятенъ. Ну, а тутъ еще зловѣщія предчувствія, породившія нервное разстройство и подозрительность. Понятно, что на этотъ разъ нападеніе со стороны Олениныхъ собакъ, не смотря на свою обычность, произвело на него сильное впечатлѣніе.

Одно только было ясно, что теперь надо было оставить всякія мечты о салѣ. Не заколоть же больное животное. Первое дѣло: за ночь онъ успѣетъ значительно похудѣть, а второе,— Богъ его знаетъ, что это за болѣзнь. Можетъ, такая, что его и ѣсть нельзя. Вотъ тутъ-то собственнно и началось. Озлобленіе Параски достигло сразу безграничныхъ размѣровъ. Еще бы! Чье же это дѣло, какъ не сосѣдское? Митька видѣлъ собственными глазами, какъ Олена травила его собаками. Ну, а если-бъ она была добрая, зачѣмъ бы ей это понадобилось дѣлать? О, да и злая же баба эта Олена! Вотъ говорятъ, что когда хочешь узнать человѣка, то надо съѣсть съ нимъ три пуда соли. Ну, она, кажется, съ Оленой побольше съѣла, а вотъ не узнала же. Проклятая баба приглядѣлась, что у ея паршиваго подсвинка сала столько же, сколько у стараго дворняшки—вовчка, ей и стало завидно. А ужь ежели у кого въ сердцѣ загорится зависть, тотъ ни передъ чѣмъ не остановится. Есть такія словечки, которыя знаютъ добрые люди. Отъ этихъ словечекъ можетъ какая угодно болѣзнь приключиться. Такъ вотъ они двадцать-то лѣтъ мирной да ладной жизни! Когда объ этомъ событіи узналъ Андрей, его хозяйская душа возмутилась. Все, все можно было простить, только не это. Какъ?! Оставить ихъ безъ свинины въ самую Пасху? Ну, ужъ это какъ хотите!.. Это не по сосѣдски. Нечего и говорить,

что когда вечеромъ Оленинъ подсвинокъ пришелъ навѣстить больного товарища, его изгнали самымъ позорнымъ образомъ и при этомъ безжалостно отшибли ему кусокъ хвоста. Въ отвѣтъ на это со стороны Здыбаевъ послѣдовало нападеніе на гусака, составлявшаго украшеніе птични Параски, потому что онъ былъ «гéргалъ» и имѣлъ длинную шею и чубъ на головѣ. Тутъ уже пошла настоящая война. Въ продолженіе страстной недѣли, когда порядочные христіане каются въ грѣхахъ, оба семейства старались сдѣлать какъ можно больше пакостей сосѣду и было не мало перебито ногъ и крыльевъ у домашней птицы и прочей «худобы». Тутъ, конечно, больше всего старались мальчишки, которыхъ было приблизительно по полъ-дюжины въ обоихъ семействахъ. Предводителями были съ одной стороны Олена, съ другой—Параска. Ни Терентій, ни Андрей не принимали участія въ этой войнѣ, и не разъ каждый отдѣльно подумывали о примиреніи. Но у нихъ были жены, которыя не могли допустить свои фамиліи до такого посрамленія. Эти жены и имъ и по селу разсказывали другъ про дружку страшныя вещи. Надо было удивляться, какъ такія образцовыя злодѣйки могли въ продолженіе двадцати лѣтъ обнаруживать нѣжныя и дружелюбныя чувства. Олена Здыбайвна? Вы знаете, что это такое? Если не знаете, то полюбуйтесь тѣмъ, что́ она дѣлаетъ по ночамъ, когда вся деревня спитъ. Вы думаете, кто это весь въ бѣломъ, какъ тѣнь, шмыгаетъ по мужицкимъ загонамъ и портитъ коровъ и накликаетъ всякую бѣду на птицъ, телятъ и свиней, а главное—свиней? Вы думаете, это—не Олена? Такъ знайте же, что это именно она и есть! Ужъ вы Параскѣ повѣрьте, ужъ она хорошо это знаетъ, потому что прожила въ сосѣдствѣ съ нею двадцать лѣтъ. Итакъ—вотъ что такое Олена! А если вамъ угодно знать, что такое Параска Кившенкова, то это не трудно. Стоитъ только обратиться къ Оленѣ. И вы узнаете, что Параска не что иное, какъ наглая воровка. Сколько птицы пропало у Олены за двадцать лѣтъ! Недавно исчезъ съ забора новый фартукъ, который она справила себѣ къ говѣнью; семь лѣтъ тому назадъ неизвѣстно куда дѣвались пять аршинъ толстаго холста, а черезъ двѣ недѣли послѣ этого у Андрея появились новые холщевые шаровары! Вотъ это и есть настоящая Параска!

Въ чистый четвергъ около двухъ часовъ дня произошло роковое событіе, которое дало окончательное направленіе этому дѣлу. Одинъ изъ потомковъ Здыбая, укрѣпившись по срединѣ деревенской улицы и ловко прицѣлясь, пустилъ изрядный камень по направленію въ хатѣ Андрея. Послышался трескъ и шибка

въ окнѣ разлетѣлась въ дребезги. Это было верхомъ дерзости. Андрей — молчаливый и угрюмый, какъ могила, вышелъ изъ хаты и немедленно заперъ и привязалъ веревкой калитку, которая вела въ городъ Терентія. Такимъ образомъ былъ объявленъ формальный разрывъ. Въ этотъ годъ на страстной недѣлѣ не говѣли ни Андрей, ни Терентій. Это было невозможно, потому что тогда пришлось бы просить другъ у друга прощенія, чего не позволяли ихъ фамильная честь, еще больше того жены. Нечего и говорить, что на первый день праздника Здыбаи не христосовались съ Кившенками. Когда же къ вечеру этого дня Терентій, по христіанскому обычаю, здорово нарѣзался и направился къ Андрею съ цѣлью производить свои всегдашнія обличенія, то его остановило нечто иное, какъ крѣпко запертая калитка. Тутъ онъ вспомнилъ, что они съ Андреемъ враги и, опустивъ голову, вернулся домой и весь вечеръ уже былъ мраченъ и золъ.

III.

Это было въ среду на свѣтлой недѣлѣ. Андрей, Параска, и двое малолѣтнихъ Кившенятъ пришли въ сарай, гдѣ помѣщался больной подсвинокъ, на долю котораго выпалъ неблагодарный удѣлъ — разрушить двадцатилѣтнюю дружбу двухъ семействъ. Онъ, повидимому, уже сталъ поправляться, потому что къ нему вернулся аппетитъ. Собственно говоря, онъ могъ бы уже и прогуливаться, но ему хотѣлось понѣжиться и, можетъ быть, слегка пококетничать. Куда дѣвалось его сало?! Увы! Онъ походилъ на аскета, который постился цѣлый годъ сряду.

— О, проклятая вѣдьма!—Съ глубокимъ вздохомъ промолвила Параска, сосчитавъ мысленно потерянныхъ около пуда сала. Андрей молчалъ.—Какъ? — продолжала Параска:—они тебѣ кабана свели ни на что, гусака искалѣчили, стекла побили, да еще распустили про насъ по селу всякую поганщину,—и ты это такъ имъ и спустишь? Какъ ты не пойдешь въ судъ? Не потребуешь правды?.. О, такъ у тебя на плечахъ не голова, а казанъ, да еще пустой!..

Андрей упорно молчалъ. Вотъ уже три дня, какъ Параска не даетъ ему покоя съ этимъ судомъ. Но какъ это пойти и пожаловаться на Терешку, съ которымъ двадцать лѣтъ... Да повернется ли у него языкъ? Но на этотъ разъ Параска рѣшила настоять на своемъ. Она долго говорила въ сараѣ, потомъ продолжала свою рѣчь на дворѣ, затѣмъ сопровождала Андрея въ

хату, вышла съ нимъ на улицу и сѣла рядышкомъ на завалинкѣ и все говорила, говорила, ни на минуту не умолкая, пока, наконецъ, у Андрея не пошла кругомъ голова. Тогда онъ выругался, поправилъ шапку, плюнулъ и пошелъ въ волость къ писарю.

Нужно было видѣть, во что превратилось лицо гусаковскаго писаря, когда онъ узналъ, въ чемъ дѣло. И безъ того лицо у него было не Богъ знаетъ какое, а тутъ ужъ совсѣмъ стало ни на что не похоже. На лицѣ этомъ, на которомъ вмѣсто волосъ росло что-то въ родѣ маленькихъ кустиковъ бурьяна, расположенныхъ безъ всякой симметріи, гдѣ попало,—командующую позицію занималъ носъ и, надо сознаться, очень странный носъ. Это былъ совершенно правильный, даже красивый носъ—прямой, тонкій, остроконечный, съ горбинкой, — но увеличенный, сравнительно съ носами обыкновенныхъ людей, приблизительно въ три раза; онъ производилъ впечатлѣніе обыкновеннаго носа, разсматриваемаго подъ лупой. Прочіе лицевые органы гусаковскаго писаря: ротъ, глаза, лобъ и подбородокъ—были, напротивъ миніатюрны и совершенно стушевывались; вслѣдствіе этого, когда вы разговаривали съ писаремъ и смотрѣли ему въ лицо, вамъ казалось, что вы разговариваете съ его носомъ; а когда гусаковскій писарь задумывался надъ какимъ-нибудь важнымъ вопросомъ, вы были совершенно увѣрены, что мыслительная работа происходитъ у него въ носу. А звали гусаковскаго писаря Назаромъ Назаровичемъ. Была у него и фамилія—Елпидифоровъ, но ни одинъ изъ гусаковскихъ обывателей, не исключая даже старшины, не былъ въ состояніи вымолвить эту фамилію даже до половины, а всѣ просто называли его Назаромъ Носатымъ. Самъ же Елпидифоровъ, когда бывалъ выпивши (что́ считалось его нормальнымъ состояніемъ), именовалъ себя Назореемъ, по поводу чего пріятель его дьякъ обыкновенно ядовито замѣчалъ: «изъ Назарета можетъ ли быть что добро»?

Назаръ Назаровичъ сидѣлъ на завалинкѣ у расправы, рядомъ съ нимъ помѣщались двое парней и баба весьма почтеннаго возраста. Вся компанія прилежно занималась щелканіемъ сѣмячекъ, и Андрей, поздоровавшись со всѣми, сѣлъ рядомъ и занялся тѣмъ-же дѣломъ, какъ будто именно затѣмъ и пришелъ. Баба разсказывала о какомъ-то новомъ способѣ красить пасхальныя яица такъ, чтобъ краска не сходила, и тэма эта оказалась настолько животрепещущей, что ее хватило, по крайней мѣрѣ, на два часа общихъ разговоровъ. Андрей злился и мысленно проклиналъ бабу съ ея способомъ, но тѣмъ не менѣе

добросовѣстно истреблялъ сѣмечки. Наконецъ тэма была исчерпана и онъ уже надѣялся, что публика разойдется, оставивъ его наединѣ съ писаремъ.

— А какъ поживаетъ Терешка? Что это его нигдѣ не видно? —вдругъ обратилась не нему баба, отлично знавшая, что объ этомъ именно не слѣдовало спрашивать у Андрея.

— Мм.... Да поживаетъ себѣ!.... — какъ-то ужь очень невнятно произнесъ Андрей, но потомъ вспылилъ и прибавилъ очень внятно и сердито: — А я почемъ знаю? Что я, нянька у него, что-ли?

Получивъ такой каинскій отвѣтъ, баба больше уже не распрашивала. Она встала, сильно встряхнула фартукъ, облѣпленный скорлупой отъ сѣмячекъ и, кивнувъ головой, ушла во свояси. Парни продолжали сидѣть безмолвно, но ихъ уже нечего было стѣсняться.

— Я къ тебѣ, Назаръ Назарычъ! По дѣлу! — сказалъ Андрей.

— Что за дѣло такое? Сказывай! — промолвилъ Елпидифоровъ, повернувъ носъ свой къ Андрею.

— Оно лучше бы въ хатѣ! — Андрей покосился на парней а носъ Назара Назарыча выразилъ сильное любопытство, значительно расширивъ свои ноздри.

— Эй, хлопцы! — обратился Елпидифоровъ къ парнямъ: — вамъ бы уже и по домамъ пора!... — Ему совсѣмъ не хотѣлось бросать прохладный передвечерній воздухъ и идти въ свою душную хату. Хлопцы лѣниво поднялись съ своихъ мѣстъ и степенно зашагали къ кабаку.

— Что за дѣло такое? Сказывай! — повторилъ писарь.

— А дѣло такое, что принесъ я жалобу... Вотъ оно какое дѣло!...

— Жалобу? Да на кого-же жалобу?...

— На Терешку Здыбая!...

Вотъ въ это самое время лицо писаря приняло видъ необычайный. Изумленіе, которое въ немъ выразилось, было такихъ гигантскихъ размѣровъ, какъ будто въ лицѣ Елпидифорова разомъ изумилась вся Гусаковка. Глаза и ротъ раскрылись до послѣдней возможности, такъ что чуть было не лишили носъ его первенствующей роли. Самый же носъ приподнялся и обратился къ небу, словно призывая его въ свидѣтели людского непостоянства, или каждое мгновеніе собираясь вспорхнуть и улетѣть въ вышину, подальше отъ земли, гдѣ совершаются такія изумительныя вещи.

— Ну, да! На Терешку Здыбая!...—подтвердилъ Андрей. —

Самъ посуди, Назаръ Назарычъ: всѣ знаютъ, какіе мы съ нимъ были благопріятели! Кажись, отъ него, кромѣ добра, мнѣ и ждать было нечего!... А вотъ поди-же. Видалъ ты у меня підсвинка? Да какъ-же! Видалъ! Еще приставалъ тогда ко мнѣ: «подари, да подари»!... Такъ вотъ этотъ самый підсвинокъ...— Тутъ Андрей обстоятельно изложилъ все дѣло, при чемъ строго придерживался способовъ выраженія Параски. Тутъ было упомянуто о катастрофѣ съ подсвинкомъ и о великомъ днѣ безъ свинины, и о знаменитомъ гусакѣ и о разбитой шибкѣ и, наконецъ, о позорящихъ доброе имя его слухахъ.

Когда Андрей, наконецъ, изложилъ всѣ обстоятельства дѣла, лицо писаря приняло болѣе или менѣе добропорядочный видъ.

— Такъ ты, значитъ, съ жалобой?—спросилъ писарь, все еще не довѣряя своимъ ушамъ.

— Непремѣнно!... Потому этакъ отъ него житья не будетъ Самъ посуди: підсвинка испортили, гусака искалѣчили, стекла разбили и по селу еще опорочиваютъ.

— Такъ, такъ! Это вѣрно, Андрей Семенычъ! Надо его присудить!—уже совсѣмъ просто и спокойно замѣтилъ Елпидифоровъ. Но въ его маленькихъ глазкахъ безпокойно забѣгала какая-то мысль, которая, повидимому, только-что блеснула въ его головѣ.— Только ты уже обычай знаешь?...

— Какой обычай, Назаръ Назарычъ?...

— Какъ какой?... Извѣстно! Спрыснуть! Безъ этого невозможно!...

— Что-жъ!... Я того!... Это можно! Отчего не спрыснуть! Это я готовъ! — отвѣчалъ Андрей, но по тону, какимъ онъ сказалъ это, можно было заключить, чтъ это далеко не входило въ его разсчеты.

— И преотлично!... Такъ мы сейчасъ и пойдемъ!...

— Куда?

— Тьфу! Еще спрашиваетъ, куда! Ужъ не на кладбище-же люди ходятъ за этимъ! Въ кабакъ — извѣстно!... Тамъ теперь всѣ судьи въ сборѣ, я знаю! ха! ха!

Андрей предобросовѣстно чесалъ свой затылокъ. Вотъ это ужь было совсѣмъ неожиданно! Писаря угостить, это еще — куда ни шло. Но напоить весь судъ въ полномъ составѣ, это уже не тѣмъ пахнетъ. Народъ все это здорово пьющій, не даромъ-же ихъ и въ судьи выбрали; тутъ квартой не отдѣлаешься. Ужь онъ пожалѣлъ былъ, что послушался Параски.

— Ну, что-жь такъ сидѣть-то? уже вонъ и солнце заходитъ!...— поощрилъ его Назаръ Назарычъ и, чтобъ подать добрый при-

мѣръ, поднялся и сдѣлалъ примѣрный шагъ. Но Андрей еще хотѣлъ поторговаться.

— Да ты постой, Назаръ Назарычъ! Можетъ, не теперь...

— Э-э! Вотъ еще! Задумалъ судиться, а жалѣетъ полъ-кварты водки поставить!... Вставай, что-ли!...

— М-да! Полъ-кварты! Какъ-же! Удовольнишь ихъ полъ-квартой! — какъ-бы про себя промолвилъ Андрей, однако всталъ и послѣдовалъ за Назаромъ Назаровичемъ.

Вся деревня видѣла (потому что всѣ правоспособные обыватели Гусаковки праздновали Великъ-день въ болѣе или менѣе близкомъ разстояніи отъ кабака), да, вся деревня видѣла, какъ къ кабаку приближались двѣ фигуры. Одна была высокая и тонкая, какъ тополь, но тополь — пригнутая вѣтромъ, потому что гусаковскій писарь держалъ спину и голову въ весьма наклонномъ положеніи. Другая фигура была, наоборотъ, призёмистая, широкоплечая и довольно угрюмая, потому что Андрей не чаялъ для себя ничего пріятнаго въ предстоящемъ угощеніи гусаковскаго судебнаго персонала. Онъ вымещалъ свое неудовольствіе на своихъ великолѣпныхъ усахъ, которые крутилъ и терзалъ неимовѣрно, и на затылкѣ, который отъ времени до времени почесывалъ съ такимъ усердіемъ, какъ будто три года не былъ въ банѣ.

IV.

Еслибы вы вздумали войти въ кабакъ, какъ входятъ всѣ добропорядочные гусаковскіе обитатели, то увидѣли бы того и другого, и третьяго; можетъ быть, здѣсь нашли-бы вы не мало занимательнаго, а особенно — услышали бы множество поучительныхъ изреченій, которыя такъ и пропадаютъ на-вѣтеръ, никѣмъ не записанныя. Но вы никакъ не могли бы увидѣть той замѣчательной картины, которую я хочу описать. Э, это вовсе не такъ легко, какъ вы думаете. Для этого совсѣмъ не нужно входить въ кабакъ съ улицы, откуда входитъ всякій, — нужно пройти черезъ дворъ, имѣя такой видъ, какъ будто вамъ до кабака и дѣла нѣтъ, а вы хотите только сказать два слова шинкарю Никанору. Со двора вы откройте низенькую дверь, такую точно, какъ у всѣхъ мужичьихъ хатъ; тутъ будутъ сѣни, обыкновенныя сѣни съ землянымъ поломъ и съ «кабыцей». Дальше вамъ уже не зачѣмъ идти, потому что въ сѣняхъ помѣщается вся компанія. Прежде всего вы, конечно, увидите носъ Елпидифорова, затѣмъ усы Андрея Кившенка, потомъ поочередно:

лысину во всю голову съ сѣдоватыми волосиками на вискахъ и на затылкѣ, большую, малиноваго цвѣта, бородавку на переносьи между бровей и наконецъ — великолѣпную, густую и совершенно сѣдую бороду. Эти три послѣдніе знаки отличія принадлежали тремъ судьямъ, при чемъ судья, обладавшій лысиной, сверхъ этого обладалъ еще слезливыми маленькими глазками, которые всегда казались заплаканными, да и говорилъ онъ какимъ-то тоненькимъ, плаксивымъ голосомъ, за что его всѣ называли бабой, тогда какъ въ сущности онъ прозывался Семеномъ Моргуномъ. Совсѣмъ иначе глядѣлъ судья съ малиновымъ украшеньемъ на переносьѣ. Это былъ хозяинъ изъ молодыхъ (лѣтъ тридцати), бравый, краснощекій, съ густымъ вверхъ торчавшимъ чубомъ и высоко приподнятыми плечами. Этого никто не назвалъ бы бабой, да и вообще никакъ не звалъ бы, развѣ что молодцомъ, либо настоящимъ казакомъ; прозывался онъ Мирошникъ Кузьма, потому что дѣдъ его первый построилъ въ Гусаковкѣ мельницу и нажилъ съ нея хорошій барышъ. Что касается судьи съ сѣдой бородой, то объ этомъ уже и говорить нечего — его всякій знаетъ и въ Гусаковкѣ, и на хуторахъ, и даже въ уѣздномъ городѣ, гдѣ всякій жидъ-торговецъ дружелюбно кивнетъ вамъ головой, если вы назовете ему Максима Дулю. Ему уже за шестьдесятъ лѣтъ и извѣстенъ онъ тѣмъ, что вѣчно пьетъ водку и никогда не бываетъ пьянъ, все равно, какъ будто бы онъ пилъ воду. Такъ уже какъ-то устроенъ онъ мудрено, что водка не беретъ его. А любитъ онъ ее здорово, а притомъ еще всегда умѣетъ такъ сдѣлать, чтобы пить ее на чужой счетъ. Ужъ если Максимъ Дуля сидитъ гдѣ-нибудь въ трактирѣ въ уѣздномъ городѣ, то такъ и знайте, что онъ присосѣдился къ двумъ землякамъ, которые пьютъ могарычъ по случаю выгодной продажи или покупки пары быковъ, до которыхъ Максиму Дулѣ и дѣла-то нѣтъ никакого.

Вся эта компанія сидѣла полукругомъ на глиняномъ полу, поджавши подъ себя ноги почти по-турецки. На полу же передъ ними стоялъ штофъ, пара стаканчиковъ и тарелка съ солеными огурцами, нарѣзанными на ломтики. Въ то время, когда уровень жидкости въ штофѣ понизился до половины, Андрей подробно перечислялъ обиды, нанесенныя ему Терешкой. А Елпидифоровъ между тѣмъ старательно наполнялъ стаканчики и обносилъ компанію, сильно упрашивая выпить до дна, и вообще имѣлъ такой видъ, какъ будто это именно онъ, а не кто-либо другой, угощаетъ добрыхъ людей.

— Э! Ну же! ну! Чтобъ порося поскорѣе встало, да чтобъ къ

Рождеству оно выросло такое, какъ быкъ! Ну, Моргунъ! моргай, что ли!..—командовалъ Назаръ Назаровичъ. Моргунъ съ важностью принималъ рюмку, обращался ко всей компаніи со спичемъ, состоявшимъ изъ одного слова: «нехай-же!» и съ достоинствомъ поглощалъ влагу. То же самое дѣлалось въ честь гусака, равно какъ и во имя поруганной чести Параски и всѣхъ прочихъ тяжебныхъ пунктовъ. Елпидифоровъ безпокойно посматривалъ на дверь, такъ какъ судъ былъ далеко еще не въ полномъ составѣ... «И куда ихъ чортъ занесъ»?! мысленно восклицалъ онъ: «день деньской въ кабакѣ толкутся, а тутъ вотъ какъ разъ дѣло, и поразбѣгались».

— Хе, хе-э! Вотъ они гдѣ! — раздался на порогѣ густой басъ гусаковскаго головы Чубаренка, который, какъ должностное лицо, не позволялъ себѣ являться въ кабакъ иначе, какъ съ задняго хода,—за то послѣднее допускалъ довольно часто. Это былъ почтенный высокаго роста мужикъ, лѣтъ за сорокъ, съ смуглымъ обросшимъ лицомъ, съ волосами, начесанными на лобъ и старательно уснащенными деревяннымъ масломъ. Онъ тотчасъ же снялъ и швырнулъ въ уголъ надѣтую «на опашки» свитку и оказался въ пестромъ жилетѣ съ блестящими мѣдными пуговицами и въ темно-полосатыхъ триковыхъ штанахъ вполнѣ нѣмецкаго покроя.—Это что же у васъ тутъ? Могарычъ, что ли? Потому гдѣ уже Дуля сидитъ, тамъ долженъ быть могарычъ!..

— А вотъ и не могарычъ! Не угадалъ, панъ голова!—отвѣтилъ Назаръ Назаровичъ:—А мы тутъ суждѣтъ имѣемъ!

— Объ комъ?

— Присаживайся да прислушивайся! Тутъ, панъ голова, такое дѣло, такое дѣло... что, можно сказать, въ родѣ—какъ послѣднія времена приходятъ!.. Звѣзды померкли!.. Ей Богу! Вотъ послушай!.. Эй, Никаноръ Ѳедосѣичъ! Какъ бы тамъ скамеечку для пана головы!..

Но панъ голова махнулъ рукой и усѣлся прямо на землю, какъ будто бы онъ былъ не панъ голова, а обыкновенный смертный. Однако Никаноръ Ѳедосьичъ на мгновеніе показалъ свои бѣгающіе глазки, свои бритыя синія щеки и оттопыренные усы, которые онъ носилъ и тщательно оберегалъ, чтобъ сколько-нибудь походить на малоросса, что, впрочемъ, ему не удавалось, и всякій ясно узнавалъ въ немъ потомка израилева.

Андрей обратился къ пану головѣ съ своимъ разсказомъ, а тѣмъ временемъ Елпидифоровъ успѣлъ дважды обнести стаканчикъ и въ тотъ самый моментъ, когда разсказчикъ, у котораго уже покраснѣли уши и щеки и на лбу выступилъ потъ, дошелъ

до описанія теперешняго состоянія підсвинка, дверь растворилась и въ сѣни ввалились разомъ три новыя личности. Двое изъ нихъ были судьи, а третій—сотскій съ бляхой на груди и огромной сучковатой палкой въ рукѣ, изъ чего нужно было заключать, что онъ находился при исполненіи своихъ обязанностей... «Вотъ тебѣ и полштофъ!» подумалъ Андрей и, взглянувъ на посудину, убѣдился, что тамъ уже было пусто. А писарь съ величайшей пріятностью расширилъ ноздри и втянулъ въ себя посредствомъ носа разомъ половину всего воздуха, наполнявшаго сѣни.

— Скомандовать еще штофъ?!—полувопросительно обратился онъ къ Андрею и, не дожидаясь отвѣта, кликнулъ Никанора. Но не успѣли новоприбывшіе усѣсться, какъ въ сѣняхъ вьюномъ завертѣлась новая фигура, которая вошла какъ-то незамѣтно и неслышно. Фигура эта вызвала общій восторгъ, а носъ писаря до того обрадовался, что издалъ какой-то странный шипящій звукъ. Только Андрей совсѣмъ не проявилъ радостнаго чувства, а, напротивъ, даже видимо огорчился. «Вотъ тебѣ и полштофъ»! опять подумалъ онъ и еще выразительнѣе, чѣмъ въ первый разъ.

— Ну, теперь уже прямо валяй четвертину! — радостно произнесъ Елпидифоровъ: — потому Левка самъ два штофа слопаетъ!.. Въ этомъ Андрей не сомнѣвался, поэтому и скорбѣла душа его. Левъ Андріанычъ Игрицынъ, занимавшій въ продолженіе четверти столѣтія почетную должность дьяка при гусаковскомъ храмѣ, во всемъ уѣздѣ славился своимъ искусствомъ пить. Въ былое время находились смѣльчаки, рѣшавшіеся пить съ нимъ объ закладъ, «кто кого перепьетъ». Но вотъ уже около десяти лѣтъ, какъ никто на это не рѣшается. Дѣло въ томъ, что десять лѣтъ тому назадъ по епархіи путешествовалъ архіерей и сдѣлалъ стоянку въ Гусаковкѣ. Вотъ тутъ-то чуть не произошло трагическое событіе. Отецъ протодіаконъ былъ о себѣ очень высокаго мнѣнія и полагалъ, что ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не перепьетъ его. Левъ Игрицынъ дерзко предложилъ ему помѣряться. И что же? Въ одинъ вечеръ благородные конкурренты выпили чуть не цѣлое ведро, и Левъ Игрицынъ одержалъ побѣду. О. протодіаконъ тутъ же слегъ и возникло даже сомнѣніе въ томъ, что онъ когда-нибудь встанетъ, такъ что пришлось докладывать архіерею. А Левъ только попатывался и просилъ еще водки. Архіерей очень гнѣвался и уже черезъ мѣсяцъ изъ своей рези, денціи черезъ консисторію прислалъ указъ о. благочинному, въ которомъ прямо опредѣлялось «строго блюсти, дабы ни одинъ изъ ввѣренныхъ вашему смотрѣнію служителей церкви не смѣлъ

напиваться взапуски съ дьякомъ Львомъ Игрицынымъ». Такимъ образомъ Левъ Игрицынъ самою епархіальною властью былъ признанъ непобѣдимымъ. Онъ былъ высокаго роста и довольно плотенъ. Сѣрый шерстяной кафтанъ до пятъ казался бы еще довольно приличнымъ, еслибъ на немъ чуть-чуть пониже воротника не красовалось огромное лоснящееся сальное пятно, произведенное косичкой, которую Левъ Игрицынъ, имѣя свободный доступъ къ церковнымъ лампадамъ, обильно упитывалъ деревяннымъ масломъ. Сѣденькая бородка, клиномъ, была жидковата; глаза были красны и вѣчно болѣли, а Игрицынъ лечилъ ихъ, какъ и всѣ прочія болѣзни, водкой. Само собою разумѣется, что носъ Игрицына имѣлъ грушевидную форму и былъ цвѣта спѣлой малины. Пока дьякъ пробирался къ Елпидифорову, чтобъ непремѣнно сѣсть рядомъ съ нимъ, Никаноръ успѣлъ притащить четвертину, а Андрей—кинуть на него такой взглядъ, какъ будто въ посудинѣ была не водка, а кровь его, Андрея.

Тутъ-то собственно и началось настоящее дѣло. Уже солнце давно зашло и рядомъ со штофами появилась горящая сальная свѣчка. Стаканчики съ непмовѣрной быстротой переходили изъ рукъ въ руки, осушались, наполнялись и вновь осушались. Новоприбывшіе совсѣмъ не интересовались знать, по какому поводу они пьютъ. Напрасно Андрей, крича изо всей мочи, старался то тому, то другому втолковать, что это онъ и есть виновникъ торжества. Никто его не слушалъ и разговоръ шелъ обо всемъ, только не объ этомъ. Между тѣмъ Андрей давно уже почувствовалъ, что перешелъ предѣлъ. Въ головѣ у него поднялась такая стукотня, точно тамъ происходила ярмарка. А стаканчики все продолжали путешествовать; Елпидифоровъ не уставалъ наполнять ихъ и упрашивать публику выпить, а публика еще того меньше уставала исполнять его желаніе. По сосѣдству изъ кабака доносились стукъ, крикъ и руготня. Андрей уже ничего не видалъ, а только смутно слышалъ, какъ писарь потребовалъ еще штофъ, изъ чего заключилъ, что четвертину уже прикончили. Чувствовалъ онъ также, что кто-то (кажется, Дуля) хлопалъ его по плечу, любовно тащилъ за чубъ и говорилъ: «Э, ничего! Мы тебя разсудимъ! Ужъ мы тебя раз-с-судимъ!.. На то мы и судьи, чтобъ разсудить»!.. Мерещилось ему также, что какъ-будто кто-то кого-то билъ, чуть ли не Елпидифоровъ Игрицына за то, что послѣдній выразилъ сомнѣніе, чтобъ «изъ Назарета могло быть что-нибудь добро». Показалось ему даже, что кто-то крикнулъ «караулъ», но тутъ уже все исчезло и больше ему ничего не казалось. Не помнитъ онъ и того, что двое судей, а

именно—Дуля и Моргунъ, на собственныхъ плечахъ донесли его до дому и сдали на руки Параскѣ, и того, какъ Параска принялась кричать и ругаться, потому что никогда еще Андрей не возвращался домой въ такомъ ужасномъ видѣ.

V.

Не успѣли Здыбан совершить четверговой «сниданокъ», какъ мирная тишина ихъ жилища была нарушена внезапнымъ появленіемъ кумы Явдохи Трепачихи. Уже одинъ видъ ея преисполнялъ сердце трепетомъ, а новости, которыя она сообщала, были ужасны. Видъ у нея былъ такой, какъ будто она хотѣла сообщить о пожарѣ или о томъ, что половина деревни провалилась сквозь землю. Объ этомъ говорили ея вытаращенные глаза, растрепавшіеся волосы и прерывистое дыханіе. Ну, и дѣйствительно же она сообщила ужасныя, а главное — неожиданныя вещи. Какъ? Андрей подалъ жалобу? Андрей? Послѣ того, какъ двадцать лѣтъ... Да нѣтъ, этому нельзя повѣрить. За что же, наконецъ? Развѣ не его ребятишки отбили кусокъ хвоста у Терентіева підсвинка? Развѣ не они перебили крылья у индюка и отдавили ногу теленку? А про Олену что они такое распустили! Будто она по ночамъ коровъ портитъ... Такъ скорѣе же ему, Терентію, слѣдовало жаловаться. Нѣтъ, Андрей хитеръ. Не даромъ онъ все больше молчитъ и на усъ мотаетъ. Вѣдь зналъ, что сдѣлать; побѣжалъ первый... Хитеръ, хитеръ!

Но кума Трепачиха далеко не все еще сказала. Осталось-то самое главное; вся деревня уже это знаетъ, а именно: вчера въ кабакѣ у Никанора въ сѣняхъ вся судейская и волостная справа угощались на Андреевы денежки. И ужъ сколько тамъ было выпито, это только они знаютъ, а ей, кумѣ, извѣстно только, что самого Андрея принесли домой чуть не мертваго.

— Ге!—крикнулъ Терентій, вскочивъ съ мѣста, какъ ужаленный:—такъ значитъ, онъ уже дѣло обдѣлалъ! По крайности не по-дурацки! Ей Богу! Хе!.. Хвалю, Андрей, хвалю!.. Ну, такъ и я-жъ не дуракъ!.. Постой-ка, Олена! Тамъ у насъ въ скринѣ водится кой-что!.. Тащи-ка его сюда!

Олена глядѣла на него вопросительно, не понимая, что́ онъ хочетъ дѣлать.

— Тащи, говорю! Чего банькй вылупила! Говорю—тащи! Ну, и...—Грозенъ былъ Терентій въ эту минуту и Олена, не смотря на свой самостоятельный нравъ, должна была подчиниться.

Она достала изъ скрыни «кой-что» и молча подала Терентію. Это были рублевыя ассигнаціи, завернутыя въ холщовую тряпочку. Терентій засунулъ ихъ за голенище сапога.

— Посмотримъ еще, кто дуракъ!..—грозно промолвилъ онъ и, нахлобучивъ шапку на лобъ, вышелъ изъ хаты.

Нечего и говорить, что онъ отправился прямо къ писарю. Елпидифоровъ занималъ маленькую комнатку, отдѣленную отъ управы сѣнями. Вся обстановка этой комнаты состояла изъ кровати, хромого стола и табурета. На столѣ валялись листы исписанной, а больше испачканной бумаги, разсыпанный мелкій табакъ, кусокъ чернаго хлѣба и половина соленаго огурца; на табуретѣ помѣщался мѣдный подсвѣчникъ съ сальнымъ огаркомъ, на стѣнѣ висѣла пиджачная «пара», единственная пара, которая была у Елпидифорова и которую онъ таскалъ во всѣхъ случаяхъ, какъ торжественныхъ, такъ и обыкновенныхъ. Наконецъ на кровати помѣщался самъ Елпидифоровъ, растянувшись во весь свой огромный ростъ и прикрывшись сильно-пообтертымъ байковымъ одѣяломъ, изъ-подъ котораго свирѣпо выглядывалъ извѣстный уже своими размѣрами носъ. Когда Терентій вошелъ въ хату, Назаръ Назарычъ уже не спалъ, но нельзя сказать, чтобъ онъ и бодрствовалъ. Ему никакъ не удавалось сполна раскрыть глаза, а о томъ, чтобъ поднять голову, которая казалась на этотъ разъ тяжелѣе большого гусаковскаго колокола, объ этомъ не могло быть и рѣчи. Появленіе Терентія, однако, заставило его сдѣлать усиліе и приподняться. Онъ сѣлъ, спустилъ ноги, прикрылъ свой невзрачный ночной костюмъ одѣяломъ и, старательно протирая глаза, сталъ соображать, гдѣ онъ, что было вчера, и почему передъ нимъ торчитъ остроконечная рыжая бородка Терентія. Наконецъ онъ все вспомнилъ и все сообразилъ.

— А! и ты пришелъ!..—болѣе или менѣе привѣтливо прохрипѣлъ Назаръ Назарычъ и тутъ только понялъ ясно, что необходимо откашляться.

— А то какъ же? Онъ на меня съ жалобой, а я буду дома сидѣть да галушки лопать?.. Хе!—отвѣчалъ Терентій не совсѣмъ дружелюбнымъ тономъ.

— Такъ ты чего-жъ зѣваешь? А ты на него жалобу! А!— И писарь приподнялъ свой носъ, словно прицѣливаясь выпалить изъ него бомбой прямо въ лицо Терентія.

— Я затѣмъ и пришелъ! Не бойсь, теленокъ-то чего-нибудь стоитъ и нога задняя лѣвая тоже ему не лишня! Да и підсвинку съ половиной хвоста ходить словно бы не пристало! А все это они продѣлали, жалобщики проклятые!..

— Обсудимъ, обсудимъ! Все обсудимъ!..—съ разстановкой и съ большимъ достоинствомъ произнесъ писарь и принялся напяливать штаны на свои длинныя тонкія ноги.

— А что, Назаръ Назарычъ!..—нѣсколько запинаясь и значительно сбавивъ форсу, заговорилъ Терентій:—сколько вчера оставилъ Андрей у Никанора?..

— Гм!.. А ты уже у него спроси!.. Я не считалъ! Да уже, я думаю, пошелъ домой безъ синенькой!..

— О-го!—искренно ужаснулся Терентій.

— Чего «о-го»? Народу было за десятокъ, а глотки у всѣхъ, что̀ твой колодезь? Ха, ха! А славно наклюкались! Ей-Богу!.. Теперь твоя очередь, Терешка!.. Потому, какъ мы одинаково судить васъ будемъ, такъ и вы должны одинаково... чтобъ не было соблазна, лицепріятія!..

«Толкуй себѣ!» подумалъ про себя Терентій: «знаемъ мы, какъ вы одинаково... Кто больше поставитъ, того и правда»!

— Да я что-жъ!.. Я готовъ!..—просто сказалъ онъ.

— Вотъ и ладно! А тутъ кстати опохмѣлиться надо!—радостно промолвилъ писарь, которому наслу удалось дрожащими руками повязать сѣрый шерстяной галстухъ.—Погоди минутку!..

Онъ живо выбѣжалъ на крыльцо и кликнулъ мальчугана Ѳедьку, который сидѣлъ въ расправѣ и былъ всегда къ услугамъ Елпидифорова.

— Слышь-ты? Сбѣгай сейчасъ къ пану-головѣ, къ Дулѣ, къ Моргуну, къ... (тутъ писарь назвалъ еще нѣсколько фамилій), къ Мирошнику и къ Левкѣ! Скажи всѣмъ, чтобъ сейчасъ были въ кабакѣ! Живо! — Ѳедька помчался. — Потѣха, ей-Богу!..— промолвилъ себѣ подъ носъ Елпидифоровъ и вернулся въ хату. Странное дѣло! Когда они вошли во дворъ Никанора, то изъ сѣней имъ послышались знакомые голоса. Удивительно быстро Ѳедька исполнилъ писарево порученіе, а еще быстрѣе судьи явились на зовъ, какъ будто ихъ ожидало экстренное засѣданіе. Объясняется это единодушнымъ желаніемъ всего судебнаго персонала—опохмѣлиться. Не было еще только пана-головы и Левки, но панъ-голова, какъ самый сановный изъ всѣхъ деревенскихъ властей, имѣлъ привычку являться поздно, а Левка всегда умѣлъ наверстать потерянное время. Терентій только окинулъ взоромъ компанію и инстинктивно пощупалъ голенищу сапога, гдѣ уже плакали его ассигнаціи.

— Полъ-ведра!..—громко скомандовалъ онъ и этимъ сразу расположилъ въ свою пользу общественное мнѣніе. Елпидифоровъ только подмигивалъ Дулѣ и уже не хозяйничалъ, потому что

Терентій, очевидно, зналъ порядокъ и не хотѣлъ мямлить, какъ Андрей.

— Азъ уснухъ и спахъ, возстахъ!..—раздалось въ сѣняхъ и всякому ясно стало, что Левка пришелъ за своей порціей. Левка дѣйствительно пришелъ, но онъ жалобно объявилъ, что очи его «выну ко Господу»; это должно было означать, что у него болятъ глаза и дѣйствительно вѣки у него сильно припухли и были красны. Тѣмъ не менѣе онъ пробрался къ Елпидифорову и принялся добросовѣстно выполнять свое назначеніе. Явился и папъ-голова, но не одинъ, а съ церковнымъ старостой и еще какими-то двумя мужиками, случайно попавшимися ему на дорогѣ и совсѣмъ уже не титулованными. Терентій при видѣ этихъ гостей широко раскрылъ глаза, но ничего не сказалъ, а принялся угощать ихъ.

Полъ-ведра! Да это что же значитъ для дюжины такихъ молодцовъ, какими были гусаковскіе судьи и случайно подвернувшіеся эксперты? Полъ-ведра—это пустяшное дѣло. Въ нашихъ мѣстахъ пятеро бабъ ежели соберутся, чтобъ по душѣ поговорить между собой, съ мѣста не встанутъ, пока четвертину не прикончатъ. И ничего,—потому что нельзя же считать серьезнымъ столкновеніемъ, если которая-нибудь по-пріятельски вцѣпится въ косы своей подруги.

А потому нечего и говорить, что эта жалкая мѣра скоро была исчерпана до дна и нѣкоторые изъ членовъ трибунала, а въ особенности судья Дуля и дьякъ Левка, чувствовали себя такъ, какъ будто выпили только по стаканчику. Писарь первый замѣтилъ, что источникъ изсякаетъ. Поэтому онъ завелъ съ папомъ-головой дипломатическій разговоръ.

— А, правда, папъ-голова, Терентій нашъ того... молодецъ!.. Ей-Богу — молодецъ! Андрей—больше штофиками, ха, ха! А Терешка тово... полъ-ведеркой!.. Молодецъ!..

«Хитрая собака—этотъ писарь!» подумалъ Терентій: «Прямо не хочетъ сказать!.. А ну, Андрей, посмотримъ теперь, чья возьметъ»!

— Эй, Никаноръ! Наканорка! Тащи-ка еще полъ-ведра!—крикнулъ онъ появившемуся въ дверяхъ Никанору.

— Славно! Это чудесно! Разчудесно!—причмокивали отъ удовольствія присутствовавшіе и ужъ съ этого момента, казалось, сердца ихъ совсѣмъ принадлежали Терентію. Вторая полъ-ведерка привела къ блестящимъ результатамъ. Многіе свалились, другіе держались ровно, но не могли управлять языками, которые вслѣдствіе этого болтали нѣчто неимовѣрное, нѣкоторые хотѣли драться,

но не могли поднять рукъ; церковный староста плакалъ о своихъ тяжкихъ грѣхахъ, писарь спалъ сидя, только Дуля и Левка вполнѣ выдерживали борьбу и громко вызывали новаго бойца, т.-е. третью полъ-ведерку. Но Терентій настолько еще сохранилъ память и разсудокъ, чтобъ во-время уйти домой, забывши въ кабакѣ шапку. Правда, ноги его описывали геомегрическія фигуры весьма капризной формы, но онъ ясно созпавалъ, что побѣда—за нимъ и, проходя мимо хаты Андрея, снисходительно улыбнулся и прибавилъ: «дурень же ты, Андрей, коли думалъ штофами удовольнить этихъ кабановъ заводскихъ»!

VI.

— Такъ вотъ оно какъ, Андрей Семенычъ!.. Завтра и судъ будетъ! Ужъ разсудимъ, какъ слѣдуетъ... Это ты не безпокойся!..

Это говорилъ Максимъ Дуля. Они стояли посреднѣ самой улицы, не подалеку отъ кабака и оба обращенные лицами къ нему же, такъ что, повидимому, имъ только и оставалось, что идти въ кабакъ. Однако они не шли. Андрей даже не глядѣлъ туда, а обратилъ свой взоръ къ кладбищу. Онъ теперь боялся заглянуть въ кабакъ. Эге! знаемъ мы васъ. Туда только попади! А тамъ (откуда они берутся только и какъ они чуютъ!?) сейчасъ такъ и облѣпятъ тебя и судьи и не судьи.

— Такъ завтра, завтра, Андрей Семенычъ! — продолжалъ Дуля и въ его хитрыхъ, многоопытныхъ глазкахъ появилось что-то очень коварное. — А на дняхъ мы здорово намазались!.. — прибавилъ онъ невзначай.

— Кто? - разсѣянно спросилъ Андрей, потому что не удивиться же ему, что, напримѣръ, Дуля намазался.

— Мы! Всѣ какъ есть! Весь судъ! Ну, и Левка тутъ былъ, ужъ онъ всегда въ такой часъ поспѣетъ... И тытарь (ктиторъ, церковный староста), и еще мужики... А славно, я тебѣ скажу...

Это ужъ показалось Андрею подозрительнымъ. Не на свой же счетъ намазалась эта компанія.

— Кто-жъ поставилъ?—спросилъ онъ.

— Терешка Здыбай!..

— Кто-о?

— Терешка Здыбай! Хе, хе! Да какъ поставилъ!? Сначала —сразу это:—полъ-ведерку! А тамъ опять—другую!.. Ну, выходитъ—ведро! На-ка-ча-а-лись, я тебѣ скажу!

Андрея точно облило всего кипяткомъ. Такъ Терешка, зна-

читъ, перехитрилъ его?! Ай да судьи! Нечего сказать. Тутъ, значитъ, прямо: кто больше? И денежки пропали, и болѣлъ-то онъ даромъ (послѣ судейскаго пьянства онъ пролежалъ цѣлый день на печкѣ), и съ Параской напрасно поругался (она пугала его даже тѣмъ, что возьметъ да и помирится съ Оленой, на зло ему, Андрею, чтобъ не пьянствовалъ до полусмерти), да мало ли что еще! — А въ это время какъ разъ и писарь подошелъ. Въ этотъ день посъ у него былъ отмѣнно красенъ.

— Объ чемъ?

— Да вотъ разсказываю, какъ Терешка угостилъ!..—отвѣтилъ Дуля и при этомъ такъ выразительно подмигнулъ, что писарь сейчасъ же на лету схватилъ его идею.

— Ужъ угостилъ! Ужъ онъ, братъ, не штофиками, а полъведерками! . Онъ умѣетъ, умѣетъ!..

— Ахъ, вы—канальи вы, расканальи судейскіе!..—вдругъ неожиданно выпалилъ Андрей:—такъ вы теперь захотѣли, чтобъ я васъ ведрами угощалъ?.. А потомъ Терешку заставите бочками?.. Такъ не дождетесь же! Ни-ни! Плевать мнѣ на вашъ судъ, когда такъ!.. Вотъ что! Тьфу! Вотъ что!.. Не хочу судиться!

И Андрей быстро и не оглядываясь помчался къ своей хатѣ. Писарь и Дуля только переглянулись, но ни мало не обидѣлись. Они, правда, пожалѣли, что больше угощенія не будетъ.

А Андрей размышлялъ. «И что это онъ такое затѣялъ? Точно онъ не зналъ, что отъ этой шайки, которая только и знаетъ, что въ кабакѣ сидѣть, никакого добра ждать нельзя. Затѣялъ онъ недоброе. Судиться, и съ кѣмъ же? Съ Терешкой Здыбаемъ, съ которымъ двадцать лѣтъ... Ахъ, ты, Господи! Нѣтъ это прямо бѣсъ напуталъ, а не бѣсъ, такъ баба—это вѣдь все равно, потому они между собой въ компаніи».

Тутъ Андрей остановился и поднялъ голову, чтобъ посмотрѣть, кто идетъ на встрѣчу. А вѣдь это Терешка! Должно быть, къ судьямъ идетъ... Ха, ха!.. Развѣ заговорить? Да такъ все разомъ и прикончить, а тамъ пусть люди говорятъ, что хотятъ...

— Терешка!

Терентій вздрогнулъ, а увидѣвъ Андрея, какъ будто даже испугался.

— Сколько тогда оставилъ въ кабакѣ?—продолжалъ, повидимому, безстрастно Андрей.

У Терентія было на языкѣ, т.-е. онъ думалъ, что такъ по обстоятельствамъ дѣла слѣдуетъ сказать: «*Я* оставилъ, а не ты, ну, и проходи своей дорогой»; но сказалъ вмѣсто этого:

— Карбованцевъ съ девять!..

Такъ ужъ какъ-то вышло, что онъ иначе не могъ сказать, потому что сердце его въ сущности лежало къ Андрею.

— Ну, а я только три съ полтиной... Такъ кто-жъ изъ насъ дурень?..

На это Терентій не отвѣтилъ.

— А сейчасъ еще требовали, а поставь я, съ тебя потребуютъ! Когда-жъ оно кончится? И порося того не стоитъ. Да оно уже и бѣгаетъ себѣ, сердечное, и не знаетъ, что ради него мужики подурѣли...

— А кто затѣялъ?!—не безъ укора спросилъ Терентій.

— Баба! Вотъ кто! Уже-жъ мужикъ не выдумаетъ такого... Эхъ-эхъ-э-эхъ! Знаешь что, Терешка! Давай лучше похристосуемся! А? И плевать намъ на тотъ пьяный судъ!.. Ну?!

Это было уже немножко поздно, для того чтобъ христосоваться, потому что дѣло происходило въ субботу на свѣтлой недѣлѣ. Но въ нашихъ мѣстахъ христосуются до самаго Вознесенья. Такъ ужъ водится.

И Терентій съ Андреемъ похристосовались, а потомъ пошли туда, гдѣ всякое дѣло кончается, а именно — къ Никанору. Боже! Что за шумъ поднялся и притомъ — радостный шумъ, когда ихъ увидѣли, какъ они сидятъ вмѣстѣ за столикомъ и чокаются стаканчиками. Всѣ ликовали, потому что въ самомъ дѣлѣ всѣмъ было грустно и обидно, что такіе закадычные друзья-пріятели вдругъ поссорились да еще вздумали судиться. Еще-бы! Да помилуйте, во что-же послѣ этого вѣрить и на что возлагать надежды?

За то ужъ и Терентій и Андрей не жалѣли словъ, разсказывая свою судебную исторію, и, на чемъ свѣтъ стоитъ, ругая судей. Публика отъ души смѣялась. И замѣчательно, что никто такъ не смѣялся, какъ присутствовавшіе здѣсь писарь и Дуля, а когда «случайно» въ кабакъ забрелъ Левка, то этотъ ужъ чуть не умеръ отъ смѣха.

Вечеромъ Кившенковы пошли въ гости къ Здыбаямъ, а на другой день Здыбай отдали визитъ Кившенкамъ.

И. Потапенко.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е августа, 1884.

Новыя законодательныя мѣры.—Законъ о присяжныхъ засѣдателяхъ.—Упраздненіе коммиссіи прошеній.—Разъясненія сената относительно земскихъ ходатайствъ и выборовъ. — Измѣненіе наказанія за растрату. — Судьбы проекта о промысловомъ подоходномъ налогѣ. –Еще о «совмѣстительствѣ».—Графъ Э. И. Тотлебенъ †.

Окончаніе законодательной сессіи 1883 — 84 г. было довольно богато новыми законодательными мѣрами. Законъ о присяжныхъ засѣдателяхъ, утвержденный 12 іюня, соотвѣтствуетъ, въ главныхъ чертахъ, тѣмъ слухамъ, которые предшествовали его изданію и на основаніи которыхъ была сдѣлана нами предварительная его оцѣнка [1]). Ничего несовмѣстнаго съ цѣлью и смысломъ дорогого учрежденія онъ въ себѣ не заключаетъ. Не даромъ же извѣстная часть печати привѣтствуетъ его только какъ *первый шагъ* къ устраненію „несообразностей и неурядицъ“ въ уголовномъ процессѣ—какъ первый шагъ, за которымъ должны послѣдовать другіе, „болѣе крупные и важные“. Не думаемъ, чтобы этимъ благонамѣреннымъ ожиданіямъ суждено было оправдаться. Проектъ закона о присяжныхъ засѣдателяхъ былъ составленъ и внесенъ въ государственный совѣтъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ тѣхъ оправдательныхъ вердиктовъ (по дѣламъ Свиридова, Мельницкихъ, Островлевой и т. п.), которые возбудили, въ извѣстной средѣ, цѣлую бурю противъ суда присяжныхъ. Направленный къ предупрежденію, на будущее время, подобныхъ приговоровъ, онъ долженъ былъ обнять собою *всѣ* мѣры, цѣлесообразность которыхъ, съ этой точки зрѣнія, была признана законодательною властью. Странно было бы торопиться съ палліативами—и откладывать въ долгій ящикъ болѣе серьезныя, болѣе ради-

[1]) См. Внутр. Обозр. въ № 4 „В. Е.“ за 1884 г.

кальныя реформы. Кто знакомъ съ обычнымъ движеніемъ нашего законодательнаго механизма, тотъ не затруднится отнести законъ 12-го іюня къ числу экстренныхъ, спѣшныхъ; онъ напоминаетъ, въ этомъ отношеніи, законъ 9-го мая 1878 г., измѣнившій, по поводу отдѣльнаго случая, порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ о преступленіяхъ противъ должностныхъ лицъ и противъ порядка управленія. За закономъ 9-го мая не послѣдовало другихъ ограниченій сферы дѣйствій суда присяжныхъ, хотя ихъ и требовали тогда фанатики реакціи; не послѣдуетъ ихъ, по всей вѣроятности, и за только-что обнародованными правилами. Еслибы эти правила касались только одного пункта—напр., только отвода присяжныхъ, — то можно было бы предположить, что они составляютъ часть болѣе обширнаго цѣлаго, что перемѣна процессуальнаго свойства служитъ лишь предисловіемъ къ перемѣнамъ въ судоустройствѣ, въ организаціи суда присяжныхъ; но законъ 12-го іюня соединяетъ въ себѣ постановленія, совершенно разнородныя, измѣняющія и уставъ уголовнаго судопроизводства, и учрежденіе судебныхъ установленій. Ничто не мѣшало, очевидно, включить въ него и другія, дальше идущія преобразованія, еслибы они были задуманы правительствомъ. Опасность, грозившая одному изъ лучшихъ созданій прошедшаго царствованія, повидимому, миновала; судъ присяжныхъ еще разъ побѣдоносно выдержалъ напоръ враждебныхъ силъ, не могущихъ примириться съ основнымъ его принципомъ.

Въ ограниченіи права сторонъ отводить присяжныхъ (безъ объясненія причинъ) мы всегда видѣли и видимъ теперь существенную перемѣну къ лучшему. Единственнымъ оправданіемъ подобнаго отвода представляется то обстоятельство, что между присяжными засѣдателями иногда бываютъ лица, явно предрасположенныя въ пользу или противъ подсудимаго. Такихъ лицъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, не можетъ быть много, и предоставляемое каждой сторонѣ, по новому закону, право немотивированнаго отвода *трехъ* присяжныхъ — вполнѣ достаточная гарантія противъ намѣренно-пристрастнаго отношенія къ дѣлу. Отводя присяжныхъ въ большемъ числѣ, стороны руководились до сихъ поръ, вообще, говоря, не убѣжденіемъ, что отводимыя лица составили себѣ предвзятый, односторонній взглядъ на обвиняемаго, а предположеніемъ, что они, по роду занятій, по мѣрѣ развитія, въ силу сословныхъ привычекъ или предразсудковъ, болѣе склонны, въ дѣлахъ извѣстнаго рода, къ оправданію, чѣмъ къ осужденію, или наоборотъ. Другими словами, это былъ отводъ не лицъ, а цѣлыхъ группъ или категорій—отводъ, прямо противный духу закона и вредно отзывавшійся на составѣ присутствія присяжныхъ. Вмѣсто того, чтобы

представлять собою, по возможности, всѣ слои общества, всѣ степени образованія, оно сплошь и рядомъ окрашивалось въ ту или другую преобладающую краску, искусственно настраивалось на тонъ обвиненія или защиты. Случалось, что передъ нѣкоторыми присяжными, послѣ перваго же дня сессіи, совершенно закрывался фактически доступъ къ рѣшенію дѣлъ; быстро пріобрѣтенная, можетъ быть даже совершенно неосновательная, репутація снисходительности или строгости дѣлала ихъ безсмѣнными жертвами отвода со стороны защитниковъ или прокуроровъ. Если прибавить ко всему этому, что особенно часто подвергались отводу люди сравнительно образованные—уже потому, что они легче могли выдѣлиться изъ массы и обратить на себя вниманіе сторонъ, исполняя обязанности старшины присяжныхъ, — то не трудно понять, съ какими неудобствами была сопряжена видоизмѣненная теперь система. Не подлежитъ сомнѣнію и то, что широкое право отвода часто служило орудіемъ къ отсрочкѣ дѣла, съ цѣлью разбора его другимъ, болѣе благопріятнымъ для отводящей стороны составомъ присяжныхъ засѣдателей.

Другая часть закона 12-го іюня, относящаяся къ составленію списковъ присяжныхъ засѣдателей, имѣетъ, до извѣстной степени, временной характеръ; новый составъ коммиссій, ведущихъ эти списки, опредѣленъ (для губерній, гдѣ введены въ дѣйствіе земскія учрежденія) только на наступающій 1885-й годъ. Есть, однако, основаніе думать, что онъ сдѣлается постояннымъ; это можно заключить уже изъ того, что составъ коммиссій въ западныхъ губерніяхъ, установленный закономъ не въ видѣ временной мѣры, близко подходитъ къ тому, который для другихъ мѣстностей имперіи имѣетъ силу лишь на одинъ годъ. И тамъ, и тутъ замѣтно одно и то же стремленіе: усилить составъ коммиссій привлеченіемъ къ нимъ разнообразныхъ элементовъ—административныхъ, судебныхъ и общественныхъ. Если сравнить законъ 12-го іюня съ первоначальнымъ его проектомъ — насколько сущность послѣдняго извѣстна изъ газетныхъ сообщеній,—то въ первомъ окажутся большіе пробѣлы: онъ ничего не измѣняетъ въ способѣ первоначальнаго составленія списковъ (въ проектѣ предполагалось возложить эту функцію на участковыхъ мировыхъ судей); не возлагаетъ на каждаго, имѣющаго право быть присяжнымъ, обязанность заботиться о включеніи въ списокъ; оставляетъ неприкосновенными нынѣ дѣйствующія правила объ условіяхъ, которымъ должны удовлетворять присяжные. Нельзя не пожелать, чтобы первыя два нововведенія были осуществлены одновременно съ окончательнымъ разрѣшеніемъ вопроса объ устройствѣ коммиссій, составляющихъ списки присяжныхъ за-

сѣдателей. Что касается до условій, опредѣляющихъ право быть присяжнымъ, то лучше оставить ихъ, до времени, вовсе безъ измѣненій, чѣмъ измѣнить ихъ въ смыслѣ повышенія имущественнаго ценза или исключенія изъ числа присяжныхъ должностныхъ лицъ крестьянскаго самоуправленія.

Другой законъ, обнародованный почти въ одно время съ новыми правилами о присяжныхъ засѣдателяхъ, касается принятія и направленія прошеній и жалобъ, на высочайшее имя приносимыхъ. Коммиссія прошеній упразднена; функціи ея переходятъ отчасти къ временному присутствію при государственномъ совѣтѣ, отчасти къ командующему императорскою главною квартирою. Временное присутствіе состоитъ изъ предсѣдателя и четырехъ членовъ, назначаемыхъ изъ числа сенаторовъ и членовъ государственнаго совѣта. Оно разсматриваетъ всеподданнѣйшія жалобы на опредѣленія департаментовъ сената, кромѣ кассаціонныхъ—разсматриваетъ ихъ на томъ же основаніи, какъ и коммиссія прошеній, т.-е. не рѣшаетъ дѣла по существу, а ограничивается заключеніемъ о достаточности или недостаточности основаній къ переносу его въ общее собраніе сената. Мы едва ли ошибемся, если найдемъ въ этихъ правилахъ признаки новой неудачи, понесенной систематическими врагами судебной реформы. Они не признаютъ *окончательныхъ* судебныхъ рѣшеній, т.-е. такихъ опредѣленій судебной власти, на которыя некому и некуда было бы жаловаться; законъ 9-го іюня не только оставляетъ въ силѣ безповоротность и неприкосновенность кассаціонныхъ рѣшеній, но позволяетъ ожидать, въ ближайшемъ будущемъ, совершенной отмѣны порядка, допускающаго принесеніе всеподданнѣйшихъ жалобъ на высшую судебную инстанцію. Вновь образованное присутствіе не даромъ же названо *временнымъ*; существованіе его обусловлено, очевидно, не повсемѣстнымъ еще введеніемъ въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ уставовъ. Какъ только кассаціонные департаменты сдѣлаются высшимъ судомъ для *всей* имперіи, судебные департаменты сената должны будутъ закрыться сами собою; департаментъ герольдіи отойдетъ, по всей вѣроятности, въ вѣденіе министерства юстиціи, а денартаменты первый и второй образуютъ высшій *административный* судъ, столь же полноправный въ своей сферѣ, какъ и судъ кассаціонный. Весьма знаменательно, съ этой точки зрѣнія, молчаніе новыхъ правилъ относительно всеподданнѣйшихъ жалобъ на рѣшенія общаго собранія сената. Оно можетъ быть понято только въ смыслѣ абсолютнаго воспрещенія подобныхъ жалобъ, до сихъ поръ, какъ извѣстно, допускавшихся закономъ, хотя и не безусловно. Разъ, что рѣшеніе общаго собранія сената не подлежитъ болѣе обжалованію, въ дѣлахъ, производимыхъ старымъ по-

рядкомъ, является высшая судебная инстанція, произносящая послѣднее слово процесса; самостоятельность суда, столь ненавистная извѣстному кружку, становится и здѣсь вполнѣ мыслимой. Разница между обѣими формами процесса сводится къ тому, что при старомъ судопроизводствѣ кассація рѣшенія (переносъ въ общее собраніе, согласно заключенію присутствія, соединяетъ въ себѣ, съ формальной стороны, всѣ признаки кассаціи) имѣетъ послѣдствіемъ пересмотръ дѣла въ высшей инстанціи, а при новомъ — пересмотръ дѣла въ той же инстанціи, которою было постановлено кассированное рѣшеніе. Членами временнаго присутствія, вѣроятно, будутъ назначены юристы; и въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, оно будетъ сходно съ кассаціоннымъ судомъ. Правда, новыя правила предоставляютъ командующему главною квартирой участвовать, когда онъ сочтетъ нужнымъ, въ засѣданіяхъ временнаго присутствія; но характеръ присутствія отъ этого не измѣнится, да и трудно предположить, чтобы не-юристъ захотѣлъ стать дѣятельнымъ участникомъ чисто-юридической работы. Въ одномъ только правила о временномъ присутствіи представляются шагомъ назадъ — не сравнительно съ учрежденіемъ коммиссіи прошеній, а сравнительно съ практикой, принятой ею въ послѣднее время: они не допускаютъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ ни къ представленію словесныхъ объясненій, ни даже къ присутствованію въ засѣданіи, между тѣмъ какъ статсъ-секретарь у принятія прошеній имѣлъ обычай выслушивать тяжущихся или ихъ повѣренныхъ, до доклада дѣла коммиссіи прошеній.

Помимо жалобъ на опредѣленія сенатскихъ департаментовъ, законъ 9-го іюня перечисляетъ слѣдующіе виды жалобъ и просьбъ, приносимыхъ на высочайшее имя: а) жалобы на дѣйствія и распоряженія министровъ и генералъ-губернаторовъ, когда послѣднія не подлежатъ по закону обжалованію передъ сенатомъ, б) прошенія о помилованіи и смягченіи участи лицъ осужденныхъ или отбывающихъ наказаніе, и в) прошенія о дарованіи милостей, въ особыхъ случаяхъ, не подходящихъ подъ дѣйствіе общаго закона, когда этимъ не нарушаются ничьи законные интересы и гражданскія права. По отношенію къ просьбамъ о помилованіи или о смягченіи наказанія командующій главною квартирою является исключительно передаточною инстанціею; онъ отсылаетъ ихъ, не дѣлая никакихъ распоряженій и не высказывая своего мнѣнія, къ министру юстиціи, военному министру или управляющему морскимъ министерствомъ, смотря по тому, какимъ судомъ осужденъ проситель. Въ дѣлахъ перваго рода роль командующаго главною квартирой несравненно важнѣе: представляя Государю жалобы на министровъ и генералъ-губернаторовъ, онъ ис-

прашиваетъ высочайшее разрѣшеніе или на оставленіе ихъ безъ послѣдствій, или на внесеніе ихъ въ государственный совѣтъ, комитетъ министровъ или правительствующій сенатъ. Если въ послѣднемъ случаѣ разрѣшеніе дѣла передается коллегіальному учрежденію, то гораздо правильнѣе было бы и въ первомъ случаѣ не ставить его въ зависимость отъ единоличнаго доклада командующаго главною квартирою. Жалобы на министровъ и генералъ-губернаторовъ могутъ возбуждать самые запутанные вопросы права, могутъ касаться самыхъ серьезныхъ личныхъ и общественныхъ интересовъ; самая отвѣтственность за рѣшеніе, признающее жалобу не вовсе лишенною основанія и заслуживающею дальнѣйшаго разбора, гораздо легче можетъ быть принята на себя коллегіей, чѣмъ однимъ лицомъ. Вполнѣ цѣлесообразнымъ единоличный докладъ командующаго главною квартирою представляется, зато, по дѣламъ послѣдняго рода—объ испрошеніи милостей,—тѣмъ болѣе, что всѣ просьбы о милостяхъ, дарованіе которыхъ сопряжено съ изъятіемъ изъ закона или съ интересомъ казны, передаются, на основаніи новыхъ правилъ, министрамъ или главноуправляющимъ отдѣльными частями, по принадлежности. Въ рукахъ командующаго главною квартирою остаются, затѣмъ, только такія просьбы, коллегіальное разсмотрѣніе которыхъ было бы совершенно излишнею роскошью.

Не совсѣмъ ясной кажется намъ судьба, которая должна постигнуть, при дѣйствіи закона 9-го іюня, дѣла о супружескихъ несогласіяхъ, производившіяся, послѣ упраздненія третьяго отдѣленія, въ коммиссіи прошеній. Просьба одного изъ супруговъ о дозволеніи отдѣльнаго жительства, объ устраненіи другого супруга отъ участія въ воспитаніи дѣтей и т. п. едва ли можетъ быть разсматриваема какъ просьба о *милости*; она составляетъ, собственно говоря, ходатайство объ огражденіи или возстановленіи *права*, недостаточно охраняемаго закономъ. Подводить ее подъ ст. 3 (пунк. 6) новыхъ правилъ нельзя уже потому, что удовлетвореніе ея нарушаетъ (по крайней мѣрѣ съ внѣшней, формальной стороны) законные интересы, гражданскія права и другого супруга; кромѣ того, при настоящемъ положеніи нашего законодательства, разрѣшеніе женѣ жить отдѣльно отъ мужа безспорно составляетъ „изъятіе изъ закона"—а просьбы, удовлетвореніе которыхъ сопряжено съ изъятіемъ изъ закона, передаются, какъ мы уже видѣли (въ случаѣ признанія ихъ достойными вниманія), компетентному министру. Какой же министръ компетентенъ для разсмотрѣнія просьбъ о разлученіи супруговъ? Очевидно—никакой. Весьма можетъ быть, что de facto ходатайства о разлученіи супруговъ будутъ принимаемы командующимъ главною квартирою и разрѣшаемы по его докладамъ; потребность въ разлученіи слишкомъ

велика и слишкомъ давно уже признана, хотя и негласно, нашею правительственною властью, чтобы возможно было закрыть всѣ пути къ ея удовлетворенію. Въ недомолвкахъ и противорѣчіяхъ новаго закона, насколько онъ касается дѣлъ о супружескихъ несогласіяхъ, мы видимъ только добавочное доказательство въ пользу нашей давнишней тэмы—въ пользу такой регламентаціи разлученія, которая включила бы его, прямо и открыто, въ число нормальныхъ институтовъ брачнаго права.

Законъ 9-го іюня обнимаетъ собою только такія всеподданнѣйшія просьбы, въ основаніи которыхъ лежитъ *частный интересъ* отдѣльныхъ лицъ, физическихъ и юридическихъ; онъ не распространяется на ходатайства, касающіяся общихъ вопросовъ, направленныя къ достиженію общихъ цѣлей. Нельзя не пожалѣть объ этомъ пробѣлѣ. Чѣмъ слабѣе развита въ государствѣ политическая жизнь, чѣмъ меньше число и чѣмъ ограниченнѣе кругъ дѣйствій учрежденій, представляющихъ собою населеніе, чѣмъ тѣснѣе предѣлы, въ которые поставлена свобода печати, тѣмъ важнѣе обезпеченная закономъ возможность непосредственнаго общенія между гражданами и главою государства. У насъ правомъ ходатайства пользуются, и то въ извѣстныхъ, далеко не широкихъ границахъ, только нѣкоторыя общественныя и сословныя учрежденія; ничто не мѣшало бы признать это право за каждой организованной корпораціей, за каждымъ частнымъ лицомъ. Посредникомъ между ходатаями и верховной властью могло бы служить именно такое довѣренное лицо, какимъ представляется командующій главною квартирою. Намъ могутъ замѣтить, что и теперь никому не возбранено обращаться къ верховной власти съ проектами, указаніями, предложеніями всякаго рода, лишь бы только въ нихъ не было ничего противозаконнаго ни по содержанію, ни по формѣ. Мы думаемъ, что отсутствіе запрещенія, въ данномъ случаѣ, отнюдь не равносильно прямо выраженному дозволенію. Полагаться на молчаніе закона, допускающее возможность различныхъ толкованій, и имѣть въ виду его положительную санкцію —далеко не одно и то же; первое остановитъ многихъ, которые нашли бы одобреніе и поощреніе въ послѣдней. Правильно организованный порядокъ разсмотрѣнія петицій служилъ бы, въ добавокъ, ручательствомъ въ томъ, что ни одна изъ нихъ не будетъ оставлена безъ вниманія. Сосредоточиваясь въ рукахъ одного докладчика, онѣ могли бы бросить яркій свѣтъ на многія стороны нашей государственной жизни, подготовить много необходимыхъ преобразованій.

Въ ожиданіи расширенія права петиціи, въ высшей степени важной представляется неприкосновенность его хотя бы въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь существуетъ. Съ этой точки зрѣнія нельзя не

привѣтствовать опредѣленіе перваго департамента сената, состоявшееся недавно по слѣдующему поводу. Въ маѣ 1881 г. константиноградское уѣздное земское собраніе постановило ходатайствовать передъ правительствомъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія по приговорамъ волостныхъ судовъ. Полтавскій губернаторъ опротестовалъ это постановленіе, находя, что оно выходитъ изъ круга дѣятельности земства; земское собраніе осталось при своемъ мнѣніи, и дѣло поступило въ сенатъ, который нашелъ, что губернаторъ вовсе не въ правѣ протестовать противъ постановленій земскихъ собраній, подлежащихъ утвержденію въ установленномъ порядкѣ. Въ правильности этого взгляда не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Смыслъ и цѣль губернаторскаго протеста заключается именно и исключительно въ томъ, чтобы помѣшать—впредь до рѣшенія дѣла высшею властью—принятію такихъ мѣръ, которыя, при отсутствіи протеста, могли бы быть приведены въ исполненіе собственною властью земства. Постановленія о ходатайствѣ, никакихъ *мѣръ* (со стороны самого земства) за собою не влекутъ и слѣдовательно никакого административнаго вмѣшательства не требуютъ. Признать ходатайство выходящимъ или не выходящимъ за предѣлы земской дѣятельности—дѣло высшей власти, отъ которой зависитъ и разрѣшеніе его по существу. Установлять для земскихъ ходатайствъ нѣчто въ родѣ *камеры прошеній*, существующей при французскомъ кассаціонномъ судѣ [1]), подвергать ихъ предварительной губернаторской цензурѣ, съ точки зрѣнія формальнаго права, нѣтъ, очевидно, ни повода, ни основанія. Никакихъ вредныхъ послѣдствій отъ доведенія до свѣдѣнія правительства рѣшительно всѣхъ земскихъ желаній произойти не можетъ, хотя бы тѣ или другія изъ этихъ желаній и не останавливались на почтительномъ разстояніи передъ демаркаціонной линіей, до крайности неопредѣленной. Понятіе о *мѣстныхъ* нуждахъ и пользахъ, ограничивающее область земскихъ ходатайствъ, такъ эластично, что толкованіе его ни въ какомъ случаѣ не должно быть возлагаемо на губернаторовъ. Въ томъ самомъ 1881-мъ году, къ которому относится протестъ полтавскаго губернатора противъ постановленія константиноградскаго земства, нѣсколько земскихъ собраній (между прочимъ, петербургское губернское) ходатайствовали объ исключеніи тѣлесныхъ наказаній изъ числа мѣръ взысканія, налагаемыхъ по приговорамъ волостныхъ судовъ—и ходатайства ихъ безъ всякихъ затрудненій были представляемы на разсмотрѣніе высшихъ правительственныхъ учрежденій. Противоза-

[1]) Право и обязанность этой камеры состоитъ въ томъ, чтобы отвергать кассаціонныя жалобы, явно неосновательныя, и пропускать въ гражданскую камеру только тѣ дѣла, по которымъ можетъ возникнуть серьезное сомнѣніе въ правильности рѣшенія.

конное съ точки зрѣнія полтавскаго губернатора признавалось, такимъ образомъ, вполнѣ законнымъ въ другихъ мѣстностяхъ имперіи. Разъясненіе сената полагаетъ конецъ подобнымъ аномаліямъ.

Безпрепятственное движеніе земскихъ ходатайствъ—безъ сомнѣнія только одно изъ условій, необходимыхъ для ихъ дѣйствительности. Немного выиграетъ земство, а вмѣстѣ съ нимъ и все общество, если ходатайства, свободно проникнувъ въ высшія правительственныя сферы, будутъ оставляемы безъ вниманія или „пріобщаемы къ дѣлу", съ обычною медленностью проходящему черезъ коммиссіонныя мытарства. Отворить первую изъ дверей, лежащихъ на многотрудномъ и скользкомъ пути ходатайства, не значитъ еще обезпечить за нимъ доступъ и въ остальныя. Къ сожалѣнію, Сенатъ располагаетъ далеко не всѣми ключами; пропускъ, имъ данный, очень скоро теряетъ свою силу. Потерпѣть пораженіе, не выдержавъ даже настоящей битвы, всякое сколько-нибудь серьезное ходатайство можетъ уже съ помощью того „предварительнаго вопроса", который былъ поставленъ полтавскимъ губернаторомъ—вопроса о *мѣстномъ* значеніи ходатайства. Стóитъ только просмотрѣть въ одномъ изъ „Земскихъ Ежегодниковъ" списокъ земскихъ ходатайствъ [1]), чтобы убѣдиться въ томъ, что огромное ихъ большинство не пріурочено исключительно и неразрывно къ опредѣленной мѣстности, т.-е. могло бы быть заявлено, съ такимъ же основаніемъ, и земствами другихъ губерній или уѣздовъ. Условія народнаго и общественнаго быта во многомъ у насъ вездѣ совершенно однородны; еще менѣе оттѣнковъ представляетъ административное устройство. Чего бы ни коснулось земство, вопросъ, затронутый имъ, почти всегда окажется существующимъ и за предѣлами данной губерніи или уѣзда, и слѣдовательно имѣющимъ не одно только *мѣстное* значеніе. Положимъ, напримѣръ, что земство ходатайствуетъ о пониженіи имущественнаго ценза, установленнаго для мировыхъ судей. Весьма можетъ быть, что его побуждаютъ къ такому ходатайству обстоятельства чисто мѣстнаго свойства (малочисленность полноправныхъ кандидатовъ на должность судьи, наличность полезныхъ дѣятелей, устраняемыхъ отъ земской службы недостаточностью земельнаго владѣнія, существованіе въ земствѣ партій, дѣлающихъ немыслимымъ единогласное избраніе, и т. п.); тѣмъ не менѣе самое ходатайство будетъ имѣть характеръ общій, потому что законъ о цензѣ дѣйствуетъ вездѣ, гдѣ введены земскія учрежденія, и нельзя же измѣнить или отмѣнить его для одной только мѣстности. Неудобства порядка, допускающаго господ-

[1]) Обозрѣніе ходатайствъ за два года (1876 — 1877). См. въ № 6 „Вѣстника Европы" за 1880 г.

ство розогъ къ волостномъ судѣ, обнаружились, быть можетъ, съ особенною яспостью въ константиноградскомъ уѣздѣ, но конечно не составляютъ чего-либо свойственнаго только ему одному. Необходимость широкаго толкованія закона, разрѣшающаго земству ходатайствовать о *мѣстныхъ* нуждахъ и пользахъ, не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ—но столь же очевидно и то, что шансы такого толкованія растутъ вмѣстѣ съ общимъ повышеніемъ, уменьшаются вмѣстѣ съ общимъ пониженіемъ земскаго барометра. Невысокое стояніе его въ настоящее время обѣщаетъ мало успѣха земскимъ ходатайствамъ, не смотря на благопріятное для нихъ разъясненіе Сената. Даже выдержавъ искусъ „предварительнаго вопроса", земское ходатайство всегда можетъ быть признано неосновательнымъ — или, еще проще, несвоевременнымъ — пока не произойдетъ коренная перемѣна въ самомъ порядкѣ разсмотрѣнія ходатайствъ.

Какъ ни неблагодарна задача охраненія закона, на каждомъ шагу представляющаго пробѣлы, аномаліи и явныя несовершенства, добросовѣстное исполненіе ея составляетъ безпорную заслугу, разъ что усилія исполнителя направлены къ возможно бо́льшему согласованію даннаго матеріала съ требованіями и указаніями жизни. Такова именно заслуга перваго департамента сената, въ области примѣненія законовъ о земскихъ учрежденіяхъ. Ограждая, насколько это отъ него зависитъ, самостоятельность земства, сенатъ заботится и о составѣ земскихъ собраній; два изъ распубликованныхъ недавно сенатскихъ указовъ направлены противъ крупнаго злоупотребленія, часто извращавшаго результатъ выборовъ. Тамъ, гдѣ въ средѣ избирателей образовалась крѣпко-сплоченная группа, стремящаяся — большею частью изъ чисто личныхъ видовъ—къ преобладанію надъ уѣздомъ, руководители ея прибѣгали, сплошь и рядомъ, къ слѣдующему маневру. Они наводили заблаговременно самыя точныя справки о томъ, кто изъ землевладѣльцевъ не предполагаетъ лично прибыть на избирательный съѣздъ. Къ намѣченнымъ такимъ образомъ лицамъ —если только они не принадлежатъ завѣдомо къ противоположной партіи—являлся тотъ или другой изъ агитаторовъ, съ просьбою о довѣренности на участіе въ выборахъ. При этомъ объяснялось, что имя повѣреннаго лучше не называть, такъ какъ составъ наличныхъ избирателей опредѣлится только по открытіи съѣзда, и притомъ каждый избиратель можетъ имѣть, кромѣ своего собственнаго, одинъ только голосъ. Самымъ естественнымъ отвѣтомъ на подобную просьбу былъ бы, безъ сомнѣнія, отказъ, мотивированный тѣмъ, что довѣрять можно только извѣстному лицу, а не какому-то безъименному, до поры до времени, „иксу". Какъ ни мало распространены въ нашемъ обществѣ юридическія понятія, немного найдется землевла-

дѣльцевъ, которые согласились бы выдать бланковую довѣренность на веденіе дѣла, сопряженнаго для нихъ хотя бы съ небольшимъ матеріальнымъ интересомъ. Но общественное дѣло и личное—далеко не одно и тоже; слишкомъ многіе привыкли еще смотрѣть на первое съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, какъ на нѣчто для нихъ постороннее и безразличное. Смутно, можетъ быть, и сознавая незаконность обращенной къ нимъ просьбы, они не рѣшались отклонить ее, не хотѣли обидѣть, изъ-за такой бездѣлицы, нуждающагося въ ней, повидимому, человѣка. Набранныя этимъ путемъ довѣренности распредѣлялись, накапунѣ или въ самый день съѣзда, между „своими людьми", скрѣплялись *своими* свидѣтелями и свидѣтельствовались *своимъ* же мировымъ судьею. Къ чему это приводило — угадать не трудно, особенно, если принять во вниманіе, что агитація велась, во многихъ случаяхъ, только одною стороною, а другая являлась на выборы совершенно безоружною, разсчитывая только на правоту своего дѣла. Намъ самимъ пришлось быть, года полтора тому назадъ, свидѣтелемъ избирательнаго съѣзда, искусственное большинство котораго было подобрано именно съ помощью описаннаго нами способа. Силы обѣихъ партій, если считать только наличныхъ избирателей, были приблизительно равны; и въ той, и въ другой числилось около двадцати-пяти человѣкъ—но въ одной изъ нихъ почти каждый былъ снабженъ довѣренностью, т.-е. имѣлъ два голоса, въ другой довѣренностями располагали только немногіе, получившіе ихъ на законномъ основаніи. Въ концѣ-концовъ всѣхъ избирательныхъ голосовъ оказалось около восьмидесяти, и кандидаты второй партіи были забаллотированы большинствомъ, приблизительно, 50 противъ 30. Нужно ли прибавлять, что побѣжденною партіею была именно та, которая не гналась за участіемъ въ земскомъ пирогѣ и не преслѣдовала никакихъ сословныхъ или кружковыхъ цѣлей?... Опредѣленія сената, упомянутыя нами выше, возстановляютъ нормальный порядокъ выдачи и засвидѣтельствованія довѣренностей. Сенатъ разъяснилъ, что въ избирательной довѣренности должно быть означено имя лица, которому она выдается, что свидѣтелями на довѣренности могутъ подписываться только тѣ, въ присутствіи которыхъ довѣренность выдана или которымъ она лично довѣрителемъ предъявлена, и что довѣренность должна быть представлена къ засвидѣтельствованію самимъ довѣрителемъ. Другой указъ имѣетъ болѣе спеціальную цѣль — согласованіе земскаго положенія съ нотаріальнымъ, по вопросу о свидѣтельскихъ подписяхъ на довѣренности, являемой у нотаріуса. Конечно, охота за довѣренностями не прекратится и послѣ указовъ сената, пока отсутствующіе не будутъ вовсе лишены голоса на избирательномъ съѣздѣ; но она все-таки будетъ значительно за-

труднена, потому что едва ли найдется мировой судья, который рѣшился бы, вопреки прямому указанію сената, продолжать заочную явку бланковыхъ довѣрителей. Нельзя не пожалѣть, что опредѣленія сената, состоявшіяся еще въ 1880 и 1882 г., распубликованы только въ нынѣшнемъ году; своевременное обнародованіе ихъ не осталось бы безъ вліянія на настоящій составъ земскихъ собраній. Желательно, по крайней мѣрѣ, чтобы они получили возможно большую гласность и не были забыты ко времени слѣдующихъ земскихъ выборовъ.

Возвращаемся къ законодательнымъ мѣрамъ послѣдняго времени. Часто повторявшіяся растраты казенныхъ и общественныхъ суммъ вызвали измѣненіе той статьи уложенія о наказаніяхъ, которая относится къ этому преступленію. Уложеніе различаетъ три вида растраты, смотря по тому, пополнена ли она виновнымъ, и если пополнена, то въ какое время. Самое легкое взысканіе назначается за растрату, пополненную еще до оффиціальнаго ея обнаруженія; нѣсколько тяжелѣе, хотя все еще сравнительно невелика отвѣтственность за растрату, пополненную послѣ ея обнаруженія (исключеніе изъ службы и денежный штрафъ); наказаніе, сопряженное съ лишеніемъ правъ, опредѣляется только за растрату, оставшуюся непополненною. Это дѣленіе сохранено и новымъ закономъ, отступающимъ отъ прежняго только въ опредѣленіи отвѣтственности за послѣдній видъ растраты. Степень этой отвѣтственности поставлена въ зависимость отъ размѣра растраты и отъ ея важности. Если растраченная сумма не превышаетъ трехсотъ рублей, виновный подвергается заключенію въ тюрьмѣ; въ случаяхъ особенно важныхъ обычное наказаніе (ссылка на житье) замѣняется болѣе тяжкимъ — ссылкою на поселеніе. Временное заключеніе, назначаемое закономъ, какъ добавочное наказаніе, при ссылкѣ на житье, но замѣняемое обыкновенно простымъ запрещеніемъ выѣзда изъ мѣста ссылки, для осужденныхъ за растрату перестаетъ быть фикціей; они подвергаются ему, на основаніи новаго закона, еще до высылки въ Сибирь. Наказаніе за растрату перестаетъ, такимъ образомъ, быть простой перемѣной мѣста жительства, весьма мало отяготительной для нѣкоторыхъ осужденныхъ — въ особенности для тѣхъ, которые съумѣли сберечь и припрятать присвоенныя деньги. Этимъ и исчерпывается, въ нашихъ глазахъ, хорошая сторона новаго закона. Уменьшеніе наказанія за малоцѣнную растрату въ большинствѣ случаевъ вполнѣ справедливо, но едва ли справедливо наказывать растратившаго 301 рубль несравненно строже, чѣмъ растратившаго 299 рублей. Гораздо болѣе цѣлесообразнымъ и болѣе близкимъ къ тѣмъ началамъ, которыя, судя

по проекту общей части, будутъ положены въ основаніе новаго уголовнаго кодекса, было бы включеніе краткосрочнаго тюремнаго заключенія въ число наказаній, налагаемыхъ за растрату, не обусловливая примѣненіе его суммою растраченнаго, а предоставивъ назначеніе той или другой мѣры взысканія усмотрѣнію суда, основанному на *всѣхъ* обстоятельствахъ дѣла. Мы нисколько не удивимся, если при дѣйствіи новаго закона присяжные признаютъ когда-нибудь сумму многотысячной растраты, вопреки всякой очевидности, не превышающею трехсотъ рублей, для того, чтобы понизить этимъ путемъ степень отвѣтственности обвиняемаго, совершившаго преступленіе вслѣдствіе особаго стеченія несчастныхъ обстоятельствъ. При болѣе широкомъ просторѣ въ выборѣ наказанія, для такихъ приговоровъ, — всегда, не смотря на фактическую ихъ неизбѣжность, подающихъ поводъ къ нареканіямъ противъ присяжныхъ, — не останалось бы мѣста. Другой недостатокъ новаго закона, это—оставленіе имъ въ полной силѣ того принципа, на основаніи котораго пополненіе растраты является обстоятельствомъ не только уменьшающимъ вину, но совершенно измѣняющимъ родъ наказанія и какъ бы самый характеръ преступленія. Несостоятельность этого принципа была уже указана нами, по поводу дѣла г. Перфильева. Мы понимаемъ снисходительность къ растратѣ, пополненной до ея обнаруженія—но пополненіе, слѣдующее за возбужденіемъ дѣла, очень мало говоритъ въ пользу обвиняемаго, свидѣтельствуя, въ большинствѣ случаевъ, только о томъ, что онъ еще не успѣлъ издержать присвоенныхъ денегъ или что у него есть достаточные родственники или собственныя средства. Охраненіе казеннаго интереса не должно идти слишкомъ далеко; вознагражденіе понесеннаго казною убытка не должно обезпечивать за виновнымъ quasi-безнаказанность. Воръ, накрытый почти на мѣстѣ преступленія и не успѣвшій, поэтому, воспользоваться похищеннымъ, не имѣетъ никакого права на снисхожденіе сравнительно съ воромъ, арестованнымъ нѣсколько позже, безъ поличнаго; никто не предлагаетъ подвести эти случаи подъ дѣйствіе различныхъ карательныхъ законовъ. А между тѣмъ, не аналогичны ли они съ двумя видами растраты, столь неравномѣрно наказуемыми уложеніемъ? Справедливымъ будетъ только тотъ законъ о растратѣ, въ которомъ пополненіе ея (послѣ возбужденія преслѣдованія) будетъ низведено на степень обыкновеннаго смягчающаго обстоятельства.

Попытка ввести, хоть въ одной области нашей жизни, нѣчто въ родѣ подоходнаго налога не привела, къ сожалѣнію, къ желанной цѣли; предложеніе министерства финансовъ обложить подоходнымъ сборомъ крупныя торговыя и промышленныя предпріятія не прошло въ государственномъ совѣтѣ, и обнародованный недавно законъ „о

болѣе равномѣрномъ обложеніи торговли и промышленности" измѣняетъ существующій порядокъ только въ подробностяхъ, сравнительно неважныхъ. Мы имѣли уже случай высказать наше мнѣніе о подоходномъ промысловомъ налогѣ [1]); при всей недостаточности этой мѣры, она все-таки казалась намъ весьма желательною, какъ первый шагъ къ болѣе широкой реформѣ, поставленной на очередь еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Если вѣрить слухамъ, введеніе подоходнаго налога опять отложено на неопредѣленное время, до той поры, когда будутъ исчерпаны всѣ остальные способы повышенія государственнаго дохода. Главнымъ изъ этихъ способовъ представляется увеличеніе существующихъ государственныхъ налоговъ, упадающихъ преимущественно на наименѣе обезпеченный классъ населенія. Подоходный налогъ коснулся бы, наоборотъ, именно тѣхъ общественныхъ группъ, которыя всего больше въ силахъ нести на себѣ податную тягость и всего меньше несутъ ее на самомъ дѣлѣ. Вопросъ справедливости, связанный съ установленіемъ подоходнаго налога, перевѣшиваетъ вопросъ о неудобствахъ, неизбѣжныхъ здѣсь лишь въ той мѣрѣ, какъ и при каждомъ другомъ крупномъ нововведеніи. Едва ли можно согласиться съ тѣмъ, что проектъ дополнительнаго обложенія промышленности и торговли былъ „крайне непопулярнымъ" (выраженіе одной изъ петербургскихъ газетъ); возраженій противъ него было много, но они шли почти исключительно изъ среды, интересы которой прямо затрогивались проектомъ. Нужно было принадлежать къ этой средѣ, чтобы видѣть въ *частномъ* характерѣ задуманной мѣры безусловно-неотразимый доводъ противъ ея осуществленія. Если наше крестьянство въ продолженіе почти двухъ столѣтій несло на себѣ все бремя подушной подати, то неужели наше торговое сословіе, въ наиболѣе богатой своей части, не могло быть привлечено къ платежу подоходнаго налога нѣсколькими *годами* раньше, чѣмъ другія?

Одною изъ первыхъ задачъ предстоящей законодательной сессіи будетъ окончательное разрѣшеніе вопроса о несовмѣстимости государственной службы съ управленіемъ дѣлами акціонерныхъ обществъ. Не трудно предвидѣть, что со стороны нѣкоторыхъ изъ заинтересованныхъ лицъ будутъ пущены въ ходъ всѣ усилія къ возможно-большему ограниченію запретительной мѣры. Неудобное и непріятное правило можетъ быть обезсилено съ помощью многочисленныхъ и эластичныхъ исключеній. Судя по газетнымъ слухамъ, агитація „со-

[1]) См. „Внутреннее обозрѣніе" въ № 11 „Вѣстникѣ Европы" за 1883 г.

вмѣстителей" направлена именно къ этой цѣли. Рѣчь идетъ, покамѣстъ, о нераспространеніи дѣйствія новаго закона на тѣхъ директоровъ, которые состоятъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, учредителями акціонерныхъ обществъ. Въ ходатайствахъ по этому предмету указывается, между прочимъ, на то, что устраненіе учредителей отъ завѣдыванія дѣломъ, требующимъ нерѣдко спеціальныхъ знаній и технической подготовки, легко можетъ повредить интересамъ третьихъ лицъ — акціонеровъ, ввѣрившихъ свои капиталы не столько самому учрежденію, сколько стоявшимъ въ его главѣ учредителямъ. Не говоря уже о томъ, что учредители, столь цѣнные для акціонеровъ, могутъ сохранить за собою свои директорскія мѣста путемъ отказа отъ государственной службы, желательно было бы знать, много ли найдется между учредителями-сановниками людей, обладающихъ „спеціальными (для акціонернаго дѣла) знаніями и технической подготовкой"? Эти условія — когда они необходимы для новаго предпріятія — имѣются на лицо, бо́льшею частью, въ учредителяхъ нечиновныхъ; остальные вкладываютъ въ дѣло свое имя, свое вліяніе, свой внѣшній авторитетъ. Возможность отдѣльныхъ случаевъ, въ которыхъ часть акціонеровъ вѣрила именно лицамъ, а не дѣлу, мы не отвергаемъ, но не думаемъ, чтобы они встрѣчались особенно часто, уже потому, что не всегда же управленіе дѣломъ остается въ рукахъ его учредителей. Громкое имя можетъ служить, для полагающихся на имена, гарантіей выгодности предпріятія, но отнюдь не правильности его веденія на будущее время. Допустимъ, однако, что имя того или другого учредителя способствовало удачной подпискѣ на акціи; въ такой же точно мѣрѣ имя директора (не-учредителя) можетъ способствовать переходу акцій въ другія руки. Когда во главѣ общества, едва влачившаго свое существованіе, становится человѣкъ энергичный, искусный, ловкій, люди, знающіе его именно съ этой стороны, могутъ купить обезцѣненныя акціи, въ надеждѣ на поправленіе дѣла. Что же, слѣдуетъ ли установить и для такихъ случаевъ изъятіе изъ общаго закона? Слѣдуетъ ли признать, что проведеніе принципа несовмѣстимости нарушаетъ и здѣсь интересы третьихъ лицъ—акціонеровъ? Ужъ не предоставить ли общимъ собраніямъ акціонеровъ право ходатайствовать объ освобожденіи всѣхъ излюбленныхъ ими директоровъ отъ тяжелой альтернативы, установляемой правительственною властью? Гораздо лучше было бы, въ такомъ случаѣ, вовсе отказаться отъ всякой борьбы противъ „совмѣстительства", законной и нормальной только при строго-логическомъ проведеніи однажды принятаго основного начала. Соображенія, во имя которыхъ запрещается совмѣстительство, одинаково примѣнимы ко *всѣмъ* должностнымъ лицамъ извѣстныхъ категорій; если одни изъ нихъ могутъ

сохранить прежнее двойственное положеніе, то нѣтъ причины дѣлать его недоступнымъ по отношенію къ другимъ. *Незамѣнимыхъ* людей между директорами акціонерныхъ обществъ нѣтъ вовсе — и всего меньше можно искать ихъ между директорами-сановниками, въ огромномъ большинствѣ случаевъ игравшими роль „королей-тунеядцевъ". Главноуправляющіе, директоры-распорядители, высшіе агенты акціонерной администраціи — вотъ кто всегда былъ и продолжаетъ быть настоящей душой акціонерныхъ обществъ. Этихъ лицъ новый законъ не затрогиваетъ вовсе; они едва ли когда-нибудь избирались изъ бюрократическаго міра. Пока они остаются на своихъ мѣстахъ, нечего опасаться остановки или неурядицы въ движеніи акціонерныхъ механизмовъ.

Два года тому назадъ все русское общество было взволновано извѣстіемъ о преждевременной, внезапной смерти Скобелева. Кончина графа Тотлебена не была неожиданностью; онъ достигъ преклонныхъ лѣтъ, долго былъ боленъ и уже больше года сохранялъ за собою только номинально управленіе сѣверо-западнымъ краемъ. Съ именемъ Скобелева соединялось для массы то особое обаяніе, которое свойственно рано и быстро пріобрѣтенной славѣ; на молодого генерала возлагались огромныя, почти безпредѣльныя ожиданія, его военный геній казался оплотомъ для Россіи, грозой для всѣхъ возможныхъ враговъ ея. Тотлебена цѣнили, высоко цѣнили многіе, но никто ему не поклонялся; никто не видѣлъ въ немъ второго Суворова, никто не ставилъ его въ ряды тѣхъ „посланниковъ провидѣнія" (hommes providentiels), которымъ суждено свершить великое дѣло. Скобелевъ представлялъ собою будущее; Тотлебенъ — прошедшее, и прошедшее уже довольно отдаленное. Скобелевъ умеръ черезъ годъ послѣ взятія Геокъ-Тепе, Тотлебенъ — черезъ тридцать лѣтъ послѣ обороны Севастополя. Его дѣятельность во время войны 1877—78 г., какъ бы велико ни было ея настоящее значеніе, не бросалась въ глаза, не сіяла ослѣпительно яркимъ свѣтомъ. Паденіе Плевны связывалось, въ воспоминаніяхъ и представленіяхъ народа, не столько съ искусствомъ того, кто руководилъ, въ послѣднее время, осадными операціями, сколько съ превосходствомъ силъ побѣдителя, съ тяжелыми его потерями, съ усиліями, цѣною которыхъ были отбиты всѣ попытки турокъ придти на помощь осажденнымъ. Разсказы о Скобелевѣ, принимавшіе подъ часъ легендарный характеръ, были разнесены по всей Россіи солдатами, вернувшимися изъ Турціи, газетами, именно вслѣдствіе войны проникшими въ самую глубь и глушь страны; свидѣтелей севастопольскихъ подвиговъ Тотлебена осталось немного, а печать того времени суще-

ствовала только для верхнихъ слоевъ общества. Отсюда сравнительная слабость впечатлѣнія, произведеннаго смертью графа Тотлебена. Не лишено значенія и то обстоятельство, что Тотлебенъ не былъ человѣкомъ партіи, какимъ сдѣлался Скобелевъ—или какимъ, по крайней мѣрѣ, его сдѣлали—въ послѣдній годъ его жизни. Въ составъ шума, поднятаго надъ могилой Скобелева, несомнѣнно входили искусственные элементы, для которыхъ не нашлось мѣста надъ могилой великаго инженера. Быть можетъ, горе о немъ было бы сильнѣе, еслибы онъ до конца жизни оставался только инженеромъ, еслибы ему не пришлось, въ тяжелую минуту, взяться за задачу, къ которой онъ былъ слишкомъ мало приготовленъ. Управленіе новороссійскимъ краемъ, во всякомъ случаѣ, ничего не прибавило къ его славѣ.

Если въ параллели, проведенной нами между Скобелевымъ и Тотлебеномъ—не для оцѣнки ихъ дѣйствительныхъ заслугъ, а для опредѣленія точки зрѣнія, съ которой наше общество отнеслось къ смерти того или другого—есть что-нибудь основательное, то едва ли правы тѣ, которые ищутъ причину недавняго равнодушія публики, съ одной стороны, въ научномъ характерѣ дѣятельности Тотлебена, съ другой—въ его происхожденіи. Кто помнитъ вторую половину пятидесятыхъ годовъ, тотъ, вѣроятно, согласится съ нами, что въ это время не было въ Россіи имени болѣе популярнаго, чѣмъ Тотлебенъ, что съ нимъ преимущественно связанъ былъ ореолъ, окружавшій защитниковъ Севастополя. Въ продолженіе тридцати лѣтъ, истекшихъ съ той поры, русское общество, разсматриваемое какъ одно цѣлое, конечно, не сдѣлалось ни болѣе холоднымъ къ научнымъ заслугамъ, ни болѣе склоннымъ къ квасному патріотизму, къ національной исключительности. Въ попыткахъ развить въ немъ оба эти свойства не было недостатка, но большого успѣха онѣ до сихъ поръ не имѣли. Немного найдется и теперь такихъ „патріотовъ своего отечества", для которыхъ нѣмецкая фамилія и лютеранское вѣроисповѣданіе Тотлебена заслоняли бы собою его продолжительную и славную дѣятельность въ рядахъ русскаго войска. Нерусское происхожденіе Барклая-де-Толли могло сдѣлаться источникомъ подозрѣній въ такія минуты, какія переживала Россія въ 1812 году,—но и оно было забыто, какъ только миновала опасность, и искупленіемъ невольной вины передъ храбрымъ, честнымъ вождемъ давно уже послужили извѣстные стихи Пушкина. Въ жизни Тотлебена не было подобныхъ испытаній; солдаты, видѣвшіе во-очію, какъ подъ его рукой росли и крѣпли севастопольскія твердыни, никогда не спрашивали себя, русскій ли, полно, этотъ чудодѣй инженернаго искусства. Еще меньше поводовъ къ такому вопросу даетъ общій

ретроспективный взглядъ на жизнь Тотлебена. Что касается до *научнаго* характера его дѣятельности, то нужно было бы прежде всего доказать, что фортификація — *наука* въ истинномъ смыслѣ этого слова. Репутація Тотлебена создалась не въ кабинетѣ, а на полѣ битвы; онъ былъ *художникомъ* въ своей сферѣ, и этимъ въ особенности обусловливалась его сила. Какъ бы ни отнеслись къ нему современники его смерти, имя его, независимо отъ того, перейдетъ въ отдаленное потомство вмѣстѣ съ осадой Севастополя — такой страницей, съ которой, конечно, не сравнится ничто даже въ блестящей исторіи Скобелева.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е августа, 1884.

Пересмотръ конституціи во Франціи.—Французскій сенатъ и его значеніе.—Разладъ въ средѣ монархическихъ партій. — Демонстрація противъ нѣмцевъ въ Парижѣ. — Англійская палата лордовъ и билль о реформѣ.—Народныя собранія въ Гайдъ-паркѣ и въ другихъ мѣстахъ.—Рѣчи лорда Салисбюри, Чамберлэна и Фаусетта.—Вопросъ объ избирательныхъ правахъ женщинъ.

Вмѣсто обычнаго лѣтняго затишья, политическая жизнь Франціи и Англіи представляетъ картину усиленной, лихорадочной дѣятельности. Французы готовятся къ созванію конгресса, который долженъ передѣлать конституцію 1875 года въ болѣе демократическомъ духѣ. Англичане волнуются по поводу отказа палаты лордовъ принять избирательную реформу, вотированную палатою общинъ.

Важные конституціонные вопросы, поднятые въ настоящее время въ обоихъ передовыхъ государствахъ западной Европы, имѣютъ между собою очень мало общаго; но они могутъ служить наглядными показателемъ громадныхъ различій въ общественномъ устройствѣ и въ политическихъ нравахъ обѣихъ странъ. Французская демократія не выноситъ института пожизненныхъ сенаторовъ, хотя не терпитъ отъ него никакого ущерба; робкія попытки сената сохранить самостоятельность дѣйствій по отношенію къ палатѣ депутатовъ вызываютъ рѣзкіе протесты и кончаются обыкновенно полною уступчивостью,—и однако, по требованію общественнаго мнѣнія, сенатъ самъ

готовъ наложить на себя руку и сократить свои незначительныя привилегіи. Большинство французскихъ радикаловъ возстаетъ противъ существованія сената, нарушающаго будто бы гармонію демократическихъ республиканскихъ учрежденій, а между тѣмъ сенатъ, по своему составу и происхожденію, есть только профильтрованная двойными выборами палата народныхъ представителей. Пожизненные сенаторы суть такіе же выборные члены парламента, какъ и депутаты,—съ единственною только разницею безсрочности ихъ функцій; при своемъ ограниченномъ числѣ (75 человѣкъ), они не могутъ имѣть рѣшающаго вліянія въ ущербъ республиканскому большинству. Первоначальная группа несмѣняемыхъ сенаторовъ состояла главнымъ образомъ изъ монархистовъ и клерикаловъ, которые пользовались оффиціальнымъ покровительствомъ при введеніи въ дѣйствіе конституціи 1875 года. во время президентства Макъ-Магона. Но изъ прежнихъ дѣятелей многіе умерли и сошли со сцены; ряды ихъ пополнены республиканцами, и институтъ несмѣняемыхъ сенаторовъ остается лишь безобиднымъ отступленіемъ отъ принциповъ чистой демократіи, не отражаясь нисколько на общемъ ходѣ политическихъ дѣлъ. Сенатъ, какъ выразился Гамбетта, есть только „великій совѣтъ французскихъ общинъ“, и это названіе вполнѣ оправдывается характеромъ и назначеніемъ выборной верхней палаты. Чѣмъ же объяснить популярное движеніе, направленное противъ сената и приведшее къ необходимости преобразованія его путемъ пересмотра конституціи? Отчасти сенатъ испортилъ свою репутацію въ первые годы своего существованія; онъ возбудилъ противъ себя ненависть республиканцевъ своимъ участіемъ въ проектахъ и интригахъ реакціонныхъ партій, руководимыхъ герцогомъ де-Брольи и его единомышленниками. Онъ не разъ противодѣйствовалъ стремленіямъ нижней палаты, защищая интересы религіознаго образованія и поддерживая консервативные элементы общества въ ущербъ радикальнымъ. Съ тѣхъ поръ какъ большинство перешло на сторону республики, дѣятельность сената совершенно измѣнила направленіе; будучи консервативнымъ по природѣ, сенатъ сохраняетъ общіе либеральные принципы, положенные въ основу существующаго государственнаго порядка, и избѣгаетъ разногласій съ палатою депутатовъ по серьезнымъ вопросамъ текущей политики. Тѣмъ не менѣе съ понятіемъ о сенатѣ соединяется еще представленіе о чемъ-то враждебномъ и стѣснительномъ; въ немъ все еще видятъ угрозу для реформаторскаго прогресса, постоянный тормазъ, мѣшающій свободному развитію общественныхъ силъ, остатокъ вымершаго аристократизма и гнѣздилище всякихъ реакціонныхъ тенденцій. Пересмотръ конституціи и ограниченіе правъ сената сдѣлались девизомъ большинства республи-

канскихъ кандидатовъ во время депутатскихъ выборовъ 1881 года; этотъ-же девизъ вошелъ въ программу избирательной кампаніи при обновленіи третьей части сената въ концѣ 1882 года. Гамбетта выдвинулъ вопросъ о пересмотрѣ на первый планъ, но ему не удалось осуществить свои предположенія; правительство должно было рано или поздно покончить съ этою щекотливою задачею, которая въ противномъ случаѣ могла бы легко попасть въ руки крайнихъ радикаловъ и послужить источникомъ затрудненій въ будущемъ. Для умѣренныхъ республиканцевъ чрезвычайно важно рѣшить этотъ вопросъ въ настоящее время, когда въ странѣ господствуетъ спокойное довѣріе къ ихъ управленію, и когда министерство, вышедшее изъ ихъ среды, пользуется общепризнаннымъ авторитетомъ внутри и извнѣ.

Правда, періодъ конституціонныхъ заботъ и волненій уже прошелъ во Франціи: проекты и вопросы, волновавшіе французовъ при Гамбеттѣ, утратили свѣжесть новизны. Агитація, возникшая нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ пользу „ревизіи“, давно затихла, и побудительныя причины ея отчасти забыты. Многіе задаютъ себѣ вопросъ, благоразумно ли теперь поднимать вновь старыя сомнѣнія и пререканія, — не лучше ли оставить конституцію въ покоѣ, не трогать правъ сената и положиться на всемогущее дѣйствіе времени. Такіе доводы кажутся тѣмъ болѣе вѣскими, что монархическія партіи, которыя въ былое время могли разсчитывать на успѣхъ, обречены на долгое безсиліе, вслѣдствіе мелочныхъ раздоровъ и недостатка политическаго смысла.

Графъ Парижскій отвергается легитимистами стараго закала, какъ человѣкъ слишкомъ либеральный; они склонны даже оспаривать его право на роль законнаго претендента, на томъ основаніи, что Анжуйская линія Бурбоновъ имѣетъ преимущество передъ Орлеанскою. Монархическія газеты ведутъ между собою горячую полемику, которая производитъ странное впечатлѣніе на читателей непосвященныхъ. Одни ссылаются на древній Салическій законъ, какъ на документальное доказательство въ пользу старшей мужской линіи испанскихъ и итальянскихъ Бурбоновъ, отвергнутыхъ на родинѣ. Другіе опираются на Утрехтскій миръ 1713 года, которымъ иностранныя вѣтви Бурбонской фамиліи устранены отъ всякихъ правъ на французскій престолъ. Графъ д'Андинье, бывшій приближенный графа Шамбора, утверждаетъ теперь, что иностранныя державы не имѣли основанія вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи и навязывать ей тотъ или другой способъ наслѣдованія; поэтому истинные патріоты должны протестовать противъ договора 1713 года, лишившаго страну благодѣяній господства Донъ-Карлоса и его семьи. Графъ д'Андинье

считается главою новой секты ультра-легитимистовъ; онъ нашелъ не мало сторонниковъ въ средѣ монархической партіи, различные провинціальные органы выразили ему сочувствіе, и приверженцы графа Парижскаго тратятъ свое краснорѣчіе на полемику съ ними въ печати. Публика недоумѣваетъ въ виду этихъ странныхъ споровъ, столь далекихъ отъ дѣйствительнаго положенія вещей; а республиканскія газеты имѣютъ интересный матеріалъ для насмѣшекъ. Въ свою очередь партія графа Парижскаго распадается еще на двѣ группы: одна требуетъ отъ „короля“ безусловнаго принятія принциповъ графа Шамбора, преемникомъ котораго онъ является, а другая стоитъ за продолженіе дѣла Луи-Филиппа. Съ этимъ связанъ еще важный вопросъ о томъ, какъ долженъ называться графъ Парижскій—Филиппомъ VII или Луи-Филиппомъ II. Въ немногихъ газетахъ, основанныхъ на средства монархистовъ, всѣ эти вопросы о Салическомъ законѣ, о правахъ Донъ-Карлоса и Донъ-Жуана, о старомъ или новомъ режимѣ, обсуждаются совершенно серьезно, хотя сами спорящіе чувствуютъ всю безплодность и безцѣльность своихъ разсужденій.

Еще болѣе печальнымъ оказывается положеніе вліятельной нѣкогда партіи бонапартистовъ. Весь интересъ этой партіи въ глазахъ общества сосредоточивается теперь около личныхъ и семейныхъ похожденій молодого принца Виктора, вступившаго въ открытую борьбу противъ своего отца, принца Наполеона. Безхарактерный юноша отдался въ распоряженіе Поля Кассаньяка и другихъ подобныхъ дѣятелей, которые выставили его претендентомъ помимо отца, ненавистнаго имъ по многимъ причинамъ. По совѣту своихъ покровителей, сынъ пересталъ повиноваться отцу и пожелалъ играть самостоятельную роль; нѣсколько разъ онъ извинялся предъ отцомъ и отказывался отъ новыхъ друзей; затѣмъ опять отрицалъ сказанное или сдѣланное, не смотря на несомнѣнныя улики,—и все это публично, въ печатныхъ заявленіяхъ и письмахъ. Семейныя исторіи самаго страннаго свойства разъигрывались на глазахъ всей читающей публики; имъ посвящались передовыя статьи бонапартистскихъ газетъ, которыя всецѣло погрузились въ эту скандальную хронику. Виктористы торжествуютъ, когда ихъ принцъ отрекается отъ отца, а сторонники послѣдняго, жеромисты, уличаютъ сына во лжи и въ лицемѣріи. Газеты этого лагеря спорятъ о томъ, писалъ ли принцъ извѣстное письмо или нѣтъ; принцъ Викторъ то отвергаетъ свою подпись, то признаетъ ее подлинною, такъ-что приверженцамъ его приходится производить настоящія разслѣдованія, смыслъ которыхъ, повидимому, ускользаетъ отъ нихъ самихъ. Бонапартистскія газеты подробно объясняли причины взаимныхъ неудовольствій между отцомъ и сыномъ: дѣло въ томъ, что принцъ Жеромъ-Наполеонъ давалъ

слишкомъ мало карманныхъ денегъ принцу Виктору. И эти дрязги выдаются за нѣчто политическое, около нихъ группируется партія, претендующая на возстановленіе престижа наполеоновской эпохи! Поль де-Кассаньякъ берется быть правителемъ Франціи, подъ знаменемъ принца Виктора; но прежде чѣмъ спасать отечество, онъ пристроилъ юнаго претендента,—образовалъ компанію, которая взялась выдавать извѣстную сумму ежегодно на содержаніе принца, въ разсчетѣ на будущіе дивиденды. Это подало поводъ къ новымъ сценамъ, описываемымъ также обстоятельно въ печати; отецъ требуетъ указанія источника неожиданныхъ доходовъ сына, совѣтуетъ вернуться въ родительскій домъ и обѣщаетъ забвеніе прошлаго; сынъ печатно заявляетъ свое право на самостоятельность и примиряется съ явившимся въ Парижъ отцомъ. Нѣкоторые органы и публицисты существуютъ спеціально для обсужденія и изученія всѣхъ подробностей этихъ важныхъ событій; они разсматриваютъ поступки принца Виктора съ различныхъ сторонъ, но забываютъ только объ одномъ,—что эти поступки и интересы не имѣютъ никакого отношенія къ политикѣ и что направлять на нихъ общественное вниманіе можно только въ видѣ курьеза, а никакъ не съ цѣлью воздѣйствія на политическія судьбы Франціи. Понятно, что партія, поглощенная разбирательствомъ чисто-личныхъ дѣлъ между отцомъ и сыномъ, не можетъ считаться опасной для французской республики.

Это разложеніе монархическихъ партій во Франціи указываетъ повидимому на ненужность пересмотра конституціи для республиканцевъ: послѣдніе и безъ того господствуютъ почти безраздѣльно, все болѣе склоняя на свою сторону прежніе консервативные элементы населенія. Но политическіе дѣятели республики, съ Жюлемъ Ферри во главѣ, находятъ настоящій моментъ наиболѣе удобнымъ для успѣшнаго „завершенія зданія“; не имѣя предъ собою серьезныхъ противниковъ, они легко и скоро могутъ порѣшить съ вопросомъ, на возбужденіе котораго въ будущемъ имѣлись съ разныхъ сторонъ отдаленные виды. Жюль Ферри долженъ былъ предварительно убѣдить палату депутатовъ въ необходимости заранѣе ограничить предѣлы пересмотра извѣстными пунктами, относительно которыхъ возможно соглашеніе съ сенатомъ; въ то же время нужно было успокоить сенатъ и дать ему нѣкоторыя гарантіи въ томъ, что конгрессъ не переступитъ границы предположеннаго преобразованія. Конгрессъ обѣихъ палатъ есть верховное національное собраніе, могущее поднимать и рѣшать всякіе вопросы по своему усмотрѣнію; оно можетъ неожиданно затронуть самыя основы конституціи, помимо всѣхъ охранительныхъ усилій министерства,—такъ по крайней мѣрѣ утверждали консерваторы. Главнымъ ораторомъ сенатской оппозиціи былъ

по обыкновенію Жюль Симонъ. Жюль Ферри доказывалъ, что рѣшенія обѣихъ палатъ въ отдѣльности будутъ обязательны для конгресса, если не по праву, то фактически, въ силу состава общаго республиканскаго большинства. Сенатъ рѣшительно возражалъ только противъ одной статьи министерскаго проекта,—относительно ограниченія контролирующей власти сената въ финансовыхъ и бюджетныхъ вопросахъ. Такъ какъ безъ вліянія на бюджетъ парламентъ былъ бы въ сущности безсиленъ, то наиболѣе упорныя возраженія вызваны были именно этимъ финансовымъ вопросомъ. Правительству пришлось послѣ долгихъ преній отказаться отъ пересмотра бюджетныхъ правъ сената, и въ такомъ видѣ проектъ былъ одобренъ послѣднимъ.

Никто не скажетъ, что исправленіе конституціи было въ этомъ случаѣ необходимо, что оно устранитъ какое-либо важное зло или облегчитъ успѣшный ходъ законодательства; перемѣна останется едва замѣтною для большинства французскаго населенія. Перемѣна была нужна не столько для непосредственныхъ практическихъ цѣлей, сколько для удовлетворенія особаго эстетическаго чувства французовъ въ области политики,—чувства, оскорбляемаго малѣйшею дисгармоніею или недостаткомъ симметріи въ государственномъ строѣ. Республиканцамъ нужно было просто самое сознаніе совершившейся перемѣны,—сознаніе того, что нѣкоторыя оставшіяся шероховатости, бросавшіяся имъ въ глаза, не будутъ болѣе безпокоить ихъ нервные политическіе темпераменты. Многіе не могутъ до сихъ поръ примириться съ двумя палатами только потому, что эта система не соотвѣтствуетъ идеалу единства, національнаго и политическаго; они полагаютъ, что единая Франція должна имѣть единую палату народныхъ представителей, воплощающую въ себѣ цѣликомъ единую народную волю. Дѣлить народное верховенство между двумя собраніями — кажется какъ-будто произвольнымъ, непормальнымъ въ странѣ всеобщей подачи голосовъ; это напоминаетъ французамъ какъ-бы разломанное на двое зеркало, въ которомъ отраженіе получается кривое, уродливое. Практическіе доводы играютъ лишь второстепенную роль въ разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ; французскіе радикалы, какъ и консерваторы,—прежде всего люди принциповъ, а принципы диктуются главнымъ образомъ отвлеченною логикою и чувствомъ красоты. Стройность и изящество политическаго зданія цѣнятся нерѣдко выше осязательныхъ общественныхъ выгодъ; отчасти по этой причинѣ имѣетъ такъ мало успѣха во Франціи идея мѣстнаго самоуправленія и децентрализаціи: французы, даже самые передовые, боятся инстинктивно, что нарушеніе

единства власти повлечетъ за собою пестрое разнообразіе порядковъ, которое можетъ перейти въ нѣчто тяжелое, неуклюжее.

Въ то время какъ въ парламентѣ и въ печати обсуждался проектъ пересмотра конституціи, общественное мнѣніе съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдило за холерою, появившеюся въ южныхъ портахъ Франціи. На помощь французскимъ медицинскимъ силамъ присланъ былъ изъ Берлина извѣстный знатокъ этой эпидеміи, докторъ Кохъ. Мнѣнія и разговоры Коха аккуратно сообщались нѣмецкими и французскими газетами; корреспонденты говорили уже о сближеніи двухъ великихъ націй на почвѣ науки. Ничтожное уличное происшествіе сразу измѣнило настроеніе нѣмцевъ: французы сдѣлались предметомъ горячихъ нападеній на столбцахъ патріотическихъ нѣмецкихъ органовъ. Возникла даже дипломатическая переписка; французскій посолъ въ Берлинѣ передалъ германскому правительству формальное извиненіе по поводу случившагося въ Парижѣ. Германское знамя было публично оскорблено и разорвано мальчиками, одѣтыми въ военные мундиры, во время національнаго праздника 14 іюля. Толпа приняла участіе въ демонстраціи и преслѣдовала одного нѣмца безъ вредныхъ для него послѣдствій. Нѣкоторые нѣмецкіе журналы нашли, что Франція отплатила Германіи черною неблагодарностью за присылку доктора Коха.

Французская печать единодушно осудила демонстрацію, называя ее безсмысленною и даже преступною. Мальчики, конечно, выразили свой патріотизмъ, какъ могли; они маршировали по улицамъ стройными баталіонами, въ полномъ вооруженіи, до тѣхъ поръ, пока не попалось имъ на глаза нѣмецкое знамя, — дальнѣйшее произошло какъ бы само собою. Игра въ солдатики принимаетъ иногда странныя формы: парижская городская дума тратитъ ежегодно болѣе ста тысячъ франковъ на обученіе военному дѣлу дѣтей, учениковъ народныхъ училищъ въ столицѣ; этимъ мальчикамъ выдаются также безплатно небольшія ружья,—не игрушечныя, а настоящія,—чтобы они могли упражняться въ стрѣльбѣ на случай будущей осады Парижа. Маленькіе герои совершили свой первый военный подвигъ удачно; побѣда надъ знаменемъ одержана полная, но по общему признанію они преждевременно воспылали жаждою славы. Французы менѣе чѣмъ когда-либо расположены теперь слѣдовать за неразумными существами, подбивающими на совершеніе подвиговъ; а такихъ существъ съ неодолимымъ патріотическимъ зудомъ найдется довольно много среди взрослаго населенія разныхъ частей свѣта. „Чѣмъ священнѣе чувство патріотизма, — поучаетъ газета „Temps“ своихъ читателей,—тѣмъ болѣе оно должно быть сдержаннымъ, бодрствующимъ и гордымъ. Оно существуетъ въ глубинѣ сердца; имъ не

играютъ для театральныхъ представленій и нелѣпыхъ выходокъ. Оно должно быть душою всего, но не можетъ служить внѣшнимъ знаменемъ. Люди, эксплуатирующіе его публично, наиболѣе оскорбляютъ его". Сдержанность чувства легче проповѣдуется, чѣмъ практикуется на дѣлѣ; трудно требовать ея отъ уличной толпы, когда образованные люди Германіи и Франціи столь часто руководятся интересами политической вражды въ своихъ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ.

Англичане, въ противоположность французамъ, не ищутъ логики и симметріи въ своихъ учрежденіяхъ; они старательно хранятъ ненужные обломки прошлаго и только въ случаяхъ крайней необходимости берутся за частныя передѣлки своего стариннаго, неуклюжаго, но просторнаго политическаго зданія. Для иностранцевъ и особенно французовъ совершенно непонятно уваженіе англичанъ къ такимъ явнымъ аномаліямъ, какъ палата наслѣдственныхъ законодателей, независимыхъ одинаково отъ народа и отъ королевской власти; а между тѣмъ понынѣ англійскіе лорды пользуются по праву рожденія обширными привилегіями, недоступными обыкновеннымъ смертнымъ. Положеніе лордовъ обращаетъ на себя вниманіе только тогда, когда они употребляютъ свое могущество во вредъ интересамъ народа; такой случай, по мнѣнію англичанъ, представился въ настоящее время. Палата лордовъ отвергла билль о реформѣ, дающій избирательныя права новымъ двумъ милліонамъ гражданъ, въ дополненіе къ прежнему числу избирателей. Предводитель консервативной партіи, маркизъ Салисбёри, побудилъ палату сдѣлать этотъ рѣшительный шагъ подъ тѣмъ предлогомъ, что правительство не внесло еще другого проекта, безъ котораго реформа можетъ послужить средствомъ увеличенія числа либеральныхъ членовъ въ парламентѣ. Законъ, выработанный правительствомъ и принятый палатою общинъ послѣ всесторонняго разсмотрѣнія его въ 26 засѣданіяхъ, не можетъ получить обязательную силу только потому, что небольшая группа знатныхъ лицъ не желаетъ этого. Съ одной стороны, дѣйствуетъ правительство королевы, въ союзѣ съ выборною палатою, представляющею собою три милліона избирателей; а съ другой стороны— лорды, представляющіе только самихъ себя, безотвѣтственные и ничѣмъ не связанные. И эти двѣсти лордовъ, слѣдующихъ за маркизомъ Салисбёри, имѣютъ право и возможность по своему усмотрѣнію уничтожать законодательные труды народнаго представительства и министерства. Этотъ фактъ принялъ наглядныя и рѣзкія очертанія въ рѣшеніи палаты лордовъ, по поводу избирательной реформы.

Англичане прибѣгли къ обычному своему способу выраженія на-

роднаго протеста—въ публичныхъ многолюдныхъ собраніяхъ; митинги созываются одинъ за другимъ въ различныхъ городахъ страны, достигая иногда колоссальныхъ размѣровъ по числу участвующихъ. Народное движеніе направлено уже противъ самого существованія палаты лордовъ въ ея настоящемъ видѣ. Гладстонъ заранѣе предостерегалъ верхнюю палату, что для нея опасно возбуждать противъ себя борьбу, исходъ которой предвидѣть не трудно. Лордъ Салисбёри смѣло бросилъ вызовъ общественному мнѣнію, выставляя себя однако вѣрнымъ другомъ народа, о которомъ онъ заботится будто бы гораздо болѣе либераловъ; онъ хочетъ только избавить новыхъ гражданъ отъ непріятной обязанности выбирать по преимуществу либеральныхъ кандидатовъ, вслѣдствіе отсутствія закона о новомъ распредѣленіи избирательныхъ округовъ. Ни лордъ Салисбёри, ни его сторонники не оспаривали реформы въ принципѣ; они отвергли ее только на практикѣ.

Народныя демонстраціи противъ лордовъ начались во всей Англіи; первая изъ нихъ, и наиболѣе внушительная, имѣла мѣсто въ лондонскомъ Гайдъ-паркѣ, 21 іюля, при участіи свыше 30,000 человѣкъ. Множество промышленныхъ и торговыхъ корпорацій, представители всѣхъ ремеслъ и профессій, рабочіе городскіе и сельскіе, прибывшіе изъ разныхъ мѣстъ, — всѣ съ своими знаменами, съ массою флаговъ съ соотвѣтственными надписями, направлялись по улицамъ Лондона въ образцовомъ порядкѣ, съ сознаніемъ исполненія серьезнаго долга; безконечное море головъ, подвиганшееся въ теченіе нѣсколькихъ часовъ сряду по направленію къ Гайдъ-парку, должно было произвести нѣкоторое впечатлѣніе на лордовъ, смотрѣвшихъ на процессію изъ оконъ аристократическаго Карльтонъ-клуба. Каждая часть процессіи останавливалась передъ этимъ клубомъ и давала кошачій концертъ; остроты, насмѣшки и угрозы непрерывно сыпались на знатныхъ членовъ клуба, которые невозмутимо, съ чисто-англійскою выдержкою, выслушивали все это отъ начала до конца. Настроеніе толпы было вполнѣ добродушное, по общимъ отзывамъ газетъ. Принцъ Уэльскій, замѣченный на балконѣ одного дома, былъ предметомъ восторженныхъ овацій; народный гимнъ повторялся нѣсколько разъ. Толпа привѣтствовала также маркиза Гартингтона (старшаго сына герцога Девоншайрскаго) и другихъ либеральныхъ лордовъ, встрѣчавшихся по пути; очевидно, народъ понималъ, что дѣло идетъ объ учрежденіи, а не о лицахъ. Въ Гайдъ-паркѣ собравшаяся масса раздѣлилась на семь отдѣльныхъ митинговъ, подъ предсѣдательствомъ членовъ парламента; повсюду произносились рѣчи на тэму о невозможности дальнѣйшаго существованія палаты лордовъ. Крики: „долой лордовъ“—чередовались съ возгласами въ честь избирательной ре-

формы. Замѣчательно только, что всякій ораторъ начиналъ съ крѣпкихъ словъ по адресу лордовъ и кончалъ скромнымъ практическимъ заключеніемъ, что забракованный билль будетъ вторично внесенъ въ верхнюю палату, затѣмъ еще разъ, и такъ далѣе до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ принятъ. Нѣкоторые изъ говорившихъ выражались болѣе опредѣленно; профессоръ Тэйлоръ заявилъ, что „никто не обращается за совѣтомъ къ наслѣдственнымъ докторамъ или адвокатамъ, и что поэтому также собраніе наслѣдственныхъ законодателей не имѣетъ смысла". Болѣе двухсотъ лѣтъ тому назадъ, Кромвель высказалъ графу Манчестерскому, что въ Англіи не будетъ порядка, пока онъ не сдѣлается просто мистеромъ Монтэгю; это замѣчаніе, по словамъ профессора Бислея, можно примѣнить къ лорду Салисбёри: въ Англіи не будетъ порядка до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ просто мистеромъ Робертомъ Сесилемъ.

Демонстрація въ Гайдъ-паркѣ, не смотря на громадное количество участвовавшихъ въ ней лицъ, прошла вообще совершенно спокойно; народъ привыкъ выражать свое мнѣніе и твердо вѣритъ въ силу легальнаго массоваго движенія. Полиція принимала нѣкоторыя предохранительныя мѣры; но о противодѣйствіи митингамъ не могло быть и рѣчи, послѣ непріятнаго опыта, сдѣланнаго въ этомъ отношеніи въ 1866 году: тогда консервативное министерство пожелало разсѣять сборище, и произошло столкновеніе, стоившее жизни нѣсколькимъ лицамъ. Тогда, какъ и теперь, консерваторы отвергали избирательную реформу, для того, чтобы черезъ годъ принять ее. Лордъ Салисбёри отнесся свысока къ народному движенію, выразившемуся столь ярко въ различныхъ мѣстахъ Англіи. Въ своей рѣчи, произнесенной въ Шеффильдѣ, онъ доказывалъ, что народное мнѣніе узнается только въ легальной формѣ парламентскихъ выборовъ, что важные законодательные вопросы рѣшаются не уличными манифестаціями и не устройствомъ „пикниковъ", а палатами въ существующемъ ихъ составѣ, и что правительство имѣетъ предъ собою законный путь для провѣрки народныхъ желаній,—оно можетъ распустить палату общинъ и обратиться къ избирателямъ. На первый взглядъ кажется страннымъ, почему палата общинъ, поддерживающая правительство, должна отвѣчать за дѣйствія палаты лордовъ; но съ точки зрѣнія лордовъ это понятно: противъ нихъ невозможны никакія непосредственныя мѣры убѣжденія или обновленія; ихъ можно убѣждать только косвенно посредствомъ выборовъ въ нижнюю палату. Но устраивать новые выборы нѣтъ никакого основанія, когда правительство и палата общинъ вполнѣ солидарны между собою, и когда нѣтъ основанія сомнѣваться въ солидарности выборной палаты съ народнымъ мнѣніемъ. Лордъ Салисбёри называетъ нынѣшнюю палату „рабскою",

слѣпо подчиняющеюся волѣ перваго министра; члены этой палаты въ свою очередь называютъ лордовъ „наслѣдственными ничтожествами“, и общее раздраженіе усиливается противъ надменныхъ консерваторовъ-лордовъ, считающихъ себя въ правѣ останавливать рѣшенія остальныхъ частей парламента и игнорировать желанія большинства населенія.

Исходъ начавшейся борьбы можетъ оказаться весьма нежелательнымъ для палаты лордовъ, и во всякомъ случаѣ консервативная партія должна неизбѣжно пострадать въ своемъ вліяніи и значеніи, вслѣдствіе попытки дѣйствовать наперекоръ народнымъ интересамъ въ вопросѣ объ избирательной реформѣ. Министры Чамберлэнъ и Фаусеттъ вполнѣ основательно замѣтили, что для либеральной партіи образъ дѣйствій палаты лордовъ является въ высшей степени выгоднымъ, значительно возвышая ея шансы на случай новыхъ выборовъ. Неудачи внѣшней политики Гладстона могли быть утилизированы оппозиціею, но теперь онѣ забыты и оставлены въ сторонѣ, въ виду неожиданнаго внутренняго конфликта, въ которомъ роль консерваторовъ столь мало популярна. Многіе консервативные лорды, подавая голоса согласно мнѣнію своего оффиціальнаго предводителя, выражали при этомъ свое крайнее сожалѣніе о возможности разлада съ палатою общинъ: они дѣйствовали какъ будто противъ воли, чтобы не нарушать дисциплины въ рядахъ партіи. Это дало поводъ „Пончу“ изобразить большинство верхней палаты въ весьма непочтительной каррикатурѣ: стадо барановъ, съ человѣческими лицами, съ графскими и прочими коронами на головахъ, покорно скачетъ черезъ барьеръ вслѣдъ за крупнымъ бараномъ, съ лицомъ лорда Салисбёри. Одинъ изъ выдающихся членовъ торійской партіи, вѣроятный будущій вождь ея, лордъ Рандольфъ Чорчиль, высказался прямо, что отклоненіе избирательнаго билля есть крупная политическая ошибка. По замѣчанію Чамберлэна, „маркизъ Салисбёри поступаетъ такимъ образомъ, что его можно принять за скрытаго радикала, который подъ видомъ аристократической спѣси проникнутъ ненавистью къ своему сословію и искреннимъ желаніемъ унизить его“. Онъ поставилъ на очередь вопросъ о преобразованіи или упраздненіи палаты лордовъ, о чемъ никто не думалъ бы безъ его смѣлаго шага. „Еслибы мы смотрѣли на этотъ кризисъ съ точки зрѣнія временныхъ выгодъ либеральной партіи,—говорилъ министръ почтъ Фаусеттъ,—то мы должны были бы употребить всѣ старанія, чтобы побудить лордовъ довести борьбу до горькаго конца“. Важнѣйшіе органы печати, въ томъ числѣ и умѣренно-консервативные, рѣшительно возстаютъ противъ рисковапной политики лордовъ. „Само время и неодолимыя стремленія нашего вѣка,—разсуждаетъ „Times“,

—враждебны притязаніямъ палаты лордовъ. Оппозиція сдѣлаетъ важный промахъ, если приметъ спокойную сдержанность участниковъ демонстрацій за недостатокъ серьезной политической рѣшимости. Ошибочно думать, что недовольство обнимаетъ только тѣ классы населенія, къ которымъ относится непосредственно новый избирательный билль". Лорды могли отсрочить осуществленіе реформы на нѣкоторое время, но устранить ее они не въ силахъ,—такъ что мѣра, принятая ими, принесетъ только вредъ самимъ торіямъ.

Упорный консервативный духъ англичанъ въ области политической жизни служитъ для палаты лордовъ значительною гарантіею долговѣчности. Всѣ сознаютъ въ принципѣ, что палата должна быть совершенно преобразована, что доступъ въ нее долженъ обусловливаться не одною лишь случайностью рожденія, что многіе лорды не имѣютъ никакихъ данныхъ для роли законодателя и однако подавляютъ собою группу просвѣщенныхъ дѣятелей въ обѣихъ партіяхъ. Сами лорды не возражаютъ противъ этихъ доводовъ; маркизъ Салисбёри ничего не имѣлъ бы противъ реформы, судя по его неоднократнымъ заявленіямъ; вопросъ о несостоятельности наслѣдственной палаты разсматривался не разъ за послѣдніе годы въ англійской журналистикѣ, причемъ выводъ всегда получался приблизительно одинъ и тотъ же. Тѣмъ не менѣе до практической попытки преобразовать верхнюю палату еще очень далеко; пусть лорды завтра примутъ какое-либо популярное рѣшеніе и откажутся отъ своихъ чрезмѣрныхъ притязаній,—и весь вопросъ о лордахъ перестанетъ существовать, впредь до дальнѣйшаго конфликта и кризиса.

Нуженъ очень сильный и долго дѣйствующій толчокъ, чтобы возбудить реформаторскій пылъ въ англійскомъ обществѣ. Полная свобода всякихъ общественныхъ и политическихъ проявленій, вмѣстѣ съ твердою обезпеченностью личныхъ правъ, дѣлаетъ какъ бы излишнимъ для большинства англичанъ хлопотать о перемѣнахъ и улучшеніяхъ, которыя для посторонняго глаза казались бы безусловно необходимыми. Англичане сжились съ массою старинныхъ, частью безобразныхъ учрежденій и порядковъ; они не трогаютъ ихъ, хотя нерѣдко чувствуютъ надъ собою ихъ традиціонное бремя.

Удивительнѣе всего для иностранца—отсутствіе всякой равномѣрности въ распредѣленіи интереса къ реформамъ: тогда какъ элементарныя потребности общества удовлетворяются весьма туго въ сферѣ законодательства и правосудія, смѣлые проекты, нигдѣ еще не испытанные, отнимаютъ время у парламента безъ всякой къ тому надобности. Англійскіе законы находятся въ хаотическомъ, невозможномъ состояніи; они недоступны публикѣ по своей крайней многочисленности и разбросанности; за всякою справкою надо обра-

щаться къ адвокатамъ, трудъ которыхъ оплачивается чрезвычайно дорого; судебные расходы столь значительны по гражданскимъ дѣламъ, что ими поглощается почти вся цѣнность спорныхъ имуществъ; —и все это терпится, какъ нѣчто неизбѣжное и установленное разъ на всегда. Никто не хлопочетъ о приведеніи законовъ въ порядокъ посредствомъ надлежащей кодификаціи; никто въ парламентѣ не поднимаетъ вопроса объ улучшеніи судебныхъ порядковъ, отчасти только затронутыхъ извѣстнымъ биллемъ лорда Сельборна, а объ избирательныхъ правахъ женщинъ ведутся оживленныя пренія, какъ будто это вопросъ самый жгучій и настоятельный въ Англіи.

Консервативная оппозиція, въ лицѣ сэра Норскота и другихъ ораторовъ, ломала копья за женщинъ, а либеральный премьеръ долженъ былъ возражать противъ этихъ нововведеній, рискуя навлечь на себя гнѣвъ прекраснаго пола. Всякому понятно было, что при распространеніи избирательныхъ правъ на новые слои гражданъ нельзя возбуждать посторонній вопросъ о правахъ женщинъ; до этихъ правъ можно было бы дойти только послѣ того, какъ всѣ граждане мужескаго пола были бы признаны полноправными избирателями. Женское избирательное право проповѣдуется спеціальными обществами, во главѣ которыхъ стоятъ извѣстныя писательницы и жены политическихъ дѣятелей; пропаганда ведется еще особымъ способомъ, чисто-англійскимъ, въ видѣ отказа женщинъ отъ уплаты податей. Общее политическое правило, принимаемое за аксіому въ Англіи, неразрывно связываетъ уплату податей съ правомъ представительства; кто вноситъ прямые налоги, тотъ участвуетъ въ пользованіи избирательными правами, а такъ какъ женщинамъ эти права не принадлежатъ, то не слѣдуетъ съ нихъ требовать уплаты податей. Каждый случай отказа влечетъ за собою арестъ движимаго имущества, соотвѣтствующаго суммѣ требуемаго взноса; хозяйка обыкновенно доводитъ дѣло до принудительной продажи арестованныхъ вещей, чтобы фактъ сохранялъ за собою чистый характеръ насилія. Церемонія ареста и продажи происходитъ обыкновенно въ присутствіи значительнаго числа лицъ, особенно дамъ, созываемыхъ заранѣе для участія въ демонстраціи; случай описывается въ газетахъ и обсуждается въ передовыхъ статьяхъ „Times'a“. Дамы, не уплачивающія податей съ цѣлью протеста противъ несправедливыхъ законовъ, пріобрѣтаютъ легкую популярность; имена ихъ становятся извѣстными, и онѣ находятъ подражательницъ. Такъ надѣются со временемъ достигнуть равноправности, ибо постоянные отказы отъ уплаты налоговъ могутъ утомить правительство и дать надлежащую фактическую поддержку дѣлу реформы. Недавно еще

лондонскія газеты сочувственно разсуждали о поступкѣ миссъ Миллеръ, которая допустила до продажи своего письменнаго стола для уплаты недоимки; эта миссъ аккуратно каждый годъ торжественно отказываетъ сборщикамъ въ платежѣ, послѣ чего столь же торжественно арестуется и выносится изъ дома какая-либо мебель.

Очень можетъ быть, что въ концѣ концовъ англійскія дамы, при неуклонномъ преслѣдованіи своей цѣли, добьются избирательныхъ правъ ранѣе непмущаго большинства мужского населенія и что женщины будутъ участвовать въ выборахъ уже въ то время, когда принципъ всеобщаго голосованія будетъ еще ждать своей очереди. Можно съ полнымъ сочувствіемъ относиться къ политической равноправности женщинъ, но нельзя не видѣть, что эта идея выдвигается въ Англіи преждевременно и могла бы по справедливости дать дорогу другимъ болѣе настоятельнымъ требованіямъ, предъ которыми женскій избирательный вопросъ кажется лишь невинною свѣтскою игрушкою.

НАКАНУНѢ ПРЕЗИДЕНТСКИХЪ ВЫБОРОВЪ.

Корреспонденція изъ Нью-Іорка.

8-го іюня.

Приближающіеся президентскіе выборы всецѣло поглощаютъ собою общественное вниманіе въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ политическихъ сферахъ закипѣла самая напряженная работа, а дѣятели и коноводы давно уже не знаютъ ни сна, ни аппетита, при безпрерывной агитаціи, интригахъ и мучительныхъ ожиданіяхъ. Эта лихорадочная дѣятельность относится пока къ состязанію между различными кружками однихъ и тѣхъ же лагерей. Самая же война между партіями откроется въ половинѣ іюля, т.-е. тогда, когда всѣ партіи, выбравъ своихъ кандидатовъ и положивъ конецъ своимъ внутреннимъ раздорамъ, дружно выйдутъ на поле сраженія, которое въ этомъ году угрожаетъ принять острый характеръ. Если время выборовъ вообще представляетъ весьма удобный моментъ для ознакомленія съ политическими и общественными потребностями страны, то тѣмъ большее право на вниманіе имѣютъ предстоящіе прези-

дентскіе выборы, такъ какъ они совпадаютъ съ видимымъ началомъ крушенія старыхъ господствующихъ партій и въ то же время должны выяснить значеніе и будущность нарождающихся новыхъ элементовъ.

Главныхъ политическихъ партій въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ извѣстно, двѣ: республиканская и демократическая. Въ настоящее время между этими двумя партіями нѣтъ въ сущности никакой значительной разницы, никакой принципіальной пограничной черты. Въ общемъ онѣ близко сходятся въ своихъ принципахъ, а что касается отдѣльныхъ законодательныхъ вопросовъ, служащихъ предметомъ разногласія, то, во-первыхъ, это все такіе вопросы, отношеніе къ которымъ не можетъ еще характеризовать отдѣльную политическую партію, и во-вторыхъ, даже члены одной и той же партіи нерѣдко несогласны въ своихъ убѣжденіяхъ по этимъ вопросамъ. Для примѣра укажемъ на вопросъ о таможенномъ тарифѣ — одинъ изъ самыхъ жгучихъ и давно стоящихъ на очереди. Демократы вообще, какъ извѣстно, стоятъ за расширеніе свободы иностраннаго ввоза, республиканцы же, наоборотъ—протекціонисты. Между тѣмъ, значительное число республиканцевъ высказывается за пониженіе тарифа, точно такъ же какъ, съ другой стороны, и въ рядахъ демократовъ существуетъ расколъ по этому вопросу. Когда два мѣсяца тому назадъ демократъ Моррисонъ внесъ въ палату представителей свой анти-тарифный билль, 42 демократа содѣйствовало забаллотированію билля. Тарифный вопросъ, вѣроятно, будетъ играть видную роль на демократической конвенціи для выбора кандидата въ президенты, которая соберется 8-го іюля.

Итакъ, никакого рѣзкаго принципіальнаго контраста эти двѣ враждующія между собою организаціи не представляютъ. Что же обусловливаетъ ихъ раздвоеніе и антагонизмъ? Въ отвѣтъ на это я приведу слова одного остроумнаго и образованнаго американца, которыя я услышалъ отъ него нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда обратился къ нему съ этимъ же вопросомъ. „Между нами и демократами очень важная разница“,—сказалъ онъ съ самымъ серьезнымъ видомъ,—„она состоитъ въ томъ, что мы стараемся всѣ доходныя мѣста и почести забрать себѣ, а демократы, наоборотъ, хотѣли бы всѣ эти блага захватить въ свои руки“. За наружной шуткой въ этомъ отвѣтѣ кроется значительная доля истины, и я нисколько не преувеличу, если скажу, что, за весьма рѣдкими исключеніями, одинъ только личный интересъ заставляетъ людей хлопотать въ пользу той или другой изъ двухъ господствующихъ партій. Одни видятъ въ партіи дорогу къ политической карьерѣ — это тѣ дѣятели (по большей части изъ адвокатовъ), которые посвящаютъ все свое время политиканству и получаютъ въ вознагражде-

ніе оффиціальныя должности. Другіе, принадлежащіе къ финансовому міру, употребляютъ партію какъ орудіе для достиженія извѣстныхъ законодательныхъ мѣръ и подтвержденія выгодныхъ концессій. Эти денежные тузы влекутъ за собою тысячи зависящаго отъ нихъ мелкаго люда. Капиталисту нуженъ политикъ, а политику нуженъ капиталистъ; эта круговая порука служитъ главнымъ связующимъ цементомъ, гарантирующимъ прочность партіи. Такъ какъ все правительство состоитъ изъ лицъ или выборныхъ отъ народа или назначенныхъ этими послѣдними, то естественно, что не принадлежать ни къ одной изъ двухъ господствующихъ партій иногда сопряжено съ лишеніемъ источника существованія. Въ томъ участкѣ, напр., гдѣ я живу, значительное число рабочихъ принадлежитъ къ республиканскому клубу только потому, что онъ ихъ снабжаетъ казенной работой.

Въ прежнее время республиканская и демократическая партіи дѣйствительно были партіями принциповъ, и между ихъ предводителями находились люди, которымъ американская нація обязана очень многимъ,—люди, которые никогда не перестанутъ быть предметомъ гордости страны: только благодаря своему прошлому и этимъ своимъ представителямъ, партіи пошли въ гору. Но разъ достигнувъ могущества, онѣ упрочили за собою первенствующее значеніе и продолжаютъ держаться на своемъ пьедесталѣ даже и теперь, когда старые принципы въ сущности заглохли, когда истинно полезные и преданные государству люди вымерли и на ихъ мѣсто выступили дѣятели, которымъ никакого дѣла нѣтъ до государственныхъ идей и задачъ, и которые сильны только своимъ искусствомъ управлять избирательной машиной партіи. Этотъ современный типъ политики мѣтко охарактеризованъ названіемъ „wire-puller“, т.-е., „дергающій проволоку“, по которой двигаются маріонетки. Читателю, незнакомому близко съ американскою жизнью, это можетъ на первый взглядъ показаться преувеличеннымъ, но къ сожалѣнію, все сказанное есть несомнѣнный фактъ, признанный органами самихъ партій въ печати, среди которыхъ нерѣдко слышится сожалѣніе о добромъ старомъ времени. Такимъ образомъ, личный интересъ—вотъ главный базисъ, на которомъ держится организація двухъ главныхъ политическихъ партій, съ ихъ взаимнымъ традиціоннымъ антагонизмомъ.

Но такое положеніе вещей держаться долго не можетъ. Какъ республиканская партія, владѣвшая кормиломъ правленія болѣе 24-хъ лѣтъ, такъ и менѣе слабая демократическая партія все болѣе и болѣе теряютъ подъ собою почву, и на сцену начинаютъ выдвигаться новые элементы, которымъ, судя по ихъ быстрому ро-

сту, предстоитъ весьма видная роль въ недалекомъ будущемъ. Появились многочисленныя организаціи съ радикальными, экономическими и политическими направленіями всѣхъ оттѣнковъ. Сюда относится такъ-называемая „гринбэкерская" рабочая партія, партія анти-монополистовъ, „центральный рабочій союзъ", состоящій изъ делегатовъ отъ разныхъ рабочихъ ассоціацій (trades-unions), защитники труда, насчитывающіе до полумилліона членовъ, общество „освобожденія земли" и др.

„Гринбэкерская" партія уже давно дѣйствуетъ, какъ самостоятельная политическая организація, и составляетъ замѣтную силу послѣ республиканской и демократической партій. Въ первое время своего развитія она держалась главнымъ образомъ финансовой почвы, требуя по преимуществу изъятія изъ обращенія частныхъ банковыхъ билетовъ и замѣны ихъ государственными, которые выпускались бы конгрессомъ. Отсюда и ея имя „гринбэкеровъ" (greenback—зеленая спинка, которою отличаются государственныя бумажныя деньги). Эта партія впервые выступила на поприще избирательной агитаціи въ 1876 году, подъ руководствомъ своего кандидата, извѣстнаго филантропа Петра Купера. Она была побѣждена на выборахъ, но съ тѣхъ поръ она окрѣпла и пріобрѣтаетъ все большее значеніе въ странѣ. Недавно еще основной пунктъ ея программы былъ возведенъ въ законъ рѣшеніемъ высшаго суда, признавшимъ за конгрессомъ право выпускать бумажныя деньги. Вообще, партія эта старается доказать, что программа ея не ограничивается только упомянутою финансоной теоріею, но заключаетъ въ себѣ много другихъ важныхъ требованій, относящихся къ серьезнымъ государственнымъ и экономическимъ вопросамъ. Эта партія имѣетъ прочную организацію во всѣхъ штатахъ союза.

Партія „анти-монополистовъ", программа которой приведена ниже, выступаетъ въ этомъ году въ первый разъ съ своимъ спеціальнымъ кандидатомъ въ президенты. До сихъ поръ они добивались своихъ цѣлей черезъ посредство двухъ старыхъ партій, платя имъ поддержкой во время выборовъ.

„Рабочіе союзы" (trades-unions) прогрессивно растутъ въ своихъ силахъ и очень дѣятельно и успѣшно занимаются собираніемъ и объединеніемъ разсѣянныхъ по всей республикѣ своихъ отрядовъ. Ихъ „центральный союзъ" уже успѣлъ сдѣлаться предметомъ нѣкотораго страха для фабрикантовъ. Надо замѣтить, что нынѣшніе американскіе trades-unions имѣютъ совсѣмъ не тотъ характеръ, какой они имѣли нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Тогда они держались исключительно оборонительной системы, теперь же они перешли къ наступательной; тогда они дѣйствовали въ кругу отдѣльныхъ про-

мысловъ, которые нерѣдко враждовали между собою; нынѣ же это—союзъ всѣхъ ремеслъ. Старому уніонисту и въ голову не приходило, что баллотировка можетъ имѣть для него значеніе, теперешній же начинаетъ возлагать на нее большія надежды.

„Общество освобожденія земли“ (Free Soil Society) уже организовалось въ 17 штатахъ, которые послали своихъ делегатовъ на конгрессъ общества, состоявшійся въ Нью-Іоркѣ 20-го мая. Благодаря вліятельной агитаціи Генри Джорджа, это общество очень быстро распространяется.

Эти разрозненныя политическія силы, выступающія во имя интересовъ рабочаго класса, все болѣе и болѣе сближаются между собою и находятся въ процессѣ сплоченія въ одно компактное цѣлое. Этотъ фактъ, на который съ восторгомъ указываетъ развивающаяся здѣсь радикальная печать, до того очевиденъ, что онъ не можетъ ускользнуть отъ вниманія старыхъ партій, и сознавая всю опасность, угрожающую имъ, онѣ начинаютъ уже подумывать о томъ, какъ бы привлечь рабочихъ на свою сторону новыми заманчивыми обѣщаніями. Такъ, республиканцы въ недавно объявленной политической программѣ отводятъ мѣсто нѣкоторымъ пунктамъ въ пользу рабочаго класса.

Солидарность новыхъ политическихъ элементовъ и ихъ стремленіе къ сплоченію обнаруживается быстрымъ распространеніемъ по всему союзу такъ-называемыхъ „лигъ свободы“. Первая изъ нихъ возникла въ Нью-Іоркѣ очень недавно. Она получила начало въ двухъ конференціяхъ представителей вышеупомянутыхъ и другихъ имъ подобныхъ организацій. Расходясь между собою во многихъ теоретическихъ вопросахъ, всѣ члены конференцій согласились насчетъ способа практическихъ дѣйствій по отношенію къ серьёзнымъ задачамъ, стоящимъ на очереди и глубоко затрогивающимъ интересы трудящагося населенія. „Лиги свободы“ назначаютъ цѣлый рядъ коммиссій, на которыя возлагается обязанность всякими законными мѣрами воздѣйствовать на законодательную власть и склонять ее къ обсужденію и благопріятному рѣшенію того или другого вопроса.

Первый кандидатъ въ президенты былъ выставленъ партіей „антимонополистовъ“ на генеральной конвенціи, происходившей въ Чикаго 14-го мая. Послѣ составленія и утвержденія политической программы, приступлено было къ баллотировкѣ предложенныхъ кандидатовъ, и выборъ единодушно палъ на генерала Веніамина-Франклина Бутлера изъ Массачузетса. Его же избрали затѣмъ и „гринбэкеры“. Приводимъ существенныя заявленія анти-монополистской программы въ дословномъ переводѣ:

„Трудъ и капиталъ должны быть союзниками, а не врагами, и мы требуемъ для нихъ одинаковой справедливости, состоящей въ защитѣ правъ всѣхъ противъ привилегій немногихъ. Частныя корпораціи должны находиться подъ контролемъ закона. Мы предлагаемъ возможно большія сокращенія общественныхъ расходовъ. При утвержденіи и точномъ исполненіи законовъ должно быть соблюдаемо равенство всѣхъ гражданъ въ правахъ и обязанностяхъ. Правительство должно безотлагательно употребить свои конституціонныя прерогативы для урегулированія торговли между различными штатами. Главными двигателями промышленности служатъ пути сообщенія, деньги и средства передачи извѣстій. Все это въ настоящее время находится въ рукахъ гигантскихъ монополій и служитъ къ обѣднѣнію рабочаго и къ вытѣсненію конкурренціи. Поэтому мы считаемъ настоятельною обязанностью конгресса установить надлежащіе законы относительно этихъ факторовъ торговли, согласно неоднократнымъ рѣшеніямъ высшаго суда Соединенныхъ Штатовъ. Эти монополіи, обременяющія всякое предпріятіе, приводятъ къ безчисленнымъ несправедливостямъ по отношенію къ трудящимся милліонамъ гражданъ Соединенныхъ Штатовъ. Никакая преобразовательная система, оставляющая безъ защиты людей, которые зарабатываютъ хлѣбъ трудомъ своихъ рукъ, не имѣетъ права на поддержку публики. Бюро рабочей статистики должны быть учреждены въ каждомъ штатѣ, и одно общее, національное—для всей страны. Судъ долженъ замѣнить собою насиліе въ рѣшеніи споровъ между рабочимъ и работодателемъ. Необходимъ общій законъ объ ограниченіи рабочаго дня восемью часами. Ввозъ иностранныхъ рабочихъ по контрактамъ долженъ быть признанъ незаконнымъ. Какія бы реформы ни потребовались для защиты соединенныхъ рабочихъ, онѣ должны быть произведены. Трудящемуся должна принадлежать та часть прибыли, которую онъ сообщаетъ стоимости продукта. Мы требуемъ уплаты общественнаго долга, выбора сенаторовъ непосредственнымъ голосованіемъ народа соотвѣтственныхъ штатовъ,—тарифа, который бы какъ можно легче обременялъ предметы необходимости. Мы протестуемъ противъ нынѣшняго тарифа, такъ какъ онъ служитъ лишь интересамъ монополіи; онъ долженъ быть основательно измѣненъ въ пользу труда. Раздача земли корпораціямъ должна быть прекращена; всѣ прежнія постановленія о дарованіи земель подлежатъ пересмотру, а самыя земли могутъ быть конфискованы, если корпораціи, получившія ихъ, не исполнили въ точности тѣхъ условій, на которыхъ земли были имъ дарованы. Общественныя земли должны служить для поселенія дѣйствительныхъ земледѣльцевъ, а не для спекуляціи“.

Эта „платформа“ была формально сообщена Бутлеру вмѣстѣ съ увѣдомленіемъ объ избраніи его кандидатомъ въ президенты, на что онъ отвѣтилъ выраженіемъ своего полнаго согласія и готовности всячески содѣйствовать осуществленію всѣхъ пунктовъ программы, если ему достанется президентство.

Веніаминъ Бутлеръ состоитъ активнымъ участникомъ въ организаціи демократической партіи, и этому нисколько не мѣшаютъ его радикальныя воззрѣнія и живой интересъ въ судьбѣ рабочихъ массъ. Бутлеръ—человѣкъ, одаренный блестящимъ умомъ и рѣдкими способностями; онъ пользуется обширною популярностью въ странѣ, и ему, какъ видно, предстоитъ значительная роль въ предстоящей политической борьбѣ. Имѣя за собою выборъ анти-монополистовъ и болѣе сильной партіи „гринбэкеровъ“, а съ другой стороны пользуясь поддержкою въ рядахъ демократовъ, онъ становится, такимъ образомъ, предметомъ грозной дилеммы для этой послѣдней партіи.

Очень можетъ быть, что демократы разрѣшатъ эту дилемму избраніемъ его и своимъ кандидатомъ въ президенты [1]). Генералъ Бутлеръ родился въ 1818 году въ штатѣ Нью-Гэмпширѣ. Онъ изучалъ юриспруденцію и пріобрѣлъ извѣстность, какъ адвокатъ по уголовнымъ дѣламъ и какъ демократическій политикъ. Онъ былъ членомъ законодательной палаты, а затѣмъ членомъ сената, въ своемъ штатѣ. Въ 1860 году онъ былъ забаллотированъ какъ кандидатъ на должность губернатора Массачузетса. Въ гражданской войнѣ онъ дослужился до генеральскаго чина и успѣшно командовалъ бригадой. Возвратившись, по окончаніи войны, въ Массачузетсъ, онъ сталъ принимать дѣятельное участіе въ политикѣ, какъ радикалъ. Въ 1877 и опять въ 1879 году онъ снова баллотировался на должность массачузетскаго губернатора, но оба раза безъ успѣха; только два года тому назадъ ему удалось добиться этого сана. Въ настоящее время срокъ этой должности уже истекъ, и Бутлеръ не скрываетъ своего намѣренія попасть въ Бѣлый Домъ. Но одной кандидатуры „гринбэкеровъ“ и анти-монополистовъ еще недостаточно для осуществленія его желаній, а на выборъ демократовъ ему все-таки разсчитывать довольно трудно, потому что на ряду съ многочисленными приверженцами въ рабочемъ и среднемъ классахъ онъ имѣетъ много сильныхъ враговъ въ высшихъ демократическихъ кругахъ.

Избраніе Бутлера „гринбэкерами“ состоялось въ концѣ мая на національной конвенціи этой партіи, въ Индіанополисѣ (въ штатѣ

---

[1]) Извѣстно уже, что на демократической конвенціи 8-го іюля избранъ не Бутлеръ, а губернаторъ Нью-Іоркскаго штата, бывшій адвокатъ, Клевеленд. *Ред.*

Индіанѣ). На конвенціи присутствовало больше 450 делегатовъ, подъ предсѣдательствомъ генерала Тэйлора, сына покойнаго президента Захаріи Тэйлора. Въ началѣ засѣданія на конвенціи замѣтно было враждебное Бутлеру чувство, особенно со стороны делегатовъ отъ южныхъ штатовъ. Это настроеніе, главнымъ образомъ, мотивировалось его прямымъ участіемъ въ враждебной „гринбэкерамъ“ демократической организаціи. Но оппозиція стушевалась передъ преобладающимъ большинствомъ сторонниковъ Бутлера, и онъ былъ объявленъ кандидатомъ послѣ первой же баллотировки, при бурѣ аплодисментовъ и радостныхъ восклицаній. Первая рѣчь въ пользу Бутлера была произнесена женщиной — миссисъ Августой Бристоль, изъ Вайнланда (Нью-Джерси). Ея рѣчь имѣла чисто политическій характеръ и только изрѣдка заключала въ себѣ намеки на женское избирательное право. Генералъ Уэстъ (West) изъ Миссисипи былъ выбранъ кандидатомъ въ вице-президенты.

Политическая „платформа“, принятая „гринбэкерскою“ конвенціей, во многомъ напоминаетъ приведенную выше программу антимонополистовъ. Гринбэкеры вполнѣ сходятся съ анти-монополистами въ пунктахъ, относящихся къ земельному вопросу, вопросу о междуштатномъ торговомъ законѣ, о немедленной уплатѣ государственнаго долга, о контрактномъ ввозѣ иностранныхъ рабочихъ, объ уменьшеніи рабочаго дня; но они, сверхъ того, требуютъ: введенія правительственной системы телеграфовъ, а въ случаѣ необходимости и правительственныхъ желѣзныхъ дорогъ; изданія санитарныхъ законовъ для фабрикъ, рудниковъ и заводовъ; уничтоженія нынѣшней системы арестантскаго производства (convict labour), какъ опасной конкурренціи для труда свободныхъ рабочихъ; запрещенія дѣтскаго труда; предложенія на всенародное голосованіе вопроса о женскомъ избирательномъ правѣ и, наконецъ, ограниченія торговли спиртными напитками. Финансовому вопросу посвящается первый пунктъ, который требуетъ выпуска кредитныхъ билетовъ въ размѣрахъ, необходимыхъ для удовлетворенія дѣйствительныхъ потребностей торговли, а также возстановленія вышедшихъ изъ обращенія мелкихъ бумажныхъ денегъ, взамѣнъ звонкой монеты. Что касается тарифнаго вопроса, то программа „гринбэкеровъ“ гласитъ: „Поддерживая благоразумное измѣненіе тарифныхъ законовъ, клонящееся къ обложенію предметовъ роскоши въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ предметовъ необходимости, мы, однако, признаемъ, что въ экономическомъ отношеніи тарифный вопросъ не имѣетъ существеннаго значенія въ сравненіи съ финансовымъ, ибо въ то время, какъ промышленные кризисы происходятъ и при низкомъ, и при высокомъ тарифѣ, мы никогда не знаемъ никакого кризиса и не видимъ своихъ фабрикъ

и мастерскихъ закрытыми, если только количество денегъ, находящихся въ обращеніи, соотвѣтствуетъ нуждамъ торговли. Дайте нашимъ фермерамъ и фабрикантамъ деньги за такую дешевую цѣну, какъ вы ихъ даете банкирамъ, и они будутъ въ состояніи платить высокую заработную плату и конкуррировать со всѣмъ свѣтомъ".

Отъ „гринбэкеровъ" перейдемъ къ господствующей во всей странѣ республиканской партіи. Ея національная конвенція, засѣдавшая въ Чикаго отъ 2-го до 7-го іюня и кончившаяся выборомъ Джэмса Блэна кандидатомъ въ президенты, а Джона Логана въ вице-президенты, была важнымъ событіемъ, сосредоточившимъ на себѣ все вниманіе публики. Результаты республиканской конвенціи, какъ это всегда бываетъ, ожидались всею націей съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Въ теченіе послѣднихъ нѣсколькихъ дней, здѣсь только и была рѣчь, что о конвенціи и о предполагаемыхъ кандидатахъ,—а всѣ прочіе интересы нерѣдко откладывались въ сторону. Биржа почти закрылась на четыре дня; въ торговлѣ замѣчался сильный застой; вашингтонскій конгрессъ и палаты отдѣльныхъ штатовъ почти прервали свою дѣятельность. Многіе сенаторы и депутаты умчались въ Чикаго, а тѣ, которые остались, сидѣли разсѣянные въ опустѣвшихъ палатахъ и пропускали мимо ушей чтеніе докладовъ, такъ что нѣсколько биллей прошло черезъ конгрессъ безъ всякаго обсужденія. Для газетъ это была недѣля самой горячей дѣятельности: чуткія къ потребностямъ публики, онѣ слѣдили за малѣйшими движеніями конвенціи. Отряженныя ими арміи корреспондентовъ день и ночь проводили въ залѣ конвенціи и осаждали вопросами всякаго, кто пользуется хотя малѣйшимъ значеніемъ въ политическомъ мірѣ. Ничто не ускользало отъ пера корреспондента; его зоркій глазъ замѣчалъ малѣйшія черты, слѣдилъ за малѣйшимъ движеніемъ делегатовъ. Въ невольное изумленіе приводитъ видъ этихъ чудовищнообъемистыхъ и убористо-напечатанныхъ газетъ, наполненныхъ описаніемъ хода дѣлъ конвенціи и всего того, что̀ имѣетъ къ ней какое-либо отношеніе. Газеты выходили съ громадными прибавленіями, часто выпускались экстренные нумера, а въ предпослѣдній день засѣданія, когда происходили выборы кандидатовъ, такія экстренныя изданія выходили каждый часъ.

Особенно оживленный видъ принялъ городъ Чикаго. Туда собрались тысячи политическихъ и финансовыхъ дѣльцовъ, — кто въ качествѣ делегата, а кто просто какъ заинтересованный наблюдатель. Всѣ гостинницы были переполнены пріѣзжими по поводу конвенціи. Толпы народа окружали центральныя квартиры отдѣльныхъ секцій. Въ воздухѣ развѣвались флаги съ именами того или другого претендента на кандидатуру; раздавались торжественная музыка, рѣчи.

То и дѣло попадались на глаза суетящіяся озабоченныя фигуры политиковъ. Впрочемъ, такая картина въ Америкѣ не новость: ее можно видѣть осенью каждаго года, когда наступаетъ время выборовъ на тѣ или другія оффиціальныя должности. Конвенція засѣдала въ зданіи всемірной выставки. Зала, отведенная для конвенціи, можетъ вмѣстить до 14,000 человѣкъ; но выдано только 7,500 входныхъ билетовъ. Всѣхъ делегатовъ пріѣхало 820—изъ каждаго штата по числу, соотвѣтствующему двойному числу представителей и сенаторовъ, посылаемыхъ даннымъ штатомъ въ вашингтонскій конгрессъ. Эти делегаты были распредѣлены по штатамъ въ алфавитномъ порядкѣ. Всѣхъ предполагаемыхъ кандидатовъ было восемь: Джемсъ Блэнъ, президентъ Арчеръ, сенаторъ генералъ Джонъ Логанъ, сенаторъ Эдмундсъ, сенаторъ Джонъ Шерманъ, генералъ Шерманъ (братъ перваго), и секретарь Линкольнъ (сынъ убитаго президента). Имя бывшаго президента Гранта не было даже упомянуто, а между тѣмъ онъ имѣлъ большіе шансы быть однимъ изъ самыхъ сильныхъ соперниковъ, еслибы недавній крахъ его фирмы не повредилъ ему такъ сильно. Помимо обнаружившихся нечистыхъ дѣлъ фирмы, послужившихъ къ аресту его компаньоновъ, на его репутацію кладетъ несмываемое пятно опубликованное письмо его къ Уорду (Ward), въ которомъ онъ позволяетъ извлекать изъ своего имени и вліянія всевозможную пользу для фирмы. Это обстоятельство возбудило такое всеобщее негодованіе, что его кліенты вынуждены были оставить всякую мысль о произнесеніи его имени на конвенціи.

Каждый изъ кандидатовъ имѣлъ на конвенціи свою партію, которая составляла особую секцію и имѣла свою центральную квартиру. Каждая партія употребляла всѣ усилія, чтобы отбивать членовъ у остальныхъ и выдвигать впередъ своего избранника. Преобладающею силою пользовались партіи Арчера и Блэна; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что остальныя не могли питать никакихъ надеждъ на удачу, потому что приверженцы Арчера и Блэна въ отдѣльности не были достаточно сильны для того, чтобы дать своему кандидату необходимые для избранія 411 голосовъ при первой же баллотировкѣ; а при послѣдующихъ голосованіяхъ центръ тяжести могъ бы мало-по-малу перейти на сторону менѣе сильнаго или даже вовсе неожиданнаго кандидата. Подобный исходъ обыкновенно имѣетъ мѣсто, когда, въ противодѣйствіе угрожающему успѣху общаго врага, оппозиціонныя стороны предпочитаютъ соединиться вокругъ менѣе ненавистнаго, хотя бы и менѣе значительнаго кандидата, какъ это и случилось при избраніи Гарфильда на республиканской конвенціи 1880 года. Гарфильдъ былъ избранъ кандидатомъ, не смотря на то,

что онъ не имѣлъ ни одного голоса при первой баллотировкѣ и не имѣлъ больше двухъ до 34-й. Только, начиная съ 34-го голосованія къ нему стали стекаться силы другихъ соперниковъ, и онъ былъ выбранъ при 36-й баллотировкѣ 399 голосами. Такіе непредвидѣнные раньше побѣдители называются на здѣшнемъ политическомъ языкѣ „темными конями“ (dark horse).

Передъ открытіемъ засѣданія, конвенція приступила къ выбору временнаго предсѣдателя. Партія Блэна предложила генерала Клейтона, а партія Арчера—бывшаго члена конгресса Линча, негра изъ Миссисипи. Послѣдній былъ выбранъ большинствомъ 42 голосовъ. Избраніе Линча дало поводъ полагать, что партія Арчера сильнѣе Блэновской, но это оказалось ошибкой: избраніе *негра* предсѣдателемъ конвенціи — фактъ, не знающій себѣ примѣра въ исторіи американскихъ политическихъ партій—было просто разсчитано на приманку для негритянскаго населенія и юга вообще, подобно тому, какъ ирландцамъ, принадлежащимъ большею частію къ демократической партіи, конвенція сдѣлала уступку тѣмъ, что молебенъ при открытіи послѣдняго засѣданія былъ отслуженъ католическимъ священникомъ. Въ началѣ упоминалось имя генерала Шермана, какъ возможнаго „темнаго коня“, но начавшееся движеніе въ этомъ направленіи было убито въ зародышѣ письмомъ отъ ген. Шермана, въ которомъ онъ наотрѣзъ отказался отъ кандидатуры. Коноводы партій Арчера и Эдмунда старались соединиться, но ихъ продолжительные переговоры кончились только рѣшеніемъ стоять твердо за своихъ кандидатовъ и энергически противодѣйствовать Блэну.

Въ четвергъ 5-го іюня была прочитана и утверждена политическая программа партіи, чрезвычайно объемистыхъ размѣровъ. Программа наполнена, большею частію, возвышенными фразами. Въ своихъ существенныхъ пунктахъ она слишкомъ извѣстна съ прошлыхъ лѣтъ, чтобы распространяться о ней, потому отмѣтимъ только тѣ пункты, которые въ этомъ году были впервые прибавлены. Сюда относится: требованіе 8-часового рабочаго дня, учрежденія національнаго бюро рабочей статистики, запрещенія контрактнаго ввоза иностранныхъ рабочихъ; въ земельномъ вопросѣ программа вполнѣ сходится съ программами „гринбэкеровъ“ и „анти-монополистовъ“. Появленіе этихъ пунктовъ въ программѣ республиканской партіи возбудило чрезвычайное изумленіе, хотя, впрочемъ, никто не сомнѣвается, что въ нихъ надо видѣть лишь избирательный пріемъ, необходимость котораго, очевидно, вызвана быстротою роста новыхъ политическихъ силъ, о которыхъ сказано выше. Нельзя вѣрить искренности выраженныхъ въ новыхъ пунктахъ обѣщаній. Нѣсколько недѣль тому назадъ „центральному рабочему союзу“ удалось навя-

зать нью-іоркской палатѣ депутатовъ билль о 8-часовомъ рабочемъ днѣ,—и что же? Благодаря общимъ усиліямъ республиканскихъ и демократическихъ сенаторовъ, билль провалился въ сенатѣ. Подобной участи подверглись и другіе билли, внесенные въ палату по стараніямъ центральнаго рабочаго союза. Но если даже допустить, что вѣрные своей программѣ республиканцы постараются возвести упомянутыя требованія въ законы, то тогда еще остается вопросъ, намѣрены ли они заботиться о примѣненіи ихъ на практикѣ.

Того же 5-го іюня въ конвенціи началось провозглашеніе именъ кандидатовъ, сопровождавшееся пламенными рѣчами и взрывами восторга съ одной стороны и свистками, шиканьемъ—съ другой. Оглушительное хлопаніе, неистовый гулъ, бѣготня делегатовъ взадъ и впередъ, — все это не давало предсѣдателю никакой возможности соблюдать надлежащій порядокъ. Рѣчи, шумъ и гамъ протянули засѣданіе до 2-хъ часовъ ночи. Самое сильное впечатлѣніе и самую страшную бурю произвела рѣчь въ пользу Блэна, произнесенная бывшимъ судьею Уэстомъ (West), слѣпцомъ, делегатомъ изъ Огайо. Къ баллотировкѣ приступлено было на слѣдующій день утромъ. Результатомъ первой баллотировки было 334 голоса за Блэна, 278 за Арчера, 93 за Эдмундса, 63 за Логана, 30 за сенатора Шермана, 4 за Линкольна и 2 за генер. Шермана. Такъ какъ никто не имѣлъ необходимыхъ 411 голосовъ, то баллотировка была повторена еще 3 раза, пока, наконецъ, Блэнъ не получилъ 544 голоса. Всѣ попытки Арчерцевъ создать союзъ вокругъ какого-либо „темнаго коня“ были неудачны. Штатъ Иллинойсъ сначала крѣпко стоялъ за Логана, а Огайо за сенатора Шермана, но, потерявъ всякую надежду на успѣхъ, они послѣ третьей баллотировки перешли къ Блэну, доставивъ ему 80 голосовъ. Секретарь сталъ читать цифры четвертаго голосованія; когда дошло до Блэна, онъ не могъ пойти далѣе сотенъ: его голосъ потерялся въ ураганѣ рукоплесканій и криковъ. Прошло больше получаса прежде чѣмъ можно было продолжать работу. Наконецъ, когда водворился порядокъ, послѣ цѣлаго ряда рѣчей, въ которыхъ восхвалялись и Арчеръ и Блэнъ, предсѣдатель прочелъ передъ конвенціею телеграмму, полученную Блэномъ отъ президента Арчера, который, узнавъ объ исходѣ конвенціи, телеграфировалъ избранному кандидату слѣдующія слова: „какъ кандидатъ республиканской партіи, вы будете имѣть мое искреннее и прямое содѣйствіе“. Холодный тонъ этой телеграммы, не заключающей даже никакого поздравленія, вполнѣ понятенъ въ виду не особенно дружескихъ отношеній между президентомъ и Блэномъ. Когда зашелъ вопросъ о вице-президентѣ, большинство остановилось на Логанѣ.

Результатъ конвенціи былъ извѣстенъ на пространствѣ всей

республики черезъ полчаса; а на слѣдующій день утреннія газеты уже были полны отчетами о свиданіяхъ корреспондентовъ съ выдающимися политиками по поводу результатовъ конвенціи. Въ залѣ конвенціи еще не смолкли крики и аплодисменты, вызванные объявленіемъ результата 4-й баллотировки, какъ уже у Арчера, въ Вашингтонѣ, сидѣлъ репортеръ и спрашивалъ его мнѣніе на счетъ исхода выборовъ; президентъ показалъ ему въ отвѣтъ приведенную телеграмму свою къ Блэну.

Извѣстіе о выборѣ Блэна произвело сильное разочарованіе въ передовыхъ рядахъ республиканцевъ, такъ что многіе опасаются даже пораженія партіи въ этомъ году. Дѣло въ томъ, что Блэнъ, пользуясь высокою репутаціею, какъ ученый и политикъ, имѣетъ запятнанное имя, какъ человѣкъ; на него падаютъ тяжелыя обвиненія въ корыстолюбіи по отношенію къ государственной службѣ. Независимые республиканцы наотрѣзъ отказываются вотировать за него. Особенное неудовольствіе замѣчается въ финансовомъ мірѣ. Нью-іоркскіе банкиры боятся, что выборъ Блэна въ президенты вредно отзовется на интересахъ коммерціи. Ихъ расположеніемъ пользуется Арчеръ, и чтобы содѣйствовать его кандидатурѣ, многіе изъ нихъ отправились въ Чикаго, а тѣ, что остались дома, поддерживали партію Арчера ободряющими телеграммами. Всѣ теперь съ нетерпѣніемъ ожидаютъ демократической конвенціи, которая имѣетъ быть 8 іюля въ томъ же Чикаго. Результаты этой конвенціи будутъ, вѣроятно, имѣть рѣшающее значеніе для наступающихъ выборовъ. Демократы въ восторгѣ отъ неудачнаго исхода республиканской конвенціи и увѣрены въ побѣдѣ. Изъ кандидатовъ демократической конвенціи чаще всего упоминается имя Самупла Тильдена, но онъ навряд ли приметъ предложеніе, такъ какъ еще четыре года тому назадъ онъ рѣшительно отказался, ссылаясь на свои преклонные годы. Послѣ Тильдена больше всего говорятъ о нью-іоркскомъ губернаторѣ Клевеленде, бывшемъ членѣ конгресса Флаурѣ, сенаторѣ Баярдѣ и генералѣ Бутлерѣ.

А. К.

ЗАМѢТКА.

По поводу недоразумѣній газеты «Новости».

Противъ нашей статьи о „государственномъ соціализмѣ“ (въ іюльской книгѣ „Вѣстника Европы“) газета „Новости“ высказала цѣлый рядъ критическихъ замѣчаній, которымъ мы считаемъ не безполезнымъ посвятить нѣсколько словъ.

Прежде всего мы узнаемъ отъ „Новостей“ (№ 185), что мы сходимся съ ними „буква въ букву“ относительно постановки вопроса; насколько это вѣрно—мы опредѣлить не можемъ, потому что взгляды названной газеты на государственный соціализмъ намъ въ точности неизвѣстны. Однако изъ возраженій, дѣлаемыхъ намъ газетою, становится очевиднымъ, что мы совершенно расходимся съ нею не только въ постановкѣ вопроса, но и въ пониманіи его сущности. Такое разномыслiе нисколько не удивляло бы насъ, еслибы оно не было связано съ весьма существенными недоразумѣніями со стороны возражающаго.

„Новости“ смѣшиваютъ „государственный соціализмъ“ съ государственнымъ вмѣшательствомъ вообще и съ государственною опекою въ частности,—не смотря на то, что въ нашей статьѣ ясно указаны принципіальныя различія между обѣими категоріями понятій. Это смѣшеніе особенно странно встрѣчать въ газетѣ, которая, по собственнымъ ея словамъ, „много занимается вопросомъ о государственномъ соціализмѣ“. Прилагая свою ошибочную точку зрѣнія къ разбору нашей статьи, авторъ возраженія находитъ въ ней несуществующія противорѣчія, для устраненія которыхъ достаточно было бы имѣть въ виду приведенное нами опредѣленіе государственнаго соціализма въ настоящемъ смыслѣ этого слова (стр. 295 и др.), въ отличіе отъ другихъ формъ вмѣшательства или опеки государства. Непонятно, какимъ образомъ основная мысль нашей статьи, развиваемая въ ней довольно подробно, ускользнула отъ вниманія разбиравшихъ ее „Новостей“.

Газета не отличаетъ также государственнаго соціализма, какъ орудія для политическихъ цѣлей, отъ соціализма, какъ самостоятельной системы. Это недоразумѣніе опять-таки приводитъ оппонента къ напрасному исканію противорѣчій въ нашемъ этюдѣ. Мы указывали на естественную склонность традиціонныхъ консервативныхъ элементовъ западной Европы къ соціалистическимъ тенден-

ціямъ, направленнымъ противъ промышленной и либеральной буржуазіи; но нами же объяснено, что эти тенденціи, по своимъ мотивамъ и цѣлямъ, имѣютъ очень мало общаго съ идеями настоящаго государственнаго соціализма и съ дѣйствительными стремленіями рабочаго класса. Побѣдивъ буржуазію и либерализмъ при помощи большинства трудящагося населенія, консервативные дѣятели мнимаго соціализма столь же легко и быстро сбросили бы съ себя несвойственную имъ оболочку, какъ и приняли ее въ интересахъ политическаго господства. Между тѣмъ обширныя полномочія и учрежденія, вызванныя успѣшною игрою въ соціализмъ, остались бы въ силѣ и обратились бы противъ тѣхъ именно слоевъ общества, во имя которыхъ они предлагаются въ настоящее время. Вотъ почему „государственный соціализмъ, какъ сознательная система (а не какъ орудіе для постороннихъ цѣлей), предполагаетъ такія общественныя и политическія условія, которыя не существуютъ еще въ современной Европѣ".

„Новости" ошибаются, если видятъ личный „взглядъ на дѣло" въ нашемъ опредѣленіи задачъ экономическаго соціализма. Требованія соціалистическихъ партій не составляютъ тайны въ западной Европѣ; они заявляются въ публичныхъ программахъ и въ печати, такъ что для опредѣленія ихъ нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ произвольнымъ взглядамъ и догадкамъ. Указанныя нами экономическія начала соціализма одинаково выставляются на первый планъ и французскими коллективистами, и нѣмецкими соціалъ-демократами, и англійскими и американскими соціалистами. „Съуживать понятіе о соціализмѣ" намъ не приходилось уже потому, что въ нашей статьѣ рѣчь идетъ исключительно о соціализмѣ экономическомъ, не касаясь его нравственныхъ, общественныхъ и политическихъ идей.

Полемика „Новостей" противъ соціализма не имѣетъ, конечно, никакого отношенія къ нашей статьѣ; но намъ кажется нелишнимъ отмѣтить нѣкоторую смутность понятій въ разсужденіяхъ газеты по этому предмету. „Допустимъ,—говоритъ она,—что работникамъ будутъ всецѣло принадлежать продукты ихъ труда, и что земля, строенія, машины будутъ изъяты изъ числа предметовъ личной собственности, т.-е. будутъ принадлежать государству (?). Обезпечитъ ли такое положеніе дѣлъ дѣйствительно рабочихъ? Конечно нѣтъ, ибо достаточно будетъ одного изъ тѣхъ промышленныхъ и торговыхъ кризисовъ, которые случаются нынѣ столь часто въ разныхъ отрасляхъ народнаго хозяйства, чтобы лишить работниковъ средствъ къ существованію и поставить ихъ въ безвыходное положеніе, въ которое сплошь и рядомъ бываютъ поставлены нынѣ банкротящіеся фабри-

канты и заводчики. Очевидно, съ этой точки зрѣнія, государственные люди, заботящіеся о томъ, чтобы *при всякихъ условіяхъ* (sic!) обезпечить рабочихъ подъ старость, при болѣзняхъ, несчастныхъ случаяхъ и безработицѣ, лучше удовлетворяютъ реальнымъ требованіямъ жизни". Любопытно бы знать, какимъ чудодѣйственнымъ способомъ устранены будутъ послѣдствія промышленныхъ кризисовъ, въ случаѣ принятія проектовъ государственныхъ людей, и откуда возьмутся тогда неисчерпаемыя средства на обезпеченіе рабочихъ „при всякихъ условіяхъ". Въ дѣйствительности частые кризисы припутаны тутъ по недоразумѣнію, ибо они, напротивъ, служатъ для соціалистовъ обычнымъ доводомъ противъ свободной конкурренціи и вытекающаго изъ нея переполненія рынковъ товарами, не находящими сбыта,—что̀ устранялось бы, по мнѣнію соціалистовъ, новою соціальною организаціею производства.

Впрочемъ, „Новости" не имѣли повода спорить съ нами о значеніи проектовъ князя Бисмарка, такъ какъ онѣ сами иногда находятъ въ нихъ черты, достойныя рѣзкой критики; еще на этихъ дняхъ (въ № 191) газета осуждала стремленіе германскаго правительства „оказывать особенную поддержку крупному землевладѣнію", подъ прикрытіемъ заботы о крестьянствѣ. Но газета все-таки полагаетъ, что, за неимѣніемъ лучшаго, соціальныя реформы хороши и въ рукахъ прусской бюрократіи, поземельнаго дворянства, епископа Кеттелера, пастора Штекера, графа де-Мэна и тому подобныхъ дѣятелей,—ибо иначе грозитъ намъ будто-бы „бездѣйствіе (?) государства въ соціальныхъ вопросахъ" (№ 187). Неизвѣстно, съ кѣмъ полемизируетъ газета, возставая противъ сторонниковъ „бездѣйствія"; въ нашей статьѣ мы именно и старались доказать, что быть противникомъ бюрократическаго соціализма не значитъ еще быть противникомъ соціальныхъ реформъ и государственнаго вмѣшательства вообще. Послѣднее всегда было и будетъ, независимо отъ формъ государственной власти, тогда какъ новѣйшій консервативный соціализмъ есть спеціальная доктрина, стремящаяся укрѣпить положеніе монархическихъ элементовъ Запада посредствомъ временнаго союза съ рабочимъ классомъ для успѣшной борьбы съ господствующимъ промышленнымъ сословіемъ. Защитники рабочихъ могутъ находить такой союзъ выгоднымъ и даже идти ему на встрѣчу, какъ это предполагалъ отчасти Лассаль; но эта готовность обыкновенно исчезаетъ, когда слишкомъ ярко выступаетъ наружу политическая подкладка соціально-консервативныхъ проектовъ.

Не останавливаясь на прочихъ замѣчаніяхъ газеты, какъ основанныхъ, или на игнорированіи сказаннаго нами (напр. относительно Англіи) или на смѣшеніи соціализма вообще съ государственнымъ

соціализмомъ (относительно Соединенныхъ Штатовъ), мы должны еще пояснить на наглядномъ примѣрѣ всю важность пренебрегаемой „Новостями“ практической стороны вопроса о государственномъ вмѣшательствѣ. По земельному биллю Гладстона, размѣръ арендной платы опредѣляется особыми судебными коммиссіями, члены которыхъ назначаются правительствомъ. Представимъ себѣ, что власть перешла отъ либераловъ къ консерваторамъ, и послѣдніе замѣнили прежній составъ земельныхъ коммиссій новымъ, проникнутымъ полною преданностью интересамъ ландлордовъ. Коммиссары пользовались бы своими обширными полномочіями не для защиты поселянъ и арендаторовъ, а напротивъ для полнаго подчиненія ихъ произволу землевладѣльцевъ; вся земельная реформа 1881 года извратилась бы въ своемъ существѣ,—только вслѣдствіе перемѣны исполнителей, дѣйствующихъ отъ имени государства. Мѣра благодѣтельная по первоначальному своему смыслу оказалась бы новымъ могущественнымъ оружіемъ въ рукахъ поземельной олигархіи. Скажутъ ли „Новости“, что въ такомъ случаѣ желать лучшей обстановки для осуществленія реформъ—значило бы, со стороны англичанъ, забывать французскую пословицу: „le mieux est l'ennemi du bien?“—Реформы, заключающіяся не въ одномъ измѣненіи законовъ, а предполагающія постоянную контролирующую и распредѣляющую дѣятельность государства, требуютъ для себя особыхъ условій, безъ которыхъ онѣ могутъ совершенно не достигать желаемыхъ результатовъ.

Л. Слонимскій.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е августа, 1884.

— *Г. Е. Афанасьевъ*. Главные моменты министерской дѣятельности Тюрго. Одесса, 1884.

Изслѣдованіе г. Афанасьева имѣло, повидимому, цѣлью пополнить нѣкоторый пробѣлъ въ спеціальной французской литературѣ; но, какъ объясняетъ самъ авторъ въ предисловіи, цѣль эта не могла быть достигнута по совершенно случайной причинѣ: въ то время, какъ онъ работалъ уже надъ матеріалами для своего труда, появилось сочиненіе французскаго ученаго, которымъ упомянутый пробѣлъ былъ успѣшно пополненъ. „Признаюсь,—говоритъ г. Афанасьевъ,—что выходъ въ свѣтъ сочиненія Фонсэна озадачилъ меня значительно. Моя работа была на половину сдѣлана; въ 73 и 74 годахъ мною собраны были въ парижской національной библіотекѣ матеріалы для выясненія значенія нѣкоторыхъ мѣропріятій Тюрго, и оказалось, что многое изъ того, что̀ мною было проштудировано и собрано, было, вѣроятно, въ то же самое время предметомъ занятій Фонсэна". Такимъ образомъ авторъ напрасно потратилъ не мало времени и усилій на исполненіе задачи, которую съ гораздо бо̀льшимъ удобствомъ могъ исполнить французскій писатель.

Случай, разсказанный авторомъ, представляется намъ весьма поучительнымъ и характернымъ. Г. Афанасьевъ, очевидно, не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что попытка его сдѣлать вкладъ въ историческую литературу Франціи была ошибочна въ самомъ основаніи. Французы не будутъ читать книгу г. Афанасьева, даже еслибы его не предупредилъ Фонсэнъ; а для ознакомленія русской публики съ дѣятельностью Тюрго было слишкомъ неразсчетливо употреблять двухлѣтній самостоятельный трудъ въ парижской національной библіотекѣ. Къ сожалѣнію, наши молодые ученые, отправляющіеся за границу для научныхъ занятій, очень часто увлекаются этою странною мечтою—обогащать европейскую литературу по такимъ ино-

страннымъ вопросамъ, разработка которыхъ и безъ того вполнѣ обезпечена наличными силами европейской науки. Выборъ тэмъ для магистерскихъ и докторскихъ диссертацій поражаетъ нерѣдко своею отдаленностью отъ дѣйствительныхъ интересовъ и пробѣловъ русской ученой литературы. Наши изслѣдователи разыскиваютъ въ провинціальныхъ архивахъ Франціи новые матеріалы для исторіи Лангедока или изучаютъ состояніе французской финансовой администраціи въ XVI вѣкѣ,—тогда какъ богатѣйшіе матеріалы заграничныхъ архивовъ и библіотекъ относительно *Россіи* и исторіи ея сношеній съ Европою остаются почти нетронутыми. Необходимо было бы принять за правило, что лица, посылаемыя за границу для приготовленія къ профессурѣ по предметамъ историческимъ и юридическимъ, должны обязательно пользоваться богатыми европейскими книгохранилищами для разработки вопросовъ, имѣющихъ значеніе для Россіи. Вклады въ науку были бы тогда болѣе реальными и цѣнными; устранилась бы опасность запоздалой конкурренціи съ европейскими авторами, и труды нашихъ ученыхъ не пропадали бы безслѣдно для русскаго научнаго образованія.

Въ настоящее время русскіе изслѣдователи, работающіе въ иностранныхъ библіотекахъ, принуждены довольствоваться весьма малымъ въ признаніи своихъ заслугъ; иногда они принимаютъ за заслугу самую прикосновенность свою къ европейской наукѣ, въ лицѣ ея дѣйствительныхъ или мнимыхъ свѣтилъ. Такъ, напр., г. Афанасьевъ чрезвычайно тронутъ вниманіемъ профессора Левассёра къ его „слабому голосу въ вопросахъ науки“; а вниманіе это выразилось въ томъ, что въ отвѣтъ на запросъ автора Левассеръ сообщилъ ему,—что „нѣтъ ни одного сочиненія, которое трактовало бы исторію хлѣбной торговли во Франціи“. Вскорѣ послѣ того эта тэма назначена была французскою академіею, по предложенію Левассера, для обычнаго ежегоднаго конкурса. Въ этомъ обстоятельствѣ г. Афанасьевъ видитъ результатъ своего „слабаго голоса въ вопросахъ науки“, забывая уже, что объ отсутствіи полнаго изслѣдованія по данному вопросу онъ самъ узналъ отъ проф. Левассера. Нельзя не сожалѣть о нашихъ научныхъ силахъ, играющихъ столь комичную роль „въ вопросахъ науки“, безъ всякой пользы для русской ученой литературы.

Независимо отъ этихъ общихъ замѣчаній, трудъ г. Афанасьева самъ по себѣ обладаетъ несомнѣнными достоинствами, при нѣкоторыхъ также недостаткахъ. Авторъ не даетъ цѣльнаго историческаго очерка дѣятельности Тюргò, а разсматриваетъ лишь главныя реформы, совершенныя при его министерствѣ, причемъ не придерживается точнаго хронологическаго порядка въ изложеніи. Позднѣйшія событія излагаются ранѣе предшествовавшихъ; иногда время не обозначается

вовсе или предполагается уже извѣстнымъ, что́, конечно, затрудняетъ чтеніе книги для читателей, незнакомыхъ съ историческими подробностями изображаемой эпохи.

Характеризуя положеніе Франціи въ началѣ царствованія Людовика XVI, авторъ останавливается прежде всего на роли королевской власти. „Въ самомъ всесиліи власти,—говоритъ онъ,—была ея слабость. Ставъ всѣмъ въ государствѣ, королевская власть взяла на себя непосильную задачу замѣнить собою силу общественную. Не допуская политической самостоятельности общества, она приняла на себя отвѣтственность за все, происходящее въ государствѣ, и не только за то, что́ дѣлалось, но и за то, что́ не дѣлалось и чего она не въ силахъ была бы сдѣлать“. Въ то время, какъ высшія сословія пользовались многочисленными феодальными привилегіями, положеніе крестьянства было почти отчаянное. „Въ обыкновенные неголодные годы, хлѣбъ, смѣшанный изъ ячменя и ржаной муки съ отрубями, составлялъ постоянную пищу, которой къ веснѣ уже не хватало... Крестьянскія хижины напоминали собою хлѣвъ, а вовсе не походили на человѣческое жилье. Низкія, плохо крытыя соломою, безъ оконъ, съ однимъ отверстіемъ, которое служило и дверьми, и для выхода дыма,—таковы были крестьянскія избы того времени... При такихъ условіяхъ жизни, когда самое упорное прилежаніе не выводитъ человѣка дальше нищеты, нельзя ожидать предпріимчивости, энергіи или даже прилежанія. Мѣсто этихъ качествъ занимаютъ апатія, неповоротливость, лѣнь“. Всѣ налоги взимались съ низшаго сельскаго и городского населенія; финансовая система исходила изъ того правила, что „чѣмъ бѣднѣе, тѣмъ больше плати“; отсюда хроническіе дефициты, прикрываемые обманчивыми и неблаговидными спекуляціями. Назначеніе Тюрго министромъ было однимъ изъ немногихъ удачныхъ дѣйствій молодого короля, лишеннаго самостоятельности характера и легко поддававшагося вліяніямъ легкомысленной придворной атмосферы. Тюрго, по словамъ автора, „былъ, что называется, работящій человѣкъ; у него дѣло спорилось“; онъ „не справлялся съ своими личными интересами, когда дѣло шло о правдѣ“; онъ былъ человѣкъ искренній и притомъ застѣнчивый; онъ „даже не могъ говорить свободно въ присутствіи мало знакомыхъ людей“, такъ что часто „сухость—результатъ застѣнчивости—принималась за гордость, грубость и нетерпимость“.

Говоря о первыхъ дѣйствіяхъ Тюрго по вступленіи въ министерство, авторъ слишкомъ мало заботится о хронологіи; онъ обозначаетъ время мѣсяцами, не указывая, къ какому именно году они относятся. Эта общая черта проходитъ черезъ всю историческую часть книги. Послѣ подробнаго очерка стѣснительныхъ хлѣбныхъ

законовъ и ихъ печальныхъ послѣдствій, авторъ объясняетъ отношеніе Тюрго къ этому важному вопросу и затѣмъ продолжаетъ: „Такъ было лѣтомъ 1775 года. Тотчасъ послѣ вступленія своего въ министерство, онъ составилъ проектъ постановленія королевскаго совѣта о свободѣ хлѣбной торговли. Какъ видно, эта работа не взяла много времени. 24 августа Тюрго вступилъ въ министерство, а эдиктъ помѣченъ 13 сентября". Здѣсь не всякій читатель догадается, что дѣло идетъ объ августѣ и сентябрѣ 1774, а не 1775 г. Изложивъ постановленія, изданныя въ январѣ и въ октябрѣ 1775 г. (стр. 64), авторъ переходитъ къ разсказу о безпорядкахъ, происшедшихъ „въ апрѣлѣ и началѣ мая (?) по поводу дороговизны хлѣба". Далѣе опять упоминаются іюнь, августъ и другіе мѣсяцы, безъ отношенія къ какому-либо опредѣленному году.

Весьма неясно и сбивчиво обрисована роль Тюрго въ подавленіи майскаго возстанія. Подъ вліяніемъ уличныхъ волненій, король обѣщалъ народу понизить цѣну хлѣба; но Тюрго, вызванный въ Версаль, уговорилъ короля „издать указъ, которымъ воспрещалось требовать хлѣбъ отъ купцовъ и булочниковъ по цѣнѣ ниже рыночной". Съ своей стороны, парламентъ постановилъ просить короля о пониженіи цѣнъ на хлѣбъ; Тюрго распорядился задержать въ типографіи печатные экземпляры этого постановленія и обнародовалъ декларацію, которою „воспрещались всякія сборища подъ страхомъ смертной казни" (!). Два человѣка признаны были зачинщиками бунта, и казнь надъ ними совершена на Гревской площади. „Можно согласиться съ тѣми,—разсуждаетъ по этому поводу г. Афанасьевъ,—кто признаетъ, что казнь этихъ лицъ была необходима для того, чтобы избѣжать бо́льшаго несчастія отъ распространенія возстанія... Признавая солидность этихъ доводовъ, признавая далѣе, что казненные были законно осуждены мѣстомъ (?), которое также законно существовало (??), мы не можемъ не остановиться на несправедливости состоявшагося приговора". Несправедливость эта заключалась въ томъ, что „главныхъ виновниковъ пальцемъ не тронули", а казнили какихъ-то несчастныхъ—цырюльника и старьевщика. Какое участіе принималъ Тюрго въ допущеніи подобнаго правосудія—объ этомъ мы не находимъ у автора никакихъ свѣденій. Авторъ утверждаетъ, что безпорядки были произведены искусственно, вслѣдствіе заговора противъ Тюрго. Въ пользу этого заключенія приводятся сомнительныя данныя—бездѣйствіе полиціи и войскъ и т. п. „Прибавимъ вещественныя доказательства (?), — говоритъ г. Афанасьевъ:—въ Антуанскомъ предмѣстьѣ арестовали одного господина, прилично одѣтаго, и при немъ нашли 500 ливровъ. Также была арестована одна весьма прилично одѣтая амазонка. Въ карманахъ

арестованныхъ находилось много десяти-ливровыхъ монетъ" и т. д. (стр. 80). Трудно понять, почему эти произвольные аресты могутъ считаться „вещественными доказательствами". Вообще нѣтъ никакого основанія предполагать „тайныя махинаціи" въ народныхъ движеніяхъ, вызванныхъ голодомъ и крайнею дороговизною съѣстныхъ припасовъ. Авторъ упоминаетъ еще о подозрѣніяхъ противъ Сартина, Конти и другихъ вліятельныхъ лицъ, называя всегда лишь голыя имена, безъ всякихъ титуловъ; такъ же точно въ другихъ мѣстахъ книги говорится о Мопу, Морепа, безъ дальнѣйшихъ объясненій,—и читателямъ самимъ приходится догадываться, что дѣло идетъ о канцлерѣ Мопу, о графѣ Морепа, о принцѣ Конти, о бывшемъ „генеральномъ лейтенантѣ полиціи" де-Сартинѣ, и т. д. Эта манера чрезвычайно неудобна въ историческомъ сочиненіи, претендующемъ на точность и удобопонятность изложенія.

Въ главѣ о „второстепенныхъ реформахъ" авторъ вдается въ ненужныя подробности о бюджетныхъ разсчетахъ Тюрго. Министру приписываются и такіе успѣхи, которые едва ли могутъ относиться къ нему лично; между прочимъ, онъ боролся будто бы не только съ чумою рогатаго скота, но и съ невѣжествомъ народа, благопріятствовавшимъ распространенію болѣзни. „Энергія и умъ министра,—по словамъ автора,—восторжествовали: въ началѣ 1776 года падежъ скота въ нѣсколькихъ мѣстахъ прекратился вовсе, въ другихъ значительно ослабѣлъ" (стр. 125). Это значитъ придавать ужъ слишкомъ рѣшительную цѣлебную силу оффиціальнымъ мѣропріятіямъ. Столь же ошибочно утвержденіе, что Кольберъ своимъ эдиктомъ о водахъ „обезпечилъ многоводность рѣкъ" (стр. 154).

Очеркъ исторіи цеховъ и ихъ уничтоженія отличается обстоятельностью и полнотою. Г. Афанасьевъ справедливо находитъ, что отрицательное отношеніе Тюрго къ корпоративному устройству промышленности заключало въ себѣ чрезмѣрную односторонность. „Нельзя признать цѣлесообразнымъ,—говоритъ авторъ,—уничтоженіе братствъ и товариществъ и запрещеніе всякаго рода другихъ ассоціацій. Съ уничтоженіемъ цеховъ, братства и товарищества теряли свое вредное значеніе, а хорошія стороны этихъ сообществъ могли развиться. Они остались бы обществами взаимной помощи, поддерживали бы общественныя связи среди рабочихъ, не принося никакого вреда публикѣ. Вражда между отдѣльными братствами и товариществами, съ уничтоженіемъ монополіи, теряла смыслъ; она должна была исчезнуть, а мѣсто ея могли заступить солидарность интересовъ рабочихъ различныхъ профессій. Благодаря послѣдней, могли развиться производительныя артели, а это обстоятельство имѣло особенную важность въ виду наступленія машиннаго производ-

ства“ (стр. 180—1). Авторъ считаетъ нужнымъ защищать Тюрго, и въ своей защитѣ доходитъ до странныхъ увлеченій. Оффиціальный ораторъ Сегье, краснорѣчивый противникъ реформы, осуждается г. Афанасьевымъ съ непомѣрною суровостью. „Когда доходишь до конца его рѣчи,—замѣчаетъ онъ,—прочтешь его патетическую защиту королевскаго достоинства и въ то же время инсинуацію противъ автора закона, уваженіе къ оратору рушится (?), неблаговидность пріема подрываетъ вѣру въ его искренность“ (стр. 190). А между тѣмъ, доводы Сегье были съ тогдашней точки зрѣнія вполнѣ убѣдительны и не заключали въ себѣ десятой доли той рѣзкости, которая практикуется даже въ настоящее время въ газетныхъ и парламентскихъ спорахъ.

Важный эдиктъ объ уничтоженіи натуральной дорожной повинности также подробно разобранъ авторомъ. Тюрго старался убѣдить короля, что необходимо „придать законамъ характеръ разумности и справедливости, такъ какъ только эти качества могутъ сдѣлать ихъ долговѣчными“. Притомъ „правительству не нужно будетъ наказывать за преступленія, вызываемыя дорожною повинностью, и можно будетъ экономизпровать употребленіе власти, расточать которую такъ вредно“. Взамѣнъ повинности, возложенной на однихъ неимущихъ поселянъ, Тюрго предложилъ установленіе денежнаго налога, который уплачивался бы всѣми и преимущественно землевладѣльцами, какъ наиболѣе заинтересованными въ устройствѣ хорошихъ дорогъ. Противъ этого проекта поднялась сильнѣйшая оппозиція при дворѣ и среди привилегированныхъ сословій. Противники ссылались на прирожденное право дворянства — свободу отъ всякихъ податей. „Трудно хвастаться,—возражалъ Тюрго,—изъятіемъ отъ податей въ качествѣ дворянина въ виду экзекуціи надъ крестьянскою лачугою“. На Тюрго стали нападать, какъ на человѣка безпокойнаго, который грозилъ „сократить синекуры сановныхъ дармоѣдовъ“ и „мѣшалъ беззаботно-веселой жизни добраго стараго времени“. Для оцѣнки этой борьбы, которую пришлось выдержать министру, авторъ пользуется не только серьезною литературою той эпохи, но и брошюрами, стихотвореніями, анекдотами и популярными пѣснями, которыя приводятся цѣликомъ въ оригиналѣ. Быть можетъ, авторъ придаетъ слишкомъ много значенія этому послѣднему роду историческаго матеріала; такъ онъ выражается объ одной пѣснѣ, что она „могла служить лучшею наградою (?) для Тюрго за его труды на пользу народа“ (стр. 239). Напрасно также опредѣляется съ такою преувеличенною точностью моментъ появленія каждой пѣсни или куплета, съ обозначеніемъ числа того мѣсяца, когда извѣстные стихи появились; эта точность была бы гораздо болѣе

умѣстна относительно серьезныхъ событій и дѣйствій министерства Тюрго.

Съ особеннымъ интересомъ читается глава объ отставкѣ Тюрго, объ ея причинахъ и послѣдствіяхъ. Ослѣпленіе придворныхъ патріотовъ, мелкія личныя интриги, рѣшающее вліяніе женщинъ на ходъ государственныхъ дѣлъ,—все это предвѣщало катастрофу, которую хотѣли и могли предотвратить только дальновидные дѣятели, въ родѣ Тюрго и его единомышленниковъ. Неудача Тюрго приблизила революцію, по справедливому замѣчанію автора, ибо вѣра народа въ прочность традиціонныхъ учрежденій поколеблена была попытками реформъ, а отмѣна послѣднихъ усиливала недовольство и порождала общее чувство разочарованія.

Нельзя не замѣтить въ заключеніе, что слогъ г. Афанасьева страдаетъ нѣкоторою шероховатостью; у него попадаются такія фразы, какъ „сочувствіе военнаго министра экономіи“, „препятствія, встрѣчающія изобрѣтателей“, составленіе „постановленія о возстановленіи“ и т. п. Французскія выраженія передаются не совсѣмъ точно, а иногда прямо невѣрно (напр., „par des menées sourdes“ переведено „тайными путями“, „grande culture“ — „лучшая обработка“, „alarme“—„ужасъ“, „plus d'un magistrat“ — „болѣе чѣмъ одинъ человѣкъ“). При всемъ томъ трудъ г. Афанасьева заслуживаетъ вниманія русскихъ читателей, какъ самостоятельное изслѣдованіе объ одномъ изъ наиболѣе интересныхъ переходныхъ моментовъ новѣйшей европейской исторіи.

— Краткій курсъ политической экономіи въ связи съ финансами. Составилъ *Л. В. Ходскій*. Спб. 1884.

Какъ видно изъ предисловія, авторъ составилъ свой курсъ для спеціальныхъ классовъ коммерческаго училища и затѣмъ предназначилъ его для всѣхъ вообще тѣхъ, „кто, не изучая спеціально политической экономіи, желалъ-бы нѣсколько ознакомиться съ ея основаніями и оріентироваться въ области экономическихъ вопросовъ“. При недостаткѣ у насъ популярныхъ руководствъ по политической экономіи, трудъ г. Ходскаго заслуживаетъ полнаго сочувствія,—тѣмъ болѣе, что онъ составленъ весьма толково и съ знаніемъ дѣла. Фактическія свѣденія доведены въ курсѣ до начала текущаго года; читатель найдетъ здѣсь и разборъ новаго фабричнаго закона, и послѣднія данныя о бюджетѣ, объ акціонерныхъ компаніяхъ и всякаго рода товариществахъ, о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ и даже объ „элеваторахъ“, о которыхъ такъ много толковали наши газеты. Крат-

кость изложенія нисколько не мѣшаетъ полнотѣ и точности содержанія.

Только общая теоретическая часть курса страдаетъ нѣкоторою неопредѣленностью. Авторъ говоритъ объ экономической наукѣ, какъ о чемъ-то установившемся и цѣльномъ, и не даетъ читателю никакого понятія объ ея дѣйствительномъ современномъ состояніи; а между тѣмъ съ первыхъ-же страницъ ему приходится дѣлать выборъ между различными теоріями и высказывать истины весьма спорныя. Едва-ли удобно въ популярномъ курсѣ рѣшать основные вопросы въ ту или другую сторону, въ нѣсколькихъ словахъ, независимо отъ господствующихъ въ наукѣ мнѣній,—какъ это дѣлаетъ авторъ, напр., относительно вопроса о цѣнности. „Въ экономической литературѣ,—замѣчаетъ онъ,—существуетъ теорія, по которой единственнымъ источникомъ цѣнности признается трудъ, овеществленный въ данной полезности. Эта теорія, отчасти благодаря внѣшней стройности и талантливости ея (?), отчасти по нѣкоторымъ другимъ причинамъ, имѣетъ довольно много приверженцевъ, въ особенности среди не-спеціалистовъ (?)". Другими словами, большинство теоретиковъ классической англійской школы, послѣдователей Рикардо, Тюнепа, Родбертуса и Маркса, отнесено къ числу „не-спеціалистовъ",—пріемъ слишкомъ рискованный со стороны начинающаго русскаго ученаго. Возраженія, приводимыя г. Ходскимъ противъ преобладающей понынѣ теоріи, чрезвычайно слабы, и притомъ взамѣнъ ея не предлагается ничего другого. Въ сущности авторъ не идетъ далѣе общихъ мѣстъ въ родѣ того, что „полезности представляютъ въ глазахъ человѣка неодинаковую цѣнность смотря по тому, большій или меньшій трудъ употребленъ на пріобрѣтеніе полезностей, насколько годны онѣ для удовлетворенія потребностей, какъ трудно достать ихъ" и т. п. Ради чего-же нужно было опровергать „существующую теорію", съ напраснымъ указаніемъ на какихъ-то не-спеціалистовъ? Лучше было совсѣмъ не трогать сомнительныхъ пунктовъ, если ужъ нельзя было войти въ подробности и объяснить настоящее положеніе вопроса въ наукѣ.

Взгляды автора на науку кажутся намъ нѣсколько сбивчивыми: онъ не отличаетъ экономической *науки* отъ экономической *политики*, что приводитъ его къ невѣрнымъ опредѣленіямъ и къ замѣтному смѣшенію понятій. „Экономическая наука,—говоритъ онъ,—опирается на нравственность и не должна расходиться съ требованіями этой послѣдней"; очевидно, вмѣсто слова „наука", надо поставить здѣсь „политику". Изучая экономическія явленія, изслѣдователь долженъ руководствоваться единственно лишь началами правильнаго научнаго метода; его дѣло—анализировать факты, обобщать ихъ и выводить извѣстныя положенія. Требованія общественной морали обязательны не

при изученіи того, что́ есть, а при обсужденіи того, что́ должно быть, т.-е. въ вопросахъ экономической политики. Только къ наукѣ въ собственномъ смыслѣ примѣняется понятіе о научныхъ законахъ, о которыхъ,—замѣтимъ кстати,—слѣдовало-бы поменьше говорить экономистамъ, при нынѣшнемъ шаткомъ состояніи политической экономіи съ ея разнообразіемъ школъ и направленій. Г. Ходскій разсуждаетъ объ „основныхъ законахъ, управляющихъ хозяйствомъ", какъ о главномъ предметѣ науки; но эти разсужденія ограничиваются введеніемъ, и во всей положительной части курса читатель напрасно сталъ-бы искать указаній на какіе-либо общіе экономическіе законы, кромѣ развѣ такихъ банальныхъ, какъ „законъ" спроса и предложенія. „Хотя воля человѣка въ экономической сферѣ,—по словамъ автора,—играетъ громадную роль, все-же послѣдняя не настолько сильна, чтобы отодвигать на задній планъ экономическіе законы. Воля оказываетъ на нихъ вліяніе; однако, принимая во вниманіе все народное хозяйство, слѣдуетъ признать, что законы господствуютъ надъ волею. Благодаря этому, всякій данный экономическій строй отличается значительною устойчивостью, такъ-что при всей заманчивости быстраго и коренного переустройства его по тому или другому идеалу —мечты объ этомъ будутъ всегда разбиваться объ экономическіе законы, управляющіе экономическимъ строемъ данной эпохи". Однако, каковы эти великіе законы и въ чемъ они заключаются,—объ этомъ въ курсѣ г. Ходскаго нѣтъ почти ничего. Въ виду скромныхъ задачъ курса было-бы цѣлесообразнѣе не упоминать о научныхъ законахъ, чтобы не возбуждать въ читателѣ преувеличенныхъ ожиданій.

По нѣкоторымъ существеннымъ вопросамъ авторъ держится еще устарѣлыхъ воззрѣній. Подъ производствомъ онъ разумѣетъ „созданіе невещественныхъ цѣнностей, выражающееся въ оказываніи разнаго рода услугъ (?), а также открытіе, видоизмѣненіе и перемѣщеніе вещественныхъ полезностей и цѣнностей". Теорію „услугъ" пора уже бросить; она ничего не объясняетъ, а только вводитъ въ науку простую фразеологію. Невещественныя цѣнности можно-бы вообще оставить въ сторонѣ, такъ же точно какъ и „невещественный капиталъ". Относительно капиталистовъ авторъ ошибочно полагаетъ, что при низкомъ уровнѣ ссуднаго процента они предпочтутъ „держать свои деньги у себя, расходуя ихъ, по мѣрѣ надобности, на нужды потребленія, чѣмъ отдать ихъ въ постороннія руки",—какъ-будто капиталы ищутъ помѣщенія въ ущербъ личнымъ надобностямъ капиталистовъ. Къ рабочему классу авторъ относится довольно строго: по его мнѣнію, „забастовки, не вызванныя злоупотребленіями со стороны предпринимателей, необходимо преслѣдовать въ интересахъ на-

роднаго хозяйства; защитниковъ (вѣроятно, зачинщиковъ ?) подобныхъ стачекъ и забастовокъ нельзя не считать нарушителями общественнаго порядка и спокойствія" (стр. 76). Полагаетъ ли авторъ, что рабочіе могутъ устраивать забастовки для своего удовольствія, безъ серьезныхъ поводовъ или злоупотребленій со стороны предпринимателей? Такое предположеніе кажется намъ неправдоподобнымъ и несправедливымъ. Стачка сопряжена съ тяжелыми лишеніями для самихъ рабочихъ, и только весьма сильныя причины способны заставить ихъ прибѣгнуть къ этому обоюдоострому оружію. Опасеніе, что „вслѣдствіе забастовки городъ въ одинъ прекрасный день лишился бы воды, освѣщенія и т. п.", не можетъ считаться доказательствомъ въ пользу отнятія у рабочихъ обычной свободы труда. Представимъ себѣ, что работники стали бы почему-либо систематически уклоняться отъ участія въ извѣстнаго рода промыслахъ, хотя-бы необходимыхъ для общества; можно-ли было-бы на этомъ основаніи дѣйствовать насильно и требовать возстановленія крѣпостного права?

Доказывая важность предпріимчивости и самостоятельное значеніе предпринимательской прибыли, г. Ходскій мимоходомъ возстаетъ противъ какого-то воображаемаго взгляда „нѣкоторыхъ изъ видныхъ представителей экономической науки". Дѣло въ томъ, что эти „видные представители" не находятъ оправданія для дохода предпринимателей, вслѣдствіе „односторонняго воззрѣнія, что цѣнность есть лишь результатъ *простого* труда, а рента, прибыль на капиталъ, и доходъ предпринимателя представляетъ не что иное, какъ захватъ той или другой части цѣнностей, произведенныхъ *простыми* рабочими и имъ по праву принадлежащихъ" (стр. 85). Насколько намъ извѣстно, ни одинъ „видный" экономистъ не высказывалъ подобнаго взгляда, и авторъ полемизируетъ лишь съ продуктомъ своего собственнаго недоразумѣнія; никто не ограничивалъ понятія труда „простымъ трудомъ", и никѣмъ не оспаривалась важная роль умственнаго, квалифицированнаго труда въ производствѣ. Нѣтъ также разногласія относительно того, что руководители предпріятій должны быть вознаграждаемы по болѣе высокой нормѣ, чѣмъ остальные работники, сообразно дѣйствительному своему значенію для успѣшнаго хода дѣла.

Высказанныя нами замѣчанія касаются лишь общей теоретической части курса, довольно незначительной по объему. Въ дальнѣйшихъ частяхъ своихъ книга г. Ходскаго вполнѣ соотвѣтствуетъ своему назначенію и можетъ вообще служить полезнымъ пособіемъ для первоначальнаго ознакомленія съ экономическими и финансовыми вопросами. Въ концѣ курса помѣщенъ указатель книгъ, которыми пользовался авторъ; для публики этотъ указатель неудобенъ: списокъ книгъ

подобранъ какъ-бы случайно, безъ системы; отчасти приведены сочиненія старыя и давно потерявшія всякую цѣну, а изъ новыхъ указано много ненужнаго или слишкомъ спеціальнаго, тогда какъ не мало хорошаго пропущено.

— Прогрессъ и бѣдность по Генри Джорджу. Политико-экономическій этюдъ *С. Цвѣтъ* (*а*?). Спб. 1884.

Содержаніе книжки г. Цвѣта не оправдываетъ ея заглавія: это собственно не изложеніе и разборъ ученій Генри Джорджа, а кое-что по поводу одной изъ главъ трактата „О прогрессѣ и бѣдности". Авторъ самъ рекомендуетъ себя „человѣкомъ совершенно искреннимъ, далекимъ отъ всякой тенденціозности, кружковщины и доктринерства", а потому онъ заранѣе объявляетъ свой трудъ достойнымъ изученія, ибо „увидѣть, какія представленія по главнѣйшимъ вопросамъ соціальной экономики могутъ слагаться въ наше время" у такого человѣка (т.-е. искренняго и пр.)—это „чего-нибудь да стоитъ". За то читателя съ „предвзятою мыслью" онъ „рѣшительно не приглашаетъ заглядывать" въ его книжку.

Легко можетъ случиться, что большинство серьезныхъ читателей приметъ на свой счетъ странное предупрежденіе автора и дѣйствительно не заглянетъ въ его работу. „Предвзятая мысль" существуетъ у каждаго, въ видѣ опредѣленнаго взгляда, установившагося убѣжденія; отвергая подобныхъ читателей, можно остаться въ безплодномъ одиночествѣ, а на людей безъ мысли и безъ знанія нельзя разсчитывать при изданіи „политико-экономическаго" этюда. „Совершенно искренній" и пр. авторъ сдѣлалъ очевидную ошибку своимъ самоувѣреннымъ обращеніемъ къ читающей публикѣ, которой въ сущности нѣтъ никакого дѣла до его похвальныхъ личныхъ качествъ. Книжка вовсе не такъ плоха, чтобы нуждаться въ этихъ неловкихъ рекомендаціяхъ и предупрежденіяхъ.

Г. Цвѣтъ предлагаетъ въ русскомъ переводѣ главу Джорджа о возможности упадка нашей цивилизаціи и затѣмъ предается самостоятельнымъ размышленіямъ, снабжая ихъ цитатами изъ разныхъ книгъ и рѣзкою полемикою съ разными „тенденціями". При несомнѣнной начитанности, онъ постоянно ищетъ чего-то, ходитъ кругомъ и около всякихъ вопросовъ, изобличаетъ „одеревенѣлый либерализмъ" и близорукихъ охранителей, соглашается съ Джорджемъ и горячо споритъ съ радикалами. Мы имѣемъ предъ собою интересный литературный типъ, хотя и не новый. Изъ ссылокъ автора и изъ списка его сочиненій, помѣщеннаго на оберткѣ, мы узнаемъ, что г. Цвѣтъ писатель давнишній и разносторонній. Онъ высказывалъ свои убѣжде-

нія (безъ „предвзятой мысли“) еще въ 1860 году; съ тѣхъ поръ онъ писалъ много о государственномъ и народномъ хозяйствѣ, о нигилизмѣ, о восточномъ вопросѣ, о спиритизмѣ и о четырехъ измѣреніяхъ. Во время послѣдней турецкой войны онъ обращался съ энергическимъ письмомъ къ Гладстону, которое и приводитъ въ настоящей своей книжкѣ, для сличенія своихъ взглядовъ съ мнѣніями Джорджа (стр. 23—28). Онъ объяснилъ англійскому государственному дѣятелю все отвращеніе свое къ тому факту, что „свободная, христіанская, просвѣщенная страна обречена быть гнуснымъ орудіемъ всесвѣтныхъ ицекъ и мошекъ (?), раздувшихся въ Ротшильдовъ, Эрлангеровъ“, что въ мірѣ господствуетъ „униженіе предъ голою подлостью и пройдошествомъ“ и т. п.

Авторъ вѣритъ въ будущую рѣшающую роль государства въ соціальномъ вопросѣ; но „только сама жизнь можетъ опредѣлить тѣ формы, въ которыя сложится новый строй цивилизованной жизни“. Коснувшись недостатковъ нашей современной школы, въ связи съ „усиленіемъ занятій, задерживающихъ развитіе энергіи мысли“, г. Цвѣтъ находитъ, что „образованіе является такимъ образомъ не соединяющею соціальною силою, въ чемъ и состоитъ все его достоинство, а напротивъ—страшною противообщественною силою“ и что „въ концѣ концовъ для блага общаго, для крѣпости самого государства, лучше совсѣмъ не имѣть никакихъ школъ, чѣмъ тратить средства государственнаго бюджета на тѣ, которыя сильнѣе всякихъ радикальныхъ ученій подкапываютъ первую основу здороваго человѣческаго общежитія“ (стр. 88—9). Рѣшеніе—дѣйствительно радикальное, съ которымъ охотно согласятся „ревнители общаго блага“, упоминаемые авторомъ. Болѣе раціональны разсужденія о поземельной собственности, относительно которой авторъ отводитъ главное мѣсто правамъ общины и государства. Излишество краснорѣчія и отсутствіе системы въ мысляхъ значительно ослабляютъ нѣкоторыя положительныя достоинства брошюры г. Цвѣта.

— Женевская конвенція 1864 года, *И. А. Ивановскаго*. Кіевъ, 1884.

Исторія женевской конвенціи и обществъ „Краснаго креста“ чрезвычайно поучительна въ томъ отношеніи, что представляетъ единственный въ своемъ родѣ примѣръ успѣшной частной иниціативы въ области международнаго права. Въ изслѣдованіи г. Ивановскаго, печатавшемся въ кіевскихъ „Университетскихъ извѣстіяхъ“ въ прошломъ году и вышедшемъ нынѣ отдѣльною книгою, подробно разсказаны обстоятельства, которыми сопровождалось заключеніе междуна-

роднаго акта 1864 года; вмѣстѣ съ тѣмъ приведены данныя о положеніи раненыхъ и больныхъ воиновъ въ прежнія времена и о существовавшихъ по этому предмету договорахъ, а также подвергнуты критикѣ слабыя стороны самой конвенціи, въ связи съ новѣйшею литературою предмета.

Извѣстно, что конвенція была результатомъ усилій нѣсколькихъ лицъ—главнымъ образомъ Дюнана и Муанье. Дюнанъ напечаталъ въ 1862 году свои воспоминанія о Сольферино, въ которыхъ изобразилъ „ужасныя послѣдствія битвы и страшныя муки больныхъ и раненыхъ". По почину Дюнана, женевскій „комитетъ общественной пользы" дѣятельно занялся вопросомъ о способахъ облегченія участи раненыхъ воиновъ на будущее время. Предсѣдатель комитета предложилъ образовать для этой цѣли постоянныя общества, причемъ выяснилась необходимость международнаго соглашенія для надлежащаго успѣха предпринятаго дѣла. Дюнанъ „успѣлъ подготовить общественное мнѣніе и привлечь его на свою сторону; онъ посѣтилъ почти всѣ столицы Европы, разныя общества и многихъ высокопоставленныхъ лицъ, которыя, за весьма малымъ исключеніемъ, откликнулись на человѣколюбивый зовъ". Печать „также дѣйствовала въ пользу проекта Дюнана". Между тѣмъ комитетъ „взялъ на себя трудъ войти въ сношенія съ различными кабинетами" и, заручившись ихъ согласіемъ въ принципѣ, добился оффиціальнаго шага со стороны швейцарскаго союзнаго совѣта съ цѣлью созванія международнаго конгресса, который и состоялся въ августѣ 1864 года. Въ настоящее время конвенція принята 32 государствами—всѣми европейскими, шестью американскими и однимъ азіатскимъ (Персіею).

Неизбѣжные случаи нарушенія конвенціи отдѣльными лицами и отрядами во время войны служатъ поводомъ къ частымъ жалобамъ и нареканіямъ со стороны воюющихъ державъ; такъ было особенно въ 1870—71 годахъ. „Во время прусско-французской войны,—говоритъ г. Ивановскій,—стрѣляли въ докторовъ, госпитальныхъ служителей, носильщиковъ больныхъ, дурно обращались съ ними, грабили ихъ и брали въ плѣнъ; констатировано, что французскіе доктора добивали и ослѣпляли нѣмецкихъ раненыхъ и вѣроломно лишали жизни нѣмецкихъ солдатъ" и пр. (стр. 63—4). Въ то время какъ „французы, попавшіе въ руки нѣмцевъ, обыкновенно находили равный уходъ, эти послѣдніе, находясь во французскихъ госпиталяхъ, должны были иногда терпѣть разнаго рода лишенія" (стр. 102 и др.). Притомъ Франція употребляла тюркосовъ, которые, не зная и не понимая предписаній конвенціи, совершали надъ нѣмцами всякія звѣрства. Авторъ склоненъ считать французовъ менѣе человѣколюбивыми, чѣмъ нѣмцевъ; это произошло отчасти вслѣдствіе односторон-

пяго пользованія германофильскими источниками, а отчасти вслѣдствіе того, что упущено изъ виду одно весьма важное обстоятельство, имѣющее значеніе общаго правила,—что государство, потерпѣвшее неудачу на полѣ сраженія, не можетъ въ точности исполнять предписанія конвенціи, въ виду естественной общей неурядицы, паники, упадка энергіи и контроля, наконецъ народнаго раздраженія и инстинкта самообороны. Эта сторона вопроса почти не затронута авторомъ, а между тѣмъ она имѣетъ рѣшающее значеніе при оцѣнкѣ дѣйствій воюющихъ державъ. Также несправедливо авторъ ставитъ въ вину турецкому правительству, что во время войны 1877—8 г. турецкіе солдаты стрѣляли преимущественно въ мѣста, обозначенныя ненавистнымъ для нихъ знаменемъ враждебнаго христіанства; ничего другого нельзя было и требовать отъ турокъ по отношенію къ „красному кресту". Г. Ивановскій думаетъ, что турецкому правительству „слѣдовало бы, еслибы оно серьезно хотѣло исполнить женевскую конвенцію, просить Россію принять и у себя красный полумѣсяцъ" (!), чтобы избавить русскіе лазареты и перевязочные пункты отъ турецкихъ выстрѣловъ (стр. 83). Нечего и говорить о томъ, что подобное предложеніе, еслибы оно было сдѣлано, показалось бы, вѣроятно, въ высшей степени оскорбительнымъ для Россіи и для русской арміи. Трудно согласиться также съ мнѣніемъ автора, что необходимо запретить употребленіе на войнѣ азіатскихъ или африканскихъ солдатъ, въ родѣ тюркосовъ или башибузуковъ. Не все то, что̀ желательно, можетъ осуществиться на дѣлѣ; оборона народная, какъ и личная, не знаетъ никакихъ правилъ и ограниченій. Въ случаѣ крайности государства всегда будутъ прибѣгать ко всякимъ силамъ, имѣющимся въ ихъ распоряженіи, не исключая и башибузуковъ и тюркосовъ, — сколько бы ни протестовали противъ этого побѣдители. Жестокости войны исчезнутъ только вмѣстѣ съ войною, какъ способомъ разрѣшенія международныхъ споровъ.

— *Дмитрій Никольскій.* О выдачѣ преступниковъ по началамъ международнаго права. Спб. 1884.

Объемистая книга г. Никольскаго (въ 539 стр.) посвящена детальной разработкѣ вопроса, которому вообще посчастливилось въ нашей ученой литературѣ. Авторъ собралъ массу матеріала, фактическаго и литературнаго, и въ этомъ отношеніи можно признать его изслѣдованіе вполнѣ исчерпывающимъ предметъ. Что касается выводовъ и результатовъ, къ которымъ пришелъ авторъ, то въ нихъ не могло оказаться ничего новаго уже по самому свойству избранной тэмы.

Г. Никольскій держится взглядовъ извѣстнаго нашего спеціалиста

по международному праву, Ѳ. Ѳ. Мартенса, которому посвящена самая книга и котораго онъ въ своемъ изложеніи называетъ просто: „г-нъ профессоръ". Авторъ проникнутъ весьма гуманными воззрѣніями. „Справедливость,—говоритъ онъ,—правда внутренняя, человѣчная, основанная на совѣсти, стоитъ даже выше закона. Поэтому, если все служитъ интересамъ человѣка, все старается облегчить даже заслуженное имъ наказаніе, то и выдача, какъ одно изъ средствъ достиженія правосудія, какъ извѣстная форма судопроизводства (?), должна быть проникнута гуманнымъ отношеніемъ къ преступнику. Выдача должна прежде всего заботиться объ его интересахъ (т.-е. не выдавать?), о томъ, чтобы не создать такихъ условій, которыя бы обнаружили пристрастное, несправедливое отношеніе къ нему. На этомъ основаніи, если государство, выдавая преступника, убѣдится, что судъ на мѣстѣ совершенія преступленія обезпечитъ вполнѣ его интересы, его защиту, безпристрастное отношеніе судей, то тогда и *только тогда* оно истиннымъ образомъ служитъ цѣлямъ правосудія" (стр. 41). Такому взгляду противорѣчитъ однако рѣзкая критика дѣйствій тѣхъ государствъ, которыя отказываются выдавать виновныхъ въ совершеніи преступленія съ политическою цѣлью; а между тѣмъ эти государства несомнѣнно руководствуются мотивами, которые авторъ признаетъ обязательными. Почему же нападаетъ онъ на „рутинное лжелиберальное направленіе, проповѣдуемое большинствомъ западныхъ публицистовъ", (стр. 191), по вопросу о выдачѣ политическихъ преступниковъ? „Лжелиберальнымъ" оказывается здѣсь то именно отношеніе къ преступникамъ, которое проповѣдуетъ самъ авторъ! Въ концѣ своего обширнаго трактата г. Никольскій опять указываетъ на необходимость „человѣчности", высшей правды и справедливости (стр. 528—9). Но если на первомъ планѣ стоятъ интересы человѣчности, а не правосудія и безопасности, то не было бы надобности вообще хлопотать о выдачѣ и писать объ этомъ толстыя книги.—Л. С.

— *Вліяніе церковнаго ученія* и древне-русской духовной письменности *на міросозерцаніе русскаго народа* и въ частности на народную словесность, въ древній до-петровскій періодъ. Сочиненіе Алексѣя *Попова*. Казань, 1883.

Книга г. Попова имѣетъ видъ диссертаціи. Тэма, имъ избранная, не отличается новостью: историки литературы давно указываютъ на то, какъ сильно отразились на народной словесности вліянія старой церковности и произведеній старой духовной литературы. Цѣлый разрядъ произведеній народной поэзіи, такъ-называемые духовные стихи, составляютъ прямое порожденіе старой церковной книжности;

вліяніе апокрифическихъ сказаній указываютъ теперь въ самой былинѣ, даже въ такихъ ея герояхъ и приключеніяхъ, которые съ недавняго времени считались чистѣйшими русскими. Церковная книга столько вѣковъ была почти единственнымъ чтеніемъ грамотныхъ русскихъ людей, что ея вліяніе не могло не сказаться на народныхъ понятіяхъ и народной поэзіи. Все это, какъ мы сказали, давнымъ-давно замѣчено историками литературы, какъ историками церкви и народной жизни. Тѣмъ не менѣе, этотъ вопросъ могъ послужить тэмой особаго изслѣдованія, которое обняло бы предметъ въ цѣломъ и указало бы всѣ его оттѣнки и подробности. Г. Поповъ взялся за дѣло съ большой ревностью и, указавши въ началѣ своего сочиненія дѣятельность князей и духовенства на пользу народнаго просвѣщенія, излагаетъ въ цѣломъ рядѣ рубрикъ отраженія старой церковной письменности въ различныхъ произведеніяхъ народной поэзіи,—пословицахъ, былинахъ, духовныхъ стихахъ, легендахъ и пр. Рубрики эти слѣдующія: народныя представленія о Богѣ, объ Іисусѣ Христѣ, о святыхъ, о діаволѣ и ангелахъ; народныя воззрѣнія на человѣка; нравственное міровоззрѣніе русскаго народа (собственно религіозное); обязанности человѣка къ ближнимъ; народныя представленія о загробномъ состояніи. Пріемъ автора состоитъ обыкновенно въ сопоставленіи цитатъ изъ памятниковъ древней письменности съ произведеніями народной поэзіи, причемъ въ тѣхъ и другихъ оказываются одни и тѣ же или очень сходныя нравственно-религіозныя понятія или легендарныя сказанія. Общій выводъ автора заключается въ томъ, что русскій народъ, при всемъ младенчествѣ многихъ его понятій, при всемъ недостаткѣ правильнаго школьнаго образованія, съумѣлъ, однако, глубоко постигнуть начала христіанства; авторъ признаетъ, что въ началѣ существовало смѣшеніе христіанскаго съ языческимъ, что послѣднее уцѣлѣло отчасти и донынѣ въ нѣкоторыхъ народныхъ понятіяхъ и обычаяхъ, но, думаетъ, что эта примѣсь была чрезвычайно незначительна. Вообще авторъ полагаетъ, что русскій народъ глубоко воспринялъ основы христіанства, что „библейское ученіе привилось къ народу послѣ продолжительнаго процесса переработки народныхъ воззрѣній, усвоилось народомъ, сдѣлалось неотъемлемой и, пожалуй, *существенной частію его духовной природы*“. „Правда, говоритъ авторъ,—и доселѣ высокія христіанскія понятія въ народномъ міросозерцаніи переплетаются съ уцѣлѣвшими остатками языческихъ воззрѣній и какъ-будто отъ этого теряютъ свою чистоту; но внимательное изученіе памятниковъ народнаго творчества показываетъ, что христіанскій духъ и главныя христіанскія воззрѣнія усвоены русскимъ народомъ, а языческія представленія являются не болѣе, какъ жалкими, утратившими свой

смыслъ, остатками старины, мракъ которыхъ нисколько не подавляетъ и не тушитъ свѣта христіанскаго ученія" (стр. 407—408). Выводъ автора остается, однако, слишкомъ неопредѣленнымъ и не доведеннымъ до конца, такъ сказать, чисто книжнымъ. Напримѣръ, „процессъ переработки" религіозныхъ понятій народа не выясненъ авторомъ съ достаточной точностью и выведенъ больше теоретически съ помощью извѣстной книги Аѳанасьева; а народное міровоззрѣніе слишкомъ тѣсно опредѣляется печатными сборниками пѣсенъ и другихъ произведеній народной поэзіи. Не говоря о томъ, что эти сборники еще не полны (до сихъ поръ, напр., не восполнены ими тѣ пробѣлы, которые остались въ изданіи пѣсенъ Кирши Данилова), народное міровоззрѣніе опредѣляется, кромѣ поэзіи, *дѣйствительной жизнью*, существующимъ обычаемъ и житейской практикой, и еслибы авторъ принялъ въ соображеніе эти послѣдніе, его заключеніе было бы болѣе реально и болѣе близко къ истинѣ. Напримѣръ, самъ авторъ не однажды говоритъ о слишкомъ внѣшнемъ пониманіи народомъ христіанскихъ ученій или сказаній, и въ то же время онъ находитъ это пониманіе „истиннымъ" и „глубокимъ", что̀ выходитъ противорѣчиво. Извѣстно, какъ еще въ древней Руси было распространено чисто внѣшнее благочестіе, привязанность къ обряду; не знаемъ, можно ли такое формальное благочестіе, сводящее религію къ обряду, назвать истиннымъ пониманіемъ христіанства, когда и на самомъ дѣлѣ съ этимъ внѣшнимъ благочестіемъ могла мириться крайняя грубость и даже распущенность нравовъ.

Авторъ самъ указываетъ не одинъ разъ, что религіозныя представленія русскаго народа почерпались не только изъ подлинныхъ источниковъ христіанскаго вѣроученія, но и изъ источниковъ довольно мутныхъ, каковы были напр. апокрифическія сказанія; но онъ тѣмъ не менѣе утверждаетъ, что народное пониманіе остается правильнымъ. „Нужно сказать,—говоритъ авторъ,—что перевираемые (?) народомъ библейскіе факты — въ большинствѣ—факты, не имѣющіе слишкомъ рѣшающаго значенія въ дѣлѣ вѣры. Если напр. Бога народъ представляетъ съ внѣшней стороны нѣсколько въ грубыхъ чертахъ, то дѣятельность и промышленіе Божіе онъ понимаетъ уже глубоко. Если народъ перевираетъ (?) исторію происхожденія міра и первыхъ людей, то онъ все-таки знаетъ, что міръ не самъ какъ-нибудь произошелъ, а созданъ Богомъ. Перевираніе (?) библейскихъ фактовъ говоритъ не о языческомъ состояніи народа, а о его дѣтскости еще въ христіанствѣ" (стр. 404). Но рѣчь идетъ здѣсь не объ язычествѣ народа, а о томъ, насколько „дѣтскость" можетъ соединяться съ „глубокимъ" пониманіемъ религіи. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 391) авторъ замѣчаетъ, что „если библейскій образъ дьявола

отличается отъ духа злобы, созданнаго русскимъ народомъ, то не по духу, не по существу, а только по внѣшней формѣ"; но дѣло въ томъ, что внѣшняя форма во всякомъ случаѣ не безразлична, и ходячій преувеличенный антропоморфизмъ въ народныхъ изображеніяхъ зла, представляемаго дьяволомъ, едва ли отвѣчаетъ разумному религіозному воззрѣнію.

Выполнивши рубрики своей диссертаціи, г. Поповъ, намъ кажется, не рѣшилъ однако историческаго вопроса. Въ изображаемыхъ авторомъ религіозныхъ понятіяхъ русскаго народа, наибольшая доля составляетъ общее популярное представленіе *всѣхъ* христіанскихъ народовъ. Библейскія и апокрифическія сказанія были съ первыхъ вѣковъ христіанства распространены повсюду, куда только оно проникало, такъ что историческій вопросъ заключается не въ томъ, существовали ли эти вещи у русскаго народа, а въ томъ, какой именно оттѣнокъ онѣ получили у него. Точно также, вездѣ одинаково распространены основныя начала христіанской нравственности, и историческій вопросъ опять былъ въ томъ, чтобы указать, чѣмъ именно отличается здѣсь русскій народъ, на чемъ онъ въ особенности останавливался; какъ его выборъ обусловливался историческими обстоятельствами его жизни и въ свою очередь оказывалъ вліяніе на народный характеръ; какъ та или другая степень религіознаго пониманія была въ связи со степенью его умственнаго развитія и т. д. Только при этой болѣе точной постановкѣ вопроса мы получили бы и болѣе опредѣлительный историческій отвѣтъ, чѣмъ тотъ, какой даетъ теперь сочиненіе г. Попова.

— *Исторія* Императорскаго Московскаго *Общества исторіи и древностей россійскихъ*. Д. Чл. Пила *Попова*. Часть I. 1804—1812. Изданіе Импер. Общества истор. и древн. росс. при московскомъ университетѣ. Москва, 1884.

Авторъ настоящей книги еще съ 1850-хъ годовъ началъ свои работы по исторіи русской литературы и просвѣщенія. Въ числѣ матеріаловъ, на которыхъ онъ основывался, почти всегда кромѣ источниковъ книжныхъ являлись источники рукописные, архивные документы, неизданная переписка и т. п., такъ что сочиненія Н. А. Попова обыкновенно расширяли самый запасъ историческихъ источниковъ по данному предмету. Точно также и въ настоящемъ случаѣ, предпринявши исторію стараго московскаго ученаго общества, г. Поповъ кромѣ печатнаго матеріала, въ которомъ онъ обыкновенно имѣетъ обширную начитанность, употребилъ въ дѣло архивный матеріалъ, полученный изъ дѣлъ министерства народнаго просвѣщенія, матеріалъ новый въ литературѣ и иногда чрезвычайно любопытный.

Московское общество исторіи и древностей основано было въ 1804 году, отчасти по мысли знаменитаго Шлёцера; въ первые годы оно работало очень мало, въ 1810 году было закрыто и затѣмъ открыто опять съ новымъ составомъ членовъ. Эти немногіе годы и составляютъ предметъ вышедшей теперь первой части сочиненія г. Попова. Историку за это время не пришлось еще перечислить особенно важныхъ трудовъ общества, но книга тѣмъ не менѣе представляетъ много любопытнаго для тѣхъ, кого интересуетъ исторія русскаго образованія: дѣло въ томъ, что авторъ подробно останавливается на біографіяхъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ тогдашняго ученаго общества, разсказываетъ объ ихъ общественномъ положеніи, взаимныхъ отношеніяхъ и такимъ образомъ проводитъ передъ нами цѣлую галлерею учено-литературныхъ дѣятелей начала столѣтія, преимущественно московскихъ. Такъ мы находимъ здѣсь біографическія свѣденія о М. Н. Муравьевѣ, первомъ предсѣдателѣ общества, профессорѣ Чеботаревѣ, извѣстномъ попечителѣ московскаго университета Голенищевѣ-Кутузовѣ, другомъ предсѣдателѣ П. П. Бекетовѣ и многихъ иныхъ членахъ московскаго общества. Въ первый разъ собраны здѣсь біографическія свѣденія о Кутузовѣ, извѣстномъ своими злобными доносами на Карамзина, и приведены любопытныя извлеченія изъ его переписки съ министромъ просвѣщенія Разумовскимъ, причемъ усердная дѣятельность Кутузова на поприщѣ доносовъ является въ связи съ интригами партіи масонскихъ обскурантовъ. Въ приложеніяхъ къ книгѣ помѣщены подлинные документы изъ архива министерства народнаго просвѣщенія.

Отмѣтимъ наконецъ одну неточность. На стр. 99, въ письмѣ Поздѣева къ графу Разумовскому г. Поповъ читаетъ: „старайтесь, выходитъ позволеніе, какое можно, на работы масонскія“ и т. д. Слѣдуетъ читать: „старайтесь *выходить* позволеніе“ и проч., т. - е. выхлопотать;—съ этимъ возстановится и настоящій смыслъ письма.

—*Очерки исторіи украинской литературы* XIX столѣтія. Н. И. *Петрова*. Кіевъ, 1884.

Г. Петровъ въ послѣдніе годы посвятилъ не мало труда для изслѣдованія малорусской литературы прошлаго и нынѣшняго столѣтія. Статьи его, печатавшіяся въ различныхъ журналахъ, составили отдѣльную книжку объ украинской литературѣ XVIII столѣтія; настоящая книга посвящена новѣйшей литературѣ. Въ первой было не мало новыхъ данныхъ, извлеченныхъ изъ рукописей; вторая представляетъ обширное собраніе біографическихъ и историко-литературныхъ свѣденій. Начиная свое изложеніе новѣйшей малорусской ли-

тературы, авторъ замѣчаетъ, что она доселѣ не получила права гражданства и періодически подвергалась нападеніямъ враждебныхъ литературныхъ партій и даже запрещеніямъ отъ правительства: отсюда, по словамъ автора, возникали съ одной стороны тенденціозное отношенія къ украинской литературѣ ея противниковъ, и съ другой, раздражительность, а также и боязливость украинскихъ писателей, часто печатавшихъ свои сочиненія за-границей и скрывавшихъ свои имена подъ псевдонимами. Этимъ положеніемъ вещей затрудняется и самое изученіе украинской литературы. Изслѣдователь видитъ передъ собой два противоположные взгляда на нее: одинъ—враждебный и пренебрежительный, другой—сочувственный и склонный преувеличивать ея достоинства. Въ томъ и другомъ лагерѣ,—говоритъ авторъ,—„не достаетъ спокойнаго изученія историко-литературныхъ фактовъ и даже надлежащей полноты этихъ фактовъ, необходимой для правильнаго уразумѣнія украинской литературы". Этому и рѣшился помочь г. Петровъ. Только одно историческое изученіе можетъ, по словамъ его, „развязать гордіенъ узелъ запутанныхъ отношеній между обѣими отраслями русской литературы, который силятся, по временамъ, разрубить насильственнымъ образомъ". Только такое изученіе „показало бы истинное происхожденіе ея и характеръ, изслѣдовало бы ту почву, на которой она прозябаетъ, и опредѣлило бы, насколько устойчива и питательна эта почва, и потому имѣетъ ли свою будущность украинская литература, или не имѣетъ ея". Въ видахъ объективности изслѣдованія авторъ желаетъ дать такое изложеніе предмета, гдѣ „менѣе всего было бы *апріорныхъ взглядовъ* и поболѣе фактическихъ данныхъ". Этимъ и дѣйствительно и опредѣляется характеръ книги г. Петрова.

Въ первой вводной главѣ, авторъ пересматриваетъ прежніе труды по этому предмету, опредѣляетъ ихъ точки зрѣнія и ихъ достоинства, или больше недостатки, и указываетъ, наконецъ, свой взглядъ или свое дѣленіе періодовъ новой украинской литературы. Онъ находитъ шесть такихъ періодовъ, а именно: 1, псевдоклассическая украинская литература и реакція псевдоклассицизму (съ Котляревскаго); 2, сантиментальная литература (съ Основьяненка); 3, литература романтико-художественная (съ Метлинскаго); 4, украинскій націонализмъ (Максимовичъ, Бодянскій, Гоголь и пр.); 5, украинское славянофильство (Костомаровъ, Навроцкій, Кулишъ, Шевченко); 6, новѣйшая литература (съ Марка-Вовчка, Левицкаго и пр.). Конечно, эти періоды болѣе или менѣе переплетаются другъ съ другомъ, но въ общемъ они отдѣлены довольно вѣрно, хотя не всегда довольно точно характеризованы.

Какъ бываетъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, г. Петровъ

недоволенъ трудами своихъ предшественниковъ, находя въ нихъ тѣ или другіе недостатки и, между прочимъ, забывая простое обстоятельство, что до сихъ поръ никто еще не предпринималъ подробнаго изложенія новѣйшей украинской литературы, а въ краткихъ очеркахъ и невозможна была фактическая полнота, а вмѣстѣ затруднительно опредѣленіе всѣхъ частностей въ разныхъ направленіяхъ литературы. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи трудъ самого г. Петрова оставляетъ очень многаго желать. Лучшая сторона его сочиненія есть обиліе біографическихъ и библіографическихъ указаній (въ библіографіи трудъ его значительно облегчилъ „Покажчикъ“, т.-е. указатель, малорусской литературы г. Комарова, изданный недавно при альманахѣ „Рада“ и отдѣльно); но объясненіе общихъ явленій и условій развитія литературы у него довольно скудно. Оно ограничивается обыкновенно немногими замѣчаніями на двухъ-трехъ страничкахъ въ началѣ каждаго отдѣла, за которыми прямо слѣдуютъ біографіи писателей и изложеніе содержанія ихъ сочиненій. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ г. Петровъ и здѣсь имѣлъ въ рукахъ матеріалы, совсѣмъ не изданные, и „исторически“ разбираетъ писателей, имъ самимъ въ первый разъ открываемыхъ (см. напр. біографію и разборъ рукописныхъ сочиненій г. Навроцкаго). Но онъ, кажется, слишкомъ далеко завелъ свою боязнь „апріорныхъ взглядовъ“. О какихъ взглядахъ идетъ здѣсь рѣчь? Главнымъ образомъ они состояли именно въ тѣхъ или другихъ мнѣніяхъ о томъ, имѣетъ ли малорусская литература право на существованіе подлѣ русской или нѣтъ; вопросъ былъ довольно существенный, который трудно было миновать въ указанномъ выше положеніи вещей, и который ставитъ себѣ теперь и самъ г. Петровъ. Въ защиту того или другого мнѣнія объ этомъ приводились историческіе и литературные факты и соображенія, которые могли быть вѣрны или невѣрны, но которыхъ „апріорность“, т.-е. отвлеченность, была очень не велика; напротивъ, они бывали обыкновенно довольно просты и осязательны. Но по ихъ поводу велась упорная полемика, со стороны враговъ украинской литературы иногда не брезговавшая никакими средствами борьбы, и поэтому, кажется, наконецъ, опротивѣвшая защитникамъ украинской литературы. Вѣроятно, г. Петровъ и хотѣлъ уклониться отъ этой борьбы, гдѣ надо было стать на ту или на другую сторону, и выразилъ это своимъ уклоненіемъ отъ „апріорныхъ взглядовъ“: при этомъ однако, несмотря на цѣнность собраннаго матеріала, для будущихъ объясненій дѣла, самый вопросъ въ рукахъ г. Петрова остался на томъ же мѣстѣ, гдѣ стоялъ раньше. Укажемъ, напр., одну весьма существенную сторону предмета, которая имѣетъ въ этомъ случаѣ большую важность и которой совсѣмъ не касается г. Петровъ, или

касается только вскользь и мимоходомъ: это — существованіе другой южно-русской литературы кромѣ „украинской“, именно — литературы галицко-русинской. Ихъ взаимныя отношенія становятся все болѣе и болѣе тѣсны, такъ что и вопросъ объ украинской литературѣ не можетъ быть рѣшенъ внѣ связи ея съ галицкой: на это и указывали тѣ писатели, которымъ г. Петровъ приписываетъ „апріорность“ взглядовъ. Безъ выясненія общихъ національныхъ и литературныхъ отношеній *цѣлаго* южно-русскаго племени не можетъ быть рѣшенъ и вопросъ объ „украинской“ литературѣ.

Остановимся еще на одной подробности. Перечисляя въ предисловіи прежніе труды по малорусской литературѣ, г. Петровъ упоминаетъ, между прочимъ, объ изложеніи ея въ книгѣ г. Пыпина о славянскихъ литературахъ. Объ этомъ изложеніи г. Петровъ судитъ такъ: въ одномъ случаѣ, признавъ, что упомянутый авторъ „пользовался разнообразными источниками“, причисляетъ его однако къ „ближайшимъ послѣдователямъ Кулиша“. На это можно замѣтить, что авторъ „Исторіи слав. литературъ“ пользовался *фактическими* указаніями Кулиша столько же, какъ и всякаго другого, писавшаго о малорусской литературѣ, но что, напротивъ, именно много особенныхъ идей Кулиша совсѣмъ не раздѣлялъ, напр., не раздѣлялъ ни его (почти всегда преувеличенныхъ) восхваленій или осужденій, ни его этнографическихъ ошибокъ (примѣръ послѣдняго г. Петровъ могъ бы видѣть еще въ давней статьѣ „Современника“, по поводу „Записокъ о южной Руси“, 1856, которую въ другомъ мѣстѣ самъ цитируетъ); новѣйшая дѣятельность г. Кулиша въ „Исторіи слав. литер.“ характеризована, кажется, весьма достаточно. Затѣмъ, относительно новаго изданія „Исторіи слав. лит.“, г. Петровъ столь же основательно находитъ, что авторъ ея „слѣдуетъ болѣе Костомарову“ и, мало того, г. Петровъ находитъ, что „повидимому“ этотъ авторъ „пользовался и *устными совѣтами* г. Костомарова“. Объ этомъ послѣднемъ предметѣ мы имѣемъ весьма точныя свѣденія: пользованія совѣтами *не было*, и предположенія г. Петрова составляютъ то, что̀ называется сплетней.—А. Н.

СТРАННЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ.

— *Иллюстрированный спутникъ по Волгѣ*, въ 3-хъ частяхъ, съ картою Волги. Историко-статистическій очеркъ и справочный указатель. Составилъ *С. Монастырскій*. Казань, 1884.

По словамъ автора этой книги, „Волгой интересуются всѣ“. Самъ авторъ очень восхищается Волгой и чрезвычайно высоко ставитъ ея національное значеніе какъ одного изъ могущественныхъ путей народной промышленности и торговли. Въ теченіе шести лѣтъ, по его словамъ, авторъ изучалъ Волгу, и за отсутствіемъ ея описаній, которыми могли бы пользоваться путешественники, рѣшился составить настоящую книгу. Цѣль благая. За исключеніемъ книги г. Рагозина „Волга“, изданіе которой, къ сожалѣнію, пріостановилось, въ литературѣ, въ самомъ дѣлѣ, давно уже не появлялось сочиненій о Волгѣ, которыя могли бы быть справочной книгой для путешественниковъ; самая книга г. Рагозина не была пригодна для этой цѣли, потому что ставила себѣ гораздо болѣе обширную задачу. Не знаемъ, много ли бываетъ туристовъ, которые ѣдутъ на Волгу не по однимъ практическимъ дѣламъ; г. Монастырскій говоритъ, что они бываютъ и что между ними бываетъ даже много иностранцевъ (нѣсколько лѣтъ назадъ мы имѣли случай говорить о замѣчательной въ своемъ родѣ французской книгѣ Легрелля: „le Volga“). Надо полагать, что есть потребность въ путеводителѣ, въ который, вѣроятно, заглянули бы, кромѣ собственно туристовъ, и вообще любознательные люди; и сами дѣльцы, хотя обыкновенно очень беззаботные на счетъ красотъ природы, историческихъ воспоминаній и тому подобныхъ пустяковъ, обратили бы вниманіе на подобную книгу ради справочныхъ свѣденій. По всему этому книга г. Монастырскаго является очень кстати.

Тамъ, гдѣ путешествуютъ много и гдѣ выработались извѣстные пріемы путешествія (возможность осмотра и изученія замѣчательныхъ мѣстностей и предметовъ, съ наименьшей тратой времени на ознакомленіе съ мѣстными условіями и безъ потери его на чтеніе пустыхъ книгъ), выработалась и извѣстная форма путеводителей: знаменитый „Бэдекеръ“ сталъ нарицательнымъ именемъ у нѣмцевъ и у тѣхъ, кто можетъ пользоваться нѣмецкими книгами, Мёррей (Murray) у англичанъ, Жоаннъ у французовъ, и т. д. Типъ этихъ книгъ извѣстенъ: сжатое, отчетливое изложеніе, въ которое входятъ всѣ основные факты изъ топографіи, исторіи, статистики какъ цѣлой

описываемой страны, такъ и ея главныхъ мѣстностей, свѣденія о путяхъ сообщенія, описанія достопримѣчательностей въ городахъ (даже напр. съ довольно подробными каталогами художественныхъ собраній) и т. п., — именно *основные* факты и *необходимыя* свѣденія безъ всякихъ лишнихъ разглагольствій, безъ подсказыванія читателю его впечатлѣній отъ того или другого краснваго вида, памятника, художественнаго произведенія и т. д., и только не пропуская обратить вниманіе читателя на то, что̀ должно потребовать этого вниманія. Печатаются подобныя книги обыкновенно яснымъ, убористымъ шрифтомъ, съ четкими планами, картами и рисунками, въ небольшомъ форматѣ. Въ результатѣ получается то, что подобныя книги въ небольшомъ объемѣ представляютъ огромную массу точныхъ свѣденій, которыя даютъ путешественнику всѣ необходимыя указанія для изученія того, что̀ возбудитъ его любопытство. Путешественникъ бываетъ всегда съ своимъ Бэдекеромъ. Нѣкоторыя книги этого рода, напр. старая книга Жоанна объ Италіи, Мёррея о Римѣ и др. были своего рода классическими трудами: это бываютъ вообще дѣйствительные „путеводители“ и „спутники“.

Здѣсь заключалась дѣловая справочная сторона путешествія. Затѣмъ оставалась разнообразная и безграничная область личныхъ впечатлѣній. „Путеводитель“ не имѣетъ обыкновенно ни малѣйшей претензіи навязывать читателю впечатлѣнія своего автора, его размышленія, восторги, мечты, неудовольствія и т. д.; предполагается, что читатель способенъ будетъ самъ имѣть всѣ эти впечатлѣнія и ему надо было только доставить матеріалъ свѣденій—или по топографіи, или по исторіи, или по искусству и т. д. Въ эту область впечатлѣній вступали уже совсѣмъ иного рода писатели—тѣ, которые не заботились о справочныхъ свѣденіяхъ и думали именно передать результаты своей мысли, своихъ соціальныхъ наблюденій, своихъ изученій экономическихъ, художественныхъ и т. д.: это бывала уже литература путевыхъ записокъ, очерковъ, Reisebilder,—спеціальныхъ трактатовъ, а не путеводителей. — Нѣтъ сомнѣнія, что такое раздѣленіе труда весьма цѣлесообразно, потому что цѣли книгъ того и другого рода, дѣйствительно различны: смѣшно описывать свои восторги передъ Сикстинской Мадонной и тутъ же рядомъ сообщать цѣну извощика, который довезетъ къ ней.

Какая же была программа г. Монастырскаго? Авторъ намѣревался составить такой путеводитель, „который, помимо справочныхъ свѣденій, содержалъ бы въ себѣ историко-статистическій очеркъ приволжскихъ городовъ, описаніе достопримѣчательностей и, въ то же время, указывалъ бы на важнѣйшіе мѣстные вопросы и на экономическое значеніе описываемыхъ пунктовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ у автора

была забота, чтобы путешествующіе на волжскихъ пароходахъ нашли въ этой книгѣ собесѣдника *не очень скучнаго*". Итакъ, авторъ смѣшалъ цѣли путеводителя съ цѣлью занимать и увеселять читателя. Эту послѣднюю заботу авторъ высказываетъ нѣсколько разъ и, какъ увидимъ, она не послужила къ пользѣ его книги...

Матеріалъ своего сочиненія авторъ указываетъ въ своихъ личныхъ наблюденіяхъ во время шестилѣтняго знакомства съ Волгой и въ существующихъ изданіяхъ по исторіи и статистикѣ Поволжья. По словамъ г. Монастырскаго (за исключеніемъ книги Рагозина), до появленія въ свѣтъ предлежащей книги, единственнымъ путеводителемъ по Волгѣ служилъ изданный въ 1862 г. трудъ проф. Боголюбова: „Волга отъ Твери до Астрахани". Но въ этомъ авторъ ошибается: кромѣ изданія гг. Боголюбовыхъ, были еще книги Бабста, Нейдгардта, Кучина (второе изданіе 1871); спеціалисту по Волгѣ не мѣшало бы это знать.

Книга г. Монастырскаго расположена такъ: первая часть заключаетъ краткій историческій очеркъ Поволжья; вторая — описаніе Волги отъ Нижняго Новгорода до Астрахани; третья — справочныя свѣдѣнія. Историческій очеркъ не представляетъ, конечно, ничего новаго, такъ какъ составленъ по готовымъ книгамъ; но автору вполнѣ принадлежитъ особенный тонъ разсказа. Послѣ нѣсколькихъ словъ о первобытныхъ временахъ, онъ начинаетъ исторію съ нижегородскаго періода, т.-е. съ основанія Нижняго въ началѣ XIII-го столѣтія, и ведетъ ее вообще въ весьма патетическомъ тонѣ. Такъ, онъ уже съ этихъ поръ, съ XIII-го столѣтія, очень близко къ сердцу принимаетъ интересы древней Руси, и, напримѣръ, разсказывая о нападеніи мордовскихъ племенъ на нижегородскую область, караетъ ихъ именемъ „варваровъ" (стр. 4), но оказывается тутъ же рядомъ, что варвары нападали потому, что „русскіе стали все чаще и чаще *навѣдываться* въ мордовскую землю, производя тамъ *опустошенія*": итакъ, мордва стали варварами потому, что вздумали защищаться отъ тѣхъ, кто сталъ къ нимъ „навѣдываться". Вмѣстѣ съ тѣмъ, стиль автора отличается игривостью, которую русская исторіографія утратила со временъ Карамзина. Войны между русскими и казанскими татарами авторъ называетъ „взаимными военными визитаціями" (стр. 9). О бунтѣ Пугачева: *„съ легкостью серны* (!) перебрасывался разбойникъ съ одного мѣста на другое, но Михельсонъ не отставалъ, слѣдуя за нимъ, *какъ тѣнь*" (стр. 46), — слѣдовательно также съ легкостью серны? И т. п.

Во второмъ отдѣлѣ книги авторъ даетъ краткія свѣдѣнія о верховьяхъ Волги (съ которыхъ прямо перескакиваетъ къ Нижнему), описанія городовъ и другихъ замѣчательныхъ мѣстностей (начиная

отъ Нижняго), приводитъ много статистическихъ данныхъ, и напр. цѣлыя таблицы цифръ о ходѣ торговли, о грузовомъ движеніи, городскомъ хозяйствѣ и т. п., трактуетъ о мѣстныхъ вопросахъ Нижняго, Казани, Самары и ихъ общественной жизни, подробно говоритъ о нижегородской ярмаркѣ, и т. д. Эти свѣденія, конечно, не лишены интереса, хотя мы думаемъ, подробныя статистическія таблицы едва ли умѣстны въ путеводителѣ: онѣ были бы на мѣстѣ развѣ въ спеціальномъ сочиненіи. Но, къ сожалѣнію, весь этотъ матеріалъ, на собираніе котораго авторъ потратилъ, вѣроятно, не мало труда, расположенъ весьма неравномѣрно, и кромѣ того является въ чрезвычайно странномъ изложеніи, какъ дальше увидимъ. Начать съ того, что историческія свѣденія, разъ уже приведенныя въ первомъ отдѣлѣ, частію повторяются еще разъ и во второмъ—въ описаніяхъ Нижняго-Новгорода и Казани. Авторъ опять очень суровъ къ врагамъ древней Россіи: татары, нападавшіе на русскихъ, именуются „лиходѣями“; авторъ винитъ ихъ въ „злодѣйствѣ“, когда они въ XVI-мъ столѣтіи перерѣзали на ярмаркѣ русскихъ купцовъ, но опять тутъ же оказывается, что татарскіе купцы не рѣшались ѣздить на русскую ярмарку, „опасаясь русскихъ, которые въ то время не признавали національности (?) и собственности имущества и не считали грѣхомъ ограбить, побить и даже *убить чужеземнаго купца*“ (отд. 2, стр. 46),—т.-е. совершать такое же злодѣйство? Въ потокѣ историческаго краснорѣчія авторъ не замѣчаетъ иногда въ своемъ изложеніи нѣкотораго недостатка смысла. Напримѣръ, онъ разсказываетъ о городѣ Козьмодемьянскѣ, что во время разбоевъ Стеньки Разина жители его пристали къ мятежнымъ шайкамъ, „но впослѣдствіи Козьмодемьянцы загладили *свою вину* энергическими дѣйствіями противъ Пугачева“. Читатель въ недоумѣніи: вѣдь Пугачевъ былъ сто лѣтъ спустя послѣ Разина и, надо думать, что въ то время были уже совсѣмъ другіе козьмодемьянцы, чѣмъ во времена Разина, и сомнительно, чтобы кто-нибудь считалъ за ними вину, совершенную сто лѣтъ до нихъ. Читатель недоумѣваетъ также относительно ихъ „энергическихъ дѣйствій“, такъ какъ авторъ тутъ же говоритъ, что „Пугачевъ *не счелъ нужнымъ нападать на нихъ* и, обойдя Козьмодемьянскъ, направился съ лугового берега на Ядринъ“ (отд. 2, стр. 87). Не будемъ останавливаться на другихъ примѣрахъ того же рода. Во второмъ отдѣлѣ, какъ мы сказали, авторъ еще разъ обращается къ исторіи, напр. счелъ нужнымъ повторить по Карамзину разсказъ о взятіи Казани Иваномъ Грознымъ, извѣстный большинству читателей еще изъ дѣтскихъ книгъ; памятникъ Державина побуждаетъ его къ біографическимъ воспоминаніямъ о пѣвцѣ Фелицы, столь же мало необходимомъ въ путеводителѣ, и т. п.

Въ самомъ описаніи Волги, мы встрѣчаемъ большую неравномѣрность изложенія, напр. Нижнему Новгороду посвящено 49 страницъ, Казани—85 стр., Самарѣ—11, Саратову—8, и т. д. Въ предисловіи авторъ говоритъ, что онъ принялъ эту неравность намѣренно; а именно, чтобы не слишкомъ увеличивать объема книги и тѣмъ не возвышать ея цѣны, онъ рѣшилъ „о нѣкоторыхъ городахъ, какъ напр., о Саратовѣ и Самарѣ, стоящихъ на желѣзныхъ дорогахъ,— не распространяться; такъ какъ эти города, подобно Кіеву, Харькову и др., достаточно хорошо извѣстны, и притомъ, по своему особенно важному значенію для края, требуютъ столь обстоятельнаго и подробнаго объ нихъ трактата, который въ рамкѣ „Спутника“ помѣститься не можетъ“. Аргументы очень странные: Нижній-Новгородъ также стоитъ на желѣзной дорогѣ, и по своей ярмаркѣ и бо́льшей близости къ столицамъ гораздо извѣстнѣе, чѣмъ Самара и Саратовъ, и однакоже авторъ даетъ о немъ очень подробныя свѣденія. Съ другой стороны Саратовъ, напротивъ, издавна считался „глушью“ и ссылка автора, что онъ „хорошо извѣстенъ“ подобно Кіеву или Харькову, подвергается сомнѣнію имъ самимъ, такъ какъ въ другомъ мѣстѣ книги (отд. 3, стр. 65) авторъ замѣчаетъ, „что изданія, посвященныя описанію Саратовскаго края, почти отсутствуютъ“—откуда же онъ можетъ быть хорошо извѣстенъ? Мы думаемъ, напротивъ, что болѣе подробныя свѣденія объ этихъ городахъ были бы въ путеводителѣ необходимы, и мѣсто для нихъ нашлось бы очень легко, еслибы авторъ сократилъ въ другихъ отдѣлахъ своей книги многое, совершенно излишнее.

Дѣло въ томъ, что авторъ, какъ мы упоминали, чрезвычайно заботился о томъ, чтобы книга его какъ-нибудь „не наскучила читателю“: съ цѣлью—занять и забавлять читателя, авторъ уснащиваетъ свое изложеніе различными, по его мнѣнію, занимательными эпизодами, игривыми подробностями, шуточками и т. д.; не довольствуясь справочными свѣденіями, онъ пускается въ разсказы о мѣстной общественной жизни волжскихъ городовъ, разсказы, то язвительные, то галантерейные, а въ сущности очень странные и совершенно ненужные. Все это онъ могъ бы смѣло выкинуть—съ бо́льшей пользой для своей книги, а взамѣнъ того помѣстить то, что въ ней должно бы найти мѣсто. Для образчика довольно привести нѣсколько примѣровъ.

Въ началѣ второго отдѣла авторъ говоритъ о затрудненіяхъ, мѣшающихъ волжскому судоходству, но потомъ обрываетъ, „изъ опасенія *надоѣсть читателю*“ (стр. 13),—какъ будто должны быть выбираемы только факты, которые не „надоѣдаютъ“. Начавши говорить объ экономическомъ значеніи нижегородской ярмарки и уже наполнивши

этимъ довольно странищъ, авторъ опять обрываетъ: „опасаясь *надоѣсть читателю* своими поверхностными (?) и скучными объясненіями, спрячемъ лучше на проторенную (?) *фельетонную дорожку*: по ней идти и легче и *веселье* (!!)“ (стр. 56). Итакъ, вотъ настоящая дорога куда влечетъ автора и гдѣ ему весело: дѣйствительно слѣдуетъ еще „кое-что о нижегородской ярмаркѣ“, написанное въ развязномъ стилѣ фельетоновъ (плохихъ газетъ)—съ посильнымъ остроумничаньемъ (стр. 56—62). Далѣе. Послѣ описанія Казани, авторъ опять направляется на „проторенную“ дорожку и пишетъ „два слова объ общественной жизни въ Казани“ (стр. 157—165; затѣмъ еще слѣдуютъ „нѣкоторыя свѣденія о Казани“). Въ изображеніи казанской общественной жизни авторъ (какъ это и считается нужнымъ у фельетонистовъ извѣстнаго разбора) оказывается ужаснѣйшимъ зоиломъ: онъ, говоря въ его стилѣ, отдѣлалъ казанское общество на всѣ корки. Сколько мы сами слышали о характерѣ казанскаго общества, замѣчанія автора не совсѣмъ лишены основанія, но авторъ не чувствуетъ, что самый тонъ его разсужденій не изъ тѣхъ, какія внушаютъ довѣріе, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ увидимъ, кое-чего и не доглядѣлъ въ той Казани, которой посвятилъ всего больше мѣста въ своей книгѣ. Упоминая дальше о хорошемъ путеводителѣ, составленномъ лѣтъ двадцать назадъ Н. П. и А. П. Боголюбовыми, авторъ выражаетъ недоумѣніе, что эта книга имѣла мало успѣха и замѣчаетъ: „Такой неуспѣхъ серьезнаго, крайне интереснаго и украшеннаго многими гравюрами путеводителя объяснить довольно трудно; вѣроятно, большинству публики онъ показался *скучнымъ*, такъ какъ не содержалъ въ себѣ ничего *фельетоннаго*, *пикантнаго*“ (стр. 196). Новѣйшій авторъ именно и хлопочетъ дать своему труду эти послѣднія свойства—несчастная мысль, которая, напротивъ, часто дѣлаетъ его книгу чрезвычайно скучной, не только потому, что „пикантность“ плохого фельетона вовсе не требуется въ путеводителѣ, но особенно и потому, что сопровождается нерѣдко весьма крупными недосмотрами и ошибками.

Остроуміе и галантерейный стиль автора преслѣдуютъ читателя на всемъ пространствѣ книги. Приводимъ нѣсколько примѣровъ. По поводу плашкоутнаго моста черезъ Оку въ Нижнемъ, который предполагаютъ замѣнить постояннымъ, авторъ выражается такъ: „все дѣло въ презрѣнномъ металлѣ, котораго требуется ни-много, ни-мало, какъ *милліончика* 2—3. Городу такой суммы взять неоткуда; пробовали украдкой *клевать* на казенный сундукъ: „Это, молъ, государственное сооруженіе“, но *матушка-казна* хранитъ глубокое молчаніе (отд. 2, стр. 28). По поводу оврага, засыпаннаго въ Нижнемъ, авторъ восклицаетъ: „все обдѣлывается, задѣлывается, приглаживается;

вездѣ искусство, рука человѣка; объ овражищахъ (?) осталось одно воспоминаніе. Таковы результаты дѣятельности человѣка—этого заклятаго, и торжествующаго измѣнителя лица природы!" (стр. 32). Въ статьѣ о Казани, напомнивъ, какъ при Иванѣ Грозномъ пала „гордая Казань", авторъ продолжаетъ: „съ тѣхъ поръ прошло *болѣе трехъ столѣтій*—и Казань *неузнаваема* (?): изъ разбойничьяго гнѣзда она превратилась въ центръ промышленности, торговли и оффиціально считается умственнымъ центромъ Поволжья... Теперь лучшіе люди казанскіе не гарцуютъ на красивыхъ коняхъ, не джигитуютъ (!), а пишутъ; пишутъ вездѣ: и у себя на дому, и на службѣ, и въ конторахъ, и въ многочисленныхъ канцеляріяхъ" и т. д. (стр. 94). Далѣе авторъ разсказываетъ, что въ Казани существуетъ модный обычай подносить дамамъ букеты изъ живыхъ цвѣтовъ, какъ „необходимое условіе, чтобы заслужить вниманіе и расположеніе дамы", и затѣмъ игриво разсуждаетъ: „читатель, вѣроятно, согласится, что букетъ изъ живыхъ цвѣтовъ, хотя и прекрасный подарокъ... но крайне непрочный. Цвѣты скоро завянутъ, а быстрое ихъ увяданіе порождаетъ невеселыя мысли о непрочности красоты, симпатіи, дружбы и всего, что́ краситъ нашу сѣренькую жизнь, что́ зажигаетъ въ ней искру Божію... Не лучше ли поднести любимой особѣ такой подарокъ, который могъ бы долго сопротивляться разрушительному вліянію времени, вѣтровъ, непогоды и т. п.;—могъ бы служить *символомъ прочности* тѣхъ отношеній, которыя желательно сохранить" (стр. 133). Какъ нужны всѣ эти нѣжности въ путеводителѣ по Волгѣ! Памятникъ Державину наводитъ автора на мысль, что „читателю *пріятно будетъ* вспомнить *кое-что* о Державинѣ", и помогаетъ читателю вспомнить, что Державинъ родился въ Казани, происходитъ „отъ *одного изъ татаръ* (?), Мурзы Багрима", что „всю жизнь онъ былъ самымъ пылкимъ поклонникомъ всего изящнаго, считая красоту женщины высшей красотой природы" и т. д., что „поэтъ, въ теченіе своей жизни, неоднократно находился подъ чарами любви — этой неразлучной спутницы красоты. И въ дни молодости, и въ годы мужества, и даже на краю могилы (!), онъ довѣрчиво отдавался кроткому владычеству красоты" (стр. 143). Прелесть!—но нужно ли это въ путеводителѣ по Волгѣ? Переходя отъ временъ Державина къ современной казанской жизни, авторъ погружается въ меланхолію: „такъ здѣсь все безцвѣтно, сѣро; чувства мелкія, вкусы мѣщанскіе; преслѣдуется и поносится все, выдѣляющееся изъ общей массы, все, напоминающее любимую идею поэта—идею истины, добра и красоты. Здѣсь красота и граціозность женщины—истинное несчастіе для нея; преслѣдуютъ, злословятъ не только ее, но и всякаго, кто является поклонникомъ ея красоты. Здѣсь вкусъ, умѣнье одѣваться—почти-

что преступленіе; изящный туалетъ, а тѣмъ болѣе истинная красота и граціозность, не прощаются даже и родной сестрѣ" (стр. 145), и т. д.

Но погоня за пикантностью (вышеприведеннаго сорта) помѣшала автору быть болѣе осмотрительнымъ относительно фактической стороны изложенія. Ошибки гораздо болѣе изобильны, чѣмъ вообще желательно въ книгѣ, и особливо въ путеводителѣ. Приведемъ опять нѣсколько образчиковъ. Напримѣръ, автора книгъ по исторіи Поволжья, г. Перетятковича, авторъ называетъ Перятетковичемъ (отд. 1, стр. 3, 38). Слово „плёсъ", употребляемое на Волгѣ для обозначенія извѣстнаго воднаго пространства, авторъ пишетъ „плессъ" (отд. 2, стр. 4, 5, 7). Священникъ Заринскій, авторъ сочиненій по исторіи Казани, именуется у него Зарынскимъ (отд. 2, стр. 99—100). Казанскій университетъ вообще служитъ мишенью для язвительныхъ нападеній автора, но сказанное о немъ на стр. 115, 137—139, есть безсодержательное пустословіе: исторія университета, видимо, автору неизвѣстна и, говоря объ университетскомъ музеѣ, ссылаться на какой-то случайный отзывъ путешественника 1861 года неумѣстно и не умно; нынѣшній этнографическій и археологическій музей университета *очень любопытны*, для нихъ дѣлались и дѣлаются весьма серьезныя работы и надо только пожалѣть, что недостатокъ денежныхъ средствъ мѣшаетъ университету развить эти учрежденія. Упоминая мелькомъ и свысока о научной дѣятельности въ Казани, авторъ не подозрѣваетъ, что въ казанской литературѣ явилось не мало важныхъ трудовъ по изученію востока, по русской старинѣ и этнографіи. Замѣтимъ, наконецъ, что авторъ, по духу нынѣшняго времени, очень вооруженъ противъ либераловъ (напр. отд. 3, стр. 20—28), и интеллигенціи. Жаль только, что онъ не имѣетъ достаточно грамотности, чтобы правильно писать это слово (отд. 2, стр. 73: „интелегентъ"). Въ справочной книгѣ вообще нежелательны ошибки отъ недосмотра, или отъ неряшливости, особливо въ собственныхъ именахъ. Авторъ пишетъ, напр., Боронскъ вм. Баронскъ (стр. 231, отд. 2); Царицинъ вм. Царицынъ (стр. 213 — 225, а въ другихъ мѣстахъ книги правильно); Царевъ-Курганъ находится *не ниже* (стр. 205), а выше Самары, и т. п.

Впрочемъ довольно. Для какого рода читателей авторъ назначалъ свою книгу, мы не совершенно понимаемъ. Если для людей дѣловыхъ, то имъ вовсе не нужно остроумничанья и пустословія автора; если для образованныхъ путешественниковъ, то имъ малограмотная „пикантность" доставить удовольствія не можетъ. Затѣмъ въ книгѣ есть, конечно, не мало любопытныхъ статистическихъ фактовъ и справочныхъ свѣденій, которыя могутъ быть пригодны для путешественника по Волгѣ; но очень жаль, что они предлагаются въ такой

формѣ, которая на очень многихъ читателей будетъ имѣть отталкивающее дѣйствіе.

Иллюстраціи въ книгѣ большею частью плохи. При книгѣ изданы также (продаваемые отдѣльно) шесть плановъ главныхъ приволжскихъ городовъ.

А. В—нъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е августа, 1884.

Наканунѣ новыхъ городскихъ выборовъ въ Москвѣ и Петербургѣ.—Начало восьмого года петербургскихъ городскихъ начальныхъ училищъ.—Вопросъ о высшемъ городскомъ образованіи, и неправильность его постановки въ петербургской думѣ.—Общій взглядъ на положеніе городскихъ финансовъ Петербурга, и обусловливающія его обстоятельства.—Вопросъ о распространеніи избирательнаго права, съ финансовой точки зрѣнія.—Больничный вопросъ въ Петербургѣ.—Засѣданіе санитарной коммиссіи, по поводу опасеній холеры.—Взгляды „Московскихъ Вѣдомостей“ на государственный экзаменъ, и еще о факультетахъ.

Въ концѣ нынѣшняго года—въ Москвѣ, и въ началѣ будущаго—въ Петербургѣ, оба столичныя „городскія общества“ получатъ возможность обновить свое представительство, за истеченіемъ четырехлѣтняго срока уполномочій московской и петербургской городскихъ думъ; вмѣстѣ съ тѣмъ исполнится и 12 лѣтъ со времени введенія Городового Положенія 16 (28) іюня 1870 года, положившаго впервые начало самостоятельности городского общественнаго управленія въ Россіи. Чтобы судить справедливо о результатахъ перваго, всего какого-нибудь десятка лѣтъ дѣятельности этого управленія, предоставленнаго собственнымъ силамъ и освобожденнаго отъ административной опеки, какая была установлена двумя предшествовавшими Положеніями 1785 и 1846 гг.,—слѣдуетъ имѣть въ виду не то, что̀ могло бы быть сдѣлано имъ въ такой краткій періодъ дѣятельности, но что́ было въ дѣйствительности исполнено по сравненію съ предъидущимъ, почти столѣтнимъ періодомъ, начиная со времени Екатерины II, когда отвѣтственность за городское хозяйство лежала главнымъ образомъ на администраціи. Тѣ многочисленные упреки, которыми часто осыпаютъ еще весьма юное самостоятельное городское общественное управленіе за неудовлетвореніе имъ всѣхъ настоятель-

ныхъ нуждъ городской жизни и ея потребностей,—служатъ вмѣстѣ и указаніемъ того, какъ мало было сдѣлано въ этомъ смыслѣ для города въ предшествующее почти столѣтіе административнаго періода городскаго управленія: самостоятельному городскому управленію пришлось двѣнадцать лѣтъ тому назадъ не продолжать давно начатое, не поддерживать то, что̀ давно могло быть устроено, но созидать вновь, и потому нисколько не удивительно, что оно не могло вдругъ схватиться за все. А что новое городское общественное управленіе, предоставленное въ первый разъ собственнымъ силамъ, сдѣлало въ десять лѣтъ больше, чѣмъ прежнее административное управленіе въ теченіе почти ста лѣтъ,—въ этомъ не могутъ сомнѣваться даже и предубѣжденные, если не захотятъ голословно отрицать фактовъ, которые у всѣхъ на глазахъ, начиная, наприм., съ такого существеннаго дѣла, какъ городское народное образованіе въ Петербургѣ, да и въ другихъ городахъ.

Въ наступающемъ августѣ открывается всего восьмой годъ существованія петербургскихъ городскихъ начальныхъ училищъ, содержимыхъ и руководимыхъ непосредственно самимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ, по уже какой успѣхъ мы видимъ въ этомъ дѣлѣ сравнительно съ тѣмъ, что̀ наблюдалось еще не такъ давно, когда болѣе чѣмъ полумилліонное населеніе Петербурга ограничивалось всего какими-нибудь 16 училищами съ 800 обучающимися! Съ августа мѣсяца Петербургъ имѣетъ 183 городскихъ училища, въ которыхъ могутъ получить начальное образованіе до 8,000 дѣтей школьнаго возраста, отъ 7 до 12 лѣтъ отъ роду,—и дѣйствительно будутъ получать, такъ какъ и это сравнительно огромное число школъ еще далеко не соотвѣтствуетъ потребностямъ населенія, растущимъ въ большей пропорціи, нежели растутъ школы. Не будетъ потому удивительно, если и въ нынѣшнемъ учебномъ году, не смотря на то, что Дума постановила открыть на 1884—85 годъ вновь 27 школъ, болѣе чѣмъ на 1,000 обучающихся, число отказовъ въ принятіи въ школу не уменьшится, сравнительно съ прошедшимъ годомъ, когда около 1,000 дѣтей не могли поступить въ городскія училища. Очевидно, что въ Петербургѣ растетъ не столько населеніе города, сколько убѣжденіе этого населенія въ необходимости начальнаго образованія.

Для полнаго удовлетворенія петербургскаго населенія въ его стремленіи къ начальному образованію потребовалось бы отъ 400 до 500 училищъ, т.-е. болѣе чѣмъ вдвое наличнаго ихъ числа, обходящагося городу въ 300 тысячъ рублей ежегоднаго расхода. Этого расхода вовсе не знало прежнее городское общественное управленіе, да еслибы и знало, то оно не могло бы вести дѣла самостоятельно,

а ограничивалось бы ежегоднымъ увеличеніемъ платы министерству народнаго просвѣщенія на содержаніе начальныхъ училищъ; впрочемъ, если не ошибаемся, оно и вносило тогда извѣстную сумму съ этою цѣлью, но весьма незначительную. Только въ 1877 г. министерство совсѣмъ сложило съ себя заботы о городскомъ начальномъ образованіи и передало городу существовавшія до того времени 16 училищъ. Но, къ сожалѣнію, дѣло было тогда сдѣлано на половину, и, вслѣдствіе того, недоразумѣніе, которому было тогда положено начало, продолжается и до настоящаго времени. Доказательствомъ тому служатъ пренія, происходившія въ Думѣ не далѣе какъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, по поводу представленія городской училищной коммиссіи объ открытіи трехкласснаго городского училища: судя по газетнымъ отчетамъ, даже многіе гласные очевидно смѣшивали трехклассныя городскія училища съ среднеобразовательными заведеніями, и на этомъ основаніи возражали противъ трехклассныхъ городскихъ училищъ, находя, что забота о среднемъ образованіи должна лежать на правительствѣ, а не на городскомъ управленіи. Все это недоумѣніе истекало именно изъ того, что министерство народнаго просвѣщенія въ 1877 сдало городу только одну часть городского образованія, и именно—низшее образованіе, которое было бы справедливѣе называть не начальнымъ, а только первоначальнымъ. Городское образованіе, въ полномъ своемъ объемѣ, состоитъ также изъ двухъ степеней—низшаго или первоначальнаго, и высшаго, или окончательнаго, въ сферѣ потребностей городской жизни; успѣхи одного изъ нихъ должны всегда вести за собою успѣхи въ другомъ, такъ какъ высшее городское образованіе есть послѣдняя и вполнѣ самостоятельная цѣль первоначальнаго городского образованія. Нельзя исключительно заботиться объ одномъ первоначальномъ, не двигая соотвѣтственно тому окончательнаго, какъ послѣдней цѣли предъидущаго; нельзя сказать потому, что прежде всего необходимо удовлетворить *всѣхъ* по первоначальному образованію, а уже затѣмъ перейти къ заботамъ о высшемъ городскомъ образованіи, какъ нельзя было бы задаться мыслью сначала накормить всѣхъ, а потомъ, когда всѣ безъ исключенія будутъ сыты, начать заботиться о томъ, чтобъ одѣвать людей. Между тѣмъ, въ 1877 г. городу было сдано одно первоначальное городское образованіе; городское же образованіе высшее осталось въ томъ же положеніи, въ какомъ до того времени было низшее, а именно, городу предоставляется и до сихъ поръ давать средства министерству народнаго просвѣщенія къ открытію высшихъ городскихъ школъ, т.-е. трехклассныхъ. Въ результатѣ этого теперь и оказалось, что въ настоящую минуту городъ уже открылъ до 180 низшихъ городскихъ училищъ; министерство, удержавшее за собою вто-

рую и послѣднюю ступень городского образованія, осталось при томъ же, сравнительно, весьма незначительномъ числѣ трехклассныхъ городскихъ училищъ, какое было еще въ ту эпоху, когда на весь Петербургъ существовало всего 16 первоначальныхъ училищъ, мужскихъ и женскихъ. Отсюда и должна была произойти очевидная аномалія, а именно: число трехклассныхъ городскихъ училищъ на 183 начальныхъ остается и теперь тоже, если не меньше, какое было до 1877 года на 16 начальныхъ училищъ. Еслибы городское образованіе не было раздѣлено пополамъ между городскимъ общественнымъ управленіемъ, на долю котораго достались одни первоначальныя училища, и министерствомъ, удержавшимъ за собою высшія городскія училища, т.-е. трехклассныя,—то безъ сомнѣнія, городъ установилъ бы извѣстную норму, по которой на извѣстное число первоначальныхъ училищъ было бы открываемо одно высшее, т.-е. трехклассное училище. Но такого порядка нельзя ожидать ранѣе того, какъ министерство закончитъ то, что́ оно только начало въ 1877 году, а именно, передастъ на попеченіе городского общественнаго управленія не одно нисшее, но и высшее городское образованіе, сосредоточивъ свои силы и заботы на среднихъ и высшихъ учебныхъ учрежденіяхъ, съ общегосударственнымъ значеніемъ. Такое распредѣленіе труда по образованію, между мѣстными общественными управленіями и правительственною администраціею, принесло бы, между прочимъ, и ту существенную пользу, что освободило бы гимназіи отъ искусственнаго наплыва обучающихся въ нисшихъ ихъ классахъ, только вслѣдствіе того, что эти нисшіе классы, не будучи по своей программѣ высшими городскими училищами, за отсутствіемъ послѣднихъ, исполняютъ однако ихъ роль, къ своей собственной невыгодѣ и къ невыгодѣ обучающихся въ нихъ и въ огромномъ числѣ недоучивающихся.

Нѣтъ сомнѣнія, что возложеніе на городъ заботы не объ одномъ первоначальномъ городскомъ образованіи, но и объ окончательномъ, или высшемъ, потребовало бы отъ города новыхъ и значительныхъ расходовъ, тѣмъ болѣе, что городъ, безъ сомнѣнія, счелъ бы нужнымъ на каждыя 100 первоначальныхъ училищъ имѣть соотвѣтственное тому число окончательныхъ или высшихъ городскихъ школъ, точно также какъ въ 1877 году городъ, припявъ 16 первоначальныхъ училищъ, не остался при этомъ числѣ и не ограничился прежнею ихъ малоудовлетворительною обстановкой.

Но ни для кого не секретъ, что финансовое положеніе города Петербурга не столь роскошно, чтобы возможно было такое веденіе хозяйства, которое сколько-нибудь близко удовлетворяло бы даже самыя естественныя и неотступныя потребности населенія. Только въ послѣднее время городской бюджетъ почти милліоннаго населе-

нія столицы достигъ 6 милліоновъ рублей; но и эта цифра стоитъ еще далеко ниже цифры доходовъ въ другихъ европейскихъ столичныхъ городахъ: въ то время какъ въ Парижѣ, напримѣръ, среднимъ числомъ, каждый житель обложенъ 60 франками, у насъ — 6 рублями, т.-е. около 15 франковъ. Очень возможно, что при болѣе раціональной раскладкѣ податей, 60 франковъ могутъ оказаться менѣе обременительными, чѣмъ 15 франковъ тамъ, гдѣ одни не обложены вовсе, или обложены въ весьма малой степени, а другіе обременены непосильно; но финансовое положеніе города Петербурга имѣетъ еще и другую особенность, еще болѣе невыгодную — а именно, какъ въ области расходовъ, такъ и доходовъ. При относительной незначительности своихъ сборовъ вообще, городъ почти половину своего бюджета издерживаетъ „обязательно", т.-е. выдавая деньги, но не распоряжаясь хозяйствомъ, на которое онѣ издерживаются, притомъ не въ такой мѣрѣ, какая соотвѣтствовала бы дѣйствительнымъ потребностямъ города, а сообразно его государственному положенію, какъ столицы имперіи; только то, что̀ остается отъ такихъ „обязательныхъ" расходовъ, городъ можетъ издерживать на все прочее, и это прочее является такимъ образомъ для городского общественнаго управленія какъ бы „необязательнымъ". Къ числу же такихъ необязательныхъ расходовъ относится, между прочимъ, городское образованіе, здравіе, благоустройство, благотворительность и т. п.; однимъ словомъ, все то, что̀ было бы болѣе естественно считать обязательнымъ; но все это не можетъ быть вмѣнено городскому общественному управленію въ обязанность, такъ какъ веденіе всѣхъ упомянутѣхъ дѣлъ предоставляется городскому общественному управленію вести на счетъ остатковъ, по исполненіи имъ всѣхъ обязательныхъ расходовъ, которые, какъ мы сказали, берутъ чуть не 50 копѣекъ съ каждаго рубля, получаемаго съ обывателей на удовлетвореніе ихъ нуждъ, какъ умственныхъ и нравственныхъ, такъ и матеріальныхъ.

Другая, столь же невыгодная, особенность финансоваго хозяйства города состоитъ въ томъ, что, по Городовому Положенію, членомъ городского общества считается всякій городской обыватель, изъ русскихъ подданныхъ, достигшій 25-лѣтняго возраста и заинтересованный въ городскомъ хозяйствѣ, какъ плательщикъ или по недвижимой собственности, или по торговому и промышленному дѣлу, или наконецъ по одному изъ установленныхъ въ пользу города сборовъ; но въ дѣйствительности только весьма немногіе могутъ воспользоваться этимъ постановленіемъ, такъ какъ въ ст. 17-й Городового Положенія сдѣлана оговорка относительно лицъ, уплачивающихъ установленные въ пользу города сборы, а именно, только сборы, упомянутые въ ст. 37 Положенія о пошлинахъ за право торговли,

дают городскому обывателю право быть вмѣстѣ съ тѣмъ и членомъ городского общества; однимъ словомъ, всѣ городскіе сборы, въ самой существенной своей части, являются ничѣмъ другимъ какъ ничтожнымъ дополнительнымъ процентомъ къ государственному сбору, и слѣдовательно обращены къ лицамъ, и безъ того достаточно обремененнымъ налогами; такъ, промысловое свидѣтельство на мелочной торгъ, дающее городу 2 рубля съ плательщика, составляетъ 1% съ того сбора, которое то же лицо платитъ въ то же время государству —а именно, 20 рублей. Отсюда, какъ прямое послѣдствіе, вытекаетъ, во-1-хъ, то, что, въ противность духу всего Городового Положенія, существуютъ городскіе сборы, не дающіе права гражданства, а потому имѣющіе характеръ скорѣе побора, нежели сбора; а во-2-хъ,—что городское общественное управленіе не можетъ, не выходя изъ предѣловъ ст. 37-й Положенія о пошлинахъ за право торговли, облагать жителей сборами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, что̀ было бы и справедливо, сообщать имъ за то право на участіе въ завѣдываніи городскимъ хозяйствомъ, содержимымъ отчасти на такіе сборы. Такимъ образомъ, если обыватель, напримѣръ, построилъ домъ для собственнаго употребленія или для отдачи въ наемъ, т.-е. для промысла, то онъ платитъ городу и получаетъ права гражданства; но если онъ обзавелся движимымъ имуществомъ также для собственнаго употребленія или для отдачи въ наемъ, то онъ если и платитъ городу сборъ, то это не даетъ ему права гражданства. Мысль, что недвижимое имущество имѣетъ болѣе солидный характеръ, нежели движимое—не можетъ служить объясненіемъ такой аномаліи, такъ какъ при продажѣ недвижимое имущество, особенно въ наше время, представляетъ еще большую подвижность, нежели движимое; да наконецъ, въ настоящую минуту чуть не половина Петербурга принадлежитъ болѣе городскому кредитному обществу, чѣмъ домовладѣльцамъ. Точно также масса профессій, не упомянутыхъ въ ст. 37-й, не можетъ быть обложена справедливо городскимъ сборомъ, такъ какъ это было бы чистымъ поборомъ, ибо не дало бы лицамъ обложеннымъ никакихъ городскихъ правъ. Городовое Положеніе само разрѣшило въ остзейскихъ городахъ, имѣя, вѣроятно, въ виду ихъ высшую степень культурнаго развитія, облагать сборомъ даже такъ-называемыя либеральныя профессіи („литераты“), конечно, не упомянутыя въ ст. 37 Положенія о пошлинахъ, но тѣмъ не менѣе этотъ сборъ даетъ въ городахъ остзейскихъ губерній его плательщикамъ всѣ городскія права. Если и допустить, что не всѣ города имперіи могутъ равняться остзейскимъ городамъ по своему культурному развитію и торгово-промышленнымъ богатствамъ, то, съ другой стороны, нѣтъ никакого сомнѣнія, что такой городъ, какъ Петербургъ,

ни въ чемъ не уступитъ въ упомянутыхъ отношеніяхъ ни Ригѣ, ни Ревелю, ни Митавѣ, не говоря объ уѣздныхъ городахъ прибалтійскаго края.

Изъ всего изложеннаго видно, что хотя Городовое Положеніе все построено на весьма вѣрномъ и справедливомъ принципѣ, а именно, что завѣдываніе городскимъ хозяйствомъ и распоряженіе его казною должно принадлежать тѣмъ, кто принимаетъ участіе въ составленіи этой казны, т.-е. уплачиваетъ городскіе сборы, но на дѣлѣ этотъ принципъ не выдержанъ не только до конца, но и не достигаетъ хотя бы средины: только лица, уплачивающія вмѣстѣ съ городскимъ сборомъ и государственные налоги, участвуютъ въ завѣдываніи хозяйствомъ и въ распоряженіи городскою казною; всѣ же прочіе или несутъ на себѣ городскіе налоги и не участвуютъ въ городскомъ управленіи, или вполнѣ освобождаются отъ всякаго налога, наравнѣ съ неимущими и бѣдными, хотя это—люди, въ огромномъ большинствѣ случаевъ весьма достаточные и соотвѣтственно тому образованные, а потому участіе ихъ въ городскомъ общественномъ управленіи было бы желательно не въ одномъ фискальномъ отношеніи.

Къ такому не вполнѣ нормальному положенію городского общественнаго хозяйства подходили до сихъ поръ обыкновенно съ другой стороны, а именно, говорили о необходимости распространить на интеллигенцію избирательныя права, которыми до сихъ поръ, какъ извѣстно, пользуются въ Петербургѣ 20,000 обоего пола [1]), при милліонномъ населеніи города, на что всегда возражали, что это будетъ противорѣчить здравому принципу закона: только тотъ можетъ распоряжаться хозяйствомъ, кто вноситъ деньги въ его кассу; — наконецъ,—прибавляли къ этому,—и самое высокое образованіе не служитъ еще ручательствомъ добросовѣстности; многочисленные примѣры хищенія различныхъ кассъ весьма интеллигентными людьми избавляютъ отъ необходимости приводить доказательства вышесказанному. Но дѣло въ томъ, что вопросъ о такъ-называемомъ распространеніи избирательныхъ правъ вовсе не есть вопросъ политическій, это—вопросъ чисто финансовый и хозяйственный. Необходимо распространеніе не избирательныхъ правъ, а распространеніе и болѣе правильная эксплоатація городскихъ платежныхъ силъ, которыя должны вмѣстѣ съ тѣмъ привлекаться и къ участію въ завѣдываніи городскимъ хозяйствомъ и его управленіемъ.

Конечно, и въ настоящее время та статья Городового Положенія,

[1]) Женщины, по ст. 20 Город. Пол., имѣющія избирательныя права, уполномочиваютъ за себя близкихъ родственниковъ, хотя бы эти послѣдніе и не имѣли лично избирательныхъ правъ, т.-е. самолично не были бы заинтересованы въ городскомъ хозяйствѣ и его казнѣ.

которая даетъ избирательныя права, можетъ быть понимаема весьма широко; всякій обыватель, если пожелаетъ, можетъ и теперь пріобрѣсти ихъ, подъ условіемъ ежегоднаго взноса въ городскую кассу суммы денегъ, въ размѣрѣ, указанномъ Городовымъ Положеніемъ, и притомъ не менѣе, какъ въ теченіе двухъ лѣтъ сряду. Статья 17-я Городового Положенія требуетъ отъ лицъ, желающихъ пріобрѣсти избирательныя права, чтобы они или владѣли въ городѣ домомъ, или землею, оплачивающими сборъ въ пользу города, или занимались торговлею или промысломъ по купеческому свидѣтельству; если же кто не имѣетъ недвижимой собственности въ городѣ и не можетъ или не желаетъ заниматься торговлею или промысломъ, то отъ него зависитъ пріобрѣсти избирательныя права, уплативъ въ пользу города сумму, равную одному изъ установленныхъ сборовъ съ купеческаго, промысловаго и приказчичьяго свидѣтельствъ, а также съ билетовъ на содержаніе промышленныхъ заведеній, указанныхъ въ ст. 37-й Положенія о пошлинахъ за право торговли. Законъ, очевидно, различаетъ лица, которыя уплачиваютъ сборъ съ купеческаго свидѣтельства съ тѣмъ, чтобы дѣйствительно заниматься торговлею или промысломъ, отъ лицъ, которыя вносятъ въ пользу города установленный сборъ, но на дѣлѣ не занимаются ни торговлею, ни промысломъ, такъ какъ лица перваго разряда пріобрѣтаютъ свои права съ момента открытія торговаго или промышленнаго заведенія, а лица второго разряда обязаны представить доказательство тому, что они въ городѣ прожили не менѣе двухъ лѣтъ сряду предъ выборами. Такимъ образомъ, отъ каждаго изъ обывателей, прожившихъ два года въ городѣ, зависитъ, повидимому, воспользоваться, или нѣтъ, указаннымъ въ законѣ способомъ для пріобрѣтенія избирательнаго права: стóитъ ему уплатить за два года сумму, равную одному изъ указанныхъ выше сборовъ въ пользу города, и избирательныя права пріобрѣтены. Обыкновенно говорятъ на это, что подобное пріобрѣтеніе избирательныхъ правъ хотя вполнѣ законно съ формальной стороны, такъ какъ законъ требуетъ только уплаты сбора, но не требуетъ отъ лица, чтобы оно въ дѣйствительности занималось мелочнымъ торгомъ или состояло приказчикомъ магазина; но тѣмъ не менѣе, въ такомъ способѣ пріобрѣтенія избирательныхъ правъ можно усмотрѣть обходъ закона, который, дѣйствительно, не заявляетъ прямо, что такое лицо можетъ и не вести никакой торговли, и можетъ нигдѣ не состоять приказчикомъ. Во всякомъ случаѣ, такой обходъ закона представляетъ, однако, одну оригинальную черту, которая существенно отличаетъ его отъ обходовъ въ общепринятомъ ихъ смыслѣ, а именно, въ смыслѣ обмана: обыкновенно законъ обходится съ цѣлью пріобрѣтенія какихъ-нибудь матеріальныхъ выгодъ,

а въ настоящемъ случаѣ лицо, обходящее законъ, само же и платитъ за этотъ обходъ, и въ случаѣ избранія въ гласные пріобрѣтаетъ званіе, сопряженное или съ безмезднымъ исполненіемъ обязанностей, или съ справедливымъ упрекомъ, въ случаѣ недобросовѣстнаго ихъ исполненія. Противъ такого способа пріобрѣтенія избирательныхъ правъ скорѣе можно сказать совсѣмъ другое: лицо, желающее такимъ путемъ пріобрѣсти избирательныя городскія права, осуждено 17-ю статьею Городового Положенія платить не только городу, но и государству, и притомъ городу онъ уплачиваетъ самый ничтожный процентъ: какъ мы видѣли, тотъ, кто уплачиваетъ городу за промысловое свидѣтельство на мелочной торгъ всего какихънибудь 2 рубля въ годъ, долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ уплатить государству 20 рублей въ годъ! Конечно, тотъ, кто уплачиваетъ 22 рубля въ годъ съ цѣлью возвратить эту сумму торговою или промышленною эксплуатаціею труда, съ своего покупателя, тотъ уплачиваетъ еще немного, или даже, можно сказать, ничего не уплачиваетъ, такъ какъ онъ эту сумму выберетъ съ лихвою съ своего потребителя; но эта сумма является довольно высокою для того, кто вноситъ такую сумму безвозвратно, не имѣя въ виду вернуть ее ни торговлею, ни промысломъ. Въ остзейскихъ городахъ лицо свободной профессіи, желающее пріобрѣсть избирательныя права, вовсе не должно дѣлать такого дорого стоющаго обхода закона, такъ какъ законъ разрѣшилъ для лицъ извѣстнаго образовательнаго ценза особый городской сборъ не свыше трехъ, пяти рублей; у насъ же такое лицо должно заплатить по меньшей степени 22 рубля, а кромѣ того, нести еще на себѣ не вполнѣ справедливое обвиненіе въ обходѣ закона.

Изъ всего сказаннаго мы имѣемъ право сдѣлать одинъ несомнѣнный выводъ, что для правильнаго рѣшенія вопроса о расширеніи избирательныхъ правъ, слѣдуетъ разсматривать этотъ вопросъ какъ чисто финансовый и хозяйственный, а въ такомъ случаѣ едва ли окажется основаніе къ тому, чтобы городскіе сборы пріурочивать къ государственнымъ въ такой степени, чтобы только плательщики государственныхъ сборовъ одни могли пользоваться избирательными городскими правами, какъ то установлено именно 17-ою статьею Городового Положенія, въ противность духу этого же самого Положенія, въ основаніе котораго, очевидно, положена весьма правильная мысль, а именно, что въ хозяйственномъ управленіи городомъ должны принимать участіе только тѣ, которые своими взносами доставляютъ городу средства для веденія общественнаго хозяйства. Послѣдовательное проведеніе этого принципа до конца измѣнило бы къ луч-

шему какъ составъ избирателей и избираемыхъ, такъ и открыло бы городу новые, самостоятельные источники дохода.

Дѣло городского здравія и до настоящаго времени, по крайней мѣрѣ фактически, все еще находится въ томъ же положеніи, въ какомъ находилось до 1877 г. городское образованіе; а именно: больницы и нераздѣльно связанныя съ нимъ богадѣльни только теперь могутъ перейти въ самостоятельное вѣденіе городского общественнаго управленія. Впрочемъ, послѣднее, въ вопросѣ больничномъ, не ждало такой передачи больницъ на его попеченіе, и еще въ самомъ началѣ текущаго десятилѣтія сдѣлало значительное пожертвованіе до 400 т. рублей для самостоятельнаго устройства извѣстной нынѣ Александровской городской барачной больницы, назначенной главнымъ образомъ для заразительныхъ болѣзней, тифа, дифтерита и скарлатины. Ежегодное содержаніе ея обходится городу свыше 125 т. рублей, причемъ одно полное продовольствіе больного достигаетъ почти 30 копѣекъ въ день. Изъ вышедшаго недавно отчета городской больницы за прошедшій годъ видно, что она вполнѣ отвѣчаетъ потребностямъ населенія и далеко не лишняя въ ряду прочихъ больницъ Попечительнаго Совѣта заведеній общественнаго призрѣнія, на содержаніе которыхъ городъ также отпускалъ изъ своихъ суммъ около 100 т. руб. ежегодно. Всѣхъ больныхъ въ городской барачной больницѣ было въ 1883 г. около 3 тысячъ; наибольшее число принадлежитъ крестьянамъ. О веденіи лечебнаго дѣла въ ней можно судить по цифрѣ выздоровѣвшихъ въ ней: изъ 2908 больныхъ, выздоровѣло 2383, умерло 303, и затѣмъ осталось къ 1884 году 222 больныхъ.

Такимъ образомъ, умѣнье городского общественнаго управленія вести самостоятельно и больничное дѣло—не требуетъ доказательствъ, и затѣмъ вопросъ о распространеніи круга его дѣйствій въ этой важной отрасли городского благоустройства и вмѣстѣ благотворительности есть вопросъ только финансовый, и вмѣстѣ вопросъ времени, когда рѣшенное въ принципѣ дѣло о передачѣ городу больницъ и богадѣленъ, находящихся понынѣ въ вѣденіи попечительнаго совѣта, ихъ зданій, обзаведеній и имуществъ съ капиталами, принадлежащими этимъ больницамъ и богадѣльнямъ, будутъ въ дѣйствительности переданы въ самостоятельное распоряженіе города. Въ прошедшемъ іюнѣ министерство внутреннихъ дѣлъ выразило желаніе и признало удобнымъ передать къ 1-му же іюля пока только пять больницъ въ вѣденіе городского управленія; но городская управа, не находя возможнымъ выйти изъ предѣловъ данныхъ ей Думою

уполномочій принять въ вѣденіе городского управленія не пять больницъ, а все больничное дѣло въ полномъ его составѣ, весьма основательно не могла позволить себѣ такой экстренной мѣры безъ новаго приговора Думы, и совершенно справедливо присовокупляла къ тому свое заключеніе о неудобствѣ внесенія въ Думу предложенія о принятіи нынѣ же, съ 1-го іюля, пяти больницъ до Высочайшаго утвержденія мнѣнія государственнаго совѣта по больничному дѣлу и до его обнародованія въ установленномъ порядкѣ. Изъ предложенія министерства поспѣшно выдѣлить сдачу городу 5 больницъ изъ общей сдачи всего дѣла съ богадѣльнями и ихъ капиталами, можно, конечно, заключить, что министерство, считая полезнымъ какъ можно скорѣе возложить на городъ попеченіе о пяти больницахъ, опасается въ то же время, что полная передача больничнаго дѣла городу еще не состоится такъ скоро, какъ то было бы желательно; но и городу трудно было бы осуществить возлагаемыя на него надежды, если на его попеченіе была бы сдана одна часть дѣла, безъ прочей весьма существенной его обстановки.

Главная трудность въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ случаяхъ городского хозяйства, заключается опять въ скудости финансовыхъ средствъ, которыя, какъ мы выше показали, состоятъ для города изъ того остатка, которымъ онъ можетъ пользоваться за удовлетвореніемъ обязательныхъ расходовъ. Появленіе холеры во Франціи вызвало на дняхъ обсужденіе мѣръ противъ такой гостьи въ думской санитарной коммиссіи; изъ этихъ обсужденій также видно, что мы никогда не страдаемъ незнаніемъ того, что̀ нужно дѣлать, но должны признаться въ неимѣніи того, чѣмъ все дѣлается на свѣтѣ, т.-е. денегъ. Истина, высказанная однимъ изъ членовъ коммиссіи, что въ виду пока одной возможности появленія въ городѣ холеры необходимо, отложивъ спеціальныя мѣры въ сторону, поспѣшить принятіемъ общихъ, предупредительныхъ мѣръ — не заключаетъ въ себѣ ничего новаго, что̀ не было бы въ сознаніи даже не-спеціалистовъ. „Но общія, предупредительныя мѣры не во власти врачей,— продолжалъ тотъ же членъ коммиссіи,—а въ рукахъ общественной власти, и одна изъ первыхъ есть очистка города, насколько это возможно, причемъ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на тѣ мѣстности, которыя всегда служили разсадникомъ болѣзней“. Но вѣдь и это аксіома: конечно, городъ, содержимый въ чистотѣ, если не гарантированъ вполнѣ отъ появленія холеры, то обезпеченъ по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что холера не найдетъ себѣ удобной почвы для широкаго распространенія; наконецъ, о чистотѣ города надобно думать и безъ появленія холеры у сосѣдей, такъ какъ, кромѣ холеры, есть и другіе бичи человѣчества, ничѣмъ не уступающіе и дажо

часто превосходящіе холеру, какъ дифтеритъ, тифъ. Другіе члены коммиссіи, поддерживая вышеприведенную аксіому, присовокупляли, что для приступленія къ очисткѣ города „надо предварительно знать, гдѣ именно слѣдуетъ вычиститься, а для того, чтобы это знать, надо изслѣдовать; поручить это дѣло думскимъ врачамъ и небольшому числу полицейскихъ врачей, это только одна формальность, которая не можетъ быть выполнена, поэтому необходимо увеличить персоналъ врачей". На это было высказано въ собраніи возраженіе, что „городская казна не выдержитъ такого расхода, какой требуется на образованіе особаго санитарнаго надзора". Но еще справедливѣе было бы возразить совсѣмъ съ другой стороны: городское общественное управленіе вовсе не страдаетъ невѣденіемъ, гдѣ именно слѣдуетъ вычиститься; все это оно отлично знаетъ, безъ всякаго новаго изслѣдованія и безъ новыхъ расходовъ на такое изслѣдованіе; правда, мы всегда любимъ изслѣдовать даже и то, что́ лежитъ у каждаго предъ глазами, и въ чемъ сомнѣваться нѣтъ никакой возможности; не оттого ли у насъ всякія изслѣдованія остаются безрезультатными, какъ они навѣрно окажутся и послѣ изслѣдованія, гдѣ именно слѣдуетъ вычиститься? Дѣйствительно, если не помогало то, что всѣ знали безъ изслѣдованія, то какую тутъ можетъ оказать услугу изслѣдованіе? Мы и безъ всякихъ изслѣдованій знаемъ, что для городского здравія губительна не столько частная неопрятность, сколько неопрятность, такъ сказать, общая. Къ такой „общей неопрятности" относится, конечно, прежде всего отсутствіе канализаціи въ городѣ для отвода нечистотъ, отсутствіе правильнаго снабженія города водою, т.-е. фильтрованія воды, предназначаемой для питья, и т. п. Нельзя, конечно, не придти въ ужасъ при одной мысли о числѣ напрасныхъ жертвъ, которыя можетъ унести холера; но не менѣе должна быть ужасна мысль, что въ Петербургѣ и безъ холеры, благодаря отсутствію канализаціи, ежегодно умираетъ чуть не вдвое, сравнительно съ числомъ умирающихъ въ другихъ европейскихъ городахъ, оздоровленныхъ; статистическое отдѣленіе Городской Управы еженедѣльно сообщаетъ цифру смертности въ Петербургѣ и другихъ главнѣйшихъ городахъ Европы, и тамъ можно убѣдиться въ громадной сравнительно цифрѣ смертности нашей столицы. Исторія же канализаціи городовъ вообще свидѣтельствуетъ, что немедленно послѣ ея устройства, въ первые же годы, цифра смертности падаетъ чрезвычайно быстро, а потому можно сказать, что нашъ городъ, при отсутствіи канализаціи, ежегодно теряетъ почти вдвое больше, нежели сколько могъ бы потерять, еслибы были своевременно приняты дѣйствительно общія мѣры къ оздоровленію города. Трудно городскому общественному управленію требовать отъ частныхъ лицъ

соблюденія санитарныхъ условій, когда оно сознаетъ, что само не исполнило своихъ санитарныхъ обязанностей по общему оздоровленію города. Конечно, городъ въ свое извиненіе можетъ сослаться на бѣдность городской казны, но вѣдь, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ, и неопрятность въ частномъ хозяйствѣ есть результатъ недостаточности, бѣдности, и обыватели имѣютъ полное право сказать своему общественному управленію: „врачу, исцѣлися самъ".

Конечно, въ виду приближенія такой гостьи, какъ холера, нужно не разсуждать, а дѣйствовать; но и въ такомъ случаѣ, намъ кажется, дѣло должно идти не объ усиленіи санитарнаго надзора, который можетъ убѣдить насъ только въ томъ, въ чемъ мы и безъ того убѣждены, а именно, что вполнѣ удовлетворительное состояніе города составляетъ не больше, какъ исключеніе изъ общаго правила. Тутъ нужны со стороны городского управленія собственныя энергическія дѣйствія: городское общественное управленіе должно взять на себя самую очистку во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ встрѣчается опасность, и затѣмъ узаконеннымъ путемъ взыскивать съ виновныхъ сдѣланный имъ расходъ. Тогда санитарный надзоръ будетъ въ то же время и дѣйствительною очисткою города; конечно, при этомъ не обойдется и безъ пожертвованій со стороны городской казны, такъ какъ могутъ иногда встрѣтиться случаи крайней бѣдности, когда и взыскивать будетъ не съ чего,—но все же такой безвозвратный расходъ будетъ ничтоженъ сравнительно съ выгодами, какія можетъ принести подобный способъ дѣйствія со стороны городского общественнаго управленія.

Въ прошедшій разъ, коснувшись мнѣній, высказанныхъ петербургскою печатью по поводу слуховъ о той редакціи, въ какой вышелъ проектъ университетскаго устава изъ государственнаго совѣта, мы не остановились только на однихъ „государственныхъ экзаменахъ", какъ предметѣ, которому журналъ посвятилъ въ свое время цѣлыя спеціальныя статьи, а также и потому, что слухи, проникшіе въ печать, говорили о томъ, что въ этомъ отношеніи проектъ не представляетъ никакого особаго нововведенія. Но въ іюлѣ мѣсяцѣ выступила и московская печать съ своими соображеніями по поводу проекта университетскаго устава, и „Московскія Вѣдомости" посвятили цѣлую статью разъясненію значенія именно „государственныхъ экзаменовъ". Къ сожалѣнію, вся статья посвящена собственно соображеніямъ, постороннимъ избранной тэмѣ, на долю которой достаются нѣсколько строкъ въ самомъ концѣ ея, но столь загадочныхъ, что мы никакъ не отъищемъ въ нихъ и слѣдовъ того, какъ могли пониматься государственные экзамены составителями проекта,

и какъ они понимаются всѣми, кто знакомъ съ этимъ предметомъ; очевидно, предъ нами какое-то особое мнѣніе автора статьи „Московскихъ Вѣдомостей", который такимъ образомъ вступаетъ въ борьбу съ своими же собственными измышленіями, и конечно безъ особаго труда одерживаетъ надъ ними, т.-е. надъ плодами своего воображенія, побѣду. Всѣ, и мы вмѣстѣ со всѣми, разумѣемъ подъ такъ-называемыми „государственными экзаменами" — экзамены на государственную службу, т.-е. на право поступить въ государственную службу — и больше ничего. Еще также извѣстно всѣмъ, что государственные экзамены существуютъ въ Германіи, весьма образованной странѣ; а въ такихъ странахъ, также весьма образованныхъ, какъ Англія, Италія, Франція, и притомъ при всѣхъ правительственныхъ режимахъ въ этой послѣдней странѣ, государственные экзамены не существуютъ. Какимъ образомъ, при такой простой постановкѣ этого вовсе несложнаго дѣла, авторъ „Московскихъ Вѣдомостей" умудрился, по поводу вопроса: полезно ли ввести такіе экзамены у насъ?—связать рѣшеніе такого чисто-практическаго дѣла съ вопросами о „правѣ и достоинствѣ правительства",—это секретъ автора, который тутъ же, впрочемъ, оповѣщаетъ, что у насъ „имѣется столько учрежденій и лицъ, призванныхъ ограждать эти права и поддерживать это достоинство: и министры, и члены государственнаго совѣта, которыхъ такъ много (?) и которые, конечно, прежде всего заботятся о возстановленіи авторитета правительства тамъ, гдѣ онъ пошатнулся, и объ усиленіи его дѣйствія тамъ, гдѣ оно ослабѣло". Но, затѣмъ, авторъ „Москов. Вѣд." идетъ такъ далеко въ своемъ предвидѣніи, что дѣлаетъ предположеніе возможности невозможнаго, т.-е. химеры, а именно: „если бы,—говоритъ онъ,—по неисповѣдимому велѣнію рока, правительственныя учрежденія и лица, вмѣсто того, чтобъ поддерживать авторитетъ правительства, старались ослабить его, то намъ не приходится быть plus royalistes que le roi; если бы правительственныя лица вздумали бы почему-нибудь изгонять (?!) правительство оттуда, гдѣ оно должно присутствовать и дѣйствовать, то что же намъ („Московскимъ Вѣдомостямъ") тутъ дѣлать"? Мы вполнѣ согласны съ авторомъ статьи, что, и безъ него, права́ и достоинство правительства будутъ соблюдены; но къ чему онъ во-первыхъ, заговорилъ о „министрахъ и членахъ государственнаго совѣта, которыхъ такъ много", а во-вторыхъ, насказалъ потомъ столько баснословныхъ страстей о правительственныхъ учрежденіяхъ и лицахъ, ослабляющихъ авторитетъ правительства,—и все это по поводу вопроса о пользѣ введенія государственныхъ экзаменовъ—вопроса весьма частнаго и притомъ чисто-практическаго характера—вотъ этого мы рѣшительно не понимаемъ. Кто

и когда могъ отрицать у правительства право, которое принадлежитъ всякому хозяину своего дѣла? Каждый фабрикантъ имѣетъ право, еслибъ захотѣлъ, объявить, что къ нему на фабрику принимаются служащіе не иначе, какъ по спеціальному экзамену или предварительному опыту, хотя бы ищущее лицо и было снабжено университетскимъ дипломомъ; но кто же, будучи въ здравомъ умѣ, станетъ отрицать такое право у правительства? Какимъ образомъ отсутствіе государственныхъ экзаменовъ можетъ уронить достоинство правительства или свидѣтельствовать о низкомъ уровнѣ преподаванія въ университетахъ, когда государственные экзамены не существовали никогда въ такихъ странахъ, какъ Франція, Англія и т. д., гдѣ никому и въ голову не приходило и не приходитъ, что тутъ есть что-нибудь *унизительное* для достоинства правительства? Вотъ этого мы опять никакъ не можемъ понять: почему почтенному автору статьи „Моѣковскихъ Вѣдомостей", вздумалось закрыть глаза на такіе простые факты? или, быть можетъ, онъ дѣйствительно не знаетъ этого предмета во всѣхъ его подробностяхъ, а имѣетъ свои особенныя представленія о государственныхъ экзаменахъ, и приписываетъ имъ такое значеніе, какого они не имѣютъ и тамъ, гдѣ давно уже практикуются? Мы склонны думать, что это именно такъ, и вотъ на какихъ основаніяхъ. Въ тѣхъ нѣсколькихъ строчкахъ, гдѣ онъ прямо коснулся своей тэмы, у него, между прочимъ, сказано: „Въ странахъ (слѣдовало бы сказать: въ странѣ, — такъ какъ государственные экзамены, въ полномъ смыслѣ этого слова, существуютъ въ одной Германіи), гдѣ наука у себя дома, гдѣ она возросла въ великую силу, гдѣ университетскія каѳедры занимаются первоклассными учеными, авторитетами по своей части, и тамъ испытанія, которыми опредѣляются государственныя права (только! а не степень знанія науки), отдѣляются отъ преподаванія. Какія же могли бы оказаться затрудненія у насъ, гдѣ въ этомъ крайняя необходимость?" Во-первыхъ, очевидно, авторъ статьи полагалъ совершенно ошибочно, что во всемъ образованномъ мірѣ уже введены государственные экзамены, а во-вторыхъ, ему, повидимому, неизвѣстно, что государственные экзамены, хотя въ одномъ только вѣдомствѣ, но уже давно введены и у насъ; для службы по министерству иностранныхъ дѣлъ необходимо выдержать сначала экзаменъ, который потому нельзя назвать иначе, какъ государственнымъ. Итакъ, къ введенію у насъ государственныхъ экзаменовъ не только нѣтъ никакихъ затрудненій, но есть даже и прецедентъ въ одномъ изъ весьма важныхъ министерствъ, которое практикуетъ у себя государственные экзамены, преслѣдуя, конечно, практическія цѣли, а вовсе не думая тѣмъ поддерживать достоинство правительства и

поднять уровень преподаванія въ университетахъ. Мы можемъ даже сдѣлать, такимъ образомъ, справку у себя, къ чему привели государственные экзамены въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, и какая оттого получилась польза для службы.

Что касается собственно Германіи, то и тамъ авторъ сдѣлалъ крупную логическую ошибку, смѣшавъ post hoc съ propter hoc. Онъ говоритъ, что государственные экзамены введены въ Германіи, „гдѣ наука у себя дома, гдѣ она возросла въ великую силу“ и т. д.; но вѣдь автору извѣстно, что въ Германіи наука была у себя дома и возросла въ великую силу гораздо прежде введенія въ этой странѣ государственныхъ экзаменовъ; однимъ словомъ, не введеніе государственныхъ экзаменовъ подняло въ Германіи науку, а наоборотъ, высокій ея подъемъ дозволилъ правительству, не подвергая опасности науку, ввести особо экзамены на государственную службу, не требующую высокихъ ученыхъ степеней. Можетъ ли авторъ статьи „Московскихъ Вѣдомостей“ сказать, что и у насъ, наконецъ, наука у себя дома и возросла въ великую силу? Судя по его же словамъ, конечно—нѣтъ: два самыхъ важныхъ факультета у насъ, юридическій и историко-филологическій (бывшій философскій, членомъ котораго нѣкогда состоялъ и самъ редакторъ „Московскихъ Вѣдом.“) онъ называетъ даже „азинаріями (asinus—оселъ) нашихъ университетовъ“. Если это такъ, то, спрашивается, какимъ образомъ тутъ могутъ помочь такому дѣйствительному бѣдствію „государственные экзамены“? Это опять секретъ автора; онъ только утверждаетъ голословно, что правительство не можетъ установить правильное и плодотворное ученіе въ своихъ университетахъ иначе, какъ строго разграничивъ свободное (т.-е. чтеніе лекцій въ „азинаріяхъ“) съ обязательнымъ (т.-е. государственные экзамены), и для этого отдѣливъ испытаніе на государственныя права отъ преподаванія. Но какимъ образомъ исправится „свободное“ отъ экзаменовъ преподаваніе въ „азинаріяхъ“, только вслѣдствіе того, что эти послѣдніе могутъ раньше начать для себя каникулы, такъ какъ трудъ экзаменовъ съ нихъ будетъ снятъ, — мы никакъ не можемъ постигнуть, безъ болѣе точныхъ поясненій со стороны автора. Все это тѣмъ болѣе намъ кажется страннымъ, что, по словамъ того же автора, „наши университеты суть заведенія правительственныя, преподаватели ихъ состоятъ на государственной службѣ и на казенномъ содержаніи“; правда, онъ прибавляетъ потомъ, что корпораціи профессоровъ „въ своей дѣятельности и въ ея результатахъ совершенно отъ правительства независимы“, но знакомые съ университетскимъ уставомъ никогда ему въ этомъ отношеніи не повѣрятъ: профессора и утверждаются, и могутъ быть удалены начальствомъ.

Почему же, послѣ этого, правительство должно, какъ утверждаетъ авторъ, въ познаніи учащихся удостовѣряться посредствомъ „особыхъ о́рганово̀въ“? Профессора утверждены тѣмъ же правительствомъ, а слѣдовательно, пользуются его довѣріемъ. Почему они не заслуживаютъ довѣрія, какъ экзаменаторы? На этотъ вопросъ авторъ „Моск. Вѣд.“ отвѣчаетъ цѣлымъ лабиринтомъ мыслей—выйдти изъ котораго задача не легкая. Мы-де,—говоритъ онъ,—стоимъ за науку и за свободу; преподаваніе должно быть *свободно*, а потому преподаваемое не можетъ быть предметомъ экзамена, такъ какъ экзаменъ есть нѣчто *обязательное*. Вотъ почему, говоритъ онъ, одни должны *свободно* читать; а другіе должны экзаменовать изъ того только, что́ *обязательно* въ наукѣ. Но вотъ и собственныя слова автора: „испытанію можетъ и долженъ подвергаться испытуемый не изъ всего того, что́ предоставлено свободѣ его любознательности, а только изъ основныхъ предметовъ факультета, и только изъ того, что́ есть въ нихъ общепризнаннаго, для всѣхъ знающихъ равно обязательнаго“. Или почтенный авторъ смѣшалъ университетскіе экзамены съ экзаменомъ на аттестатъ зрѣлости, гдѣ дѣйствительно требуется знаніе только общепризнаннаго, для всѣхъ знающихъ равно обязательнаго; или онъ забылъ собственныя, выше сказанныя имъ слова: „всякая попытка, хотя бы односторонняя и ошибочная въ области научнаго изслѣдованія, можетъ принести только пользу; въ этихъ попыткахъ, въ этихъ исканіяхъ, причемъ неизбѣжны и заблужденія, состоитъ жизнь науки, а только живая наука чего-нибудь сто́итъ и можетъ быть плодотворна; нечего опасаться заблужденій, свойственныхъ всякому исканію, лишь бы оно было предпринято въ духѣ науки, то-есть по ея методамъ, въ которыхъ заключается ея сила, ея существо, ея самокритика и самоповѣрка“. Но, припоминая вышесказанное тѣмъ же авторомъ, мы должны заключить, что учащіеся должны только удовлетворять свою любознательность, слушая „всякія попытки (профессоровъ), хотя бы односторонніе и ошибочныя въ области научнаго изслѣдованія“, которыя, по его же мнѣнію, могутъ принести только пользу; но никакъ они не должны держать экзамена изъ выслушанныхъ имъ „попытокъ“, экзаменоваться же учащіеся должны у другихъ лицъ, не дѣлающихъ никакихъ „попытокъ“, т.-е. не занимающихся наукою, и притомъ только изъ „безспорнаго“ въ наукѣ. Но кто же возьметъ на себя, по нашему мнѣнію, невозможный трудъ—опредѣлить, что̀ въ наукѣ, на ея университетской высотѣ, вполнѣ безспорно; да и самъ авторъ соглашается, что „живая наука“ вся состоитъ въ борьбѣ мнѣній, и что только такая наука—плодотворна. Авторъ, какъ мы сказали, только вводитъ насъ въ этотъ лабиринтъ своихъ мыслей, но не даетъ никакой путеводной нити, и сильно сомнѣваемся, чтобы

онъ имѣлъ ее самъ. Опасаясь быть непонятымъ, авторъ, вѣроятно, потому и говоритъ: „мы, право, не обскуранты, не ретрограды, не враги свободы; мы даже не считаемъ себя заслужившими почему-то придаваемую намъ кличку консервативной партіи; мы ни къ какой партіи не принадлежимъ“... Вотъ это вполнѣ и безусловно вѣрно: таково бываетъ всегда свойство личныхъ мнѣній; но и для личныхъ мнѣній обязательна, однако, логика, послѣдовательность и правильность выводовъ. Когда идетъ дѣло о такомъ простомъ вопросѣ, какъ о государственныхъ экзаменахъ, нельзя увѣрять, что дѣло идетъ о нравахъ и достоинствѣ правительства; нельзя называть „азинаріями“ наши факультеты, и вмѣстѣ мѣрою къ исправленію такого будто бы бѣдственнаго ихъ положенія предлагать государственные экзамены; нельзя на одной и той же страницѣ говорить съ восторгомъ о „живой наукѣ“, движущейся свободно въ массѣ ошибокъ и заблужденій, и въ то же время утверждать, что цѣлью испытаній должна быть поставлена какая-то другая наука, „безспорная“, которой никто не будетъ преподавать, но изъ которой будутъ, однако, экзаменовать. Эти экзаменаторы должны, подобно тому, какъ авторъ статьи стоитъ внѣ всякихъ партій, стоять внѣ всякихъ научныхъ школъ и не принадлежать ни къ одной изъ нихъ. Вотъ къ какимъ выводамъ мы должны придти вмѣстѣ съ авторомъ, вслѣдствіе того, что онъ не захотѣлъ взглянуть на простое дѣло просто: введеніе государственныхъ экзаменовъ есть вопросъ практическій для правительства, и оно можетъ рѣшить его такъ или иначе, сообразно съ потребностями государственной службы; но никто, конечно, не станетъ утверждать, вмѣстѣ съ авторомъ статьи „Москов. Вѣдом.“, что безъ государственныхъ экзаменовъ „правительство не можетъ установить правильное и плодотворное ученіе въ своихъ университетахъ“. По крайней мѣрѣ мы, и всѣ съ нами знаютъ, что, напримѣръ, въ ту эпоху московскаго университета, когда и нынѣшній редакторъ „Москов. Вѣд.“ былъ профессоромъ, университетское ученіе тамъ было весьма плодотворно, между тѣмъ государственныхъ экзаменовъ не было; точно также было бы рискованно утверждать, что введеніе ихъ сдѣлаетъ университетскую науку болѣе плодотворною.

По поводу той же самой нашей замѣтки объ университетскомъ вопросѣ, газета „Новости“ возражаетъ намъ, усматривая въ нашихъ словахъ несогласіе съ нею во взглядахъ на значеніе факультетовъ, высказанное нами притомъ, будто бы, „съ неудовольствіемъ“ (?) и объясняя все это только тѣмъ, что „авторъ статьи (т.-е. мы) не знакомъ, какъ слѣдуетъ, съ университетскою жизнью ни у насъ, ни

въ другихъ государствахъ". Конечно, непосредственное знакомство съ предметомъ—очень важное условіе основательности мнѣнія, но намъ извѣстны случаи, когда такое знакомство можетъ вводить и въ заблужденіе. Мы утверждали, что въ факультетахъ можетъ развиться „кумовство" скорѣе, чѣмъ въ совѣтѣ, а потому независимость факультета отъ совѣта можетъ быть вредна, и въ этомъ отношеніи мы отдавали преимущество прежнему уставу. „Это, пожалуй, и правда", возражаетъ намъ авторъ статьи въ „Новостяхъ", но все же онъ признаетъ достаточнымъ для совѣта высказывать свое мнѣніе, которое, однако, можетъ впослѣдствіи оказаться нулемъ, и рѣшаетъ самый вопросъ, повидимому, большинствомъ голосовъ, отобравъ мнѣнія по этому предмету у знакомыхъ ему профессоровъ. „Мы знаемъ,— говоритъ онъ, — что въ числѣ профессоровъ *не мало* (?) найдется такихъ, которые пожалѣютъ, что право выбора кандидатовъ на каѳедру не будетъ находиться всецѣло въ рукахъ совѣта. Но *множество* (?) извѣстныхъ фактовъ изъ практики нашей университетской жизни, доказывающихъ, какъ совѣтъ злоупотреблялъ своимъ правомъ къ обидѣ факультетовъ и ко вреду для интересовъ преподаванія, ручается за то, что лучшіе люди (почему же непремѣнно лучшіе?) въ университетахъ будутъ очень довольны перемѣной по данному пункту. Мы даже *знаемъ*, что они довольны. Если вѣсти объ этомъ еще не дошли до „Вѣстника Европы", то это—не наша вина".

Авторъ, собственно говоря, отвѣтилъ за насъ: его упрекъ намъ въ незнаніи университетской жизни былъ, очевидно, однимъ полемическимъ пріемомъ, такъ какъ онъ самъ потомъ сознается, что съ одной стороны, „не мало" профессоровъ совершенно согласны съ нами; а съ другой — „множество" раздѣляетъ мнѣніе нашего противника; итакъ среди профессоровъ, безъ сомнѣнія, знакомыхъ съ университетскою жизнью, по свидѣтельству самого почтеннаго автора, наше мнѣніе имѣетъ своихъ сторонниковъ, изъ чего позволительно заключить, что и мы не лишены знакомства съ университетскою жизнью. Что же касается до „вѣстей", то мы не ограничились бы современными, а могли бы сообщить автору подлинные факты изъ университетской жизни не одного послѣдняго времени, а начиная съ половины 50-хъ годовъ; для полной иллюстраціи этого вопроса довольно было бы вспомнить надѣлавшую въ свое время довольно шуму исторію съ покойнымъ Н. Г. Устряловымъ, избраннымъ на второе пятилѣтіе факультетомъ и забаллотированнымъ въ совѣтѣ. Это было, правда, еще до устава 1863 года, но положеніе факультетовъ послѣднимъ уставомъ не было измѣнено въ этомъ отношеніи. Очень можетъ быть, что намъ въ отвѣтъ на это возразятъ нами-

новеніемъ другой исторіи, прямо противоположнаго характера, а именно, утвержденія проф. Герье въ Москвѣ; но изъ всего этого слѣдуетъ только одно, что подобные вопросы должно рѣшать не посредствомъ „вѣстей“, а установленіемъ какого-нибудь принципа относительно самостоятельности университетской жизни: тамъ не можетъ быть и тѣни самостоятельности, гдѣ контроль совѣта надъ факультетами не дѣйствительный, а зависящій отъ случая. Вотъ все, что́ мы хотѣли сказать, защищая права совѣта, который служитъ выраженіемъ единства университетской жизни. Изъ этого авторъ можетъ видѣть, что и другой его упрекъ намъ въ „политикѣ“ также не основателенъ; впрочемъ, есть нѣчто худшее „политики“, это—оппортюнизмъ, какъ отрицаніе всякихъ принциповъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.—Сербское академическое общество „Зоря“, въ Вѣнѣ, доставило 49 рублей, собранныхъ имъ на памятникъ И. С. Тургенева, которые и переданы въ Коммиссію по сооруженію памятника, состоящую при Литературномъ фондѣ.

ПОПРАВКА.—Въ статьѣ г. Елисѣева: „Мусульманскіе поломники“, названіе священной горы мусульманъ должно читаться—„Арафатъ“.

Издатель и редакторъ. М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

ІЮЛЬ—АВГУСТЪ, 1884.

Книга седьмая. — Іюль.

отр.

Князь Суворовъ въ опалѣ.—1797-1798 г. А. Ѳ. ПЕТРУШЕВСКАГО. . . . 5

Мусульманскіе паломники.—Изъ путешествія по Аравіи.—V-VII.—Окончаніе.—А. В. ЕЛИСѢЕВА 30

Русская наука и національный вопросъ въ XVIII-мъ вѣкѣ.—III.—Окончаніе.—А. Н. ПЫПИНА. 72

Дебютъ.—Разсказъ.—К. С. БАРАНЦЕВИЧА 118

Нашъ вексельный курсъ и товарныя цѣны.—Ю. Г. ЖУКОВСКАГО. 158

Стихотворенія. — I. Молитва природы. — II. Гамлетамъ. — Д. МЕРЕЖКОВСКАГО. 184

Психическія явленія и тѣлесные процессы, въ организмѣ животныхъ и человѣка.—П. Р. ТАРХАНОВА 187

Белинда.—Романъ, соч. Роды Броутонъ.—Періодъ III.—VIII.—А. Э 247

Государственный соціализмъ въ политикѣ и литературѣ. — Л. З. СЛОНИМСКАГО 287

Стихотворенія.—Изъ Гейне, Шамиссо, Гёте и Линга.—Г. Р—КОВА 317

Хроника.—Раздѣленіе труда земледѣльческаго и промышленнаго въ Россіи.—В. В. 319

Внутреннее Обозрѣніе.—Училищные совѣты и отношеніе ихъ къ учебному вѣдомству.—Уголовная статистика за 1879 г., отношеніе оправдательныхъ приговоровъ къ обвинительнымъ; зависимость преступности отъ возраста, степени образованія, времени и мѣста; число лицъ, подвергнутыхъ предварительному аресту. — Новая редакція нѣкоторыхъ постановленій о раскольникахъ 357

Задачи земледѣльческой политики.—По вопросу объ арендной реформѣ.—С. . 378

Письма изъ провинціи.—Саратовъ.—Н. И. 399

Иностранное Обозрѣніе.—Внѣшняя политика Англіи, и положеніе министерства Гладстона. — Международная конференція въ Лондонѣ. — Колоніальныя попытки европейскихъ державъ. — Закладка новаго зданія германскаго парламента.—Паденіе либеральнаго министерства въ Бельгіи.—Балканскія дѣла.—Президентскіе выборы въ С.-Американскихъ Штатахъ . . 409

Литературное Обозрѣніе.—Мѣстное управленіе въ Россіи, П. Подлигайлова.—Наше учебное вѣдомство и начальная школа Н. Дебольскаго. — Популярныя медицинскія брошюры гг. Л. Бразоля, Д. Ахшарумова и М. Чистякова.—Въ Америку, І. Петриковскаго.—Закулисная жизнь аптеки, І. Немировскаго. — Что̀ читать народу? — критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія.—У моря, стих. М. Самойлова. — Замѣтки присяжнаго засѣдателя.—К. К. — Peter the Great, by E. Schuyler.—А. Н. 426

Изъ Общественной Хроники.—Отголоски и сообщенія въ столичной печати, по поводу проекта университетскаго устава.—Новый уставъ православныхъ духовныхъ академій, и его сравненіе вообще съ уставами высшихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній. — Общественное значеніе дополнительныхъ статей къ закону о фабричномъ дѣтскомъ трудѣ, и необходимость новыхъ мѣръ къ регулированію послѣдняго 437

Библіографическій Листокъ.—Дидро въ Петербургѣ, В. А. Бильбасова.—Главные моменты министерской дѣятельности Тюрго, Д. Е. Аѳанасьева.—Муравьи, пчелы и осы, Дж. Лёббока, перев. Д. В. Аверкіева. — Путеводитель по Балтійской жел. дорогѣ, И. П. Золотницкаго. — Путеводитель по западной Сибири, Н. Ленитова.

Книга восьмая.—Августъ.

Психическія явленія и тѣлесные процессы въ организмѣ животныхъ и человѣка.—Окончаніе.—И. Р. ТАРХАНОВА 449
Стихотворенія.—Д. МЕРЕЖКОВСКАГО 506
Фельдмаршалъ Миних и его значеніе въ русской исторіи. — I. — Н. П. КОСТОМАРОВА. 510
Женщина и ея имущественное положеніе.—Историческій очеркъ.—I.—М. КУЛИШЕРА 565
Белинда.—Романъ, соч. Роды Броутовъ.—Періодъ III—IV.—Съ англійскаго.—Окончаніе.—А. Э. 586
Беллетристъ-народникъ шестидесятыхъ годовъ.—Собраніе сочиненій А. И. Левитова. Со статьею о жизни его, Ф. Д. Нефедова.—А. Н. ПЫПИНА . 648
Цвѣтка.—Разсказъ Гюи де-Мопассана.—Переводъ съ рукописи 685
Домашній судъ.—Изъ хроники южно-русскаго села.—И. ПОТАПЕНКО . 751
Хроника.—Внутреннее Обозрѣніе. — Новыя законодательныя мѣры. — Законъ о присяжныхъ засѣдателяхъ.—Упраздненіе коммиссіи прошеній.—Разъясненія сената относительно земскихъ ходатайствъ и выборовъ.—Измѣненіе наказанія за растрату. — Судьбы проекта о промысловомъ подоходномъ налогѣ.—Еще о „совмѣстительствѣ“.—Графъ Э. И. Тотлебенъ †. . 774
Иностранное Обозрѣніе. — Пересмотръ конституціи во Франціи. — Французскій сенатъ и его значеніе. — Разладъ въ средѣ монархическихъ партій. — Демонстрація противъ нѣмцевъ въ Парижѣ. — Англійская палата лордовъ и билль о реформѣ.—Народныя собранія въ Гайдъ-паркѣ и въ другихъ мѣстахъ. — Рѣчи лорда Салисбюри, Чамберлэна и Фаусетта.—Вопросъ объ избирательныхъ правахъ женщинъ 791
Наканунѣ президентскихъ выборовъ.—Корреспонденція изъ Нью-Іорка.—А. К. 804
По поводу недоразумѣній газеты „Новости“.—Л. СЛОНИМСКАГО 817
Литературное Обозрѣніе.—Афанасьевъ, главные моменты министерской дѣятельности Тюрго.—Ходскій, Краткій курсъ политической экономіи въ связи съ финансами.—С. Цвѣтъ, Прогрессъ и бѣдность по Генри Джорджу.—Ивановскій, Женевская конвенція 1864 года. — Никольскій, О выдачѣ преступниковъ по началамъ международнаго права. — Л. С. — Алексѣй Поповъ, Вліяніе церковнаго ученія на міросозерцаніе русскаго народа. —И. Поповъ, Исторія импер. моск. общества и древностей россійскихъ. Часть I.—Петровъ, Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія.—А. Н. 821
Странный путеводитель.—Иллюстрированный спутникъ по Волгѣ, С. Монастырскаго.—А. В—НА 843
Изъ Общественной Хроники.—Наканунѣ новыхъ городскихъ выборовъ въ Москвѣ и Петербургѣ.—Начало восьмого года петербургскихъ городскихъ начальныхъ училищъ.—Вопросъ о высшемъ городскомъ образованіи, и неправильность его постановки въ петербургской думѣ.—Общій взглядъ на положеніе городскихъ финансовъ Петербурга, и обусловливающія его обстоятельства.—Вопросъ о распространеніи избирательнаго права, съ финансовой точки зрѣнія.—Больничный вопросъ въ Петербургѣ.—Засѣданіе санитарной коммиссіи, по поводу опасеній холеры.—Взгляды „Московскихъ Вѣдомостей“ на государственный экзаменъ, и еще о факультетахъ. 851
Отъ редакціи. 870
Библіографическій Листокъ.—Кавказъ. Географическій очеркъ. Сергѣй Мечъ. —Князь В. Ѳ. Одоевскій. П. О. Сумцова. — О народномъ хозяйствѣ. Г. Д. —Письма русскаго путешественника. Н. М. Карамзина.—Иліада Гомера. Н. И. Гнѣдича.

Книжный складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича принимаетъ на коммиссію постороннія изданія, подписку на всѣ періодическія изданія и высылаетъ иногороднымъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ *).

№ III. ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ № III.

КНИЖНАГО СКЛАДА и МАГАЗИНА

ТИПОГРАФІИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2-я л., 7.

I. БОГОСЛОВІЕ—ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ—АНТРОПОЛОГІЯ.

Основные вопросы философіи исторіи. Критика историософическихъ идей и опытъ научной теоріи историческаго прогресса. Н. Карѣева. Въ двухъ частяхъ. Часть I. Сущность и задача философіи исторіи.—Часть II. Научныя основы теоріи прогресса. Москва. 1883 г. Цѣна за два тома 6 р., съ пер. 6 р. 50 к.

Сводный Старообрядческій Синодикъ. Второе изданіе синодика по четыремъ рукописямъ XVIII—XIX в. съ предисловіемъ и исторической замѣткой А. Н. Пыпина. Спб. 1884 г. Цѣна 1 р. съ пер. 1 р. 20 к.

II. СЛОВЕСНОСТЬ—КУЛЬТУРА.

Американскіе очерки и разсказы. Генрика Сенкевича. Переводъ В. М. Лаврова и Л. И. Пальмина. Въ двухъ частяхъ. Москва 1883 г. Ц. за 2 части 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Внѣ колеи. Романъ въ двухъ томахъ К. Орловскаго. Спб. 1884 г. Ц. 4 р. съ пересылкою.

Власть земли. Очерки и „отрывки изъ памятной книжки" Глѣба Успенскаго. Москва. 1883 г. Ц. 2 р. 50 коп., съ пер. 3 р.

Въ Америку! Изъ памятной книжки студента-эмигранта У. М. Петриковскаго. Кіевъ, 1884 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 75 коп.

Горные разсказы А. Ираска. Переводъ съ чешскаго и литературныя объясненія А. Степовича. Кіевъ 1883 г. Ц. 1 руб., съ пер. 1 р. 20 коп.

Грядущее рабство Гербертъ-Спенсеръ. Спб 1884 г. Ц. 50 к., съ пер. 70 к.

Джонъ Буль и его островъ. Современные нравы и жизнь Англичанъ Макса Ореля. Переводъ со второго французскаго изданія. Спб. 1884 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 коп.

Дѣтскіе годы Багрова-внука, служащіе продолженіемъ Семейной хроники С. Т. Аксакова. Изданіе третье. Москва 1884 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Давидъ Копперфильдъ. (Младшій), изъ дома Грачи, что въ Бловдеретонѣ. Его личная исторія, опыты и наблюденія, которыхъ онъ никогда, ни подъ какимъ видомъ не намѣренъ былъ издавать въ свѣтъ. Иллюстрированный романъ Чарльза Диккенса, въ переводѣ И. Введенскаго. Съ 60-ю рисунками англійскаго художника „Фица". Москва 1884 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Замѣтки по литературѣ и народной словесности. Академика А. Н. Веселовскаго. Вып. I. Спб. 1883 г. Ц. 40 коп., съ пер. 55 к.

Завѣщаніе Каина. Галицкіе разсказы Захеръ-Мазоха. Переводъ съ нѣмецкаго С. А. Кательниковой. Москва. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 коп.

Женщина какъ супруга. Ученіе о физическихъ, душевныхъ и нравственныхъ обязанностяхъ. Доктр. Германи Клепке. Переводъ съ нѣмецкаго Спб. 1883 г. Ц 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.

Изъ огня да въ полымя. Романъ въ двухъ частяхъ К. В. Назарьевой. Спб. 1884 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Идеалы нашего времени. Романъ въ 4-хъ частяхъ Захеръ-Мазоха. Переводъ

*) Книги, вновь поступившія въ Складъ въ теченіе послѣдняго мѣсяца, указаны: Вѣстникъ Европы. — Августъ, 1884 г.

съ нѣмецкаго С. А. Кательниковой. Москва, 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 коп.

☞ **Иліада Гомера.** Переводъ Н. И. Гнѣдича. Спб. 1884 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Исламъ и наука Рѣчь, произнесенная Эрнестомъ Ренаномъ въ собраніи, научной французской ассоціаціи. Переводъ Алексѣя Вѣдрова. Спб. 1883 г. Ц. 40 к. съ пересылкою.

Исторія одного города. По подлиннымъ документамъ издалъ М. Е. Салтыковъ (Щедринъ). Изданіе третье. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. съ пер.

Исторія Славянскихъ литературъ. А. Н Пыпина и В. Д. Спасовича. Изданіе второе, вновь передѣланное и дополненное Спб. 1880 г. Т. II. Ц. 5 р., съ перес. Т. I. Ц. 3 р., съ пересылкою.

☞ **Картинки петербургской жизни.** Вл. Михневича. Съ 10-ю картинками художника М. Е. Малышева. Спб. 1884 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Казацкая дума о трехъ азовскихъ братьяхъ, въ пересказѣ съ объясненіями и разборомъ ея. Публичная лекція М. А. Андріевскаго, читаная въ Екатеринославѣ. Съ картою. Одесса 1884 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Крестьянскіе повѣсти и разсказы. Сочинен. Н. Златовратскаго. Изданіе второе, значительно дополненное. Москва 1884 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Круглый годъ. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). Изданіе второе Спб. 1883 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Кухачъ Ф. и его сборникъ южно-славянскихъ пѣсенъ. Очеркъ А. Стеновича. Кіевъ 1884 г. Ц. 15 к., съ пер. 20 к.

Минувшее. Историческая повѣсть П. Скуратова. Въ трехъ частяхъ. Москва. 1884 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Наброски нарандашемъ. Александры Шабельской. Содержаніе: Миронъ и Анчутка.— Параска.— Наканунѣ Ивана Купала.—„Гола пани".—Нагорное.—Повѣсть Магистръ и Фрося. Спб. 1884 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Наслажденіе жизнью. Романъ Эмиля Золя, предисловіе и переводъ Максима Бѣлинскаго. Кіевъ. 1884 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Наши знакомые. 1,000 характеристикъ русскихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, ученыхъ, писателей, художниковъ, коммерсантовъ, промышленниковъ и пр. Вл. Михневича. Съ 60-ю портретами - каррикатурами, рисованными худ. Лебедевымъ, Малышевымъ и Серебряковымъ. Выпускъ I. Спб. 1884 г. Ц. вып. I-го съ билет. на второй 5 руб., съ пер. 5 р. 50 к.

Неугомонное сердце. Романъ въ двухъ частяхъ. Сочиненіе графини А. Л. Толстой. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к. съ пер.

Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія. Проф. Н. И. Петрова. Кіевъ 1884 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII вѣка. Кіевская искусственная литература XVIII вѣка, преимущественно драматическая. Н. Петрова. Кіевъ 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Парижскія письма. Изъ литературы и жизни 1875—1877 гг. Эмиля Зола. Второе изданіе. Спб. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Писания И. П. Котляревського. І. Вергиліева Енеида.—ІІ. Наталка Полтавка.— ІІІ. Москаль Чарівникъ. Кіевъ 1878 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

☞ **Письмо русскаго путешественника** Н. М. Карамзина съ портретомъ автора и рисункомъ 2 т. 1884 г. Ц. 1 руб., съ пер. 1 р. 20 коп.

Письма къ тетеньнѣ. Сочиненіе М. Е. Салтыкова. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. съ пересылкою.

Полное собраніе стихотвореній Н. А. Некрасова. Въ одномъ томѣ, 1842—1877. Съ портретомъ, факсимиле и біографическимъ очеркомъ. Изданіе третье. Спб. 1884 г. Ц. 3 р. съ пер. Въ роскошномъ переплетѣ, тисненомъ золотомъ, цѣна 4 р. съ пер.

☞ **Полное собраніе сочиненій Д. В. Григоровича.** Въ 10-ти томахъ съ портретомъ автора. Спб. 1884 г. Ц. 15 руб., съ перес. 17 руб.

Полное собраніе сочиненій И. С. Тургенева. Въ десяти томахъ. Съ портретомъ И. С. Тургенева. Посмертное изданіе. Спб. 1883 г. Ц. 15 р., съ пер. 18 р.

Полное собраніе стихотвореній. Князя Александра Ивановича Одоевскаго. (Декабриста). Собралъ баронъ Андр. Евг. Розенъ. Съ дополненіями и примѣчаніями издателей, портретомъ и fac simile князя А. И. Одоевскаго. Спб. 1884 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Томъ IX. Старая записная книжка 1813 — 1852 гг. Спб. 1884 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Преступленіе и наказаніе. Романъ въ шести частяхъ съ эпилогомъ Ѳ. М. Достоевскаго. Изданіе седьмое. Спб. 1884 г. Ц. 3 р. 50 коп., съ пер. 4 р.

Пѣсни жизни. Стихотворенія Омулевскаго. (И. В. Ѳедорова). Спб. 1883 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 руб. 40 к.

Разсказы. Всеволода Гаршина. Спб. 1882 г. Ц. 1 руб, съ пересылкою 1 руб. 25 коп.

Сборникъ. Разсказы, очерки, сказки. Сочиненіе М. Е. Салтыкова. (Щедрина). Изданіе второе. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 75 коп.

Собраніе сочиненій А. И. Левитова. Съ портретомъ автора и статьею о жизни его Ф. Д. Нефедова. Въ двухъ томахъ. Москва 1884 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Выпускъ первый. Составилъ В. Зелинскій. Москва 1884 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Сборникъ замѣчательныхъ изреченій, цитатъ и поговорокъ и т. п. различныхъ временъ и народовъ съ историческимъ и сравнительнымъ объясненіемъ. Сост. Ил. Рѣдниковъ. Вят. 1883 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Сказки и преданія самарскаго края. Собраны и записаны Д. Н. Садовниковымъ. Спб. 1884 г. Ц. 2 р. 50 коп. съ пер. 3 р.

Сочиненія Н. Златовратскаго. Часть вторая: Устои. Исторія одной деревни. Повѣсть въ четырехъ частяхъ. Москва. 1884 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Современная идиллія. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). Спб. 1883 г. Ц. 2 р. 50 коп., съ пер.

Сочиненія Павла Якушкина. Съ портретомъ автора, его біографіей С. В. Максимова и товарищескими о немъ воспоминаніями: П. Д. Бобарыкина и многихъ другихъ авторовъ. Спб. 1884 г. Ц. 4 р. 30 к. съ пер. 5 р.

Сочиненія лорда Байрона въ переводахъ русскихъ поэтовъ 3 т. Изданіе третье. Спб. 1884 г. Ц. 8 руб., съ перес. 9 руб.

Старый домъ. Историческій романъ начала царствованія императора Николая I (хроники четырехъ поколѣній). Въ 2-хъ частяхъ. Всеволода Соловьева (продолженіе романовъ „Сергѣй Гарбатовъ“ и „Вольтеріанецъ“). Спб. 1884 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к., въ изящномъ переплетѣ 4 р., съ пер. 4 р. 50.

Стихотворенія. А. В. Кольцова. Восьмое изданіе. Москва 1884 г. Ц. 20 к., съ пер. 35 к.

Стихотворенія М. П. Розенгейма. Изданіе третье, дополненное Спб. 1882 г. Ц. 3 руб. съ пересылкою, въ перепл. 3 р. 50 к.

Стихотворенія кн. Д. Н. Цертелева. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер., въ переп. 2 р.

Сочиненія. Г. П. Данилевскаго. (1847 — 1883 г.). Изданіе четвертое, дополненное. Въ шести томахъ. Спб. 1884 г. Ц. 6 р., съ пер. 7 р

Узорочная пестрядь. Сергѣй Атаза. (С. Н. Терпигоревъ). Спб. 1883 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер.

У моря. Стихотворенія Марка Самойлова. Спб. 1884 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Убѣжище Монрепо. Сочиненіе М. Е. Салтыкова. (Щедрина). Оглавленіе: Общій обзоръ.—Тревоги и радости въ Монрепо. —Монрепо-усыпальница.—Finis Монрепо. —Предостереженіе. Изданіе второе. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. съ перес.

Этюды изъ области новой чешской литературы А. Степовича. Выпускъ I-й. Кіевъ 1884 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 коп.

Южно-русскія былины. Академика А. Н. Веселовскаго. Спб. 1881 г. Ц. 35 коп., съ пер. 45 коп.

III. ИСТОРІЯ—БІОГРАФІЯ—ЭТНОГРАФІЯ.

Архивъ князя Воронцова. Книга тридцатая. Письма Рожерсона, Н. Н. Новосильцова, историковъ Миллера и Баитышъ-Каменскаго, Поццо-Ди-Борго, князя Куракина и другихъ лицъ. Москва 1884 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 коп.

Богданъ Хмельницкій. Историческая монографія Николая Костомарова. Изданіе четвертое, исправленное и дополненное. Въ трехъ томахъ. Спб. 1884 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 руб. 50 коп.

Воцаренія Императрицы Анны Іоановны. Историческій этюдъ Д. А. Корсакова. Казань. 1880 г. Ц. 3 р., съ пер.

Живописная исторія древней и старой Россіи. Сочиненіе А. Рамбо. Перевелъ А. Михельсонъ. Со многими рисунками въ текстѣ. Москва 1884 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Жизнь и политика маркиза Вѣлепольскаго. Эпизодъ изъ исторіи русско-польскаго конфликта и вопроса. Составилъ В. Д. Спасовичъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. съ пересылкой.

Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Выпускъ 6-й. Составилъ Ап. Андріевскій. Кіевъ 1884 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Исторія новаго времени. (XVI — XVII ст.). Эдара Зеворта. Переводъ подъ редакціею и съ дополненіями пр. П. В. Лучицкаго. Томъ I-й. Кіевъ. 1883 г. Ц. 4 р. 50 к., съ пер. 5 р.

Исторія XIX вѣка. Мишле. Переводъ подъ редакціей М. Цебриковой. Т. I. Директорія. т. II. До 18 Брюмера. Спб. 1883 г. Ц. каждому тому 2 руб., съ перес. 2 руб. 30 коп.

Іоанникій Галятовскій (къ исторіи южно-русской литературы XVII в.). Н. Ѳ. Сумцова. Кіевъ 1884 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

*

Князь В. Ѳ. Одоевскій. Біографическій очеркъ проф. Н. Ѳ. Сумцова. Харьковъ 1884 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Москва. Историческій очеркъ. Составила Агриппина Мих. Плечко. Съ двумя видами и двумя планами Кремля и Москвы XVII и XVIII ст. Москва 1883 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2.

☞ **О первоначальной лѣтописи Великаго Новгорода.** Составилъ І. Сениговъ. Спб. 1884 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Очерки по исторіи г. Саратова и саратовской губерніи. И. Ф. Хованскаго. Выпускъ первый съ портретомъ А. Н. Радищева и видомъ части г. Саратова. Саратовъ 1884 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Результаты антропологическихъ изслѣдованій среди Мордвы-Эрзи. В. Н. Майнова. Спб. 1883 г. Ц. 3 р, съ пер. 3 р. 50 к.

Русскій архивъ № 3 за 1884 годъ. Приложенія: 1. Портретъ Николая Эрастовича Лясковскаго II. Дневникъ княжны Варвары Ильиничны Туркестановой. Москва 1884 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Н. Костомарова. Томъ первый. Господство дома Св. Владиміра X—XVI-е столѣтіе. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 3 р. 75 к. Томъ второй. Господство дома Романовыхъ до вступленія на престолъ Екатерины II. XVII-е столѣтіе. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к. Продолженіе второго тома. Господство дома Романовыхъ XVIII-е столѣтіе. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 2 р. Всѣмъ тремъ выпускамъ 7 р. 10 к., съ пер. 8 р.

Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскомъ краѣ. Томъ VII: Евреи, поляки, племена не малорусскаго происхожденія, малоруссы (сельскій бытъ, языкъ). Состав. П. П. Чубинскій. Спб. 1872 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 3 р. 75 к.

IV. ГЕОГРАФІЯ-ТОПОГРАФІЯ-ПУТЕШЕСТВІЯ.

Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи. Составилъ П. Семеновъ. Вышло 4 тома полныхъ и пять выпусковъ пятаго тома, начиная съ буквы А—Ш. Цѣна всѣхъ томовъ 17 р. 25 к.,

Египетъ. Александрія, Каиръ его окрестности, Саккара и берега Нила до первыхъ пороговъ. Описаніе путешествія въ 1880—81 году. Съ 5 картами, 8 фототипіями, 2 гравюрами на деревѣ и 78 политипажами. Сочиненіе В. Андреевскаго. Спб. 1884 г. Ц. 5 р. съ пер.

Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на верховья Желтой рѣки Н. М. Пржевальскаго съ 2 картами, 108 рисунками и 10 политипажами въ текстѣ. Спб. 1883 г. Ц. 7 р., съ пер. 9 р.

Записки Кигоро объ островѣ Кереѣ П. Дмитревскаго. Спб. 1884 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Очерки Персіи. П. Огородникова. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Очерки путешествія въ Гималаи. Г-на и Г-жи Верещагиныхъ въ двухъ частяхъ. Съ рисунками въ текстѣ. Часть I. Сиккимъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к., часть II. Кашмиръ Ладакъ. Спб. 1884 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер 1 р. 50 к.

Очерки Сѣверо-Западной Монголіи. Результаты путешествія, исполненнаго въ 1879 году Г. Н. Потаниннымъ. Выпускъ IV. Матеріалы этнографическіе, съ 26 таблицами рисунковъ. Спб. 1883 г. Ц. 3 р., съ пер 3 р. 50 к.

Панамскій морской каналъ и прилежащія страны. Составилъ Н. Латкинъ. Спб. 1884 г Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Путешествіе въ страны негровъ и обезьянъ. Нравоописательные очерки изъ жизни негровъ и главныхъ животныхъ центральной Африки. Л. Жаколью. Переводъ съ французскаго. Спб. 1884 г. Ц. 1 р. 25 коп., съ пер. 1 р. 50 к.

V. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ — СТАТИСТИКА.

Крестьянскій вопросъ. Изслѣдованіе о значеніи у насъ крестьянскаго дѣла, причинахъ его упадка и мѣрахъ къ поднятію сельскаго хозяйства и быта поселянъ. К. Д. Кавелина. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Краткій курсъ политической экономіи въ связи съ финансами. Составилъ магистръ полит. экономіи. Л. В. Ходскій. Спб. 1884 г. Ц. 3 р. съ пересылкою.

Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ, съ приложеніемъ статьи: „Очеркъ правительственныхъ мѣръ по переселенію крестьянъ послѣ изданія Положенія 19 Фев. 1861 года". Ю. Э. Янсонъ. Изданіе второе. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 75 к.

☞ **Очерки мелкаго народнаго кредита.** А. Мудрова. Выпускъ I: Сберегательныя кассы. Ц. 40 к., съ пер. 60 к. Выпускъ II: Вспомогательныя кассы. Ц. 80 к., съ пер. 1 р. Москва 1883 г.

Судьбы капитализма въ Россіи. Сочиненіе В. Б. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ перес. 1 р. 70 к.

Теорія цѣнности. Критико-экономиче-

ское изслѣдованіе А. Антоновича. Варшава 1877 г. Ц. 1 р. 50 коп. съ перес.

VI. ПЕДАГОГІЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Авраамъ Линкольнъ. А. П. Мунтъ. Съ 8 отдѣльными рисунками. Спб. 1884 г. Ц. 30 к., съ пер. 45 к.; въ папкѣ 45 коп., съ пер. 65 к.; въ перепл. 75 коп., съ пер. 95 коп.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, его жизнь и сочиненія. Съ портретомъ А. С. Пушкина. Для юношества. Изданіе второе. Спб. 1865 г. Ц. 50 к., съ пер. 70 к.

Алфавитный указатель историческихъ мѣстностей съ обозначеніемъ времени событій. Какъ пособіе для изученія Всеобщей исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Составилъ Л. Л. Игнатовичъ. Спб. 1883 г. Ц. 40 коп., съ пер. 55 коп.

Ариѳметика. Опытъ руководства къ систематическому курсу теоретической ариѳметики цѣлыхъ и къ элементарному курсу дробныхъ чиселъ. Съ рисунками въ текстѣ, съ вопросами и задачами для усвоенія пройденнаго. Составилъ А. Н. Канаевъ. Спб. 1881 г. Ц. 80 коп., съ пер. 1 р.

Ботаника. Учебникъ естествознанія для среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ, Составилъ В. Э. Иверсенъ. Спб. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Буквы-картинки. Пособіе при обученіи грамотѣ. По мысли Ф. Резенера рисовалъ художв. В. Шпакъ. Изданіе второе. Спб. 1884 г. Ц. 30 к., съ пер. 45 к.

Волшебныя сказки Музеуса, сокращенны для дѣтей. Ф. Гоффманомъ. Съ предисловіемъ В. Крестовскаго (псевдонимъ) и 8-ю рисунками. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 коп.

Воспитаніе въ возрастѣ перваго дѣтства. Д-ра Н. А. Сикорскаго. Спб. 1884 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Высшія учебныя заведенія Россіи мужскія и женскія. Справочная книга для готовящихся къ поступленію въ высшія учебныя заведенія и учащихся въ нихъ. Подробныя правила поступленія и программы пріемныхъ испытаній, указатель времени утвержденія и мѣстонахожденія уставовъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, а также и нѣкоторыхъ среднихъ. Составилъ В. Альбицкій. Изданіе второе исправленное и дополненное Спб. 1884 г. Ц. 1 р. 30 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Гекторъ Сервадакъ. Путешествіе и приключенія въ солнечномъ мірѣ, Жюля Верна. Переводъ С. Самойловичъ. Со многими картинами въ текстѣ. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р., въ папкѣ 3 р. 85 к., съ пер. 4 р. 25 к.

Джорджъ Вашингтонъ. А. П. Мунтъ. Съ 8 отдѣльными рисунками. Спб. 1881 г. Ц. 30 к., съ пер. 45 к.

Дѣтскіе разсказы. Соч. П. Незванова. Рисунки художника Н. Лосева, рѣзаны на деревѣ І. Голевинскимъ въ Варшавѣ и Ѳ. Волковымъ въ Петербургѣ. Спб. 1884 г. цѣна книги въ папкѣ 2 р. съ пер.

Жизнь и смерть пьяницы. Быль. Разсказъ Дяди Адама. Спб. 1873 г. Ц. 7 к.

Жизнь дѣтей. Собраніе разсказовъ и повѣстей изъ англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ дѣтскихъ книгъ. Выпускъ третій. Спб. 1884 г. Ц. 30 к. съ пер. 45 к.

Жизнь дѣтей. Собраніе разсказовъ и повѣстей. Содержаніе: I — Дѣти съ мячикомъ. II—Хохликъ. III—Варя. IV—Спасительная шлюпка. Спб. Ц. 30 к., съ пер. 45 к.

За Дунаемъ. Война съ турками за освобожденіе славянъ 1877—1878 г. Очерки и разсказы для дѣтей. Изъ сочиненій В. П. Немировичъ-Данченко. Москва. 1884 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Значеніе дѣтскихъ игръ въ отношеніи воспитанія и здоровья. Д-ра Е. А. Покровскаго. Москва 1884 г. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Знаки препинанія. Практическое руководство къ полному и всестороннему изученію правильнаго употребленія знаковъ препинанія. Составилъ учитель П. К. Ганъ. Вильна 1883 г. Ц. 25 к., съ пер. 40 коп.

Золотая рыбка. Сказочная быль въ стихахъ. (Изъ жизни крестьянскаго мальчика). Москва. 1881 г. Ц. 50 к., съ пер. 70 к.

Избранныя сатиры Горація. Объяснилъ для гимназій Д. П. Нагуевскій. Воронежъ 1879 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Изданія постоянной коммиссіи по устройству народныхъ чтеній:

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. А. Филонова. Съ портретомъ Ломоносова. Изданіе третье. Ц 05 к. безъ пересылки.

Лучшая месть. Разсказъ Сѣтковой (Катенкалтъ). Съ тремя картинками. Ц. 05 к. безъ пересылки.

Церковь христова со временъ апостоловъ. Съ двумя изображеніями. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Начало христіанства на Руси. Съ двумя изображеніями. Ц. 15 к., съ пер. 25 к.

Соловецкій монастырь С. Максимова. Третье изданіе. Съ рисунками въ текстѣ. Ц. 12 к., съ пер. 20 к.

Назначеніе женщины, по ученію слова Божія. Протоіерея Дмитрія Соколова. Изданіе второе. Ц. 20 коп., съ пер. 30 к.

Изъ-за чего пошли войны Россіи съ му-

сульманствомъ? Ап. Н. Майкова. Въ трехъ книжкахъ. Спб. 1883 г. Ц. 1-й книжки 7 к. 2-й кн. 5 к. 3-й кн. 7 к.

О святыхъ московскихъ митрополитахъ Петрѣ и Алексѣѣ и о славномъ Мамаевскомъ побоищѣ Ап. Н. Майкова. Спб. 1883 г. Ц. 6 к.

Сборникъ стиховъ. Выпускъ второй. Спб. 1883 г. Ц. 8 к.

Изъ великой книги - природы. Разсказы для юношества. Составилъ А. Бетхеръ. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1884 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Изъ „**Ясной поляны**“. (Журналъ графа Н. Толстого). Разсказы для семьи и школы. Книги: 6, 7, 8. Спб. Ц. каждой книги 20 коп.

Историческій обзоръ учебниковъ общей и русской географіи, изданныхъ со времени Петра Великаго по 1876 годъ. (1710 — 1876 г.). Составилъ Л. Весснинъ. Спб. 1877 г. Ц. 3 руб. 50 коп., съ пер. 4 руб.

Какъ надо жить чтобы счастливымъ быть. Составлено по Смайльсу В. Габбе. Спб. 1882 г. Ц. 10 к., съ пер. 20 коп.

Катакомбы. Повѣсти изъ первыхъ временъ христіанства. Сочиненіе Евгеніи Туръ Изданіе второе. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

☞ **Книга для чтенія** въ военныхъ школахъ и казармахъ, въ школахъ воскресныхъ и вечернихъ классахъ для взрослыхъ. Съ 23-мя рисунками и планами. Составилъ К. К. Абаза. 3-е исправленное изданіе. Спб. 1884 г. Ц. 60 к., съ пер. 80 коп.

Конекъ Горбунокъ. Русская сказка П. Ершова. Изданіе одиннадцатое. Съ 7-ю рисунками и портретомъ автора. Спб. 1883 г. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

Конь „Разбойникъ“. (Очерки изъ уральской жизни). Дмитрія Сибиряка. Кіевъ 1884 г. Ц. 10 к., съ пер. 20 к.

Красное солнышко. Историческій разсказъ. С. Макаровой. Съ картинками художн. Н. Мартынова. Москва. 1883 г. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

☞ **Краткое руководство ариѳметики** и собраніе задачъ, вычисленій и другихъ упражненій для начальнаго преподаванія. Составилъ Ѳ. И. Егоровъ. Выпускъ I: Задачи, вычисленія и другія упражненія въ первой сотни чиселъ. М. 1884 г. Ц. 30 к., съ пер. 45 к.

Курсъ промышленной экономіи и коммерческой географіи въ связи съ торгово-промышленной статистикой Россіи и главнѣйшихъ государствъ міра. А. П. Субботина. Спб. 1878 г. Ц. 2 руб., съ пер. 2 руб. 20 коп.

Лекціи зоологіи проф. Поля Бера. Переводъ съ французскаго д-ра Л. Н. Симонова. Предисловіе И. Р. Тарханова. Анатомія и физіологія. Съ 402 рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 2 руб. 50 коп., съ пер.

☞ **Махмудкины дѣти.** Разсказъ В. И. Немировичъ-Данченко. Москва 1884 г. Ц. 10 к., съ пер, 15 к.

Методы рѣшеній геометрическихъ задачъ ва построеніе и **сборникъ** геометрическихъ теоремъ и задачъ на построеніе и приложеніе алгебры къ геометріи. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній (преимущественно для старшихъ классовъ). Составилъ И. Александровъ. Тамбовъ. 1883 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Муму. (отрывокъ). И. С. Тургенева. Кіевъ 1883 г. Ц. 8 коп. безъ пересылки.

Народныя русскія сказки и загадки. Собранныя сельскими учителями Тульской губер., въ 1862—1863 годахъ, подъ редакціей А. А. Эрленвейна. Второе изданіе. Москва. 1882 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Наставленіе для народа о томъ, какъ предохранять животныхъ отъ заболѣваній заразительными болѣзнями и какъ лечить заболѣвшихъ животныхъ. Составилъ И. А. Козаченко. Изданіе второе. Вятка 1881 г. Ц. 15 к., съ пер. 25 к.

Начальныя основанія математической и физической географіи. Составилъ М. Пѣвцовъ. Спб. 1881 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Начатки географіи. Руководство для народныхъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Составили Д. Тихомировъ и И. Зенгбушъ. Москва 1884 г. Ц. 25 к. съ пер. 40 к.

Начальный учебникъ физики. Составленный Ѳ. Петрушевскимъ. (Текстъ и атласъ чертежей). Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Новѣйшая поэзія, какъ образовательное средство для крестьянъ. Н. Ѳ. Сумцова. Харьковъ. 1884 г. Ц. 25 к., съ пер. 40 коп.

Новинка. Разсказы для дѣтей съ картинками. Москва 1883 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

☞ **Начала начертательной геометріи** теоріи тѣней и линейной перспективы. Съ приложеніемъ черченія кривыхъ. Курсъ реальныхъ училищъ. Сост. А. Пальмау. Х. 1882 г. Ц. 1 руб. 50 коп., съ пер. 1 руб. 70 коп.

Ночь передъ Рождествомъ. Повѣсть Николая Васильевича Гоголя. Рисунки К. А. Газенкампфа. Изд. С-Петербургскаго Комитета Грамотности. Спб. 1884 г. Ц. 10 коп., съ пер. 15 коп.

Нянина ариѳметика. Для дѣтей отъ 4 до 7 лѣтъ. Текстъ къ картинкамъ составилъ А. Н. Канаевъ. Спб. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.

О кіевской старинѣ. Чтеніе 1-е для народнаго чтенія. Сост. Вл. Щербина. Кіевъ 1884 г. Ц. 10 коп., съ пересылкою 15 коп.

☞ **Образцы новой русской словесности.** Для среднихъ учебныхъ заведеній вообще. Собралъ А. Цвѣтковъ. Изданіе второе съ измѣненіями. Спб. 1884 г. т. I. Ломоносовскій періодъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к., т. II. Карамзинскій періодъ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к., т. III. Пушкинскій періодъ. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 70 к.

Объ органахъ голоса и рѣчи. Популярная лекція профессора Ѳ. Ландцерта съ 25-ю рисунками въ текстѣ. Изданіе второе. Спб. 1883 г. Ц. 50 к. съ пересылкою.

Основы и времена греческихъ неправильныхъ глаголовъ съ указаніемъ корней и происходящихъ отъ нихъ словъ. Составилъ проф. Филиппъ Дьячанъ. Варшава 1881 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Отголоски старины. Историческіе разсказы для дѣтей С. М. Макаровой. Съ картинками художника Н. Мартынова. Москва 1884 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

О смутномъ времени на Руси. Изложилъ И. П. Петровъ. Спб. 1884 г. Ц. 20 к.. съ пер. 35 к.

Пахарь. Повѣсть Д. В. Григоровича. Изд. Спб. комитета грамотности. Спб. 1883 г. Ц. 10 коп., съ пер. 15 коп.

Первое и необходимое для каждаго знакомство съ химіей. А. Бернштейна. Переводъ съ нѣмецкаго. Перевела А. Н. П—ова. Спб. 1880 г. Ц. 50 коп., съ пер. 65 к.

Переводъ VII-ой пѣсни Энеиды Виргилія съ примѣчьніями. Составилъ П. Полонскій. Гродно 1883 г. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

Переводъ VIII-ой пѣсни Энеиды Виргилія съ примѣчаніями. Составилъ П. Полонскій. Гродно 1883 г. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

Переводъ IX-ой пѣсни Энеиды Виргилія съ примѣчаніями. Составилъ И. Тувянскій. Гродно 1883 г. Ц. 40 коп.. съ пер. 55 к.

Подаронъ матерямъ. Разсказы для дѣтей. Мусинъ - Пушкиной. Содержаніе: I. Не послушался. — II. Лѣто въ деревнѣ. Харьковъ 1884 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

☞ **«Посѣвы».** Сборникъ статей для чтенія въ школѣ и дома. Составилъ К. Грековъ. М. 1884 г. Ц. 75к., съ пер. 1 руб.

Робинзонъ Крузе. А. Аннеиской. Новая переработка тэмы Де-Фое. Съ 10-ю картинами и 35 политипажами, рѣзанными на мѣди въ Лейпцигѣ. Второе изданіе. Спб. 1882 г. Цѣна книги въ перепл. 3 руб., съ пересылкою.

Руководство къ ариѳметикѣ. Составилъ В. Воленсъ. Тридцатое изданіе, пересмотрѣнное, исправленное и дополненное по соглашенію съ авторомъ. Спб. 1884 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Русскія учебныя картинки, состоящія изъ 24-хъ таблицъ. Рисовалъ В. С. Шпакъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 к.

Русскимъ дѣтямъ. Некрасова. Иллюстрированное изданіе. Съ 16 картинками, работы барона М. П. Клодта, рѣзанными на деревѣ и отпечатанными въ Лейпцигѣ у Брокгауза. Спб. 1881 г. Цѣна книги въ переплетѣ 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Русскія прописи. По изданію Д-та Министерства Народнаго Просвѣщенія писалъ Л. Я. Ротенбергъ. Спб. 1884 г. Ц. 15 к., съ пер. 25 к.

Родное. Разсказы для дѣтей. Ил. Смирнова. Съ раскрашенными картинками Н. Мартынова. Москва. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

Родныя мѣста. Чтеніе для дѣтей. А. В. Щепкиной. Съ картинками въ текстѣ. Изданіе второе. Москва. 1882 г. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Русская грамота. Букварь для народныхъ школъ. Сост. В. Добровольскій. Изданіе пятнадцатое. Спб. 1883 г. Ц. 5 коп.

Русская исторія для начальныхъ школъ. Составилъ Н. Горбовъ. Допущено Ос. Отд. Уч. Ком. какъ учебное пособіе по русской исторіи. Москва 1883 г. Ц. 25 к., съ пер. 40 к.

Сборникъ тэмъ и плановъ для сочиненій. Составилъ по программѣ среднихъ учебныхъ заведеній С. Вессинъ. Третье, исправленное и значительно дополненное изданіе. Спб. 1882 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Сборникъ ариѳметическихъ задачъ для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, составилъ И. Верещагинъ. Спб. 1884 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Сельская христоматія. Выпускъ 1-ый А. С. Пушкинъ. Вып. 2-ой Н. А. Некрасовъ. Вып. 3-й В. А. Жуковскій. Вып. 4-й Я. П. Полонскій. Вып. 5-й Л. А. Мей. Гр. А. К. Толстой. Составилъ Н. Ѳ. Сумцовъ. Харьковъ. 1883 г. Цѣна каждой 5 коп.

Семейство Шалонскихъ. Изъ семейной хроники. Сочиненіе Евгенія Туръ. Изданіе второе. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 руб. 20 к.

Систематическій курсъ ариѳметики для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ А. Киселевъ. Спб. 1884 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

имская сатира и Ювеналъ. Литературитическое изслѣдованіе Д. И. Наскаго. Митава 1879 г. Ц. 3 р. 60 к., пер. 4 р.

О Югуртинской войнѣ Саллюстія. Съ ѣніемъ и объясненіями; издалъ для гим- Д. И. Нагуевскій. Казань 1884 г. 80 к., съ пер. 1 р.

очиненія Я. Блюмберга:

чебникъ математической географіи, для днихъ учебныхъ заведеній. Ц. 75 к. съ 1 руб.

рямолинейная тригонометрія. Ц. 1 р., пер. 1 р. 20 коп.

лементарная алгебра. Ц. 1 руб. 20 к., пер. 1 руб. 50 к.

лементарная механика для VI клас. льныхъ училищъ. Ц. 1 руб. 50 коп., съ 1 р. 75 коп.

Дополнительныя статьи алгебры для VII реальныхъ училищъ. Ц. 1 р., съ пер. 20 к.

риложеніе алгебры къ геометріи. Ц. 40 съ пер. 60 к.

очиненія Я. Г. Гуревича: Историческая христоматія по русской исто- Ч. I. Ц. 1 руб. 75 коп., съ перес. 2 р. II. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к. Историческая христоматія по новой и йшей исторіи. Т. I. Ц. 2 р. 25 к., съ 2 р. 50 к. Т. II. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. к.—Исторія Греціи и Рима. Ц. 1 р. к., съ пер. 1 р. 50 к.—Общій очеркъ торіи Европы. Эдуарда Фримана. еводъ съ англійскаго. Ц. 1 р., съ пер. 20 к.

Справочный указатель русскаго правоанія съ приложеніемъ всѣхъ орфографическихъ правилъ и **Корнеслова**, составленго по Рейфу Шимкевичу и др. для не адающихъ достаточнымъ навыкомъ нирь совершенно правильно. Составилъ Васій Разыграевъ. Спб. 1884 г. Ц. 50 к., пер. 65 коп.

гуръ. Составилъ В. И. Обреимовъ. Спб. 1884 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 40 коп.

Трудовой крестьянскій годъ. (Д. В. Григоровича). Передѣлано для дѣтскаго чтенія Н. Блиновымъ. Ц. 10 к., съ пер. 17 коп.

Учебникъ физики. Курсъ среднихъ общеобразовательныхъ заведеній. Составилъ Н. Чистяковъ. Съ 14 таблицами чертежей. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 коп.

Учебникъ математической и физической географіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ В. Фонъ-Бооль. Съ 74 рисунками въ текстѣ. Изданіе второе. Кіевъ 1880 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Учебникъ химической технологіи. Составилъ Е. Рейнботъ. Часть I. Технологія питательныхъ веществъ. — Топливо. — Писчебумажное производство.—Съ 76 политипажами въ текстѣ. Спб. 1884 г. Ц. 2 р., съ пер.

Учебникъ механики. Составилъ С. Гуржеевъ. Часть I. Теоретическая механика. Съ 167 политипажами въ текстѣ и собраніемъ задачъ съ ихъ рѣшеніями. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к. Часть II. Прикладная механика. Съ 287 политипажами въ текстѣ и собраніемъ задачъ съ ихъ рѣшеніями. Ц. 2 руб. 50 коп., съ пер. 3 р.

Учебный курсъ теоріи словесности для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ А. В. Савицкій. Спб. 1883 г. Ц. 1 р., съ пересылкою.

Учебникъ зоологіи. Составилъ Н. Сорокинъ. Курсъ приготовительный и систематическій съ 248 рисунками въ текстѣ. М. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Физическое воспитаніе дѣтей и разныхъ народовъ преимущественно Россіи. Матеріалы для медико-антропологическаго изслѣдованія. Е. А. Покровскаго. Москва, 1884 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 коп.

Физика въ простыхъ урокахъ. Джона Тиндаля, переводъ съ англійскаго подъ редакціей профессора А. И. Шимкова съ 89 рисунками. Изд. 2-ое, Спб. 1881 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Хромоногій бѣсъ. Разсказъ для дѣтей Н. И. Лермантовой. Съ рисунками и виньетками. Спб. 1884 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Честный воръ. Изъ записокъ неизвѣстнаго. Разсказъ Ѳ. М. Достоевскаго. Спб. 1883 г. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Что читать народу? Крестьянскій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія. Составленъ учительницами народной воскресной школы Х. Д. Алчевской (въ Харьковѣ). Спб. 1884 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 руб. 50 к.

Чѣмъ люди живы. Графа Л. Н. Толстого. Изданіе Спб. комитета грамотности. Спб. 1883 г. Ц. 5 к.

Что такое соль и гдѣ ее берутъ. Е. Рейнбота. Спб. 1880 г. Ц. 10 коп., съ пер. 15 коп.

Чай и его польза Е. Рейнбота. Спб. 1883 г. Ц 10 к., съ пер. 15 к.

Царство сказокъ. Карменъ Сильва. (Елизаветы, королевы Румынской). Переводъ съ нѣмецкаго. Съ портретомъ, факсимиле автора и рисунками. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Чтеніе для народа составленное И. С. Ремезовымъ:

Сказаніе о подвигахъ первой русской великой княгини-христіанки св. Ольги.

Сказаніе о подвигахъ св. Владиміра равноапостольнаго.

Сказаніе о подвигахъ св. Александра Невскаго.

Костромской крестьянинъ Иванъ Сусанинъ.

Московскій крестьянинъ-мыслитель И. Т. Посошковъ.

Нижегородскій механикъ-самоучка П. И. Кулибинъ.

Арзамаскій мѣщанинъ-иконописецъ А. В. Ступинъ.

Ярославскій крестьянинъ - стихотворецъ Ф. Н. Слепушкинъ.

Курскій астрономъ-самоучка Ф. А. Семеновъ

Нижегородскій механикъ-самоучка Иванъ Петровичъ Кулибинъ.

Спб 1883 г. Ц. каждой книги 10 к., съ пер. 15 к.

Элементарныя свѣденія изъ Химіи. С. Ковалевскаго. 3-е изданіе, пересмотрѣнное и значительно дополненное. Спб. 1882 г. Ц. 35 к., съ пер. 50 коп.

Элементарный курсъ Закона Божія, для начальныхъ училищъ разныхъ наименованій и вѣдомствъ. Составилъ Св. В. А. Крыловъ. Первый годъ ученія. 1 молитвы. Москва. 1884 г. Ц. 5 коп., съ перес. 10 коп.

VII. ЯЗЫКОЗНАНІЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

Возрожденіе классической древности, или первый вѣкъ гуманизма. Соч. Георга Фойгта. Перевелъ съ 2-го нѣмецкаго изданія, передѣланнаго авторомъ И. П. Разсадинъ съ предисловіемъ и алфавитнымъ указателемъ. Т. I Москва. 1884 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

О нѣкоторыхъ эолическихъ и дорическихъ календаряхъ. Эпиграфическія изслѣдованія В. Латышева. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Очеркъ греческихъ древностей. Пособіе для гимназистовъ старшихъ классовъ. Составилъ В. Латышевъ. Часть 1-я. Государственныя и военныя древности. Вильно 1880 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 коп.

Свѣденія о каменныхъ бабахъ, находящихся въ области Войска Донскаго. Составилъ А. Крыловъ. 1884 г. Ц. 70 коп., съ пер. 1 р.

Слово о двѣнадцати снахъ Шахаиши. По рук. XV вѣка. Сообщ. А. Н. Веселовскимъ. Спб 1879 г. Ц. 25 коп., съ пер. 35 коп.

Эпиграфическія данныя о государственномъ устройствѣ Херсониса Таврическаго. В. Латышева. Спб. 1884 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

VIII. МАТЕМАТИКА — АСТРОНОМІЯ — ФИЗИКА—ХИМІЯ.

Аналитическая геометрія. Составлена І. Сомовымъ. Изданіе третье. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Высшая алгебра. Часть первая. Рѣшеніе численныхъ уравненій Ю. Сохоцкаго. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 40 коп.

Къ ученію объ электрической энергіи въ атмосферѣ. (Грозы въ Россіи). А. Клоссовскаго. Одесса. 1884 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Искусственные способы рѣшенія задачъ низшей алгебры. Сборникъ задачъ для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Б. П. Розенфель'дъ. Спб. 1884 г. Ц. 1 руб. 50 коп., съ перес. 1 р. 75 к.

Курсъ опытной физики. Проф. А. П. Шимова. Часть I. Общая физика и акустика. Съ чертежами и рисунками въ текстѣ. Изданіе второе исправленное и дополненное. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. Часть III.

Магнетизмъ и электричество. Съ чертежами и рисунками въ текстѣ. Харьковъ. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 коп.

Матеріалы по методикѣ геометріи. Пособіе для начинающихъ преподавателей. А. Остроторскаго. Спб. 1884 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 коп.

Новѣйшіе успѣхи метеорологіи. 1. Одновременная система наблюденій и предсказаніе погоды. А. Клоссовскаго. 12 картъ и 1 таблица чертежей. Одесса. 1882 г. Ц. 3 р. съ пер.

Опытъ новаго введенія въ геометрію съ таблицею чертежей. Пособіе для учащихъ и учащихся. Составилъ А. Кунцевичъ. Спб. 1883 г. Ц. 30 к., съ пер. 45 к.

Основы химіи. Д. Менделѣева. Въ двухъ частяхъ. 4-ое изданіе. Спб. 1881 г. Цѣна за обѣ части 4 р. 60 к., съ пер. 5 р.

Первый меридіанъ и всеобщее время. С. Д. Рыльке. Спб. 1884 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнетизмѣ. Д-ра физики О. Хвольсона. Съ 203-мя рисунками въ текстѣ. Спб. 1884 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 коп.

Современная физика (объ единствѣ физическихъ явленій). Соч. Эмиля Сэже. Переводъ съ французскаго. Спб. 1883 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 коп.

Теорія теплоты. J. Clerk Maxwell'я. М. А. пер. М. Рудольфа. Выпускъ первый. Введеніе, термометрія, калориметрія Владиміръ губ. г. 1883 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Теорія геометрическихъ величинъ съ методическими и критическими замѣчаніями. Учебное пособіе А. Кунцевича. Спб. 1884 г. Ц. 70 к., съ пер. 95 к.

Химія углеродистыхъ соединеній или органическая химія, проф. В. Рихтера. Переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія А. Близнера и Л. Шиперовича подъ редакціею проф. Н. Бекетова. Харьковъ. 1884 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 30 к.

Электричество и Магнитизмъ. Сильванусъ Томпсонъ. Переводъ съ англійскаго Н. Я. Капустина и В. Б. Струве подъ редакціей и съ нѣкоторыми измѣненіями доктора физики П. П. Боргманда Спб. 1883 г. Ц. 2 р. 50 к.

☛ **Элементарная теорія сопротивленія матеріаловъ и разсчетъ деталей машинъ** съ 7-ю таблицами чертежей. Для реальныхъ и техническихъ училищъ. Составилъ А. Пальмау. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

IX. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ — СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО—МЕДИЦИНА.

Барометръ и способы раціональнаго пользованія имъ вообще и въ сельскомъ хозяйствѣ. Составилъ К. И. Масляниковъ. Спб. 1884 г. Ц. 35 к., съ пер. 50 к.

Безплодіе. (Распознаваніе, предсказаніе, паталогическая анатомія, этіологія и леченіе). Д-ра Kisch'а. Переводъ В. Святловскаго. Спб. 1884 г. Ц. 50 коп., съ пер. 65 к.

Болѣзни спиннаго мозга. Byrom Bramwell'я. Переводъ М. А. Шульгина подъ редакціей П. И. Ковалевскій. Съ 130 рисунками и 40 изящными литографическими таблицами. Въ двухъ частяхъ. Харьковъ 1884 г. Ц. за обѣ части 5 р., съ пер. 5 р. 50 коп.

Бесѣды о лѣсѣ. I. Облѣсеніе южнорусскихъ степей. Составилъ Э. Э. Керне. Съ 7 рисунками въ текстѣ. Москва 1884 г. Ц. 15 к., съ пер. 25 к.

Вещества, носящіяся въ воздухѣ и отношеніе ихъ къ гніенію и заразѣ. Джона Тиндаля, съ прибавленіемъ рѣчи Пастера о прививкѣ по отношенію къ куриной холерѣ и сибирской язвѣ. Изслѣдованія д-ра Коха объ этіологіи бугорчатки (рефератъ). Спб. 1883 г. Ц. 2 р. съ пер.

Вырожденіе. Глава изъ теоріи развитія (Дарвинизма) проф. Э. Рея Ланкестера. Съ рисунками въ текстѣ. Переводъ съ англійскаго д-ра Ивина. Спб. Ц. 40 коп., съ пер. 55 к.

До-историческій человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера. Проф. А. А. Иностранцева. Съ 122 политипажами въ текстѣ, 2 філатограями и 12 таблицами фототипій. Спб. 1882 г. Ц. 8 р., съ пер. 9 р.

Картофель. Какую онъ приноситъ пользу и какъ надо съ нимъ обращаться. Составилъ В. Д. Кренке. Изданіе спб. комитета грамотности. Спб. 1884 г. Ц. 5 к. безъ пересылки.

Кэфиръ. (Кавказскій кумысъ изъ коровьяго молока). Его составъ, физіологическое и терапевтическое значеніе и способы приготовленія. Д-ра И. П. Соболева. Москва, 1883 г. Ц. 40 коп., съ пересылкою 55 к.

Клиническое руководство къ изслѣдованію бактерій. Д-ра Ch. Firket. Перевелъ С. Вертель подъ редакціей Н. Ѳ. Голубева. Москва. 1884 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Лѣсовозращеніе. Основанія лѣсохозяйственнаго растеніеводства. Дм. Кравчинскаго. Спб. 1883 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

☛ **Маточныя кровотеченія.** Ихъ этіологія, діагностика, терапія съ изложеніемъ метода изслѣдованія женскихъ половыхъ органовъ. В. Ѳ. Снегирева. Съ приложеніемъ 44 рисунковъ и 3 таблицъ. Москва 1884 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Многолѣтнія цвѣточныя и декоративныя травянистыя растенія, расположенныя по высотѣ ихъ и колерамъ цвѣтовъ, для легчайшаго подбора при устройствѣ садовъ и парковъ съ объясненіемъ посѣва, ухода, размноженія, времени цвѣтенія растеній и потребной для нихъ почвы. Составилъ А. Н. Ераковъ. Спб. 1881 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Месмеризмъ, одилизмъ, столоверченіе и спиритизмъ. Съ исторической и научной точки зрѣнія. Лекціи, читанныя, въ декабрѣ 1876 года, въ Лондонскомъ Институтѣ Вильямомъ Карпентеръ. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Микроскопическая техника при медицинскихъ и патолого-анатомическихъ изслѣдованіяхъ. Dr. Carl Friedlaender Спб. 1883 г. Ц. 85 к., съ пер. 1 р.

О фосфорнокислыхъ удобреніяхъ. Съ картою распространенія фосфоритовъ въ Россіи. П. Д. Морозова. Спб. 1884 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Основы практической хирургіи. R. Miller'a. Переводъ съ нѣмецкаго В. Попова. Спб. 1884 г. Ц. 1 руб. 50 коп., съ перес. 1 руб. 65 коп.

Острыя инфекціонныя болѣзни. Проф. д-ра Бернарда Кюсснера и д-ра Рихардо Потто. Переводъ д-ра Ю. Гольдендаха. М. 1884 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Очеркъ жизни сорока обыкновеннѣйшихъ насѣкомыхъ изъ всѣхъ отрядовъ. Составилъ А. Красновъ Спб. 1881 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

Полевая ботаника. Руководство для составителей коллекцій. Наставленіе, какъ собирать и сохранять растенія и составлять гербарій. Вальтера Мэнтона. Переводъ съ англійскаго М. П. Демкова.— Черниговъ 1883 г. Ц. 25 к., съ пер. 35 коп.

Практическое наставленіе для приготовленія швейцарскаго сыра. Составилъ Д. Родіоновъ. Спб. 1884 г. Ц. 10 коп., съ пер.

Практическое земледѣліе. А. Розенбергъ-Литинскаго. Переводъ съ нѣмец. П. Костычева. Съ измѣненіями и дополненіями въ примѣненіи къ Россіи. Изданіе третье, вновь просмотрѣнное и дополненное. Спб. 1884 г. Ц. 3 р. съ перес.

Руководство къ изученію болѣзней кожи. Проф. Дюринга. Переводъ съ англійскаго д-ра Д. Фридберга. Вып. первый. Спб. 1884 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Руководство описательной анатоміи. Гиртля вып. II. Ц. 1 руб. 60 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Руководство внутренней патологіи. G. Dieulafoy. Переводъ съ французскаго д-ровъ В. и Е. Святловскихъ. Томъ II. Часть первая и вторая. Спб. 1884 г. Ц. 2 р 65 к., съ пер. 3 р.

Руководство къ общественной гигіенѣ. Фридриха Зандеръ. Переводъ съ нѣмецкаго К. П. Ковалевскаго, подъ редакціей проф. А. П. Доброславина. Томъ I. съ билетомъ на второй. Спб. 1884 г. Ц. за оба тома 3 р. съ пер.

Руководство къ частной паталогіи и терапіи для врачей и студентовъ. Д-ра Hermann Eichhorst. Съ многочисленными рисунками въ текстѣ. Переводъ съ нѣмецкаго. Вып. 13, 14, 15 и 16. Спб. 1884 г. Цѣна каждому вып. 30 к., съ пер. 45 к.

Сакскія грязи въ Крыму. Д-ра А. П. Щербакова. Москва 1884 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Свиноводство. Практическое руководство для сельскихъ хозяйствъ. Сочин. О. Роде. Перевелъ съ 3-го редактированнаго Е. Функомъ, нѣмецкаго изданія и значительно дополнилъ относительно Россіи В. Хлюдзинскій со мног. колит. въ текстѣ. Спб. 1884 г. Ц. 3 р. 50 к. съ пер

Садовникъ - любитель. Сборникъ свѣденій объ уходѣ за растеніями. Воздушныя многолѣтнія травянистыя растенія. Издалъ Д. Каменскій. Спб. 1880 г Ц. 3 р. съ перес.

Собраніе рецептовъ. Справочная книжка для врачей, составленная врачемъ Лунинымъ. Изданіе второе. Москва. 1884 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Сборникъ свѣденій для любителей садоводства и самоучекъ - садовниковъ. Составилъ А. Ераковъ. Спб. 1880 г. Ц 3 р. съ пер.

Сифилисъ и бракъ. Лекціи, читанныя въ госпиталѣ Св. Людовика въ Парижѣ проф. Альфредомъ Фурнье. Перевелъ съ французскаго М. Петрункевичъ. Тверь 1882 г. Ц. 1 руб. 25 к., съ пер., 1. 40 к.

Табаководстао. Практическое руководство къ разведенію табака. Съ приложеніемъ извлеченія изъ уставз о табачномъ сборѣ, высочайше утвержденнаго 18 мая 1882 года. Составилъ В. С. Щербачевъ. Съ приложеніемъ 20 литогр. таблицъ рисунсовъ. Спб. 1884 г. Ц. 2 р. 25 коп., съ пер. 2 р. 50 к.

Уходъ за дѣтьми и выкармливаніе ихъ. Д-ра Якоби. Второе изданіе. Кіевъ 1884 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 коп.

Учебникъ физіологіи. Проф. М. Фостера. Переводъ съ англійскаго и дополненія проф. И. Р. Тарханова. Спб. 1882 г. цѣна за 2 тома 7 р. 50 коп. съ пер.

Ученіе объ удобреніи почвъ. Состав, свойства и употребленіе главнѣйшихъ удобрительныхъ веществъ. Средства для опре-

дѣленія истощенія почвы. Руководство для практическихъ хозяевъ. Составилъ П. Костычевъ. Спб. 1884 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Физіологическіе очерки. Естественная группировка жизненныхъ процессовъ.—Съ 13-ю рисунками. Сочиненіе И. Сѣченова. Спб. 1884 г. Ц. 1 р., съ пересылкой.

X. ЗАКОНОВѢДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

Главные моменты министерской дѣятельности Тюрго и ихъ значеніе. Сочиненіе Г. Е. Аѳанасьева. Одесса 1884 г. Ц 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Гражданское право древняго Рима. Лекціи Сергѣя Муромцева, профессора Московскаго Университета. М. 1883 г. Ц. 5 руб. съ пересылкою 5 р. 50 к.

☞ **Древній законъ и обычай.** Изслѣдованіе по исторіи древняго права Сэръ Генри Сомнеръ Мэнъ. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Максима Ковалевскаго. М. 1884 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 70 к.

Изслѣдованія народной жизни. Александры Ефименко. Выпускъ первый. Обычное право. — Бракъ. — Крестьянская женщина.—Семейные раздѣлы.—Трудовое начало.—Субъективизмъ въ обычномъ правѣ. —Землевладѣніе на Сѣверѣ. Москва 1884 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к.

☞ **Институтъ убѣжища у древнихъ евреевъ** въ связи съ уголовнымъ и государственными правами Моисея и Талмуда и сравнительно съ институтами убѣжищъ у древнихъ грековъ и римлянъ, въ средневѣковой и новой Европѣ. Историко-юридическое изслѣдованіе Н. М. Голубова. Спб. 1884 г. Выпускъ I. Ц 1. р 75 к., съ перес. 2 руб.

Исторія русскаго права. Д. Я. Самоквасова. Выпускъ II. Происхожденіе славянъ. Происхожденіе русскихъ славянъ. Варшава 1884 г. Ц. 1 р. 30 коп., съ пер. 1 р. 50 к.

Курсъ римскаго права. Проф. К. А. Митюкова. Выпускъ первый. Кіевъ. 1883 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Матеріалы для пересмотра законоположеній о порядкѣ производствъ предварительныхъ слѣдствій. Съ первымъ приложеніемъ—заключающимъ отчетъ Высочайше утвержденной въ 1869 году коммиссіи для изслѣдованія недостатковъ современнаго состоянія слѣдственной части. Изданіе министерства юстиціи. Спб. 1883 г. Цѣна книги съ прилож. 4 р., съ пер. 5 р.

Начала русскаго государственнаго права. Проф. А. Градовскаго. Т. III. Органы мѣстнаго управленія. Часть первая. Введеніе. Историческій очеркъ мѣстныхъ учрежденій въ Россіи. Учрежденія правительственныя и дворянскія. Спб. 1883 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер 2 р. 80 к.

Наше мѣстное управленіе и мѣстное представительство. К. Головина. Спб. 1884 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

О выдачѣ преступниковъ по началамъ международнаго права. Дмитрія Никольскаго. Спб. 1884 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

О происхожденіи и сущности вѣчно-чиншевого владѣнія. Л. В. Гантовера. Издано съ разрѣшенія г. министра юстиціи. Спб. 1884 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Опытъ Комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства К. Анненкова. Т. IV. 1) Рѣшеніе. 2) Способы его обжалованія. 3) Судебные сроки, и 4) Судебныя издержки. Спб. 1884 г. Ц. 4 р., съ пересылкою. Т. III. 1) Частныя производства. 2) Сокращенное, и 3) Исполнительное производство. Спб. 1882 г. Ц. 3 р. съ пер. т. II. О доказательствахъ. Спб. 1880 г. Ц. 3 р., съ пересылкою т. I. 1) Подсудность. 2) Общій порядокъ производства дѣлъ Спб. 1878 г. Ц. 3 р. съ пер.

По вопросу о мѣрахъ противъ пьянства. О. Н. Половникова. Спб. 1884 г. Ц. 30 к., съ пер. 45 коп.

Самоубійство въ западной европѣ и европейской Россіи. Опытъ сравнительно-статистическаго изслѣдованія А. В. Лихачева. Съ приложеніемъ I. Таблицъ. II. Писемъ и записокъ самоубійцъ. III. Картограммы самоубійствъ въ Западной Европѣ и Европейской Россіи. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

☞ **Систематическій сборникъ рѣшеній** гражданскаго кассаціоннаго департамента пр. сената за 1882 г. въ выпискахъ и извлеченіяхъ. Составилъ присяж. пов. П. И. Телепневъ т. I. Матеріальное право. Сарат. 1884 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Систематическій сводъ рѣшеній кассаціонныхъ департаментовъ сената. Съ приложеніемъ алфавитнаго и постатейнаго указателей. Составленъ А. Думашевскимъ. Т. I. 1866—1877 гг. Ц. 3 р. съ пер. 3 р. 50 к.—Т. II. 1866—1874. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к. Т. III. 1866 — 1875 г. Ц. 4 р, съ пер. 4 р. 50 к. Спб.

Систематическій сводъ рѣшеній гражд. кассац. департамента 1873 — 1880 гг. Съ приложеніемъ алфавитнаго указателя. Составилъ А. Б. Думашевскій. Въ двухъ томахъ. Спб. 1881 г. Цѣна за оба тома 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Современное международное право цивилизованныхъ народовъ. Проф. Ф. Мар-

тенса. Т. II. Спб. 1883 г. Ц. 3 р. 50 к. съ пер. 4 р. Ц. 1-го тома 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Судебные уставы Императора Александра II. Съ разъясненіями и комментаріями — законодательными мотивами, текстами изъ кассаціонной практики и циркулярами министра юстиціи. Съ разрѣшенія г. министра юстиціи. Составилъ С. Г. Щегловитовъ редакторъ Мин. Юст. Уставъ уголовнаго судопроизводства. Выпускъ 1. Общія положенія и производства въ мировыхъ установленіяхъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пересылкою. — Выпускъ II. Судебное слѣдствіе и предварительныя приготовленія къ суду. Спб. 1884 г. Ц. 1 р. съ пересылкою.

Уставъ гражданскаго судопроизводства съ комментаріями и разъясненіями. (Судебные уставы императора Александра II) Выпускъ первый I общія положенія (ст. 1—28). II производство въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ (ст. 29—201). Составилъ членъ варшавскаго окружнаго суда Л. П. Рошковскій. Спб. 1884 г. Ц. 75 к., съ пер.

Уставъ уголовнаго судопроизводства съ комментаріями и разъясненіями (судебные уставы императора Александра II) съ разрѣшенія министра юстиціи составилъ С. Г. Щегловитовъ, редакторъ д-та министерства юстиціи. Выпускъ третій. I судебное слѣдствіе (ст. 611—734). II заключительныя пренія (ст. 734—749). III постановка вопросовъ и приговоровъ, объявленіе ихъ, веденіе протоколовъ засѣданія и т. д. (ст. 750—852) Спб. 1884 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер.

Уставы о воинской повинности, дополненные всѣми позднѣйшими узаконеніями по 15 октября 1883 года съ разъясняющими ихъ извлеченіями изъ рѣшеній правительствующаго сената, циркуляровъ министерства внутреннихъ дѣлъ, главнаго штаба и другихъ правительственныхъ распоряженій. Составилъ С. Горяиновъ, членъ Спб. окр. суда. Спб. 1884 Ц. 4 руб., съ пер.

Уставъ торговый, т. XI, ч. 2-ая, Св. Зак., уставы ремесленный и фабричный, съ приложеніемъ устава о пошлинахъ за право торговли и проч. и разъясненіями по рѣшеніямъ гражданскаго кассаціоннаго, четвертаго д-товъ и общихъ собраній правительствующаго сената до послѣдняго времени. Составилъ Д. А. Носенко. Выпускъ I. Спб. 1884 г. Ц. 1 р. 50 к. съ перес.

Юридическая библіографія, издаваемая юридическимъ факультетомъ императорскаго С.-Петербургскаго университета. Годъ первый, 1884 г. № 1. Спб. Ц. 30 коп., съ пер. 45 коп.

XI. ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Мода на уродованіе, какъ она выражена въ обычаяхъ варварскихъ и цивилизованныхъ расъ. Соч. Уильяма Генри Флоуера. Съ рисунками. Спб. 1883 г. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.

О сбереженіи и возстановленіи голоса, для артистовъ и любителей искусства. Составилъ Д-ръ Фридрихъ Фиберъ. Перевелъ съ нѣмецкаго Д-ръ А. Кржижановскій. Кіевъ 1881 г. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

Про бѣлаго бычка. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ съ эпилогомъ. Сочиненіе А. Ф Ѳедотова. Спб. 1884 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Южно-Русскій орнаментъ. Собранный А. Лисенко, съ прибавленіемъ русскихъ узоровъ, въ фигурахъ, собранныхъ М. Хрущовой. 4-е значительно измѣненное изданіе И. А. Розова. Цѣна 2 руб. 50 коп., съ пер. 3 р.

XII. ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

Англійскій броненосный флотъ, составилъ П. Мордовинъ. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Англійскій небронеиосный флотъ, составилъ П. Мордовинъ. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Война въ Туркменіи. Н. П. Гродековъ. Походъ Скобелева въ 1880—1881 г.г. Томъ четвертый. Спб. 1884 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Законъ штормовъ, разсматриваемый въ связи съ обыкновенными движеніями атмосферы; сочиненіе профес. Дове, переводъ П. Мордовина. Спб. 1870 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Новѣйшіе англійскіе броненосцы, составилъ П. Мордовинъ. Спб. 1884 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Окраины Россіи. Военно-географическіе очерки М. Литвинова. I. Кавказъ. Изданіе 2-е, исправленное Спб. 1884 г. Ц. 75 к., съ пер. 95 к.

По поводу сравненій боевыхъ силъ англійскаго и французскаго флотовъ. Часть первая: Сравненіе небронеиосныхъ флотовъ Англіи и Франціи. Составилъ П. Мордовинъ. Спб. 1884 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Полевая фортификація. Проф. Ц. А. Кюи. 4-е дополненное изданіе. Спб. 1884 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 к.

Полевая служба по Новому уставу. Составилъ А. Пузыревскій. Изданіе 2-ое исправленное и дополненное. Спб. 1884 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Пониреніе туркменъ-текинцевъ русски-

ми войсками подъ начальствомъ генерала Скобелева въ 1880—81 гг. Составилъ Л. К. Артамоновъ. Съ портретомъ генерала Скобелева и рисунками. Спб. 1884 г. Ц. 30 к., съ пер. 45 к.

Примѣры изъ прошлой войны 1877—1878 годовъ. Разсказы о подвигахъ офицеровъ. Народное чтеніе. Составилъ Л. М. Чичаговъ. Спб. 1880 г. Ц. 30 к., съ пер. 45 к.

Французскій неброненосный флотъ, составилъ П. Мордовинъ. Спб. 1884 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Хивинскій походъ 1873 года. Дѣйствія кавказскихъ отрядовъ. Н. И. Гродекова. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.

XIII. ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНОЕ ДѢЛО.—ТЕХНОЛОГІЯ —СТРОИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО.

Дешевыя кровли для хлѣбныхъ скирдовъ, кирпичныхъ, торфяныхъ и табачныхъ сараевъ. К. И. Масляникова. Спб. 1884 г. Ц. 35 к., съ пер. 50 к.

☛ **Справочная книжка** по вѣдомству путей сообщенія и о путяхъ сообщенія водяныхъ, желѣзныхъ и шоссейныхъ. Обзоръ и указатель законодательныхъ и правительственныхъ узаконеній и постановленій по вѣдомству путей сообщенія и о путяхъ сообщенія и историко-статистическія свѣденія о путяхъ сообщенія. Составилъ Ѳ. Никольскій. Спб. 1884 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 40 к.

Теорія движенія по желѣзнымъ дорогамъ въ примѣненіи ея къ практикѣ. Сочиненіе инженеръ-барона Р. Гостковскаго съ 52-мя чертежами и одной таблицей въ текстѣ. Переводъ съ польскаго. Харьковъ 1884 г. Ц. за 2 тома 7 р. съ пер.

☛ **Технологія нефти.** Составилъ инженеръ-технологъ К. Тумскій. Заводская обработка нефти. Съ 84 политипажами и особымъ атласомъ. М. 1884 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Узко-колейныя желѣзныя дороги, какъ питательные и подъѣздные пути. Докладъ инженера К. Л. Мещиховскаго. Харьковъ. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

XIV. СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

☛ **Календарь для учителей** на 1884—1885 годъ. Составилъ Ф. Гельбке. Окр. Ис. Спб. Уч. Окр. Спб. 1884 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Необходимые совѣты ѣдущимъ за границу. Минеральныя воды, купанья, Парижъ, Вѣна и Берлинъ. Составилъ Н. Щуринъ. Спб. 1884 г. Ц. 50 к., съ пер. 70 к.

„Полный карманный путеводитель" для желѣзнодорожныхъ, пароходн. и почт. прямыхъ сообщеній, 1,200 маршрутовъ съ мая по ноябрь 1884 г. Спб. 1880 г. Ц. 40 к., съ пер. 55 коп.

Программы и правила для поступленія во всѣ классы мужскихъ гимназій и прогимназій Вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, для прохожденія курса гимназическаго и для испытаній зрѣлости. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Составилъ Н. Свѣшниковъ. Вятка 1884 г. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.

☛ **Путеводитель по Крыму.** Сост. Г. Караудовъ и М. Сосногорова. Изданіе четвертое, значительно пополненное и улучшенное, съ приложеніемъ двухъ картъ, пяти рисунковъ и проч. Одесса 1883 г. Ц. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 50 коп.

Разсчетная книжка, или таблицы, показывающія: а) плату за вещи, б) заработокъ поденныхъ рабочихъ, в) разсчетъ служащимъ. Составилъ С. А. Каценеленбогенъ. Спб. 1884 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

☛ **Руководство къ приготовленію фруктовыхъ винъ** и добываніе сахара-патоки изъ арбузовъ хозяйственнымъ способомъ. Съ 8-ю таблицами рисунковъ. Составилъ Г. С. Игнатовичъ. М. 1884 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 60 к.

Секреты и рецепты какъ приготовлять настоящія кіевскія и московскія сахарныя, медовыя, сиропныя и сухія варенья. Десятилѣтніе опыты и наблюденія кіевской вареньеварицы Ефросиньи Наненко. Москва 1881 г. Ц. 1 р. съ пер.

☛ **Справочно-памятная книжка-календарь для охотниковъ** на 1884—85 гг. Составилъ В. Лаврентьевъ. Спб. 1884 г. Ц. 1 руб. 60 коп., съ пер. 1 р. 85 к. въ пер. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Справочная книжка по операціямъ государственнаго банка, его конторъ и отдѣленій. Спб. 1884 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

☛ **Товарищъ.** Календарь для учащихся на 1884—1885 годъ. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

BULLETIN LITTÉRAIRE

de la librairie de CHARLES RICKER

St.-Pétersbourg, Perspective de Newsky № 14,

Nouveautés du 15 Juin 1884.

RABEAU, A., La ville sous l'ancien régime 2 vols. 4 r.

BEAUQUIER, Ch., La Musique et le Drame. Étude d'esthétique. 1 r. 75 k.

BIRD, I. Der goldene Chersones. Uebersetzt von Helms. Mit Karte und Illustrationen 4 r. 50 k.

BUCH DER ERFINDUNGEN, Gewerbe und Industrien Pracht-Aubgb. herausgegeben v. Prof. F. Reubanp. 8-te Aufl. Bnd. I. 4 r. 80 k.

CHAILLEY, M. G., L'Impot sur le Revenu. Législation comparée et économie politique. 4 r.

COMBE, T., Fiancés. Deux Nouvelles. Iob le Mège—Tante Judith. 1 r. 75 k.

DAHN, Felip und Therese., Walhall. Germanische Götter-und Heldensagen. Mit mehr als 50 Bildertafeln von J. Gehrts. emplt in 6—8 Lfgen à 60 k. 1 Lfg.

DENKMÄLER DES KLASSISCHEN ALTERTHUMS. Zur Erläuterung des Lebens der Griechen und Römer in Religion Kunst und Sitte. Lepikalisch bearbeitet. Herausgegeben v. A. Baumeister, in ca 40 Lfgen. mit 1400—1500 Abbild. Preis der Lfg. 60 k.

DRYGALSKI, A. v., Die Russische Armen in Krieg und Frieden nach den neuesten Reorganisations - Bestimmungen und anderen Quellen dargestellt. 2 r. 40 k.

ECKSTEIN, E., Eingeschneit. Novelle. (Salon Bibliotek). 1 r. 50 k.

EDLER, K., Wilfrid. Eine Geschichte aus dem deutschen Mittelalter. 2 Aufl. 3 r.

FETZER, Pfilosopfische Leitbegriffe. 2 r. 40 k.

FISCHER, J. Das Terrarium, seine Bevelkerung und Bepflengung. Mit 40 Holzschnitten. 6 r.

FÖRSTER, O. Das erste Schuljahr. Theoretisch-prakt. Lehrb. für Lehrer und Lehrerinnen. 1 r. 50 k.

GERMAIN, F., Dictionnaire du Budjet. Exercices 1881, 1882, 1883, 1884. 5 r.

HENSE, D-r. G., Shakespeare. Untersuchungen & Studien. 4 r. 80 k.

HOSPITALIER, E., Les principales applications de l'électricité. 6 r.

KÖEBER, R., Das pfilosopfische System Eduard v. Hartmann's. 5 r. 40 r.

KOENIG, F., Die Hauptprobleme der altisraelitischen Religionsgeschichte gegenüber den Entwickelungs theoretikere. 1 r. 45 k.

LANG, P. Mathildis von Hohenburg. Eine Geschichte aus der Hohenstaufenzeit. 2 r. 10 k.

LENAU'S WERKE. Illustrirte Prachtausgabe. Herausgegeben von Heinrfch Laube. implt. in e. 38 Lfge. à 30 kop. 1 Lfg.

LIPPERT, J., Die Geschichte der Familie. 3 r. 60 k.

MARRYAL, F., Deux amours. Roman, traduit de l'Anglais avec l'autorisation de l'auteur par Labouchère. I-II. 1 r. 25 k.

MASSON, T., Journal inédit de Jean-Baptiste Colbert. Marquis de Torcy pendant les années 1709, 1710 et 1711. 4 r.

MEYER, Carl, Der Aberglaube des Mittelalters und der nächstfolgenden Jahrhunderte. 3 r. 85 k.

MILDE, S. I., Die Musik im Lichte der Poesie. Dichterwarte aus der Weltlitteratur. 3 r.

ORIENTREISE, Eine beschrieben vam Kronprinzen Rudolf von Oesterreich. Illustrirt nach Original-Zeichnungen von Franz von Pausinger. Mit 37 Radirungen u. 100 Holzschnitten in 4 geb. 48 r.

PALEBKE, E., Die Kunst des Vortrages. 2 r. 40 k.

PLOSS, H. Das Weib iu der Natur-und Völkerkunde emplt. in 8 Lfgen. à 1 r. 20 k. 1 Lfg.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Коммиссіонеровъ Императорскаго Русск. Музык. Общества

І. ЮРГЕНСОНА, П. ЮРГЕНСОНА,

С.-Петербургъ, Большая Морская, № 9 (на углу Невскаго проспекта).

Москва, Неглинный проѣздъ, № 10 (на углу Кузнецкаго моста).

поступило въ продажу

НОВОЕ ДЕШЕВОЕ ИЗДАНІЕ КЛАССИЧЕСКОЙ МУЗЫКИ:

ШКОЛЫ И УЧЕБНИКИ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО: Бейеръ, первоначальная школа для дѣтей самаго нѣжнаго возраста, на русскомъ и французскомъ языкахъ (2 р.). Тоже на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ (3 р.). **Брассеръ и Іоттп.** „Сокровище для матерей семействъ“. Элементарная школа для фортепіано, одобренная гг. Гензельтомъ, Рубинштейномъ, Лешетицкимъ, Герке и др. На русскомъ и французскомъ языкахъ. 11-е изданіе (5 р., съ перес. 6 р.). Приложеніе къ „Сокровищу“. Необходимое дополненіе или часть 2-я элементарной школы (4 р., съ пер. 5 р.). **Бургмиллеръ**, первоначальная школа для юныхъ піанистовъ (2 р.). **Виллуанъ**, школа для фортепіано, принятая въ консерваторіяхъ. 3-е изданіе (4 р.). **Вольфартъ**, школа для фортепіано. Переводъ съ новѣйшаго нѣмецкаго изданія, съ прибавленіемъ новыхъ пьесъ въ 2 и 4 руки (2 р.). **Гюнтенъ**, полная школа для фортепіано, пересмотрѣнная и дополненная 20 новыми пьесами А. Дебюкомъ, профессоромъ московск. консерваторіи, 33-е изданіе (2 р. 50 к.). **Лебертъ и Штаркъ**, теоретическая и практическая школа. Часть 1-я (переводъ съ 8-го нѣмецкаго изданія на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ) (4 р.).

ЭТЮДЫ И УПРАЖНЕНІЯ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО: Berens, Nouvelles études de la vélocité en 40 exercices. 4 тетр. (по 60 к.). Etudes enfantines op. 79 (1 р. 5 к.). **Bertini**, 25 Etudes faciles op. 100 Liv. 1—2 (по 50 к.). 12 petits morceaux precédés chacun d'un prélude. Cah. 1—2 (по 40 к.). 25 études à 4 mains. Liv. 1—2 (по 1 р.). 48 этюдовъ, назначенныхъ для учениковъ, готовящихся къ знаменитымъ этюдамъ Крамера 2 тетр. (по 1 р.). **Brunner**, 50 petites études sans octaves (1 р. 30 к.). **Burgmüller**, op. 100.—25 études faciles et progressives pour les petites mains (1 р. 30 к.). Etudes brillantes et mélodiques op. 105 (1 р. 30 к.). 20 études de genre, faisant suite aux Etudes faciles op. 100 (1 р. 30 к.). **Clementi**, Gradus ad parnassum. Etudes choisies, revues et doigtées par Ch. Tausig (2 р.). **Крамеръ**, этюды въ разныхъ тонахъ для облегченія учениковъ, желающихъ изучить фортепіанную игру основательно: 4 тетр. (по 1 р.). **Крамеръ**. 50 избранныхъ этюдовъ съ аппликатурою и объясненіями г. фонъ-Бюллова (3 р.). Тоже въ 4 тетр. (по 1 р.). **Czerny**, 100 Etudes progressives 4 тетр. (по 50 к.). Etude de la vélocité en 40. Exercices. op. 299 (3 р.). Тоже въ 4 тетр (по 75 к.). Exercices journaliers op. 367 (1 р. 50 к.) „Die Vorschule der Fingerfertigkeit“. 24 коротенькихъ прогрессивныхъ упражненій 3 тетр. (по 60 к.). „Die Kunst der Fingerfertigkeit“ (L'art de délier les doigts). 50 этюдовъ въ блестящемъ стилѣ для высшаго усовершенствованія піанистовъ (3 р. 30 к.). Тоже въ 6 тетр. (по 90 к.). „Les heures du matin“. 160 восьмитактныхъ упражненій для успѣшнаго изученія нужнѣйшихъ фигуръ и пассажей (2 р. 50 к.). Тоже въ 4 тетр. (по 75 к.). Erster Clavierunterricht in 100 Erholungen тетр. I (60 к.) **Дюбюкъ**, техника фортепіанной игры. 3-е изданіе (2 р.). **Duvernoy**, école du mécanisme. 15 études pour précéder celles de la vélocité de Czerny (1 р. 20 к.). Тоже съ дополненіями и измѣненіями Вебера (1 р. 20 к.) „Ecole du Style“ 12 etudes (1 р. 20 к.). „Ecole primaire“ 25 études faciles (1 р.).

На пересылку прилагается особо и взимается съ общаго вѣса посылки. Требованія Гг. иногородныхъ исполняются съ первоотходящею почтою. Каталоги дешевымъ изданіямъ высылаются безплатно. Въ этихъ же магазинахъ можно получить всѣ музыкальныя произведенія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены.

AP
50
V5
g.19
kn.8

Vîestnik Evropy

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY